ISSN 2072-2087

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

№ 1 (31)

2017

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ISSN 2072-2087

The Bryansk State University Herald

№ 1 (31)

2017

**HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/
SCIENCE OF LITERATURE / LINGUISTICS/
PEDAGOGICAL SCIENCE**

ISSN 2072-2087

№1(31) 2017
Научный рецензируемый журнал
Март

ВЕСТНИК
БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58
В 38

Вестник Брянского государственного университета. №1 (31) 2017: исторические науки и археология/ литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. Брянск: РИО БГУ, 2017. 400с.

Председатель редакционной коллегии:
Антюхов Андрей Викторович **-** ректор, доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Главный редактор журнала:
Степченко Татьяна Александровна **-** доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности и международным связям, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь:
Мельников Игорь Владимирович **-** кандидат биологических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Асташова Надежда Александровна - доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (отв. редактор по направлению «Педагогические науки»);

Биккулова Ирина Анатольевна - кандидат филологических наук, профессор, декан филологического факультета, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Блуменау С.Ф.
ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К КОРОЛЕВСКИМ МИНИСТРАМ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА 11
Бобрышев Г.О.
ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ НИЖНИХ ЧИНОВ МАНЬЧЖУРСКИХ АРМИЙ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ЦЕНЫ В РЕГИОНЕ КОНФЛИКТА (1904-1905 гг.)..... 16
Буляк Н.Н.
РЕФОРМА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)..... 24
Вторушин М.И.
КРИЗИС АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв..... 30
Денисов С.И.
СТАНОВЛЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ ОТ ПАДЕНИЯ МОНАРХИИ ДО ПРИНЯТИЯ ВЕЙМАРСКОЙ КОНСТИТУЦИИ.... 38
Колмаков М.А.
ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ 1720-1740 ГОДОВ В ВЫСШИХ ЭШЕЛОНАХ ВЛАСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ..... 45
Коняев Р.В.
ФОРМИРОВАНИЕ МАРШЕВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ИЗ ЗАПАСНЫХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ..... 52
Кошелев В.Е.
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДУХОВЕНСТВА И ПРИХОЖАН В ОРЛОВСКО-СЕВСКОЙ ЕПАРХИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 60
Печалова А.И.
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» И ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО 67
Райнхардт Р. О., Маслова Е. А.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ..... 72
Ранчинский В.П.
«ХИЗБ АТ-ТАХРИР» (ПАРТИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ): СОЗДАНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ..... 77
Роленков А.Г.
Ж. ФУШЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР В ЛИОНЕ (ОСЕНЬ 1793 – ВЕСНА 1794 гг.) 86
Сагимбаев А.В.
ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДОГОВОРНОЙ МОДЕЛИ АНГЛО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГОДОВ 95
Середа М.А.
ПОСТКОНФЛИКТНЫЙ ПЕРИОД В КОЛУМБИИ..... 99
Соловьев Р.А.
ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ КАДРОВ В ХОДЕ РЕФОРМЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР 1953-1964 гг..... 105
Тинякова Е.А.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЧЕРТ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ) 114

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям и группам научных специальностей: 07.00.00 – исторические науки и археология; 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание; 13.00.00 – педагогический науки.

Блох Марк Яковлевич - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой грамматики английского языка, Московский педагогический государственный университет;

Блуменау Семен Федорович - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Богуславский Михаил Викторович - доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией, Институт теории и истории педагогики Российской академии образования;

Василенко Анатолий Петрович - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Гехтляр Светлана Яковлевна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Грибанова Лилия Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Демидова Тамара Евгеньевна - доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики начального общего и музыкального образования, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Джамбов Иван - доктор исторических наук, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского (Болгария);

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Евтеев Сергей Валентинович - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой немецкого языка, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ;

Курпниеце Розанна Оскаровна - доктор филологических наук, доцент, доцент отделения русистики и славистики, Латвийский университет (Латвия);

Ланин Борис Александрович - доктор филологических наук, профессор, зав. лабораторией литературы, Институт содержания и методов обучения Российской академии образования;

Федин А.В.
ИСТОЧНИКИ И РАННЯЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИЕЗУИТСКОЙ МИССИИ В НОВОЙ ФРАНЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. 119
Федосов А.В., Шинаков Е.А.
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ В IX - XII ВВ. В РАБОТАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ 128
Фролова И.Б.
СОЮЗ АРАБСКОГО МАГРИБА: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ 136
Черниловский А.А.
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НА МАТЕРИАЛЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В РОССИИ 142
Шестопалов П.И.
НАСТРОЕНИЯ ОФИЦЕРОВ 1-Й ГВАРДЕЙСКОЙ «ПЕТРОВСКОЙ» БРИГАДЫ МЕЖДУ ФЕВРАЛЕМ И ОКТЯБРЕМ 1917 ГОДА 148
Ютяева И.Р.
НАРКОТРАФИК КАК ОСНОВНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ ПРОЦЕССУ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА В ГВИНЕЕ-БИСАУ 153

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бабушкина И.Е.
О ВЛИЯНИИ РУССКОЙ КЛАССИКИ XIX ВЕКА НА АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА 158
Жидиханова К.А.
СОНЕТЫ К.Д. БАЛЬМОНТА 175
Кирсанов М.А.
ДЕКЛАМАЦИОННЫЙ ТИП ЛИРИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА 180
Кравченко Е.В.
РУССКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ПОЛЕ РОМАНОВ А. Ф. ПИСЕМСКОГО 185
Курган М.Г.
ПОВЕСТЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ДВОЙНИК» В ИТАЛЬЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ 192
Печёнкина О.Ю.
РОМАН А.К. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ»: ОБРАЗ СЛАВЯНСКОГО МИРА ЧЕРЕЗ СТРУКТУРУ ПРОСТРАНСТВА (РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ) 201
Родимкина В.С.
ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТА В ПОВЕСТИ АНАТОЛИЯ ГЛАДИЛИНА «ХРОНИКА ВРЕМЕН ВИКТОРА ПОДГУРСКОГО» 207
Сай На
МОТИВ «СМЕРТИ» В «СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ» И.С.ТУРГЕНЕВА И ЛИ НИ 211
Старцева И.Л., Хасанова Г.Ф.
ТИП «КОМНАТНОГО ЧЕЛОВЕКА» В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ КОНЦА 1950-Х – СЕРЕДИНЫ 1980-Х ГОДОВ 216
Струкова Т.В.
ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ ЛИТЕРАТУРНЫХ СТИХОТВОРНЫХ ЗАГАДОК, ОПУБЛИКОВАННЫХ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «И ТО, И СЕ» 221
Уставщикова В.А.
РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА Г. УЭЛЛСА «ОСТРОВ ДОКТОРА МОРО» В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ЛАГИНА 225
Швецова Т.В.
ПОСТУПОК ГЕРОЯ-ПРАВЕДНИКА В ЦИКЛЕ Н.С. ЛЕСКОВА 230
Шохина Е.В.
ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ВЕСЕННИХ ТЕКСТАХ ПОЭТОВ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ 235

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Амелина Л.В.
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ПАРАДИГМА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОРНИТОНИМЫ» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ 241
Артемова О.А.
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙКСИСА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ 247

Микрут Лешек - доктор филологических наук, университет им. Марии Складовской-Кюри (Польша);

Михальченко Сергей Иванович - доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (отв. редактор по направлению «Исторические науки и археология»);

Ретивых Михаил Васильевич - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики профессионально-технологического образования, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Россихина Галина Николаевна - кандидат филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (отв. редактор по направлению «Языкознание»);

Чугунова Светлана Александровна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Шаравин Андрей Владимирович - доктор филологических наук, профессор, заместитель директора института филологии, истории и мировой политики по научной деятельности, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (отв. редактор по направлению «Литературоведение»);

Ядвиршис Людмила Анатольевна - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и социального образования, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.
Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России»: 40705 годовая

Вороничева А.О.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕТАФОРЫ-ЗАГЛАВИЯ И СТРУКТУРЫ РОМАНА А.С. ГРИНА «БЛИСТАЮЩИЙ МИР» 252
Гехтляр С.Я.
ИНТЕРТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ 257
Евтеев С.В.
ПЕРЕВОД: ЭКВИВАЛЕНТНО - НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНО, И АДЕКВАТНО - НАСКОЛЬКО НУЖНО 262
Евтушенко О.А.
КАТЕГОРИЯ ВЛАСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ 268
Золотухин Д.С.
«СЛОВО КАК ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА НЕСТАБИЛЬНОСТИ В НАУКЕ О СЛОВАХ». ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ Ф. ДЕ СОССЮРА 274
Иевлева И.Ю.
ОБРАЗНЫЙ МИР АВТОРСКИХ ОТСТУПЛЕНИЙ В РОМАНЕ С. МОЭМА «ЛУНА И ГРОШ» 280
Калинин С.М.
АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К УЛУЧШЕНИЮ ТОЧНОСТИ НЕЙРОННОГО МАШИННОГО ПЕРЕВОДА 284
Кирьянов В.А.
ДВОЙНОЕ ОТРИЦАНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ 288
Кудрявцева П.Б.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РИТОРА В ЭПИДЕЙКТИЧЕСКОЙ РЕЧИ 292
Латышев Л.К., Северова Н.Ю.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА 297
Левчук Л.К.
КОНЦЕПТЫ ПРАВА, СВОБОДЫ, ОБЯЗАННОСТИ, ДОЛГА И ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КОНСТИТУЦИЯХ 302
Леденева С.Н.
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА 306
Попова В.Л., Маркова Т.А.
ПРОБЛЕМА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРЕДАЧИ РУССКОКУЛЬТУРНЫХ ЭРГОНИМОВ-КСЕНОНИМОВ 313
Попова Т.А.
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ПОГОДА» В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ 318
Прима А.М., Бурдун Н.В.
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИКА В МЕДИАДИСКУРСЕ 325
Хачак Ф.Д.
ПЕРЕХОД ОТ ЕСТЕСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА К ИСКУССТВЕННОМУ КАК УСЛОВИЕ АДАПТАЦИИ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ МИРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РАМАЗАНА ТРАХО) 329
Швелидзе Н.Б.
О ЧАСТОТНОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОВЕДЕНИЯ 334
Юртаева Т.С.
СТИЛЬ И ПАФОС В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (ВЫСТУПЛЕНИЕ Н. Я. МАРРА В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 9 ИЮНЯ 1920 ГОДА) 340

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лапина О.А., Ильясова И.С., Чехова М.А.
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА 345
Мажар Е.Н.
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ 349
Резниченко С.А., Калайдов А.Н., Подкосов С.В.
К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АКАДЕМИИ ГПС МЧС РОССИИ 357

Ретивых М.В., Матяш Н.В., Воронин А.М.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ И ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ 361
Скамьянова Т.Ю.
АДАПТАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА СТУДЕНТОВ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ 368
Слепцова Л.А., Клименко М.В.
СИСТЕМА МОБИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ 375
Сычёва О.А.
ВЛИЯНИЕ СОЦИОПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ..... 380
Удалова А.А.
СИСТЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ЖИВОПИСНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ДИЗАЙНЕРОВ..... 384
Умалатов Т.Н.
О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА «КРАСОТА БОЖЬЕГО МИРА»)..... 388
Ядвиршис Л.А.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ У ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ... 395

Vol.1 – No.31
Scientific peer-reviewed journal
March

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational Institutional of Higher Educational «Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald. № 1 (31) 2017: historical sciences and archaeology/ science of literature / linguistics/ pedagogical science. Bryansk: RIO BSU, 2017. 400p.

Chairman of editorial board:
Antyukhov Andrey Viktorovich - Rector, Doctor of Philological Sciences, Professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Chief editor:
Stepchenko Tatyana Alexandrovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice rector for research activity and international relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Executive secretary:
Melnikov Igor Vladimirovich - Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, chief of publishing department, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Editorial board:
Artamoshin S.V. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the History and International Relations faculty, BSU (research area: historical sciences and archaeology);

Astashova N.A. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogy department, BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);

Bikkulova I.A. - Candidate of Philological Sciences, Professor, Dean of the Philology faculty, BSU (research area: science of literature);

Bloch M. Ya. - Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of English Grammar department, MPSU (research area: linguistics);

Blumenau S.F. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the department of General History, International Relations and International Law, BSU (research area: historical sciences and archaeology);

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Blumenau S.F.
ATTITUDE OF SOCIETY THE KING`S MINISTERS BEFORE AND AT THE BEGINNING OF THE FRENCH REVOLUTION OF THE 18TH CENTURY 11
Bobryshev G.O.
ALLOWANCE LOWER RANKS OF THE MANCHURIAN ARMIES AND THE CONSUMER PRICES IN THE REGION OF CONFLICT DURING (1904-1905).. 16
Bulyak N.N.
REFORM OF 19 FEBRUARY 1861, IN THE PROVINCE OF OREL (ON THE BASED ON THE WORKS OF DOMESTIC RESEARCHERS)..... 24
Vtorushin M. I.
THE CRISIS OF AGRARIA RELATIONS IN SIBERIA IN THE XIX–XX CENTURIES..... 30
Denisov S.I.
FORMATION OF EMERGENCY LAW IN GERMANY FROM THE FALL OF THE MONARCHY BEFORE THE ADOPTION OF THE WEIMAR CONSTITUTION 38
Kolmakov M.A.
THE PHENOMENON OF CORRUPTION 1720-1740 OF THE XVIII CENTURY THE UPPER ECHELONS OF THE UK AUTHORITIES 45
Konyaev R.V.
FORMATION OF MARCHING UNITS FROM PERSONNEL DEPOTS OF OMSK MILITARY DISTRICT DURING THE FIRST WORLD WAR 52
Koshelev V. E.
THE RELATIONSHIP OF CLERGY AND PARISHIONERS IN THE OREL-SEVSKIY APACHIE THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY..... 60
Pechalova A.I.
NEW CHALLENGES TO INTERNATIONAL RELATIONS AFTER THE END OF THE COLD WAR AND THE EXPERT COMMUNITY..... 67
Raynkhardt R.O., Maslova E.A.
ITALIAN STATE POLICY IN SCIENCE AND EDUCATION..... 72
Ranchinskiy V.P.
"HIZB AT-TAHRIR" (PARTY OF LIBERATION): THE FORMATION AND IDEOLOGY AT THE STAGE OF ESTABLISHMENT 77
Rolenkov A.G.
J. FOUCHÉ AND A REVOLUTIONARY TERROR IN LYON (AUTUMN 1793 - SPRING 1794) 86
Sagimbaev A.V.
THE COMPLETION OF THE CONTRACTUAL MODEL OF ANGLO-EGYPTIAN RELATIONS IN THE MID-1930 S..... 95
Sereda M.A.
POST-CONFLICT PERIOD IN COLOMBIA..... 99
Solovyev R.A.
CHANGES TO THE SYSTEM OF MILITARY TRAINING IN THE REFORM OF THE ARMED FORCES OF THE USSR 1953-1964..... 105
Tinyakova E.A.
HISTORICAL DEPENDENCE OF RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE (ON THE MATERIALS OF KURSK GUBERNIA)..... 114
Fedin A. V.
SOURCES AND EARLY HISTORIOGRAPHY OF JESUIT MISSION IN FIRST HALF 17th-CENTURY NEW FRANCE..... 119

The journal is included into the List of the leading reviewed scientific journals in which the main scientific results of theses on a competition of academic degrees of the doctor and candidate of science on the following branches and groups of scientific specialties have to be published: 07.00.00 – historical sciences and archeology; 10.01.00 – science of literature; 10.02.00 – linguistics; 13.00.00 – pedagogical sciences.

Boguslavsky M.V. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the laboratory, Institute of the theory and history of pedagogics of RAE (research area: pedagogical science);

Vasilenko A.P. **-** Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the French Language department, BSU (research area: linguistics);

Gekhtlyar S. Ya. - Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of Department of Russian, foreign literatures and journalism, BSU (research area: linguistics);

Gribanova L.V. - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language, BSU (research area: linguistics);

Demidova T.E. **-** Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the department of theoretical studies in methodology of primary and musical education, BSU (research area: pedagogical science);

Dzhambov I. - Doctor of Historical Sciences, Plovdiv university of Paisiya Hilendarsky, Bulgaria (research area: historical sciences and archaeology);

Dubrovsky A.M. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of General History, International Relations and International Law, BSU (research area: historical sciences and archaeology);

Evteev S.V. - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the department of German Language, MGIMO (research area: linguistics);

Kurpniyetsa R.O. - Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Rusistiki and Slavic philology, Latvian university, Latvia (research area: linguistics);

Lanin B.A. - Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the laboratory of literature, Institute of contents and methods of training of RAE (research area: science of literature);

Mikrut L. - Doctor of Philological Sciences, University of Maria Skladovsky-Curie, Lublin, Poland (research area: science of literature);

Mikhalchenko S.I. - Doctor of Historical Sciences, Professor, director of research institute of basic and applied researches, BSU (research area: historical sciences and archaeology, Subject Expert with the Editorial Board);

Fedosov A.V., Shinakov E.A.
THE EMERGENCE AND FORMATION OF THE ANCIET RUS' IN THE NINTH - TWELFTH CENTURIES IN THE WORKS OF THE ANGLO- AMERICAN SCHOLARS 128
Frolova I.B.
ARAB MAGHREB UNION: CHALLENGES, PROBLEMS, PROSPECTS..... 136
Chernilovsky A.A.
THE CONCEPT OF A FUTURE WORLD WAR IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY ON THE MATERIAL OF THE FOREIGN MILITARY THEORETICAL WORKS PUBLISHED IN RUSSIA 142
Shestopalov P.I.
THE MOOD OF THE OFFICERS OF THE 1ST GUARDS "PETROVSKAYA" BRIGADE BETWEEN FEBRUARY AND OCTOBER 1917 148
Iutiaeva I.R.
DRUGS TRAFFICKING AS THE MAIN OBSTACLE TO PEACEBUILDING IN GUINEA BISSAU 153

SCIENCE OF LITERATURE

Babushkina I.E.
ABOUT INFLUENCE OF THE RUSSIAN CLASSICS OF THE XIX CENTURY ON THE AMERICAN WRITERS OF THE XX CENTURY..... 158
Zhidikhanova K.A.
K.D. BALMONT`S SONNETS 175
Kirsanov M. A.
DECLAMATORY TYPE OF LYRICS IN M. YU. LERMONTOV'S CREATIVE WORKS 180
Kravchenko E.V.
RUSSIAN AND FOREIGN WRITERS IN PISEMSKIY'S NOVELS INTERTEXTUAL FIELD..... 185
Kurgan M.G.
"THE DOUBLE" OF F.M. DOSTOEVSKY IN ITALIAN TRANSLATION..... 192
Pechenkina O. Yu.
A NOVEL OF A.K. TOLSTOY "PRINCE SEREBRENNI": AN ASPECT OF SLAVIC WORLD ACROSS THE STRUCTURE OF SPACE 201
Rodimkina V.S.
THE TYPOLOGY OF THE CONFLICT IN THE STORY OF ANATOLY GLADILINA "CHRONICLE OF VICTOR PODGURSKY" 207
Sai Na
THE MOTIF OF "DEATH" IN "POEMS IN PROSE" BY I.S. TURGENEV AND LI NI 211
Startseva I.L, Khasanova G.F.
"ROOM MAN" TYPE IN THE MILITARY PROSE OF THE END OF THE 1950s - THE MID-1980s 216
Strukova T.V.
FOLKLORE ORIGINS OF LITERARY VERSE RIDDLES AT THE PAGES OF THE MAGAZING «I TO, I SYO»..... 221
Ustavschikova V.A.
RECEPTION OF H. G. WELLS'S NOVEL «THE ISLAND OF DOCTOR MOREAU» IN THE WORKS OF L. LAGIN..... 225
Shvetsova T. V.
THE DEED OF A RIGHTEOUS PERSON IN THE CYCLE BY N.S. LESKOV..... 230
Shokhina E.V.
FLORAL MOTIVES IN *SPRING* TEXTS OF PUSHKIN'S TIME'S POETS..... 235

LINGUISTICS

Amelina L.V.
THE FUNCTIONAL AND STYLISTIC PARADIGM OF THE TOPICAL GROUP «ORNITHONYMS» IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES 241
Artiomava O.A.
THE FUNCTIONAL-SEMANTIC INTERPRETATION OF DEIXIS IN THE BELARUSIAN AND THE ENGLISH LANGUAGES..... 247
Voronicheva A.O.
INTERACTION OF METAPHOR OF THE TITLE AND STRUCTURE OF THE NOVEL "THE SHINING WORLD" BY A.S. GRIN 252
Gehtljar S.Ya.
INTERTEXT AS A SOURCE OF SOCIO-CULTURAL COMPONENT OF BACKGROUND KNOWLEDGE 257

Retivykh M.V. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of department of the theory and technique of professional and technological education, BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);

Rossikhina G.N. - Candidate of Philological Sciences, Professor, Dean of the faculty of Foreign Languages, BSU (research area: linguistics, Subject Expert with the Editorial Board);

Chugunova S.A. - Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of department of the theory of English and theory of translation, BSU (research area: linguistics);

Sharavin A.V. - Doctor of Philological Sciences, Professor, deputy director of an institute of philology, history and world politics for scientific activity, BSU (research area: science of literature, Subject Expert with the Editorial Board);

Yadvirshis L.A. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of department of pedagogics and social education, BSU (research area: pedagogical science).

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

Index 40705 of general catalog «Press of Russia»

Evteev S. V.
TRANSLATION: EQUIVALENCY AS POSSIBLE, ADEQUACY AS NEEDED ... 262
Evtushenko O.A.
CATEGORY OF POWER IN THE ADMINISTRATIVE DISCOURSE ... 268
Zolotukhin D.S.
«THE WORD AS A MAIN DISTURBER OF THE SCIENCE OF WORDS». EVOLUTION FACTORS OF F. DE SAUSSURE'S TERMS ... 274
Iyevleva I. Yu.
THE WORLD OF IMAGES WITHIN THE AUTHOR' DIGRESSIONS IN THE NOVEL "THE MOON AND SIXPENCE" BY W. S. MAUGHAM ... 280
Kalinin S.M.
TOPICAL APPROACHES TO THE IMPROVEMENT OF NEURAL MACHINE TRANSLATION ... 284
Kiryanov V.A.
DOUBLE NEGATION IN THE SIMPLE ENGLISH SENTENCE ... 288
Kudryavtseva P. B.
KEY WORDS AS AN INSTRUMENT OF CREATING THE IMAGE OF THE RHETOR IN THE EPIDEICTIC SPEECH ... 292
Latyshev L.K., Severova N.J.
MODERN PROBLEMS OF GENERAL TRANSLATION THEORY ... 297
Levchuk L. K.
CONCEPTS OF RIGHT, LIBERTY, DUTY AND PERSON IN RUSSIAN AND AMERICAN CONSTITUTIONS ... 302
Ledeneva S.N.
FUNCTIONAL AND PRAGMATIC PROPERTIES OF ADVERTISING DISCOURSE VERBAL MEANS ... 306
Popova V.L., Markova T.A.
THE PROBLEM OF RENDERING RUSSIAN ERGONYMS INTO ENGLISH ... 313
Popova T.A.
REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL SPHERE "WEATHER" IN THE ENGLISH PHRASEOLOGY ... 318
Prima A.M., Burdun N.V.
PHRASEOLOGICAL UNITS AS A TOOL FOR FORMING THE IMAGE OF A POLITICIAN IN THE MEDIA DISCOURSE ... 325
Khachak F.D.
THE TRANSITION FROM NATURAL TO ARTIFICIAL BILINGUALISM AS A CONDITION OF ADAPTATION TO A MULTILINGUAL WORLD (ON A MATERIAL OF TEXTS OF RAMASAN TRAHO) ... 329
Shvelidze N.B.
FREQUENCY OF VERBAL PHRASEOLOGY UNITS WITH THE MEANING OF BEHAVIOUR ... 334
Yurtaeva T. S.
STYLE AND PATHOS IN SCIENTIFIC DISCOURSE (ON THE BASIS OF SPEECHES N. JA. MARR IN THE RUSSIAN ACADEMY OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE, 9 JUNE 1920) ... 340

PEDAGOGICAL SCIENCES

Lapina O.A., Ilyasova I.S., Chekhova M.A.
SOCIAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF ECOLOGICAL COMPETENCE OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION ... 345
Mazhar E.N.
PEDAGOGICAL CONCEPTION FOR PRACTICE-ORIENTED MODEL IMPLEMENTATION IN TRAINING STUDENTS MAJORING IN LINGUISTICS FOR CROSS-CULTURAL INTERACTION ... 349
Reznichenko S.A., Kalaidov A.N., Podkosov S.V.
THE QUESTION OF THE QUALITY OF EDUCATIONAL ACTIVITIES AT THE ACADEMY OF STATE FIRE SERVICE OF EMERCOM OF RUSSIA ... 357
Retiviykh M.V., Matyash N. V., Voronin A.M.
ACTUAL PROBLEMS OF TECHNOLOGICAL EDUCATION OF SCHOOL STUDENTS AND TRAINING OF TEACHERS OF TECHNOLOGY ... 361
Skamyanova T.Yu.
ADAPTATIONAL SUPPORT OF LEARNING PROCESS OF STUDENTS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS ... 368
Sleptsova L.A., Klimenko M.V.
M-LEARNING SYSTEM IN LANGUAGE TRAINING OF UNIVERSITY STUDENTS ... 375

Sycheva O.A.
INFLUENCE OF THE DEGREE OF USE OF SOCIALLY NATURAL ENVIRONMENT IN EDUCATIONAL PROCESS ON RESULTS OF ECOLOGICAL FORMATION 380
Udalova A.A.
PEDAGOGICAL CONDITIONS SYSTEM FOR DEVELOPMENT OF SCENIC COMPETENCE OF FUTURE DESIGNERS 384
Umalatov T. N.
THE THEORETICAL AND PRACTICAL FOUNDATIONS OF SOCIAL PRACTICES IN SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION (FOR EXAMPLE, THE INTERNATIONAL CHILDREN'S ART CONTEST «THE BEAUTY OF GOD'S WORLD ")..... 388
Yadvirshis L.A.
ACTUAL PROBLEMS OF VOCATIONAL TRAINING OF FUTURE TEACHERS TO THE PREVENTION OF A SOCIAL DEPRIVATION AT CHILDREN, WITHOUT PARENTAL SUPPORT 395

УДК 944.041.1

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К КОРОЛЕВСКИМ МИНИСТРАМ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

Блуменау С.Ф.

В статье показано, как осуждение обществом «министерского деспотизма» до Французской революции вылилось в ущемление исполнительной власти в 1789-1791 гг.
Ключевые слова: Французская революция XVIII века, политические сочинения, министры, законодатели, местные власти.

ATTITUDE OF SOCIETY THE KING`S MINISTERS BEFORE AND AT THE BEGINNING OF THE FRENCH REVOLUTION OF THE 18TH CENTURY

Blumenau S.F.

The article reveals how the public disapproval of «ministerial tyranny» prior to the French Revolution resulted in the derogation of the executive branch in 1789-1791.
Keywords: The French Revolution of the 18th century, political writings, ministers, legislators, local authorities.

Широко распространенным явлением во Франции в конце Старого порядка была острая ненависть народа к королевским министрам. Если короли считались олицетворением Франции, её величия и над ними витал ореол святости, то за подавление свобод, тяжелое бремя налогов и беды населения ответственность возлагалась общественным мнением, прежде всего, на министров. Это неприятие главных агентов монаршей власти обычно подстегивалось парламентами (13 высшими судами королевства, имевшими также право регистрации королевских эдиктов), формировавшимися из элиты оффисье-покупателей и владельцев государственных должностей. Дело в том, что реформаторская политика министров Людовика XV и Людовика XVI предусматривала перенесение части налоговой нагрузки на привилегированных, в том числе, и на «дворян мантии», составлявших основу парламентов, а также лишение парламентских советников их важнейших прерогатив. Но судейские в парламентах не только отстаивали свои узко-эгоистические интересы. В них справедливо видели носителей традиционной законности, защитников от произвола властей. Корпоративная солидарность парламентов и вообще держателей должностей позволяла им организовывать «стачки», парализовывавшие деятельность правительственных институтов.

Раздраженный Людовик XV поручил канцлеру Мопу радикальную реформу парламентов. Продажность должностей отменялась. Территория, подпадавшая под юрисдикцию Парижского парламента, сильно сокращалась. Было сослано 130 парижских и 100 провинциальных парламентариев. Часть прежних парламентских советников, а также люди, подобранные канцлером, составили новые судебные органы, презрительно именовавшиеся обществом «парламенты Мопу». Лишь смерть старого монарха и воцарение его внука Людовика XVI привели к восстановлению парламентов в прежнем виде. Но в сознании многих, прежде всего, юристов надолго сохранилась недобрая память о «министерском деспотизме» [1, с.80-81].

И в дальнейшем реформаторство сверху энергично оспаривалось парламентами. При этом с весны 1787 г. сложился необъявленный, но действенный антиабсолютистский фронт, вобравший в себя разнородные силы от значительной части привилегированных до народных слоёв и возглавляемый судейскими корпорациями [2, с.62-63]. Напряжение достигло высокого накала в связи с предложениями министров Калонна и его преемника – Ломени де Бриенна о новом всесословном налоге, что задевало первые сословия и обращало против властей такие влиятельные структуры, как совет нотаблей и Парижский парламент. Но особое возмущение вызвали меры хранителя печатей Ламуаньона, решившего в духе Мопу обуздать парламенты, отобрав у них право регистрации королевских актов, а также значительную часть судебных полномочий.

Ответом стали настоящие волнения в парламентских городах Франции – Гренобле,

Ренне, Дижоне, Тулузе, По и других, сопровождавшиеся опасными столкновениями с военными [4]. Абсолютизм отступил, отправив Ламуаньона в отставку и установив дату созыва Генеральных штатов.

В последовавшей за этим избирательной кампании решительное осуждение «министерского деспотизма» стало общим местом в публицистической литературе.

Основательную и развернутую критику дал в сочинении «Советы депутатам, которые будут представлять нацию в Генеральных штатах», литератор и этнограф Ж.-Н. Деменье. Показательно, что слова «министр», «министерский» использовались в тексте 16 раз и почти всегда в отрицательном смысле. «Плохие министры», «извращенные министры» - такие эпитеты применялись автором [8, p.3,6-7].

Одна из сторон этого образа – министр – расточитель и коррупционер. Речь шла как о неэффективном использовании государственных средств, так и об их прямом присвоении. Публицист негодовал по поводу «возмутительных» личных состояний министров и в связи с тем, что казённые деньги попадали в карманы их жадных куртизанов [8, p.14,31].

Профессиональные качества власть имущих также представлены в самом неприглядном виде. Подчеркивались произвольность их решений, нежелание консультироваться с обществом, отсутствие контроля со стороны представительных учреждений. Вместе с министрами публицист атаковал и представителей центральной власти в провинциях – интендантов. По его словам, они себя не утруждали: подписывали, не читая, ордонансы, да устраивали пышные балы. Интендант – «существо … легкомысленное, поверхностное», но совсем не безобидное. Это – «слепое орудие деспотизма», угнетающее магистратов, настаивающее на регистрации «разрушительных законов», проводящее в жизнь «самые суровые приказы» [8, p.28-29].

Оценки представителей высшего эшелона власти страдали негативизмом и упрощенностью. Ведь нередко это были люди, проникшиеся духом Просвещения. В диатрибах же Деменье сквозили пристрастность и «партийность». С позиций антиабсолютистской коалиции он выказывал солидарность с её лидером – парламентами, а целил в общего врага – «министерский деспотизм».

С особенной силой политический писатель обрушивался на недавно смещенных министров – Ломени де Бриенна и Ламуаньона. В сердцах он восклицал, что «увидел свою родину жертвой двух подлых злодеев». Как считал публицист, эти министры спровоцировали народ в разных регионах на выступления, и солдаты, чей долг – оборона отчизны, вынуждены были «проливать кровь граждан» [8, p.1-2].

Разоблачениям Деменье созвучны суждения руанского адвоката Ж. –Г. Туре, изложенные в «Обращении добрых нормандцев к их братьям добрым французам всех провинций и сословий». Последний писал о «двойном бедствии»: «гидре злоупотреблений, порожденной финансовыми беспорядками», и «губительным презрением Правительства» [19, p.5]. Второй тезис обретал далее конкретные контуры. Автор напоминал о совместной борьбе разных социальных сил против планов создания «Общей палаты», против попыток Ламуаньона отобрать у парламентов право регистрации королевских актов.

Критически относился к всесилию министров и более известный соотечественник двух сочинителей – крупный юрист и академик Г.-Ж.-Б. Тарже. Он был среди тех, кто еще защищал парламенты от их разгона Мопу при Людовике XV. В его публицистике кануна революции содержалось знаменательное обобщение. Тарже обозначил двух врагов нации: «министерский деспотизм» и «аристократию привилегированных» [16, p.17-19; 17, p.36-37].

Самым известным политическим писателем сделался в то время аббат Э.-Ж. Сийес. В брошюре «Взгляд на средства осуществления полномочий, которыми смогут располагать представители Франции в 1789 г.» он размышлял и над тем, как оградить будущие Генеральные штаты от министерского произвола. Именно министров и двор, но не короля обвинял аббат во всех злоупотреблениях [5, с.83-84].

Ненависть к министрам стала элементом политических настроений французского общества перед революцией. Многие адвокаты, судейские, «люди таланта», нападавшие на этих представителей власти, избрались в Генеральные штаты. Глубокую неприязнь к министерскому корпусу они принесли в законодательный орган. Показательно выступление от имени только что сформировавшегося Конституционного комитета Ассамблеи Ж. Мунье, связанного с самой умеренной частью «патриотов» (сторонников преобразований) – группировкой «монархистов», преобладавшей в новой влиятельной структуре. В его речи от 9 июля 1789 г., проникнутой пиитетом к монархии и призывавшей начертать сначала (sic!) декларацию прав Короля и только потом перейти к правам французского

народа, министры вновь «назначались крайними» за «грехи» Старого порядка. «Дерзкие министры часто злоупотребляли своей властью», - напоминал оратор [3, с.38-39].

Каким стало положение министров в начавшейся революции? Внешне мало что изменилось. Декларировалось, что «высшая исполнительная власть сосредотачивается в руках короля». Министры должны были действовать под его руководством. Их оставалось, как прежде, шестеро. Они назначались и отстранялись только монархом. Сохранялись те же направления работы. Хранитель печати сделался министром юстиции, генерального контролёра финансов тоже назвали министром. Остались министерства иностранных дел, военное и военно-морское. Появился министр внутренних дел. Должность премьер-министра отсутствовала и деятельность министерств, как и при абсолютизме, практически не координировалась.

С введением в революционной Франции системы разделения властей роль исполнительных структур заметно ослабла. Приоритет отдавался законодателям, на чем нередко настаивали в документах и выступлениях. Так, в одном из «Проектов Декларации прав» подчеркивалось, что «всеобщая воля, каковой является законодательная мощь, должна руководить деятельностью правительства или исполнительной власти» [12, p.611].

Одной из задач депутатов стало отстранение короны и её представителей от участия в законотворчестве. Требуя постоянного, а не периодического функционирования законодательного органа, парламентарии стремились исключить любые перерывы в его работе. Они опасались, что парламентские каникулы позволят королевской власти издать до начала ближайшей сессии временные законы или интерпретировать уже принятые Собранием декреты. В этой связи и появилось следующее решение: «король не может издавать законов, даже временных». Затем монарха и его министров лишили права предлагать законы. «Инициатива законов принадлежит исключительно законодательному корпусу» [6, T.IX, p.211].

Министры вызывались в Ассамблею лишь для ответов на запросы депутатов. По логике же вещей, главных агентов короля следовало привлекать к выработке декретов, ибо, с одной стороны, они отлично знали предмет дискуссий, а, с другой, - были заинтересованы в хороших законах, которые им надлежало выполнять.

Законодатели не стремились контактировать с королевскими министрами, занимавшими гораздо более умеренные позиции, чем либерально настроенная часть парламентариев. Принцип разделения властей трактовался последними догматически жестко, что означало в реальности обособление законодательного органа от исполнительных структур.

Основной сферой деятельности министров являлось собственно управление страной. В связи с административной реформой возникла проблема контроля центра над новой местной властью. Конституционный комитет, в котором преобладала уже группировка «левый центр», склонялся к балансу властей и отмечал значение исполнительной ветви. Для ее функционирования следовало построить исполнительную вертикаль. «Чтобы привести администрации (департаментов, дистриктов, коммун – С.Б.) в движение, необходимо расположить их одну над другой», - указывал Деменье, подчеркивавший обязательное «подчинение дистриктов и департаментов королю» [6, T.XXIII, p.632].

Но депутаты не понимали, что система заработает лишь при наличии «приводного ремня» между центральной властью и управленческими структурами административных единиц. Раньше такую роль выполняли провинциальные интенданты, воспринимавшиеся населением как составная часть «министерского деспотизма». Революция не только упразднила этих служителей Старого порядка, но и не собиралась искать им замену. То была принципиальная позиция, подтвержденная законом: «Между администрациями департаментов и высшей исполнительной властью не должно быть никаких посредников…» [3, с.73].

Могли ли стать своеобразным связующим звеном комиссары короля? Они направлялись министром внутренних дел для организации местных выборов и контроля над ними. Но и при выполнении столь ограниченных функций сталкивались с сильным сопротивлением должностных лиц в провинции. Комиссары вышли из духовного сословия, дворян робы, верхушки буржуа и симпатизировали «монархистам», тогда как администраторы на местах происходили из более демократических слоев и придерживались весьма радикальных политических взглядов. Любопытен эпизод, случившийся 14 марта 1790 г. в Труа, где муниципалитет города отказался от присутствия здесь королевских комиссаров и сообщил об этом всем коммунам страны. Подчеркивалось, что посланцы монарха никем не избраны и потому не могут приказывать легитимным выборным властям [7, p.202].

Нередко администрации на местах действовали в обход исполнительной власти, жаловались на министров и комиссаров в Учредительное собрание. Последнее шло им на встречу, вступало в переписку, присылало декреты и другие материалы. Ассамблея представляла себя арбитром в споре сторон: она защищала исполнительную власть от прямых нападок местных администраций, но одновременно поощряла их сопротивление министерствам. На деле многие депутаты подстрекали муниципальные и департаментские органы к неповиновению главным агентам короля. Тон задавал предводитель «левых» в парламенте и тогдашний лидер Якобинского клуба Барнав: «Огромная опасность … - допустить согласованность, слаженность, договоренность исполнительной власти с директориями или советами департаментов» [6, T.XXIII, p.665].

В результате особенно осмелели муниципалитеты: с одной стороны, нижняя ступенька исполнительной вертикали, но, с другой, - автономная власть, руководившая деятельностью общины. Чувствуя поддержку законодателей, коммуны перестали считаться с исполнительной властью. Министр Бертран де Моллевиль писал в этой связи: «Сорок восемь тысяч муниципалитетов организовали столько же маленьких независимых республик, реально не подчиняющихся высшей центральной власти» [13, p.39-40]. На неповиновение этих органов – «муниципальную анархию» - указывал и американский наблюдатель Моррис [18, p.394].

Ситуация озадачила ответственных людей и политиков – членов Конституционного комитета. 2 марта 1791г. Деменье упрекнул муниципалитеты и администрации дистриктов в том, что в их письмах и постановлениях содержались выпады против центра. «Это нарушает принципы представительного правительства и ведет прямо к анархии», - сокрушался законодатель [6, T. XXIII, p.631]. 6 марта он потребовал предоставить королю и министрам право приостанавливать полномочия административных ассамблей [14, p.441]. Высшая исполнительная власть могла не только отменять решения, принятые на местах, но и временно отстранять местных функционеров.

И все же права законодателей и здесь оказались шире. Они имели возможность перечеркнуть решения исполнительных структур и, наоборот, вообще распустить провинившиеся администрации и направить дела на них в суд. На практике перевес депутатского корпуса проявлялся еще зримей. Так, из 12 случаев аннулирования постановлений и отстранения местных администраций только в одном – инициатива исходила от исполнительной власти, а в 11 – от парламентариев [9, p.302].

Недоверие депутатов к министрам, неприязнь к ним, уходившие корнями в конфликты судейских с властью при Старом порядке, проявились с начала революции и в законодательстве, касавшемся юридической сферы. Подобный подход встретился уже в «Проектах Декларации прав» и схожих документах, подготовленных некоторыми депутатами. Так, в тексте, исходившем от Тарже, высказано намерение подчинить «исполнительную силу» … «законодательному могуществу» с тем, «чтобы агенты Верховного Главы не могли безнаказанно преступать Закон» [12, p.612]. Будущий коллега упомянутого депутата по Конституционному комитету Туре выступил за надзор над исполнительной властью и привлечение ее представителей к ответственности в случае должностных преступлений [10, p.635].

В дальнейшем подозрительность в отношении назначенцев короля только нарастала. Так, например, Деменье настаивал: за министрами надлежало «беспрестанно присматривать, следить, наблюдать» [6, T.VIII, p.565]. Выступая 29 сентября от имени Конституционного комитета, он предложил постановление о финансовой и юридической ответственности правительственных чинов [6, T.IX, p.211]. Тарже поддержал эту меру, полагая, что она «защитит нацию от вторжения (министерского – С.Б.) деспотизма» [6, T.XII, p.485]. Специальный пункт о преступлениях министров и их ответственности внесли в конституцию. Материалы о нарушениях ими законов направлялись в самую высокую судебную инстанцию страны – Верховный Национальный суд. Роль парламента в этом являлась решающей: именно депутаты – и только они – по собственной инициативе принимали постановления о передаче дел на министров в этот высокий суд. В последний включались пять членов, назначенных законодателями. Из своей среды депутатский корпус выбирал двух прокуроров для поддержания обвинения.

Король же был бессилен в таких делах. «Королевский указ, устный или письменный, ни в коем случае не может освободить министра от ответственности» [3, с.126]. Сам монарх располагал иммунитетом и не подвергался уголовному преследованию за свои решения. Все его распоряжения обязательно подписывались соответствующим министром, который и нес за них

ответственность по закону. Таким образом, во Франции стало действовать правило контрсигнатуры, введенное прежде в Англии.

Положение министров было незавидным. Они имели мало возможностей влиять на ход дел в стране. «Правительство стеснено таким образом, что его агенты, которые ответственны за все, не могут воздействовать ни на что», – констатировала мадам де Сталь [15, p.360]. Исполнительная власть «еле дышала». Отовсюду раздавались жалобы на ее бездействие. «Министерство, со временем отслужившее, истрепанное, уничтоженное Ассамблеей, атакованное Мирабо, обвиненное якобинцами, ненавистное роялистам, оставленное Лафайетом, не могло сопротивляться этим ударам», – заключал А. Ламартин [11, p.176].

Королевские министры, подвергавшиеся массированным атакам общественности еще при Старом порядке, в начале революции лишились важных рычагов власти. Для этого немало сделали законодатели новой Франции, напуганные призраком «министерского деспотизма». Но и администраторы на местах – в департаментах, дистриктах и муниципалитетах, чувствуя негласную поддержку Учредительного собрания, часто игнорировали агентов короля. Высшим должностным лицам не доверяли, им угрожали обвинениями, судами, суровыми наказаниями. Франция 1789-1791 гг. оставалась монархией по форме, но, по сути, все более походила на республику. Ослабление королевской власти, отсутствие взаимодействия между парламентом и министрами поощряли левых радикалов. Неудавшееся бегство Людовика XVI в Варенн придало демократическому и республиканскому движению размах и силу и привело, в конечном счёте, к падению монархии и к эскалации революции.

Список литературы

1. Блуменау С.Ф. Людовик XV// Вопросы истории, 2000, № 9.
2. Блуменау С.Ф. Политические сочинения кануна Великой Французской революции // Новая и новейшая история, 2013, № 5.
3. Документы истории Великой Французской революции. Т.1. М., 1990.
4. Пименова Л.А. «День черепиц» в Гренобле// Вопросы истории, 1988, №8.
5. Тырсенко А.В. Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. М., 2005.
6. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série (1787-1799). TT. I-XXXIII. P. 1862-1888. T.T. V, VIII, IX, XII, XXIII.
7. Courier de Provence. T.6. N CXXIV.
8. Demeunier J.-N. Avis aux députés qui doivent représenter la Nation dans l'Assemblée des États Généraux. s.l., 1789.
9. Gautier B. Les relations entre le pouvoir central et les administrations locales sous la monarchie constitutionnelle (1789-1792)// L'administration territoriale de la France (1750-1940). Actes du colloque d'Orléans (30 septembre, 1 et 2 octobre 1993). Orléans, 1998.
10. L'Analyse de Thouret (début d'août 1789)// Rials S. La déclaration des droits de l`homme et du citoyen. P., 1988.
11. Lamartine A. Histoire des constituants. T.IV. P., 1855.
12. Le projet de déclaration de Target (fin de juillet 1789)// Rials S. La déclaration des droits de l' homme et du citoyen. P., 1988.
13. Moleville B. Histoire de la Révolution de France, pendant les dernières années du regne de Louis XVI. T.III. P., 1801.
14. Révolutions de Paris. № 87. Du 5 au 12 mars 1791.
15. Staël G. Considerations sur le principaux evenemens de la Révolution française. T.1 P., 1820.
16. Target G.-J.- B. Les États – Généraux, convoqués par Louis XVI. s.l., s.d.
17. Target G.-J.- B. Suite de l'écrit intitule: Les États – Généraux, convoques par Louis XVI. s.l., s.d
18. The diary and letters of Gouverneur Morris, Minister of the United States to France, Member of the Constitutional Convention. T.1. NY., 1970
19. Thouret J.-G. Avis des bons normands à leurs frères tous les bons Français de toutes les provinces et de tous les Ordres. Sur l'envoi des Lettres de Convocation aux États – Généraux. s.l., 1789.

Об авторе

Блуменау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, blumenausf@mail.ru

УДК 94(47).083.4

ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ НИЖНИХ ЧИНОВ МАНЬЧЖУРСКИХ АРМИЙ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ЦЕНЫ В РЕГИОНЕ КОНФЛИКТА (1904-1905 гг.)

Бобрышев Г. О.

В работе раскрывается система денежного довольствия нижних чинов в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Поднятая проблема не имеет разработок в исторических исследованиях, что делает ее актуальной в условиях повышенного интереса к истории повседневного быта. На основе уставов, приказов, мемуарной литературы и прессы рассказывается о сложившейся системе довольствия денежными средствами и ее генезисе в связи с изменениями на фронте. На основе выявленных фактов делается вывод о том, что малое денежное довольствие, привело к осложнению отношений между нижними чинами и офицерами, а также породило мародерство в русской армии.
Ключевые слова: денежное довольствие, усиленное жалование, суточные деньги, нижние чины, пропитание, спекуляция.

ALLOWANCE LOWER RANKS OF THE MANCHURIAN ARMIES AND THE CONSUMER PRICES IN THE REGION OF CONFLICT DURING (1904-1905)

Bobryshev G.O.

The article reveals the system of monetary compensation of the lower ranks during the Russian-Japanese war of 1904-1905 Raised the issue does not have developments in historical research, making it relevant in the context of increased interest in the history of everyday life. On the basis of statutes, decrees, memoirs and the press is told about the existing system of allowances cash and its Genesis in connection with changes on the front. Based on the identified facts, it is concluded that a small allowance, have led to complication of relations between the lower ranks and officers, but also gave rise to the looting in the Russian army.
Keywords: allowance, increased salary, per diem money, lower ranks, speculation.

Заявленная тема входит в рамки исследования повседневного быта военнослужащих нижних чинов. Данный вопрос, мало затронут, и не раскрыт в исторических исследованиях, тогда как степень денежного довольствия влияла на многие важные факторы быта армии. Но уровень денежного довольствия нижних чинов напрямую влиял на настроения армии и уровень ее быта. Исследование базируется на анализе положений, уставов и приказов Военного ведомства, а также подкрепляется данными периодических изданий и мемуарной литературой посвященной исследуемому военному конфликту. Принимая во внимание возрастание интереса к повседневной истории, отсутствие специального исследования по теме денежного довольствия нижних чинов делает данную работу актуальной.

Для начала исследования поднятой проблемы требуется аутентичность понимания используемых в статье терминов. Согласно терминологии исследуемого периода, под денежным довольствием подразумевались жалование и средства, выдаваемые на определенные нужды. В последнюю категорию входили следующие деньги: столовые, добавочные, на представительство, разного рода денежные пособия, для канцелярских расходов, на обучение нижних чинов, подъемные, прогонные, разъездные, суточные, порционные и зарабочие [1, с.147]. В качестве жалования выступал оклад, который присваивался соответственно чину (званию) [2, с.83].

После издания Петром I «Табеля о рангах» [3, с.56-60] от 24 января 1722 г. все военные, имевшие звание ниже четырнадцатого класса, являлись нижними чинами. В исследуемый период времени в их состав входили: рядовой, ефрейтор, унтер-офицер младший, унтер-офицер старший, вахмистр и фельдфебель. Их денежное довольствие выражалось в жаловании, которое выдавалось в конце второго месяца [2, с.93]. Нестроевые нижние чины получали жалование по особым окладам, ранжированным по званиям, некоторые из них имели помесячную оплату.

В период русско-японской войны всем военнослужащим полагалось усиленное денежное довольствие. Нижние чины получали денежное довольствие без каких-либо вычетов [4, с.56]. Оклады военных чинов во время войны могли быть увеличены только при нескольких случаях:

1) повышение в звании рядового. Рост оклада осуществлялся после определенного срока службы, прохождения обучения и сдачи экзаменов. Так, для присвоения унтер-офицерского звания было необходимо: наличие вакансии, сдача экзамена или получение отличия в службе. В воен-

ное время могли дослужиться по хорошей характеристике ближайшего начальства, за отличное поведение и совершенное знание строевой службы. Для тех же, кто имел образование, было предусмотрено испытание по строевой подготовке и обучению, специальным предметам, соответствовавшим роду войск. Повышение в звании увеличивало ставку жалования.

2) Чины унтер-офицерских званий, фельдфебели, сверхсрочнослужащие и гвардейцы, призванные из запаса или состоявшие в частях сверх комплекта, имели штатные оклады, соответствующие их званиям до назначения на следующую должность с равным или высшим содержанием. Для сверхсрочных служащих, занимающих должности от фельдфебелей до мастеров деревянных и металлических дел, назначалось сверхштатное особое добавочное к основному и усиленному годовое жалование: фельдфебелям и старшим вахмистрам 84 руб., остальным 60 руб [5, с.21]. Сверхсрочные унтер-офицеры не подвергались наказаниям в виде назначения на службу за рядового и строгому аресту. Данным военнослужащим предоставлялось право также вступать в брак, а женатым брать с собой семейство. Нижние чины сверхсрочники в военное время могли по своему усмотрению оставлять часть жалования в пользу своей семьи. Семьи этих военнослужащих имели право по своему усмотрению потребовать не более 1/3 [6, с. 714; 7, с. 761] от суммы жалования своего кормильца служившего во время русско-японской войны. При совершении кормильцем самоубийства во время войны, семье полагалось его денежное довольствие [8, с. 867]. Семьям нижних чинов, имевшим право на бесплатное лечение в мирное время, 25 февраля 1905 г. была продлена данная льгота на период войны с Японией [9, с. 753]. При увольнении по собственному желанию со сверхсрочной службы сроком от 10 лет было положено единовременное пособие в 250 руб. Служившим 20 лет в этих условиях, выдавалась пенсия по 96 руб. в год, либо разовое пособие в 1 тыс. руб.

3) получение ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия установленного за храбрость, проявленную на поле боя. Каждой его степени, соответствовало прибавление определенного жалования к основному штатному: четвертая степень – одна треть; третья степень – две трети; вторая степень – полное жалование; первая степень – полтора оклада [5, с. 70]. Данное добавочное денежное довольствие выплачивалось со дня признания отличия и входило в специальную пенсию, отличную от основной, назначаемой по выслуге лет, также сохранялось в отставке. Кавалеры данного ордена избавлялись от телесных наказаний. Награждение орденом Св. Анны за совершение в рабочее время или вне службы особые не боевые подвиги и заслуги. Полагалась единовременная денежная выплата, сумма которой соотносилась с важностью исполненного дела. Так при совершении «малозначительного подвига» полагалась выплата от 10 до 50 руб., при более значительном от 50 до 100 руб. [5, с.67-68]. Военнослужащие, имевшие данную награду освобождались от телесных наказаний.

Табель жалования нижним чинам по усиленной ставке представлен в таблице 1. [5, с.105, 107].

Таблица 1

Усиленное годовое жалование нижних чинов в период русско-японской войны 1904-1905 гг.

Звания чинов	Гвардии		Армии	
	Кавалерия	*Пехота*	*Кавалерия*	*Пехота*
	Руб. коп.	Руб. коп.	Руб. коп.	Руб. коп.
Фельдфебель				
Вахмистр старший	54		36	
Вахмистр младший	36	54	27	36
Унтер-офицер старший		36		27
Унтер-офицер младший	32,70	31,20	9,30	7,80
Ефрейтор	20,55	14,25	7,80	5,55
Рядовой	14,25	9,45	6,60	5,25

Жалование нижних чинов могло быть уменьшено. Это было связано с разжалованием определенного военнослужащего в более низкий чин. Параллельно с этим он лишался старого оклада и ему устанавливался новый, соответствовавший званию.

Денежное довольствие солдата сохранялось при создании новых штатов, переформировании или расформировании военных частей сохранялось личное право на получение прежних окладов только при разрешающем на то законе. Так, 15 апреля 1905 г. военное ведомство в своем приказе возобновляло постановление

1877 г., по которому фельдфебелям и унтер-офицерам полагалось жалование равное размеру их прошлого места службы [10, с.412].

Военным законодательством были предусмотрены случаи прекращения выдачи жалования на определенный срок при:

1) нахождении в бегах, отлучке или в случае ареста по судебному решению. Во время нахождения военнослужащего под следствием и будучи подсудимым у него изымалась половина жалованья в качестве казенных взысканий [11, с.195]. Однако при нахождении его на свободе и исполнении служебных обязанностей выдача жалования сохранялась на общем основании. После вынесения приговора суда с постановлением о невиновности подсудимого и возвращении к службе оправданному военнослужащему засчитывали все время нахождения под следствием и судом для выплаты удержанных денежных средств.

2) содержании военнослужащего в военной тюрьме или дисциплинарных ротах, батальонах по решению суда.

3) нахождении в плену у неприятеля. Причем при возвращении служащего жалование возвращалось полностью за весь период неволи, если он не нес службы у неприятеля [4, с.56].

Не редкостью были задержки выплаты денежного довольствия по определенным причинам. Страдали от этого как нижние чины, так и офицеры [12, с.84-85]. Подобная картина происходила и с выделением денежных средств на строительные материалы для полков. Поэтому военнослужащим приходилось иногда строить из подручных материалов [13, с.42]. В источниках мало указаний на запоздание в выплатах, это объясняется тем, что с ними расплачивались, хоть и с перебоями во времени. Заминки с уплатой жалования были обыденностью [12, с.264].

Помимо основного усиленного жалования в военное время военнослужащим нижних чинов полагались амуничные деньги. Эти средства предназначались каждому для покупки рубахи, чистки амуниции и оплаты шитья холщевых брюк (подштанников). Гвардейцам для этого выдавалось 0,45 руб., а остальным полевым и резервным войскам полагалось 0,3 руб [14, с. 66] на человека.

Кроме амуничных денег нижним чинам выдавались средства для покупки: третьей рубахи в размере 0,25 руб. (для саперных батальонов 0,5 руб.), «мелкого прибора», шитья и чернения сапог по 0,55 руб. на человека. Соответственно, нижним чинам выдавалось амуничных денег: в гвардии строевому, нестроевому и обозному – 1,1 руб.; в армии строевому, нестроевому и обозному – 1,25 руб.; в местных войсках строевому и нестроевому – 1,1 руб [4, с.57]. При выдаче войскам праздничной формы и несшитых галстуков дополнительно выдавалось: для строевых гвардейцев на два галстука – 0,01 руб.; нестроевым и обозным в гвардиях и остальным полевым военным частям на один галстук 0,05 руб.

Для войск, состоявших по списку до марта и в период с 1 марта, прибывавших по 1 июля все амуничные выдавались полностью. А для вступивших в ряды военнослужащих после 1 июля и до 15 декабря, также убывших до 1 марта, выдавалась половина суммы – 0,15 руб. для гвардейцев и для всех остальных – 22,5 руб., а на шитье сапог – 27,5 руб. Однако для прибывавших после 15 декабря амуничные деньги вовсе не выдавались [4, с.57].

Нижним чинам полагались пособия за сгоревшее во время пожара личное имущество. Размер денежных средств зависел от суммы ущерба. Выдаваемые средства зависели от чина и разнились от половины до двух окладов военнослужащего.

Денежные средства выдавались сверх жалования и другого содержания каждому раз в год 19 декабря в день тезоименитства Николая II. Суммы выплат зависели от чина и принадлежности к условно поделенным разрядам [4, с.58]:

I. К первому относились фельдфебели строевых и нестроевых рот, музыканты из полковых и отдельных батальонов старшего унтер-офицерского звания: писари, каптенармусы, надзиратели больных и старшие фельдшеры. Данному разряду полагалось от 15 до 20 руб.;

II. Ко второму были определены старшие унтер-офицеры строевых рот, нестроевые старшего разряда высшего оклада, ротные каптенармусы, старшие писари, младшие фельдшеры и оружейные мастера. Им назначались выплаты от 7 до 10 руб.;

III. К третьему принадлежали младшие унтер-офицеры строевых рот, нестроевые старшего разряда среднего оклада, музыканты младшего унтер-офицерского звания, батальонные барабанщики и горнисты, младшие писари, ротные фельдшеры и певчие унтер-офицерского звания. Разовая выплата названным чинам составляла от 3 до 5 руб.;

IV. В четвертом разряде числились ефрейторы и трубачи рядового звания которые получали от 1,5 руб. до 2 руб.;

V. Пятому разряду соответствовали рядовые, за исключением штрафованных и военнослужащих, имеющих дурное поведение, которым полагалось от 1 руб. до 1,5 руб.

Также средства нижним чинам в размере 3 руб. могли быть пожалованы за поимку одного беглого бродяги, солдата, арестанта или беспаспортного. За пойманного военного беглеца из числа евреев полагалось 30 руб. серебром [5, с. 121]. Для нижних чинов жандармских и местных частей также полагались наградные выплаты только при условиях, что: пойманный являлся военным дезертиром; создавались специальные отряды военнослужащих для поимки беглецов; при поимке дезертиров обнаруживались виновники, с которых взыскивали средства. При соблюдении всех требований военнослужащим могли выплатить от 1,5 руб. до 3 руб [5, с. 121].

При проведении специализированных работ на местности, задействованные для этого военнослужащие, получали так называемые порционные деньги. За выполнение астрономических работ топографам унтер-офицерского звания полагалось по 125 руб. а рядовым по 36 руб. За рекогносцировку и снятие топографии местности топографам унтер-офицерского звания и рядовым начислялось по 25 руб. за лето. Нижние чины, состоявшие в качестве помощников при проведении вышеуказанных работ, унтер-офицеры получали по 0,1 руб., а рядовые – по 0,05 руб. серебром в сутки каждому [5, с. 123].

Для нижних чинов имелась так же возможность с разрешения начальства заработать деньги на государственных работах. По распоряжению командующего округа военнослужащие увольнялись командами на вольные работы по сроку, определенному приказом [4, с. 58]. Рабочие отношения и процесс работ регулировались «Урочным положением для строительных работ» [15, с. 19-20]. В общих положениях данного закона жестко нормировался рабочий день для определенных регионов Российской империи. Согласно положению, денежные средства выплачивались, после исполнения определенных условий работ, сумма не превышала 0,16 руб. серебром на человека [5, с. 123]. Унтер-офицеры, присматривавшие за выполнением работ, по урочному положению получали по 5 коп., а за поденное выполнение смотра – по 2,5 руб. серебром на человека. Нижним чинам, выполнявшим работы по усилению обороны крепостей в военное время, а также при ее укреплении производилась выплата в размере 0,1 руб. серебром за день на человека при выполнении урока, при меньшей производительности сумма была значительно меньше. Иногда и такой суммы не хватало для мотивации работы военнослужащих. Например, в Порт-Артуре, в августе при маскировке свежих насыпей, в связи с тяжелыми условиями труда, сумма оплаты была поднята до 0,5 руб. за кв. сажень обкладки, но нижние чины не согласились выполнять работу из-за низкой оплаты труда [16, с. 79]. Военнослужащим, направляемым на артиллерийские склады и арсеналы, выплачивалось по 1,5 руб [5, с. 124]. в день. Средства, заработанные нижними чинами за вольнонаемные работы, имели строгое распределение между нижними чинами:

1) не более 1/3 части всей заработанной суммы отдавалась в артельную сумму для ее усиления;

2) 1/3 суммы средств выплачивалась непосредственно нижнему чину

3) последняя треть заработка распределялась между работавшими военнослужащими и не прилагавшими к этому усилий в связи с несением служебных обязанностей в другой сфере. Данная часть раздавалась командиром полка или начальником дивизии.

При достижении артельной суммы до 600 руб. вычеты из заработанных средств для ее пополнения не делали, а возобновляли этот процесс только при существенной необходимости. Зачастую все заработанные деньги нижние чины тратили на приобретение необходимых для службы вещей, которые не выдавались государством [4, с. 59; 14, с. 66].

Для повышения грамотности всех нижних чинов [17, с. 34] ежегодно государством выделялось по 0,1 руб., а для местных войск – по 0,05 руб. на каждого рядового. В дополнение для покупок учебных пособий в учебные команды отчислялось ежегодно: по 0,5 руб. для полевых и местных полков и батальонов; для бригадных и крепостных артиллерийские – по 5 руб.; для батальонов саперных – 2 руб., а для бригадных – 7 руб. При обучении саперному делу на приобретение материалов пехотным полкам и стрелковым бригадам дополнительно выделялось по 60 руб., пешим артиллерийским бригадам – по 30 руб., резервным полкам линейным и крепостным батальонам – по 20 руб. в год.

Военнослужащим нижнего чина предоставлялось право вносить собственные денежные средства, ценные бумаги и документы после разрешения ротного командира в полковой денежный ящик для хранения [4, с. 59]. Данный

процесс записывался ротным командиром в записной книжке вкладчика с указанием переданной суммы и скреплением подписи принимавшей стороны. Денежная сумма принималась без копеек, только в рублях и выдавалась также.

Денежные средства, пересылаемые родными военнослужащим, выдавались из почтовой конторы по распоряжению полкового командира. Данные письма с деньгами передавались нижним чинам непосредственно ротным командиром с обязательной отметкой об этом в записной книге [4, с. 60].

В городах и селах, где не было зданий казарменного типа, для нижних чинов по особому указанию отводились специальные квартиры или выдавали денежные средства для съема фанз [18, с. 3]. Расквартирование войск осуществлялось Военным министерством, то есть за счет расходов бюджета Главного интендантского управления [18, с. 69]. Выдача квартир производилась местными властями при наличии определенных условий [5, с. 125]:

1) в военное время, на территориях объявленных на военном положении и при других чрезвычайных положениях;

2) при передвижении и кратковременных остановках войск не более трех дней;

3) в течении первых трех дней после прибытия войск на новые квартиры;

4) если не было возможности снять квартиры

Выдаваемые квартиры, фанзы в обязательном порядке должны были иметь отопление и освещение. Оклады на топливо, для варки пищи и хлебопечения выдавались нижним чинам, состоявшим на приварочном довольствии. Дополнительно военнослужащим при условии готовки еды в котле выдавалось топливо для приготовления пищи и хлебопеченья. В остальных случаях для съема помещения с отоплением и освещением, для варки пищи и выпечки хлеба на одного военнослужащего нижнего чина в год ассигновалось в среднем от 5,5 руб. до 15 руб [18, с. 85; 5, с. 126]. в зависимости от местности и условий пребывания.

При отпуске военнослужащим отопления и освещения натурой, количество выдаваемого продукта напрямую зависело от местности, климата и времени года. Так, для отопления в зимнее время на десять человек нижнего чина, располагавшихся в помещениях с русскими и голландскими печами, обычных казармах или частных помещениях, в месяц выделялось три полена дров размером примерно по 1,5 м каждое, а летом столько же с расчетом на тридцать человек. В казармы, где стояли печи голландского типа, на которых нельзя было готовить, выделялось дров по числу печей (одна печь – десять человек нижнего чина), а для кухни выдавалось три полена по 5,5 м на десять человек в год [5, с. 126]. Топливо для освещения отпускалось только в зимнее время соответственно климату. На каждые десять человек нижнего чина выделялось по две сальные свечи общим весом не более 100 грамм. Для освещения коридоров в казармах каждые сутки отпускалось масла для одного фонаря 100 грамм [5, с. 127].

Военнослужащие нижних чинов снабжались постельными принадлежностями за счет государства. При расположении в городских или казенных казармах или частных домах казарменного типа каждому военнослужащему выдавались: холщевый тюфяк или подушка, набитая соломой, и подстилка. Для набивания в первый раз выделялось по 4 кг (сеном 7 кг) [18, с. 111] на человека, а затем через каждые два месяца, в зависимости от надобности, от 1,2 до 2 кг соломы. Когда войска стояли лагерем выдавалось соломы на одного человека: 4 кг для подстилки в первый раз, а затем по 2 кг; полторы копейки на покупку стекляди (голландская бечевка) для шитья матов [5, с. 127].

Нижним чинам полагались и прогонные деньги [5, с. 127-128]:

1) портупей юнкера и кандидаты на классную должность, переводимые в другие места службы, финансировались по обер-офицерским ставкам [19, с. 1218]. Этим военнослужащим при выписывании из лазарета отпускались деньги на две лошади, а там, где имелась железная дорога, они снабжались билетом по обер-офицерскому положению;

2) на одну лошадь нижним чинам гвардии, увольняемым в отпуск для поправления здоровья, если по решению врача нельзя было отправить пешком, также военнослужащим, командируемым от войск для приема учебных припасов, комплектных патронов и зарядов. Обратно полагалось следовать вместе с транспортом.

Кроме того нижние чины имели право на взимание обывательских подвод (натуральная повинность земств, предоставляемая войскам):

1) при следовании новобранцев в войска или по назначению, при болезни или ослаблении вследствие ранения взимаются подводы за контрамарки (билет, на который выдается определенная вещь или услуга) или прогонные

деньги. Также выделялась одноконная подвода на каждые 25 военнослужащих;

2) при отправлении нижних чинов и писарей, командированных из мест службы для сопровождения маршевых команд, получали на обратном пути каждые два человека по одной подводе;

3) при отправлении, жены и дети отставных и отпускных нижних чинов, следующих с ними, получали по одной подводе на одну или две семьи. При следовании по железным дорогам семейства нижних чинов, имевшие право на путевое довольствие от государства, перевозились за счет бюджета.

Для полноты проводимого исследования денежного довольствия необходимо изучить цены на продукцию, потребляемую нижними чинами, а также сопоставить необходимость совершения покупок требуемых товаров с возможностью их осуществления. Цены на товары, пользовавшиеся спросом, имели различия в зависимости от места, времени и качества продукции. Продукты в регионе ведения боевых действий имели более дорогую стоимость, чем в Центральной части Российской империи. Причиной тому служили специфические климатические условия и спекуляции местного населения. К примеру, на границе империи, станции Маньчжурия, остановившимися на отдых военнослужащими отмечались высокие цены на следующие продукты: булка – 0,3-0,4 руб., стакан молока 0,5-0,6 руб., селедка 1 руб [16, с. 22]. Для сравнения в центральных губерниях Российской империи цена одной бутылки (равной 0,9 л) составляла 0,08 руб [20, с. 19]. А в мемуарах М.В. Грулева можно найти строчки его негодования по поводу китайской спекуляции: «Лет десять тому назад ... казаки покупали и выменивали себе тогда лошадок местной породы ... (*Прим.* за револьвер-бульдог, стоивший 6 - 7 руб.) одну, а то и две лошади; за скотину средней величины просили 5-10 руб., курицу 5-10 коп. ... Теперь даже за чумизу (род проса) китайцы не ленились драть по 2 руб. за пуд, за скверную лошадку требовали 75-100 руб., и мы вынуждены платить» [21, с. 193]. Подобные спекуляции имели место под Мукденом, когда магазины с русской продукцией быстро опустошались и лавки заполнились китайским некачественным товаром с непомерно высокими ценами. В таких местах один фунт консервированного сливочного масла стоил 3–4 руб., а коньяки Мукденской фабрикации, сделанные местным китайским населением под Шанхайскую марку, стоили по 7-10 руб. за бутылку [21, с. 339]. Ярко отражено поэтапное увеличение цен на предметы первой необходимости в осажденном Порт-Артуре: «30 января ... мясо дошло до 25 коп за фунт, вместо прежних 10-12 коп. [22, с. 21]», «20 июня ... В «Новом крае» объявлены следующие рыночные цены на продукты первой необходимости на 21 июня 1904 года: куры от 1 руб. 40 коп. до 1 руб. 60 коп. штука. Яйца куриные от 5 руб. 20 коп. до 5 руб. 50 коп. сотня. Масло коровье от 80 коп. до 1 руб. фунт. Маргарин от 50 коп. до 70 коп. фунт. Рыба свежая 25-30 коп. фунт. Макароны 30-35 коп. фунт. Томат-пюре 30 коп. фунт. Шпинат 6 коп. фунт. Лук зеленый 6 коп. фунт. Лук репчатый 20-30 коп. фунт. Бураки 6 коп. фунт. Морковь 4 коп. фунт. Картофель 18-20 коп. фунт. Крупа манная 25 коп. фунт. Перловая 25 коп. фунт. Мясо говяжье 25 коп. фунт. Свиное мясо 25 коп. фунт. Телятина и баранина 35 коп. фунт. Хлеб белый 14-15 коп. фунт. Черный хлеб 5-6 коп. фунт. [22, с. 120-121]», «05 июля ... цена курицы на базаре дошла до 2 руб. 70 коп. [22, с. 137]», «12 сентября ... Солдатам уже давно дают конину, но многие из них не могут ее переносить, и принуждены довольствоваться чаем. Офицерство, пользуясь перелетом перепелов, скупает их от китайцев, платя за пару от 10 до 30 копеек. [22, с. 120-199]», «19 сентября ... Кроме этого Балашов рассказал еще, при каких тяжелых условиях гнали их по железной дороге в Артур, давая по 20 коп. в сутки кормовых, когда на станциях фунт хлеба стоил 13 коп. [22, с. 208]», «15 декабря ... Конина — 50-75 коп. фунт., воловье мясо — 2-2 руб. 40 коп. фунт., индюшка — 50-75 руб. штука., курица — 20-25 руб., гусь — 40-50 руб., яйца — 1-2 руб. штука., головка чесноку — 20-30 коп. штука., пуд сена — 1-1 руб. 50 коп. [22, с. 310]». Для наглядности нами была составлена таблица (табл. 3), отражающая рост цен на необходимые продукты питания в период определенного этапа войны. Этап I включает в себя начало конфликта 27.01.1904, захват столицы Кореи Японией 21 февраля и оканчивается гибелью броненосца «Петропавловск» 31 марта 1904 г. Этап II охватывает героическую оборону Порт-Артура с мая по декабрь 1904 г. и включает ключевые сражения сухопутных армий в августе под Ляояном и сентябре на р. Шахе. Этап III заключает в себе последнюю решающую битву на суше в феврале 1905 г. при Мукдене и основное морское сражение при о-ве Цусима в мае того же года.

Таблица 2

Таблица роста цен на продукты питания

№	Наименование товара	Этап I		Этап II		Этап III	
		Руб. коп.	Кол-во	Руб. коп.	Кол-во	Руб. коп.	Кол-во
1.	Хлеб (черный)	0,05-0,06	фунт	0,13	фунт	0,30-0,40	фунт
2.	Мясо	0,10-0,12	фунт	0,25	фунт	–	–
3.	Яйца	0,03	1 шт	0,05	1 шт	0,08	1 шт
4.	Молоко	0,08	л	0,5-0,6	л	–	–
5.	Масло	0,56	фунт	0,8-1	фунт	3-4	фунт

Исходя из приведенной таблицы видно, что хлеб [16, с. 22] за период войны подорожал в шесть с половиной раз, мясо и яйца [20, с. 18; 13, с. 215] в два с половиной раза, молоко [20, с. 19; 16, с. 22] в семь с половиной раз, а масло [20, с. 19] в семь раз. Следует иметь ввиду, что нижние чины находились на полном обеспечении со стороны государства и выдаваемое им на руки жалование использовалось военнослужащими в личных целях. Данные военнослужащие, на которых выделялось суточных денежных средств, в количестве 0,21 руб. [21, с. 128; 23, с. 55; 24, с. 37] (приварочный оклад) могли себе позволить (когда не было рядом полевых кухонь или при отсутствии продуктов в полку) из приведенных данных: на первом этапе все, кроме масла; на втором этапе – только хлеб и яйца; на третьем этапе – только яйца. После подписания мирного договора 23 сентября (5 октября) 1905 г. оклад нижним чинам, выплачивался по нормам мирного времени, а вот размер кормовых денег был поздно увеличен до 0,25 руб. в сутки для пропитания военнослужащих на местности и при переезде в тыл [25, с. 800].

В этой связи следует уделить внимание организации предоставления пропитания нижним чинам. Стандартным явлением было питание военнослужащих за счет суточных средств, выделяемых на каждого отдельно. Приготовлением пищи занимались специальные полевые кухни. Обязательно полагалось трехразовое питание в сутки. В особенных случаях солдату выдавались суточные средства на руки для личных нужд. Если солдат был ранен и направлен в лазарет, то на него выделялось больничное довольствие равное 0,06 руб. [23, с. 157] При перевозке его на санитарном поезде в тыл отводилось 0,45 руб. [26, с. 347], дополнительно полагалась бесплатная выдача требуемых медикаментов больным и раненым [27, с. 487]. В мемуарных источниках неоднократно отмечалось отрицательное влияние человеческого фактора на организованную систему пропитания. Например, упоминается об отступавшей части, солдаты которой питались фунтом (0,4 кг) хлеба в день [22, с. 208] или попросту не могли приобрести продукты [23, с. 54-55]. В связи с ведением активных боев или перебросок солдатам приходилось обходиться по несколько дней без плотных обедов [13, с. 16]. Малое количество денежных средств и неимение продуктов питание приводили к худшим проявлениям военного времени – мародерству военнослужащих, и чем дольше длилась война, тем отчетливее проявлялась эта проблема [13, с. 18-19; 23, с. 169].

Подводя итоги, следует сказать, что в денежное довольствие нижних чинов входило много статей расхода. Так, все необходимые предметы обмундирования, вооружения, пропитания, жилья и жалования предоставлялись за счет государственного бюджета, что оказывало положительное воздействие на армию. Однако система довольствия в условиях ведения войны претерпевала изменения. Они были направлены скорее на улучшение финансового благополучия семей нижних чинов сверхсрочников, тогда как насущные проблемы проявлялись на фронте. Нижние чины были недовольны малым жалованием. Военнослужащему в звании рядового полагалась ежемесячная выплата в размере 0,43 руб [23, с. 388]. Для сравнения прапорщик имел годовое усиленное жалование в 732 руб. [2, с. 90], а его месячный доход равнялся 61 руб., что в 140 раз больше оклада нижнего чина. Большая разница в денежном довольствии приводила к открытой вражде и серьезным столкновениям при отступлениях армии [23, с. 388-389]. О том, что суточное довольствие нижних чинов было крайне недостаточным говорит тот факт, что на учащегося кадета в 1890-х годах выделяли 0,27 руб. [24, с. 49] и в эту сумму входило: на завтрак молоко или чай с сахаром; на обед первым подавали жидкий мясной суп, на второе – кусок форшмака, или творожные лазанки, или капустные сосиски и маленькое пирожное; на ужин - чай или молоко с булкой. А нижним чинам во время войны приходилось постоянно испытывать на себе плохие погодные условия, стойко переносить физические напряжения и всяческие иные лишения. Жалование, которое получали нижние чины, можно было разом потратить на покупку сахара, стоимость которого составляла 0,4 руб. Подобная не справедливость еще более обнажалась в сравнении с офицерским составом, который имел право

отовариваться в специальных экономических обществах, куда не могли попасть обычные солдаты, и где тот же продукт стоил 0,15 руб [23, с. 388]. Таким образом, если в начале войны нижним чинам удавалось докупать некоторые продукты для восстановления сил при скудном питании, то в конце русско-японской войны можно было полагаться только на положенный рацион, представленный полевыми кухнями. Цены на продукты питания были высокими, жалования военнослужащих нижних чинов не хватало для собственного пропитания даже на пару недель, не говоря уже о месяце. Накопить денежные средства не представлялось возможным для большинства рядовых служащих, при отсутствии продвижения в военной карьере и других условий. Складывалась следующая ситуация: офицерство могло зарабатывать состояние на войне, на одном жалования, а рядовые военнослужащие должны были воевать на чужой территории за мизерное жалование. Эта проблема пагубным образом влияла на сплоченность армии. Многие из военнослужащих нижних чинов не выдерживали подобных условий и прибегали к грабежу местного населения, чтобы прокормить себя, а также заработать на награбленном. Данное явление порождало ненависть со стороны китайцев, которые пополняли ряды хунхузов (местных бандитов), устраивавших диверсии в тылу русской армии.

Список литературы

1. Военная энциклопедия / под ред. К.И. Величко. Петроград: т-во И.Д. Сытина, 1912. Т.9. 362 с.
2. Малинко В., Голосов В. Справочная книжка для офицеров: в 2 ч. М., 1902. Ч.1. 262 с.
3. Российское законодательство X - XX веков: в 9 т. / отв. ред.: Маньков А.Г.; под общ. ред.: Чистяков О.И. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4. 512 с.
4. Устройство войск, служба и довольствие солдата: составлено для полковых учебных команд, ротных, эскадронных и батарейных школ. С-Петербург: Народная польза, 1891. 81 с.
5. Справочная книга для нижних чинов всех родов войск / под ред. Леонтьева. Ч.1. С-Петербург, 1879. 332 с.
6. Проект приказа по военному ведомству №316 // Разведчик. 1904. №716. С. 714.
7. Приказ по военному ведомству № 290 // Разведчик. 1905. №761. С. 761.
8. Приказ по военному ведомству № 697 // Разведчик. 1905. №787. С. 867.
9. Приказ по военному ведомству № 193 // Разведчик. 1905. №754. С. 753.
10. Приказ по военному ведомству № 289 // Разведчик. 1904. №761. С. 412.
11. Приказ по военному ведомству № 5 // Разведчик. 1904. №697. С. 195.
12. Квитка А. Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904-1905. СПб.: Тренке и Фюсно, 1908. 430 с.
13. Шикуц Ф.И. Дневник солдата в русско-японскую войну: в 2 ч. М., 2002. Ч.1. 232 с.
14. Северьянов П. Сборник теоретических знаний молодых солдат в первые четыре месяца их службы. С-Петербург: Народная польза, 1890. 106 с.
15. Урочное положение для строительных работ. С-Петербург: Правительствующий сенат. 1895. 366 с.
16. Костенко М.И. Осада и сдача крепости Порт-Артур. Мои впечатления. Киев: типография Окружного штаба, 1907. 327 с.
17. Заметки // Разведчик. 1905. №742-743. С. 34.
18. Езерский С.И. Квартирное довольствие войск. С-Петербург: В. Березовский, 1894. 126 с.
19. Приказ по военному ведомству № 681 // Разведчик. 1904. №736. С. 1218.
20. Записки по курсу кулинарной школы. М.: Г.Г. Аралов, 1907. 150 с.
21. Грулев М.В. В штабах и на полях дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального Штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб.: Труд, 1908. 367 с.
22. Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. М.: Центрполиграф, 2002. 360 с.
23. Вересаев В.И. На японской войне. Собрание сочинений в 5 томах. М.: Правда, 1961. Т.3. 602 с.
24. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю: в 2 т. М.: Гослитиздат, 1986. Т.1. 591 с.
25. Приказ по военному ведомству № 620 // Разведчик. 1905. №783-784. С. 800.
26. Заметки // Разведчик. 1904. №702. С. 347.
27. Приказ по военному ведомству № 487 // Разведчик. 1905. №774. С. 773-774.

Об авторе

Бобрышев Георгий Олегович – аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, gobobryshev@gmail.com

УДК 930

РЕФОРМА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Буляк Н.Н.

В статье рассматривается история изучения реформы 19 февраля 1861 г. в Черноземном центре на примере Орловской губернии. В статье дается описание наиболее важных исследований данной темы, которые рассматривают реформу с разных ракурсов. Также освещается разные точки зрения присущие советским и постсоветским исследователям данного вопроса. Подробно рассмотрены недавние исследования, реформы 19 февраля 1861 г., которые отражают современные тенденции и направления изучения данной темы.
Ключевые слова: отмена крепостного права, историография, Орловская губерния, предпосылки отмены крепостного права, условия реализации реформы.

REFORM OF 19 FEBRUARY 1861, IN THE PROVINCE OF OREL (ON THE BASED ON THE WORKS OF DOMESTIC RESEARCHERS)

Bulyak N.N.

This article considers the history of study the reform on the 19th of February 1861 in Black Earth centre for example Oryol Region. The article gives the description of the most important works of this theme, which consider the reform by different ways. So that the article contains different points of view which are typical for soviet and post-soviet researches of this question. Recent investigations are considered in detail about the reform on the 19th of February 1861, which depict modern tendencies and ways of study this theme.
Keywords: abolition of serfdom, historiography, Orel province, background abolition of serfdom, the conditions of implementation of the reform.

Крестьянская реформа 1861 г. стала для России крупнейшим событием XIX в. Вызванные ею преобразования разбили многовековой уклад жизни значительной части населения Российской империи, породили новые, до этого неизвестные отношения в обществе. Реформа принесла свободу 23 млн крепостных крестьян, расчистила дорогу для модернизации экономики и для социально-политической эволюции России по капиталистическому пути, для преобразований и совершенствования системы государственного управления. Современники справедливо называли реформу «Великой».

Этот поворотный этап в истории нашей страны, его подготовка, реализация, итоги изначально привлекли внимание многих историков, экономистов, статистиков. Однако обстоятельное изучение процесса реализации реформы непосредственно в губерниях Черноземного центра, к которым относится Орловская губерния, началось лишь в середине 1950-х гг. Стимулом для активизации исследований стал столетний юбилей проведения реформы. К началу 1960-х гг. появилась возможность разностороннего изучения архивных материалов. Благодаря исследованию текстов уставных грамот, документов Главного выкупного учреждения, губернских по крестьянским делам присутствий, были получены новые результаты, позволившие более объективно оценить предреформенное состояние России в целом, показать подготовку, процесс проведения и последствия реформы.

Тогда же, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. появились обобщающие исследования, которые вывели изучение проблем реформы 1861 г. на новый, более высокий уровень. В первую очередь это относится к монографиям П. А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России» (первое издание этой книги увидело свет в 1954 г., 2-е – в 1960 г. и 3-е – в 1968 г.) [1].

Автор делал упор на анализ массовых источников, главными из которых стали уставные грамоты и выкупные акты. П.А. Зайончковский рассмотрел причины, подготовку реформы, а также ее реализацию по губерниям, предварительно разделив их на три группы. Для определения земельного надела по Местному положению для великоросских, новороссийских и белорусских губерний вся эта территория делилась на три полосы: нечерноземную, черноземную и степную [1, с. 127].

Несмотря на масштабность исследования, автор, рассматривая проведение реформы, большой упор делал на изучение изменений крестьянского земельного надела. В результате

подсчета данных уставных грамот по 15 губерниям, П. А. Зайончковский пришел к выводу, что за исключением четырех губерний – Витебской, Минской, Самарской и Нежегородской, процент увеличения наделов ниже, а уменьшение их выше, чем это фигурировало в официальных данных [1, с. 128].

Саму реформу П.А. Зайончковский оценивал положительно. Отмена крепостного права создала условия для утверждения в России капитализма. Эти условия заключались в личном освобождении свыше 20 млн помещичьих крестьян. Именно личное освобождение крестьян явилось одной из решающих предпосылок, которое обеспечило победу новой системы хозяйства [1, с. 347].

В своей работе П. А. Зайончковский не обошел вниманием крестьянские выступления, которые не являлись центральной темой исследования, но отдавая дань времени, историк обязан был рассматривать события реформы через призму усиления классовой борьбы. Делая вывод о масштабе крестьянского движения, автор остановился на вопросе о количестве войск, привлекавшихся к подавлению волнений в деревне, опираясь на данные департамента Генерального штаба. Они состояли из донесений в Военное министерство как командиров частей и соединений, так и местной администрации [1, с.166]. Говоря о характере восстаний, П. А. Зайончковский пришел к выводу, что они носили «царистский характер», представляя собой выступления против плохих помещиков и чиновников, обманывавших хорошего и доброго царя-батюшку [1, с. 182].

Орловская губерния в исследовании была рассмотрена фрагментарно, в основном в качестве статистической единицы, упор при изучении реформы делался в основном на нечерноземные губернии (Московская, Нижегородская).

В конце 1960-х начале 1970-х гг. появляется ряд значительных работ по изучению экономических последствий реализации реформы в различных районах страны. Основой для них стал большой массив архивных документов. Среди этих исследований следует выделить монографию Б. Г. Литвака «Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1861–1895 гг.» (М., 1972) [2]. Работа состояла из трех глав, написанных на основе изучения 18 тыс. уставных грамот и такого же количества выкупных актов Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний. Автор проследил реализацию реформы 19 февраля 1861 г. в Черноземном центре России, показал предреформенное состояние помещичьей деревни, проанализировав на массовом материале анахронизм надельной и отработочной системы. Автор точно обозначил роль и значение реформы в капиталистической революции Черноземного центра, показывая ее влияние на изменение экономического положение крестьян [2, с. 175].

Во время написания работы в руках Б. Г. Литвака находились уникальные по своему объему материалы выкупных дел по этому региону. «Всего, – отмечал автор, – было выявлено и изучено 17987 уставных грамот и 17738 выкупных актов (договоров)». Б. Г. Литвак сумел оценить объем и степень сохранности фонда выкупных дел, сравнивая их с материалами официальной статистики, подготовленными в конце 1850-х и начале 1860-х гг. известными российскими статистиками А. Тройницким и А. Бушеном [3].

Исследование Б. Г. Литвака привлекает интерес не только своими результатами, но и тем, что в нем была разработана методика изучения проблемы, ставшая эталоном для многих будущих исследователей. В историографии, отмечал Литвак, нет единого подхода к рассмотрению уставных грамот. Некоторые исследователи считают корректным использование выборочного метода. Б. Г. Литвак был убежден, что решение поставленных задач возможно только при условии сплошного изучения всего фонда уставных грамот, а также документов, отражающих события в помещичьей деревне в первые годы после реформы. Автор имел дело с огромным первичным материалом, который почти втрое превышает то, что уже введено в оборот [2, с. 176].

Важное место в работе Б. Г. Литвака заняло изучение экономического положения крестьян после введения уставных грамот. Для того чтобы проследить дальнейшую эволюцию бывшей помещичьей деревни, по мнению автора, было «важно установить основные экономические условия существования крестьянского хозяйства, складывавшиеся в результате реформы: выявить разнообразие этих условий не только в пределах такой огромной административной единицы, какой являлась пореформенная губерния, но и в пределах уезда, селения, мира, «крестьян помещика NN» [2, с.40].

Большое внимание в своей монографии автор уделяет Черноземному центру, к которому относится Орловская губерния. Во главу изучения губернии Б. Г. Литвак ставил поуездное рассмотрение изменения надела крестьян.

Автор подробно по уездам рассматривал предреформенное состояние надела, отмечая при этом, что «Орловская губерния отличалась более высоким средним наделом», чем рассмотренные ранее Воронежская и Курская [2, с. 81]. Нужно отметить также, что большое внимание автор придает именно поуездным данным, которые больше, чем губернские «приближают нас к мозаике реальной жизни» [2, с. 78].

Отдельная глава монографии Б. Г. Литвака посвящена наделам и повинностям крестьян в пореформенное время. В этой части работы немалое место занимает анализ ситуации, сложившейся в Орловской губернии. Автор отмечает: «Последовательное уменьшение удельного веса наделов с отрезкой от оброчных и барщинным крестьянам в итоговых данных Орловской губернии представлено с классической ясностью, зато в отдельных уездах мы наблюдаем явления, которых в предыдущих губерниях не было. Особенно характерен Севский уезд: здесь наибольший удельный вес наделов с отрезкой у барщинных, наименьший у оброчных. Такое же положение в Ливенском уезде, но перепады здесь не столь значительны. Отметим, что эти уезды почти полностью барщинные, тем не менее, резервы для отрезки земли у крестьян довольно хорошо сохранились [2, с.45].

Таким образом, Б. Г. Литвак впервые в отечественной историографии провел разностороннее исследование Черноземного центра накануне реформы, а также проанализировал экономические последствия реформы 1861 г. для помещичьей деревни.

В конце 1970 гг. заметным исследованием проведения реформы 1861 г. стала монография Н. М. Дружинина «Русская деревня на переломе (1861–1880 гг.)» [4], в которой большое внимание автор уделял социально-экономическим процессам, происходившим в русской деревне. Основой для данной работы стал широкий круг источников (законы и административные распоряжения, донесения и издания статистических комитетов и специальных комиссий, материалы публицистического характера, дневники и воспоминания, произведения художественной литературы). Анализируется двойственное влияние аграрной реформы 1861 г. на положение крестьянства [4, с.173].

В своей работе автор подробно рассматривал реализацию реформы непосредственно в Черноземном центре, в который входит Орловская губерния. Н. М. Дружинин акцентировал внимание на всех категориях крестьян, на их численности, подробно останавливался на ходе подготовки и проведения реформы 1861 г. Особый интерес, на наш взгляд, представляет III глава работы, в которой автор остановился на рассмотрении уставных грамот и выкупных операций. Н. М. Дружинин критически относился к достоверности данных представленных в уставных грамотах, отмечая, что сплошное изучение уставных грамот, произведенное Б.Г. Литваком, установило, что колебания отрезков по отдельным уездам были от 4,2% до 43,2%, а в среднем составляют по всему району 16,2%, так как размеры крестьянского надела указаны помещиками по-разному. Сведения, сообщенные помещиками Центрально-Черноземного района об имениях со 100 душами не совпадают с их показателями в уставных грамотах [4, с.49].

В исследовании было рассмотрено крестьянское землевладение и землепользование. Н. М. Дружининым было систематизировано количество надельных земель у крестьянских общин, а также средние душевые наделы различных разрядов крестьян Европейской России [4, с.115].

В монографии автор рассмотрел различные формы финансовых и экономических взаимоотношений крестьян как между собой, так и с помещиками. Не обошёл он своим вниманием и вопрос о самом крестьянском хозяйстве. Взяв за пример Курскую губернию, Н.М. Дружинин рассмотрел системы землевладения, орудия труда, рабочий скот, сельскохозяйственные культуры. При этом автор отмечал, что переходная стадия отрицательно влияет на сельское хозяйство [4, с.188]. В целом Н. М. Дружинин положительно характеризовал проведение реформы 1861 г., отмечая ее важность в историческом процессе.

Интересной по своим выводам является монография Л. Г. Захаровой «Самодержавие и отмена Крепостного права 1856–1861 гг.» (М., 1984 г.) [5]. В монографии исследуется история разработки правительственной программы по отмене крепостного права в различных государственных учреждениях: в Министерстве внутренних дел, в Секретном и Главном комитетах по крестьянскому делу, в Редакционных комиссиях [5, с. 17]. Автором также рассмотрена связь правительственной программы с предшествующим законодательством, опытом аграрных реформ других стран. Формирование правительственной программы показано через деятель-

ность готовивших реформу людей, что позволяет всецело представить данный период. Л. Г. Захарова отмечала большую ценность группы частных источников: воспоминания, дневники, частная переписка, отмечая их слабоизученность на момент написания монографии.

Первой значительной работой, в которой рассматривается реформа 1861 г. в Брянском крае стал исторический очерк И.И. Фишмана и В.А. Архипова «Отмена крепостного права» (Брянск, 1961 г.) [6]. Объектами для данной работы послужили уезды Орловской и Черниговской губерний, которые вошли в состав Брянской области. Основу работы составили архивные материалы из Брянского (ГАБО), Орловского (ГАОО) и Черниговского (ГАЧО) государственных архивов, а также «Труды Черниговской губернской ученой комиссии». В очерке авторы дали краткую географическую и экономическую характеристику Брянского края, рассмотрели положение крестьян до реформы, не обойдя стороной, по сложившейся в советской историографии традиции, выступления крестьян. Так, были рассмотрены выступления крестьян помещика Щербы в с. Клименок Мглинского уезда, в имении капитана Жаковского в с. Малое Полпино и ряд др. Нужно отметить, что в своих выводах авторы сильно преувеличивали революционную роль подобных инцидентов в подготовке отмены крепостного права [6, с. 24].

Отдельным пунктом в очерке выделен вопрос о проектах и реализации реформы в Брянском крае. Отмечая прогрессивный характер реформы, авторы констатировали отрицательное отношение крестьян к способам реализации реформы. В качестве примера исследователи выделяли ряд крестьянских выступлений на Людиновском заводе, а также стихийные выступления крестьян восточных уездов Брянщины [6, с. 40-43].

Таким образом, советскими исследователями были заложены основы по изучению крестьянской реформы 1861 г. Импульсом к рассмотрению данной темы послужил ее 100-летний юбилей. Именно советские историки ввели в научный оборот большой массив архивных источников: уставные грамоты, выкупные акты.

С началом развития компьютерных технологий на новом уровне получил развитие математико-статистический метод в исследовании данных по проведению реформы 1861 г. Обработке подвергся огромный массив уставных грамот и выкупных платежей. В конце 1980-х гг. С. Г. Кащенко были написаны работы, в которых практически впервые были обозначены задачи формализации информации в свете появления новых компьютерных технологий. В рамках существовавшей в то время системы создания реляционных баз данных, рассматривались вопросы формализации кодирования информации, которую необходимо было производить перед вводом ее в ЭВМ. Эти работы преследовали две практические цели: привлечь исследователей к использованию новых технологий и дать пример реализации этой задачи [7, 8, 9].

Начало XXI века ознаменовалось всплеском интереса к изучению реформы 1861 г. В основном это было связано с празднованием 150-летия отмены крепостного права в 2011 г. Многочисленные исследования рассматривали историю крестьянского и помещичьего хозяйства, экономические последствия реформы в различных регионах страны. Не обошли они стороной и Черноземный центр России. Главную роль в этом сыграли труды местных исследователей.

Интересной по своему содержанию является работа Л.М. и Р.Л. Рянских «Актуальные проблемы источниковедения и истории русской крепостной деревни кануна освобождения (по материалам Черноземного центра)», которая на основе изучения выборки массовых источников (подворных описей, хозяйственной документации, личных фондов помещиков), рассматривала состояние помещичьего и крестьянского хозяйства ряда губерний Черноземного центра России накануне реформы 1861 г. [10].

Схожей по характеру исследованием является статья А. В. Перепелицына и В. Н. Фурсова «Особенности земельных отношений крестьян центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX в.» [11]. В этом исследовании были рассмотрены вопросы о крестьянском землевладении и землепользовании в ряде губерний Черноземного центра. Источниками для исследования послужили материалы официальной статистики 1860-х – 90-х гг.

Работу по изучению истории разработки и реализации реформы 1861 г. непосредственно в Орловской губернии проделали исследователи Санкт-Петербургского и Брянского университетов. В 2011–2013 гг. под руководством профессора В. Ф. Блохина был реализован проект, получивший поддержку РГНФ: «Реализация реформы 19 февраля 1861 г. в Орловской губернии (опыт компьютерного анализа массовых источников)». В его рамках были разработаны

сюжеты, связанные с анализом массовых источников, показаны особенности реализации реформы в Орловской губернии, подготовлены сборники документов, отражавшие эти процессы [12, 13].

Одним из итогов проделанной работы явилась монография профессора С. Г. Кащенко «Орловская деревня в начале 60-х гг. XIX века. Экономические последствия освобождения крестьян» (Санкт-Петербург – Брянск, 2013 г.) [14]. В ней автор представил результаты анализа полученного значительного объема данных. Главным источником послужили уставные грамоты и выкупные акты. С. Г. Кащенко отметил значимость этих видов источников для ключевых выводов по реализации реформы в Орловской губернии.

Автор отмечал, что «использованию этих источников в новых условиях должен предшествовать тщательный предварительный источниковедческий анализ, поскольку значительно возрастают требования к достоверности использованных документов, репрезентативности той их части, которая будет служить основой для создаваемой в таких случаях компьютерной базы данных. От качества и количества материала, подготовленного на «входе», будут напрямую зависеть конечные результаты исследования» [14, с. 57].

Для более детального рассмотрения экономических последствий реформы 1861 г. С. Г. Кащенко избрал Орловский уезд Орловской губернии. Автор детально рассмотрел его важнейшие показатели до и после реформы 1861 г., демографические данные, проанализировал положение различных групп крестьян, поставив во главу своего исследования изменения землепользования крестьян. Средний размер крестьянского надела, в соответствие с полученными результатами, существенно изменился. В Орловском уезде в целом он составил 2,7 дес. (сократился почти на 15%). В оброчной орловской деревне – стал равным 2,7 дес. на душу м.п. (сократился на 25%), в барщинной – 2,7 дес. (8,7%), в «смешанной» – 2,9 дес. на душу (11,7%) соответственно [14, с. 185]. Таким образом, работа С. Г. Кащенко положила начало к такому же подробному изучению и других уездов губернии [15]

Помимо рассмотрения экономических последствий отмены крепостного права были систематизированы материалы по подготовке реформы. Они нашли свое отражение в статьях В. Ф. Блохина [16, 17], а также в монографии, в которой впервые, на основе архивных материалов рассказано о процессе создания Орловского губернского комитета [18]. Опубликованные материалы позволяют судить о процессе подготовки реформы в регионе, раскрывают особенности деятельности губернского комитета Орловской губернии.

В настоящее время активно продолжается рассмотрение реформы 19 февраля 1861 г. в Орловской губернии молодыми специалистами Брянского государственного университета. Интересны по своим выводам статьи А. В. Новиковой. В них просматривается современная тенденция детального и разностороннего рассмотрения реформы [19, 20, 21].

Таким образом, в результате последних исследований в научный оборот был введен большой массив новых архивных документов, использовались новые методы исследования с применением компьютерных технологий. Стало очевидным, что детальное рассмотрение особенностей подготовки и реализации реформы 19 февраля 1861 г. позволит выйти на новый уровень исследования в масштабах всей России.

Список литературы

1. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. 367 с.

2. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1961–1995. М., 1972. 422 с.

3. Статистические таблицы Российской Империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год / ред. А. Бушена; предисл. А. Тройницкий. СПб., 1863. 330 с.

4. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880. М.: Наука, 1978. 287 с.

5. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. 256 с.

6. Фишман И. И., Архипов В. А. Отмена крепостного права на Брянщине. Брянск, 1961. 60 с.

7. Кащенко С.Г. Статистические методы в исторических исследованиях. Уч. пособ. Л., 1989. 76 с.

8. Кащенко С.Г. Отмена крепостного права в Псковской губернии, опыт компьютерного анализа условий реализации крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 158 с.

9. Кащенко С.Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. М.; СПб.: Альянс-Археo, 2009. 550 с.

10. Рянский Л. М., Рянский Р. Л. Актуальные проблемы источниковедения и истории русской крепостной деревни кануна освобождения (по материалам черноземного центра) // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 7 (63). С. 326-336.

11. Перепелицын А. В., Фурсов В. Н. Особенности земельных отношений крестьян центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Т. 10. № 8. С. 94-100.

12. Институт мировых посредников в реализации реформы 19 февраля 1861 г. Документы и материалы / Под общей редакцией В.Ф. Блохина. Выпуск II. Брянск: Курсив, 2012. 224 с.

13. Блохин В.Ф., Пчеленок А.В. Социально-экономические условия отмены крепостного права в Брянском, Карачевском, Севском и Трубчевском уездах Орловской губернии / В.Ф. Блохин, М.М. Попова, А.В. Пчеленок. Брянский гос. ун-т им. И. Г. Петровского. Брянск, 2011. 96 с.

14. Кащенко С.Г. Орловская деревня в начале 60-х гг. XIX века. Экономические последствия освобождения помещичьих крестьян, орловская деревня в начале 60-х гг. XIX века. Экономические последствия освобождения помещичьих крестьян. Монография. Брянск: «Издательство Курсив», 2013. 340 с.

15. Кащенко С. Г. Экономические последствия крестьянской реформы 1861 г. в Орловской губернии. Краткий обзор отечественной историографии // Историк, документ, цензура. Источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики. Сборник статей к 60-летию со дня рождения доктора исторических наук В.Ф. Блохина. СПб.: «Гегемон», 2015. С. 62-78.

16. Блохин В.Ф. К истории создания Орловского губернского дворянского комитета для составления положений об улучшении быта помещичьих крестьян (1858–1859 гг.) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 8 (28). С. 38-41.

17. Блохин В.Ф. Проекты орловских дворян на страницах «Журнала землевладельцев» (1858–1859 гг.) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 4 (33). С. 41-46.

18. Блохин В.Ф. Участие орловского дворянства в «определении главных начал для улучшения быта помещичьих крестьян» (1855–1859 гг.). Брянск: Издательство «Курсив», 2013. 160 с.

19. Новикова А.В. Мировые посредники и поместное дворянство: особенности взаимоотношений (на материалах Орловской губернии). // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4. Ч. 1. С. 130-133.

20. Новикова А.В. К истории создания института мировых посредников в России // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Сборник научных статей. Вып. I. Брянск: «Курсив», 2016. С. 48-55.

21. Новикова А.В. Деятельность мировых посредников на страницах «Орловских губернских ведомостей». 1862–1864 гг. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Выпуск II: Материалы всероссийской научной конференции «Печать и цензура в истории России». 14 марта 2016 г. Брянск: «Курсив», 2016. С. 144-154.

Об авторе

Буляк Николай Николаевич – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, bulak1992@yandex.ru

УДК 63-05(57)“18/19”(091)

КРИЗИС АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Вторушин М. И.

Представлена проблема кризиса земельных отношений в Сибири конца XIX века; исследованы внутренние и внешние факторы формирования и развития аграрных противоречий русской земельной общины региона, влияние на этот процесс крестьянских переселений из Европейской России.
Ключевые слова: аграрный кризис, захватное землепользование, старожилы, новоселы, переселенческая политика.

THE CRISIS OF AGRARIA RELATIONS IN SIBERIA IN THE XIX–XX CENTURIES

Vtorushin M. I.

The article deals with the problem of the crisis of land relations in Siberia in the late XIX century, the internal and external factors of forming and development of agrarian contradictions of the Russian land communities of the region, the influence on this process by the peasant migration from European Russia.
Keywords: agrarian crisis, clutch land tenure, aboriginals, settlers, Emigrant policy.

Процессы модернизации Российской империи на рубеже XIX–XX вв. обострил кризисное состояние России, возникшее в предшествующий период. Ключевым элементом данного состояния являлся кризис аграрных отношений, который в стране усугублял общую нестабильность социально-экономических отношений. Аграрный вопрос в России получил свое развитие в Сибири, где в начале столетия оформился общий кризис, имевший ряд подсистемных кризисов, включая дисбаланс в системе функционирования народного хозяйства региона, кризис его социальной структуры, противоречия социокультурного и национального плана, и взаимоотрицающие модели идейно-политического мировоззрения сибирской общественности. В совокупности они в период 1917–1921 гг. породили острые социально-экономические и политические катаклизмы. Как и в России данного периода, основой общего кризиса Сибири являлся аграрный вопрос.

В конце XIX века в трудах А.А. Кауфмана [1], А.А. Чумикова [2] С.П. Шевцова [3], Н.М. Ядринцева [4] исследовались причины сибирского аграрного кризиса. Был выявлено не только наличие крестьянско-аграрного вопрос в Сибири, но и факт прямого влияния на его формирование кризиса земельных отношений в метрополии. Ими было установлено, что в Сибири сущность аграрно-крестьянского вопроса отличалась от содержания аграрного кризиса в Европейской России, где проблема имела в своей основе противоречие между институтом землевладения помещиков на правах частной собственности и малоземельем крестьян, находившихся на положении пользователей наделов в общинном землевладении.

«Земельный вопрос в Сибири, – писал А.А. Кауфман о сущности аграрного кризиса, – этой стране государственного и крестьянского землевладения, – это, во всяком случае, не тот аграрный вопрос, который остро и грозно стоит, в настоящее время, в Европейской России. И это, вместе с тем, не какой-нибудь один сибирский аграрный или земельный вопрос – это сибирские земельные вопросы, – целая группа разнообразных вопросов, в зависимости и от естественных и хозяйственных условий разных местностей Сибири, и от разнообразия состава ее населения, и от пестроты условий землевладения и землепользования различных групп этого последнего» [5, с. 83].

В начале XX века было установлено, что в основе кризиса аграрных отношений в Сибири лежал дефицит пахотной земли. Аграрный кризис, по мнению экономиста-аграрника Н.П. Огановского, состоял в истощении запаса свободных земель для переселенцев из России и отсутствии развитой транспортной системы, без чего невозможно было развивать крестьянское хозяйство [6, с. 31–32]. Этого же мнения придерживался экономист и статистик Л.Н. Литошенко: «Свободный запас земель скоро оказался исчерпанным. Оставалось или втискивать новых переселенцев на занятые уже места и заменять один переселенный район другим, или перестать смотреть на переселение как средство облегчения земельной нужды во внутренних губерниях» [7, с. 133–134]. Эту мысль поддержал экономист И.П. Кантышев в 20-е гг. [8, с. 105], а в начале 50-х гг. историк В.В. Покшишевский [9, с. 187].

Иной взгляд на причины аграрного кризиса в регионе высказали сибирские социологи А. Самохин, считавший, что аграрный кризис состоял в запутанности сибирских земельных отношений [10, с. 111], и Г.Н. Косачинский, который, проведя анализ законов о краевом землеустройстве, пришел к выводу, что аграрный вопрос в Сибири состоял в их реализации, так как они обезземеливали местное крестьянство [11, с. 17]. Известный сибирский историк Л.М. Горюшкин видел аграрный кризис Сибири в остатках государственного феодализма и земельно-арендной системе казны [12, с. 287]. В 80-е гг. В.Г. Тюкавкин и Э.М. Щагин в совместной работе по истории участия крестьянства в русских революциях утверждают, что краевой аграрный кризис был итогом «плохой организации землеустроительных работ и устройства новоселов в Сибири» [13, с. 116]. Разброс мнений о сущности аграрного вопроса в Сибири требует пристального внимания и изучения этой проблемы в комплексе.

По нашему мнению, основой аграрного вопроса в регионе являлся кризис краевой социальной структуры и поземельных отношений в сибирской деревне. В этот период социальная структура аграрного населения Сибири была сложной и противоречивой, не имевшей аналогов в других частях Российской империи. Основой социального кризиса стали противоречия между различными по историческому и юридическому статусу краевыми аграрными группами (старожилы, казаки, старосёлы, новоселы), которые возникли в ходе крестьянско-казацкой колонизации Сибирского региона.

Первая волна крестьянско-казацкой колонизации конца XVI – первой пол. XIX вв. оформила наиболее богатую часть аграрного населения края, получившую в сибирском обществе второй пол. XIX века и среди крестьян новых переселенческих волн название «старожилов» [14, с. 762], делившихся по религиозному признаку на так называемых «кержаков», или «раскольников» (на Алтае варианты определения – «беглопоповцы», «поляки» [15, с. 1–13] и «каменщики» [16, с. 37], в Иркутской губернии – «субботники» [17, с. 65], в Тобольской губернии «поповцы» [18, с. 653]), т. е. противников Синодальной русской православной церкви (СРПЦ), и «челдонов» (чалдоны), являвшихся официально православными. Кроме различий старожилов по религиозному статусу, имелись отличия по ареалу проживания. Традиционно крестьяне-староверы занимали труднодоступные горно-таёжные, как на Алтае, и таежные (Тобольская и Томская губернии) районы, что было результатом длительной репрессивной политики царизма в религиозном вопросе, вынуждавшей до середины XIX века староверов скрываться от официальных властей России.

Челдоны населяли в основном сибирскую лесостепь. Специфика их расселения давала им серьезные экономические преимущества в сравнении со староверами. Это выявилось после возведения железной дороги Екатеринбург – Тюмень и Транссибирской магистрали, линии которых прошли в основном через места проживания челдонов. Прежние коммуникации в виде гужевых трактов, как правило, проходившие через староверческие анклавы региона, после начала эксплуатации железных дорог потеряли свое былое экономическое значение, что сказалось на общих темпах хозяйственного развития селений староверов [19, 407]. Исключением являлось социально-экономическое положение общин старообрядцев Алтая, в которых после строительства веток Транссибирской магистрали на землях округа и освоения Кузнецких угольных копий началось разложение прежде равных староверов на «богачей» и «бедняков» [15, с. 65].

Длительное время старожилы использовали, возникшее после отмены в Сибири в 1762 г. системы государственной десятинной пашни, так называемое захватное право (заимочно-захватное и захватно-вольное) на землю [20, с. 35–39] для обеспечения своих хозяйств необходимыми размерами сельских угодий. Общей чертой хозяйствования обеих групп крестьян-старожилов являлось их активное использование вплоть до последней трети XIX века сибирской разновидности перелога, а также различных форм парово-залежной технологии ведения полеводства, в том числе пестрополья (без точно установленного севооборота). По данным А.А. Кауфмана, в Западной Сибири только парово-залежных технологий имелось более полутора десятков крупных разновидностей [20, с. 6]. Старожилы с позиции развития рынка той эпохи применяли экономически не оправданную экстенсивную систему агротехники [21, с. 115].

Поскольку эта система полеводства требовала значительные земельные площади, то у старожилов в ряде мест в конце XIX века продолжал

действовать институт захватной формы землепользования, хотя по «Положению 1866 года» за ними полностью сохранились их прежние наделы на условиях бессрочного пользования, но без права на расширение. По данным Н.К. Истоминой, в 1880-е гг. старожилы имели земельные участки «иногда по 300, по 500 и даже по 1000 десятин» [22, с. 20]. Исключением были бывшие государственные и приписные крестьяне Барнаульского, Бийского, Кузнецкого округов Томской губернии, которым изначально были определены наделы от 12 до 15 дес. на одну мужскую душу [20, с. 53]. Для устойчивого ведения крестьянского хозяйства этого размера земельного надела не хватало, поэтому «Алтайский округ приобрел печальную известность вследствие постоянных земельных неурядиц, происходящих там, и бесконечных споров о полевых и сенокосных угодьях между самими старожилами» [2, с. 92]. Кроме Алтайского округа, отмирание института захватного землепользования происходило в некоторых районах Тобольской губернии. В частности, в Ишимском уезде данной губернии, где уже истощился запас свободных земель, крестьяне старожильческой общины переходили к надельно-душевому переделу [23, с. 4–5]. В начале 1890-х гг. в распоряжении земельных общин старожилов еще имелись значительные площади земельных угодий, включая и резервы так называемых «заимок», «выставок», «починок» [24, с. 73–75], в совокупности превышавших своими размерами наделы новоселов как по качеству пашни и размерам общинного землевладения, так и по доле индивидуального наделения земледельца [25, с. 58–70].

Старожилы отличались и системой организации земельной общины. У основной массы этой категории крестьян она состояла из нескольких сельских обществ, которые располагались друг от друга на 80–100 км, подчинявшихся одной волостной администрации. Волостные земельные дачи имели размеры до 1–1,5 млн дес. Землепользование отдельных селений, составлявших одну волость, длительное время из-за сложности проведения государственных межевых мероприятий не разграничивались и не закреплялись [26, с. 252]. По данным Н.П. Огановского, на 1 января 1916 г. за старожилами и аборигенами Сибири еще числилось до 33,5 млн дес. земельных угодий, из которых только 15 595 тыс. дес. было официально отведено для землевладения [6, с. 23]. Исторически сложившееся земельное превосходство крестьян-старожилов над крестьянами-новоселами в дальнейшем не могло не вызывать острых трений по вопросу о справедливости землеустройства сибирских аграриев [27, с. 29–30, 33].

Вторая волна аграрной колонизации Сибири была связана с самовольным переселением крестьян ряда черноземных губерний центра страны в 60–80-е гг. XIX века, оформивших временную аграрную группу «староселов» [28, с. 37] (термин ввел Е.С. Филимонов [14, с. 762]). Староселы заняли промежуточное экономическое положение между старожилами и новоселами начала XX века. Староселы, как правило, или вливались в индивидуальном порядке в общины старожилов-челдонов, заплатив большие суммы за приемы по договору, или на свободной земле, предоставленной местными властями, они создавали самостоятельные сельские общества [29, с. 260].

Согласно «Временным правилам о переселении крестьян на свободные земли» от 10 июля 1881 г. старосёлы, если они не приписывались к общинам старожилов, могли получить в краткосрочное (на 6–12 лет) пользование казенные земли, в размерах не выше указанного в регламенте надела или не более 8 дес. на одну мужскую душу [26, с. 60]. По истечении этого срока переселенцы получали землю в бессрочное пользование на правах с бывшими государственными крестьянами. При этом они не имели права «ни отчуждать, не обременять долгами» полученную землю [26, с. 63]. Из-за сложности проведения землеустроительных работ на местах власти часто не исполняли положения «Временных правил», поскольку «переселенческий отряд межевых чинов не может похвалиться избытком или даже достаточностью своих сил» [2, с. 92]. Поэтому в ряде случаев староселы создавали свои сельские общества, водворяясь на свободных казенных землях только после дачи солидной взятки местным чиновникам и сибирским крестьянским начальникам [30, с. 278].

Часть старосёлов при землеустройстве не смогла преодолеть финансовый барьер, израсходовав денежные средства еще до Тюмени, после чего они на местах образовали группу безземельных переселенцев, представлявшую собой «тысячи семей бесправных бобылей» [2, с. 94]. По данным Р.А. Малькова, в 1889 г. эта категория старосёлов, составляла до 10 % от общего числа переселенцев [31, с. 123], сформировавших первый отряд сельских пролетариев Сибири. Старосёлы нанимались на работу в хозяйства старожилов исходя из особой таксы оплаты, зависевшей от сезона найма. Поденщик

за работу осенью–зимой получал 20–30 коп., а в весенне-летнюю страду оплата доходила до 50 коп. Годовой работник получал 35–50 руб. и сверх того две засеянные десятины (рожь или пшеница) [22, с. 37]. Для сравнения, в губерниях метрополии за период 1891–1900 гг. поденная зарплата сельскохозяйственного рабочего на своих «харчах» во время весенних работ составляла в среднем 44 коп., летних 60 коп., а годовой расчет – 61 руб. [32, с. 27], т. е. в европейских губерниях оплата труда батрака была выше. Однако важно учитывать, что стоимость жизни в Сибири было ниже, чем в метрополии [33, с. 13, 18], поэтому стартовые возможности для старосёла были выше, чем на родине. Отряд поденщиков из несостоятельных старосёлов по мере обустройства и создания самостоятельных хозяйств сокращался [3, с. 35], но полностью эта категория сибирских крестьян своего существования до 1917 г. не прекратила.

Одной из причин острого противостояния необустроенных старосёлов и общин старожилов был институт «полетки». «Полетовщина» являла собой одну из самых разорительных форм кратковременной аренды земли переселенцами в селениях старожилов. Старожилы составляли общественные приговоры, по которым новоселов заставляли платить буквально за всё: за право проживания в деревне, за выпас скота, за водопой и даже за право проезда по дороге. Эти платежи, взимаемые ежегодно, назывались «полетки», а новоселы, облагаемых ими, «полетовщики» [34, с. 160]. За приемный договор в кризисных районах края необходимо было вносить от 100 и более рублей, поэтому остальные поборы разоряли новосела [22, с. 25]. Институт «полетки», видимо, возник в селах староверов, таким образом, третировавших переселенцев из числа православных, затем они получили распространение и в общинах старожилов-челдонов.

Важно, что переселенцы пореформенного времени несли в развитые уезды Сибири улучшенные орудия труда [9, с. 10]. Это позволило им вести аграрное производство в интересах рынка [34, с. 165], тем более, что старожил являл «совершенно не способного ни к интенсивному труду, характеризующему выходца из Европейской России, ни к правильному хозяйственному расчету, ни к культурно-хозяйственному прогрессу» [14, с. 762].

Старожилы в этих условиях проигрывали конкурентную борьбу на все виды аграрного рынка, поэтому стремились монополизировать свои права на землю и не пускать в свои селения новосёлов, а если власти принуждали подписать приемный договор, то создавали такие условия для переселенца, чтобы он добровольно ушел из села. Для этого возник институт «прижимки», например на Алтае, т. е. невыгодных условий причисления [3, с. 38–41]. Если соотношение сил в селе было примерно равным, то часто между старожилами и новоселами происходили столкновения, перераставшие в драки и побоища [22, с. 27]. Если новоселы превышали численность старожилов, последние бросали свои селения и почти в полном составе уходили на новое место, как это было на Алтае, где из деревень Ребриха, Быстрый Исток, Черемнова, Клочки и др. ушли старожилы. Они объясняли свое выселение просто – «лапотники выжили» [3, с. 42].

Важно отметить, что в поселениях старожилов в этот период также обострились противоречия. В основе конфликта старожильческих поселений-общин лежала проблема неразмежеванности земельных угодий. Исследуя сибирскую общину, Н. Петропавловский (Н.Е. Каронин) писал: «В большинстве случаев поземельной единицей был не поселок, а целая группа поселков, составивших впоследствии волость; таким образом, границ между поселками не существовало; все поселки, составлявшие волость, владели землей нераздельно, между тем владения волости иногда простирались верст на пятьдесят в диаметре. Не трудно понять тот хаос, который происходил тогда, в особенности при увеличении народонаселения; сталкивались между собой члены одного поселка, сталкивались поселки, сталкивались даже волости, ибо границы волостей представлялись всем довольно смутно. Дело часто доходило до кровавых драк. Жители известной волости заезжали на землю другой волости – происходила драка, в особенности во время сенокосов; шли стена на стену и дрались чем попало – кольями, литовками, палками» [24, с. 65]. Решить споры старожилов о границах земельных владений их общин власти физически не могли, так как еще в 1894 г. на весь регион имелось всего 100 человек межевых чинов [35, с. 180].

Новый этап развития аграрного кризиса в Сибири, который принял форму открытого социального конфликта всех аграрных групп старожилов с новыми волнами крестьян-переселенцев, продолжавшегося до конца 20-х гг. XX века, был связан с недостаточно продуманной и

малоэффективной, как показали дальнейшие события, землеустроительной политикой правительства рубежа XIX–XX вв., состоявшей в безусловном изъятии у старожилов значительных производственных территорий для размещения на них новых групп крестьян-переселенцев [6, с. 99]. Обострило ситуацию создание института оброчно-земельных статей и лесного хозяйства казны, а также мероприятия властей по подъему доходности сдаваемых в аренду государственных земель [36, с. 263].

Длительное время коренное крестьянство Сибири не имело юридически оформленных документов на право пользования своими земельными долями [28, с. 50], так как господствовало традиционное право первозахвата. Только с 1898 г. правительство начало поземельное размежевание в общинах старожилов [6, с. 23]. Указы 1896 и 1898 гг. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев» и «О правилах определения земельных наделов» [31, с. 125–131] стали базой землеустроительных работ в регионе. Реализация данных указов привела к юридическим коллизиям в отношениях между старожилами и новоселами. Это выявилось в ходе возведения Транссибирской магистрали, для обслуживания которой переселялись малоземельные крестьяне из России, с наделением их земельными долями вдоль дороги [14, с. 738–739].

Обеспечивались государственные переселенцы земельными наделами в основном за счет владений старожилов, что вело к нарушению прав местных землепользователей, основанных на традициях предшествующих исторических эпох. У старожилов в этот период уже сложилась традиция укрывать пашню от контроля фискальных органов, чтобы не платить подати в казну. Местные власти, зная о тенденции к сокрытию реальных размеров пашни, действовали решительно. Так, производившая в 1893 г. землеотводные работы в Ишимском округе Тобольская временная межевая партия изъяла из владений старожилов 135 787 дес. лучших земель, или 64 % всех земель, которые были включены в состав переселенческих участков или в казенно-оброчные статьи [29, с. 151].

В ходе реконструкции сибирского землевладения в полосе обустройства железной дороги для новоселов было изъято из пользования общин старожилов и у киргизов-скотоводов 5 млн. 744 тыс. дес. земельных угодий, из которых в 1900 г. 4 млн. 308 тыс. дес. уже были заняты переселенцами [37, с. 80].

Проводимый способ землеустроительной политики затрагивал в той или иной степени экономические интересы старожилов всех религиозных групп. По данным Н.П. Огановского, переселенцы монополизировали сбыт хлебной и скотоводческой продукции в зоне железной дороги, так как старожилы, жившие на расстоянии свыше ста верст от линии дороги, не заинтересованы были производить хлеб на продажу по цене 20–40 коп. за один пуд [6, с. 31].

Действия властей по изъятию у общин старожилов земельных резервов и части активной пашни мотивировались тем фактом, что все земли в Сибири считались казенными или владением Кабинета. Это позволяло Комитету Сибирской железной дороги производить цикл землеотводных мероприятий по водворению новоселов, не учитывая местных традиций землепользования, базировавшихся на принципах трудового права – кто первый опахал поле или окосил луг, считался его владельцем, т. е. «веровали складам» [6, с. 23].

Объяснение порядка насильственного отчуждения в полосе строительства земель строилось на том основании, что земельные участки старожилов и части старосёлов по своему статусу соответствующим образом не были юридически оформлены [27, с. 50–51] или в качестве семейной доли в составе угодий сельских обществ, или в качестве частной собственности, институт которого в Сибири в этот период так и не получил прописки [5, с. 80]. В отличие от старожилов переселенцы 1890-х гг. изначально имели юридическое право на землю, как было указано, «на правах постоянного наследственного пользования», но без права на частную собственность[38, с. 83].

Итогом железнодорожного строительства и мероприятий по водворению новоселов в Сибирь стало оформление в регионе новой массовой категории крестьян-переселенцев с новым юридическим статусом, призванной не только обеспечивать бесперебойную работу Транссиба, но и платить оброчную подать в размере 2 руб. 71 коп. за душевой надел или по 18 коп. с десятины [37, с. 41]. Для сравнения, в губерниях метрополии в 1899 г. крестьяне платили с десятины 1 руб. 51 коп., а помещики – 20 коп. [39, с. 132]. Чтобы новоселы могли не только платить налоги, но и наравне со старожилами арендовать казенные земли для развития зернового хозяйства, прави-

тельство осуществляло ряд мер по их обеспечению первоначальными материальными ресурсами [40, с. 81–99].

В поисках новых источников налогообложения правительство обратило внимание на фонд казенных земель в Сибири, который можно было сдавать в аренду старожилам, имевшим необходимые денежные средства и возможность нанимать батраков из огромной массы несостоятельных новоселов. Меры правительства по изменению в Сибири системы налогообложения диктовались тем фактом, что часть русского населения и ряд категорий аборигенов края были освобождены от налогового бремени, выполняя натуральные повинности [41]. Фискальные соображения стали основой долгосрочной переселенческой и землеустроительной политики в Сибири и в других окраинных частях империи.

Проблемой для властей Сибири при реформировании налоговой системы было отсутствие точных данных о размерах землепользования старожилов. В отношении новоселов конца XIX века ситуация была более или менее ясная, так как они изначально получали в пользование единообразные 15 дес. пашни и 3 дес. леса [5, с. 101]. В 1880-х гг., чтобы увеличить фонд казенно-оброчных статей, сдаваемых в аренду, в действие было введено положение о системе «дач единственного владения казны» на окраинах империи, в том числе и в Сибири [36, с. 236]. В рамках данного законодательного акта запрещалось крестьянам Сибири продавать землю, отдавать ее в залог и проводить другие операции [36, с. 150]. Также власти начали реализацию мер по унификации структуры крестьянского землепользования с европейским аналогом, сокращая размеры волостных земельных дач и создавая институт поселенных дач [26, с. 252].

Затем началось наступление на право пользования лесными угодьями в регионе. 8 ноября 1886 г. вышло распоряжение Управления государственными имуществами Западной Сибири о переходе всех лесов в ведение казны [41, с. 159] и запрете рубить лес для продажи без предварительной уплаты «попенных пошлин». Правительство не только узурпировало часть крестьянских лесов, но и повышало таксы на лесные материалы [26, с. 236–237].

В конце XIX века в России проводились мероприятия по унификации юридического положения всего населения империи. В Сибири ее целью было уравнивание юридического статуса сибиряков с жителями метрополии. Правительство, стремясь увеличить число налогоплательщиков, чтобы повысить доходность казенного имущества, отменило ряд льгот для крестьян Сибири. Важным шагом стали мероприятия по прикреплению старожилов и аборигенов к определенной территории. Для этого началась ликвидация системы заимок, и вводились стандарты земельного отруба для каждой крестьянской семьи, т. е. прекращалась практика захватного права. Одновременно были определены размеры кочевых угодий для скотоводов [40, с. 27–28].

Все излишки поступили в колонизационный фонд. Лучшая часть земель, до 25% от общего числа изъятых из пользования старожилов, не передавалась в переселенческий фонд. Они размежевывались в казенно-оброчные статьи и оставлялись в запасных участках, которые равномерно распределялись среди селений новоселов и старожилов для сдачи в аренду [34, с. 152]. Также велось насаждение общинного землепользования по образцу крестьянской общины в России [27, с. 61–62], которая несла ответственность на основе круговой поруки за каждого своего члена, в том числе за уплату подати. В рамках этой задачи проводились землеотводные операции и вновь за счет коренных крестьян, что вызывало острые трения старожилов с новоселами [24, с. 50].

Кроме противоречий по земельному вопросу, выявилось недовольство старожилов экономическими преимуществами новоселов, так как мероприятия правительства по водворению нового отряда крестьян-переселенцев создали предпосылки для устойчивого хозяйственного положения данной категории новоселов, которые при переселении пользовались льготным переселенческим тарифом (0,3 копейки с человека-версты), домообзаводственными ссудами и т. д. [9, с. 133–134]. Данное обстоятельство позволяло переселенцам использовать железную дорогу в своих хозяйственных интересах, удешевлять производство и реализацию аграрной продукции в регионе, чего были лишены другие группы сибирских крестьян. Особенно наглядно это проявилось в начальный период крестьянской маслоделательной кооперации конца XIX столетия [38, с. 193–201, 227–232].

Таким образом, в конце XIX века в ряде губерний и областей Сибири под влиянием процессов крестьянского переселения из метропо-

лии и развития рыночных отношений в Сибирском регионе оформился аграрно-крестьянский вопрос. Внутреннюю сторону этого кризиса составляли социально-экономические противоречия внутри общины старожилов, а внешнюю – их противоречия с другими категориями крестьян по земельному вопросу, а также с государством, колонизационная политика которого ущемляла традиционные права коренного населения Сибири.

Список литературы

1. К. А. А. Хозяйственный и общинный быт крестьян и инородцев Иркутской губернии // Северный вестник. 1891. № 8. С. 24–42.

2. Ч. А. Крестьянское переселение в Сибирь // Русская мысль. 1895. № 7. С. 80–96.

3. Марусин С. Переселенческое движение на Алтай // Северный вестник. 1891. № 7. С. 21–53.

4. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. 720 с.

5. Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 79–140.

6. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921. 186 с.

7. Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. 536 с.

8. Кантышев И. Колонизация, землеустройство и мелиорация в Сибири // Жизнь Сибири. 1922. № 2. С. 102–108.

9. Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. 207 с.

10. Самохин А. Устройство земель в Иркутском округе // Жизнь Сибири. 1928. № 5. С. 111–114.

11. Косачинский Г. Октябрьская революция и крестьянское землепользование // В помощь земледельцу. 1927. № 11. С. 16–19.

12. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск, 1976. 344 с.

13. Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. 208 с.

14. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона. М., 1992. Т. 58. 957 с.

15. Шевцов М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Западносибирского отдела императорского Русского географического общества. Т. XXVI. Омск, 1891. С. 1–92.

16. Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. Кн. 1. СПб., 1886. С. 21–47.

17. Астырев Н. Субботники в России и Сибири // Северный Вестник. 1891. № 1. С. 34–70.

18. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 2. 808 с.

19. Капитонов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004. 568 с.

20. Дорофеев М.В. Земельные отношения в Томской губернии во второй пол. XIX– нач. XX в. Новокузнецк, 2007. 135 с.

21. Личков Л. Где правда? (К вопросу о «поездках» для исследования Сибири) // Русская мысль. 1895. № 3. С. 105–133.

22. Истомина Н.К. Сибирь и переселенцы. Харьков, 1892. 64 с.

23. Кауфман А.А. Община и успехи сельского хозяйства в Сибири. СПб., 1894. 39 с.

24. Петропавловский Н. Схема истории сибирской общины // Сибирский сборник. Кн. 2. СПб., 1886. С. 62–82.

25. Сухотина Л.Г. Формы землевладения, земледельческие системы и орудия труда в сибирской деревне второй пол. XIX в. // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967. С. 58–70.

26. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. 588 с.

27. Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири. Омск, 2001. 116 с.

28. Кауфман А.А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Северный вестник. 1891. № 4. С. 27–52.

29. Чуркин М.К. Переселение крестьян черноземного центра России в Западную Сибирь во второй пол. XIX – нач. XX вв. Омск, 2006. 376 с.

30. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967. 412 с.

31. Мальков Р.А. Переселенческие контингенты как социальный источник пролетариата // Из истории Западной Сибири. Вып. 64. Новосибирск, 1971. С. 121–133.

32. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. 600 с.

33. Кауфман А.А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906. 37 с.

34. Соловьева Е.И. Переселение крестьян в Сибирь в конце XIX– начале XX вв. (1893–1905 гг. // Из истории Западной Сибири. Вып. 1. Кемерово, 1966. С. 138–167.

35. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1895. № 1. С. 168–184.

36. Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. 265 с.

37. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. СПб., 1900. 640 с.

38. Дорофеев М.В. Влияние столыпинской аграрной реформы на землевладение и землепользование в Сибири (По материалам Томской губернии) // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Томск, 2007. С. 78–85.

39. Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России. М., 1975. 398 с.

40. Кауфман А.А. Сибирское переселение на исходе XIX в. СПб., 1901. 349 с.

41. Пащенко О.П. Выступление против натуральных повинностей в социальном протесте крестьян Западной Сибири в 1861–1904 гг. // Омские социально-гуманитарные чтения. Омск, 2009. С. 156–160.

Об авторе

Вторушин Михаил Иванович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного муниципального управления и таможенного дела, Омский государственный технический университет, vtorushin-m2013@yandex.ru

УДК 94(430)

СТАНОВЛЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ ОТ ПАДЕНИЯ МОНАРХИИ ДО ПРИНЯТИЯ ВЕЙМАРСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Денисов С.И.

В статье рассматривается процесс формирования чрезвычайного законодательства Германии в первые месяцы Веймарской республики. При рассмотрении темы были использованы различные научные методы. На основе анализа нормативных актов, воспоминаний современников, исследований отечественных и зарубежных учёных автор выделяет основные факторы, повлиявшие на становление и развитие чрезвычайного законодательства, и даёт характеристику правоприменительной деятельности.
Ключевые слова: история Германии, революция, Веймарская республика, осадное положение, чрезвычайное законодательство, особые(чрезвычайные) суды , рейхспрезидент.

FORMATION OF EMERGENCY LAW IN GERMANY FROM THE FALL OF THE MONARCHY BEFORE THE ADOPTION OF THE WEIMAR CONSTITUTION

Denisov S.I.

The article deals with the formation of the emergency legislation in Germany in the early months of the Weimar Republic. Various research methods were used in consideration of the topic. Based on the analysis of regulations and articles of domestic and foreign scientists the author identifies the main factors influencing the formation and development of emergency legislation and gives a description of enforcement.
Keywords: history of Germany, the revolution, the Weimar Republic, a state of siege, a state of emergency laws, special (emergency) courts, Reich president.

Начатый осенью 1918 года болезненный процесс перестройки немецкой государственно-правовой системы стал важным этапом в развитии германского государства, без осмысления которого трудно понять историю развития немецкого общества в прошлом и настоящем.

Смена политического и экономического строя государства, произошедшая в ходе Ноябрьской революции, коренным образом изменила жизнь людей, нарушив ее привычный ритм. В Германии правили страх и ненависть. Перестрелки, убийства, бунты, и гражданские волнения подрывали уверенность в завтрашнем дне. Это предопределило необходимость разработки чрезвычайного законодательства как правовой основы, предназначенной для эффективного регулирования общественных отношений в условиях острого социально- политического кризиса.

Поскольку принятие основного закона затягивалось, а внутриполитическая ситуация требовала принятия экстренных мер представители новой власти обратились к ранее принятым и не отмененным правовым актам. К числу таковых относились акты прусского законодательства второй трети 19 века: прусские законы и распоряжения от 17 августа 1835г. [5], от 20марта 1837г. [6], и от 4 июня 1851 года [4,с.76].

В первых двух актах содержатся положения о порядке привлечения армии для борьбы с восставшими. Войска могут быть использованы в обстоятельствах, при которых власть полиции бессильна, и исполняют свое дело в качестве абсолютно самостоятельного государственного органа со своим особым кругом полномочий.(§8 закона 1837г.). Характерной для Пруссии чертой является положение закона, которое гласит, что военный начальник имеет право сам приступить к усмирению народного волнения, если по искреннему своему убеждению и правильному пониманию долга службы он находит, что гражданская власть слишком медлит принять надлежащая меры [6].

В названных документах определяются основания применения оружия, меры предупредительного характера и длительность использования военной силы.

Осадное положение в Германии, согласно нормам закона 1851 г., могло быть объявлено, во 1-х, если, в случае войны, какой-либо местности угрожает или если в ней уже произошло вторжение, и во 2-х, в случае восстания, явно угрожающего общественной безопасности. Объявление совершается посредством издания императорского указа, который подписывается имперским канцлером. Указ публикуется в официальном органе и, сверх того, о нем ставятся в известность все те местности, которые объявляются на осадном положении, путем публичного прочтения указа, расклейки его в общественных местах и

публикации в газетах(§3). Длительность введения данного режима в законе чётко не регламентируется[4, с.76]. Поскольку для новой власти было важно, чтобы система государственного управления продолжала В первую очередь это касается норм, направленных на борьбу с беспорядками. К подобному выводу мы приходим на основании анализа актов и, как местных, так и центральных властей изданных в первой половине 1919г, а также деятельности военных и гражданских структур в рассматриваемый период.

Уже 12 декабря1918 г. Совет Народных Уполномоченных (СНУ) утвердил декрет об образовании «добровольческого фольксвера», который должен был стать военной опорой республики. «Добровольческие корпуса» формировались из числа офицеров и унтер-офицеров бывшей кайзеровской армии. Как гласил один из пунктов данного закона, «в состав данных формирований на добровольной основе принимались лица, достигшие, как правило, 24 лет, физически крепкие, имеющие достаточный опыт безупречной военной службы(§7)» [7].

Спустя два дня 14 декабря представитель военного командования генерал-майор Густав Майеркер издаёт приказ №1 в котором, в частности, устанавливалось, что добровольческие стрелковые корпуса создаются для «поддержания правопорядка и спокойствия внутри страны и защиты её границ». Каждый доброволец обязался поддерживать «железную дисциплину», и строго наказывался за проступки, в том числе, смертной казнью за грабёж»[8]. По закону вновь создаваемые корпуса подчинялись непосредственно Совету народных уполномоченных, однако как показали дальнейшие события, на практике они выполняли приказы только своего командования.

В 1919 году сформированные добровольческие части приняли самое деятельное участие в подавлении восстаний группы «Спартак» и других леворадикальных выступлений. Когда правительство решало выдвинуть силы против начинающегося восстания в той или иной части страны, единственным доступным средством контроля и противодействия вооруженным демонстрантам, захватившим правительственные здания и редакции газет, были части добровольческих корпусов. Доказать свою эффективность они смогли уже в январские и мартовские дни в Берлине.

По предложению Эберта в декабре началось разоружение всех неконтролируемых правительством военизированных формирований. Тем самым под благовидным предлогом наведения порядка, 23-25 декабря Совет Народных уполномоченных предпринял попытку разоружить «народную морскую дивизию», которая была военной опорой НСДПГ. Это привело к вооруженному столкновению моряков с правительственными отрядами. В связи с этим инцидентом в правящей коалиции возник острый конфликт, приведший её к развалу. Независимцы расценили создание «добровольческих корпусов» и роспуск «революционных» отрядовкак предательство революции. 29 декабря Гаазе, Дитман и Барт вышли из состава СНУ.

Эберт немедленно заполнил вакансии своими сторонниками. Теперь, как он сам заявил, у власти будет «однородный партийный режим». Густав Носке стал министром обороны. Именно ему,Густаву Носке удалось наладить диалог с восставшими матросами в Киле в ноябре 1918 года и добиться нормализации ситуации в городе. Это способствовало дальнейшему росту влияния этого человека в германском правительстве. Эберт дал Носке всю полноту власти в наведении порядка в Берлине. Это же подтвердил и сам министр в своих мемуарах: «Я не снимаю с себя ответственности... мои властные полномочия были неограниченными»[20 ,s. 68].

Когда в январе 1919 года в Берлине начались массовые демонстрации, Носке было поручено собрать верные правительству войсковые части и приготовить их для подавления восстания. Правительство Эберта объявило чрезвычайное положение. Во исполнение этого решения министр обороны реквизировал в Далеме, пригороде Берлина, помещение женской гимназии и создал в нём Чрезвычайный штаб. Именно здесь были сконцентрированы подразделения, которым предстояло стать могильщиками «Восстания спартакистов».

11 января 1919 года соединение численностью 2-3 тысячи солдат под командованием Густава Носке вошло в Берлин.Правительство запретило армейским офицерам вести переговоры о сдаче, речь шла о боях на уничтожение. Выступления в Берлине были подавлены с такой невероятной жестокостью, на которую в свое время не решалось и кайзеровское правительство. Сам руководитель подавления восстания так охарактеризовал свою роль в этих событиях «Кто-то должен быть кровавой собакой» [20`, s. 68].

В феврале - марте продолжается процесс

формирования новой юридической основы республики. Основополагающее место в нём заняли «Закон о временной власти рейха» от 10.02 1919года [9] и переходный закон рейхспрезидента республики от 4.03.1919г [10].

В первом параграфе мартовского закона закрепляется положение о том, что прежние законы и предписания империи остаются в силе, если они не противоречат нормам нового законодательства (то есть актам от 10 февраля и от 04марта1919г.) [10]. Следовательно, сохранили свою силу и выше упомянутые акты прежнего чрезвычайного законодательства.

Более того на местах руководители силовых структур, получив исключительные полномочия по наведению порядка, издавали собственные распоряжения, целью которых было установление осадного положения. Следует отметить, что подобные меры стали реакцией на попытки левых сил захватить власть в отдельных районах Германии.

В частности, в феврале 1919 года Советская Республика была провозглашена в Брауншвайге и Бадене Они были подавлены ценой огромных человеческих жертв принепосредственном участии добровольцев. 18 февраля в Рурском бассейне вспыхнула стачка горнорабочих, которая быстро прекратилась. Однако, по мнению одного из современников тех событий Эмиля Барта, она «дала правительству необходимый предлог для того, чтобы ввести по всей Рейнской области режим террора» [1, с.172].

3 марта в Берлине началась всеобщая забастовка, через два дня переросшая в ожесточенные уличные бои. В тот же день прусское правительство под руководством социал-демократов ввело осадное положение в полицейском округе Берлина, городском районе Шпандау и в округах Телтов и Нидербарним. Министр Густав Носке был наделен исключительно властными полномочиями в отношении этой территории. В первом своём распоряжении, последовавшем сразу за предоставлением ему чрезвычайных полномочий, военный министр закрепляет за собой контроль над органами местной власти и самоуправления. Он вводит запрет на собрания под открытым небом, а собрания в закрытых помещениях могут проводиться только с его санкции. Так же его согласия требует открытие новых газет. В каждом из указанных районов вводится чрезвычайное судопроизводство. Ограничивается свобода передвижения граждан[20, s.104]. Таким образом, налицо ограничение личных и политических прав и свобод, провозглашенных в первые ноябрьские дни.

Дальнейшие события заставили Носке принять более жёсткие меры. В связи с уличными боями, развернувшимися на подконтрольной территории, рейхсминистр отдаёт приказ: «Каждый, кто будет задержан с оружием в руках, сражаясь против правительственных войск, подлежит расстрелу на месте». Также предписывается восстановление железнодорожного сообщения под угрозой применения оружия» [20, s.165].

Основанием для ужесточения репрессий стало сообщение о том, что в Лихтенберге «спартаковцами » были убиты 60 полицейских. Хотя эта информация была сразу же опровергнута, указание министра рейхсвера оставалось в силе до 16 марта. [19, s.263].

Кроме этого приказа современник тех событий, немецкий учёный Эмиль Юлиус Гумбель в своей работе «История 354 политических убийств» упоминает о существовании ещё одного приказа, якобы изданного командованием кавалерийской бригадой 10 марта. В нём содержались чёткие указания о расправе с лицами, оказавшими сопротивление войскам, или замешанными в вооруженном грабеже. Более того , в домах из которых велась стрельба должны были проводиться повальные обыски без присутствия жильцов. Приказ, предписывал расстреливать людей, на квартире которых будет найдено оружие. Доказательство участия в боях против правительства при этом не требовалось [3, с.57].

Всего жертвам берлинских мартовских боев стали, по разным данным, от 1 до 1,5тысячи человек, в том числе 26 невооруженных матросов и бесчисленные невиновные граждане [19, S.265-266]. Таковы были результаты применения чрезвычайного положения в столице.

В течение апреля-мая 1919г. осадное положение вводится и на территории других земель республики. Так поводом для введения военного положения на территории свободного государства Брауншвейг стало провозглашение здесь 9 апреля советской республики и смена власти в данной части Германии. Местный совет приостановил железнодорожное сообщение с остальными частями страны. Подобная ситуация грозило срывом сельскохозяйственных работ, поставок угля и прочих грузов. Всё это, как следует из материалов парламентских слушаний, могло привести к углублению экономического кризиса[11]. С целью поддержания общественной безопасности назначается осадное положение на основании

распоряжения от 13 апреля на указанной территории [12]. Для осуществления необходимых мер был привлечён добровольческий стрелковый корпус под командованием генерал-майора Маеркера. И уже 16 апреля его войска вступили в Брауншвейг. Советы были распущены, общественное спокойствие восстановлено. [1, с.184]. Однако Указ об осадном положении продолжал действовать до начала июня.

Так же для поддержания общественной безопасности 23 апреля подписан акт президента и главы правительства о введении осадного положения в землях Саксонии. Полномочия по проведению необходимых мероприятий возложены на местное правительство. При этом в тот же день отдельным декретом рейхспрезидента объявляется осадное положение в городах Бремене и Фегесаке [13, S.429]. Однако этот правовой режим не был продолжительным по времени и уже в середине мая в Фегесаке он был отменен указом главы государства. Практически одновременно вводится осадное положение в городских районах Гамбурга, Альтоны и Вандсбек. Полномочия по наведению и поддержанию порядка возложены на коменданта большого Гамбурга[14, s.441]. Однако данный указ, как выяснилось позднее, лишь на несколько месяцев отложил новый социальный взрыв.

В апреле-начале мая ещё одним очагом напряженности весной 1919г. была Бавария. Здесь в Мюнхене, с 7 апреля по 2 мая 1919 года была создана Советская Республика. На население Мюнхена обрушилсяпоток декретов и постановлений. Под предводительством коммунистов была создана красная армия и проведены конфискации, а так же введена телефонная цензура. Как отмечает современный отечественный исследователь А.Ю.Ватлин, «Серьезной головной болью лидеров Мюнхенской коммуны стали самовольные реквизиции, участие в которых принимали представители социальных низов, служащие советских учреждений и отпетые рецидивисты. Как правило, участники реквизиций предъявляли ордера и мандаты разной степени подлинности. [2, с. 305].

Правительство Баварской республики пыталось всеми силами поддерживать порядок и пресекать разного рода злоупотребления. В обращении к солдатам и рабочим, подписанном военным комиссаром БСР Вилли Рейхартом 19 апреля, неправомерное изъятие продовольствия приравнивалось к предательству революции, а за последнее полагалась смертная казнь [2, С.306].

В Мисбахе во время существования Баварской Советской республики (БСР) заседал революционный суд, который должен был судить воров и грабителей. Председателем суда был ремесленник Ричард Кес. Так как Кес чувствовал себя «профаном» в судебных вопросах, он обращался за разъяснениями к местному главному судье Долакеру, который даже принял участие водном из заседаний. В работе немецкого видного немецкого учёного-математика Эмиля Юлиуса Гумбеля приводится информация о 12 «жертвах Советской республики», осужденных приговорами судов БСР [3, с.72, 73]. Как показали дальнейшие события, сторонники правительства отличались большей жестокостью.

1 мая начался поход на «красный» Мюнхен, который возглавил генерал–лейтенант Карл фон Офен. Уличные бои продолжались до 8 мая. Официальные сведения называли цифру 557 жертв майских боёв: « тридцати восьми жертвам со стороны правительственных войск противостоят 107 убитых красноармейцев, 186 расстрелянных «по законам военного времени», 184 случайно убитых. Но эти данные относятся только к самому городу. Так здесь, не показаны упомянутые выше расстрелы в окрестностях Мюнхена... Число жертв белого террора по данным социалистов равняется приблизительно 1.000, цифра, которая по показанию солдат, принимавших участие в расстрелах, является вполне правдоподобной [3, С.74]. Из приведенной цитаты мы можем сделать вывод о том, что современник тех событий, Эмиль Гумбель, в своей работе ставит под сомнение официальные данные и приводит иной подсчёт, акцентируя внимание на наиболее вопиющих случаях внесудебной расправы правительственных войск. Особо внимание он акцентирует на так называемых несчастных случаях. На деле они представляли собой акты внесудебной расправы и мести победителей. Справедливость засвидетельствованных здесь фактов не оспаривается ни одним компетентным органом, а подробная докладная записка министра юстиции подтверждает все его наиболее существенные указания [3, с.75-87].

1 мая начали свою деятельность полевые суды, названные «судами военного времени». Формально юридической основой деятельности этих судов явился приказ командующего западной группой правительственных войск генерал-майора Отто Хааса. В этом акте определены права армейских частей в отношении населения: «1. Кто оказывает сопротивление правительственным войскам с оружием в руках, должен

быть расстрелян на месте. 2. Для суда над задержанными во время сражения лицами, не подходящими под § 1, командир группы должен учредить полевой суд, который присуждает к смерти на основании положения о военных судах. Приговор приводится в исполнение тотчас же с составлением протокола. Во всех остальных случаях, а также в случае если суд не находит оснований к расстрелу лиц, указанных в § 2, необходимо передать задержанных военному суду» [3, с.20]. В реальной действительности они осуществляли свою деятельность в упрощенном режиме, без соблюдения процессуальных норм или в отдельных случаях создавая видимость соблюдения процедуры. Лица, руководившие этим фарсом, всегда находили основания для расстрела. Различие между «случайно убитыми» и расстрелянными на основании «положения о военных судах» невозможно было установить.

Главнокомандующий правительственными войсками фон Офен, будущий «усмиритель» брянской Хацуни в годы Великой отечественной войны, пытаясь дистанцироваться от беззакония творимого его подчиненными, издаёт приказ, в котором вводит запрет на действие подобных судов». 2. Кто взят под арест, приговаривается к наказанию на основании судебного постановления. Соответствующая инстанция—военный суд… 4. Всякое другое судопроизводство по отношению к арестованным недопустимо, а в особенности вынесение приговора через посредство «судов военного времени». Где такие суды учреждены, они должны быть уничтожены; приговора, вынесенные ими, не должны быть приведены в исполнение». Однако вопреки этому приказу приговоры приводились в исполнение и после появления этого документа [3, с.21].

Лишь спустя два месяца были созданы народные суды по расследованию дел в отношении сторонников Баварской республики. Об особенности и результатах их деятельности речь пойдёт ниже.

В мае из-за угрозы общественной безопасности было введено осадное положение в административном округе Штетин, за исключением крепости Свинемюнде. Проведение соответствующих мероприятий возложено на штаб армейского корпуса, расположенного в Штетине [15, S.464]. Приведенные выше факты наглядно свидетельствуют об активном использовании республиканским руководством норм прежнего кайзеровского законодательства об осадном положении.

В конце июня - июле 1919г. издаётся ряд актов чрезвычайного законодательства, направленных на восстановление спокойствия во втором по значению городе Германии - Гамбурге. Следует отметить, что в апреле в этом портовом городе уже вводилось осадное положение. Они были обусловлены попыткой снижения пособия по безработице и острым продовольственным кризисом. Наряду с этим беспорядки провоцировали рост резко усиливавшееся социальное расслоение.

Поводом для новых волнений стал голодный бунт, вошедший в историю под названием «Беспорядки студня». Насилие или угроза насилия в этот период в Германии были впечатляющими. Горечь и возмущение от такой ситуации возрастали из-за ощущения, что некоторые люди зарабатывали огромные деньги за счет незаконных сделок, контрабанды, спекуляции и торговли запрещенными товарами, махинациями с продуктами. Теперь на них была направлена всеобщая ненависть.

Голодный бунт спровоцирован был информацией о том, что владелец местной мясной фабрики использовал в качестве сырья для производства субпродуктов (студень, заливное и т.д.) испорченное мясо, а также мясо собак и кошек. Толпа протестующих жителей едва не учинила самосуд над владельцем этой фабрики, сбросив его в реку, лишь вмешательство полиции позволило избежать более тяжких последствий. Группы мародёров бросились громить другие мясные предприятия. После погромов голодные и обозленные жители предприняли попытку штурма ратуши[22].

Реакцией на эти волнения стало появление в ночь с 24 на 25 июня распоряжения коменданта большого Гамбурга о введении осадного положения на территории города и прилегающих районах осадного положения. Вводился комендантский час с 10 часов вечера. Запрещались демонстрации и политические митинги. Здесь же содержалось обращение к населению о защите своих домов и государственных учреждений против грабителей[16]. Густав Носке, на основе анализа причин и последствий массовых беспорядков в Гамбурге и других частях Германии 25 июня подписывает регламентирующий акт, который по его замыслу должен стать основным руководством в борьбе с беспорядками. В нём предписывалось органам охраны порядка и верным правительству частям обеспечить бесперебойную работу на предприятиях, «имеющих важное общественное значение «Во время забастовки на железных дорогах осуществление самых необходимых перевозок предписывалось проводить с применением

вооруженной силы»[21]. Рейхспрезидент в тот же день своим указом одобрил и узаконил введение осадного положения. 30 июня очередным декретом он вводит военное положение и возлагает полномочия по наведению общественного порядка на рейхсминистра Носке[17]. Для реализации возложенных на него обязанностей Носке обратился за помощью к военным. 1юля войска были введены в Гамбург.

На следующий день после ввода войск в этот портовый город последовал приказ генерал - майора Леттов-Форбека о создании чрезвычайных судов в городах Гамбург, Альтона и Винсбек. Юридической основой для деятельности этого органа стал закон об осадном положении от 4.06.1851г. В состав этих судебных органов вошли 3 представителя армейского командования и гражданские судьи Гамбурга в количестве двух человек. В его компетенцию входили государственные и уголовные преступления особой тяжести. Этот чрезвычайный суд просуществовал до конца декабря 1919г [18, s. 36.].

Подобный же чрезвычайный орган был создан и в Мюнхене для отправления упрощенного судопроизводства по делам о мародерстве и убийствах, совершенных во время Баварской революции в 1918 г., а в 1919г был преобразован для работы с делами об «измене». Его деятельность продолжалась до1924г.

Для расправы с приверженцами Советской Республики были созданы 12 июля 1919 г. чрезвычайные суды, так называемые баварские народные суды. Им оказались подсудны все политические преступления, что означало юридическое новшество, так как дела о государственной измене подлежат ведению имперского суда. Помимо того, что ускоренный порядок судопроизводства, отсутствие обычных правовых гарантий в «народных» судах значительно увеличивают возможность судебных ошибок, эти же суды исключают также применение всех средств судебной защиты. Приговоры этих судов не подлежат ни кассации, ни апелляции, не может иметь место и новое расследование дела. Таким образом, ясен полнейший произвол этих судов.

В эти структуры за компенсацией вреда обращались родственники жертв т.н. «несчастных случаев» Для составления убедительных отписок и использовались акты прусского законодательства. В официальных ответах, проникнутых цинизмом, содержались ссылки в частности на акты 30- х гг. 19 века. Так, например, один из местных судов того времени так объяснил отказ в возмещении ущерба по иску семьи убитого «при попытке к бегству»: ««Если кто-нибудь расстрелян солдатами, то по закону 20-го марта 1837 года, мы должны принципиально допустить, что последние имели на то право. Солдаты не обязаны доказывать это право, а, напротив, семьи убитых должны доказать, что солдаты превысили свои права, и что попытка к бегству не имела места,— а это, разумеется, невозможно. Приводимые в данном случае доказательства, опровергающие попытку к бегству, не имеют законной силы. Слова стрелявших матросов: «ваш муж не вернется» и выстрел в шею спереди ни в какой мере не исключают попытки к бегству» [3, с.22,23].

Согласно официальному сообщению баварского представителя фон-Нюслейна, которое он сделал в юридической комиссии рейхстага, за участие в советском движении было осуждено 2.209 человек, из них 65 было приговорено к заключению в каторжной тюрьме, 1.737 к тюрьме и 407 к заключению в крепости [3, с. 16]. Создание таких судов с их игнорированием обычной юридической системы, включая отсутствие любых прав на апелляцию по принимаемым вердиктам, и неявным предоставлением правосудия в руки «народа», а не закона породило угрожающий прецедент.

Подводя итог рассмотрению темы данной статьи можно сделать ряд выводов. В первые месяцы существования республики новая власть активно использует те нормы прусского законодательства первой половины 19 века, в которых определяется роль и место армии в борьбе с беспорядками.

С началом работы национального собрания в феврале 1919г. и утверждения новых органов власти рейхспрезидент издаёт указы, имевшие силу закона о введении чрезвычайного положения на отдельных территориях, а также министра обороны и местных руководителей, направленные на подавление беспорядков и восстановление общественного спокойствия в Германии. Они носили временный характер и передавали всю полноту власти в руки военного командования. Военное руководство, опираясь в основном на добровольческие отряды, довольно жёстко восстанавливало порядок и спокойствие в мятежных областях. Иногда военное руководство сохраняло местную гражданскую власть, но полностью контролировало её деятельность.

В районах, объявленных на военном положении, создавались чрезвычайные суды. Срок их полномочий ограничивалась сроком действия осадного положения. Создание таких

судов с их игнорированием обычной юридической системы, включая отсутствие любых прав на апелляцию по принимаемым вердиктам, и неявным предоставлением правосудия в руки «народа», а не закона породило угрожающий прецедент. Прусское законодательство 19 века использовалось не только в качестве юридической основы для правоприменительных органов, но и для оправдания творимых ими актов самоуправства. Новый период в становлении и эволюции чрезвычайного законодательства республики связан с принятием Веймарской конституции.

Список литературы

1. Барт Э. В мастерской германской революции. М. 1923.

2. Ватлин А.Ю. Революционная повседневность: будни Советской Баварии в апреле 1919 года. // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 3. С.302-311.

3. Гумбель Е.И. История 354 политических убийств. М. 1924.

4. Денисов С. И. История становления чрезвычайного законодательства Германии в 19веке // Вестник Брянского государственного университета. 2012. №2. С.76-79.

5. Gesetzsammlung für die Königlich-Preußischen Staaten :enth. d. Verordnungenvom. ; 1835 .Berlin: Verlag: Gesetzsammlungsamt.1835. // (Электронный ресурс)URL:http://reader.digitale-sammlungen.de /de/fs1/object/display/bsb10509538_00191.html

6. Gesetz über den Waffen gebrauch des Militairs vom 20.Marz 1837.Gesetzsammlung für dieKöniglich-Preußischen Staaten :enth. d. Verordnungenvom 1837/ Verlagsort: Berlin: 1837. [

7. Gesetz zur Bildung einerfreiwilligen Volkswehr vom 12.12.1918. [Электронный ресурс]. URL:http://www.novemberrevolution.de/dokument.php?key=freiwvolksw

8. Grundlegen der Befehl Nr. 1 für das Freiwillige Landesjagerkorps unter Maercker vom 14.12.1918 [Электронный ресурс]. URL: http://www.novemberrevolution.de/dokument.php?key=maercker

9. Gesetz über die vorläufige Reichsgewalt v.10.02.1919// ReichsGesetzblatt 1919, S. 169-171

10. Übergangsgesetz von. 04. 03.1919 // ReichsGesetzblatt 1919, S. 285-286.

11. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik - Das Kabinett Scheidemann / Band 1 / Dokumente / Nr. 40 Kabinettssitzung vom 11. April 1919, 16.30 Uhr, Weimar, Nationalversammlung. [Электронный ресурс] URL.: http://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/01a/sch/sch1p/kap1_2/kap2_43/para3_9.html.

12.Verhängung des Belagerungszustandes über das Gebiet des Freistaats Braunschweig. vom 13. April 1919. // Reichsgesetzblatt 1919, S.391.

13. Verhängung des Belagerungszustandes über das Gebiet des Freistaats Sachsen (23.04.1919) // Reichsgesetzblatt 1919, S.429.

14.Verhängung des Belagerungszustandes über Hamburg, Altona und Wandsbek (24.04.1919)// Reichsgesetzblatt 1919, S.441.

15.Erklärung des Belagerungszustandes über den Regierungsbezirk Stettin mit Ausschluß des Festungsbereichs Swinemünde (17.05.1919)// ReichsGesetzblatt 1919, S. 464

16. Verhängung des Belagerungszustandes über das Freihafengebiet in Hamburg (25.06.1919). // ReichsGesetzblatt 1919, S. 603.

17. Verhängung des Belagerungszustandes über die Stadtgebiete Hamburg, Altona und Wandsbek (30.06.1919)// ReichsGesetzblatt 1919, S. 637.

18. Kuppers H. Joseph Wirth. Parlamentarier, Minister und Kanzler der Weimarer Republik. Stuttgart,1997.

19. Miller Susanne. Die Burde der Macht. Die deutsche Sozialdemokratie 1918-1920. Dusseldorf, 1978, S.263-266.

20. Noske G. Von Kiel bis Kapp. Berlin Verlag für Politik und Wirtschaft, 1920.

21. Noskes Generalverordnungvom 25.Juni 1919 [Электронный ресурс] http://jgsaufgab.de/intranet2/geschichte/geschichte/lkg/rev-19-Analyse.htm#Noske2

22. Uwe Schulte-Varendorff Die Hungerunruhen in Hamburg im Juni 1919 –eine zweite Revolution?// [‘Электронный ресурс]/ URL: http:// http://hup.sub.uni-hamburg.de/volltexte/2010/106/pdf/Hamburg UP_BGH65_Schulte_Varendorff.pdf

Об авторе

Денисов Сергей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, tigip@inbox.ru

УДК 942.073

ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ 1720-1740 ГОДОВ В ВЫСШИХ ЭШЕЛОНАХ ВЛАСТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Колмаков М.А.

В статье дан анализ коррупции государственной системы Великобритании периода 1720-1740 годов. Именно тогда взяточничество выполняло ключевую роль внутриполитической жизни страны. В частности коррупцией был пронизан парламентский режим, в котором избирательный порядок осуществлялся за счет купли-продажи голосов. В министерствах процветала торговля должностями на всех уровнях власти. Что касается короны, она никак не препятствовала коррупционной деятельности парламентариев и государственных чиновников.
Ключевые слова: коррупция, подкуп, парламент, министерство, депутаты, гнилые местечки. Д. Свифт, Р. Уолпол.

THE PHENOMENON OF CORRUPTION 1720-1740 OF THE XVIII CENTURY THE UPPER ECHELONS OF THE UK AUTHORITIES

Kolmakov M.A.

The article presents analysis of corruption in the government of Britain during the period 1720-1740. During that period corruption played a key role in the political life of the country. In particular, corruption was high in the parliament regime, where elections were held on account of buying and selling of votes. In the ministries the selling of posts thrived on all levels of power. As for the queen, corruption of the members of parliament and government workers was not a concern.
Keywords: corruption, bribery, parliament, ministry, deputies, rotten boroughs. D. Swift, R. Walpole.

С древнейших времен власть и коррупция были неразделимы. На протяжении всей истории Великобритании параллельно развитию государства происходила эволюция коррупции. Если на заре становления государственности плата вождю или военачальнику за личное обращение к их помощи рассматривалась как универсальная норма, то впоследствии, при усложнении государственного аппарата, профессиональные чиновники и парламентарии стали официально получать только фиксированный доход — что означало переход взяток в область теневой экономики. Коррупция была одной из постоянных и наиболее болезненных внутренних проблем Великобритании 1720-1740 гг. XVIII вв.

Процесс формирования государственной системы проходил в коррупционных формах, сопровождался казнокрадством, взяточничеством, стяжательством правящей олигархии. Именно против этих пороков, извращавших самую сущность парламентаризма, была направлена объективная критика и меткая сатира передовых людей Англии, прежде всего - блестящей плеяды деятелей английского просвещения.

Так известный английский писатель и публицист Дефо критиковал существующую в стране избирательную систему начала XVIII века, которая к 1720-1740 гг. не изменилась, а наоборот закостенела. Он полагал, что такой порядок выборов в парламент негативно влияет на граждан, морально их разлагая. Даниэль Дефо писал: «Я видел изнанку всех партий, всех их претензий и изнанку их искренности, и я говорю о них: все это - простое притворство, видимость и отвратительное лицемерие каждой партии, во все времена, при всяком правительстве... Их интересы господствуют над их принципами» [26, p. 74].

Избирательные кампании Дефо расценивал, как пустую трату времени, отвлекающую народ от более достойных дел. Сельские джентльмены, избранные в парламент, по каждому зову короля торопятся в Лондон, оставляя свои дела, семью, хозяйство, совершают утомительное путешествие, а затем, растратив деньги графства, возвращаются обратно домой. Вряд ли есть прок от подобных парламентариев, приходил к заключению Дефо [27, p. 545-546].

Особое негодование Дефо вызывали коррупция и взяточничество, существовавшие в парламенте. Он уверял, что депутаты, избранные ценой купли-продажи голосов избирателей, очень часто продают свои интересы, а заодно и страну. До тех пор, пока избранные депутаты будут руководствоваться требованиями и желаниями отдельных лиц или партий и голосовать, исходя из мотивов личной заинтересованности, невозможно будет добиться достойного представительства. Одну из причин подкупа депутатов Дефо усматривал в чрезмерных расходах, которые они вынуждены нести в избирательных кам-

паниях. В результате многие из тех, кто участвовал в выборах, разорялись и если попадали в парламент, то стремились поправить свое материальное положение. Вот почему депутаты охотно брали взятки от любой партии или отдельных заинтересованных лиц [14, p. 152]. Подкуп превращал принципиальных людей в беспринципных. Блеск золотых монет заставлял позабыть о партийных или религиозных разногласиях.

Коррупция и взяточничество процветали не только в парламенте, но и иных государственных учреждениях Англии. Знаменитое выражение «проходит красной нитью» появилось на свет именно в Англии и именно из-за коррупции. В британском Адмиралтействе XVIII века крали и брали взятки весьма интенсивно. В конце концов там придумали, чтобы через всю длину корабельных снастей проходила красная нить, которую нельзя было выдернуть, не распустив весь канат или всю веревку. Таким образом, «собственность короны» можно было признать по самому маленькому обрывку, а потом – сделать выводы. Но чиновники Адмиралтейства не позаботились о главном - ведь воровали чаще для того, чтобы давать взятки тем же бюрократам, которые с этими самыми взятками «демонстративно боролись». В Англии, да и других странах процветало почти отрытое «культивирование коррупционных традиций» в высших эшелонах власти, и известный философ Томас Гоббс писал: «…Люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем коррумпирования государственной юстиции или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения … Коррупция есть корень, из которого вытекает во все времена и при всяких соблазнах презрение ко всем законам…» [3, с. 478].

О торговле должностями в министерствах неоднократно писал и Свифт. Бывая при дворе, он стал очевидцем того, как порой приобретались правительственные должности. Чаще всего их попросту покупали. «Рассказывал ли я вам об одном негодяе, который промышлял при дворе тем, что торговал должностями, вымогал деньги у невежественных простаков, - писал Свифт в одном из писем своей воспитаннице Стелле. - При последней своей сделке он запросил за должность вице-камергера 7000 фунтов» [8, с. 337]. В памфлете «Новый способ продажи должностей при дворе» Свифт разоблачал систему приобретения государственных постов. Он рассказывал о том, как одну и ту же должность при дворе продают по нескольку раз, при этом берут с каждого просителя по 50 гиней, а когда деньги взяты, вдруг выясняется, что место уже занято другими. Проситель вынужден уйти ни с чем, а когда поймет, что его одурачили и попытается жаловаться, то его же и высмеют [24, p. 526]. Свифт приходил к заключению, что для получения государственной должности совсем необязательно обладать какими-либо способностями или добродетелями, достаточно быть просто богатым [23, p. 79-80].

В подтверждение слов Свифта, до конца XVIII в. в Англии параллельно существовали государственная и частная полиция, причем обе были насквозь продажны. За порядком в Лондоне следили два городских маршала, получавшие жалованье из столичного бюджета. Известен факт, как в 1712 г. пост младшего городского маршала за 700 фунтов купил некий Чарльз Хитчен, который находился в данной должности вплоть до 1727 г. Хитчен знал, как «отбить» свои деньги. Английский историк Джерард Хонсон делает весьма интересную заметку: «Хитчен собирал взятки с торговцев, торговавших без лицензии, с содержателей борделей и с преступников, желавших избежать ареста. Более того, городской маршал начал скупать краденое, а воры, не желавшие с ним работать, отправлялись за решетку. Часть краденого добра Хитчен возвращал бывшим владельцам за вознаграждение. Постепенно Хитчен обложил данью простых торговцев Лондона. Тех, кто не платил главному полицейскому за защиту, рано или поздно обворовывали» [18, p. 49].

Детальное знакомство с нравами различных слоев общества позволило Свифту подметить и обнародовать многие его негативные черты. Свифту были не по нраву и то, как осуществлялась государственная политика в стране, и те люди, которые были призваны ею управлять. «Мне не по душе миллион вещей в наших государственных делах», - писал он в своем дневнике [8, с. 337]. Чаще всего Свифт критиковал представителей исполнительной власти - министров, а также чиновников. Вообще же Свифту представлялось затруднительным делом назначение на государственные должности «достойного человека», поскольку «положительный, смелый, настойчивый характер, который создается у человека доброжелательного, является постоянной помехой в государственной деятельности» [10, с. 307]. Именно поэтому управление страной, считал Свифт, чаще всего вверяется «продажным людям», которые преследуют личную выгоду, а не интересы общества.

«На действия кабинета чрезмерное влияние оказывают личные счеты, - писал Свифт в своем дневнике, - а между тем, они нисколько всем этим не обеспокоены и так беспечны и веселы, словно никакое бремя не отягощает их сердца и плечи» [8, с. 191]. Свифт полагал, что и моральные качества сановников оставляют желать лучшего. Герцога Мальборо и парламентария Р. Уолпола обвиняют во взяточничестве, государственный секретарь Сент-Джон непрочь «подцепить какую-нибудь шлюху» и т.д. Свифт признавал, что присутствие на высших государственных постах людей неумных, недалеких, морально опустившихся объяснялось тем, что при выборе кандидатов на эти должности мало внимания обращалось на их умственные способности, какие-либо достоинства или добродетели. Чтобы получить желанную должность, достаточно прибегнуть к подкупу, лести или сводничеству.

Свифт называл три способа, с помощью которых возможно, на его взгляд, добиться высшего поста в управлении. Во-первых, это «умение благоразумно распорядиться женой, дочерью или сестрой», во-вторых, предать своего предшественника, и, в-третьих, яростно обличать в общественных собраниях испорченность двора. Последнее средство Свифт считал наиболее эффективным, поскольку полагал, что правитель отдает предпочтение фанатикам, которые «с наибольшим раболепием будут потакать прихотям и страстям своего господина». Достигнув власти, такой министр укрепит свое положение путем подкупа сенаторов, оградит себя от всякой ответственности амнистией, а затем удалится от общественной деятельности «отягченный награбленным у народа богатством» [10, с. 361].

Но особенно «досталось» от Свифта министрам из вигского кабинета. Резкой критике он подверг бывшего наместника Ирландии лорда Уортона, который прославился в стране своей алчностью, продажностью и беспринципностью. На взгляд Свифта, лорд Уортон - это человек «без чувства стыда или чести», «лицемер», «враль» и т.д. «Он торжественно клянется вам в любви и преданности, и не успеваете вы повернуться к нему спиной, как он уже всем говорит, что вы пес и мошенник. Он неизменно посещает богослужения с торжественностью, какая полагается ему по должности, но будет рассказывать похабные непристойности и богохульствовать у церковных дверей... Его мысли целиком заняты распутством или политикой» [9, с. 65-66]. Жажда власти, денег и удовольствий владела наместником Ирландии. Судя по всему, подчеркивал Свифт, свою должность Уортон использовал для «поправки» собственных финансовых дел. В целях личного обогащения он разорил Ирландию, нажив состояние в 45 тыс. фунтов.

В негативном свете представлял Свифт и членов палаты общин. Он подчеркивал, что в нее нередко попадает «чужой человек, с туго набитым кошельком», который оказывает давление на избирателей, «склоняя их голосовать за него вместо их помещика или наиболее достойного дворянина этой местности». Хотя многие депутаты, по словам Свифта, сетуют на то, что пребывание в парламенте сопряжено с большими издержками, порой приводящими к разорению их семей, и беспокойством, тем не менее, они «страстно стремятся попасть в упомянутое собрание». И вряд ли подобная «жертва» с их стороны диктуется «добродетелями» и «гражданственностью». Скорее всего, уверял Свифт, члены палаты общин надеются, попав в парламент, «вознаградить себя за понесенные ими тяготы и беспокойства».

В 1738 г. епископ Беркли заявил, что мораль в Великобритании рухнула: «до такой степени, что никогда не было прежде, и не ведомо в любой другой христианской стране» [25. p. 34]. Это означало, что коррупция заменила справедливое устройство государственного управления и как система пришла в полный упадок. Главный удар со стороны коррупции в Англии 1720-1740 гг. в XVIII в. нанесли парламентской демократии. И это были менее заметные внешне, но, в конечном счете, более разрушительные удары, чем те, что предпринимались в течение всего XVII века и начала XVIII века. Действительно, зачем надо было бороться против парламента, как это делали Карл I и Яков II, если можно было подкупить парламент изнутри, а то и вовсе купить его с членами парламента [6, т.2 с. 420]. Хорошо известно, что купля-продажа мест в парламенте, включая Палату общин, в течение 1720-1740 гг. XVIII в. становилась в Англии все более распространенным явлением, и на места в нижней палате даже установилась устойчивая такса, которая, по данным историка К.Хилла, составляла 1500 фунтов в начале 1720 гг. и 5000 фунтов в конце 1740 гг. [6, т. 2, с. 454).

Некоторые богатые землевладельцы распоряжались десятками мест, создавая в парламенте свою клиентскую базу, продавая голоса правительству. Покупка голосов правительством совершалась чаще всего путем предоставления

пенсий, синекур и пр. Виги, укрепившиеся у власти после прихода Ганноверской династии, возвели подкуп в систему. В 1739 г. на жалованье правительства находилось до половины членов палаты общин, что стоило государственной казне около 200 тыс. фунтов в год. Огромных размеров достигало казнокрадство. Министры получали взятки при заключении государством любых контрактов с частными лицами, а нередко и прямо запускали руку в государственное казначейство [17, p. 185].

Как это могло сочетаться с демократической процедурой выборов в парламент? Этому способствовало несовершенство избирательного закона: много депутатов выбиралось от так называемых «гнилых местечек». То были незначительные поселения, сохранившие от средних веков право посылать депутатов в нижнюю палату в то время, как этого права были лишены многие более важные города. [4, с. 68]. В широком смысле слова гнилыми местечками малонаселенные или совсем обезлюдевшие, а иногда и вообще исчезнувшие к XVIII в. городки и деревушки, которые, тем не менее, обладали старинным правом представительства в парламент. Как правило, такого рода избирательный округ находился в собственности какого-либо аристократического семейства. Понятно, что подкупы избирателей, если таковые вообще имелись, для владельца местечка не составляли особого труда. Поэтому в большинстве случаев он просто-напросто назначал угодного ему депутата: либо самого себя, либо кого-то из родственников или знакомых. Недаром в XVIII в. гнилые местечки часто называли округами назначения. Нередко депутатское место от такого округа владелец продавал на выгодных условиях.

Своеобразным периодом расцвета гнилых местечек можно считать 1720-1740 гг. XVIII столетие современники данного периода говорили: «нелепый восемнадцатый век, век карманных местечек… и людей, готовых на все ради покупки билетов в палату общин,- самый эксклюзивный клуб страны» [26, p. 9]. Даже тем политическим деятелям, которые восхищались английскими парламентскими свободами, распределение парламентских мест казалось в лучшем случае непонятным и неравным, в худшем же — абсолютно произвольным, отражавшим ситуацию как минимум средних веков. Действительно, при знакомстве со сложившейся в Англии к началу XVIII в. избирательной системой вырисовывается странная картина. Из 489 членов нижней палаты 86 избирались от 40 графств и двух университетов — Оксфорда и Кембриджа, остальные 403 депутата избирались в городских округах. Почти половину из этих городов (по другим данным, около 2/3) можно было отнести к гнилым местечкам. В отдельных не набиралось и десятка избирателей [25, p. 538]. Однако, независимо от размеров и численности электората, каждое гнилое местечко имело в парламенте двух представителей наравне с графствами и такими крупными городами, как Лондон, Мидлсекс (позже — часть Большого Лондона) и Бристоль, в то время как Бирмингем, Манчестер и Лидс - молодые промышленные центры, игравшие важную роль в экономике страны, не обладали королевской хартией и в силу этого были вообще лишены избирательного права. «Самыми несносными» местечками современники считали Старый Сарум и Мальборо, в которых официально находились по 7 избирателей, Уинчелси (9), Гаттон (10), Хэйстингс (12), Бакингем, Мальнесбёри и Ярмут (13), Бьюдли и Дройтвич (14), Эндовер (15) [20, p. 18].

В сельских избирательных округах вопрос об избрании того или иного кандидата решался обычно крупным лендлордом, от которого зависели и которому не решались противоречить - средние фригольдеры и сквайры. Почти половина «депутатов» вообще не избиралась, а проходила в парламент от маленьких населённых пунктов, находившихся в собственности лорда. Здесь лорд бесцеремонно назначал члена парламента, обычно продавая этот пост за 1,5-2 тыс. ф. ст. Но, если кандидату приходилось все же бороться за место с конкурентом, он обращался к прямому подкупу избирателей - благо их было не много. Избиратели постольку привыкли получать взятки, что считали их вполне законным источником дохода. Сатирическая комедия Генри Филдинга, одного из крупнейших английских писателей XVIII века в., «Дон Кихот в Англии» на том и построена, что избиратели некого города пришли в ужас от того, что на предстоящих выборах ожидается лишь один кандидат: ведь не имея конкурентов, он не станет давать взятки [13, с. 223].

Помимо этого были ещё местечки уже настолько маленькие, что они полностью контролировались местным магнатом так называемые “карманные местечки”. В большинстве случаев избирательным правом пользовались лишь несколько десятков жителей – привилегированная городская верхушка. Обеспечить нужное большинство при такой малочисленности

избирателей не представляло для кандидата в депутаты особого труда, хотя и требовало некоторых расходов. Но виги обладали достаточным капиталами и почти всегда им удавалось за счет подкупов добиваться поражения торийских кандидатов. Механизм предвыборной гонки выглядел так: каждый избирательный округ избирал двух депутатов, что облегчало возможность заключения всевозможных сделок между различными заинтересованными сторонами. Если всё же проводился подсчет голосов, то тогда голос легко покупали, либо получали путем обмана [7, с. 255].

Подобные аргументы встречались в политических дебатах сплошь и рядом. В английской прессе первой половины XVIII в. встречаются высказывание анонимного характера, один из кандидатов купивший место от карманного округа делится своим политическим опытом с читателями: «Мне очень жаль, что коррупция так повсеместно преобладает в нашей нации, но, поскольку это так, честные люди вынуждены использовать те же самые средства, чтобы делать добро, какие используют злонамеренные люди, дабы делать зло. Чрезмерная принципиальность в этих ситуациях не оправдана» [16, p.127]. Многие критики гнилых и карманных местечек признавали также, что эти местечки были колыбелью выдающихся государственных мужей, открывали молодым и малоизвестным, но талантливым политикам двери в политическую жизнь и обеспечивали им страховку в случае поражения на выборах, например в результате интриг соперников.

Гнилые местечки были настолько распространенным в Англии XVIII — начала XIX столетий явлением, что почти любая аристократическая семья тогда либо имела в собственности, либо держала под контролем карманный округ, своего рода входной билет в большую политику. Среди владельцев карманных округов были известнейшие семейства: Сесили и Тауншенды, Ньюкаслы и Болингброки, а также видные государственные деятели: маркиз Рокингем, лорд Норт и др. Иногда одна семья держала несколько округов. Так, семейство Онслоу имело два округа в графстве Суррей: Гилдфорд и Хэйслмэйр. Уолполы контролировали Великий Ярмут и Кингз Линн. Герцог Норфолкский долгое время назначал в палату общин 11 депутатов от своих карманных округов. Бывало, что две семьи делили между собой одно гнилое местечко, год за годом избиравшее кандидатов от обеих сторон. Великий Ярмут делили Уолполы и Тауншенды, Лимингтон в графстве Хэмпшир — герцог Болтон и Бурарды. Некоторые семьи были готовы жертвовать баснословными суммами ради сохранения контроля над каким-либо местечком. Семья Гросвенноров, например, с 1715 по 1741 гг. тратила ежегодно 4 тыс. фунтов «на поддержание интереса округа Честер» [15, p. 50].

Но наиболее верным залогом успеха на выборах виги считали подкуп как избирателей, так, зачастую, и торийских депутатов [11, с. 239]. Облегчало победу вигов и то, что среди самих вигов было много крупных лендлордов, от которых зависели мелкие избиратели-фригольдеры, вынужденные голосовать по указанию лендлорда. Наконец сама внутренняя политика вигов, значительная часть которых была кровно заинтересована в покровительстве землевладению, примиряла с ними торийских сквайров. Все это давало вигам возможность проводить в графства значительное число своих депутатов.

Построенная на такой основе выборная компания всё менее становилась вопросом политики и все более начинала носить характер просто личного интереса. Стало считаться вполне нормальным и выгодным, если джентльмен «зарабатывает себе на хлеб голосованием в палате общин», и главной заботой таких министров, как герцог Ньюкасл, было «обеспечить достаточно большое пастбище для скотины, которую надо кормить» [7, с. 255].

Кроме того, в тогдашней политической жизни отсутствовала демократия. Дело в том, что избирательного права тогда были лишены нижние слои английского общества. Ну, и наконец, уже тогда в Англии начали использоваться специальные («грязные») политические технологии, о которых хорошо известно сегодня во всех странах, где функционирует система широких выборов в органы власти.

Подкупы членов парламента местами или деньгами стали обычным делом, и давление на выборы, осуществляемое через подкуп избирательной комиссии по выборам, было одним из важных предметов забот министров.

После вступления на престол Гановеской династии такого рода умение держать в руках парламент сделалось практической системой, установленной Робертом Уолполом. Он ясно представлял себе, насколько важно располагать реальным большинством в палате общин и понимал насколько трудно его сохранить. Палата обсуждала дела при закрытых дверях и таким обра-

зом члены её не боялись внешней критики. Коллегия избирателей во многих случаях была очень мала или подкуплена и не обращала внимание на то, что её члены говорили или делали.

Роберт Уолпол стал одним из самых богатых людей Англии, получая колосальные взятки от поставщиков, колониальных торговцев, искателей карьеры. Он жил как крупнейший магнат, устраивал роскошные балы, скупал произведения искусства. Уолпол почти не скрывал источники своего дохода. Во время премьеры пьесы Джона Гэя «опера нищих», когда скупщик краденного пел: «И министр великий считает честным себя, как и я», сам Роберт Уолпол невозмутимо сидел в ложе. А когда со сцены прозвучали слова: «Коль бичуешь порок, будь умен себе впрок, не задень при дворе никого, - взятки станешь бранить, каждый станет вопить, что ты метишь, наверно, в него…» [2, с. 45] Уолпол громко требовал повторения этой песенки, а зал поддерживал его взрывом аплодисментов. Это объясняется тем, что Роберт Уолпол нисколько не скрывал того, что он подкупает депутатов; он сам хвастался, как ловко делает он это. Он говорил про членов парламента: «Все эти люди имеют свою цену» [5, с. 116].

С одной стороны устойчивость правительства Уолпола, относительная стабильность всего периода его правления объясняются не только экономической политикой, но и применением открытого подкупа. Именно в это двадцатилетие расцвел патронат - система раздачи пенсий и должностей своим сторонникам или колеблющимся политикам. Как неоднократно указывалось выше, коррупция и патронаж существовали до прихода Уолпола в правительство [1, с. 61]. При отсутствии реальных действенных партийных образований, партийной дисциплины голосования подкуп, создавая связь между исполнительной и законодательной ветвями власти, становился важнейшим средством, позволявшим правительству достигать консенсуса с парламентом. Уолпол не был первым, кто обнаружил эту связь. Система патронажа использовалась Уолполом не только в политических целях, но и для собственной наживы. Человек своего времени, он не только обогатился сам, но и способствовал процветанию своей семьи. Так, ежегодно его родственники получали разнообразные пенсии, общая сумма которых доходила до 28 тысяч фунтов стерлингов [1, с. 58].

С другой стороны критическую оценку таким действиям даёт современник событий, происходивших в британском парламенте, французский писатель, правовед и философ Шарл-Луи Монтескье, сообщая следующее: «Некоторые Шотландские члены парламента получают всего 200 фунтов стерлингов и продают себя за эту цену. Они продают королю, и если бы король им возвратил обратно, то они бы продали вторично» [12, с. 209]. В дневниках одного из членов палаты общин 1740 г. Додингтона показаны очень тонкие подробности подкупа оппозиции: «Однажды во время подачи голосов, говорит доктор Кинг, Уолпол, проходя по двору, заметил одного члена противной стороны: он отвел его в сторону и сказал: «дайте мне ваш голос, - вот вам за это банковый билет в две тысячи фунтов стерлингов». Член палаты ему ответил следующее: «Сэр Роберт, вы оказали недавно услугу некоторым из моих близких друзей, сверх того на днях моя жена была при дворе и король принял её очень милостиво, чему без сомнения она обязана вашему влиянию. Я поэтому был бы весьма благодарен (и он положил банковский билет в карман), если бы отказал вам в просьбе, с которой вы обращаетесь ко мне» [21, p.191].

Уолпол превратил казначейство в рынок, торговался с сотнями членов парламента, однажды в одно утро он раздал 25000 фунтов стерлингов [12, с. 210]. Голоса можно было купить только на наличные деньги, а в важных случаях эти люди грозили стачками или переходом в оппозицию партии тори. Члены парламента продавали себя и оплачивали себе титулы, должности, синекуры; что бы получить вакансию на известное место, и получали пенсию от 2000 до 7000 фунтов стерлингов. Самое сложное в этой системе было доказать факт подкупа, когда обе стороны заинтересованы в сохранении секрета.

Как мы видим избиратели во многих случаях были подкуплены, и нисколько не обращали внимание на то, что члены палаты общин говорили или делали. При отсутствии внешнего контроля со стороны короны над поведением членов палаты общин и каких-либо реальных политических интересов, заставляющих нацию действовать сплоченно и солидарно.

Система коррупции, пронизывала на протяжении всего XVIII в. политическую жизнь Англии. Она особенно свирепствовала во второй четверти XVIII столетия. Во главе коррупционных процессов стоял Р. Уолпол и его министерство. По сути, его действия мало расходились с уровнем общественной нравственности британских верхов того времени.

Список литературы

1. Айзенштат М.П. Великобритания нового времени: политическая история. М., 2002.
2. Английская комедия XVII-XVIII Веков. Антология М., 1989.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 1988.
4. Кареев Н.И. Английский парламент в XVIII веке// История западной Европы в новое время Т.3. СПб.: 1893.
5. Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М.:1979.
6. Кузовков Ю.В. Мировая история коррупции. в 2 томах. М. 2010.
7. Мортон А. Л. История Англии. М., 1950.
8. Свифт Д. Дневник для Стеллы, М. 1981.
9. Татаринова К.Н. Очерки по истории Англии 1640-1815. М.: 1958.
10. Тэн. Критические опыты. СПб., 1869. С. 209.
11. Фильдинг Г. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., ГИХЛ, 1954.
12. Defoe D. A True Collection of the Writings of the Author of the True- Born Englishman. Vol.1. Lnd. 1703.
13. Cannon J. Parliamentary Reform, 1640-1832. Cambridge. 1973. P. 50.
14. Frederick S. Freedom of the Press in England, 1476 – 1776. Urbana., 1952.
15. Hill C. Reformation to industrial revolution. a social and economic history of Britain, 1530 - 1780. Harmondsworth, 1978.
16. Howson, Gerald. Thief-taker General: the Rise and Fall of Jonathan Wild. Hutchinson. 1970.
17. John Wesley Bready. England, before and after Wesley : the evangelical revival and social reform. London : Hodder and Stoughton, 1938.
18. Plumb J. The Growth of Political Stability in England 1675–1725. L., 1967.
19. Robertson J.M. Bolingbroke and Walpole. London., 1919. P. 191.
20. Swift J. The Examiner and Other Piecies Written in 1710-1711. Oxford. 1940 (The Examiner).
21. The Works of Jonathan Swift. Vol.2, Lnd. 1843.
22. The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 10. Chicago. 1994.
23. The Letters of Daniel Defoe (edited by G. H. Healey, Oxford 1955.
24. The Novels and Miscellaneous Works of D. Defoe. Lnd. 1890.
25. Turbayne C. M. A Bibliography of George Berkeley 1963—1979 // Berkeley: Critical and Interpretive Essays. Ed. by C. M. Turbayne. Manchester. 1982.
26. Veitch G. S. The Genesis of Parliamentary Reform. Lnd. 1915.
27. William E. Haetpole L. A History of England in the Eighteenth Century. N. Y. 1887. P. 134.

Об авторе

Колмаков Михаил Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, kolpak89@mail.ru

УДК 94 (571.13) «1914/1918»

ФОРМИРОВАНИЕ МАРШЕВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ИЗ ЗАПАСНЫХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Коняев Р.В.

В статье на широкой источниковой базе рассматриваются вопросы формирования и отправки на фронт военно-обученного резерва из запасных воинских частей Омского военного округа (ОмВО) в годы Первой мировой войны. Большое внимание уделено порядку укомплектования маршевых подразделений, обеспечению военнослужащих положенными видами довольствия. Показываются особенности формирования и отправки в действующую армию воинскими эшелонами маршевого пополнения. Раскрываются проблемы поддержания воинской дисциплины, обеспечения санитарной безопасности и питания военнослужащих в воинских эшелонах.
Ключевые слова: маршевая рота, запасная воинская часть, Омский военный округ, Первая мировая война, действующая армия, фронт, воинский эшелон.

FORMATION OF MARCHING UNITS FROM PERSONNEL DEPOTS OF OMSK MILITARY DISTRICT DURING THE FIRST WORLD WAR

Konyaev R.V.

The article considers the issues of the formation and sending of military-trained reserve from personnel depots of Omsk Military District to the front during the First World War. The author pays a lot of attention to the procedure of marching units manning and the provision of troops of prescribed kinds of allowances. This article considers the features of the formation and sending of marching reinforcement to the combat army by means of the troop trains. The article focuses on the issues of the maintenance of military discipline and the ensuring of sanitary security and nutrition of military personnel in the troop trains.
Keywords: reserve company, reserve military unit, Omsk Military District, First World War, field force, front, troop-train.

К началу Первой мировой войны численность русской армии составляла 1 млн. 423 тыс. чел. [1]. В ходе мобилизационного развертывания в июле-августе 1914 г. и последующих шести мобилизаций, к началу 1915 г. русская армия возросла до 5 млн. чел. [2]. Таким образом, к весне 1915 г. был израсходован весь подготовленный в мирное время военно-обученный резерв. Все более возрастающие потери русской армии, а также увеличение численности войск Тройственного союза потребовали от армейского командования и российского руководства решения проблем, связанных с пополнением действующей армии подготовленными резервами. Для решения этой задачи в военных округах России были развернуты запасные и учебные воинские формирования. На территории ОмВО в августе – сентябре 1914 г. были развернуты две запасных стрелковых бригады. 3-я Сибирская стрелковая запасная бригада была развернута в г. Омске, 4-я Сибирская стрелковая запасная бригада – в Новониколаевске. В 1916 г. в Томске была развернута 5-я Сибирская стрелковая запасная бригада [3]. В годы Первой мировой войны сибирские запасные воинские формирования готовили военно-обученный резерв для действующей армии.

Пополнения, обученные в запасных частях, направлялись в действующую армию в составе маршевых подразделений. Маршевое подразделение – это временное воинское подразделение, направляемое в ходе войны на пополнение действующей армии. В их составе находились обученные контингенты военнослужащих различных категорий [4]. В годы Первой мировой войны военнослужащие направлялись в действующую армию в составе маршевых рот.

Маршевые роты комплектовались военнослужащими, завершившими курс военной подготовки. Состав рот перед их отправкой в действующую армию мог неоднократно корректироваться. По различным причинам те или иные военнослужащие могли выбывать из состава маршевых рот и заменяться другими. Так, в конце декабря 1916 г. при формировании очередной маршевой роты командир 4-го батальона 38-го Сибирского стрелкового запасного полка, капитан Холодковский, назначил фельдфебелем роты вышедшего из лазарета младшего унтер-офицера Григория Камнева. В начале января 1917 г. фельдфебелем 82-й маршевой роты вместо младшего унтер-офицера Ивана Праксина был назначен старший унтер-офицер Виктор Рудаков [5]. В конце декабря 1916 г. при комплектовании очередных маршевых рот была произведена замена взводного командира Михаила

Кольчугина, бывшего ефрейтора, разжалованного в стрелки полковым судом за самовольную отлучку. На его место в должность зачислили стрелка Никиту Русакова. В свою очередь, вместо него на специальность стрелка в маршевую роту назначили рядового Никиту Глушакова [6]. Как видно из приведенных примеров, замене могли подлежать не только командиры подразделений и фельдфебели рот, но и рядовые стрелки. Основные причины замены личного состава могли быть связаны с нарушением воинской дисциплины, ухудшением здоровья военнослужащего, либо недостаточной подготовленностью нижнего чина или офицера.

При комплектовании маршевого пополнения, необходимо было, с одной стороны, удовлетворить потребности фронта в военных специалистах, с другой – направить на фронт наиболее подготовленных военнослужащих. Изначально командование запасных частей запрашивало у нижестоящих командиров списки лиц, которым предстояло влиться в состав маршевых рот. Зачастую этим могли заниматься командиры и офицеры формируемых маршевых подразделений [7]. Как правило, работа по составлению списков рядового и унтер-офицерского состава маршевых рот ложилась на плечи фельдфебелей формируемых рот, которые, в свою очередь, передавали их ротным командирам [8]. Состав маршевых рот мог формироваться солдатами и офицерами различных военно-учетных специальностей. Он зависел не только от потребности фронта, но и от наличия в запасной части тех или иных специалистов. Делопроизводственные документы воинских частей подтверждают, что каждая формируемая маршевая рота имела индивидуальный набор военно-учетных специальностей. Иными словами, не существовало конкретного правила, по которому маршевые роты всегда должны были иметь в своем составе то или иное количество конкретных военных специалистов. В годы Первой мировой войны основной военно-учетной специальностью в воюющих армиях были стрелки. Именно они являлись главным костяком большинства боевых подразделений и соединений. Соответственно, ОмВО при формировании маршевых рот учитывал эту особенность. Так, командование 23-го Сибирского стрелкового запасного батальона в ноябре 1914 г. при формировании четырех маршевых рот приказало в связи с недостатком нижних чинов в маршевые подразделения назначить всю пехоту и артиллеристов крепостной и береговой артиллерии всех сроков службы и полевой артиллерии II-го разряда. При недостатке этих категорий военнослужащих, было приказано пополнить роты артиллеристами I-го разряда не строевого состава. Нижние чины инженерных войск в состав этих рот не были назначены [9].

Маршевая рота, представлявшая собой боеспособное подразделение, имела в своем составе, помимо нижних чинов, ефрейторов и унтер-офицеров, также обер-офицеров, которые в большей степени были представлены прапорщиками – ротными командирами военного времени. Имеет смысл рассмотреть численное соотношение прапорщиков, унтер-офицеров, ефрейторов и нижних чинов в формируемых маршевых ротах. Так, в декабре 1916 г. в действующую армию прибыли четыре маршевые роты из 38-го Сибирского стрелкового запасного полка, в составе которых находилось: 4 прапорщика, 27 унтер-офицеров, 51 ефрейтор, 32 человека, окончивших учебную команду и 903 рядовых [10]. Месяцем ранее, 17 ноября, из того же полка на фронт прибыла маршевая рота, содержащая в своем составе: 1 офицера, 3 младших унтер-офицера, 15 ефрейторов, 225 рядовых и 11 нижних чинов, окончивших учебную команду [11]. Исходя из приведенных примеров, можно говорить, что соотношение нижних чинов, ефрейторов, унтер-офицеров и обер-офицеров в маршевых ротах не было строго регламентированным.

Штатная численность маршевой роты составляла в среднем 250 человек. Именно на такое количество военнослужащих ориентировались запасные стрелковые бригады ОмВО при формировании маршевых подразделений [12]. Однако следует отметить, что зачастую маршевые роты комплектовались еще большим числом военнослужащих. В мае 1917 г. начальник штаба ОмВО генерал-лейтенант А.А. Таубе приказывал командующим запасных стрелковых бригад отправлять с маршевыми ротами не менее 250 человек [13]. Так, командование 23-го Сибирского стрелкового запасного полка в марте 1917 г. довело численность формируемой 91-й маршевой роты до 290 человек [14]. В январе 1917 г. командир 4-го батальона 38-го Сибирского стрелкового запасного полка капитан Холодковский приказал увеличить численность 78-й маршевой роты с 250 до 270 чел. [15]. Командование запасных частей было вынуждено идти на такие шаги в связи с тем, что при перевозке пополнений на фронт зачастую происходила естественная убыль личного состава. Ос-

новными ее причинами являлись вспышки инфекционных заболеваний, дезертирство и др. В результате этих явлений маршевые роты могли прибывать в действующую армию не в полном составе.

Перед отправкой в действующую армию личный состав маршевых рот проходил медицинский осмотр. Так, в 23-м Сибирском стрелковом запасном батальоне 9 ноября 1914 г. старший врач батальона получил приказ осмотреть нижних чинов, назначенных в маршевые роты [16]. По результатам медосмотра в случае выявления каких-либо травм или заболеваний военнослужащий мог быть отстранен от отправки на фронт до выздоровления, а на его должность и место в маршевой роте назначали другого, годного по здоровью солдата.

Маршевые роты перед отправкой в действующую армию обеспечивались всеми положенными видами довольствия. В соответствии с указанием Главного Интендантского Управления военного министерства от марта 1916 г., одежда солдат определялась временем года, в котором они направлялись в действующую армию. Так, военнослужащие маршевых подразделений в весенне-летний период были одеты в гимнастические рубахи, летние шаровары, легкие парусиновые шинели, фуражки и прочие вещи, необходимые в теплое время года [17]. В осенне-зимний период солдаты оснащались теплыми вещами, среди которых имелись теплые шинели, мундиры, полушубки, теплое белье, шерстяные носки и многие другие вещи, незаменимые в холодное время года [18]. Подготовке мундирной одежды для маршевых рот уделялось особое внимание. По возможности все непригодные элементы военной формы либо чинились в полковых и батальонных швейных мастерских, либо заменялись на новые [19]. Для переноса вещей и боеприпасов солдатам выдавались вещевые и сухарные мешки, патронташи, полевые и запасные патронные сумки, а также шанцевый инструмент и приспособления для его носки [20]. Лопаты, топоры и киркомотыги старались выдавать каждому солдату [21]. Однако они не всегда имелись в наличии в запасных частях в нужном количестве. Зачастую лишь 60-70 % личного состава маршевых рот обеспечивались полным комплектом шанцевого инструмента. Так, в мае 1915 г. в 23-м Сибирском стрелковом запасном батальоне при отправке двух маршевых рот был отдан приказ оснастить личный состав в следующем порядке: в 54-ю и 55-ю маршевые роты по 165 лопат, 38 топоров и 37 киркомотыг [22]. В среднем, примерно 200 человек из каждой роты снабжались шанцевым инструментом. Эта проблема носила постоянный характер. В феврале 1917 г. командование 5-й Сибирской стрелковой запасной бригады приказало снабжать шанцевым инструментом весь личный состав маршевых рот [23]. Каждый солдат получал на руки боевую винтовку, с которой ему предстояло воевать на фронте. При отправке в действующую армию, маршевые роты боеприпасами не снабжались. Подобный способ оснащения пополнений действовал практически весь период войны. Лишь в 1917 г. произошли некоторые изменения.

Уровень дезертирства из воинских эшелонов, перевозивших маршевые роты, на протяжении всего периода войны был высоким. После Февральской революции 1917 г. произошло стремительное падение дисциплины в русской армии. Количество дезертиров, в том числе и из состава маршевого пополнения, резко увеличилось. Усилилось неповиновение нижних чинов. В результате подобных явлений командование все чаще прибегало к экстраординарным мерам. Весной и летом 1917 г. тыловые военные округа начали получать циркуляры с приказами отправлять маршевые роты, не выдавая им оружия [24]. Зачастую только так было возможно без потерь личного состава довезти маршевые роты до места дислокации действующей армии. Это было оправданно также и потому, что винтовка была самым дорогим техническим приспособлением, которым оснащали военно-обученные резервы. Солдат, бежавший с поля боя, запасной части или воинского эшелона, лишал армию не только одного военнослужащего, но и дорогостоящего военного имущества.

После утверждения списков маршевых рот, прохождения медосмотра и обеспечения личного состава всем необходимым, перед отправкой на фронт военнослужащие проходили смотр и проверку подготовки в полной амуниции перед командиром запасной части. Так, 4 ноября 1914 г. маршевые роты 23-го Сибирского стрелкового запасного батальона были построены в батальонном дворе в полном снаряжении, обмундировании и при всех теплых вещах, где они были осмотрены командованием части [25]. Иногда на смотре маршевых рот могло присутствовать и вышестоящее военное начальство. В марте 1916 г. командующий ОмВО, генерал от кавалерии Н.А. Сухомлинов,

посетил с инспекционным визитом 19-й Сибирский стрелковый запасной батальон. В отчете об осмотре он отметил, что маршевые роты от 3, 5, 6, 8, 11 и 12-й рот, отправляемые в действующую армию «имеют молодецкий вид, одежда, снаряжение и сапоги в полном порядке» [26]. В тоже время Н.А. Сухомлинов направил начальника штаба округа в 33-й Сибирский стрелковый запасной батальон, где им были осмотрены маршевые роты, подготовленные к отправке на фронт. Для проверки боеготовности пополнения были проведены двусторонние тактические маневры, где 9-я маршевая рота под командованием прапорщика Горячева была в наступлении, а 6-я маршевая рота прапорщика Мыздрикова находилась в обороне. По результатам проведенных учений начальник штаба округа отметил положительные стороны в тактической подготовке военнослужащих и отдал указания об устранении выявленных недочетов [27].

После проведения всех подготовительных мероприятий маршевые роты направлялись в действующую армию. Войскам предстояло погрузиться в железнодорожные эшелоны в полном составе. Погрузка в эшелоны происходила из расчета по 35-36 человек на каждый вагон [28]. Для своевременного прибытия маршевых рот в действующую армию командование округа согласовывало свои действия с различными гражданскими органами управления. В первую очередь это касалось железнодорожной инфраструктуры. В годы войны железные дороги страны работали очень интенсивно. Они доставляли пополнения на фронт, обеспечивали армию продовольствием, фуражом, боепитанием, а также снабжали население тыловых военных округов. В этой связи любое нарушение или сбой в отправке обученного пополнения мог нарушить расписание движения поездов, что в свою очередь могло нанести ущерб работе всей железнодорожной сети округа [29]. В целях поддержания порядка в железнодорожной логистике командование ОмВО заранее предупреждало о маршевых ротах, готовых к отправке в действующую армию [30].

Вместе с маршевым пополнением в эшелонах находились и военнослужащие постоянного состава запасных частей. Как правило, это были нижние чины, занимавшие нестроевые должности. Их главной задачей было обеспечение военнослужащих всем необходимым на пути следования эшелона. Так, например, в эшелоне № 43820, отправленном в действующую армию в апреле 1917 г., вместе с маршевыми ротами было направлено: двое лавочников, двое сапожников, один портной и два фельдшера [31]. После прибытия пополнений в действующую армию они были обязаны возвращаться в свои части. К ротам маршевого пополнения назначались также и дежурные офицеры, которые сопровождали эшелоны на всем пути до действующей армии. Их главной целью было обеспечение перевозки военно-обученных резервов до места назначения с наименьшими потерями. Как правило, начальниками эшелонов были прапорщики, которые набирали себе помощников также из числа прапорщиков [32]. На этапе перевозки маршевых рот в железнодорожных эшелонах ответственным офицерам приходилось решать широкий круг задач, в числе которых: поддержание дисциплины в маршевых ротах, обеспечение солдат и офицеров рот продовольствием, сохранность санитарной безопасности среди пополнения и др. Дежурные офицеры набирались из постоянного состава запасных частей. После прибытия пополнения в действующую армию они возвращались обратно в свои части. По результатам перевозки пополнений главный ответственный офицер составлял рапорт, в котором излагался краткий отчет о перевозке маршевого пополнения, обо всех нестандартных ситуациях в пути следования, нарушении дисциплины, количестве дезертиров, сумме потраченных денег, общей оценке подготовки маршевых рот офицерами действующей армии и др. Следует отметить, что выполнение подобных обязанностей было довольно непростой задачей. Небольшой группе офицеров постоянного состава приходилось сопровождать эшелон с несколькими маршевыми ротами. В случае открытого неповиновения, массового дезертирства или мятежа дежурные офицеры не имели возможности противостоять большой солдатской массе. Так, по всем внутренним военным округам России, в том числе и по ОмВО, был распространен приказ командования Западного фронта от 21 октября 1915 г. в котором описывался случай на железнодорожной станции Клинцы, где 300 нижних чинов маршевого пополнения 76-го запасного батальона силой остановили воинский эшелон и вытащили из вагона прапорщика Троицкого, стрелявшего ранее в дезертиров, бежавших из поезда. Рядовые забросали офицера камнями, и когда его раненого относили в госпиталь, один из мятежников, ратник ополчения Семеряжко, выкинул прапорщика из носилок и нанес ему несколько ударов ногами. В результате приговора

военного суда ратник Семеряжко был расстрелян, а другие зачинщики мятежа были сосланы на каторжные работы без срока [33].

Следует отметить, что уровень дезертирства из эшелонов был довольно высоким на протяжении всей войны. По оценке М.В. Родзянко, только в одном 1916 г. из запасных батальонов в действующую армию прибывало пополнение с утечкой в 25 % в среднем [34]. Так, например, в начале декабря 1915 г. на пополнение 42-й пехотной дивизии Западного фронта из 25-го и 32-го Сибирских стрелковых запасных батальонов было направлено 1500 нижних чинов. В действующую армию прибыло лишь 886 человек. Остальные разбежались по пути следования эшелона. В общем в декабре 1915 – январе 1916 г. в эту пехотную дивизию было направлено 11 маршевых рот из ОмВО в составе 2750 нижних чинов. Из них прибыло лишь 1250 – то есть более половины солдат – дезертировало [35]. В январе 1917 г. из 38-го Сибирского стрелкового запасного полка в действующую армию была направлена маршевая рота с нестроевыми нижними чинами, из которой бежало 26 человек [36]. В апреле 1917 г. из г. Томска на фронт было направлено 5 маршевых рот общей численностью в 1250 человек при пяти офицерах в каждой роте. По пути следования бежало 322 человека [37].

Путь из Западной Сибири в Европейскую часть России был довольно продолжительным. Маршевым ротам приходилось проезжать тысячи километров, прежде чем вступить в бой с врагом. При перевозке пополнения каждая железнодорожная станция имела большое значение. На остановочных пунктах для воинских эшелонов закупалось продовольствие, организовывались прием пищи, связь с командованием части, оказывалась необходимая медицинская помощь личному составу, помывка в бане и др. [38]. Каждая железнодорожная станция на это время оцеплялась военнослужащими гарнизонных подразделений. Личный состав маршевых рот при остановке на той или иной станции не имел возможности свободно выйти в населенный пункт без сопровождения офицера или наличия специальных разрешающих документов [39].

В тесном пространстве железнодорожных вагонов любая незначительная инфекция могла нанести серьезный вред личному составу и вывести из строя подразделение. Командование ОмВО уделяло этой проблеме должное внимание. Генерал Н.А. Сухомлинов, 15 февраля 1916 г. приказом по округу № 97 оповестил командование стрелковых бригад о том, что острозаразные болезни среди нижних чинов маршевых рот, в конечном итоге, могут попасть в действующую армию и к военнопленным, что было недопустимо. В соответствии с приказом заведующий передвижением войск перед отправкой пополнения в действующую армию должен был организовывать дезинфекцию железнодорожных вагонов, а также проводить медицинское освидетельствование личного состава [40]. Как происходила борьба с инфекционными вспышками в эшелонах на практике, показывают рапорты офицеров, ответственных за перевозку маршевых рот в действующую армию. Так, прапорщик Меркулов, ответственный за перевозку маршевых рот в эшелоне № 40199, 4 января 1917 г. направил рапорт начальнику 38-го Сибирского стрелкового запасного полка. В нем сообщалось, что при перевозке 125-й маршевой роты возникло подозрение, что среди личного состава произошла вспышка тифозного заболевания. В соответствии с регламентом на станции Вятка I дежурный врач вызвал старшего врача для осмотра нижних чинов. После того, как подозрение на тиф было подтверждено, старший врач задержал эшелон. Прапорщик Меркулов сразу же сообщил о данном инциденте командованию полка по телеграфу. А командир полка, подполковник Доброхотов, в этот же день направил эти сведения командованию 5-й Сибирской стрелковой запасной бригады. Заболевшие солдаты были сняты с поезда в количестве 14 человек и отправлены в местный лазарет. Теплушки, в которых провозили маршевую роту, были заменены другими, а белье и обмундирование нижних чинов дезинфицировано при помощи пароформалина. При содействии старшего врача прапорщик Меркулов организовал для нижних чинов поход в баню. В итоге, на 3-й день эшелон был выпущен из карантина, так как по результатам медицинского осмотра выяснилось, что пострадавшие солдаты больны не тифом, а другими менее опасными заболеваниями. После этого эшелон был вторично осмотрен старшим врачом и получил разрешение следовать дальше [41].

Питание солдат и офицеров маршевых рот на этапе перевозки осуществлялось следующим образом. В запасных частях при отправке пополнений дежурные офицеры получали кормовые деньги на всех военнослужащих маршевых рот [42]. В частях заготавливали кипяток для

питья, после чего выдавали его личному составу. На протяжении всего пути ответственным офицерам предстояло организовывать снабжение маршевых рот продовольствием. Однако дело в том, что в пути следования поездов не всегда имелась возможность обеспечить солдат и офицеров маршевых рот не только горячим питанием, но и какой-либо пищей вообще. Зачастую вместо пайка солдаты могли получать лишь кормовые деньги [43]. Купить на них какую-либо еду можно было только при остановке поезда на железнодорожных станциях. Однако в связи с перегруженностью путей и частыми перебоями в движении поездов состав с маршевыми ротами мог ехать до станции целыми сутками, в течение которых военнослужащие могли не получали пайка. Нередко нижние чины получали кормовые деньги один раз сразу за все те дни, которые они не снабжались продовольствием [44]. Это вызывало очень серьезное недовольство военнослужащих. В соответствии с приказом Главного Управления Генерального штаба под № 21794 от 28 мая 1917 г. на имя начальника штаба ОмВО командование запасных частей, при отправке маршевых рот в действующую армию должно было снабжать солдат хлебом хотя бы на 2-3 дня [45].

По прибытию в действующую армию, маршевые роты проверялись специальными комиссиями фронтовых резервных запасных частей. Перед тем, как отправить пополнения в боевые части, проверялась их военная подготовка. Члены комиссии оценивали уровень обученности пополнения, как правило, по следующим критериям: боевая подготовка, штыковой бой, рассыпание в цепь, окопное дело, сторожевая служба на практике, дозорная служба на практике, ведение разведки на практике, выправка, дисциплина строя, шаг, сомкнутый строй в составе взвода, сведения из уставов [46]. По результатам проверки комиссия давала свою оценку подготовке маршевых рот, что в свою очередь отражалось в рапортах ответственных офицеров маршевых рот. Так, прапорщик Меркулов в рапорте начальнику 5-й Сибирской стрелковой запасной бригады 20 января 1917 г. представлял копии отчетов об осмотре 73, 74, 75-й и 76-й маршевых рот, отправленных в действующую армию эшелоном № 40199. В рапорте указывалось, что «73-я маршевая рота представилась отличной. Начальствующие лица бригады и полка в восторге от ее подготовки, и она буквально разбирается на части: в учебную команду, команду связи, команду разведчиков.» [47]. В свою очередь, комиссия 52-го пехотного запасного полка представила свой отчет об осмотре маршевых рот из 38-го Сибирского стрелкового запасного полка. Имеет смысл представить некоторые выдержки из этого отчета. «Осмотр произведен 30 декабря 1916 г. Осмотрены 73, 74, 75-я и 76-я маршевые роты эшелона № 40199 из г. Томска ОмВО. Личный состав: а) офицеров – 4 (прапорщики), б) унтер-офицеров – 27, ефрейторов – 51… Нижние чины ратники 2-го разряда призыва 1903-1905 гг. и новобранцы призыва 1916-1918 гг. Уроженцы Томской и Вятской губерний разных уездов… Срок обучения: 73-я рота с 11 октября и остальные с 8 сентября сего года… Боевая подготовка: а) обязанности рядового в рассыпном строю усвоены хорошо… б) Стрелковая подготовка: Начальное обучение. Пройдено стрельб 6 уменьшенными зарядами, 3 подготовительных и 1 боевыми патронами… в) Обучение штыковому бою: 73-я рота – удар сильный, сноровистый. Остальные – удовлетворительно… Обмундирование: Полностью ношенное, но годное к употреблению. От продолжительной езды по железной дороге слишком загрязнено. Снаряжение: Полностью ношенное, но годное… Общее заключение: В общем, прибывшие нижние чины по своей боевой и строевой подготовке отнесены: 75-я маршевая рота к 6-й, а остальные роты к 7-й неделе обучения согласно программы, установленной приказом армиями Западного фронта 1916 г. № 872 /секретно/. Снабжение рот всем положенным: 76-я рота – удовлетворительно. Остальные – вполне удовлетворительно. Подписали: командир 52-го пехотного запасного полка, подполковник Кудрич, начальник хозяйственной части, капитан Пиотровский, командир 4-го батальона, Капитан Лопатин, члены: командир 8-й роты, подпоручик Цубербиллер, командир 16-й роты, подпоручик Гераськин, помощник начальника эшелона, прапорщик Даниленко, полковой адъютант, прапорщик Меркулов [48]. Представленная выдержка из отчета об осмотре маршевых рот показывает, что запасные резервные части действующей армии проверяли боевую и строевую подготовку пополнения, а также их оснащенность тщательным образом. Было необходимо, с одной стороны, проверить боеспособность прибывших пополнений, выявить и исправить все недочеты в подготовке маршевых рот перед их отправкой в боевые части, и, с другой стороны, дать информацию командованию

тыловых запасных частей, указав на явные просчеты в подготовке маршевых рот.

Таким образом, к комплектованию и формированию маршевых подразделений командование запасных частей Омского военного округа подходило со всей ответственностью на протяжении всей войны. Большое внимание при этом уделялось военной подготовке личного состава, физическому состоянию, в том числе здоровью военнослужащих, и обеспечению маршевого пополнения положенными видами довольствия. На фронт маршевое пополнение направлялось в составе воинских эшелонов. По прибытии в действующую армию командование фронтовых запасных резервных частей подвергало маршевые подразделения комплексной проверке, по результатам которой осуществлялось распределение военнослужащих по боевым частям.

Список литературы

1. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2 Т. Париж., 1939. Т.1. 213 с. С. 75.

2. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914-1918 гг. и Сибирь /отв. Ред. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с. С. 49; Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография: в 2 кн. /Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. Барнаул: ОАО «Алтайский Дом печати», 2014. Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. 238 с. С. 10.

3. Новиков П.А. Омский военный округ в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск. : БГУЭП. 2014. С. 411-416. С. 413.

4. Ростов Н.Д. Идем мы в решительный бой… Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны / Н.Д. Ростов; Алт. гос. тех. ун-т. им. И.И. Ползунова. Барнаул. Изд-во АлтГТУ, 2007. 516 с. С. 154.

5. Государственный Архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 2, 3.

6. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

7. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

8. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

9. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 2. Л. 19, 21.

10. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 47.

11. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 78.

12. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

13. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 22. Л. 208.

14. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 82.

15. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 35.

16. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 2. Л. 19 об.

17. Исторический Архив Омской Области (ИАОО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 107. Л. 110.

18. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 2. Л. 20, 2.

19. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

20. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.

21. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 48 об.

22. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

23. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 22. Л. 93 об.

24. ГАНО. Ф. Д-135. Оп. 1. Д. 5. Л. 200, 202 об.

25. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

26. ИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 107. Л. 119.

27. ИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 107. Л. 123, 124.

28. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.

29. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 22. Л. 208, 208 об.

30. ГАНО. Ф. Д-135. Оп. 1. Д. 5. Л. 271.

31. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 98.

32. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

33. ИАОО. Ф. 54. Оп. 2. Д. 20. Л. 44.

34. Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография: в 2 кн. /Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. Барнаул: ОАО «Алтайский Дом печати», 2014. Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. 238 с. С. 59-60.

35. ИАОО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

36. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 23.
37. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 242, 242 об.
38. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 243.
39. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 32.
40. ИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 107. Л. 78.
41. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 11, 31.
42. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
43. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 32 об.
44. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 242 об.
45. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 22. Л. 261.
46. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 37.
47. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 47 об.
48. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 48, 48 об.

Об авторе

Коняев Роман Валерьевич – аспирант кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет, Ram-ne@mail.ru

УДК 94(470.319).081/.083 – 283.1

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДУХОВЕНСТВА И ПРИХОЖАН В ОРЛОВСКО-СЕВСКОЙ ЕПАРХИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Кошелев В.Е.

Статья посвящена взаимоотношениям приходского духовенства и прихожан Орловско-Севской епархии во второй половине XIX в. Анализируются основные аспекты и проблемы учительной деятельности духовенства. Показаны те нравственные проблемы, которые беспокоили орловское духовенство. Рассмотрены материальные отношения между пастырями и паствой, оценены их основные сферы и проблемы.
Ключевые слова: Русская Православная церковь, приходское духовенство, прихожане, учительная деятельность, материальные проблемы.

THE RELATIONSHIP OF CLERGY AND PARISHIONERS IN THE OREL-SEVSKIY APACHIE THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Koshelev V. E.

The article is devoted to relations between the parish clergy and parishioners Orel-Sevsk diocese in the second half of the nineteenth century Analyzes the main aspects and problems of learning activities of the clergy. Shows the moral problems that bothered Orel clergy. Considered material relationships between the pastors and the flock, estimated their major areas and problems.
Keywords: Russian Orthodox Church, parish clergy, parishioners, didactic activities, financial problems.

В современной России продолжается, начавшийся более двух десятилетий назад, процесс возрождения Русской Православной церкви. Это выражается, в том числе, в восстановлении и развитии храмовой инфраструктуры. Реставрируются и строятся храмы, открываются новые приходы, растут ряды приходского духовенства. Церковь, батюшка в своём характерном облачении вновь стали неотъемлемой частью российского социального ландшафта. Между тем за десятилетия господства в стране официального атеизма, отношение русского человека к религии и церкви претерпели определённую эволюцию. То, что в царской России было многовековой традицией, в XXI веке, по сути, новшество. Взаимоотношения между верующими и неверующими, между приходом и обществом, между духовенством и мирянами внутри прихода. Всё это приходится выстраивать, фактически, на новом месте. При этом не обходится без конфликтов. Каким же образом строились отношения между пастырями и паствой в доатеистическую эпоху? Насколько актуален опыт синодального периода истории Русской Церкви?

Хронологические рамки исследования: пореформенная эпоха, период, когда синодальная система сложилась в своём окончательном виде, и начались поиски её совершенствования. Выбор территориальных рамок исследования обусловлен, во-первых, типичностью Орловско-Севской епархии в ряду православных епархий центральной России. Орловско-Севская епархия обнимала территорию Орловской губернии, области с почти исключительно русским и православным населением. Таковой Орловщина фактически остаётся по сей день, несмотря на все миграции нового и новейшего времени. Во-вторых, история Орловско-Севской епархии второй половины XIX в. до сих пор остаётся малоисследованной сферой. Историография истории епархии практически исчерпывается несколькими обзорными трудами общего порядка и рядом небольших краеведческих исследований.

Пастырь и пасомые встречались, прежде всего, в храме во время богослужения и по поводу совершения необходимых треб. Эта сфера взаимоотношений ко временам синодальным давно сложилась, благодаря многовековой традиции литургической жизни. Кроме службы и совершения таинств, ещё одним поводом к общению священника и прихожан была проповедь. Произнесение поучений одна из важнейших пресвитерских обязанностей [1, с. 548].

Именно эта сфера взаимоотношений между пастырем и паствой беспокоила духовенство Орловско-Севской епархии в пореформенную эпоху. В сентябре 1865 г. в «Орловских епархиальных ведомостях» появилась статья «Заметки из наблюдений над нравственной жизнью нашего простонародья», вышедшая из-под пера В. Попова [2, с. 291]. Главная проблема,

поднимаемая автором, фактические незнание основной массой верующих (крестьянством, рядовыми горожанами) догматической стороны православной веры. Богословские знания заменяют «нравственное чутьё» и доскональное знание обрядовой стороны православия. Отсюда поступки не совместимые с христианским образом жизни: неуважительное отношение к родителям, отсутствие почтения к пастырям. Многие не знают молитв. В народе под видом православных бытуют самые странные, полуязыческие по сути, обряды и обычаи. Для того чтобы сделать народную веру сознательной, поднять уровень народной нравственности пастыри должны образовывать народ проповедью слова Божия, а правительство стараться об очищении, возвышении и укреплении нравственно-религиозных понятий народа посредством распространения грамотности. Слишком редко в сельских храмах совершается богослужение (только по праздникам) и ещё реже произносится проповедь. «Обычно же бывает так: настаёт воскресный или другой какой-либо праздничный день, священник идёт в храм Божий, начинает службу, по возможности, спешит, оканчивает, и бежит домой, если нет в приходе каких-нибудь треб. О проповеди и помину не бывает», - пишет Попов [2, с. 298]. Главная причина здесь: недостаток времени на составление и произнесение проповедей. Большую часть его поглощают заботы о хлебе насущном. По той же причине священство принимает мало участия в обучении детей грамоте в приходских школах. Их стали заменять выпускники средней духовной школы, не принявшие сана. Однако, сложив фактически с себя обязанности учителя, пастырь оставляет и учительную деятельность, не принимает участия в нравственном воспитании прихожан [2, с.302, 303; 658].

В «Орловских епархиальных ведомостях» регулярно публиковались материалы для «назидательного чтения»: труды отцов Церкви, сочинения современных богословов, слова и поучения пастырей Орловско-Севской епархии; отрывки из Священного писания с разъяснительными комментариями; статьи с разъяснением пагубности грехов и пороков разного рода; слова с пояснениями смысла тех или иных церковных праздников; очерки из истории древней церкви о борьбе с ересями [4, с. 140-142; 5, с.170-181; 6, с. 308; 7, с. 446-454; 8, с. 476-487; 9, с. 501-518; 10, с. 727-735; 11, с. 810-811; 12, с. 22-33]. Все эти материалы были предназначены, прежде всего, для священства, которое могло использовать их для составления проповедей.

Пробелы в учительной деятельности особенно чувствовались на фоне распространения в Орловской губернии старообрядчества. Хотя доля старообрядцев в массе жителей Орловской губернии и была ничтожна (всего 0,26 % от всего населения губернии по данным переписи 1897 г.), уклонения в раскол сильно нервировали как духовное, так и гражданское начальство губернии [13, с. 10]. В 1865 г. кромской уездный предводитель дворянства направил письмо на имя губернатора по поводу уклонения в раскол временно-обязанных крестьян его уезда. Это письмо послужило поводом для отношения, направленного губернатором орловскому владыке. В итоге 26 февраля 1865 г. было указано всем священнослужителям (а особенно кромского, дмитровского и малоархангельского уездов), чтобы они в каждый праздник обязательно после окончания литургии или после утрени прочитывали крестьянам по несколько текстов из Евангелия или Деяний Св. Апостолов с объяснением смыла текста Священного писания языком максимально понятным для прихожан [14, с. 141]. Случаи присоединения бывших старообрядцев к православию специально освещались в «Орловских епархиальных ведомостях» [15, с. 162].

Большое значение учительной деятельности придавал орловский владыка Макарий. 28 декабря 1869 г. и 9 декабря он выступал с поучениями в Зачатьевской церкви Орловского Александринского института благородных девиц [16, с. 25-30]. 23 ноября 1870 г. в Александровской церкви при Орловской губернской гимназии [17, с. 8-12]. Епископ Макарий старался донести до юношей и девушек мысль о том, что не важны не только знания и ум, но чистая совесть и твёрдая вера. «Это не то просвещение, при котором просвещают ум, но оставляют без просвещения своё сердце. Не то просвещение, при котором познают творение, забывают о Сотворившем вся видимая и невидимая. Истинное просвещение наше от Бога, источника всякой премудрости и разума. Приступайте к Нему все, ищущие истинного просвещения» [18, с. 10-19].

Интересные и актуальные до сего дня мысли, адресовал владыка Макарий воспитанницам института благородных девиц. Его поучение касалось новомодного в XIX в. и, далеко зашедшего ныне, движения за равноправие женщин. Макарий отмечал, что христианство возвысило женщину, уравняв её с мужчиной в нравственном законе. Заповеди Христовы адре-

сованы и мужчинам и женщинам, и тем и другим открыт путь к спасению. «Между тем, гадания настоящего времени, оставляя без внимания духовную и загробную жизнь человека, ограничиваются одною жизнию его настоящею и измеряют ею всё доброе и недоброе в человеке. Отсюда равноправность пред законом нравственным и гражданским смешивают и переносят на равноправность обоих полов в семейных и общественных делах, стараясь пересоздать жён и облечь их такою силою, которой не дано им. Как будто Творец не знал с какими силами и правами нужно было создать мужчин и с какими женщин? Как будто мало дано было при творении жёнам добрых качество ума и сердца, чтобы соделать их счастливыми на всю жизнь?» [18, с. 16].

Несмотря на все усилия орловского духовенства по распространению христианского образа жизни, усилия эти были далеки от окончательного успеха. В первых номерах «ОЕВ» за 1892 г. было опубликовано особое слово к ученикам семинарии, где ректор прот. Владимир Сахаров обрисовал будущим пастырям основные проблемы их будущего пастырского служения. Автор говорил о разрушении крестьянской семьи, падении авторитета родителей в глазах детей; широком распространении взаимного обмана, воровства; городская распущенность нравов проникла в прежде патриархальную деревню (большинство семинаристов, из тех, кто впоследствии будет рукоположен, отправятся именно в сельские приходы нашей аграрной, по преимуществу, губернии). Умаляются благочестие и набожность, уважение к храму. Распространилось пьянство. «Насколько помрачились мысли и чувства народные, самым лучшим свидетельством тому служат народные песни. Замолкла величавая песня старины об исторических героях, в которых народ воспевал свои идеалы государственной доблести, храбрости и мужества; исчезли высокотрогательные духовные песни, о жизни и чудесах святых, о загробной жизни, и на место их водворилась песнь, поющая славу грязной любви и бесшабашному ухарству» [19. С.54-56]. Большое значение для нравственного воспитания имеют церковно-приходские школы, но их ещё мало и они не могут заменить нравственное воспитание в семье. Воспитывать надо не только детей, но и взрослых. Воспитывать пастырскими беседами и организацией обществ трезвости. «Долг, возлагаемый на пастыря церкви, разлагается на три части: пастырь есть учитель народа, он есть совершитель богослужения, он есть нравственный руководитель и воспитатель своих пасомых» [19, с. 58]. Проповедь должна быть понятной и жизненной, для чего будущему пастырю необходимо хорошо изучить свою паству, её проблемы, язык и мировосприятие. Сам пастырь должен быть нравственно чист своих помыслах и делах, вся его жизнь должна быть примером для верующих [20, с. 124].

О. Владимир писал, что организация церковно-приходской школы одна из важнейших забот пастыря. Даже если у него не будет времени и сил самому вести образовательные предметы, он обязательно должен взять на себя преподавание Закона Божия. Семинария, по мнению автора, даёт здесь лишь общую теоретическую подготовку. Прежде чем самому стать организатором школы, будущий пастырь должен сначала поработать в школе при семинарии, а потом попробовать свои силы в должности народного учителя. Теория, таким образом, будет закреплена и обогащена практическим опытом [20, с. 123].

Беспокойство в церковной среде вызывали народные обычаи встречи нового года, «ибо со многими непристойностями, а иногда и прямо не по христиански многими из обывателей г. Орла, как и вообще всею нашею широкою Русью, встречается новый год» [21, с. 36]. По благословению владыки Митрофана верующие смогли встретить новый 1899 год молитвой в кафедральном соборе. По личным впечатлениям корреспондента «Орловских епархиальных ведомостей», храм был полон людьми самых разных сословий, в том числе с самых дальних окраин города. На новогоднем молебне, начавшимся ровно в полночь, присутствовал сам губернатор А.Н. Трубников [21, с. 35]. В «ОЕВ» публиковались выдержки из трудов отцов церкви, осуждавших новогодние гадания и хмельные возлияния [22, с. 9-13].

17 октября 1898 г. законоучитель свящ. Иоанн Виноградов выступил с особым словом перед учащимися Ливенского реального училища. Главной бедой нашего времени о. Иоанн считал маловерие. «Несколько дней в году, и то пополам с суетой, Богу, всё остальное время миру и его соблазнам; наружное, и то в крайне ограниченном виде, уважение к учреждениям церкви, и готовое внимание, часто с нескрываемым одобрением, всем нападкам на неё со стороны её врагов; несколько напускных умилённых вздохов при известных случаях, и за ними вскоре же смех, часто с кощунством, над самой верой. Думается, не посмело бы и само неверие так открыто и дерзко

глумиться над священнейшими истинами веры, если бы не ободрялось этим множеством христиан полуверующих, нерешительных, сомневающихся» [23, с. 1617]. Ошибочно, по мнению о. Иоанна видеть причину маловерия в успехах просвещения. Просвещение не подрывает веру, а делает её сознательной, основанной на знании, а не только на голосе сердца. «Полузнание отвращает от Бога, а истинная наука опять приводит к Нему» [23, с. 1620]. Причина маловерия недостаток знаний, отсутствие религиозного образования. Другая причина – «худые страсти». Вера мешает человеку, обуреваемому такими страстями «предаваться радости порока». Что бы заглушить голос совести, «он заранее переходит на сторону какого угодно учения, лишь бы оно сняло с него иго Закона Божия, благое для праведных и тяжкое для грешников» [23, с. 1623]. «Глубокая язва нашего времени – это страсть к быстрой наживе ради воображаемого полного наслаждения жизнью – может ли она ужиться с тихим и кротким светом св. веры? Когда тысячи теснятся на пути к богатству и роскоши, при этой напряженной гоньбе за всевозможными развлечениями и удовольствиями, если ли время даже думать о душе и её нуждах?» [23, с. 1624].

Одним из направлений взаимоотношений между причтом приходских церквей и прихожанами была материальная поддержка церкви. Помещики и крестьяне (индивидуально и целыми обществами) делали в основном вещественные пожертвования (лес для церковной ограды, иконы, плащаница), более редкие денежные могли достигать 2000 руб. и более [24, с. 92; 25. с. 100-101; 26, с. 107; 27. С.492]. Сообщения о таких пожертвованиях регулярно публиковались в «Орловских епархиальных ведомостях» [28, с.143; 29, с.580, 581].

В то же время, материальная сторона отношений между пастырем и пасомыми всегда смущала обе стороны. Казённого жалования, которое получали далеко не все клирики, на жизнь решительно не хватало. По подсчётам одного из авторов «ОЕВ» (статья не подписана) одни только расходы на обучение сына в училище и семинарии съедали почти всё священническое жалование [30, с. 373-374]. Должность законоучителя или преподавателя в каком-либо учебном заведении могла дать некоторый приработок, но не более того. Из собственности, которая могла бы приносить доход, сельские церкви обладали только участками земли, которые сам клир же обрабатывал. По сему, приходское духовенство жило почти исключительно за счёт тех средств, которые предоставляли ему прихожане [30, с. 374, 375]. Понятно, что плата за требы представляет собой древнейшее явление, освященное нормами канонического права. Не возражают и сами прихожане, понимая, что священническое служение это труд, а всякий труд должен быть оплачен [30, с. 385, 386]. Но то, что каждое священнодействие сопряжено с платой за него, а каждое благочестивое движение души (например, желание отслужить молебен по случаю какого-либо счастливого события) предваряется денежными расчётами, смущает советь верующих [30, с. 377-379]. В смущении и священство. Необходимость взимать плату за требы ставит священника в унизительное положения просителя. Материальная зависимость отца духовного от своих чад нередко заставляет его смотреть снисходительно на их далеко не высокоморальное поведение [30, с. 381-382]. Наш автор предлагал заменить плату за требы единовременным сбором, которую прихожанин вносил бы в бюджет храма в зависимости от своих материальных возможностей [30, с. 386]. Такие сборы могли собираться ежегодно вместе с государственными налогами государственной налоговой системой и оттуда, собранные суммы, выдавались бы постепенно (помесячно), духовенству в течение года. Требы же, кроме молебнов, совершаемых по просьбам прихожан, сделать бесплатными. Тем самым улучшится их качество. Многие представители священства, особенно когда треб необходимо совершить много, отправляют их небрежно, наспех, стремясь в отведённое время совершить треб как можно больше. Церковную землю вместо того, чтобы сдавать её в аренду или обрабатывать трудом прихожан («приходская помощь») передать последним в долговременное пользование. За такое пользование взимать с прихожан соответствующий хлебный или денежный сбор [31, с. 714, 717]. Однако проект это так и остался благим пожеланием.

Материальные отношения между пастырем и пасомыми формировались, таким образом, объективными факторами. Сожалея о том, что церковные доходы складываются так, как они складываются, орловское духовенство было вынуждено искать средств повышения этих доходов. Священник Александр Павловский в своей статье, вышедшей в номере «ОЕВ» ведомостей 1 ноября 1865 г., констатировал, что приходские попечительства организуются вяло, а благотворительное братство при Орловской духовной семинарии не может собрать сколь-

нибудь заметные средства на улучшение содержания учебного заведения [32, с. 601]. Автор полагает, что «средствами или источниками всех вообще церковных доходов служат как общественные так и частные богослужения: чем чаще совершаются те и другие, тем большего ожидается притечения церковных доходов» [32, с. 604]. «На обязанности священника лежит здесь долг дать тому и другому богослужению и большую возможность к притечению церковных доходов», - выражает свою уверенность о. Александр [32, с. 605]. Далее следуют практические рекомендации. При крещении «внушать» восприемникам приобретать свечи только при храме и не три, как заведено во многих приходах, а семь. Обязательно при храме должны продаваться и кресты для возложения на младенцев (видимо, такие предметы бывали в продаже далеко не при каждом храме – *В.К.*). После пения молитв в доме прихожанина, клирики забирают все недогоревшие свечи с собой. Это вызывает неудовольствие. О. Александр полагал, что достаточно только двух свечей, благо куплены они все при храме.

Крестьяне, держащие пчёл, имеют обыкновение изготовлять свечи для себя сами. Священнику «не мешает расположить» такого крестьянина к пожертвованию на храм воска. Земская полиция и сельские власти должны пресекать продажу свечей вне храма. «При совершении браков не неуместно будет со стороны священника внушение о каком-либо взносе, хотя и малом, на пользу храма Божия, так как отселе истекает и преподаётся благословение Господа на брачующихся. Взимание за кольца, за церковное вино, за возложение венцов должно быть введено повсеместно» [32, с. 607]. При погребении священнику следует внушить собравшимся родственникам мысль о предстоянии со свечами. При поминовении усопшего, при вносе поминальной книжки на проскомидию, внушить подающему мысль о подаче вместе с книжкой и свечи [32, с. 608]. 15 ноября 1865 г. было опубликовано воззвание к орловскому духовенству владыки Поликарпа с призывом к увеличению свечного и кошелькового доходов [33, с. 641-645].

Материальные отношения часто служили поводом для трений. В 1866 г. попечительский совет при орловской кладбищенской ц. Св. Троицы, председателем которого был сам губернатор Н.В. Левашов, обратился с ходатайством к городской думе о назначении причту храма регулярного жалования. Дума предложила возложить содержание причта на жителей 3-ей части города, чьи нужды удовлетворяет храм, а не обременять весь город. На повторный запрос общее собрание купцов и мещан ответило, что времена, когда кладбищенские церкви как бесприходные имели очень скудный доход, давно прошли. Причт этих храмов ныне имеет достаточный доход от прихожан. По сему, они с 1867 г. отменяют, выплачивавшиеся несколько десятилетий, ежегодные пособия Крестительской и Сергиевской кладбищенским церквам (по 200 руб. ассигнациями). Естественно, что об ассигновании средств на третью церковь не могло быть и речи. На третий запрос попечительского совета, сделанный через губернское правление, городская дума посоветовала причетникам Троицкой церкви поискать себе новых мест, если они недовольны своими доходами [34, с. 716-718].

Владелец мельницы, стремясь, видимо увеличить мощность водяного колеса, увеличил высоту плотины. Это привело к затоплению церковных пойменных лугов. Владелец мельницы не только нарушил соглашение с церковным причтом, но и подкупил свидетелей. Последние, соблазнённые обильной выпивкой, заявили, что существующий уровень воды изначальный, луга были под водой с самого основания мельницы [35, с.368-369]. В ноябре 1866 г. местное уездное земское собрание, вопреки закону, обложило церковные земли земским сбором [36, с. 9]. И это только несколько примеров, число которых можно многократно умножить.

Кражи из церквей были настолько обыденным и распространённым явлением, что на определённом этапе вызвали беспокойство епархиального начальства. В первом номере «ОЕВ» за 1870 г. было опубликовано предписание владыки Макария: «Для предосторожности от начинающих повторяться похищений из церквей по примеру прошлого года, подтвердить духовенству и церковным старостам, чтобы они вместе с обществами прихожан всемерно озаботились об усилении при церквах стражи, об укреплении дверей и окон в церквах, за чем местные благочинные имеют строго наблюдать» [37, с. 20]. 1 января 1873 г. в связи с похищением из церкви 273 руб. было предписано не хранить одновременно более 110 руб., отсылая остальные средства в банк или иное кредитное учреждение [38, с. 1]. 20 декабря 1896 г. владыка Митрофан распорядился, чтобы в случае кражи из церкви благочинные обязаны были лично осмотреть место происшествия и

провести дознание [39, с. 2]. Естественно, что данные действия не могли заменить следствия, которое надлежало провести государственным правоохранительным органам. Полагаем, что церковные власти мало верили в эффективность такого следствия, по сему и решили взяться за дело самостоятельно.

Таким образом, с одной стороны, Синодальная эпоха явила небывалый расцвет православия в России. Никогда Русская Православная церковь не имела столь обширной канонической территории, такого множества храмов, пастырей и архипастырей, столь развитой духовной школы и церковной науки. Но фундамент этого могущества уже был подточен. Превращение духовенства в замкнутое сословие со своими специфическими интересами, во многом отличными от интересов прихожан, нарушило живую связь между пастырями и паствой. Духовенство ничего не смогло противопоставить той эрозии нравственности, которая стала одной из предпосылок социальных катаклизмов XX века. Проблема эта чувствовалась даже в Орловско-Севской епархии, расположенной в стороне от центров социальной напряжённости.

Список литературы

1. Цыпин В., прот. Каноническое право. М., 2009.

2. Попов В. Заметки из наблюдений над нравственной жизнью нашего простонародья // Орловские епархиальные ведомости (далее – ОЕВ). 1865. №17. С. 291-309.

3. Попов В. Заметки из наблюдений над нравственной жизнью нашего простонародья // ОЕВ. 1865. №22. С. 648-659.

4. Назидательное чтение // ОЕВ. 1865. №4. Ч/н. С. 139-142.

5. Речь, сказанная в присутствии Святейшего Синода, ректором Санкт-Петербургской духовной академии, архимандритом Иоанном при наречении его в сан Епископа // ОЕВ. 1865. №5. Ч/н. С. 170-181.

6. Есть ли правильная церковная иерархия и истинное священство у наших, так называемых, старообрядцев? // ОЕВ. 1865. №8. Ч/н. С. 308-321.

7. Назидательное чтение // ОЕВ. 1865. №11. Ч/н. С. 446-454.

8. О беглых попах у наших раскольников // ОЕВ. 1865. №12. Ч/н. С. 476-487.

9. О мирянах, священнодействующих у наших раскольников // ОЕВ. 1865. №13. Ч/н. С. 501-518.

10. Изображение пьяницы // ОЕВ. 1865. №23. С. 727-735.

11. Модная отрава // ОЕВ. 1865. №24. С. 810-811.

12. ОЕВ. 1868. №1. С. 22-33.

13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Издание ЦСК МВД. Под. ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Т.29.

14. Распоряжения епархиального начальства // ОЕВ. 1865. №11. Часть официальная (далее – ч/о).

15. Известия // ОЕВ. 1865. №12. Ч/о.

16. Поучение, произнесённое Преосвященнейшим Макарием, епископом Орловским и Севским в Зачатьевской церкви Орловского Александринского института благородных девиц 28 декабря 1869 г. //// ОЕВ. 1870. №1. С. 25-30.

17. Слово Преосвященнейшего Макария епископа Орловского и Севского в день Святого благоверного князя Александра Невского в Александровской церкви при Орловской губернской гимназии 23 ноября 1870 года // ОЕВ. 1871. №1. С. 8-12.

18. Слово Преосвященнейшего Макария епископа Орловского и Севского в Орловском институте благородных девиц в день зачатия Св. Анны 9 декабря 1870 г. // ОЕВ. 1871. №1. С. 10-19.

19. Доброе слово готовящимся к священническому служению // ОЕВ. 1892. №2. С. 54-62.

20. Доброе слово готовящимся к священническому служению // ОЕВ. 1892. №4. С. 122-126.

21. Святки в г. Орле // ОЕВ. 1899. №1. С. 34-36.

22. Голос древних пастырей Церкви о праздновании Нового года // ОЕВ. 1903. №1. С. 9-13.

23. Виноградов И., свящ. Слово на 17 октября (день храмового праздника в Церкви Ливенского реального училища) // ОЕВ. 1898. №43-44. С. 1616-1626.

24. Известия // ОЕВ. 1865. №6. Ч/о.

25. Известия // ОЕВ. 1865. №7. Ч/о.

26. Известия // ОЕВ. 1865. №8. Ч/о.

27. Известия // ОЕВ. 1865. №20. С.492.

28. Известия // ОЕВ. 1865. №11. Ч/о.

29. Известия // 1865. №21.

30. Несколько слов по поводу «заменения обычного в сельских приходах способа собирания денег с говельщиков великим постом» // ОЕВ. 1865. №18. С. 373-390.

31. Младов А., свящ. Об улучшении материального быта сельского духовенства местными средствами // ОЕВ. 1865. №23. С. 704-721.

32. Павловский А., свящ. Несколько слов и предположений по поводу увеличения свечной церковной суммы по нашей Орловской епархии ввиду предполагаемого улучшения быта духовно-учебных наших заведений // ОЕВ. 1865. №21. С. 600-615.

33. ОЕВ. 1865. №22. С. 641-645.

34. Пясецкий Г. Орловские кладбища и состоящие при них церкви // ОЕВ. 1898. №20. С. 711-718.

35. Попов В. Заметки из наблюдений над нравственной жизнью нашего простонародья // ОЕВ. 1865. №18. С. 364-372.

36. Распоряжения епархиального начальства // ОЕВ. 1881. №1. С. 9-14.

37. Распоряжения епархиального начальства // ОЕВ. 1870. №1. С. 20-21.

38. Распоряжения епархиального начальства // ОЕВ. 1873. №1. С. 1-2.

39. Распоряжения епархиального начальства // ОЕВ. 1897. №1. С. 1-2.

Об авторе

Кошелев Вячеслав Евгеньевич – магистрант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, palladii@list.ru

УДК 94(73).092.9

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» И ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО

Печалова А.И.

Статья посвящена роли экспертного сообщества в контексте формулирования подходов к новым вызовам безопасности после окончания «холодной войны».
Ключевые слова: экспертное сообщество, Трехсторонняя комиссия, Совет по международным отношениям, новые вызовы, внешняя политика США, международные отношения, мозговые центры, процесс принятия решений.

NEW CHALLENGES TO INTERNATIONAL RELATIONS AFTER THE END OF THE COLD WAR AND THE EXPERT COMMUNITY

Pechalova A.I.

The article covers the role of the expert community in articulating approaches towards new challenges to international security after the end of the Cold war.
Keywords: expert community, scholars, Trilateral commission, Council on Foreign Relations, new challenges, US foreign policy, international relations, foreign affairs, think tanks, decision-making.

В середине прошлого века в мировой политике зародились тенденции, которые повлекли за собой динамичный и необратимый рост связей между государствами. Глубокая взаимозависимость, закрепленная долларизацией национальных экономик в рамках Бреттон-Вудской системы, интеграционными процессами, охватившими все сферы международной жизни, породила качественно новые для всего мира вызовы. Среди них – неконтролируемые миграционные потоки, незаконный оборот оружия и наркотиков, транснациональная организованная преступность, распространение оружия массового уничтожения и возможный доступ к нему террористических групп. Возросла уязвимость участников глобальных процессов, при этом масштаб вызовов для отдельно взятой страны увеличивался пропорционально её вовлечению в процессы глобализации.

Если в период до 1992 года противостояние социалистического и капиталистического лагерей определяло политический климат и так или иначе затрагивало все области взаимоотношений акторов международных отношений, то после окончания «холодной войны» и исчезновения биполярности как основного источника глобальной конфликтности другие проблемы проявились более четко. Они получили название «новых вызовов» и стали частью стратегических документов различных стран и международных организаций. Например, международный терроризм был обозначен в качестве наиболее серьезной угрозы для безопасности, как в стратегиях национальной безопасности глобальных держав, так и в аналогичных документах других стран, где вероятность террористического акта (по крайней мере, до новой волны беженцев из стран Ближнего Востока) была ощутимо ниже. Перечень глобальных вызовов продолжает пополняться новыми источниками рисков, которые определяют состояние современных международных отношений.

Сегодня на предотвращение так называемых «глобальных угроз» выделяются существенные материальные и административные ресурсы, однако ни для одного из упомянутых вызовов решение еще не было найдено. Искоренение терроризма, в частности, осложняется его неоднородностью и возросшей мобильностью террористических ячеек. Борьба с ним одновременно сочетает в себе жесткие методы (например, авиаудары по подконтрольным ДАИШ объектам в Сирии) и гуманитарные усилия, направленные на повышение качества жизни радикально настроенных слоев населения (например, строительство инфраструктуры, внедрение образовательных программ в бедных странах). В общем и целом применяемый сегодня подход к борьбе с терроризмом представляет собой синтез следующих тезисов:

1. Жесткая сила по-прежнему является эффективным инструментом на пути искоренения терроризма [2].

2. Терроризм тесно связан с качеством жизни населения [7].

3. Ввиду неоднородности террористиче-

ских идеологий случай каждой конкретной организации, подозреваемой в терроризме, должен рассматриваться отдельно.

Эти три утверждения в той или иной степени разделяют акторы, участвующие в различных контртеррористических операциях. Определенные наработки в определении долгосрочных подходов к решению проблемы терроризма все же существуют в рамках национальных стратегий безопасности, немало работы проделано в различных международных организациях: среди последних документов ООН, посвященных этой проблеме, можно выделить План действий по предотвращению экстремизма и терроризма [8], озвученный генеральным секретарем ООН в апреле 2016 года. Однако разногласий в этом вопросе значительно больше: сложности на пути выработки универсального подхода представляют отсутствие единого определения термина «терроризм», расхождения точек зрения существуют относительно причастности тех или иных организаций к террористической деятельности.

Радикальные террористические организации существуют и в развитых странах, и в развивающихся государствах; терроризм действительно приобрел глобальное измерение, внося хаос в современные международные отношения. Вместе с тем, перечень «новых» вызовов значительно шире. Он не ограничен проблемой терроризма, и сложно предсказать, сколько еще времени вопрос терроризма будет занимать первое место в глобальной повестке дня.

Терроризм в данной статье выбран лишь в качестве иллюстрации, которая демонстрирует пробелы во взаимодействии между странами даже перед лицом реальной угрозы. Отсутствие долгосрочного подхода к искоренению терроризма опасно не только бессистемностью предпринимаемых усилий для его предотвращения, но и тем, что в будущем при возникновении угрозы подобного масштаба страны вновь столкнутся с теми же препятствиями, которые сегодня стоят на пути решения проблемы терроризма. Подобную потенциальную угрозу можно образно назвать «*проблемой марсиан*» (формулировка заимствована из трудов, посвященных восприятию угроз во внешнеполитических документах), её появление вполне может подорвать устои существующего миропорядка. Последствия такой проблемы могут иметь не менее катастрофические последствия, чем вторжение инопланетных цивилизаций, сюжет которого столь популярен у авторов фантастических произведений.

Характер взаимоотношений между акторами международных отношений после окончания «холодной войны» позволяет говорить о том, что при всей подготовленности специалистов и лиц, непосредственно принимающих политические решения, активно участвующие в международной политике государства столкнулись с невозможностью вырабатывать комплексные долгосрочные подходы к отдельным вопросам внешней политики в рамках государственных ведомств. Краткосрочные политические цели, электоральные циклы и многие другие факторы существенно ограничивают эту способность. В этой связи возникает вопрос о том, располагают ли сегодня различные экспертно-аналитические организации бóльшими возможностями при формулировании решений глобальных проблем и насколько результативной окажется инкорпорация экспертных групп в политический процесс в связи с изменившейся повесткой дня современных международных отношений.

Соединенные Штаты Америки, становясь державой с глобальными интересами, одними из первых приступили к полноценному включению экспертного сообщества в процесс принятия политических решений еще в начале прошлого века. Так, в 1916 году был основан Брукингский институт, «*первая негосударственная организация, поставившая перед собой цель анализа вопросов государственной политики на государственном уровне*[1]», затем в 1921 году по инициативе президента США Вудро Вильсона была создана консультативная экспертная группа, которая сегодня носит название Совета по международным отношениям[2]. Роль этих организаций заключалась не только в предоставлении экспертных рекомендаций и консультировании, но и в расширении диалога на актуальные политические темы за счет привлечения новых точек зрения. Подобную «просветительскую» роль сыграл выпускаемый Советом по международным отношениям журнал *Foreign Affairs*, благодаря которому удалось вовлечь в диалог о внешней политике американскую аудиторию.

Характерный для американской политики изоляционизм, вдохновленный заветом

[1] The first private organization devoted to analyzing public policy issues at the national level (ориг.)

[2] The Council on Foreign Relations (прим.)

Дж. Вашингтона о недопущении участия США в обязывающих союзах, постепенно отошел на второй план. Экспертное сообщество подготовило нселение к глобальным проектам США, завявив о себе как о потенциальном акторе, формирующем повестку дня и «поставляющем» продукт своей аналитической работы политикам, участвующим в принятии решений.

На сегодняшний день существует немало форматов, в которые объединяются представители экспертных сообществ. Согласно рейтингу глобальных «мозговых центров» *Global Go-To Think Tank Index* за 2015 год [3], в мире существует уже более 7000 подобных влиятельных организаций. Их бурный рост в XXI веке, определенное «разделение труда», которое устоялось между различными региональными экспертными организациями, а также возможность предоставлять открытый доступ к выработанным ими рекомендациям, – все это позволило экспертному сообществу занять свою нишу в современных международных отношений.

Экспертные организации получили возможность принимать участие в политическом процессе на многих этапах: на этапе формирования повестки дня путём определения актуальных проблем и вопросов, на этапе непосредственной разработки того или иного решения, во время его реализации и позднее при оценке результатов, к которым это решение привело.

Экспертное сообщество обладает некоторыми ощутимыми преимуществами над внутригосударственными структурами, занимающимися аналитической работой.

Во-первых, экспертное сообщество чутко реагирует на изменения во внешнеполитической обстановке. Само восприятие процесса распада биполярной системы, отхода от государство-центричной модели и признание возрастающей роли новых негосударственных факторов прошло значительно быстрее в рамках экспертного сообщества, чем в самих государственных структурах. Так, рассуждения о миропорядке после окончания «холодной войны» стали частью американской политической риторики за несколько лет до окончания биполярного противостояния. В частности, в 1987 году в журнале *Foreign Affairs* вышла статья советолога Маршалла Шульмана *«Сверхдержавы: Танец динозавров»* [6], в которой автор описывает разрушительное давление, которое оказывает гонка вооружения на две супердержавы, и вероятную смену курса в ближайшем будущем. Еще более четко на изменения в международных отношениях указывают материалы конца 1980-х и начала 1990-х годов, например, опубликованные в том же издании статьи *«Миг однополярности»* [4] (автор Ч. Краутхаммер), в которой автор пишет об отсутствии конкурентов у США и о том, что однополярность является временным состоянием, и *«Поиск внешнеполитической стратегии после окончания «холодной войны»* [5] (автор Дж. Шлессинджер). В последней бывший министр обороны США и бывший глава ЦРУ Джеймс Шлессинджер отмечает сложности, с которыми США столкнутся при формулировании основ своей внешней политики после распада СССР.

Подобная фиксация новых тенденций, изменений политической обстановки и появления угроз происходит почти мгновенно в экспертном сообществе. Государственные структуры в то же время более осторожно подходят к признанию тех или иных трендов. Тексты концепций внешней политики Российской Федерации, стратегий национальной безопасности США и официальные документы других стран нередко повторяют одни и те же тезисы, меняя местами лишь региональные приоритеты национальной политики. Так, даже в условиях событий 1991-1992 годов и в корне изменившегося внешнеполитического курса России, текст концепции внешней политики Российской Федерации от декабря 1992 г. имел много общего с теоретической базой, унаследованной от советского прошлого конца 1980-х годов [1], и давал лишь ограниченные представления о текущих тенденциях в мировой политике.

Отличительная черта современных международных отношений заключается в их динамике, и скорость реагирования на какие-либо изменения является неоспоримым конкурентным преимуществом экспертов.

Во-вторых, экспертное сообщество характеризуется различными формами организации: у многих исследовательских центров существует своя направленность, установленный механизм формирования членства той или иной организации. Если привлечение людей с различными политическими взглядами в рамках государственных органов может затруднить принятие решений, то плюрализм в экспертных организациях, напротив, оживляет диалог.

Общение специалистов из разных областей позволяет также качественно улучшить конечный продукт экспертизы. Бедность, органи-

зованная преступность, экологическая деградация – все эти вызовы носят многосоставной характер, и представить решение, которое не включало бы в себя, например, экономическую компоненту наряду с политической, сегодня невозможно.

В-третьих, экспертные организации все чаще носят трансграничный характер и все меньше привязаны к конкретным географическим координатам: современные технические возможности позволяют экспертам из разных стран общаться на расстоянии, путешествовать и регулярно принимать участие во встречах по всему миру. Выходя на международный уровень, исследования экспертных организаций приобретают иной масштаб. Примером подобной организации может послужить основанная в 1973 году Трехсторонняя комиссия – экспертный форум, включающий в себя специалистов из США, стран Западной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. Экспертиза, осуществляемая в рамках Трехсторонней комиссии, примечательна тем, что она учитывает точки зрения представителей трех западных центров экономического и политического развития на актуальные вопросы международных отношений, и этот принцип «трехсторонности» и пропорционального участия трех регионов строго соблюдается при написании докладов рабочих групп.

Доклад рабочей группы номер 53 *«Стратегии стран Трехсторонней комиссии в XXI веке: гармония или конфликт?»* 1998 года [9] очерчивает формат работы комиссии. Авторы указывают на возможности регионов, которые они представляют, на вызовы, касающиеся именно их внешнеполитического курса, и в заключение представляют свое видение сложившейся ситуации. Посредством такого общения различные факторы (реформа ООН, растущая роль России, Китая и Индии, экономическая политика в Европейском союзе и проч.) представляются в одной плоскости. Представить другой формат, в котором столь разноплановые проблемы рассматривались бы как в равной степени важные для современных международных отношений темы, сложно. Экспертные структуры, в свою очередь, позволяют включать в обсуждение не объединенные географически и тематически факторы.

Таким образом, на данный момент экспертное сообщество в разной степени включено в процесс выработки внешнеполитических решений и долгосрочных подходов к решению проблем. В некоторых странах рекомендации экспертных групп ценятся высоко, эксперты задают тон научной дискуссии, их деятельность широко освещается средствами массовой информации. В других странах экспертное сообщество находится в некоторой изоляции и более отстранено от процесса принятия решений.

Перспективы для более активного участия экспертов при этом масштабны. Уже сейчас становится очевидным, что экспертное сообщество – один из немногих источников объективной информации, прогнозов и долгосрочных рекомендаций. Более тесное взаимодействие и поддержание диалога с представителями государственной власти способны внести существенные изменения в процесс поиска ответов на новые вызовы современных международных отношений.

Список литературы

1. Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm (дата обращения: 12.08.2016).

2. Хаммонд: победить терроризм одними авиаударами невозможно // Россия сегодня – 03.12.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/syria_chronicle/20151203/1334719541.html (дата обращения: 21.05.2016).

3. Global Go To Think Tank Index Report, 2015. // University of Pennsylvania. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gotothinktank.com/2015-global-go-to-think-tank-index-report/ (дата обращения: 16.08.2016).

4. Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs, Volume 70, no. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-02-01/unipolar-moment (дата обращения: 06.08.2016).

5. Schlesinger J. Quest for a Post-Cold War Foreign Policy // Foreign Affairs, Volume 70, no. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.foreignaffairs.com/articles/1993-02-01/quest-post-cold-war-foreign-policy (дата обращения: 05.08.2016).

6. Shulman M. The Superpowers: Dance of the Dinosaurs // Foreign Affairs, Volume 66, no. 3.

[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/1988-02-01/superpowers-dance-dinosaurs (дата обращения: 18.08.2016).

7. Sterman D. Don't Dismiss Poverty's Role in Terrorism Yet // Time [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://time.com/3694305/poverty-terrorism/ (дата обращения: 19.05.2016).

8. The United Nations Global Counter-Terrorism Strategy. Plan of Action to Prevent Violent Extremism. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/674 (дата обращения: 20.05.2016).

9. Trilateral Commission Task Force Report 53. 21st Century Strategies of the Trilateral Countries: In Concert or in Conflict? // Trilateral Commission. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://trilateral.org//download/doc/21st%20Century.pdf (дата обращения: 05.08.2016).

Об авторе

Печалова Анастасия Ивановна – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений МИД России, a.pechalova@yahoo.com

УДК 378.1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Райнхардт Р.О., Маслова Е.А.

В статье рассмотрены отличительные черты современной итальянской государственной политики в сфере науки и образования. Исследована деятельность Министерства образования, университетов и научных исследований, его структурных элементов, а также некоторых специализированных частных и государственных институтов. Особое внимание уделено финансированию итальянских и зарубежных ученых со стороны данных учреждений, а также другим формам стимулирования исследовательской деятельности.
Ключевые слова: научная политика, образовательная политика, финансирование науки, научное сообщество, наука в Италии, высшее образование в Италии, Министерство образования, университетов и научных исследований Италии.

ITALIAN STATE POLICY IN SCIENCE AND EDUCATION

Raynkhardt R.O., Maslova E.A.

The article casts light upon the distinctive features of State policies in the field of science and education in modern Italy. The authors look into the functioning of Ministry of Education, Universities and Research, its units as well as some specialized State and private institutes with a special focus on financing Italian and foreign scientists alongside other forms of stimulating research activity.
Keywords: science policy, education policy, financing of science, scientific community, science in Italy, higher education in Italy, Ministry of Education, Universities and Research of Italy.

В настоящее время главным органом, регулирующим итальянскую научную жизнь на уровне государства, предстает Министерство образования, университетов и научных исследований (MIUR: Ministero dell'Istruzione, dell'Università e della Ricerca) [8]. Само название ведомства отражает комплексный подход к вопросам курируемой проблематики, образуемой тремя тематическими разделами («столпами»). Примечательно, что промежуточное звено между образованием в целом и научными исследованиями – именно университет, а не просто ВУЗ. Уместно предположить, что такая семантика одновременно подчеркивает сложившуюся традицию университетской культуры высшей школы и «программирует» дальнейшие процессы самоорганизации научного сообщества вокруг университетских центров. Среди большинства стран, имеющих аналогичные MIUR профильные органы исполнительной власти, университеты фигурируют только в названии итальянского ведомства.

Исторически MIUR считается прямым наследником министерства народного образования, созданного в 1861 г. четвертым правительством К. Кавура и просуществовавшего до 1929 г., когда оно было переименовано фашистами в министерство национального образования. После свержения фашистского режима в 1944 г. ведомству было возвращено исходное название, сохранявшееся и в послевоенное (республиканское) время вплоть до 2001 г. В 1974 г. из его структуры было выведено министерство культуры (в настоящее время – министерство культурного наследия, культурной деятельности и туризма). С 1988 г. по 2001 г. функционировало отдельное министерство университетов и научных исследований, впоследствии министерство университетов, научных и технологических исследований. В 2001 г. в ходе имплементации вторым правительством С. Берлускони т.н. реформ Бассанини в части перестройки госаппарата управления впервые появился MIUR. Однако с 2006 по 2008 гг. (второе правительство Р. Проди) народное и высшее образование/наука вновь были «разведены» по отдельным ведомствам [1]. Лишь в 2008 г. (четвертое правительство С. Берлускони) MIUR институционально оформился в том виде, в котором функционирует в настоящее время.

В 2009 г. и 2014 г. рассматриваемое министерство подвергалось масштабным внутренним реорганизациям, в результате проведения которых было подразделено на три департамента: образования (I), университетов, высшего художественного, музыкального, хореографического образования и научных исследований (II), планирования и управления человеческими, финансовыми и инструментальными ресурсами (III). Компетенции первого департамента лежат главным образом в области начального и среднего образования, третьего – преимущественно в административной плоскости. Проблематикой высшей школы и науки занимается второй департамент.

В функциональном ключе основные задачи MIUR в исследуемой сфере сводятся к координации и мониторингу. В соответствии со ст. 33 Конституции Республики Италия [6], университеты, академии, а также аналогичные им институциональные единицы обладают широкой автономией при проведении своей образовательной и научно-исследовательской политики. Как уже говорилось, на протяжении своей многовековой истории указанные учреждения стремились к независимости от государственной власти и были лишены ее только в период фашизма [3]. С оглядкой на исторический опыт [4] современная Италия не стремится к централизованному контролю вузов и научно-исследовательских институтов, но ограничивается надзором (ит. *vigilanza*) последних.

В то же время к тенденции последних лет можно отнести проявление в риторике MIUR и его официальных пресс-релизов стремления к «программированию» (ит. *programmazione*) учебной и научной жизни [12]. Это нашло отражение в том числе и в национальной программе развития научных исследований (PNR) на 2014-2020 гг. [10]. Если в предыдущих версиях данного документа горизонт планирования составлял, как правило, 2 года, по текущая концепция ставит целевые ориентиры уже на 6 лет. Уместно предположить, что активное вмешательство MIUR в процессы самоорганизации научного сообщества может существенно и, вероятно, негативно сказаться на функционировании сложившейся модели. Судя по содержанию PNR 2014-2020, не исключено, что в дальнейшем итальянское государство действительно намерено проводить более централизованную и жесткую образовательную и научную политику, а MIUR, соответственно, в большей степени «управлять» деятельностью ученых и исследователей. Однако в условиях продолжающейся корректировки «дорожной карты» и лишь намечающихся преобразований в рассматриваемой области давать оценочные суждения и прогнозы видится преждевременным – тем более после недавней отставки правительства М. Ренци, разработавшего данную концепцию [2].

Что касается практической работы второго департамента MIUR, то она реализуется силами трех генеральных управлений: по программированию, координации деятельности и финансированию высших образовательных учреждений (1), по координации, продвижению и оценке научных исследований (2), по делам студентов, развитию и интернационализации высшего образования (3). Перечисленные генеральные управления состоят, в свою очередь, из 6, 8 и 7 отделов соответственно, которые занимаются решением оперативных задач на всех этапах (целеполагание, разработка и реализация программ, оценка результатов) с учетом различных аспектов проблематики (правовой, административно-технический, финансовый) и при взаимодействии с третьим департаментом MIUR. В целом, схема работы отличается слаженностью (матричный принцип внутриведомственных взаимоотношений второго и третьего департаментов), наличием иерархической вертикали (министр и его заместитель, курирующий вузы и научные исследования – директор департамента – директор генерального управления – начальник отдела) и прозрачностью (доступность информации в законодательных актах и на официальном Интернет-портале).

Наряду с названными структурными подразделениями в регулировании вопросов, связанных с высшим образованием и наукой, деятельно участвуют консультативные органы выборного и представительского характера:

- Национальный университетский совет (CUN), в который входят 58 членов: 42 из профессорско-преподавательского состава, 3 из административно-технического персонала, 13 представляют «иные университетские структуры»;

- Национальный совет высшего художественного и музыкального образования (CNAM) – председатель, вице-председатель и 31 советник;

- Совместная рабочая группа CUN-CNAM, осуществлявшая свою деятельность с 2008 г. для достижения институциональной синергии и выстраиванию взаимовыгодного сотрудничества между представителями двух сфер высшего образования, формируется на паритетных началах в составе 6 человек;

- Национальный совет студентов университетов (CNSU), представленный 28 студентами бакалавриата и магистратуры, 1 студентом специалитета и 1 аспирантом, формирующим 6 комиссий по: (a) условиям жизни студентов, (b) праву на обучение в университете, (c) дидактике и методикам преподавания, (d) интернационализации высшего образования, (e) связям с рынком труда, (f) профориентации и связям со школами;

- Экспертный комитет по научно-исследовательской политике (CEPR), возглавляемый

министром образования, университетов и научных исследований (главой MIUR), в составе 9 членов, в т.ч. 1 вице-председателя;

- Национальный комитет по оценке эффективности университетской системы (CNVSU) – председатель и 8 членов;

- Комитет по разработке методологии оценки научных исследований (CIVR) – председатель и 7 членов;

- Национальный комитет научной экспертизы и рецензирования (CNGR) – председатель и 6 членов.

В рамках осуществления своей надзорной функции MIUR курирует работу следующих НИИ: Итальянское космическое агентство (ASI), Национальный исследовательский совет (CNR), Национальные институты документации, инноваций и исследований в области образования (Indire), оценки эффективности системы образования (INVALSI), метеорологических исследований (INRiM), высшей математики (INDAM), астрофизики (INAF), ядерной физики (INFN), геофизики и вулканологии (INGV), океанографии и экспериментальной геофизики (OGS), Итальянский институт германских исследований, Консорциум в области научных и технологических исследований г. Триеста, Музей истории физики и научно-исследовательский центр им. Энрико Ферми, Зоологическая станция им. Антона Дорна.

Схема финансирования со стороны MIUR перечисленных выше учреждений в 2015 г. в порядке убывания размера ассигнований представлена в Таблице 1. Данное финансирование осуществляется за счет средств обычного, т.е. предусмотренного бюджетом, фонда поддержки организаций и исследовательских институтов.

Таблица 1

Ассигнования MIUR курируемым организациям в 2015 г.

Организация	Размер ассигнований MIUR, евро	Доля в общем объеме фонда, %
CNR	563.095.972	33,1
ASI	526.601.585	31,0
INFN	263.989.665	15,5
INAF	82.201.498	4,8
INGV	51.005.588	3,0
Консорциум в области научных и технологических исследований г. Триеста	23.578.191	1,4
INRiM	19.332.743	1,1
OGS	17.146.190	1,0
Зоологическая станция им. Антона Дорна	14.643.018	0,9
Indire	8.449.286	0,5
INVALSI	5.390.461	0,3
INDAM	2.558.183	0,2
Музей истории физики и научно-исследовательский центр им. Энрико Ферми	1.787.830	0,1
Итальянский институт германских исследований	1.117.950	0,1
Иные расходы	120.368.965	7,1
Итого	1.701.267.125	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных [8].

Помимо оказания материальной поддержки указанным организациям MIUR также спонсирует множество частных и независимых научно-исследовательских центров, академий, ассоциаций, обществ и т.п. В 2013 г. совокупный объем таких дотаций составил 4.387.000 евро и распределился между 122 организациями – как всемирно известными (например, Академия делла Круска), так и с менее узнаваемыми брендами (например, Итальянский институт скифских исследований) [8]. В большинстве случаев размер дотации, приходящейся на одно учреждение, составляет 15-30 тыс. евро, однако данная практика полезна для реципиентов не только с точки зрения использования полученных средств (хотя «лишних денег», как известно, не бывает – особенно в науке), сколько в плане репутации и реноме («нас поддерживает министерство») [5].

Существуют также и другие специализированные фонды поддержки фундаментальной и прикладной науки: Фонд содействия научным исследованиям в сфере промышленности

(FAR), Фонд стимулирования инвестиций в фундаментальную науку (FIRB), Фонд стимулирования инвестиций в научные и технологические исследования (FIRST). Размер и принципы функционирования этих финансовых механизмов не раскрываются, но известно, что фонды осуществляют адресную поддержку и частичное финансирование конкретных проектов.

В принципе, претендовать на материальную поддержку со стороны MIUR и/или аффилированных с ним организаций при проведении научных исследований может любое физическое или юридическое лицо, причем такая практика распространяется и на иностранцев. Для этого существует специальная система SIRIO [11], в которой научный коллектив или отдельный ученый может, зарегистрировавшись, разместить заявку на финансирование своего проекта. После прохождения экспертизы такая заявка будет рассмотрена на конкурсной основе и в случае одобрения опубликована с тем, чтобы и другие потенциально заинтересованные лица могли впоследствии «подключиться» к проекту посредством капитала и/или исследовательского труда.

Шансы на получение гранта значительно увеличиваются, если проект попадает в категорию исследований, представляющих национальный интерес (PRIN). Для регистрации и мониторинга таких проектов также существует отдельная информационная система [9]. В соответствии с общепринятой практикой, при подаче заявки через SIRIO или PRIN необходимо указывать область исследований.

Известно, что различия в классификации и категоризации отраслей и подразделов науки осложняют, а нередко и вовсе делают невозможным сравнительный анализ между странами и регионами. Принимая во внимание данную техническую и методологическую проблему, MIUR ведет активную работу по унификации и гармонизации научно-исследовательских классификаторов. С профильными инициативами Италия наряду с некоторыми другими странами выступает в качестве одного из главных апологетов и катализаторов таких процессов на общеевропейском уровне. В настоящее время MIUR, как и большинство членов итальянского академического сообщества, использует систему, разработанную в 2001 г. и с тех пор неоднократно корректируемую вследствие объективной потребности адаптации к развитию национальной и мировой науки. При каждом изменении новые и старые категории соотносятся посредством специального «словаря» ради сохранения преемственности и возможности анализа временных рядов. В текущей версии рубрикатор включает 14 разделов науки [8]: 1) математика и информатика, 2) физика, 3) химия, 4) науки о земле, 5) биология, 6) медицина, 7) агрономия и ветеринарное дело, 8) гражданская инженерия и архитектура, 9) промышленная и информационная инженерия, 10) изучение античности, филолого-литературные и художественно-исторические исследования, 11) история, философия, педагогика и психология, 12) юриспруденция, 13) экономика и статистика, 14) политология и социология.

В данном контексте имеет смысл также упомянуть три приоритетные целевые программы, реализуемые по линии MIUR: национальную программу исследований Антарктиды (PNRA), авиакосмических исследований (Ricerca aerospaziale), глобального мониторинга окружающей среды и экологической безопасности (GMES) [8]. Заявленная в них проблематика вполне соответствует глобальным вызовам современности и свидетельствует о намерениях Италии не оставаться в стороне от их практико-ориентированной аналитики. С учетом междисциплинарного характера проблем в их «мозговом штурме» участвуют эксперты не только множественных областей науки, но также представители профильных министерств, ведомств и даже бизнес-структур.

Наконец упоминания заслуживает финансирование MIUR программ исследований, направленных на развитие отстающих регионов Юга Италии, осуществляемое по линии уполномоченных госструктур в соответствии с законом № 64 от 01 марта 1986 г. «Об организационной дисциплине экстренной поддержки Юга Италии» [7]. Таким образом внимание уделяется научно-аналитической разработке инструментов региональной политики. Партнерами и реципиентами соответствующих грантов выступают Агентство по продвижению развития Юга Италии (бывшая Касса Юга Италии), Центр образовательных исследований Юга Италии (FORMEZ) и Институт содействия развитию Юга Италии (IASM-IPI).

Следует отметить, что MIUR можно, безусловно, рассматривать в качестве одного из основных, но не единственного грантодателя и донора итальянского академического сообщества. В процессе его финансирования также активно участвуют многие частные и государственно-частные организации, фонды и иные структуры.

Список литературы

1. Маслова Е.А. Внешняя политика правительств Р. Проди и С. Берлускони (2006-2010) // На перекрестке Средиземноморья: "Итальянский сапог" перед вызовами XXI века. М.: Весь мир, 2011. С. 245-288.

2. Маслова Е.А. Внешняя политика Маттео Ренци: преемственность или новый курс? // Итальянская республика в меняющемся мире. М.: Ин-т Европы РАН, 2014. С. 44-48.

3. Райнхардт Р.О. Итальянская модель самоорганизации научного сообщества в период фашизма: критический анализ // Среднее профессиональное образование. 2016. № 12. С. 39-42.

4. Райнхардт Р.О. Развитие итальянской модели самоорганизации научного сообщества в XVII-XIX веках // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2016. № 11. С. 43-49.

5. Райнхардт Р.О. Финансирование научного сообщества в ведущих экономиках мира: сравнительный анализ // Страховое дело. 2016. № 11. С. 3-14.

6. La Costituzione della Repubblica Italiana. URL: http://www.governo.it/Governo/Costituzione/1_titolo2.html

7. Legge 1 marzo 1986, n. 64 Disciplina organica dell'intervento straordinario nel Mezzogiorno. URL: http://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1986;64

8. Ministero dell'Istruzione, dell'Università e della Ricerca. URL: http://www.istruzione.it/

9. Progetti di ricerca di interesse nazionale. URL: http://prin.miur.it/

10. Programma Nazionale per la Ricerca 2014-2020. URL: http://www.istruzione.it/allegati/2014/PNR_online_21feb14.pdf

11. Sistema Informatico Ricerca Italia Online. URL: https://roma.cilea.it/PortaleMIUR/portale/default.aspx

12. Voltattorni C. Giannini e i ricercatori: «Via i vincoli agli atenei sul numero di assunzioni». URL: http://www.corriere.it/scuola/universita/15_ottobre_17/giannini-universita-ricercatori-841304fa-749a-11e5-a7e5-eb91e72d7db2.shtml

Об авторах

Райнхардт Роман Отмарович - кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры дипломатии, МГИМО МИД России, don.reinhardt@mail.ru

Маслова Елена Александровна - кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры интеграционных процессов, МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Института Европы РАН, elena.maslova21@gmail.com

УДК 956.91

«ХИЗБ АТ-ТАХРИР» (ПАРТИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ): СОЗДАНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ

Ранчинский В.П.

Исследованы обстоятельства создания «Хизб ат-тахрир», показан этап становления идеологии партии и её основные положения, разработанные её создателем Мухаммадом Така ад-Дином ан-Набгани.
Ключевые слова: «Хизб ат-тахрир», М. ан-Набгани, арабская нация, миссия арабов, Палестина, «теория гармонии».

"HIZB AT-TAHRIR" (PARTY OF LIBERATION): THE FORMATION AND IDEOLOGY AT THE STAGE OF ESTABLISHMENT

Ranchinskiy V.P.

The Circumstances of the establishment of “Hizb at-tahrir” were investigated, the stage of formation of the party ideology and main party provisions, worked out by Mohammad Taka ad-Dean an-Nabgani were described.
Keywords: Hizb at-tahrir, M. an-Nabgani, Arab nation, Arab mission, Palestine, harmony theory.

Автор сердечно благодарит Московское отделение Фонда друзей Еврейского университета Иерусалима за предоставленный грант, позволивший ему работать в библиотеке университета, а также доктора Омара Шаара, создателя и руководителя Школы арабского языка г. Москвы за содействие в сборе литературы, необходимой для написания статьи.

В начале XXI в. в исламском мире три политические силы приковали к себе внимание не только мусульман, но и христианского мира. К их числу принадлежат «Аль-Каида», «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГИЛ), и «Хизб ат-тахрир»*. Последняя по счёту, но первая по времени возникновения организация, прошла длительный путь эволюции и, будучи созданной палестинцем для освобождения Палестины от государства евреев, притом сугубо политическими методами борьбы, после смерти её создателя добавила к своему названию «аль-исламий» (исламского – В.Р.), перешла к вооружённым методам борьбы и вышла далеко за пределы региона Ближнего Востока, создала свои организации во всех постсоветских республиках Центральной Азии и на территории Российской Федерации. Созданию и идеологии этой организации на этапе её становления и посвящена данная статья.

XX в. стал временем политизации мировых религий, появления политических партий, заявивших о том, что их идеология основана на фундаментальных ценностях той или иной религии. Такие организации возникли и в исламском мире и первой из них стала «Ассоциация братьев мусульман»[3], созданная в 1922 г. в египетском городе Исмаилийя школьным учителем арабского языка Хасаном аль-Банной, призвавшим мусульман вернуться к фундаментальным ценностям ислама. Однако обращение возникшей организации к фундаментальным ценностям ислама на деле оказалось лишь прикрытием её религиозного радикализма, так как те методы борьбы, которые она стала использовать в последствии, расходились с фундаментальными ценностями ислама, так как эти ценности консервативны, как и фундаментальные ценности других мировых религий, они восходят к учению Пророка Мухаммада, они моральны и нравственны,.как и ценности других религий, так как если бы они не были таковыми, то навряд ли их проповедников назвали Пророками. Религиозный фундаментализм по своему содержанию является антиподом религиозного радикализма, так как он обращён к тому, что Великий старец Исламского Востока, поэт Саади назвал «адамией» - гуманизмом, восходящим к истокам рода человеческого, в то время как религиозный радикализм является «бид’а» - тем, чего ранее не было, то есть ересью от фундаментализма. Наконец, одним из главных фундаментальных требований догматики авраамических религий, к которым наряду с иудаизмом и христианством относится и ислам, является подчинение власти, так как она дана Аллахом. Условия, при которых умма – община мусульман может высказать неповиновение власти, на чём спекулируют радикалы, строго определены.

* Решением Верховного Суда РФ все три признаны террористическими организациями и запрещены в России.

[3] Решением Верховного Суда РФ признана террористической и запрещена в России.

Призыв Х. аль-Банны не был услышан широкими слоями уммы и возникшая организация долгое время оставалась узкой, заговорщической, может быть потому, что её призыв входил в противоречие с общественным, социальным и экономическим прогрессом, который в то время демонстрировал исламскому миру христианский Запад.

Во второй половине XX в. в исламском мире уже появилось множество исламских политических организаций, подавляющее большинство которых являлось «диванными», в том смысле, что их члены могли уместиться на одном диване, и лишь отдельные из них преодолели «диванное» состояние и стали значимой силой. Именно такой стала «Хизб ат-тахрир», созданная в начале 50-х гг. в эмирате Трансиордания преподавателем исламского факультета университета Аммана и по совместительству кади (судьёй – В.Р.) шариатского аппеляционного суда Мухаммадом Така ад-Дином ан-Набгани, призвавшего арабов к освобождению от колониального наследия.

М. ан-Набгани родился в 1909 г. в Палестине, в деревне Иджзим близ Хайфы в семье, входившей в род наследственных шейхов и имамов*. В своей деревне он закончил кораническую (начальную) школу, а затем был отправлен родителями в Египет, в школу при исламском университете «Аль-Азгар», в которой он получил специализацию по фикху – исламскому праву. После школы он поступил на факультет арабской филологии Каирского университета «Дар аль-улюм». Закончив обучение в 1941 г., он вернулся в Палестину, которая после Первой мировой войны находилась под английским мандатом, и стал работать учителем арабского языка в школе г. Хайфы, а затем переехал в г. Аль-Хаиль, где получил должность кади шариатского суда. Ещё в Хайфе он занялся политической деятельностью, вступив в организацию «Севшие в бест», созданную шейхом Мухаммадом аль-Хатыбом. Организация являлась легальной ячейкой запрещённой мандатными властями «Ассоциации братьев мусульман» [2, с, 44]. По мнению Садика Амина, хорошо знавшего реалии Палестины 30-40-х гг. и палестинские организации того времени, М. ан-Набгани по своим политическим взглядам был в те годы гораздо ближе к «братьям», чем к другим действовавшим в то время в Палестине организациям [12, с. 93]. Однако с течением времени он разошёлся с ними, не приняв их идеологическую концепцию и заговорщические методы борьбы. В 1947 г. он вступил в Блок арабских националистов Хайфы, в котором тесно сошёлся с рядом известных в последствии лидеров Палестинского сопротивления, в частности с весьма влиятельным в Палестине Абдаллахом ат-Талем, который входил в близкое окружение короля Иордании Абд аль-Иллаха, а в годы Первой арабо-израильской войны 1948 – 1949 гг. был одним из военных руководителей межарабской Армии спасения Палестины. По его протекции М. ан- Набгани также вошёл в круг доверенных лиц монарха Иордании и стал выполнять его деликатные поручения [2, с. 45]. Летом 1948 г., когда в Палестине началась Первая арабо-израильская война М. ан-Набгани переехал в Бейрут, продолжая выполнять приватные дипломатические поручения Абд аль-Иллаха. По заключению некоторых арабских исследователей, именно он вместе с А. ат-Талем, по поручению монархов Египта и Иордании, выполнявших заказ Лондона, в 1949 г. нашёл среди сирийских офицеров полковника Хусни аз-Заима, занимавшего пост начальника Генерального штаба сирийской армии, согласившегося возглавить в марте 1949 г. военный переворот, предотвративший, по мнению его заказчиков, дрейф Сирии влево. Мы считаем, что есть все основания предполагать, что с сирийской стороны посредником в подготовке переворота выступил Акрам Хаурани, возглавлявший в годы арабо-израильской войны сирийский отряд волонтёров Армии спасения Палестины и занявший после переворота пост Государственного советника [10, с.11-12]. М. ан-Набгани стал ключевой фигурой тайной дипломатии сирийского диктатора, выполняя его приватные поручения [2, с.45-46]. Воспользовавшись своим положением, он с 1949 по 1950 гг. издаёт в типографиях Дамаска три свои работы, выведшие его из-за кулис тайной дипломатии, на авансцену политической жизни. Они вышли под заголовками: «Спасение Палестины», «Основы общества», и «Миссия арабов». В этих работах он изложил основные идеи концепции, названной им «теорией гармонии», которая дорабатывалась в последующие годы и стала идеологией созданной им политической группы, ставшей ядром «Хизб ат-тахрир».

В 1950 г. М. ан-Набгани получил предложение занять пост кади шариатского аппеляционного суда г. Аммана и вернулся в Иорданию, где в начале 1952 г. создал организацию, названную

* Это обстоятельство приводило к тому, что его литературное наследие часто путают с работами другого представителя этого рода, шейха Юсуфа Исмаила ан-Набгани, умершего в 1932 г. Его работы собраны в четвёртом томе Палестинской энциклопедии, в котором размещены и работы М. ан-Набгани.

«Хизб ат-тахрир». Несмотря на то, что конституция Иордании запрещала создание политических организаций, власти «не заметили» «партии» М. ан-Набгани, может быть и потому, что она насчитывала в то время только пять человек и в буквальном смысле была «диванной», ничем не отличавшейся от других подобных организаций, которые можно было обнаружить во многих городах Арабского Востока, влияние которых не выходило за пределы улицы, на которой проживали их лидеры.

В конце 40-х – начале 50-х гг. центром политической жизни региона Ближнего Востока стала Сирия, в которой легально действовали политические партии, в том числе Компартия, а в 1947 г. возникла первая в арабском мире надрелигиозная левоцентристская Партия арабского социалистического возрождения, или партия Баас*, зародившаяся в среде средних слоёв религиозных меньшинств и маргиналов Леванта - христиан, алавитов и друзов. Первым идеологом баасистов был выпускник философского факультета Сорбонны, алавит Заки аль-Арсузи, живший в 30-е гг. в административном центре санджака (района – В.П.) порту Александретте, на который постоянно претендовала Турция. Сирия с 1922 г. находилась под мандатным управлением Франции, которая под давлением Англии, покупая нейтралитет Турции в грядущей войне, в 1938 г. уступила ей Александретту. Не тюркское население санджака – арабы, армяне и греки вынуждено было переселяться в другие районы Сирии. З. аль-Арсузи со своими единомышленниками переехал в Дамаск, в котором его в целом светские секуляристские идеи нашли благодатную почву среди интеллигенции христиан, алавитов и друзов. Они их поддержали, поскольку на их основе можно было создать надрелигиозную политическую организацию, необходимость которой уже назрела. Ею стала Партия арабского социалистического возрождения, основателями которой стали выпускники Сорбонны христианин Мишель Афляк и суннит Салах Битар. Первый стал идеологом партии, заняв место З. аль-Арсузи, который вскоре после переселения в Дамаск переехал в Латакию, а второй занялся оргработой [9, с. 55-58]. Неожиданно для традиционной суннитской элиты Сирии и других стран Ближнего Востока идеи арабского возрождения в истолковании партии Баас стали популярными среди молодого поколения и её филиалы стали возникать в других арабских странах.

Призывая к возрождению арабов, М. Афляк сформулировал эмоциональный слоган, ставший главным лозунгом партии: «Арабская нация едина и призвана исполнить божественную миссию!». Если первая часть этого слогана растолковывалась им довольно внятно, то содержание второй части он пытался наполнить культурными и прежде всего литературными достижениями арабов [10, с. 54-55], деликатно обходя проблему места и роли ислама в их жизни.

М. ан-Набгани, безусловно хорошо знавший работы идеологов баасизма, попытался соединить идеи арабского возрождения З. аль-Арсузи и М.Афляка с идеологией исламских суннитских радикалов «Ассоциации братьев мусульман», выходивших после Второй мировой войны из маргинального подполья на политическую арену стран Ближнего Востока. В Сирии их лидер Мустафа ас-Сибауи вывел их из подполья и включил в легальную политическую жизнь, вплоть до участия в выборах местных и центральных органов власти [4, с.104]. Итогом симбиоза идей двух политических течений стала созданная М. ан-Набгани «теория гармонии», призванная занять политическую нишу между левоцентризмом баасистов и исламским радикализмом «братьев». Именно эта задача решалась, на наш взгляд, в опубликованных им в 1949 -1953 гг. работах.

По мнению М. ан-Набгани, каждому народу Земли предписано Создателем как данность исполнение той или иной миссии. Так, например, миссией англичан стала демонстрация другим народам мира гордости, достоинства и величия, что они и делали с неизменным успехом. Арабам Создатель предписал донесение до всех народов Земли ислама, его роли в организации жизни общества, государства и управления им. Именно в этом и состоит их божественная миссия. Европейские государства, и прежде всего Англия с Францией, стремятся выхолостить содержание национальной мысли арабов, освободить её от ислама, особенно в части организации их общественной, политической и экономической жизни. Они рассчитывали, что такая препарированная мысль не сможет обеспечить арабам будущего [13, с.13-14]. Отсюда вытекает, заключает М. ан-Набгани, бесспорная связь между историческим призванием арабов, их миссией и исламом [13, с.14]. Арабы должны организовать жизнь своего общества, строить своё государство только на ос-

* «Возрождать» в арабском языке передаётся глаголом «бааса», отсюда сторонников идеи возрождения стали называть баасистами.

нове ислама и его ценностей, в противном случае они не смогут раскрыть перед другими народами мира сущность своей божественной миссии, что само по себе было бы для них грехом, позором [14, с. 21].

Раскрывая сущность божественной миссии арабов, М. ан-Набгани пытался обосновать неразрывную связь ислама с их общественным, социальным и экономическим прогрессом. По его мнению, этот прогресс имел место быть лишь в те периоды их истории, когда они во всех трёх перечисленных сферах строго следовали предписаниям Корана и Сунны. Однако, как справедливо отмечали критики его понимания миссии арабов, в его концепцию никак не вписывалась история Египта и Сирии периода правления паши Мухаммада Али, который, будучи албанцем по крови и крайним честолюбцем, с презрением относился к национальным и религиозным чувствам египтян, и при помощи Франции осуществил модернизацию государственных институтов страны на европейский манер, сделав провинцию Османской империи – Египет сильнее метрополии. Все попытки М. ан-Набгани найти объяснение этому феномену выглядят неубедительными [2, с. 47]. Ему так и не удалось объяснить причины бунта египетского паши против своего Суверена султана – халифа и его намерения разгромить его [14, с. 11]. Судя по его работам, он это понимал и позже, так и не найдя убедительных доводов, назвал Мухаммада Али « французским агентом, который безоглядно насаждал в Египте западные законы» [2, с. 103]. Ему гораздо ближе по духу был наследник египетского паши Ибрагим, правивший Сирией, которому как и его отцу чужды были национальные чувства арабов, но находясь в окружении арабской родовой аристократии приходилось постоянно клясться, что « в его жилах течёт арабская кровь». М. ан-Набгани этой особенности Ибрагима не замечал и считал его первым арабским Сувереном, который обратил внимание на проблему национального единства арабов и с пониманием относился к духовному наследию ислама. По утверждению М. ан-Набгани, именно Ибрагим сформировал предпосылки к появлению «новой философии арабов, в основу которой была положена идея объединения арабской нации и признания за ней божественной миссии» [14, с. 12]. На самом деле мы не можем обнаружить этой «новой философии арабов» ни во время правления Ибрагима – паши, ни после его. Первые попытки пробуждения национальных чувств арабов были предприняты гораздо позже, в начале 80-х гг. XIX в. Ахмедом Ораби – пашой, военным министром Египта. Но они были подавлены Англией в 1882 г., а инициатор этого движения был приговорён к смертной казни, позже заменённой ссылкой на остров Цейлон.

Уже первые работы М. ан-Набгани обратили на себя внимание читателя и созданная им группа стала обрастать сторонниками. К нему потянулись представители палестинской эмиграции, оседавшей в Иордании, и некоторые функционеры «Ассоциации братьев мусульман» [2, с. 51-52].

Разраставшаяся политическая организация остро нуждалась во внятной политической программе деятельности и М. ан-Набгани подготовил к изданию работу, известную под названием «Основы ислама». По утверждению первого исследователя истории «Хизб ат-тахрир» Ахмада аль-Багдади, её первое издание вызвало необычайно широкий интерес читателя и книга имела успех даже среди идейных оппонентов М. ан-Набгани из среды «братьев» [3, с. 11]. Вдохновлённый успехом своей работы он написал целую серию аналогичных книг, в которых исследовал все стороны жизни исламского общества, в том числе: «Экономика ислама», «Доктрина власти в исламе», «Социальная система ислама», «Исламское государство», «Личность в исламе», «Основы пробуждения». Все эти работы были изданы в период с 1952 по 1953 г. в Восточном Иерусалиме, либо в типографиях Бейрута под грифом: «Издательство Хизб ат-тахрир». Его перу приписывают и работы, к написанию которых, по утверждению исследователей его литературного наследия, он отношения не имел [2, с. 106, прим. 77]. Его популярностью пыталось воспользоваться его окружение и некоторые из тех, кто находился рядом с ним стали сочинять и издавать собственные опусы, снабжая их названиями, близкими к названию его книг. Однако они не вызывали интереса читателя и не привлекали внимания общества. Выходили так же работы коллективного характера под грифом партийного издательства и в этой связи довольно сложно определить что же действительно написано М. ан-Набгани, и к чему он отношения не имел. Среди этих публикаций, как нам представляется, его перу принадлежит лишь три работы философского плана, а именно: «Халифат», вышедшая в 60-е гг., «Размышления», опубликованная в 1973 г. и «Ускорение очевидности», появившаяся за год до его смерти в 1977 г. [16]. Как отмечают исследователи его творчества, местом издания его работ как и публикаций «Хизб ат-тахрир», вышедших в 70-е гг., как правило, указывался Иерусалим, однако на

самом деле они издавались в типографиях Бейрута, так как издать их в Восточной части Иерусалима после оккупации Израилем в 1967 г. Западного берега реки Иордан практически было невозможно [2, с. 51].

Будучи палестинцем по рождению, М. ан-Набгани думал прежде всего об освобождении Палестины, о предотвращении начавшегося поглощения её государством евреев. Именно для этого он и создавал «Хизб ат-тахрир», и хотя в её названии отсутствовало определение «освобождение Палестины», достаточно было открыть любую его работу и оно дополняло название партии. Не случайно одну из своих первых работ он так и назвал «Спасение Палестины». В ней он излагает своё видение путей спасения Палестины, свой план, который окончательно разводил его с «братьями» и сближал, желал он того или нет, с баасистами 50- х - 60 – х гг. XX в.

М. ан-Набгани полагал, что спасение Палестины от полной оккупации Израилем возможно лишь при реализации двух тесно взаимосвязанных целей, которые его партия должна постоянно актуализировать, доводить до сознания арабской нации, правительств отдельных арабских государств.

Во – первых, необходимо донести до сознания политических элит отдельных арабских государств, их правительств чёткое и ясное осознание сионистской опасности, грозящей всему арабскому миру, а не только Палестине. Арабские государства должны проявить солидарность с палестинским народом, с его борьбой с сионизмом. Арабы должны объединиться в этой борьбе в единый союз [14, с. 185, 188-189].

Во-вторых, успех в этой борьбе невозможен без глубоких, кардинальных реформ арабских государств, которые должны изменить все сферы жизни их населения [14, с. 205]. Эти реформы необходимо проводить на основе новейших достижений науки, они должны охватывать все сферы жизни общества, привести к изменению сознания каждого араба, с тем, чтобы сделать его свободным и «в целом свободным весь народ» [14, с. 208]. М. ан-Набгани не уточняет от чего собственно должны освободиться арабы в ходе реформ, что дало повод исламским радикалам упрекать его в чрезмерной приверженности реформизму, научным достижениям, в забвении исламской традиции в её философском смысле. Его основными оппонентами от «братьев» стали сторонники известного в 50-е гг. идеолога исламских радикалов Саида Кутба, опубликовавшего книгу: «Социальная справедливость в исламе», в которой он утверждал, что более справедливого способа разрешения социальных проблем чем тот, который предложен Кораном и Сунной, быть не может. С. Кутб следовал логике правоверного мусульманина, изложенной в 1909 г. прямым потомком Пророка Мухаммада, шерифом Мекки Хусейном аль-Хашими: «Не могут быть законы написанные человеком лучше законов Бога!». Критика радикалов побудила М. ан-Набгани отвечать на неё и даже, на наш взгляд. оправдываться, доказывать свою приверженность ценностям ислама. Некоторые исследователи считают, что он даже подпал под влияние С.Кутба и разошёлся с ним только своей концепцией реформ исламского общества [12, с. 93]. На наш взгляд, размежевание М. ан-Набгани с «братьями» было неизбежным, так как в то время, как они во второй половине 50-х гг. окончательно отказались от политических методов борьбы и вернулись к насильственным, он считал, что необходимо заниматься моральным и нравственны воспитанием арабской нации, потому что без такой работы общество деградирует. Вместо насилия он предлагал использовать проповеди, наставления, публикацию и распространение соответствующих материалов, обращаться к литературе, к поэзии столь любимой арабами [17, с.19].

М. ан-Набгани был, пожалуй, первым среди представителей политического ислама, кто попытался детально описать будущее исламское государство, его правовую, экономическую и политическую структуру. Этот симулякр был изложен им в работе «Исламское государство». С его точки зрения, в исламском государстве правящей может быть только исламская партия, которая должна, прежде всего, освободить население от наследия колониализма во всех сферах жизни общества от культуры, до экономики и сознания каждого человека [5, с. 71]. Как писал один из его единомышленников, освободиться от иностранной оккупации важно, но гораздо важнее ликвидировать наследие, которое оставил колониализм в экономической, правовой и политической сферах арабских государств [6, с. 17]. В будущем исламском государстве, писал М. ан-Набгани, ислам должен стать государственной религией, а не делом совести каждого человека, как это сделал по примеру европейских государств и коммунистов Мустафа Кемаль в Турции. По сути, он превратил турецкое государство, бывшее ранее «домом мусульман», исключительно в «дом кафиров» [19, с. 1, 59]. По мнению М. ан-

Набгани, ислам не может существовать вне государства, так как он пронизывает все сферы жизни народа, является всеобъемлющим, а государство является для него лишь оболочкой, обеспечивающей его регулятивные функции [18, с. 3]. Мусульмане мира совершили смертный грех, отказавшись в начале XX в. от халифата. Им всё равно придётся вернуться к его созданию, несмотря на то, что это потребует длительного периода борьбы и на алтарь победы потребуется положить миллионы жертв, которые, тем не менее, будут оправданы [18, с. 6].

Отдельной, весьма сложной проблемой, стоящей перед исламским миром является отношение к демократии, которую М. ан-Набгани считал порождением капиталистической системы. Для разъяснения позиции руководства «Хизб ат-тахрир» к демократии, в начале 60 –х гг. партийное издательство выпустило целую серию книг под общим названием: «Пламенный призыв к исламскому миру»*, которую, по мнению некоторых исследователей, подготовил Мухаммад Саид Рамдан [2, с. 106, прим. 79]. Идеологи партии полагали, что капитализм как способ производства и вытекающая из него система общественных отношений являются непримиримыми врагами ислама, несовместимы с ним в силу того, что зиждутся на неверии в Бога. Практически невозможно найти ни одного явления капиталистической системы, которое было бы совместимо с исламом. Отсюда вытекает необходимость полного разрыва мира ислама с капитализмом, с порождаемой им демократией, с гражданским законодательством, ведённым в арабских странах в колониальную эпоху [2, с. 56]. Главной бедой мусульманских стран был не собственно капитализм, а то, что он принёс с собой, и прежде всего общественные отношения, называемые «демократией». Как заключают авторы исследования, демократия в исламском мире является «незаконно рожденным ребёнком, подкинутым западным миром мусульманам вместо халифата» [2, с. 57]. Некоторые политические деятели мусульманских государств пытаются найти нечто общее между западной демократией и Шурой мусульман, и даже утверждают, что «ислам является религией демократии» [1, с. 45-47]. Однако это далеко не так, они являются противоположностями друг друга по ряду признаков:

- источником демократии является договор между людьми об организации их бытия, за рамки которого выведена вера в Бога, объявленная делом совести каждого отдельного человека, в то время как вся жизнь исламского общества организована на основе вероучения ислама, переданного Богом людям через Пророка Мухаммада [2, с. 57];

- демократия в западном истолковании это власть народа, в то время как в исламе вся власть принадлежит Богу, а исполнителем его воли выступает халиф [18, с. 16];

- демократия предполагает коллективный способ управления обществом, исключающий персональную ответственность, в лучшем случае предусматривающая ответственность власть предержащих перед правящей партией, в то время как в исламе за всё отвечает халиф, несущий ответственность перед Богом [1, с. 60];

- демократия требует разделения властей между различными институтами государства, в то время как ислам предполагает единство государства и власти, которое воплощено в халифе [1, с. 60].

Одним из резко критикуемых «Хизб ат-тахрир» явлений демократического общества является судебная неприкосновенность президента, депутатов парламента, других высших должностных лиц. В исламском государстве неприкосновенными являются только дипломаты, находящиеся за пределами государства, все остальные подданные халифа несут перед ним всю полноту ответственности за свои поступки [18, с. 167].

Весьма характерным является отношение «Хизб ат-тахрир» к политическим и личным свободам личности, в том числе к свободе слова, совести, собраний, манифестаций и другим, столь присущим демократическому обществу. Как отмечал один из близких к М. ан-Набгани функционеров партии Абд аль-Карим Зуллум, у мусульманина не может быть никаких абстрактных свобод не связанных с его религиозными обязанностями. Он наделён лишь теми свободами, которые связывают его с законной властью и у него не может быть, так называемых, «всеобщих свобод» [1, с. 67].

Завершая изложение критики М. ан-Набгани и его единомышленников западной демократии и прав человека, нельзя не заметить, что она шла вразрез с заявляемой приверженностью созданной ими партии ненасильственным, по существу, гандистскими методами борьбы, реализация которых была возможна только при соблюдении демократических свобод, прежде

* Нидау аль-харр иля –ль- алям аль-арабий (на арабском языке).

всего, прав личности. Именно этим противоречием воспользовались те, кто после смерти основателя партии довольно скоро предал забвению его заветы и заимствовал у «братьев» и других экстремистских организаций вооружённые методы борьбы, против которых он возражал.

Важное место в теоретическом наследии идеологов «Хизб ат-тахрир» занимают рассуждения об идеальном исламском халифате, которые можно найти как в работах М. ан-Набгани, так и в трудах других членов руководства партии. С научной и практической точек зрения они никакой ценности не представляют, поскольку, как известно, история не терпит сослагательного наклонения. Однако их пропагандистское значение со времени их публикации и поныне сохраняется, и созданные штампы используются в пропагандистских целях как некий симулякр, к которому следует стремиться как к чему-то более разумному, чем урна для голосования, к которой периодически выстраивают народ, что, по мнению авторов этих работ, и составляет суть западной демократии [2, с. 60].

М. ан-Набгани не смог обойти вниманием и проблему арабского национализма, который в постколониальный период являлся основой программ возникавших политических партий национальной буржуазии. С его точки зрения, светский вариант арабского национализма насаждался колонизаторами вместо традиционных исламских ценностей. Параллельно с этим шло разрушение всех народных связей, основанных на исламском братстве. Вместо них предлагалось «национальное единство» [2, с. 60]. По утверждению М. ан-Набгани, идеи арабского национализма первыми начали культивировать европейские миссионеры, пришедшие в Османскую империю в позднее Новое время. Это они исподволь начали пропагандировать идеологию отдельного от государства Османов бытия арабов, это они насаждали среди местного населения арабских провинций империи идеи организации жизни не на основе ислама, а на национальных связях, то есть не на примате духовного единства, а на признаке крови, на этническом родстве [20, с. 139-140]. Тем самым они приступили к разрушению вековой традиции, заложенной ещё третьим праведным халифом Усманом, запретившим указывать в государственных реестрах населения халифата его этническую принадлежность, а отмечать только религиозную. Западные страны подбросили арабам идею отделения арабского мира от Османской империи, являвшейся «Домом ислама», что имело разрушительные последствия для халифатистского движения [2, с. 173]. М. ан-Набгани призывал арабов опомниться, подчёркивая, что обращение к национальным чувствам без ислама, это попытка Запада вернуть их к новой эпохе племенной джагилии (доисламский период –В.Р.). С точки зрения идеологов «Хизб ат-тахрир», все светские партии арабского мира, дистанцирующиеся от ислама, тем самым отлучают своих членов не только от религии, но и от народного смысла их бытия [2, с. 62]. М. ан-Набгани вовсе не отрицает наличия у арабов национальных особенностей, которые проявляются вне религии, он согласен, что они первичны, основаны на чувстве патриотизма, объединяющим людей и позволяющим отличить «своего» от «чужака», они формируются на экзистенциональном уровне, инстинктивны и носят защитный, охранительный характер, они присущи всему роду человеческому, в то время как чувственный, рациональный мир, с его точки зрения, связан только с верой в Бога [21, с. 24].

Все исследователи творческого наследия М. ан-Набгани обращали внимание на то, что во всех своих работах он неустанно подчёркивал, что «Хизб ат-тахрир» отличается от других исламских политических организаций, прежде всего, своим пониманием идеологии и её роли в социальной жизни общества, что в отличие от «Ассоциации братьев мусульман» она изначально позиционировала себя как партия, действующая в сфере политики [2, с. 63]. Необходимость такой партии объяснялась потребностями организации государства мусульман и донесения до всего мира их целей [6, с. 189-190]. Однако ни сам лидер партии, ни его окружение, на наш взгляд, так и не смогли объяснить своим сторонникам чем же в принципиальном плане их желаемое государство, случись оно будет создано, будет отличаться от уже существующих арабских государств. Критикуя представления «братьев» о государстве мусульман, ни М. ан-Набгани, ни другие идеологи партии так и не смогли внятно объяснить своим сторонникам каким они видят в идеале исламское государство. Их заявления о том, что «оно должно исполнять охранительные функции, …должно быть в меру революционным,… призвано отстаивать коренные интересы мусульман,… быть лидером Ближнего Востока» [7, с. 51] мало что давали для понимания того идеала, к которому они призывали арабов.

Не добавляла к пониманию сущности государственного идеала «Хизб ат-тахрир» в целом обоснованная критика существующего

мирового порядка, деятельности ООН в отношении арабского мира, борьбы США за гегемонию в мире, в том числе их противоборства с Англией за влияние на страны Ближнего Востока после Второй мировой войны, участником которой, желал он того или нет, был сам М. ан-Набгани [6, с. 28].

В заключение рассуждений об обстоятельствах возникновения «Хизб ат-тахрир» и формирования её идеологии следует заметить, что она появилась и развивалась в постколониальный период, в годы становления суверенных арабских государств, которые оказались под мощным влиянием двух мегатрендов: с одной стороны, под давлением возникшего в 1948 г. государства Израиль, выдавливавшего из Палестины чужеродное ему арабское население, призывавшее «братьев – арабов» обратить внимание на его судьбу, а с другой, процесса формирования социумов отдельных государств из этноконфессиональной мозаики, оказавшейся в рамках искусственно созданных бывшими колонизаторами границ протекторатов и подмандатных территорий. Этот процесс осложнялся урбанизацией, в ходе которой в города переселялось население сельской периферии, несшее с собой отжившую общественную формацию, свойственную сельскому образу жизни людей, приверженных таким признакам сомоидентификации как род, племя. «традиционный ислам», который в городских условиях жизни уже не мог исполнять функцию регулятора их экономических и социально-политических отношений. Вместе с тем, возникавшие политические режимы ряда арабских государств Ближнего Востока и Северной Африки формировались по типу и подобию их бывших метрополий, с заимствованием демократических институтов и процедур, призванных придать им светскость и респектабельность. Традиционной исламской элитой это рассматривалось как наследие колониализма и её политически активная часть призывала мусульман вернуться к фундаментальным ценностям ислама, в отдельных случаях подменяя их радикализированным исламом, как это имело место быть у «братьев мусульман», либо к салафизму – прогрессивному социально-ориентированному исламу, как представлял его себе М. ан-Набгани. Вопрос о методах борьбы за достижение поставленных целей, решался в каждом конкретном случае в зависимости от того, кто на него давал ответ. Пока был жив М. ан-Набгани «Хизб ат-тахрир» придерживалась политических методов борьбы. После его смерти в 1977 г. партию возглавил его соратник палестинец Абдул Карим Зуллум. Уже при нём партийные организации, возникшие в различных исламских странах стали действовать автономно, утратили управляемость из единого центра и в конце 70 –х гг. оказались под влиянием «Аль-Каиды», которая была выпестована спецслужбами США по прямому указанию президента Дж. Картера за полгода до ввода советских войск в Афганистан. Она создавалась для борьбы с Советским Союзом, однако после развала СССР повернула оружие против Запада, объявив «джихад миру креста»[22, p.233 -246]. «Хизб ат-тахрир» не смогла удержаться на позиции мирных, политических методов борьбы и перешла к насильственным. В странах удалённых от Палестины, местные лидеры «Хизб ат-тахрир» «забыли» для чего создавалась партия и встали на путь открытого вооружённого противостояния светской власти, что, по сути, сближало их с «братьями мусульманами». Американское вторжение в Ирак в 2003 г. и свержение режима Саддама Хусейна привело к очередной волне политизации ислама, которая сопровождалась культивированием милитаристских методов джихада, разработанных иорданцем Абу Мусабой аз- Заркави, поиском врагов среди членов уммы и очищении её от разного рода, так называемых, вероотступников [8, с. 78]. На этой волне появилась ИГИЛ, объявившая себя в июне 2014 г. «Исламским халифатом», являвшимся совместным проектом ЦРУ и Национальной разведывательной организации Турции [23]. В создавшихся условиях местные организации «Хизб ат-тахрир» активизировали свою деятельность и встали на путь открытой вооружённой борьбы с властью, о чём свидетельствуют вооружённые мятежи её ячеек в Таджикистане, Узбекистане в 2011 г. и Казахстане в 2016 г., аресты её боевиков в Московской области в октябре, в Санкт – Петербурге в ноябре 2016 г. и в январе 2017 г. в Бахчисарае. Её нынешний руководитель Ата Абу Рашта уже не в состоянии её вернуть к легальным методам борьбы, которых придерживался М. ан-Набгани.

Список литературы

1. Абд аль-Карим Зуллум. Кейфа гадамат аль-халафа /на арабск. яз./. Бейрут, 1962.
2. Аль-Марказ аль-арабийя ад-дирасат аль-истратиджийя. Аль-Ахзаб ва-ль- харакат ва-ль-джамаат аль-исламийя /на арабск. яз./. Т. 2. Второе издание. Дамаск, 2000.
3. Ахмад аль-Багдади. Хизб ат-тахрир: дираса фи мафгум ад-дауля аль-исламийя /на арабск. яз./. Эль-Кувейт, 1994.
4. Ахмедов В. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.). М., 2015.
5. Мафагим хизб ат-тахрир /на арабск. яз./. Т.3. Иерусалим, 1953.
6. Мухаммад Исмаил Абдаг. Адаува аля-ль-маукиф ад-дуввалий: мафагим сиясийя /на арабск. яз./. Бейрут, 1969.
7. Мухаммад Мусса. Адаува аля-ль-алякат ад-дауля ва ан-низам ад-дуввалий /на арабск. яз./. № 1. Бейрут, 1993.
8. Ранчинский В. П. Структура вооружённых сил и идеология Исламского государства Ирак и Левант. //Вестник Брянского государственного университета. Брянск, № 1 (27)., 2016.
9. Ранчинский В. П. Мишель Афляк. - Деятели национально-освободительного движения. Политические портреты. М., 1993.
10. Ранчинский В. П. Акрам Хаурани. - Проблемы социально-политической истории и исторической науки. Брянск, 1995.
11. Ранчинский В. П. Роль средних слоёв в создании партии Баас (партии арабского социалистического возрождения). – Средние слои и политические партии в буржуазном обществе. Брянск, 1993.
12. Садик Амин. Ад-Дааува аль-исламийя: фарида шар'ыйя ва дарура башарийя /на арабск. яз./. Амман, 1976.
13. Така ад-Дин ан-Набгани. Рисаля аль-араб /на арабск. яз./. Дамаск, 1949.
14. Така ад-Дин ан-Набгани. Инказ Фаластын /на арабск. яз./. Дамаск, 1950.
15. Така ад-Дин ан-Набгани. Низам аль-муджтамаа /на арабск. яз./. Дамаск, 1950.
16. Така ад-Дин ан-Набгани. Аль-Халафа /на арабск яз./. Бейрут, Б. г. Он же. Ат-Тафкир /на арабск. яз./. Бейрут, 1973. Он же. Сираату аль-бадига /на арабск. яз./. Бейрут, 1976.
17. Така ад-Дин ан-Набгани. Ат-Такаттуль аль-хизбий /на арабск. яз./. Т. 4. Иерусалим, 1953.
18. Така ад-Дин ан-Набгани. Низам аль-хукк фи-ль-ислам /на арбск. яз./. Т. 2. Иерусалим, 1953.
19. Така ад-Дин ан-Набгани. Аш-Шахсийя аль-исламийя /на арабск. яз./. Т. 4. Второе издание. Бейрут, 1994.
20. Така ад-Дин ан-Набгани. Ад-Дауля аль-исламийя /на арабск. яз./. Т. 2. Иерусалим, 1953.
21. Така ад-Дин ан-Набгани. Низам аль-ислам /на арабск. яз./. Т. 4. Иерусалим, 1953.
22. David N. Gibb. Ffganistan: The Soviet Invasion in Retrospect. //International Politics. 2000. June, № 37.
23. regnum. ru /news/ polit/ 2092983 html

Об авторе

Ранчинский Виктор Павлович – кандидат исторических наук, первый заместитель директора института филологии, истории и мировой политики, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, vpr_1949@mail.ru

УДК 944. 044

Ж. ФУШЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР В ЛИОНЕ (ОСЕНЬ 1793 – ВЕСНА 1794 гг.)

Роленков А.Г.

Статья посвящена миссии комиссаров Конвента Ж.-М. Колло-д`Эрбуа и Ж. Фуше в Лионе. Главное внимание уделено политике революционного террора в Лионе, проводившийся Колло-д`Эрбуа и Фуше с ноября 1793 г. по апрель 1794 г.
Ключевые слова: комиссар, Конвент, Лион, террор, трибунал, революционная армия, Якобинский клуб

J. FOUCHÉ AND A REVOLUTIONARY TERROR IN LYON (AUTUMN 1793 - SPRING 1794)

Rolenkov A.G.

The article is devoted to the mission of Convention commissioners J.-M. Collot d`Herbois and J. Fouché in Lyon. The main attention is paid to the policy of revolutionary terror in Lyon, held call d`Herbois and Fouché from November 1793 to April 1794.
Keywords: Commissioner, Convent, Lyon, terror, tribunal, revolutionary army, Jacobin Club

Период с 31 мая – 2 июня 1793 г. по 27 июля 1794 г. (9 термидора II г.) стал самым драматичным в истории Французской революции конца XVIII в. На эти 14 месяцев приходится время террора – преследования и уничтожения врагов молодой Французской республики и революции. После 4-5 сентября 1793 г. террор постепенно превратился в политическую систему, управляли которой Комитеты общественного спасения и общей безопасности. В провинции главными проводниками политики Конвента, в том числе и террористической, являлись представители народа в миссии – комиссары. Некоторые из них были направлены в очаги восстаний: Тулон, Марсель, Бордо, Вандею. Лион, входивший в этот список, с октября 1793 г. переименованный в Освобожденный город (Ville-Affranchie), стал местом, где революционный террор принял широкий размах. События лионского террора прочно ассоциируются с именами Ж.-М. Колло-д`Эрбуа и Ж. Фуше. Первый – член Комитета общественного спасения и один из лидеров революционного правительства, а второй – непримиримый борец с контрреволюцией и религией во II году Республики.

Решение об отправке Колло-д`Эрбуа и Фуше Конвент принял 9 брюмера II г. (30 октября 1793 г.). Представители народа получили самые широкие полномочия для «выполнения декретов и принятие всех мер общественного спасения». Фуше, будучи в Невере, выразил свои чувства, по поводу нового назначения, в письме Конвенту от 3 ноября 1793 г.: «Вы поручаете мне трудные задачи в Вилль-Аффранши, я с мужеством принимаю эту миссию; у меня нет больше тех самых сил, но мое сердце по-прежнему обладает той же энергией» [9, p.519]. Колло-д`Эрбуа 29 оутябпя в Якобинском клубе эмоционально обратился к товарищам: «Завтра я уезжаю и уверяю, что когда вернусь, скажу вам, Юг очищен, что там останутся патриоты или я умру в Лионе» [16, p.487]. 13 брюмера (3 ноября) г. Колло-д`Эрбуа прибыл в Лион, а 17 брюмера (7 ноября) к нему присоединился Фуше.

Из Лиона Колло-д`Эрбуа делился впечатлением о ситуации в городе с Комитетом общественного спасения. Он подчеркивал, город захвачен, но «не обращен в новую веру». Санкюлотов – «естественных друзей свободы, здесь отчетливо еще не видно», «военная комиссия слишком часто судит тех, против кого она не нашла никаких доказательств», «общественный дух никакой и всегда готов повернуться против Революции» [21, p.287].

Однако Колло и Фуше приехали не на пустое место. Кутон, их предшественник, создал судебные органы для наказания мятежников. Репрессивные функции поделили две комиссии. Комиссия народного правосудия разбирала гражданские и уголовные правонарушения. Помогала ей Военная комиссия, занимавшаяся непосредственно преступлениями участников восстания, ее суду подлежали военнопленные, офицеры, солдаты и те, кого захватили с оружием в руках.

Находясь в Лионе, комиссары решили поднять дух местных санкюлотов, воздав должное памяти Шалье, лидера лионских якобинцев, казненного властями восставшего города 17 июля 1793 г. По приезду Фуше, 10 ноября был

организован пышный народный праздник. «Религиозно собранные республиканцами» останки Шалье пронесли по городу к месту его казни. Комиссары не без гордости отмечали: «Все сердца наполнились молчаливой болью, но она была прервана повторившимися тысячу раз возгласами: Месть! Месть!» [10,p.171]. Вместе с патриотизмом, манифестация носила яркий антирелигиозный характер, революционные активисты крушили символы католицизма, попадавшиеся на их пути. По улицам провели осла с епископской митрой на голове и привязанными к хвосту Евангелием, Библией и крестом. Один из участников праздника язвительно отмечал: «Красивейшим персонажем на празднестве был осел в папской сбруе и с митрой на голове» [2, с.141]. Все собранные предметы религиозного культа под радостные крики, песни и танцы сожгли на центральной площади Лиона.

В свою очередь, народные представители обратились к собравшимся. Колло-д`Эрбуа назвал Шалье «самым добродетельным из людей», пообещав: «Маны Шалье! Клянемся Республикой, мы отомстим!» [18, p.126-127]. Взявший слово Фуше превзошел коллегу в жесткости формулировок, сказав: «Кровь злодеев (убийц Шалье – А.Р.) – это единственная святая вода, которая может успокоить твоих, справедливо рассерженных, манов!...Да, кровь аристократов послужит тебе фимиамом!» [18, p.126]. Сакцентировав внимание на Шалье и его смерти, проконсулы старались поднять революционный дух и разжечь страсти. Террору придавалась дополнительная легитимность в виде акта народной мести. Праздник прошел, и народные избранники уделили внимание главной цели – выполнению декрета Конвента от 12 октября, о наказании мятежного Лиона.

Созданный Кутоном репрессивный аппарат не работал в полную силу, казни носили единичный характер, вызывая недовольство парижских и лионских радикалов. Военная судебная комиссия Лиона (Commission de justice militaire de Lyon) действовала с 21 вандемьера по 8 фримера II г. (12 октября - 28 ноября 1793 г.). За это время ей вынесено 102 смертных приговора, из которых в действие привели 98. По приезду Колло-д`Эрбуа и Фуше ее деятельность заметно активизировалась, об этом говорят цифры. С 12 октября по 11 ноября на смерть было осуждено 26 человек, в то время, как за оставшиеся 17 дней она вынесла 76 аналогичных приговоров, почти в три раза больше [29, p.479-480]. Военная комиссия насчитывала 5 судей и 6 заместителей. Сначала ее возглавлял командующий 1-ым Ардешским батальоном Массе, позднее, капитан 4-ой дивизии национальной жандармерии Гранмэзон.

Комиссия народного правосудия Лиона (Commission de justice populaire de Lyon) работала с 10 брюмера по 11 фримера II г. (31 октября - 1 декабря 1793 г.). В этот период она вынесла 113 смертных приговоров, которые все привели в исполнение [29, p.481-483]. После 11 октября Комиссию разделили на две секции: одна судила в Лионе, а другая – в Фере, городке в 50 км. западнее Лиона. С 1 фримера (21 ноября) Комиссия стала называться Революционный трибунал. Возглавлял трибунал известный на юге революционный активист, эбертист и атеист Антуан Дорфей. На момент создания, Комиссия народного правосудия включала 7 человек. Председатель Дорфей – комиссар народных представителей в Роанне, Шамбон – комиссар в департаменте Соны и Луары, Рулльон – учитель коллежа в Клермон-Ферране, Кузен – администратор департамента Ардеш и Домаль – секретарь представителей народа, скорее всего парижанин. Общественный обвинитель Мерль был из Буржа (департамент Эн), Гатье был секретарем [20, p.3]. Обращает на себя внимание то, что все судьи, в том числе председатель и общественный обвинитель, не лионцы или «друзья Шалье». Это говорило о нежелании Кутона превращать Комиссию в карательный орган, с помощью которого лионские радикалы начали бы сводить личные и политические счеты.

Административными функциями с 10 октября занимался муниципалитет во главе с мэром Бертраном, соратником Шалье. Серьезной силой являлись революционные комитеты, которых в Лионе насчитывалось 32, на их плечи выпадали административные, хозяйственные и полицейские функции. В связи со спецификой формирования комитетов они оказывались прибежищем для разного рода радикалов и служили главной опорой местным эбертистам и «друзьям Шалье». Дополнял секции Центральный клуб, давний оплот сторонников Шалье. Делами департамента занималась департаментская директория во главе с Пеллетье. Пост прокурора-синдика департамента Роны получил ультра-революционер Ашар.

Каждый из этих органов управления пытался сосредоточить влияние в своих руках,

осложняя комиссарам выполнение их миссии. Почти весь ноябрь ушел у Фуше и Колло на консолидацию власти, дабы оградить ее не только и не столько от контрреволюционеров, сколько от слишком рьяных секционных активистов и революционных комитетов. Созданные в марте 1793 г. комитеты осенью того же года стали все больше доставлять головной боли Конвенту и правительственным комитетам. Объяснялось это их возраставшим радикализмом, желанием влиять на политическую ситуацию. В тоже время репутация комитетов была достаточно сомнительной. Исполняя полицейские функции, они зачастую допускали «эксцессы»: грабежи при обысках, незаконные конфискации и аресты, злоупотребления правом выдачи свидетельств о гражданской благонадежности и т.п. Субъективные мотивы в их работе часто играли ведущую роль по отношению к политике. В Лионе ситуация была не лучше. Колло-д`Эрбуа в письме Робеспьеру от 3 фримера (23 ноября) II г. говорил: «Личная месть разрывает установленные революционные комитеты до такой степени, что они слепы в отношении общественной мести» [21, p.667].

В столь сложном положении резкие действия со стороны Колло или Фуше могли вызвать неудовольствие лионских «патриотов», необходимо было действовать осторожно. Комиссары заняли выжидательную позицию: «Мы удалили от нас всех личностей, поскольку мы не имеем времени на сантименты, которые им нужно оказывать» [10, p.626]. В дом, где расположились комиссары, доступ получали только граждане, обладавшие удостоверением о цивизме. Напрямую общаться с народными представителями имели право власти города, члены народного общества. Держались представители народа подчеркнуто сурово, создавая образ лишенных эмоций служителей Республики: «Убежденные, что нет невиновных в этом подлом городе кроме тех, кто был угнетен или заключен в оковы убийцами народа, мы не доверяем слезам раскаяния…» [10, p.626].

Давало о себе знать недоверие проконсулов к городу в целом. Казалось, вчерашние инсургенты могли в любой момент взяться за оружие и опять начать борьбу против Республики. Условия для поиска врагов народа и подозрительных создавали стоявшие по границам Франции войска коалиции, Вандейская война на западе, восстания крупных городов. Развивала и распространяла теорию заговора пресса, напрямую подстрекавшая людей к активным действиям. В условиях жестокой реальности у многих французов формировалось ощущение пребывания в осажденной крепости, когда простой торговец мерещился агентом Питта или Кобурга.

Постепенно Фуше и Колло-д`Эрбуа начинали переходить от слов к делу. Для начала они создали Временную комиссию республиканского надзора (Commission temporaire de surveillance republicaine) во главе с парижанином Ж.-Б. Марино. Будучи человеком «больше распущенным чем жестоким» [19, p.787], он вскоре лишился поста по распоряжению Колло-д`Эрбуа, нажив в его лице опасного врага, что и привело Марино на эшафот летом 1794 г. Временная комиссия - детище проконсулов, состояла из парижских якобинцев, приехавших с Колло и людей Фуше из Аллье и Ньевра. Одна ее часть заседала в Лионе, а другая разъезжала по департаменту и контролировала местные власти. Дублируя в некоторой степени функции муниципалитета и революционных комитетов, состоя из лояльных проконсулам людей, она явилась серьезным противовесом Центральному клубу и секциям, вызывая с их стороны негативную реакцию.

16 ноября (26 брюмера) Временная комиссия выпустила инструкцию-обращение к властям Коммюн-Аффранши и департамента Роны. Она отличалась резкостью слога и бескомпромиссностью формулировок: «Всё допустимо для тех, кто действует в направлении революции», «Аристократия буржуазии, будь она жива, произвела в скором времени финансовую аристократию, а это привело бы к дворянской аристократии и т.д.» [30, p.111-112]. Судьба участников восстания была решена категорично: «Необходимо, чтобы все, кто прямо или косвенно, внес вклад в восстание, сложили свою голову на эшафоте». При вынесении приговора «ни возраст, ни пол, ни родственные связи не должны вас сдерживать». На богачей необходимо наложить пропорциональный их доходам налог, любой излишек подлежал конфискации, т.к. нарушал «права народа». Наряду буржуазией, врагами объявлялись церковники: «Священники – единственные источники несчастий Франции» [30, p.112-114]. В заключении комиссия предложила лионским властям недвусмысленный выбор: «Помогите нам сокрушить их (врагов революции – А.Р.) мощными ударами или вы испытаете их первыми» [30, p.114].

Лионским революционерам давали понять: отныне все подчинено представителям народа и их агентам. Они будут наносить и контролировать те самые «мощные удары». Эту инструкцию можно считать манифестом политики комиссаров.

Помимо переименования Лиона и наказания участников восстания Конвент предписал разрушить здания, имевшие отношение к тирании или восстанию. При Кутоне эта статья декрета практически не осуществлялась. Колло-д`Эрбуа предложил радикальный метод решения вопроса – использовать мины. Об этом он писал Комитету общественного спасения 17 брюмера (7 ноября): «Мина ускорит разрушения, саперы сегодня приступили к работе. В течение двух дней здания Беллькур (площадь, где располагались дома зажиточных граждан – А.Р.) взлетят на воздух» [21, p.288]. Однако вопреки усилиям Колло и декрету Конвента Лион до сих пор существует, став одним из наиболее известных, но не единственных примеров того, как «стремление к разрушению скорее активно декларировалось, чем действительно реализовывалось» [1, с. 249]. Через шесть дней, 23 брюмера, представители народа издали постановление, упорядочив процесс демонтажа городских построек. Теперь специальные инспекторы занимались распределением людей по объектам и контролировали ход работ. На секции возлагалась обязанность составления списков рабочих. Любой, кто не был внесен в списки и не имел соответствующего документа от секционных властей, отстранялся от работ.

Нередко рабочих ловили на кражах из домов, где они работали, и далеко не всегда удавалось заставить их вернуть украденное имущество. Отныне рабочим грозили наказания. Воры передавались уголовному трибуналу дистрикта и приговаривались к тюремному заключению. Любое неповиновение инспекторам или установленным властям рассматривалось как призыв к бунту и контрреволюции, наказываясь смертью [15, p.63-64]. Упорядочивание работ по разрушению города было еще одним важным административным решением Колло и Фуше на пути централизации власти.

С 5 фримера (25 ноября) в Лион после просьб Колло-д`Эрбуа начала прибывать революционная армия во главе с генералом Ронсеном. Ее приезд придавал комиссарам уверенности. Не случайно, после приезда Ронсена представители народа решили реформировать всю систему судопроизводства. 3 фримера (23 ноября) Колло, Фуше и Альбитт объявили Лион на осадном положении. С этого дня все «вооруженные силы отныне будут используемы для защиты Республики, исполнения законов и революционных мер, согласно приказам представителей народа или установленных властей» [14, p.34].

7 фримера (27 ноября) вместо военной и гражданской комиссий создавалась Революционная из семи человек. В действительности она всегда насчитывала лишь пять человек. Ни Гранмэзон, председатель лионской военной комиссии, ни Дорфей, глава комиссии народного правосудия не получили назначения в новый орган.

Возглавил Революционную комиссию Пьер-Матье Парен (Parein). Уроженец местечка Месниль-Обри (департамент Сены и Уазы) он служил помощником одного парижского прокурора, когда 14 июля 1789 г. принял участие во взятии Бастилии. Потом Парен стал офицером в роте, сформированной из победителей Бастилии. В мае 1793 г. он комиссар Исполнительного совета в Вандейской армии, а с июля председатель военной комиссии при Ла-Рошельской армии. 2 октября 1793 г. Парен получил звание бригадного генерала Революционной армии и в этом статусе прибыл в Лион вместе с Ронсеном.

В число судей входили парижанин Коршан, Лафайе родом из окрестностей Сент-Этьенна, Брюньер и рабочий лионской шелковой фабрики Фернекс. Заседала комиссия в здании ратуши с 9 часов утра до 12 часов дня и с 7 до 9 вечера. Регламент не предусматривал ни государственного обвинителя, ни адвоката. Обвиняемый самостоятельно доказывал свою невиновность. В зал заседаний допускалась публика, в основном из числа солдат революционной армии, членов лионских секций и клубов. Процедура судопроизводства предельно упрощалась. Удостоверялась личность обвиняемого и устанавливалась профессия, его поведение во время осады Лиона и суть выдвинутого обвинения. Иногда могли последовать и другие вопросы.

Создание Революционной комиссии, по мысли проконсулов, ускоряло расправу над виновными: «Народное правосудие должно быть столь же стремительным, как и выражение его (народа - А.Г.) желания» [11, p.429]. К гильотине добавились массовые расстрелы с использованием картечи, которые Фуше и Колло называли «молния» (foudre). С 14 фримера (4 декабря) на Лион обрушился страшный террор. Только за первые два дня приговорили к смерти

269 человек: 14 фримера (4 декабря) – 60 человек и 15 фримера (5 декабря) – 209 человек. Всего комиссия работала с 14 фримера по 27 жерминаля II г. (4 декабря 1793 г. - 16 апреля 1794 г.). За почти четыре с половиной месяца она вынесла 1665 смертных приговоров: 944 человека было расстреляно, 721 отправлен на гильотину. Заочно осуждено 19 человек, 4 приговора отменено [29, p.498]. Седийо приводит цифру в 1664 человека [27, p.23], Генифе начитывает около 2 тыс. жертв лионского террора [6, с.213]. Это число учитывает жертвы Комиссий народного правосудия и военной, а так же тех, кто погиб в заключении.

Возникает вопрос, насколько оправдана такая жестокость Фуше, Колло-д`Эрбуа и Революционной комиссии? Теорию обстоятельств, т.е. объяснение террора как ответной меры на развитие революционных событий, предложил в начале XIX в. Минье, но Кине, в сер. XIX в., подверг ее критике, которую в дальнейшем развили, дополнив фактами. В современной историографии теория обстоятельств уже не используется как главное объяснение террора [см.: 3,4,5]. Некоторые историки, в частности Генифе, решительно отвергают связь между событием и террором, в качестве ответа на него [6, с.108-116]. Несмотря на серьезную аргументацию данной позиции, с ней возможно поспорить.

Фрерон и Баррас появились в Марселе и Тулоне сразу после подавления восстаний в этих городах. Военные комиссии, работавшие в Вандее и при армиях, сражавшихся на западе, судили участников восстания по горячим следам. Общим моментом в терроре служит то, что от него в первую очередь пострадали области, выступившие против Республики: Вандея, Тулон, Марсель, Лион, Бордо. Лион пал 9 октября, а первые приговоры выносились уже 12 октября, т.е. террористические мероприятия начали осуществляться сразу, но интенсивность террора выросла в разы с приездом Фуше и Колло-д`Эрбуа. В этом отношении справедливо замечание французского историка о том, что Кутон «создал репрессивную машину, оставив другим приведение в действие ее механизмов» [28, p.526]. Полное отрицание связи террора с предшествовавшими событиями не позволяет нам понять до конца все его причины.

Пытаясь скрасить гнетущее впечатление от казней и объяснить их необходимость, Фуше и Колло опубликовали воззвание к лионским республиканцам. В нем воспроизводился обычный для той эпохи дискурс, через террор лежит путь к новому обществу. «Слабаки исчезнут под лучами солнца», руины монархии, порока и преступления, суеверий и ошибок, гордости и жадности послужат фундаментом нового общества. Все перечисленное необходимо смести рукой народного гнева. В идеальной Республике нет места ее врагам: «Не на прахе ли врагов народа, его убийц, всего, что есть порочного, надо основать общественную гармонию, мир и общественное блаженство?». Колло и Фуше надеялись на «энергию и мужество пройти через необозримое множество могил заговорщиков,…, дабы достичь счастья нации и возрождения мира» [12, p.329].

Реальностью террора не совпадала с возвышенными речами революционеров. Мрачным и крайне жестоким было предложение комиссаров сбрасывать трупы расстрелянных в Рону, чтобы река принесла их к «стенам мерзкого Тулона», давая «жестоким и подлым англичанам» картину всемогущества народа [12, p.328]. 4 нивоза (24 декабря) Фуше отметил их совместный с Колло вклад в падение Тулона: «Мы так же, мой друг, способствовали взятию Тулона, сея ужас среди трусов, которые вошли в него, предложив их взглядам трупы тысяч сообщников». Фуше «отпраздновал» взятие этого города, отправив под картечь 213 человек [13, p.262].

Режим террора не помог избежать огласки, когда 30 фримера (20 декабря) в Конвенте зачитали петицию от лица граждан Коммюн-Аффранши. В ней не назывались конкретные имена, но все понимали - это жалоба на Фуше, Колло-д`Эрбуа и Революционную комиссию. Граждане сетовали: «Война закончилась, но мы испытываем несчастья хуже, чем за всю войну». Они апеллировали к депутатам: «Законодатели, вы никогда не ставили в порядок дня эти зверства, которые не имеют примеров у варварских народов» [13, p.34].

Появление опасной петиции обеспокоило посланцев Парижа. Колло срочно покинул Лион и 1 нивоза (21 декабря) с трибуны Конвента обрушился на составителей обращения. Он не оправдывался, а нападал. Все принятые проконсулами меры объяснялись необходимость спасения Республики и патриотов. Обвинения, содержавшиеся в петиции, Колло назвал ложью, а ее авторов обвинил в том, что «они объединяют все обломки монархии и федера-

лизма» [13, p.98-99]. Конвент всецело поддержал Колло, приняв декрет, где одобрял все меры комиссаров в Лионе. Ни Конвент, ни комитеты не собирались брать курс на сворачивание или ограничение террора.

В тот же день Колло-д`Эрбуа под аплодисменты повторно прочитал в Якобинском клубе доклад о своей миссии. Парируя любые обвинения в жестокости, он восклицал: «Они там (в Конвенте – А.Р.) плакали, спрашивали: «Умирали ли изменники с первого раза?...» С первого раза! Контрреволюционеры! А Шалье разве умер с первого раза?! Вы осведомляетесь, сказал я Конвенту, как умерли эти люди, покрытые кровью наших братьев. Да если бы они не умерли, вы бы здесь не совещались!...» [8, с.273].

Со своей стороны, Фуше вместе с Альбиттом и Лапортом в письме из Лиона поддержали Колло, назвав содержание петиции «клеветнической иеримиадой», а ее подателей «сообщниками лионских мятежников». Подобно Колло, Фуше оправдывал репрессии: «Да, мы осмеливаемся признать, мы проливаем много нечистой крови, но это [наш] долг перед человечеством» [13, p.567].

Совместные усилия комиссаров, принесли плоды, они праздновали победу. У Фуше появился сильный защитник на самом верху в лице Колло. Любые обвинения в его адрес или Революционной комиссии автоматически превращались в обвинения против Колло-д`Эрбуа – члена Комитета общественного спасения и любимца парижских санкюлотов.

Неприятным сюрпризом для Колло и Фуше стал арест Ронсена 17 декабря 1793 г. Колло-д`Эрбуа мгновенно включился в защиту генерала. Интерес Колло к его судьбе понятен: обвинения Ронсена ставили под сомнения действия Колло и Фуше в Лионе. Как писал Тьер, для Колло «было крайне важно оправдать Ронсена: этим он оправдывал себя» [8, с.271]. Пользуясь властью Колло добился успеха. Он и Кордельеры добились выхода Ронсена на свободу 3 февраля.

Позиции Фуше сильно укрепились в конце декабря 1793 г. – январе 1794 г. В это время Гули - комиссар Конвента, близкий к Робеспьеру, находясь в Соне и Луаре и Эне, подверг критике действовавшего там радикала Клода Жавога. Между Жавогом и Гули разгорелся конфликт, в котором Фуше принял сторону Жавога, заявив, что Гули « выполняет в департаменте Эн контрреволюционный и убийственный для свободы план» [22, p.77]. Через несколько дней Комитет общественного спасения отозвал Гули в Париж. В более мягкой форме Фуше критиковал отправленного к Альпийской армии комиссара Птижана, у которого «много доброй воли, но нет, ни характера, ни средств достичь успеха» [22, p.77]. Добившись его отзыва, Фуше продолжил активно вмешиваться в ситуацию в соседних департаментах и, что важно, к его советам и критике прислушивались в Париже.

Показательно, что Птижану, направленному в Аллье и Крез, предписывалось посетить Лион и ознакомиться с «инструкциями, полученными Фуше относительно департамента Аллье, где он находился долгое время». В письме говорилось, что народные представители в Лионе уже приступили к «очистке многих администраций департамента Аллье» и подчеркивалась желательность совместных действий народных представителей в этом направлении[22, p.128]. Тогда же, 19 нивоза (8 января), Альбитт переводился из Лиона в Монблан и Эн, где ему также советовали согласовывать свою позицию с коллегами в Коммюн-Аффранши [22, p.127].

21 нивоза (10 января) Бийо-Варенн направил письмо в Лион, в котором Комитет и Конвент одобряли действия лионских проконсулов [22, p.165-166]. Народное общество Лиона тоже не осталось в стороне от выражения поддержки политики лионских проконсулов [25, p.325]. Учитывая непростые отношения между лионскими и парижскими якобинцами, вероятно, заявление Народного общества - дело рук парижан - людей Колло и Фуше, пытавшихся показать тем самым наличие согласия между патриотами внутри Лиона.

Ощущая доверие со стороны Парижа, Фуше предложил организовать единую комиссию по южным департаментам для распределения между ними продовольствия. Несмотря на то, что проект Фуше не воплотился в жизнь, Революционная комиссия распространила влияние далеко за пределы департамента Роны, нередко перед ней представали обвиняемые из Эна, Аллье, Ньевра, Луары. Росту авторитета комиссии и Фуше способствовал факт того, что после отзыва Тальена, Барраса и Фрерона зимой 1794 г. он остался единственным комиссаром Конвента, кто продолжал проводить политику жестких репрессий на территории южнее Лу-

ары. Это было во многом результатом покровительства Фуше со стороны двух наиболее радикальных членов Комитета общественного спасения – Колло-д`Эрбуа и Бийо-Варенна.

В это самое время внутри Лиона не все обстояло гладко, «борьба между крайними и умеренными революционерами прикрывала борьбу местных патриотов, друзей Шалье, с чиновниками, явившимися из Парижа» [7, с.503]. Приехавшие с Колло и Фуше парижане продолжали занимать главенствующее положение, раздражая лионцев. В это время вспыхнул конфликт между революционной армией и регулярными войсками, расквартированными в Лионе. Первый имел место еще при Колло-д`Эрбуа. Марино, сообщал в Париж об этом конфликте, не скупясь на подробности: «Женщины приняли большое участие в этом деле…Хитрость, проституция, лионцы использовали все, чтобы настраивать линейные войска против революционной армии…» [25, p.436]. Предлогом для неудовольствия линейных войск, якобы было высокое жалованье солдат революционной армии. Вероятнее всего, причина крылась в другом, а именно, в вызывающем поведении революционной армии и привлечении, наряду с ней, регулярных войск к участию в расстрелах. Конфликт удалось разрешить мирным путем, не допустив столкновений между солдатами.

Другой причиной для обеспокоенности Фуше послужило обсуждение в феврале Конвентом действий Жавога и жалоб, приходивших на него. Дело обострилось после того, как «пылкий Жавог» выступил против Комитета общественного спасения и декрета о свободе культов, подвергнув нападкам Кутона [7, с.501-502]. Некоторые депутаты помнили протекцию, оказанную Жавогу со стороны Фуше в январе 1794 г., что могло сказаться на его репутации. На заседании Конвента 26 плювиоза (14 февраля 1794 г.) Ревершон, депутат от Соны и Луары, потребовал коллег выслушать трех курьеров. Один из них критиковал Жавога, а другой представил депутатам печальную картину положения лионских республиканцев: «Я вздрогнул и до сих пор еще дрожу, увидев республиканца со связанными за спиной руками, проходя недалеко от [места] казни. Трибунал (Революционная комиссия – А.Р.) оправдал множество аристократов» [25, p.463]. Подобных обвинений не было даже в петиции лионских граждан в декабре 1793 г. Ревершон попросил Комитеты общественного спасения и общей безопасности «подумать о соответствующих мерах, дабы разоблачать всех ложных патриотов». Мерлино поддержал требование Ревершона. За Революционную комиссию вступился Мерлен из Тионвиля, призвавший спокойно разобраться в деле и в случае необходимости отстранить от работы судью, вынесшего приговор, а не подвергать обструкции всю комиссию. Поддержали Мерлена Луазо и Дюбуше. Луазо призвал Конвент не поддаваться «влиянию отдельных петиций», когда «он (Конвент –А.Р.) знает, что в Коммюн-Аффранши два депутата-патриота Лапорт и Меолль» [25, p.463]. Имени Фуше не оказалось среди «депутатов-патриотов».

Незадолго до описанного выше заседания Конвента, 18 плювиоза (6 февраля) по распоряжению комиссаров прекратили приговаривать к расстрелу. 23 плювиоза (11 февраля) Фуше ограничил полномочия местных трибуналов, а с 24 плювиоза (12 февраля) объявлялась «амнистия за прошлое». Это означало прекращение арестов по обвинениям за участие в антиреспубликанском восстании. Однако это не означало прекращения террора в Лионе. Революционная комиссия по-прежнему работала, а Парен получил от Фуше, Лапорта и Меолля 3 марта временное повышение до звания дивизионного генерала.

Несмотря на критику среди отдельных депутатов, поддержку лионским проконсулам выразило революционное правительство. 28 плювиоза (16 февраля) Вуллан один из ведущих членов Комитета общей безопасности прочитал доклад, в котором одобрялись действия Революционной комиссии Лиона [25, p.494-495]. Единственно Вуллан предложил ограничить полномочия комиссии наказанием лионских контрреволюционеров. Тем самым сделав небольшую уступку тем, кого беспокоил рост влияния Лиона на ситуацию в близлежащих департаментах.

Не меньше для Фуше значили и слова поддержки, сказанные Колло-д`Эрбуа в Якобинском клубе. Он отрицал любые обвинения в адрес парижан со стороны «друзей Шалье», назвав лионских якобинцев несоответствующими «своему подлинному достоинству», предпочитающими «следовать своим частным страстям, чем присоединиться к Парижу». Обвинив их напоследок в том, что в «Обществе, где они говорят об угнетении своих друзей, они топчут память своих братьев» [25, p.583].

Последняя цитата - намек на судьбу лионского патриота Доминика Гайяра. Друг Колло-д`Эрбуа он вместе с ним отправился в Лион, но в день ареста Ронсена 17 декабря 1793 г. застрелился. Колло в Париже умело использовал смерть Гайяра для критики тех, кто осуждал крутые меры лионских проконсулов, выставляя его мучеником, посчитавшим арест Ронсена нападением на «патриотов» [8, с.273]. По версии сторонников Колло и Якобинского клуба в Париже, Гайяр свел счеты с жизнью, видя падение лионских революционеров, а те отплатили ему, предав проклятию память о нем [25, p.583]. Для лионских активистов и «друзей Шалье» Гайяр - тоже мученик, но, наоборот, отчаявшийся в надежде сокрушить «ложных патриотов», пользовавшихся протекцией Фуше и притеснявших соратников Шалье.

Снять напряжение между революционерами в Лионе никак не получалось. Осложнялось положение начавшимся в марте противостоянием между Комитетами и эбертистами, поддержанными Клубом кордельеров. В этой ситуации лионские власти склонны были обвинять друг друга в «ложном патриотизме», эбертизме, надеясь тем самым устранить противную сторону. Фуше решил не дожидаться развития событий и взял инициативу в свои руки. 26 вантоза (16 марта) он упразднил 24 революционных комитета из 32, мотивируя это намерением положить конец «непрерывно продолжающейся анархии» [18, p.145].

Падение эбертистов 21-24 марта 1794 г. Фуше всесторонне одобрил. В Конвент пришло поздравление от Фуше, Лапорта и Меолля в связи с действиями народных избранников, разоблачивших заговор «внутри Парижа, который должен был покрыть полностью страшным трауром республику, поразив разум всех удивлением и горем» [26, p.104]. К поздравлениям присоединился отряд революционной армии, расквартированной в Лионе. Солдаты сожалели, что «находились вдали от вас (депутатов Конвента – А.Р.) и не могли защитить вас нашими телами!» [26, p.104]. Использовав кампанию против эбертистов, Фуше решился на шаг, который вызвал обеспокоенность в Париже. 6 жерминаля (26 марта) по его приказу закрыли Народное общество, обвиненное в эбертизме. «Друзья Шалье» потерпели окончательное поражение, им оставалось только уповать на защиту Робеспьера, недовольного лионским проконсулом.

Взяв курс на строительство царства добродетели, Робеспьер не находил в нем место для Фуше. Еще 21 марта в Якобинском клубе Робеспьер опять вспомнил о смерти Гайяра. Неподкупный назвал его самоубийство «жестом отчаяния», поскольку «он предвидел зло, которое должно было обрушиться на его отечество» [17, p.7]. Политик не назвал никаких имен, ответственных за «притеснения» лионских патриотов, но все понимали, кого он имел ввиду. Момент для критики Фуше Робеспьер выбрал удачный, т.к. занятый борьбой с эбертистами, Колло-д`Эрбуа не мог найти времени на поддержку Фуше, молчал и Комитет общей безопасности.

На фоне усилившийся критики, отзыв Фуше стал вопросом времени. 27 марта 1794 г. Комитет общественного спасения принял решение возвратить Фуше в Париж, заменив его уже упомянутым Ревершоном. Одновременно Комитет приказал Фуше прекратить преследования в отношении Народного общества Коммюн-Аффранши и местных патриотов[24, p.217]. Не удовлетворившись отзывом Фуше, 31 марта Робеспьер снова обрушился на лионские власти: «Временная комиссия (республиканского надзора – А.Р.), забывая об аристократах и контрреволюционерах, которых она должна была преследовать, открыла разбирательства против друзей Шалье» [17, p.37].

17 жерминаля (8 апреля) Фуше вернулся в Конвент после года почти непрерывных миссий. Начиналось его противостояние с Робеспьером, развязка которого наступила 9 термидора. Террор, направлявшийся до весны 1794 г. на врагов Республики, теперь обращался против самих революционеров. Робеспьер, желая «очистить» террор от злоупотреблений и перегибов, начал все больше критиковать радикальное крыло в революционном правительстве. Фуше наряду, с Баррасом, Тальеном, Фрероном, Каррье и некоторыми другими, стал одной из главных мишеней для Робеспьера, подтолкнувшего тем самым их к активному участию в термидорианском перевороте.

Список литературы

1. Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., 2006.
2. Блан Л. История Французской революции. Т.10. СПб.,1909.
3. Блуменау С.Ф. Французский историк о механизмах террора во время Революции // Новая и новейшая история №3. М., 2006.
4. Бовыкин Д.Ю. Революционный террор во Франции XVIII века: новейшие интерпретации// Вопросы истории №6. М., 2002.
5. Генифе П. Французская революция и террор// Французский ежегодник. М., 2000.
6. Генифе П. Политика революционного террора 1789-1794. М., 2003.
7. Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995.
8. Тьер Л.-А. История Французской революции. Т.2. М., 2016.
9. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.78. P., 1896-1901.
10. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.79. P., 1896-1901.
11. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.80. P., 1896-1901.
12. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.81. P., 1896-1901.
13. Archives parlementaires. Recueil complète des débats législatifs et politiques françaises. T.82. P., 1896-1901.
14. Journal de Ville Affranchie et des departements de Rhone et Loire №6.
15. Journal de Ville Affranchie et des departements de Rhone et Loire №11.
16. La société des Jacobins. T. 5. Janvier 1793 à Mars 1794: recueil de documents pour l'histoire du Club des Jacobins de Paris. P., 1895.
17. La société des Jacobins. T. 6. Janvier 1793 à Mars 1794: recueil de documents pour l'histoire du Club des Jacobins de Paris. P., 1897.
18. Madelin L. Fouché. T.1. P.,1903.
19. Nouvelle Biographie Générale, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. T.33. P., 1852.
20. Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Lyon, 1905.
21. Recueil des actes du Comité du salut public avec la correspondence officielle des représentants en mission et le registre. T.8. P., 1895.
22. Recueil des actes du Comité du salut public avec la correspondence officielle des représentants en mission et le registre. T.10. P., 1897.
23. Recueil des actes du Comité du salut public avec la correspondence officielle des représentants en mission et le registre. T.11. P., 1897.
24. Recueil des actes du Comité du salut public avec la correspondence officielle des représentants en mission et le registre. T.12. P., 1899.
25. Réimpression de l`ancient Moniteur. T.19. P., 1863.
26. Réimpression de l`ancient Moniteur. T.20. P., 1870.
27. Sèdillot R. Le coût de la Révolution française. P.,1986.
28. Sève M.-M. *Sur la pratique jacobine: la mission de Couthon à Lyon//* Annales historiques de la Révolution française. №254. P.,1983.
29. Tableau général des victimes & martyrs de la Révolution en Lyonnais, Forez et Beaujolais spécialement sous le Régime de la Terreur. Saint-Étienne, 1911.
30. Wallon H. Les Représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les departments. T.3. P., 1889.

Об авторе

Роленков Альберт Геннадьевич – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, rolenkovalbert@yandex.ru

УДК 942.080.1

ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДОГОВОРНОЙ МОДЕЛИ АНГЛО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРЕДИНЕ 1930-х ГОДОВ

Сагимбаев А.В.

В статье рассматривается один из аспектов эволюции колониальной стратегии Великобритании в межвоенный период, связанный с окончательным оформлением договорных взаимоотношений с Египтом. Особое внимание при этом уделяется рассмотрению факторов, обуславливавших действия кабинета С. Болдуина по разрешению существовавших в данном направлении проблем, а также анализу содержания основных положений англо-египетского договора 1936 г., ставшего важнейшей политико-правовой основой британской политики в регионе на последующие два десятилетия.
Ключевые слова: Египет, британская политическая элита, трансформация имперской стратегии, эволюция договорных отношений.

THE COMPLETION OF THE CONTRACTUAL MODEL OF ANGLO-EGYPTIAN RELATIONS IN THE MID-1930 S.

Sagimbaev A.V.

The article deals with one aspect of the evolution of the colonial strategy of the United Kingdom in the interwar period associated with final execution of contract relations with Egypt. Special attention is paid to the factors that lead to the actions of the S. Baldwin's Cabinet on resolving existing in this area problems, as well as the analysis of the content of the main provisions of the Anglo-Egyptian Treaty of 1936, which became the most important political and legal basis of British policy in the region for the next two decades.
Keywords: Egypt, British political elite, the transformation of the Imperial strategy, the evolution of contractual relations.

Межвоенный период ознаменовался существенной трансформацией идейных императивов колониальной стратегии Великобритании, а также административно-правовых форм её реализации. Основным её вектором явился больший акцент на косвенные механизмы управления и контроля над колониальными и зависимыми территориями [1, с.9-22]. Одним из наиболее типичных примеров проявления данной тенденции явилась сложившаяся к середине 1930-х гг. модель договорных отношений с Египтом, позволявшая Великобритании сохранять существенные рычаги влияния и контроля над внутренней и внешней политикой египетского государства.

В начале 1920-х гг. Британское правительство было вынуждено отказаться от попытки сохранения в Египте модели формального протектората. 28 февраля 1922 г. была опубликована декларация британского правительства, провозглашавшая признание Уайтхоллом независимости египетского государства. Наряду с этим, в документе содержались четыре принципиальных оговорки, касавшихся сохранения британского военного присутствия в стране, контроля Великобритании над зоной Суэцкого канала, права вмешиваться в политику египетского правительства в целях «охраны прав иностранцев», а также реализации интересов Лондона в Судане [12, p. 100-103].

Сам факт юридического признания независимости одного из ключевых звеньев британской колониальной системы начала XX в. имел революционный характер. Он явился важнейшим симптомом, свидетельствовавшим о неспособности Великобритании реализовывать свои имперские интересы в прежнем объёме и с помощью набора традиционных в основном силовых методов. Тем не менее, декларация 1922 г. носила характер лишь промежуточного политического решения. Стержнем британской политики в Египте в течение 1920-х гг. являлось стремление узаконить военно-политическое присутствие путём заключения полномасштабного двустороннего договора [3, с. 108-110].

Первая попытка такого рода была предпринята в 1924 г. лейбористским кабинетом Р. Макдональда. В ходе переговоров с лидером ведущего египетского политического движения «Вафд» С. Заглулом-пашой, занимавшим на тот момент пост премьер-министра, глава британского правительства подчеркнул, что исходя из принципа преемственности курса в отношении Египта, он стремится к «изменению самого духа англо-египетских отношений»[21, p.77]. Однако, в силу жёсткой позиции египетской стороны, а также возникшего вскоре кризиса, связанного с убийством британского генерал-губернатора в Судане Ли Стэка, переговорный процесс на данном этапе был прерван.

Следующая попытка достичь соглашения была предпринята в 1927 г. консервативным кабинетом С. Болдуина. Ключевую роль в ходе переговоров в данный период играл глава Форин офиса О. Чемберлен. Итогом консультаций

О. Чемберлена с египетской делегацией во главе с премьер-министром А. Х. Сарват-пашой явилось согласование ряда параметров будущего договора. Тем не менее, сторонам не удалось достичь компромисса по наиболее принципиальным вопросам, связанным с правовым режимом и порядком размещения британских войск на территории Египта, а также реализацией его интересов на территории Судана [10, p. 189].

После успеха лейбористов на парламентских выборах 1929 г. и формирования второго кабинета Р. Макдональда, англо-египетский переговорный процесс получил новый импульс к развитию. 25 июня египетский премьер-министр М. Махмуд-паша направил британскому правительству меморандум, в котором выражал озабоченность длительным отсутствием прогресса в согласовании проекта полномасштабного двустороннего договора, а также выражал стремление «уладить весь комплекс вопросов, осложнявших англо-египетские отношения» [14, p. 174] В июле 1929 г., по распоряжению премьер-министра, был создан специальный комитет из представителей заинтересованных британских ведомств, который должен был координировать всю деятельность, связанную с подготовкой проекта будущего договора [18, p. 264]. В октябре 1929 г. им была опубликована т.н. «Белая книга», в которой излагались предварительные результаты проходивших в предыдущие месяцы переговоров. Документ, получивший название «Обмен нотами в связи с предложениями по англо-египетскому урегулированию» стал предметом острой дискуссии в британских политических кругах. В итоге, попытка согласования проекта договора натолкнулась на жёсткое сопротивление оппозиции в обеих палатах парламента, настаивавшей на сохранении формата «ограниченного» суверенитета Египта, в том виде, в котором он был закреплён в договоре 1922 г. Как отмечал в данной связи лорд Солсбери, «действия правительства, связанные с пересмотром режима, сложившегося при лорде Кромере, выглядели на данном этапе слишком поспешными…»[13, p.326].

Нестабильность политической ситуации и правительственная чехарда в Египте в начале 1930-х гг. мешали дальнейшему прогрессу в согласовании проекта договора. Сформировавшееся в августе 1931 г. «национальное» правительство Макдональда-Болдуина, в свою очередь, не желало идти на дальнейшие уступки «египетским националистам» и стремилось сохранить прежний формат британского влияния в долине Нила. Представлявший Форин офис в Палате общин Э. Иден отмечал, что британское правительство по прежнему готово к продолжению переговорного процесса, но исходит в планировании британской политики из необходимости «основываться на положениях декларации 1922 г.», а также предполагает «подробное обсуждение вопросов, связанных с возможной эвакуацией наших войск из Каира… с участием Парламента, и всех заинтересованных структур» [4, col. 1086-1087].

К середине 1930-х гг. проблема окончательного оформления договорных отношений с Египтом приобрела для британского руководства дополнительное значение. Оно было связано с дестабилизацией обстановки в стратегически значимом для Лондона регионе Восточного Средиземноморья и Северо-Восточной Африки, вызванной экспансионистскими амбициями Италии и её агрессией против Эфиопии. В британских политических кругах постепенно нарастала обеспокоенность ростом итальянской активности, а также возможным влиянием итальянской пропаганды на общественные настроения в Египте [4, с. 237].

На фоне обеспокоенности части британской политической элиты, связанной с итальянской агрессией в Эфиопии, в декабре 1935 г. премьер-министр С. Болдуин сделал специальное заявление о том, что задача обеспечения военной безопасности Египта находится в сфере компетенции египетского правительства и египетских вооружённых сил, «поскольку с 1924 г. ни один британский офицер ни занимал в них какой-либо значимой должности»[8, col. 885-886]. В то же время, он в очередной раз подчеркнул, что «в рамках обсуждаемого проекта договора,…основанного на положениях Декларации 28 февраля 1922 г. Правительство Его Величества признаёт право Египта на членство в Лиге Наций, в соответствии с её Конвенцией»[8, col. 921].

Опасения британского руководства на данном этапе совпали с настроениями немалой части египетской политической элиты. Король Фарук I а также умеренные политические партии, вошедшие в Объединённый фронт, выступили с инициативой продолжения консультаций относительно окончательного согласования проекта договора, разработанного в 1930 г.[2, с. 216] В начале 1936 г. представители Форин офиса сообщили о специальной ноте египетского руководства, направленной британскому верховному комиссару М. Лэмпсону с предложением о возобновлении переговоров. Правительство Великобритании поддержало данную инициативу, подчеркнув в официальных комментариях, что оно не настаивает «на своём праве вето в вопросе восстановления Конституции 1923 г., хотя по

прежнему считает её не соответствующей интересам египетского народа»[12, p.709].

2 марта 1936 г. в Каире начался предварительный этап переговоров, связанных с подписанием итогового текста двустороннего договора. Наряду с представителями Форин офиса, в состав британской делегации вошли представители военного министерства, Адмиралтейства, а также командования военно-воздушных сил [5, col. 981-982]. 9 марта британской стороной были представлены предложения относительно урегулирования оставшихся несогласованными пунктов документа[6, col.12-13]. В политических кругах Великобритании высказывались критические замечания относительно состава египетской делегации в связи с наличием в нём людей, обвинёееых в 1926 г. в участии в подготовке покушения на Ли Стэка [6, col. 2608-2609]. В частности, в специально послании лорда Ллойда отмечалось, что в неё вошли «по крайней мере, два деятеля, с которыми Правительство Его Величества обещало никогда не вести диалога» [12, col. 1971]. Ряд представителей Консервативной партии в Парламенте выступили, в данной связи, с критикой в адрес правительства, обвинив его в «слепом следовании прежнему курсу социалистической [лейбористского – *А.С.*] партии»[16, p. 380]. Тем не менее, несмотря на существование заметной парламентской оппозиции, руководству Ф. Офиса во главе с Э. Иденом удалось отстоять линию на продолжение переговоров. Отвечая на вопросы прессы, он неоднократно подчёркивал, что «в переговорах с египетской стороны участвуют практически те же самые люди, которые вошли в состав делегации, начиная с 1930 г.»[12, col. 1972]

Активные двусторонние консультации, основной целью которых являлось согласование наиболее сложных, в первую очередь, военных аспектов будущего договора, а также статуса Судана продолжались в течение всего лета 1936 г. Итоговый текст англо-египетского документа был подписан в Лондоне 26 августа. Э. Иден охарактеризовал его как «итог многих лет истории и многих месяцев трудных переговоров»[18, p.4]. «Многочисленные трудности, с которыми мы столкнулись в ходе переговоров, - отмечал глава Форин офиса, - были преодолены благодаря активным усилиям обеих, направленным на достижение соглашения» [8, col. 251].

В соответствии с положениями статьи 16-й документа, определялся 20-летний срок его действия, по истечении которого текст договора мог быть модифицирован. Переговоры относительно возможных изменений могли начаться по истечении 10-летнего периода при взаимном согласии сторон [19, p. 290].

Наиболее сложными в процессе согласования оказались статьи договора, связанные с вопросами размещения британских войск и статусом Судана. Первой ключевой его частью явились положения о двустороннем военном альянсе, сформулированные главным образом в статье 4-й, а также в отдельных параграфах 5-й, 6-й, 7-й и 8-й статей и ряде приложений к документу. В них оговаривалась, в частности, численность британского контингента, необходимого для обеспечения безопасности Суэцкого канала и его инфраструктуры. Она не должна была превышать, в условиях мирного времени, 10 тыс. военнослужащих сухопутных войск и 400 пилотов ВВС. Предполагалась также оборудование специальных баз для их размещения. Крупнейшая из них должна была быть расположена в 80 милях от Каира[8, col. 260-261].

В документе, кроме того, особо подчёркивалось, что по условиям альянса ни одна из договаривающихся сторон не имела право заключать международные договоры, несовместимые с его требованиями. При возникновении угрозы конфликта «с третьей стороной», они обязались консультироваться друг с другом на предмет возможного содействия в его урегулировании [8, col. 256]. В случае вовлечения одной из договаривающихся сторон в военный конфликт, другая сторона обязалась «в соответствии с обязательствами, содержащимися в данном Договоре, прийти ей на помощь в качестве союзника» [8, col. 257]. Как отмечал Э. Иден, данное положение следует трактовать, в первую очередь, как обязательство Великобритании обеспечивать безопасность египетского государства, «являющуюся предметом обоюдных интересов сторон…. В связи с этим, Суэцкий канал требует от нас сохранить единство Египта»[8, col. 262]. В то же время, договор, в его трактовке британской стороной, предполагал обязательство Египта оказывать возможное содействие Великобритании в случае, если она окажется в состоянии войны или «в случае серьёзной угрозы войны» [8, col. 264]. Данная помощь, в понимании руководства Форин офиса, предусматривала, в первую очередь, «предоставление возможности использовать египетскую территорию, а также принятие египетским правительством всех необходимых мер содействия, которые находятся в его компетенции» [9, col. 359]. В случае обострения ситуации Египет должен быть готовым по согласованию с британским правительством, «предпринять действия административного и законодательного характера, включая, в случае необходимости, введение военного положения и цензуры

прессы»[9, col. 360]. Возможная египетская помощь предполагала, кроме того, предоставление Великобритании права использования портов, аэродромов и прочих коммуникаций. Наряду с этим, как отмечалось в параграфе 15-м договора, содействие Египта должно было включать разрешение на переброску британских войск и необходимого военного снаряжения на собственную территорию [13, p. 890].

Эволюция англо-египетских взаимоотношений в межвоенный период являлась основой, закладывавшей вектор британской политики в ближневосточном регионе. Англо-египетский договор, заключённый в 1936 г. был призван стать новым, более гибким механизмом обеспечения долгосрочной реализации британских военно-политических и экономических интересов в долине Нила, а также гарантировать сохранение контроля Великобритании над стратегически важным Суэцким каналом. Вместе с тем, сам факт признания де-юре независимого статуса Египта, стал важным свидетельством глубоких изменений в британской колониальной стратегии. Её важнейшей составляющей стал переход от попыток сохранения прежней системы администрирования к более гибким и завуалированным формам контроля над стратегически и экономически важными владениями. Отказ от традиционных, в основном силовых методов реализации своих имперских интересов, в свою очередь, стал ключевой предпосылкой последующего постепенного демонтажа крупнейшей в истории колониальной системы. В то же время, данная стратегия позволила Великобритании сохранять своё доминирование в стратегически значимом для неё регионе вплоть до середины 1950-х гг.

Список литературы

1. Алаев Л.Б. Колониализм как всемирно-историческое явления и как объект исследования // Британская империя в XX веке. Под ред. Пегушева А.М. и др. М., 2010. 296 с.
2. Голдобин А.М. Национально-освободительная борьба народа Египта.1918-1936 гг. Москва, 1989. 329 с.
3. Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. (Движущие силы, формы и методы). М., 1991. 188 с.
4. Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. Изд. 2, М., 1959. 370 с.
5. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1932), vol. 273.
6. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1935), vol. 307.
7. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 310.
8. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936), vol. 318.
9. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1936), vol. 103.
10. Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. Vol. 2. British-French Supremacy, 1914-1945. Prinston, 1979. 446 p.
11. Hyam R. Britain's Declining Empire: The Road to Decolonization, 1918-1968. Cambridge, 2007. 484 p.
12. Lloyd G. Egypt since Cromer. N.Y., 1970. Vol. II. 418 p.
13. Louis W. R. Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. N.Y., 2006. –1065 p.
14. Marlowe J. Anglo – Egyptian Relations 1800-1953. London, 1954. 444 p.
15. Monroe E. Britain's Moment in the Middle East 1914-1971. Baltimore, 1981. 254 p.
16. Morewood S. The British Defence of Egypt, 1935-1940: Conflict and Crisis in the Eastern Mediterranean. L., N.-Y., 2005. 274 p.
17. Morris J. Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L., 1978. 576 p.
18. Porter B. The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011. L., N.Y., 2013. - 387 p.
19. «The Times». 24 November, 1936.
20. Vatikiotis P. The Modern History of Egypt New York, 1969. 512 p.

Об авторе

Сагимбаев Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, sagimbaev@yandex.ru

УДК 327+327.5

ПОСТКОНФЛИКТНЫЙ ПЕРИОД В КОЛУМБИИ

Середа М.А.

Статья посвящена анализу соглашения между правительством Колумбии и Революционными вооруженными силами Колумбии (РВСК), которое было подписано после окончания мирных переговоров в Гаване (2012-2016 гг.) и призвано положить конец внутреннему вооруженному конфликту в данной стране. Особо внимание уделяется проблемам, которые могут этому препятствовать в постконфликтный период

Ключевые слова: Колумбия, вооруженный конфликт, миростроительство, переговоры в Гаване, РВСК, наркотрафик, референдум по имплементации соглашений.

POST-CONFLICT PERIOD IN COLOMBIA

Sereda M.A.

The article is dedicated to the analisis of the agreement between the government of Colombia and Revolutionary Armed Forces of Colombia (FARC), which was signed after the end of peace talks in Havana (2012-2016), and is aimed at ceasing the internal armed conflict in this country. The author emphasizes the problems that can hamper it in the post-conflict period.

Keywords: Colombia, armed conflict, peacebuilding, negotiations in Havana, FARC, drugtrafficking, referendum on implementation of treaties.

В настоящее время во многих регионах мира особую актуальность приобретает разрешение внутренних вооруженных конфликтов. Не все они были успешно завершены, некоторые являются источником нестабильности и провоцируют угрозы безопасности для всего мира. В данном аспекте разрешение колумбийского внутреннего вооруженного конфликта является особо важным, ведь это последний подобный конфликт в Латинской Америке. Переговоры колумбийского правительства с Революционными вооруженными силами Колумбии (РВСК), которые проходили в Гаване, могут служить примером для проведения подобных переговоров, а их анализ позволяет понять особенности внутренней и внешней политики Колумбии.

Внутренний вооруженный конфликт в Колумбии продолжается на протяжении более пятидесяти лет, затрагивает все слои населения и затрудняет экономическое развитие страны и решение социальных проблем. Основные стороны конфликта: леворадикальная герилья – Революционные вооруженные силы Колумбии (РВСК, FARC), Армия народного освобождения (АНО, ELN), Движение 19 апреля (М-19) (демобилизовано в 1990 г.); праворадикальные военизированные формирования – парамилитарес, организованные в Объединенные силы самообороны Колумбии (ОССК, AUC), демобилизованные в 2002-2005 гг. и преобразованные в криминальные группы (БАКРИМ, BACRIM). Данная группировка несет ответственность за появление вынужденных переселенцев и политические убийства [1, p.19]; вооруженные силы Колумбии, которые также виновны в преступлениях против человечества.

Переговоры между правительством Колумбии и РВСК, ставшие самым важным и результативным мирным процессом с 80-х – первых попыток разрешить внутренний конфликт. Переговоры проходили в Гаване с 2012 (после принятия Генерального соглашения 26 августа 2012 г.) по 2016 гг. (посредники – Норвегия и Куба, гаранты – Венесуэла и Чили) и завершились принятием Заключительного соглашения 26 сентября 2016 г. Однако по результатам прошедшего 2 октября референдума с небольшим перевесом победили противники подписанного соглашения, после чего в него были внесены поправки, и, 24 ноября оно было подписано обеими сторонами, а 2 декабря ратифицировано в парламенте. Переговоры имели реалистичную повестку дня, состоящую из пяти пунктов, и закрепили четкую структуру мирного процесса, разделенные на три этапа [2, p. 9]: подготовительный, завершение конфликта и миростроительство. В настоящий момент Колумбия находится в начале третьего этапа - миростроительства. Данный термин впервые появился в 1976 г. в работах Й. Галтунга, а наиболее полно данное понятие было объяснено в «Повестке дня для мира 1992 г. Генерального секретаря ООН Б. Бутроса-Гали. Его современное определение сформулировано в 2007 г. комитетом по политике Генерального секретаря ООН: Миростроительство включает в себя совокупность мер, направленных на то, чтобы уменьшить риск воз-

обновления конфликта, оказать помощь государству для успешного управления конфликтом, а также создать основы для устойчивого мира и развития. В данном исследовании рассматриваются меры, которые будут приняты правительством Колумбии согласно Заключительному соглашению, будет дан ответ на вопросы, как обеспечить установление мира в стране, и, что этому может помешать.

Повестка переговоров, определенная Генеральным соглашением, подписанном в Гаване в 2012 г. является всеохватывающей и имеет все предпосылки для создания базы для разрешения конфликта и установления мира, а также социального, политического и экономического развития страны. Были обозначены шесть пунктов повестки:

1) политика комплексного аграрного развития;

2) политическое участие;

3) окончание конфликта;

4) разрешение проблемы наркотиков;

5) жертвы конфликта.

*Применение, утверждение и референдум [3]

На настоящий момент по основным вопросам переговорного процесса разработаны проекты соглашений, которые стали частью Заключительного соглашения.

В Генеральном соглашении отмечается, что комплексное аграрное развитие является решающим для интеграции регионов и социального и экономического равного развития страны[3].

На переговорах по данному вопросу обсуждались следующие вопросы:

1) доступ и использование земли, собственность;

2) программы территориального развития;

3) инфраструктура;

4)социальное развитие: здравоохранение, образование, обеспечение жильем, борьба с бедностью;

5)стимулирование агропромышленного производства, обеспечение технической помощи, выплата субсидий и кредитов;

6) система продовольственной безопасности.

Историк Марко Паласиос отмечает, что причина конфликта – поражение аграрной реформы. Если бы она была проведена, и в сельской местности было бы справедливое разделение политической власти, большая демократизация и возможность решать проблемы на местах [4, p. 182]. Таким образом, аграрный вопрос является ключевой проблемой, решение которой может способствовать успешному миростроительству.

Во-вторых, особое внимание уделялось проблеме политического участия, которая не касается прямым образом РВСК, а в целом должна обеспечить политический плюрализм и демократичность государственного управления. В рамках этой темы обсуждались следующие вопросы:

1) Права и гарантии для политической оппозиции в целом, и в частности для новых движений, которые возникнут после подписания финального соглашения, обеспечение доступа к средствам массовой информации. По Заключительному соглашению партии, которая будет образована от РВСК должны были предоставить 10 мест в парламенте (до 2018 г.), а также 30% финансирования для проведения предвыборной кампании, однако по новому соглашению они лишаются этих привилегий[5].

В этом пункте речь идет об интеграции повстанцев в политическую жизнь, как раньше это сделали другие партизаны (Движение 19 апреля, М-19), однако им так и не удалось добиться значительного политического влияния. Возможно, отчасти из-за отсутствия доступа к СМИ, которые зависят от правящей партии и даже самого президента, а также от противника мирных переговоров – бывшего президента Альваро Урибе.

2) Демократические механизмы гражданского участия в политической жизни, в том числе прямого.

3) Эффективные меры для продвижения большего участия в национальной, региональной и местной политике на равных условиях и с обеспечением безопасности.

Последние два пункта направлены на улучшение условий участия в политической жизни всех групп населения для того, чтобы они могли защищать свои права. Реинтеграции повстанцев в общество мешает отсутствие поддержки населения, на что повлияли СМИ из-за многолетней «демонизации» РВСК. Кроме того, вызывает вопросы система постконфликтного правосудия и возможность предоставления амнистий преступникам, причем по Заключительному соглашению амнистии могут получить только политические преступники, не связанные с преступлениями против человечества.

Еще одна проблема, которая стала связанной непосредственно со всеми сторонами конфликта и поддерживала его – это наркотрафик. В 80-е годы, когда на территории всей страны резко увеличилось количество посевов коки, особенно в местах, контролировавшихся РВСК, они невольно оказались вовлечены в наркоторговлю, а затем поняли, что с помощью наркобизнеса они могли бы финансировать свою деятельность, а также улучшить благосостояние крестьян, поддерживающих их, если разрешить им выращивать коку. К тому же им казалось, что поставка наркотиков в США была своего рода борьбой с капитализмом. РВСК давно не отрицают своей причастности к производству наркотиков, однако еще больше были связаны с наркоторговлю парамилитарес (праворадикальные военизированные формирования), работавшие на наркобаронов. Борьба же за контроль над посевами коки привела к гибели мирного населения, проживающего в тех районах [6].

Для решения этой проблемы в договоре предлагается следующее:

1) программы по замещению посевов коки другими легальными культурами;

2) программы по предотвращению потребления наркотиков и улучшению системы здравоохранения;

3) разрешение проблемы производства и продажи наркотиков;

4) Прекращение фумигаций посевов коки, уничтожение их вручную

Самый важный вопрос, по мнению президента Сантоса, – это вопрос о жертвах конфликта. В Генеральном соглашении также отмечается, что вопрос компенсации жертвам конфликта является центральным в договоре между правительством и РВСК, в рамках которого рассматривается тема защиты прав человека жертв конфликта, правосудие и прояснение правды о преступлениях конфликта.

Еще одной проблемой, не отраженной в соглашениях, является влияние внешних факторов, что можно назвать одной из причин конфликта. Из особо активных внешних игроков в рамках данной темы можно выделять Венесуэлу и США.

Влияние Венесуэлы. Как пограничное с Колумбией государство, граница которого проходит через места дислокации партизан, Венесуэла с самого начала конфликта была вовлечена в него. Из-за трудных природных условий колумбийско-венесуэльскую границу сложно охранять, поэтому наблюдалось перемещение как герильи, так и жертв конфликта на территорию Венесуэлы еще с конца 90-х. Так, в 2004 г. в Венесуэле укрывались 60 беженцев и 2200 просили убежища [7]. На территориях, прилегающих к границе между государствами, похищали венесуэльских граждан, военные самолеты, транспортировалось большое количество наркотиков. Венесуэла выступила одним из первых посредников на переговорах между партизанами и правительством Колумбии, когда в 1991 г. в Каракасе были проведены первые раунды переговоров. Уго Чавес играл особую роль в качестве посредника между колумбийским правительством и герильей, однако это вызывало неприятие у экс-президента А.Урибе.

Зависимость от США. Во внешней политике Колумбии США всегда занимали особое место и являлись ее главным партнером, США же называли Колумбию своим самым преданным союзником. Еще с начала XX века лозунгом внешней политики Колумбии являлся тезис: «ориентироваться на север» [8, p.26]. Колумбия является единственной страной Латинской Америки, которая за все время многочисленных политических изменений в регионе не изменяла своего политического курса и оставалась крепким оплотом правых сил.

Разумеется, все это не могло не отразиться на внутренней ситуации в стране. Влияние США на политическую элиту Колумбии, интервенция во внутренние дела государства стали одной из причин внутреннего вооруженного конфликта. Укрепление отношений между правительством Колумбии и США на разных этапах конфликта способствовало его эскалации, так как герилья болезненно на это реагировала и выступала против действий правительства (например, во время переговоров по заключению договора о свободной торговле с США). Спорным остается отношение США к парамилитарес, а также результаты плана Колумбия. Так, Мигель Эррера отмечает двуличную политику США, которые поддерживают мирный процесс с герильей после того, как оказывали военную поддержку колумбийскому правительству для ведения войны с герильей и нарко-парамилитарес с помощью плана Колумбия, принятого в 1999 г. [9, p. 118]. До сих пор неразрешенной является проблема выдачи некоторых лидеров герильи в США за участие в наркотрафике, что усложняет мирный процесс. США неоднократно заявляли о поддержке переговорного процесса, проходящего в Гаване, а в марте 2016 г. Дж. Керри посетил стол переговоров для того, чтобы склонить

стороны к компромиссу. ООН, ЕС и США назначили специальных представителей на переговорах правительства и РВСК, а после отрицательного результата референдума подчеркнули, что будут в дальнейшем помогать Колумбии завершить вооруженный конфликт [10].

5 февраля 2016 г. во время визита Сантоса в Вашингтон был согласован новый план помощи США для постконфликтного периода в Колумбии «Мир в Колумбии», который состоит из 4 основных пунктов: борьба с организованной преступностью, поддержка мирного процесса, развитие сельской местности, ликвидация противопехотных мин, и предусматривает выплату 450 млн. долл. [11].

Отношение населения. Почему колумбийский народ не поддержал результаты мирных переговоров на референдуме? Ответ на данный вопрос является ключевым для понимания проблем, которые могут возникнуть в постконфликтный период. Это может быть связано с тем, что отдельные пункты переговоров не отвечают интересам населения, а также с дискредитацией РВСК в глазах народа (из-за их преступлений, а также из-за их «демонизации» в СМИ), влиянием экс-президента А. Урибе и его кампании против соглашений, а также незаинтересованности населения в мирном процессе (так как явка составила всего 37%). Вскоре после референдума Заключительное соглашение было пересмотрено и внесены поправки, предложенные кампанией нет.

С одной стороны, вооруженный конфликт затронул почти каждую колумбийскую семью, поэтому для многих личным интересом является свести счеты с РВСК и должным образом их осудить. Для этой части населения неприемлемы пункты соглашения о правосудии и политическом участии, в которых делаются уступки группировке, а именно предоставление 10 мест в парламенте для партии от РВСК, а также спонсирование государством ее предвыборной кампании. Больше всего критики вызвало предоставление амнистии членам РВСК (если совершили преступления против человечества, но сознались в содеянном – 8 лет, если не сознались – 25 лет)[5]. Хотя изначально РВСК провозгласили своей целью защищать интересы народа, провести аграрную реформу и освободить страну от засилья олигархии, постепенно группировка начала финансировать свою деятельность за счет наркотрафика, похищений и дискредитировала себя в глазах народа после совершения преступлений против человечества [12, p. 260], незаконной вербовки несовершеннолетних, массовых убийств – преступлений, от которых пострадало гражданское население. Тем не менее, в областях, наиболее пострадавших от конфликта, голосовали в референдуме «за» соглашение, поскольку для жертв конфликта в приоритете прекращение военных действий.

После обнародования результатов референдума, в разных городах страны были проведены митинги и созданы общественные движения в поддержку соглашения. Население не было информировано в должной степени о результатах переговоров. Дело в том, что около 60%[13] колумбийских семей не имеют доступа к интернету, то есть большинство населения не могло ознакомиться с текстом соглашения, которое содержит 300 страниц.

Необходимо отметить, что проведение референдума не было необходимым, так как по Конституции Колумбии подобные вопросы имеет полномочия решать сам президент. Х. Сантос был уверен в одобрении соглашений народом: была проведена торжественная церемония подписания соглашения, на которой присутствовало 15 президентов латиноамериканских стран и Генеральный секретарь ООН. Однако у колумбийцев сложилось мнение, что соглашение – это односторонние уступки правительства РВСК и эта группировка занимает выигрышное положение неоправданно.

Главным противником переговоров и соглашений с РВСК является бывший президент Колумбии Альваро Урибе (2002-2010 гг.), который во время своего мандата развернул широкую кампанию по борьбе с группировкой, милитаризации страны (программа «демократическая безопасность», План Колумбия), а также «демонизации» РВСК в СМИ для формирования удобного ему общественного мнения [14]. При А. Урибе РВСК понесли большие потери, организация была так ослаблена, что была заинтересована в начале переговоров с правительством и согласна делать компромиссы. А. Урибе не одобряет действия президента Х. М. Сантоса и практически возглавил кампанию «нет», являясь его основной действующей силой. Сам лидер кампании «нет» Х. Велес после референдума признал, что она была основана на ложных фактах и манипулировании общественным мнением[15]. Бывший президент имеет доступ к СМИ и получает поддержку США, что говорит о его большом политическом влиянии.

С другой стороны, есть мнения о том, что

А. Урибе и его кампания не отражает интересы народа, голосовавшего против соглашения и не согласного с его отдельными пунктами, то есть эти мнения сформированы независимо от кампании А. Урибе. Интересно, что экс-президент не был уверен в результатах референдума и даже выступал против его проведения.

В результате представители кампании «нет» получили возможность изменить текст соглашений, так, как им выгодно. Было предложено внести более 100 поправок, однако в начале ноября стороны переговоров в Гаване пришли к новому соглашению. В нем РВСК отказываются от некоторых положений, которые можно было считать их триумфом на переговорах в ответ на результаты референдума. Так, группировка лишилась гарантированных мест в парламенте, которые были предназначены для политической партии, которая будет образована от РВСК в переходный период. Эти места будут зарезервированы за жертвами конфликта. Кроме того партия, образованная от РВСК не получит 30% финансирования для своей деятельности, а будет иметь такие же как и у других партий права. Имущество РВСК будет конфисковано и направлено жертвам конфликта. Ранее текст соглашения должен был стать приложением к Конституции, по новому соглашению только вопросы, касающиеся прав человека и международного гуманитарного права станут его частью. В системе правосудия, созданной для постконфликтного периода запрещается участвовать НПО и иностранным лицам или организациям. Новое соглашение подчеркивает, что государство оставляет за собой право использовать все способы уничтожения коки, в том числе фумигации.

Так, далеко не все предложения кампании «нет» были выполнены, однако они и не представляют всех интересов населения. Интересно, что по результатам голосования в Сенате партия Демократический центр проголосовала против нового соглашения. Такая поспешная модификация соглашений говорит о желании правительства как можно быстрее подписать мирное соглашение, а катализатором этого процесса стали результаты выборов в США.

Итак, данный анализ доказал взаимосвязь множество акторов и проблем в рамках колумбийского конфликта. Одни проблемы возникли с момента образования государства, а другие стали следствием конфликта. Для того, чтобы «развязать» этот узел проблем необходимо начать с разрешения аграрного вопроса, который лежит в основе причин конфликта. Соглашение достигнутое между РВСК и правительством Колумбии в Гаване должно решить этот вопрос.

Принятое соглашение является дорожной картой для решения наиболее важных проблем колумбийского общества, однако, в силу своих недостатков не все проблемы удастся быстро решить. Решение аграрной проблемы будет зависеть от успеха новой аграрной реформы, а также улучшения инфраструктуры и, главным образом, образования в сельской местности. Пункт о политическом участии утратил свое значение после изменений, введенных после референдума, что затруднит переход к консоциативной демократии. Представляется маловероятным, что повстанцам удастся получить поддержку у населения, настроенного против герильи, что отразилось на результатах референдума по имплементации соглашений.

Демобилизация РВСК не будет иметь большого значения для борьбы с наркотрафиком, так как их место займут криминальные организации. Для успешной борьбы с данным феноменом необходимы коллективные действия сил правительства и повстанцев, имеющих больше информации об устройстве цепей наркотрафика и особенностях территорий, ранее подконтрольных РВСК.

Список литературы

1. Currea-Lugo V. Un intento por explicar la violencia en Colombia. Y si no somos nación?// América Latina Hoy. 1999. №23. Pp. 17-27.

2. Entérese del proceso de paz. Alto comisionado para la paz. P. 40 [Electronic resource]. URL: http://www.esap.edu.co/enterese/ (accessed: 12.03.2016).

3. Acuerdo General para la terminación del conflicto y la construccion de una paz estable y duradera. [Electronic resource]. URL: https://www.mesadeconversaciones.com.co/sites/default/files/AcuerdoGeneralTerminacionConflicto.pdf (accessed: 15.03.2016).

4. Palacios M. Violencia y proceso de paz en Colombia. Lección inaugural de la sexta promoción de la Maestría en Sociología. Departamento de Ciencias Sociales Universidad del Valle Marzo de 2001// Revista Sociedad y Economía. 2001. № 1. P.181-192.

5. Acuerdo final para la terminación del conflicto y la construcción de una paz estable y duradera.

[Electronic resource]. URL: https://www.mesadeconversaciones.com.co/sites/default/files/24-1480106030.11-1480106030.2016nuevoacuerdofinal-1480106030.pdf (accessed: 10.12.2016).

6. The FARC and Colombia's Illegal Drug Trade. [Electronic resource]. URL:https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Otis_FARCDrugTrade2014.pdf (accessed: 10.12.2016).

7. Kornblith M. Percepciones venezolanas sobre la crisis en Colombia// Colombia Internacional. 2004. № 60. [Electronic resource]. URL: http://colombiainternacional.uniandes.edu.co/view.php/444/index.php?id=444 (accessed: 15.12.2016).

8. Pardo R. Política exterior colombiana. ¿De la subordinación a la autonomía?/ Pardo R., Tokatlian J. G. // Bogotá: Tercer Mundo Editores-Ediciones Uniandes. 1989. P. 268.

9. Los cuatro pilares del plan "Paz Colombia» [Electronic resource]. URL: http://www.elcolombiano.com/colombia/politica/los-cuatro-pilares-del-plan-paz-colombia-XX3550437 (accessed: 11.04.2016)

10. El enviado especial de EEUU visita La Habana para ayudar con paz en Colombia [Electronic resource] // Infolatam. – 05.10.16. – URL: http://www.infolatam.com/2016/10/05/el-enviado-especial-de-eeuu-visita-la-habana-para-ayudar-con-paz-en-colombia/ (accessed: 08.11.2016)

11. Herrera Zgaib M. A. Paz, orden glocal y pensamiento de ruptura//Utopía y Praxis Latinoamericana. 2014. Vol. 19, № 65. P. 115-127.

12. ¡Basta ya! Colombia: memorias de guerra y dignidad. Centro de memoria histórica. 2013. p. 360.

13. Gómez S.A. La pregunta que define el futuro de Colombia [Recurso electrónico] // Gramma. – 30.09.2016. – Modo de acceso: http://www.granma.cu/colombia-camino-a-la-paz/2016-09-30/la-pregunta-que-define-el-futuro-de-colombia-30-09-2016-14-09-52 (Consultado: 08.11.2016)

14. ¿Quién dijo que las FARC no son un riesgo? : Alcalde de Medellín// La Semana. 03.11.2016. [Electronic resource]. URL: http://www.semana.com/nacion/articulo/alcalde-de-medellin-critico-visita-de-integrantes-de-las-farc/504089 (accessed: 08.11.2016).

15. Duica W. El Nobel de Santos: luces y sombras // Razonpublica. 10.10.2016. [Electronic resource]. URL: http://www.razonpublica.com/index.php/conflicto-drogas-y-paz-temas-30/9779-el-nobel-de-santos-luces-y-sombras.html (accessed: 08.11.2016).

Об авторе

Середа Мария Андреевна – студентка 1 курса магистратуры Дипломатия и дипломатическая служба, МГИМО МИД России, maria_sereda@mail.ru

УДК 94 (47).084.9

ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ КАДРОВ В ХОДЕ РЕФОРМЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР 1953-1964 гг.

Соловьев Р.А.

В статье рассматривается развитие системы военного образования в СССР в годы хрущевской «оттепели». В эти годы под влиянием научно-технической революции и революции в военном деле происходят коренные преобразования Вооруженных сил СССР, что естественно потребовало изменения подходов к подготовке военных кадров. Автор на основе новых и уже известных источников анализирует как в Советском Союзе в 1953–1964 гг. складывалась принципиально новая система военных учебных заведений. Выявляются ее недостатки и раскрываются достижения, способствовавшие поддержанию должного уровня боеспособности Вооруженных сил СССР.
Ключевые слова: военные учебные заведения, хрущевская «оттепель», военная реформа, сокращение вооруженных сил, Н.С. Хрущев.

CHANGES TO THE SYSTEM OF MILITARY TRAINING IN THE REFORM OF THE ARMED FORCES OF THE USSR 1953-1964

Solovyev R.A.

The article discusses the development of the system of military education in the Soviet Union during the Khrushchev "thaw". In the years under the impact of scientific and technological revolution and the revolution in military Affairs occur a fundamental transformation of the Armed forces of the USSR, which naturally demanded changes in the approach to the training of military personnel. The author on the basis of new and already known sources analyzes in the Soviet Union in 1953-1964 developed a fundamentally new system of military educational institutions. Identifies its shortcomings, and reveal the achievements that contributed to the maintenance of an adequate level of combat readiness of the Armed forces of the USSR.
Keywords: military schools, the Khrushchev "thaw", the military reform, the reduction of the armed forces, N.S. Khrushchev.

Широкое внедрение в 1950–1960-е гг. в Вооруженные силы СССР принципиально нового оружия и военной техники вызвали необходимость перестройки системы подготовки кадров, обучения и воспитания военнослужащих. Революция в военном деле предъявила новые требования к их технической подготовке и стилю работы. Реформы, направленные на качественное улучшение командного состава Советской Армии, являлись важной составной частью политики военных реформ, активно проводимых в Советском Союзе начиная с середины 1950-х гг.

Прежде всего коренные изменения в военном деле повлекли существенные сдвиги в структуре офицерского корпуса: заметно стал возрастать удельный вес инженеров и техников. Если в конце 1945 года в Вооруженных силах одна штатная единица инженерно-технического состава приходилась на 4,2 единицы командного состава, а в Сухопутных войсках – на 5,7 единицы, то к концу 1950-х гг. – соответственно на 1,5 и 3 штатные единицы [1, с. 118].

В 1954 году Совет Министров СССР принял решение об отнесении военно-технических и специальных военных училищ с трехлетним сроком обучения к числу средних специальных учебных заведений. Их выпускникам выдавались дипломы-удостоверения, установленные для выпускников гражданских средних специальных учебных заведений.

Для повышения технических знаний всех категорий офицеров многие средние военные и военно-технические училища преобразовывались в высшие военно-учебные заведения. Было вновь сформировано 28 высших военных училищ, увеличена вдвое численность слушателей и курсантов высших военно-учебных заведений. К 1961 году доля высших военных училищ в структуре военно-учебных заведений достигла 56 %, против 19,4 % в 1945 году [1, с. 117]. Значительно была расширена и сеть заочного военного обучения, что позволило в короткие сроки значительно повысить уровень образования офицеров.

К сожалению, стремление к увеличению количества офицеров, обладающих высшим образованием, осуществлялось во многом в ущерб качеству военного образования по сравнению с гражданскими учебными заведениями.

Другим важным направлением реформирования военных учебных заведений стала оптимизация их численности. Прежде всего это коснулось военных учебных заведений, готовящих специалистов по «гражданским специаль-

ностям» (медики, педагоги, финансисты, интенданты и т. п.).

В марте 1956 года по предложению Министра обороны СССР Г.К. Жукова были расформированы Военно-юридическая академия и военно-ветеринарный факультет при Московской ветеринарной академии, а задача подготовки соответствующих специалистов для Вооруженных сил была возложена на гражданские учебные заведения. В это же время Военно-транспортная академия и Военная академия тыла и снабжения были объединены в одно учебное заведение [3, с. 282, 286, 290, 291].

С 1956 года началось расформирование военно-медицинских училищ. В 1957 году была ликвидирована Военно-морская медицинская академия. В декабре 1959 года Н.С. Хрущев предложил окончательно ликвидировать все военно-медицинские учебные заведения, считая их «излишним «нагромождением», содержание которых обходится в три раза дороже, чем аналогичных гражданских» [4, л. 150]. К середине 1960-х гг. единственным военным учебным заведением в СССР для подготовки специалистов с медицинским образованиям стала Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова в городе Ленинграде. Задача подготовки военных врачей была возложена также на военно-медицинские факультеты при гражданских медицинских институтах [5; 6].

Практически полностью в 1950-х гг. была ликвидирована и система подготовки педагогических кадров для Вооруженных Сил. В 1953 году был расформирован Военно-педагогический институт Советской Армии, а в 1957 году прекратил свое существование и Высший военно-педагогический институт имени М.И. Калинина. В 1960 году Военный институт физической культуры был преобразован в Военный факультет при Государственном институте физической культуры имени П.Ф. Лесгафта.

Широкая программа строительства и развития в нашей стране в послевоенные годы новых подводных лодок, в том числе с атомными энергетическими установками, оснащенных ракетным оружием, выдвинула на одно из первых мест проблему подготовки высококвалифицированных кадров офицеров-подводников. Решение этой проблемы потребовало создание специальных высших военно-морских учебных заведений. Первым из них стало 1-е Балтийское высшее военно-морское училище, которое в мае 1954 года было преобразовано в 1-е Высшее военно-морское училище подводного плавания.

В тоже время упразднение в марте 1953 года Военно-морского министерства повлекло за собой реорганизацию учебных заведений, подчиненных данному ведомству. Несколько военных училищ были переданы в другие виды войск, а отдельные расформированы. К 1956 году осталось 12 военно-морских училищ, а к 1961 году предполагалось иметь пять высших военно-морских училищ (фактически продолжили свою деятельность девять) [7, с. 585; 8, с. 160]. На базе расформированного в 1960 году Балтийского высшего военно-морского училища (г. Калининград) были образованы Курсы офицерского состава запаса ВМФ. Это решение позволило сохранить учебно-материальную базу и костяк преподавательского состава учебного заведения. Военно-морское училище в Калининграде было вновь сформировано в 1967 году.

Вторая половина 1950-х годов характеризовалась активным поиском наиболее эффективной системы подготовки авиационных специалистов, способных успешно изучить и умело применять реактивную авиацию в условиях возможного использования ракетно-ядерного оружия. К этому времени подготовку авиационных кадров вели около 100 военно-учебных заведений [9, с. 291].

С 1956 года устанавливается единая система подготовки летных кадров. Летчики и штурманы для ВВС, ПВО и ВМФ готовились только в учебных заведениях военно-воздушных сил с общим сроком обучения три года. Навыки полетов на учебных самолетах курсанты приобретали в авиационных школах первоначального обучения, которые были преобразованы в училища. Дальнейшее их обучение проходило в военных авиационных училищах летчиков и штурманов [10, с. 5].

Поступление в ВВС ракетной техники со сложными комплексами автоматического и телеуправляемого оборудования потребовало повышения общенаучных, специальных и технических знаний авиационных кадров. Начиная с 1958 года, в учебных заведениях ВВС готовились специалисты широкого профиля, способные эксплуатировать самолеты и ракетное оружие. В целях повышения общенаучной и специальной подготовки курсантов срок обучения в Рижском, Харьковском и Киевском высших инженерных училищ увеличился до пяти лет. При Харьковском училище был создан электротехнический факультет.

Быстрое развитие авиационной техники

требовало дальнейшего совершенствования системы подготовки авиационных кадров. С 1959 года военно-авиационные училища летчиков и штурманов преобразовывались в высшие военно-авиационные училища летчиков (ВВАУЛ) и штурманов (ВВАУШ) с четырехлетним сроком обучения. Теперь в них было сосредоточенно и первоначальное обучение курсантов, а военно-авиационные училища первоначального обучения были расформированы. Выпускникам этих училищ вручались дипломы общесоюзного образца о высшем образовании с присвоением квалификации летчик-инженер, штурман-инженер [9, с. 290–295].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1960 года и во исполнение постановления Совета Министров СССР от 31 марта 1960 года «О сокращении численности и реорганизации военно-учебных заведений Министерства обороны» были расформированы семь авиационных училищ летчиков, а также Центральные летно-технические курсы усовершенствования офицерского состава. Часть военных авиационных училищ были переданы в состав Главного управления гражданского воздушного флота при Совете Министров СССР. Образование гражданских учебных заведений позволило частично решить вопрос трудоустройства уволенных с военной службы военнослужащих[11, с. 406]. В конце 1950-х годов уменьшились выпуски из летных училищ. В течение нескольких лет большая часть выпускников по окончании авиационных вузов увольнялась в запас, не отслужив и минимальных сроков в офицерских званиях. Всего к середине 1960-х гг. подготовку офицерских кадров для Военно-Воздушных Сил осуществляли 20 военных училищ различного типа [6, с. 105; 12, с. 218; 13].

Непоследовательность в вопросе определения потребного количества летных и технических кадров для ВВС привела к тому, что во второй половине 1960-х годов стала остро ощущаться нехватка авиационных специалистов. Для решения этой проблемы на службу в ВВС на офицерских должностях из запаса на 2 года стали призывать соответствующих специалистов. Кроме того в 1966 году были сформированы Барнаульское высшее военное авиационное училище летчиков и Ворошиловградское высшее военное авиационное училище штурманов [10, с. 6]. Также были восстановлены некоторые из ранее расформированных военных училищ. Так, например, в 1966 году было восстановлено Пермское военное авиационное техническое училище, которое было расформировано в 1960 году [14, с. 2].

В первой половине 1950-х гг. остро встал вопрос подготовки летчиков для вертолетной авиации. История системы подготовки кадров для военной вертолетной авиации началась с 26-й отдельной учебно-тренировочной авиационной эскадрильи ВВС в г. Серпухов. Позднее подготовка специалистов для военной вертолетной авиации была организована в учебных центрах в подмосковном поселке Теплый Стан и в городе Торжок.

В 1953 году подготовка летчиков военной вертолетной авиации была поручена Пугачевскому авиационному училищу. С 18 мая 1953 года в училище было начато экспериментальное обучение курсантов на вертолете Ми-4, а уже в ноябре 1954 года был произведен первый выпуск летчиков на вертолете Ми-4 в количестве 77 человек. В 1960 году училище было перебазировано из города Пугачев в город Сызрань, где функционирует и поныне. Всего с 1954 по 1964 год в Сызранском авиационном училище было подготовлено 1611 военных вертолетчиков [15, с. 72, 77].

На рубеже 1950–1960 гг. в кратчайшие сроки была создана сеть военно-учебных заведений для подготовки офицеров-ракетчиков. Первое военное училище, предназначенное для подготовки специалистов по эксплуатации ракетной техники было открыто в августе 1953 года на полигоне Капустин Яр. В 1954 году оно было передислоцировано в город Камышин Сталинградской области, как Камышинское артиллерийское техническое училище.

До 1959 года подготовка специалистов для ракетных частей велась также в артиллерийской академии имени Ф.Э. Дзержинского, Ростовском и Рижском высших артиллерийских инженерных училищах. После образования в декабре 1959 года Ракетных войск стратегического назначения в их состав последовательно передаются Харьковское высшее авиационно-инженерное военное училище, Саратовское танковое училище, Казанское танковое техническое училище, Хабаровское артиллерийское училище, Серпуховское, Вольское и Пермское военные авиационные училища. В 1962 году с целью подготовки офицеров-связистов для работы на основных средствах связи, применяемых в ракетных войсках, было сформировано Ставропольское военное училище связи [16, с. 57; 17].

В 1962 году Казанское, Саратовское, Серпуховское, Пермское и Харьковское военные училища были преобразованы в высшие командно-инженерные училища и начали подготовку инженеров-ракетчиков с четырехгодичным сроком обучения. В это же время Вольское, Камышинское и Хабаровское училища были преобразованы в командно-технические училища со сроком обучения три года.

Для ускорения подготовки офицеров в военных училищах РВСН в 1961–1963 годах практиковались одногодичные курсы и система экстерната.

К 1 января 1963 года за счет выпускников военных училищ, офицеров других видов Вооруженных сил, офицеров запаса укомплектованность РВСН офицерскими кадрами составила 95 % [16, с. 57].

Особое внимание в 1950-х годах уделялось подготовке специалистов для частей обеспечивающих правильное хранение и эксплуатацию ядерного оружия. К 1954 году их подготовка велась на полугодичных курсах в четырех Учебных центрах. Радикальному повышению квалификации офицеров, эксплуатирующих ядерное оружие, контролирующих его разработку и производство, способствовала начавшаяся подготовка таких специалистов в военной академии им. Ф.Э. Дзержинского. Первый выпуск специалистов по ядерному вооружению был осуществлен в 1958 году [18, с. 57–59].

Развитие системы военно-учебных заведений войск Противовоздушной обороны (войск ПВО страны) началось еще в конце 1940-х – начале 1950-х годов практически одновременно с поступлением в войска принципиально новых образцов военной техники – зенитных ракетных комплексов и радиолокационного оборудования [1, с. 64]. Всего к 1955 году подготовка командных кадров для войск ПВО страны велась в двух высших военных училищах и 11 средних училищах. Кроме этого специалистов для Войск ПВО страны готовили академии других видов Вооруженных Сил. Переподготовку и повышение квалификации офицеров, в том числе и призванных из запаса, осуществляли Центральные Краснознаменные курсы усовершенствования офицерского состава и годичные курсы при училищах.

В 1956 году для подготовки офицеров с высшим военным образованием была сформирована Калининская военно-командная академия войск ПВО, занятия в которой начались с 1 марта 1957 года. Первый выпуск офицеров из академии прошел уже через год – в апреле 1958 года [19, с. 89].

Существенные отличия способов боевого применения новых типов самолетов ПВО обусловило необходимость создания специального военно-учебного заведения для подготовки летчиков для истребителей-перехватчиков. Согласно Постановления Совета Министров СССР от 31 марта 1960 года, Армавирское военное авиационное училище летчиков было переведено из состава ВВС в состав Войск ПВО страны и преобразовано в высшее военное авиационное училище летчиков. Также с марта 1960 года в состав Войск ПВО страны перешло Двинское военное авиационное радиотехническое училище [11, с. 405].

Интенсивное развитие в 1954–1959 гг. ракетного оружия различного назначения резко изменило и систему подготовки кадров для артиллерии (с 1961 года преобразованную в ракетные войска и артиллерию).

Специалистов для переданных в состав Сухопутных войск инженерных бригад РВГК, вооруженных оперативно-тактическими ракетными комплексами, до создания РВСН готовили Ростовское высшее артиллерийское инженерное училище и Камышинское артиллерийское техническое училище. С 1957 года инженерно-технические кадры для ракетных войск стали готовить перепрофилированные артиллерийские училища – Ленинградское высшее инженерное и Сумское техническое.

С 1958 года командно-технический состав тяжелой реактивной артиллерии (так именовались первые тактические ракетные комплексы «Марс» и «Филин») готовили три артиллерийских училища – Сумское, Томское (бывшее зенитное) и Тульское (бывшее оружейно-техническое).

Начало 1960-х гг. характеризовалось резким сокращением артиллерийских военных учебных заведений, которое происходило на фоне повышенного внимания высшего государственного и военного руководства к ракетным войскам. Если в 1949 году командные кадры для наземной артиллерии готовили 11 училищ, то к 1963 году их осталось три – Ленинградское, Одесское, Тбилисское.

В 1960 году Военная артиллерийская академия была объединена с Ленинградским высшим артиллерийским инженерным училищем и начала готовить специалистов командно-штабного и инженерного профилей [20, с. 13–14].

С 1954 года значительные изменения

произошли в подготовке младших офицеров для инженерных войск. Командиры взводов готовились в Московском и Ленинградском военно-инженерных училищах, на годичных курсах лейтенантов при окружных инженерных частях и центральных курсах при Военно-инженерной академии.

В 1957 году создается Тюменское военно-инженерное училище для подготовки командиров взводов по инженерно-саперной, понтонно-мостовой и переправочно-десантной специальностям. В 1960 году Московское военно-инженерное училище, которое размещалось в г. Калининграде Московской области, закрывается, а Ленинградское училище переводится на его базу [21, с. 237–242].

Появление новых средств борьбы, оснащение войск новой боевой техникой, совершенствование средств управления вызвало необходимость и реорганизации системы подготовки офицеров для самого многочисленного рода войск – мотострелковых. В июне 1958 года одним из первых в стране преобразуется в высшее общевойсковое командное училище с четырехлетним сроком обучения Московское военное училище имени Верховного Совета РСФСР. Всего к середине 1960-х гг. подготовку офицеров для мотострелковых войск осуществляли восемь высших военных общевойсковых командных училищ.

В 1959 году в состав Рязанского высшего общевойскового командного Краснознаменного училища было включено Алма-Атинское военно-парашютное училище, а в марте 1964 года Рязанское высшее общевойсковое командное Краснознаменное училище было преобразовано в Рязанское высшее воздушно-десантное командное Краснознаменное училище и начало подготовку офицеров для воздушно-десантных войск.

Позднее на четырехгодичный срок подготовки военных специалистов переводятся и танковые училища. Выпускникам после успешного окончания учебы выдавался диплом об инженерном образовании общегосударственного образца [22, с. 49–50].

В 1950–1960-х гг. существенные изменения произошли в системе подготовительных военных учебных заведений, предназначенных для подготовки подростков к поступлению в военные училища. Звучали и предложения политического и военного руководства о полной ликвидации «суворовских и других училищ подобного рода» [4, л. 41–42, 59–60, 95, 162]. В итоге из 77 подготовительных учебных заведений различного типа, существовавших в Советском Союзе в 1945 году, к 1969 году осталось всего 10. В оставшихся училищах были существенно сокращены сроки обучения и порядок комплектования [3, с. 291, 295, 299; 23; 24; 25; 26; 27, с. 30].

Одним из предложений Н.С. Хрущева по дальнейшему развитию Вооруженных Сил СССР, изложенным в его записке от 8 декабря 1959 года, стало коренное переустройство системы подготовки офицерских кадров: «Необходимо, конечно, будет пересмотреть и систему военных учебных заведений (их профиль и количество). Может быть, если мы перейдем на новую систему (имеется в виду территориальная система комплектования Вооруженных Сил СССР), следует организовать и такие военные учебные заведения, в которых вести подготовку офицерских кадров без отрыва от производства» [28, л. 12].

На совещании в ЦК КПСС 18 декабря 1959 года он вновь озвучил свои замыслы по реформированию системы подготовки офицерских кадров: «А если мы, например, будем готовить лейтенантов из инженеров. Он прослужит 5 лет и возвращается в промышленность инженером. Мы можем это сделать» [4, л. 58].

Предложения Н.С. Хрущева были поддержаны многими военачальниками, присутствовавшими на совещании. Например, генерал армии Ф.И. Голиков в своем выступлении отметил: «При богатстве, разнообразии и повсеместном наличии по стране гражданских вузов и техникумов мы имеем полную возможность решительно перестроить всю систему подготовки необходимых для вооруженных сил офицерских кадров. Исключение, может быть, потребуется для подготовки подводников, для особо сложных новейших типов самолетов, и тех специалистов, которых нигде не готовят по гражданской линии» [4, л. 94]. Поддержали Н.С. Хрущева также Маршалы Советского Союза С.С. Бирюзов и М.В. Захаров [4, л. 182, 215; 29, л. 15].

Маршал Советского Союза А.А. Гречко доложил об успешном апробировании новой системы подготовки для укомплектования инженерными кадрами ракетных частей [4, л. 59].

Перспективная система обучения офицеров позволила бы значительно сократить количество военных учебных заведений и повысить уровень общей подготовки военнослужащих. Однако замыслы руководства страны были реализованы лишь частично.

Важным элементом подготовки офицерских кадров стали военные кафедры гражданских учебных заведений. Например, для инженерных войск к концу 1960-х гг. подготовку специалистов осуществляли в 30 вузах по командному и инженерному профилю [21, с. 242].

Значительные изменения в начале 1960-х гг. претерпела система обучения солдат и сержантов срочной службы. На уже упомянутом совещании 18 декабря 1959 года в ЦК КПСС несколько выступающих предложили изменить подходы к подготовке младших командиров для Советской Армии [4, л. 86–87].

Существующая система подготовки младших специалистов и младших командиров предусматривала их обучение непосредственно в частях, в которых они проходили службу, новая же система предполагала сосредоточить их подготовку в специально сформированных (переформированных) учебных дивизиях. Учебные подразделения в частях при этом подлежали расформированию.

В 1960 году в каждом военном округе началось формирование учебных мотострелковых и танковых дивизий (в Сибирском и Забайкальском военных округах были сформированы учебные полки) [30, с. 39]. Школы центрального подчинения, в которых переменный состав и раньше содержался по штату, сохранились в прежнем составе. Такие школы были предназначены для подготовки военнослужащих специальных войск (инженерных, связи, автомобильных и т.п.). Например, для инженерных войск младших специалистов готовили 16-я школа подготовки специалистов плавающих машин и 20-я школа подготовки младших специалистов инженерных машин [21, с. 242]. Для подготовки специалистов воздушно-десантных войск была сформирована 44-я учебная воздушно-десантная дивизия [31, с. 181].

Подготовка сержантов и младших специалистов в полковых школах и учебных подразделениях в условиях поступления на вооружение сложной техники уже не могла обеспечить должного качества, была экономически нецелесообразна и к тому же проводилась за счет численности войск. В результате части и подразделения постоянно находились в некомплекте, что крайне отрицательно сказывалось на их боевой учебе и повседневной деятельности.

По всей видимости, создание учебных дивизий и активизация работы ДОССАФ были подготовительным этапом для перехода на территориальный принцип комплектования Вооруженных Сил СССР. В частности на совещании 18 декабря 1959 года командующий войсками Прикарпатского военного округа генерал А.Л. Гетман, поддерживая предложения Н.С. Хрущева, заявил: «Я считаю, что надо иметь определенное количество дивизий постоянной готовности такими как у нас сейчас 8-10 тысячные дивизии, пересмотрев их организационную структуру в сторону облегчения, уменьшения численности. Но нужно их иметь с тем, чтобы там, где нужно, сразу можно было с этими дивизиями выступить. Что касается остальных дивизий, то надо иметь дивизионные учебные центры по территориальному принципу. Ввиду сложности современной техники и, следовательно, ее изучения первоначально нужно будет обучать 6 месяцев или 10 месяцев в этих учебных центрах, а усовершенствования в последующие годы без отрыва от производства проводить по линии военных комиссариатов, при ДОСААФах» [4, л. 239–240].

Создание учебных частей позволило сосредоточить в них лучшую учебную материально-техническую базу, что позволило значительно повысить качество подготовки сержантов и младших специалистов. В практику обучения стали шире и быстрее внедряться достижения научно-технического прогресса и передовые методики. Необходимые корректировки были внесены в организацию боевой подготовки подразделений.

Однако, существенным фактором, снижавшим качество подготовки сержантов и младших специалистов, стало то, что командование воинских частей лишилось возможности проводить предварительный отбор и проверку будущих сержантов в войсках, как это было раньше, и лишь затем направлять их в учебные части.

В новых условиях от органов комплектования и военных комиссариатов требовалось изменить подход к подготовке специалистов путем внедрения в практику распределения призывных контингентов методов профессионального отбора, смысл которого заключался в том, чтобы перед обучением или назначением на определенную должность выявить возможности каждого человека, его психологические и психофизиологические способности к овладению той или иной военной специальности и в конечном итоге спрогнозировать эффективность последующей военной службы на определенной должности. К сожалению, как показала практика, полноценно наладить этот процесс

так и не удалось [30, с. 38; 32, с. 149–151].

Окончательно система подготовки кадров для Вооруженных сил СССР сложилась лишь к концу 1960-х гг. уже после отставки Н.С. Хрущева. 12 октября 1967 года на сессии Верховного Совета СССР был утвержден Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности», в который была включена специальная глава, определяющая задачи по подготовке молодежи к службе в Вооруженных Силах СССР еще до призыва. Ранее эти задачи сводились к приписке юношей к призывным участкам, а затем и призыву и направлению их в войска. Теперь же предусматривался более широкий круг мероприятий по подготовке молодежи к военной службе. Вводилась плановая система начальной военной подготовки. Она рассматривалась как общегосударственная задача, имеющая целью обеспечить быстрый ввод в строй молодых воинов. Ее осуществление возлагалось не только на органы Министерства обороны СССР, но и на многие другие ведомства, в том числе школы и общественные организации. Такая подготовка позволяла дать молодежи знания и навыки, чтобы, будучи призванными в Вооруженные Силы, юноши смогли в короткие сроки овладеть современным оружием и военной техникой. В основном подготовка специалистов в интересах армии и флота осуществлялась в учебных организациях ДОСААФ и в учебных заведениях профессионального обучения. Она организовывалась в зависимости от условий либо без отрыва от производства, либо на сборах в осенне-зимний период [1, с. 153–155].

На совещании 18 декабря 1959 года сразу несколько выступающих (среди них были Маршал Советского Союза В.И. Чуйков и генерал армии К.Н. Галицкий) высказались за сокращение сроков военной службы солдат и сержантов до двух лет (на флоте – до трех лет). Предложения военачальников поддержал Н.С. Хрущев, однако реализованы предложения были только в 1967 году после принятия Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» [4, л. 86, 211, 269].

Таким образом, в развитии **системы обучения и военного образования** Вооруженных Сил СССР в **1953–1964 гг.** четко прослеживается два этапа. В ходе первого из них – 1953–1959 гг. осуществлялось планомерное развитие системы военного образования на фоне разворачивающейся революции в военном деле. Значимыми событиями данного этапа стало создание военных учебных заведений для подготовки офицеров-ракетчиков, летчиков вертолетной авиации, обслуживающего персонала атомных энергетических установок подводных лодок и ядерных боеприпасов. В тоже время целые направления военного образования (прежде всего по тыловым специальностям) были фактически ликвидированы.

Новый этап в развитии **системы обучения и военного образования,** как и всех Вооруженных Сил СССР, обозначился в 1960 году. Однако, наряду со многими другими замыслами, переход на новую систему военного образования, основанную на практически полном перепоручении подготовки будущих офицеров гражданским учебным заведениям с дальнейшей доподготовкой в немногочисленных учебных заведениях Министерства обороны СССР, не был осуществлен.

В тоже время, в начале 1960-х гг., были поспешно ликвидированы десятки военных училищ. Непоследовательность в вопросе определения потребного количества офицеров привела к тому, что во второй половине 1960-х годов во многих частях стала остро ощущаться их нехватка. Летом 1962 года Главное управление кадров предложило решить эту проблему путем временного назначения на офицерские должности сержантов и старшин срочной и сверхсрочной службы [33]. Позднее были разработаны программы подготовки офицеров из солдат-срочников [34]. В 1961–1965 гг. в целом ряде военных училищ были созданы курсы по подготовке младших лейтенантов. Первоначально был установлен шестимесячный срок обучения, который в последующей был увеличен до одного года [22, с. 49–50]. Широкую практику получил и призыв офицеров из запаса.

Успешным можно признать создание новой системы обучения младших военных специалистов и командиров – учебных дивизий, которое являлось, по всей видимости, подготовительным этапом для перехода на территориальный принцип комплектования Вооруженных Сил СССР. Замыслы Н.С. Хрущева по изменению системы комплектования не были реализованы, а после принятия закона «О всеобщей воинской обязанности» в 1967 году был закреплен кадровый принцип комплектования Вооруженных Сил СССР, и возможность перехода на территориальную систему была окончательно отвергнута.

Список литературы

1. Бабаков А.А. Вооруженные Силы СССР после войны (1945–1986 гг.): История строительства. М.: Воениздат, 1987. 287 с.

2. Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в СССР (1917–1984 гг.). Новосибирск: НВВПУ, 1991. 261 с.

3. Сокращение Вооруженных Сил СССР в середине 50-х годов // Военные архивы России. 1993. № 1. С. 271–308.

4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 165. Д. 153.

5. Потапов Р. Погоны курсантов Военно-Морской Медицинской Академии. 1940–1956 гг. // Петербургский коллекционер. 2014. № 5. С. 88–91.

6. Сорокин А.В. Погоны обр. 1969 г. курсантов военно-учебных заведений Вооруженных Сил СССР // Петербургский коллекционер. 2015. № 2. С. 102–106.

7. Еремин В.П., Закорин Н.Д., Кобзев В.П., Махров Н.В. Военно-морское образование в России. СПб.: Наука, 2000. 640 с.

8. Костев Г.Г. Военно-морской Флот страны (1945–1995). Взлеты и падения. СПб.: Наука, 1999. 621 с.

9. Воздушная мощь Родины / Под ред. Л.Л. Батехина. М.: Воениздат, 1988. 432 с.

10. Бобров М.А., Сероштанов Г.Н. Совершенствование подготовки авиационных кадров в 1945-1990 гг. // Военно-исторический журнал. 2013. № 2. С. 3–9.

11. Карташов А.В. История подготовки военных авиационных специалистов в России (1910–1991).: дис. … докт. ист. наук. Пятигорск, 2012. 612 с.

12. Военно-воздушные силы России: Неизвестные документы (1931–1967 гг.) / Архив Президента Российской Федерации / Сост. Михайлов В.С., Морозов Д.А. М.: Изд. Дом «Вестник Воздушного Флота», 2003. 316 с.

13. Камков И.А., Конопляник В.М. Военные академии и училища. Справочник для поступающих в военные учебные заведения. М.: Воениздат, 1974. 368 с.

14. Пермское военное авиационное техническое училище. Пермь: ПВАТУ, 1998. 24 с.

15. Уколов В.Г. Военная вертолетная авиация СССР (1950-е–1991 гг.): дисс. … канд. ист. наук. Самара, 2007. 205 с.

16. Ракетный щит Отечества / Под ред. В.Н. Яковлева. М., 1999. 246 с.

17. Углов В.И. Первопроходцы отечественного военно-ракетного образования // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 43–48.

18. Рожденные атомной эрой. 12 Главное управление Министерства обороны Российской Федерации: опыт создания и развития / Под ред. И.Н. Волынкина. М., 2002. 416 с.

19. Лашков А.Ю., Галатюк В.Л. 100-летие противовоздушной обороны России. 1914–2014 гг. в 2 т. М.: Фонд «Русские витязи», 2014. Т. 2. 600 с.

20. Барабанов А.М. Развитие системы подготовки кадров ракетных войск и артиллерии сухопутных войск во второй половине XX века // Военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 12–15.

21. Письменский А.Г. История военно-инженерного образования сухопутных войск России: Монография. М.: Изд-во СГУ, 2012. 486 с.

22. Сливин Т.С., Тананайко В.В. Военно-учебные заведения СССР в послевоенные годы // Мир образования – образование в мире. 2015. № 1. С. 48–51.

23. Степанов А.Б. Военно-морские подготовительные училища. 1943–1951 // Старый Цейхгауз. 2010. № 1 (33). С. 64–69.

24. Карпов Е.А. Артиллерийские подготовительные училища (1946–1955 гг.): организация, кадры, деятельность // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4 (53). С. 47–53.

25. Петров О. Суворовские военные училища войск НКВД (МВД) СССР (1943–1960 гг.) // Петербургский коллекционер. № 5 (55). С. 62–63.

26. Кунц Н.З., Владимиров А.И. Становление и развитие суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ // Военный академический журнал. 2015. № 3 (7). С. 49–61.

27. Бученков П.А. Суворовское военное. М.: Воениздат, 1981. 94 с.

28. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 12. Д. 613.

29. Российский государственный военный архив. Ф. 41143. Оп. 1. Д. 70.

30. Градосельский В.В. Законодательное обеспечение комплектования Вооруженных Сил СССР // Военно-исторический журнал. 2004. № 12. С. 35–39.

31. Алехин Р.В. Воздушно-десантные войска: история российского десанта. М.: Эксмо, 2009. 411 с.

32. Дроговоз И.Г. Танковый меч страны Советов. М.: АСТ, 2001. 480 с.

33. Рубан А.Ф. Погоны вице-лейтенантов Советской Армии // Сержант. 2011. № 1 (47). С. 23.

34. Программа подготовки командиров радио-, радиорелейных, телеграфных и телефонных взводов из солдат имеющих высшее образование. М.: Воениздат, 1965. 85 с.

Об авторе

Соловьев Рустам Арсланович – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, solorus@mail.ru

УДК 908

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЧЕРТ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Тинякова Е.А.

Исследование посвящено раскрытию влияния исторического процесса на содержание и формы русской народной традиционной культуры. В качестве иллюстративного материала были взяты исторические источники, в том числе архивные, по Курской губернии. Автор просматривает влияние крепостного права на традиционную культуру, а также его отмены и переход крестьянской культуры в городскую. С другой стороны представленное исследование позволяет видеть исторически повествовательный контекст русской народной традиционной культуры.
Ключевые слова: исторический процесс, традиционная культура, обычаи, обряды, фольклор, крепостное право, отмена, революционность, общинность, историческая повествовательность.

HISTORICAL DEPENDENCE OF RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE (ON THE MATERIALS OF KURSK GUBERNIA)

Tinyakova E.A.

The research is devoted to the influence of historic process on the content and forms of Russian traditional culture. Historical sources and archive materials about Kursk gubernia serve as illustrative examples. The author analyses the influence of serfdom on traditional culture, its cancelling and transition of peasants' culture into towns and cities. On the other side the researcher urges to see the historical narrative context of Russian traditional culture.
Keywords: historical process, traditional culture, customs, traditions, folklore, serfdom, cancelling serfdom, revolutionary, commune mentality, historical narration.

В русской народной традиционной культуре два духовных ориентира–с одной стороны героика, удаль, мужество и отвага, а с другой стороны–всевозможные негативные проявления души человека, порожденные жестокостями текущей жизни, например в обрядовом цикле это проявляется в бесчинстве и грубых формах [4].

Для рассуждений о влиянии крепостного права на русскую народную традиционную культуру не менее важно понимание причин его появления [9]. В далекие дохристианские времена славяне селились в «диком поле»–так назывались незаселенные земли. Земледелие было основным видом хозяйственной деятельности, для выживания необходимо было единение, но неравенство в то далекое время было мягкого характера [8], как отмечают историки. С точки зрения народной традиционной культуры это время падает на былинный период фольклора. Лаппо-Данилевский А.С. делает вывод, что свободный человек превратился в крепостного в XVI-XVII веках [6]. Крепостное ярмо стало жестоким испытанием для крестьян. «Русский крепостной крестьянин вырождался. В последние десятилетия перед освобождением естественный прирост крепостного населения приостановился. Во многих местах выродился и его физический тип, могучая физическая сила, отвага, сметка, лукавая свободная речь, которая так типична для былинного богатыря крестьянства Микулы Селяниновича, все это сгинуло, все это стерлось под тяжелой пятой крепостного дворянства» [8]. Уже за 100 лет до реформы рост удельного веса крепостного населения остановился, а с 1782 года началось его падение [10;11].

К началу XX века крестьяне имели предельно малый доступ к образованию и уровень грамотности был значительно ниже по сравнению с ситуацией в Европе. Русская традиционная культура существовала почти три века на устной традиции передачи жизненного опыта, который отбирал темы мудрости жизни [3;13]: организация труда и его качество, отношения людей в резкой полярности–осуждение лжи и других пороков и прославление удали, смекалки. Разрыв между «верхом» и «низом» этнографического содержания русского народа выразился в грубых вариантах критичности простого народа по отношению к социальным верхам: культурная и материально-предметная грубость были формой протеста, и эта черта глубоко вошла в плоть русского народа. Понятие о поддержании, воспроизведении и ориентации простого русского народа, крестьянства, на духовно совершенный слой общества практически не существовал в массовом масштабе. Письменность крестьянства была в зачаточном состоянии, но устная традиция развивалась и показывала интеллектуальное развитие крестьян [3;8].Устная традиция имела строгий отбор того, что было

приемлемо для жизни и должно было сохраниться как способ адаптации к жизненным условиям, поэтому устная традиция выкристализовывала народную мудрость.

Слишком низкие социально-экономические стандарты крепостной зависимости были одной из причин неудержимо возросшей революционной ситуации в России. Когда нет возможности разработать продуманную социально-переустроительную теорию, то накал желания все сокрушить приобретает гигантские размеры [16; 17]. Созревшее недовольство в среде простого народа было настолько бурным, что стало уничтожать под корень все подряд без разбора. Это относится к крестьянским восстаниям, локальным бунтам, беспорядкам после отмены крепостного права. Хотя, как ни странно, в русских народных сказках не отразилась волна народного возмущения, направленная на реконструкцию общества. Самой критичной формой русской традиционной культуры был кукольный театр Петрушки, но он был запрещен цензурой к концу 19 века. Из всех составных частей фольклора песни больше всего насыщены темой переустройства общества, так как из всех компонентов фольклора они несут в себе наибольший организующий заряд [18]. И в дальнейшем только в песенном фольклоре появился историко-революционный жанр.

Тяжелой, безотрадной была жизнь крепостного крестьянина. Черноземный центр был оплотом крепостного права в России. Здесь было сосредоточено около четверти всех помещиков и почти пятая часть крепостных России. В руках у 23728 помещиков находилось 1867313 крестьян [7]. Крупнопоместными были помещики, имевшие 100-630 душ мужского пола из крестьян. Самые крупные помещики были: граф Д.Н. Шереметьев (27368 крепостных крестьян), князь В.И.Барятинский (11042 душ), князь Н.Б. Юсупов (8002 душ), граф А.Н. Толстой (6979 душ). У мелкопоместных помещиков было менее 21 душ крепостных, некоторые имели 1-2. В 1862 году мелкопоместных помещиков было 3134 землевладельца, все они в сумме имели 22711 крестьян (в среднем по 7 душ крепостных), то есть меньше, чем Д.Н. Шереметьев [1]. Доля помещечьей запашки превосходила долю крестьянской в соотношении 2,4 или 2, 3; она составляла 51% общего количества земли в дворянских имениях, причем это были лучшие земли. Иногда у крестьян было менее 1 десятины. В 1860 году в 630 имениях с числом крепостных свыше 100 дущ было 2234 безземельных [13]. Крестьянам давали худщую землю: песчаную, глинистую,овраги, косогоры, рытвины, с кустарниками, низменности склонные к болотистости. Из-за этого были конфликты помещиков с крестьянами. Например, в деревне Мухино Фатежского уезда у помещика Болычева, в селе Кудиново Льговского уезда у помещицы Е.А.Ржевской [1]. Все лучшие сенокосы находились в руках помещиков, леса принадлежали помещикам, а кустарник отдавали крестьянам. Гнет крестьян заключался в следующих мерах: крестьян лишали лучших усадебных земель, прогонов для скота или взимали за это штраф, затрудняли доступ к водопоям, прудам, земли крестьян были либо разбросаны, либо далеки от дворов, помещики могли переселять целые усадьбы для построения дороги или в случае обнаружения в недрах каких-либо ценных природных запасов. Крестьяне иногда подавали жалобу за насильственное переселение. Например, были жалобы на помещицу М. Сорокину и Е. Веревкину в деревне Добрый Колодезь Тимского уезда [1]. Приведенные на примере Курской губернии условия жизни не позволяли эстетизировать народную традиционную культуру и жизнь в целом. Однако разница между «верхом и низом» пространства народной традиционной культуры в материальной плане и словесном была неодинаковой. В материальной традиционной культуре предметы быта, крестьянского труда, одежда были пригодны для использования в жизни, но максимально простыми, лишены всяких эстетических черт для обыденного употребления. Народный костюм, предметы народных промыслов были очень эстетически привлекательны у крестьян, помещики которых поощряли, и сами крестьяне вели более или менее достойный уровень жизни [12]. Праздничный народный костюм был эстетическим фокусом и апогеем красоты в традиционной культуре. Однако словесная культура, устное творчество и песенное [5; 14], несли привлекательные эстетические черты, в ней не просматривалось противопоставление крестьян по материальному положению, более того эта часть традиционной культуры получала хорошую оценку среди дворян [2]. По своей философской мудрости песенный и словесный фольклор имеют непреходящую историческую ценность. Именно эта черта дала народной культуре твердую традиционную стабильность.

Обратим внимание на такую черту крестьянского менталитета как общинность, которая помогала в минуты крепостного права, а потом помогала ему выйти из рабской зависимости от помещиков. «Общинное землевладение в

России есть факт, выражающий такое отношение человека к земле, какого не существует вообще в остальном цивилизационном мире» [9]. Общинность определяла трудовую деятельность и семейную, одним словом быт в целом. В общине все было взаимосвязано, законы жизни в общине давали естественные права на дары природы. Однако как отмечает В.А.Панаев, бедность в России не от общинной формы жизни, а от необразованности, автор добавит–социальной зажатости, которая не позволяла крестьянину совершенствоваться в трудовом и культурном плане. В Малороссии и на юго-западе России принцип общинного землевладения был слабее выражен, чем в Великороссии. Ближе к Украине люди более склонны к хуторскому, индивидуальному хозяйству. Общинность давала крестьянину такие моральные черты: взаимопомощь, взаимоподдержка, повышение социальности в отношениях, так как и в труде, и в празднике члены общины всегда были вместе. Сущность русской традиционной культуры–в ее общинности (между прочим, коллективность русского менталитета довольно сильная социально-историческая черта, и она передается через историю, но безусловно трансформируется; однако этот вопрос заслуживает отдельного исследования и другой статьи). Каноничность, сохранность традиционной культуры обязана именно общинности менталитета крестьянина.

Гнет помещиков во времена крепостного права практически отбирал у крестьян проявление личности [9; 10]. В 1758 году в селе Сморо-динном Курской губернии крестьяне за бунт были частью повешаны, биты кнутом, наказаны рванием ноздрей, сосланы на каторгу. Жизненные трудности и жестокости дали довольно обширный пласт трагической темы в народной культуре. Это жанр оплакивания умерших. Трагично проявляемая скорбь была нацелена на сильное воздействие на душу скорбящих: причиняя душевную боль себе, скорбящие как бы заглушают тоску по ушедшему из жизни (это кстати сказать самый архаичный тип скорби). В плане традиционной культуры похоронный обряд имел мало черт, которые служили бы объединению скорбящих по умершему. Большой информационный блок русской традиционной культуры составляли плачи матерей о сыновьях, отданных на солдатскую службу.

Грубое жестокое отношение плодило ответное искажение души крестьян. И это послужило формированию черт грубости. В Курском областном архиве в рукописных фондах хранятся жалобы крестьян на жестоких помещиков. Некоторые жалобы были рассмотрены и приняты меры, но они были незначительны в обширном жестоком пространстве крепостного права.Исследователи курских народных песен П. Бульбанюк и П. Лебедев отмечали довольно значительный пласт «сатанинских» и «бесовских песен» [5]. Невозможность противостояния жестокости крепостного права проявлялась и в обрядовой форме русской традиционной культуры. В народном календаре Курского края есть такой обрядовый праздник Абала 28 июня. В этот день запрягали вдову в соху, опахивали деревню, били в заслонки, бегали вокруг села, ломали палки, кричали диким голосом. Бесчинства в Петров день проявлялись в следующем: воровали домашнюю утварь с плетней, лестницы с подворий, кошели, грабли, метлы, забрасывали колеса, бочки, топоры, ведра на крышу изб, затыкали тряпками трубу, перепутывали дорогу нитками, стучали в окна ночью, пугали собак, выпускали коров, овец из хлева. Ритуалы бесчинства, проявлявшиеся в разбрасывании, воровстве, разрушении, относились к защитным, охранительным, очистительным [4]. И проявившиеся в дальнейшем разрушительные действия во время революции 1917 года были «оттренированы» в выражении недовольства народа под наиболее жестким ярмом крепостного права.

Зло в русском народе всегда гуляло бесшабашно. Согласно русской мифологии, ведьмы устраивали свои сборища трижды в году: во время встречи весны, в ночь на Ивана Купалу и в Зимние святки. «Ведьмы предаются дикому разгулу, любовным наслаждениям, объедаются и пьянствуют, поют и пляшут под звуки нестройной музыки» [19]. Думается, справедливо можно отметить, что в негативном проявлении национального менталитета присутствует «мифология ведьм». С другой стороны, в традиционной культуре крик, буйство выполняли защитные функции. На праздник Коляды в целях отпугивания вредоносных сил люди бегали с криком и шумом, ударяя в бубны, тазы. В сказках можно встретить эпизоды о буйстве Домового, когда он сердится. По народным преданиям рассерженный Домовой своим беспорядком и шумом может выживать людей из дома. Однако буйство Домового–это ответ на отступление от нравственных норм жизни в семье. Фольклорные образы тоже поддерживали моральные нормы, были своеобразным воплощением запретов. Ки-

кимора–еще один вредоносный персонаж традиционной культуры. Своими злыми шалостями она символизирует вредность и злобу повседневной жизни.

Другим последствием жестокости крепостного права в русской народной традиционной культуре было нарастание мистики в трактовке жизни. Некоторые действия запрещались, так как боялись, что «защекочит русалка». При виде летящего стада диких гусей надо было положить пучок соломы в гнездо сидящей на яйцах птицы для хорошего выводка. Если дождь размывал много канавок, то по народному поверью это предсказывало, что будет много покойников. Кукушка по поверью куковала к несчастью, а соловей–к радости. Смотрение в зеркало при приеме пищи могло «съесть» красоту. По мистическим поверьям нельзя разгонять гнездо ласточки. Можно привести еще много народных поверий, базирующихся на мистике, совершенно необъяснимых, большинство из них сохранялось в устной традиции, а позже переродились в игровые действия. Появление таких как бы нелогичных в объяснении действий, но стабильно удерживавшихся традицией, понятно с точки зреяния психологии: упор на непонятное действие блокировал тревогу.

Курская губерния отличалась черноземьем, землей высокой плодородности и считалась самой «распаханной» в России, она была также оплотом барщины, которая соединялась с оброком. Оброк имел место в крупных имениях, так как помещики находились в больших городах на государственной службе. В Курской губернии ¼ крестьян была на оброке, но оброк был наименьший по сравнению с другими черноземными губерниями – размер оброка компенсировался плодородием земли и хорошими урожаями [15]. Перевод крестьян в дворовые был проявлением кризиса помещичьего хозяйства перед реформой. Начинает возрастать потребность помещичьего хозяйства в неземельных профессиях: шорники, кузнецы, садовники, скотники, виноделы, сыровары, писари, кладовщики и др. Дворовые имели свои малые хозяйства: огороды, сенокосные луга, землю для посева льна, некоторые держали коров, овец, свиней, птиц. Профессии дворовых были следующие: конторщик, фельдшер, лесник, огородник, садовник, мельник, пастух, слесарь, кузнец, столяр, ткач, кирпичник, каменщик, плотник. Формирование таких людей развивало тип городской культуры в сельской. По сравнению с другими губерниями центрального Черноземья в Курской губернии было больше всего дворовых [7].

Крепостное право отмирало довольно немирными путями. По Курской губернии наблюдались беспорядки. В донесении министра внутренних дел Александру II от 18 мая 1862 года отмечались наибольшие беспорядки в Симбирской, Курской, Подольской, Вятской губерниях [10]. «В 60-х г.г. личность крестьянина оторвалась от личности помещика, но крестьянское сословие по-прежнему оставалось на цепи у поместного дворянства и бюрократии. Конечно, эта цепь была более просторной, чем цепь крепостная… но и эта цепь была цепью тяжелой, которая пригибала народную душу книзу, не давала ей развить всей ее предприимчивости, всех ее богатых талантов, всех ее глубоких общественных навыков, эта цепь, которую при всяких удобных обстоятельствах старались сделать покороче, особенно в 80-е годы» [8].

Недостаточность сил и средств противостоять жестокостям жизни до реформы и после нее проявлялась в генерировании деструктивных социальных сил, «народном нигилизме», в котором В.Г.Белинский усматривает исток атеизма. Литературный критик определял черту атеизма как составляющую народного менталитета. Отказ от Бога привел к возможности безудержного проявления зла, которое выразилось в сокрушительных действиях впоследствии и в революциях 1905 и 1917 годов. А русский писатель Ф.М.Достоевский называл революционные события «приходом антихриста».

Русский этнос развивался неровно в социальном плане. Велик был разрыв между верхним и нижним слоями социальной структуры общества. Несмотря на исторические трудности русская народная культура называется «традиционной», то есть ее крепко держала традиция, и исторические катаклизмы все же не смогли исказить ее исторический повествовательный метод. Жесткая традиционность русской народной культуры дала удивительную русскую национальную черту–терпение при казалось бы невозможных обстоятельствах. Истинность исторического повествования в народной культуре с одной стороны поддерживал идеал красоты, выраженный прежде всего в привлекательности русского праздничного народного костюма (человек создавал свой образ красоты в одежде в противовес к эстетически грубой жизненной реальности), а с другой стороны в непреходящей мудрости народных пословиц и поговорок. Экологиче-

ский контекст русской народной культуры в песенном творчестве и календарно-земледельческих обрядах возносил душу крестьянина к объективной справедливости природы, которая часто воспринимается как божественный смысл, только не облаченный в христианские каноны. Отсюда можно сделать вывод, что устойчивость к жизненным трудностям русского крестьянского менталитета черпала энергию в силах природы, то есть русский национальный тип мышления глубоко экологичен. Другой очень важный вывод из представленного фрагмента исследования заключается в том, что исторические искажения менталитета с одной стороны и пути его преодоления, в настоящей статье крестьянства, нельзя сбрасывать в прошлое как исторически «отработанное жизнью», 155 лет для истории–это небольшой строк. Однако по историческим материалам (в качестве исторической типичности на примере Курской губернии) нужно внимательно рассуждать, что же оставило бóльшие исторические следы– само крепостное право или 30-летний его уход в прошлое России (его отмена). С другой стороны автор старалась показать, что революционные настроения народа во время первой 1905 г. и второй 1917 г. революций имели историческое созревание еще во времена крепостного права, а в дальнейшем во время локальных бунтов и недовольств в пореформенное время.

Список литературы

1. Богданов Г.М. Проведение реформы 1861 года в Курской губернии // В помощь учителю. Сборник методических разработок по краеведению. Курск, 1959. С. 28; 46; 48-57.

2. Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века.-СПб.: 1896.

3. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян. Москва: Издательство «Наука». 1986.

4. Занозина Л.О. Обряды Курского народного календаря // Сеймские берега. Курск, 1995. С. 5-6.

5. Курские народные песни / Сост. П. Бульбанюк, П. Лебедев. Курск, 1962. С. 10.

6. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2-х тт. / Сост. Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РОССПЭН, 2010. 408 с.

7. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. М., 1972. 424 с.

8. Николаев А. История русского крестьянства. СПб.: 1909.

9. Общинное землевладение и крестьянский вопрос. Собрание брошюр и статей В.А. Панаева. СПб., 1881. С. 89.

10. Отмена крепостного права (доклады министра внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861-1862 гг.). М.-Л., 1950. С. 152.

11. Панаев В.А. Общинное землевладение и крестьянский вопрос. СПб.- 1881.

12. Полевой П. Очерки русской истории в памятниках быта. СПб.: 1879.

13. Приложения к трудам редакционных комиссий. СПб., 1860. Т. 1-2. (Раздел «Курская губерния»).

14. Сказания русского народа о семейной жизни. СПб.: 1837.

15. Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. Вып. 1. С. 10-11.

16. Фонд 68 Курского областного архива. «Курское губернское по крестьянским делам присутствие за 1861-1890 г.г.». Историческая справка.

17. Фонд 448 Курского областного архива. Опись 1. Документы о дворянах. Единица хранения 4,5,9,10, 12, 13-Копии указов Императора. Единица хранения 38-указ императора Павла I. Единица хранения 40, 44-Указ Курского губернского правления.

18. Харузин Н. Сборник сведений для изучения быта. Москва: 1889.

19. Шуклин В. Мифы русского народа. Екатеринбург, 1995. 334 с.

Об авторе

Тинякова Елена Александровна – кандидат философских наук, доцент, преподаватель, Сергиево-Посадский колледж, etinyakova@bk.ru

УДК 94, 271.5/ББК (Т)63.3(0)51, (Т)63.3(7)

ИСТОЧНИКИ И РАННЯЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИЕЗУИТСКОЙ МИССИИ В НОВОЙ ФРАНЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Федин А. В.

Миссионерская деятельность Общества Иисуса (иезуитов) в Северной Америке всегда была одним из главных объектов внимания как в зарубежной, так и в отечественной американистике. Вне зависимости от оценки методов и результатов этой деятельности обойти ее стороной при исследовании ранней колониальной истории континента не представляется возможным, ибо она была ключевым элементом важнейших событий и процессов, протекавших в течение XVII – первой половины XVIII вв. Вместе с тем, историками до сих пор слабо освоен тот огромный массив документов, который возник в результате иезуитского апостолата в Новой Франции, особенно в первой половине XVII в., когда письма и отчеты миссионеров были фактически единственными свидетельствами европейской колонизации и тех социально-экономических, политических и культурных процессов, которые она инициировала.
Ключевые слова: иезуиты, миссионерская деятельность, Новая Франция, реляции, регистры, мартирология, святость.

SOURCES AND EARLY HISTORIOGRAPHY OF JESUIT MISSION IN FIRST HALF 17th-CENTURY NEW FRANCE

Fedin A. V.

Missionary activity of the Society of Jesus (Jesuits) in the North America always was one of the main objects of attention both in foreign, and in home American studies. Without dependence from an estimation of methods and results of this activity to avoid it at research of early colonial history of continent it is not obviously possible, for it was a key element of the major events and the processes proceeding during 17th - first half 18th centuries. At the same time, historians poorly master till now that huge document file which has resulted Jesuit apostolate in New France, especially in first half 17th century, when letters and reports of missionaries were actually unique evidences of the European colonisation and those social and economic, political and cultural processes which it initiated.
Keywords: Jesuits, the missionary activity, New France, Relations, registers, martyrology, sanctity.

Главным источником наших знаний о деятельности иезуитов в Новой Франции в XVII в. являются ежегодные послания суперiоров (настоятелей миссии) своим начальникам в Париж, публиковавшихся там в 1632-1673 гг. под названием «*Иезуитских реляций о том, что произошло в Новой Франции*».

Сильная концентрация власти в ордене требовала частой эпистолярной переписки между его членами, рассеянными по всему миру. *Конституции* Общества обязывали провинциалов и суперiоров писать в Рим раз в неделю, если они жили в Италии, и раз в месяц, если жили в других государствах Европы. II Генеральная конгрегация (капитул ордена) в 1565 г. сократила частоту переписки: провинциалы еще были обязаны писать в Рим раз в месяц, но ректоры и другие начальники, назначаемые генералом ордена, должны были это делать каждые три месяца. Ответы генералов, естественно, принимали тот же ритм. С началом заморских миссий руководство Общества приняло в расчет проблемы коммуникации с миссиями на новых континентах. Провинции Индии или Америки могли связываться с Римом только так, как позволяла медлительность и нерегулярность навигации. «Мы столь удалены от моря, – сообщал в 1626 г. первый суперiор Квебекской миссии Шарль Лалеман генералу ордена Муцио Вителлески, – что французские корабли посещают нас только раз в год» [1, vol. IV, p. 177; 2, vol. 1, p. 236-238, 278-279; vol. 9, p. 91; 3, c. 57].

В колониях была создана такая же система переписки: в Новой Франции суперiоры миссионерских резиденций и станций среди различных племен или французских торговых постов были обязаны ежегодно составлять и передавать отцу-настоятелю миссии в Квебеке письменные журналы своей деятельности, из которых настоятель составлял *Реляцию*, отправляемую провинциалу в Париж. Там эти *реляции* вновь редактировались и поступали в печать.

Издание таких *Реляций* началось с отчета суперiора миссии о. Поля Лежёна о путешествии в Канаду в 1632 г. и продолжалось ежегодно вплоть до 1673 г., когда серия была прекращена в результате запретов кардинальской конгрегации Пропаганды веры и папских бреве относительно публикации миссионерской литературы. «*Иезуитские реляции*» стали весьма популярны во французском обществе и при дворе, помогая при-

влекать интерес и средства благочестивых спонсоров для поддержки миссионерской деятельности. Принимая во внимание актуальный характер канадских *реляций*, генерал ордена освободил их от необходимости предварительной цензуры в Риме, ограничив лишь одобрением провинциала Франции. Всего вышло 40 томов в парижском издательстве Себастьена Крамуази (за исключением *Реляции* 1637 г., опубликованной другим издательством), однако после запрета публикации «*Реляций*» несколько томов вышли в разных издательствах Парижа, Лиона и Рима.

На протяжении XIX-XX вв. предпринималось несколько попыток переиздания иезуитских *Реляций*, в том числе и при участии канадского правительства. Однако лишь на рубеже XIX-XX вв. появилась самая востребованная в научном мире редакция этих ценных документов, изданная Р. Твейтсом в США под названием «*Иезуитские Реляции и сопутствующие документы. Путешествия и исследования иезуитских миссионеров в Новой Франции, 1610-1791*» [1, vol. I-LXXIII]. В нее вошли все 40 томов официальных *Реляций* Крамуази, к которым были добавлены документы из архива иезуитского коллежа св. Марии в Монреале и других архивов. Документы были опубликованы на оригинальных языках (французском, латинском и итальянском), и снабжены английским переводом.

И все же, наиболее полной и выверенной редакцией, по крайней мере, для документов первой половины XVII века, стало издание под редакцией иезуитского историка Л. Кампо «*Monumenta Novae Franciae*», предпринятое в рамках фундаментальной серии публикаций миссионерских документов Общества Иисуса – *Monumenta Missionum*, являющейся частью *Monumenta Historica Societatis Iesu*, инициированной в Мадриде в 1893 г. С 60-х гг. XX в., когда после II Ватиканского собора были открыты куриальные и орденские архивы в Риме, Кампо начал самое масштабное издание документов иезуитской миссии в Новой Франции в XVII в.: 1-й том («*Первая миссия в Акадии, 1602-1616*») вышел в 1967 г., последний, на данный момент – 9-й («*Во спасение гуронов, 1657-1661*»), в 2003-м [4, vol. I-IX]. К сожалению, смерть о. Кампо прервала начатый им труд. В отличие от издания Твейтса, здесь нет адаптированных переводов ни на французский, ни на английский языки: документы публикуются в оригинале и сопровождаются лишь французским комментарием (правда, очень пространным, порой в разы превышающий объем самого документа). Кампо собрал все известные документы, имеющие отношение к иезуитской миссии в Новой Франции: *Реляции* (в том числе версии, не подвергнувшиеся редакционной правке в Париже), официальную и частную переписку миссионеров, каталоги миссий, сеньориальную документацию, свидетельства современников.

Реляции (в самом широком смысле слова) – почти единственные доступные документы, которые показывают реакцию туземных народов на наступление европейской цивилизации. Твейтс должным образом замечает, что «торговец почти всегда предшествовал священнику. Но торговец не был автором писем или дневников; следовательно, мы обязаны нашим истинным знанием о Новой Франции, особенно в XVII столетии, в основном миссионерам Общества Иисуса» [1, vol. I, p. viii]. «*Реляции* занимают высокое место, как подлинные и заслуживающие доверия исторические документы, – вторил ему Френсис Паркмен. – Невозможно преувеличить их ценность как источника» [5, p. 343; см. также: 6, p. 29]. С другой стороны, существует и критическая линия по отношению к *Реляциям*, возникшая уже в конце XVII в. на фоне общей критики иезуитского ордена и его деятельности, в том числе и канадской миссии. «Вся Франция была обманута ими», заявлял в 1691 г. реколлект К. Леклерк [7, vol. I, p. 330]. «*Реляции* были, – продолжает эту мысль один из ведущих канадских этноисториков Б. Триггер через три столетия, – в первую очередь делом пропаганды, а исторической работой только во вторую» [8, p. 5; см. также: 9, p. 69-83]. Как и любой другой исторический источник, *реляции*, конечно, отражают только одну точку зрения на происходящие события – взгляд миссионера. Как писал первый их автор о. Поль Лежён, «я не стремлюсь описывать все, что происходит в этой стране, но только то, что касается благосостояния веры и религии» [1, vol. VII, p. 269].

Если первые сообщения (1632-1633 гг.) еще писались как традиционные годовые отчеты суперiорам, то после их публикации, миссионеры уже сознательно готовили послания для публичного суждения, надеясь на помощь со стороны заинтересованных лиц в метрополии. В 1634 г. Лежён придал очередной *Реляции* форму книги, разбив свое послание на главы и выстроив повествование в четкой последовательности. Он также включил в свой текст письма и рассказы, направленные ему в Квебек миссионерами, работающими среди различных племен. С этого со-

общения и возникает форма классической *Реляции*. В 1635 г. настоятель Гуронской миссии Жан де Бребёф отправил собственную *Реляцию*, ставшую дополнением к *реляциям* из Квебека. Публикация миссионерских текстов, конечно, приводила к неизбежным купюрам, которым их подвергали в парижском суперiорате с целью сделать удобоваримыми для французской публики, с одной стороны, и избежать критики со стороны иных заинтересованных лиц или групп (вроде реколлектов или янсенистов), – с другой. Как писал о. Баго Клоду Буше, ассистенту иезуитской провинции Франция в Риме, в 1663 г.: «*Реляции* сообщают только о хорошем, а [непубликуемые] письма о дурном... *Реляции* не должны читаться с иным предубеждением к чему-либо, кроме созидания» [цит. по: 10, t. I, p. xvi].

Реляции иезуитов, при всей их тенденциозности, тем не менее, не рисовали идеализированной картины франко-индейского религиозного контакта. Они рассказывают о различных видах сопротивления туземцев от осмеяния до угроз и насилия над священниками и неофитами. Эти проявления сопротивления сыграли роль в конструкции поучительного рассказа, достигшего наибольшей популярности в XVII в. С литературной точки зрения они создавали драматический эффект – атмосферу опасности и напряженности, – предоставляя миссионерам и обращенным возможность показать силу их веры и, таким образом, поучать читателей.

Подобно другим европейцам в Америке, иезуиты стремились описать, категоризовать и объяснить социальные и естественные явления, которые они наблюдали. *Иезуитские Реляции* связаны, таким образом, с рассказами о путешествиях, где более или менее упорядоченно представлены географические описания, наблюдения туземной жизни и быта, замечания о фауне, флоре и природных ресурсах. Сообщения также часто показывают некоторую степень экзотики, неизбежную при попытке поведать жителю Старого Света о Новом. Среди этих описаний особенно ценны этноисторические сведения. Иезуиты оказались уникальными наблюдателями, которые, исходя из своих миссионерских целей и задач, стремились понять (хоть и не всегда успешно) аборигенные общества такими, какими они были, нежели такими, какими они хотели их видеть. С их знанием туземных языков, иезуиты могли сочетать простое описание материальных аспектов культуры (жилье, одежда, диета, методы транспортировки, и т. д.) с другими сторонами, более трудными для понимания наблюдателя (религиозные верования и практики, социальная организация, политические структуры). Живя среди своей паствы, разделяя с ней ее радости и беды, иезуитские миссионеры фиксировали в своих отчетах процесс аккультурации через конкретные наблюдения событий, подчас глазами аборигенов, передавая их слова и поступки. *Иезуитские реляции* – ценный источник информации о туземных культурах во время первого контакта между французами и местными народами, как и о самом этом контакте.

Вторым важным источником в этой серии являются ежегодные письма суперiоров и духовных советников миссии, посылаемые в Рим из Новой Франции. Начиная с 1632 г. генерал Вителлески весьма интересовался канадской миссией. Именно благодаря этому интересу, сохранилось множество таких писем, отправленных в период его генералитета (1615-1645 гг.) и несколько лет спустя. Такого рода документы тем более ценны, что переписка канадских иезуитов с их парижскими начальниками почти полностью утеряна. Архивы французских и канадских иезуитов, где она хранилась, погибли вместе с ними, во время запрещений и изгнаний ордена в XVIII в. «Эта потеря невосполнима, – писал Л. Кампо, – так как здесь подробно обсуждались все дела, в то время как генерал знакомился только с общими проблемами» [4, vol. II, p. 198*, 5].

Из писем миссионеров генералам делались выдержки и анализы, которые составляли *Annuæ litteræ Societatis Jesu*, предназначенных для публикации. Правила запрещали показывать их тем, кто не принадлежал ордену. Публикация этих ежегодных писем, начатая в 1581 г., прекратилась в 1654, и была прервана с 1614 по 1649 гг. *Annuæ litteræ* за 1611 и 1612 гг. содержат письма о. П. Бьяра, первого иезуитского миссионера в Акадии. Исключение составил ежегодный отчет, написанный о. Рене Менаром по инициативе суперiора в 1640 г. для римского суперiората, и, прежде всего, самого генерала М. Вителлески, интересовавшегося успехами иезуитской миссии в Новой Франции, но не знавшего французского языка. «*Annuæ Litteræ Missionis Canadensis Anni 1640*» представляло собой резюме *Реляции* за 1640 г. с некоторыми дополнениями, сделанными автором в результате собственных наблюдений [4, vol. IV, p. 533-554]. Хотя публикация ежегодных писем прекратилась в 1654 г., провинции и миссии продолжили, тем не менее, составлять и направлять их генералу [10, t. I, p. xi].

Одним из важнейших источников не

только миссионерской деятельности, но и всей истории Канады XVII в. является *Журнал иезуитов* (*Journal des jésuites*), ведшийся суперором миссии с 1645 по 1668 г., скрупулезно отмечавшим все происшествия, попавшие в круг зрения его самого или подчиненных (иезуитский историк Л. Пульо считает, что *Журнал иезуитов* существовал уже с 1632 г., но эта часть погибла при пожаре 14 июня 1640 г. в Квебеке. Так же не найдено продолжение *Журнала*, ведущегося, вероятно, в 1710-1755 гг. [11, p. 4-5]). Особенная ценность этого документа (в сравнении, например, с *Реляциями*) заключалась в том, что он не был предназначен для публикации, а лишь для внутреннего пользования миссионеров, что лишало возможности какие-либо вышестоящие инстанции ордена редактировать содержащуюся в нем информацию.

Чрезвычайно полезным источником являются регистры иезуитских миссий, то есть записи актов крещений, бракосочетаний, погребений и других видов священнической деятельности, отправляемой иезуитами среди туземной паствы. В первой половине XVII в. иезуитские миссионеры приступили к составлению регистров в Труа-Ривьер (1635), Силлери (1638), Нотр-Дам-дез-Анж (1640). Они формируют огромный банк данных об индейско-французском мире XVII в. Прежде всего, идет речь о динамике крещений, но из него можно также почерпнуть информацию о стратегии иезуитских миссионеров в отношении к туземным народам; с другой стороны, регистры выступают важным подтверждением (или уточнением) информации, содержащейся в *Реляциях*. Как писал Л.-П. Эбер, наиболее известный исследователь этого вида источников, «посредством этих актов крещений виден америндский мир в его религиозном аспекте, а также в семейных, социальных, политических, этнографических и даже коммерческих измерениях», и его эволюция [12, p. 1].

Особенностью канадских иезуитских регистров было включение в них большого количества крещений, сделанных в других местах. Например, в регистре редукции Силлери, находящейся близ Квебека, содержатся записи крещений, сделанных миссионерами во время их т. н. «летучих миссий» к отдаленным индейским племенам, таким, как абенаки Новой Англии, или различным группам монтанье в акватории залива св. Лаврентия [12, p. 9]. Эта информация действительно конкретизирует подчас довольно общие высказывания *Реляций*, а главное, более четко представляет географию иезуитского апостолата в Новой Франции данного периода.

Еще одна сторона деятельности иезуитской миссии в Новой Франции раскрывается в документах, хранящихся в Ватиканском архиве, прежде всего, в бумагах кардинальской Конгрегации Пропаганды веры, основанной в 1622 г. для координации со стороны папской курии работы католических миссий по всему миру. Стремясь контролировать деятельность французских иезуитов в Канаде, кардиналы конгрегации вели обширную переписку с руководством ордена, касающуюся статуса новофранцузской миссии, ее перспектив и текущего состояния. Когда архивы Пропаганды были открыты для исследователей, в сфере канадской истории самая важная работа была проделана Л. Кодиньолой – профессором американской истории университета Пизы, систематизировавшим документацию этих архивов за период 1622-1799 гг. [13-17]

Уже в середине XVII в. в среде французских иезуитов родилась потребность осмысления миссионерской деятельности их коллег в Северной Америке. Первой попыткой создания общего исторического полотна деятельности иезуитов в Новой Франции принадлежала о. Франсуа Рагено, члену I Квебекской миссии (1625-1629) и брату более знаменитого миссионера у гуронов Поля Рагено. В 1636 г. он вновь посетил Квебек, а по возвращении во Францию написал на латыни «*Общую историю миссий Новой Франции в 1607-1637 годах*» [4, vol. III, p. 409-463]. Тем не менее, эта книга осталась почти неизвестной не только широкому читателю, но и другим членам ордена. Слабый интерес к ней проявил лишь генерал ордена М. Вителлески, которого обеспокоили частые упоминания Рагено богатых залежей природных ископаемых в Канаде [4, vol. III, p. 464; vol. IV, p. 42-43, 61]. После того, как никаких копей там не нашли, о книге Рагено все забыли.

Огромную роль в популяризации истории канадской миссии сыграли события 1648-1650 гг., приведшие к мученической смерти пяти миссионеров в Гуронии. И в среде канадских миссионеров, и во Франции создается агиография мучеников, ставшая основой для будущих «историй» иезуитской миссии в Новой Франции. Суперior новофранцузской миссии Поль Рагено провел в 1652 г. расследование о жизни и рукописях своих компаньонов, умерших за веру, результатом которого стал объемный корпус документов, известный как «*Manuscrit de 1652*» [18, p. 3-93].

Манускрипт 1652 г., однако, не пытался синтезировать составляющие его документы в

общее повествование, или вписать их в контекст истории канадской миссии. Первая попытка такого рода произошла год спустя в *Реляции 1653 г.* об иезуитских миссиях в Канаде, написанной для иезуитов Италии, и, прежде всего, руководства ордена, Франсуа-Жозефом Брессани (1612-1672), активным участником событий. По сути, эта *Реляция* была первой историей иезуитского ордена в Новой Франции, хотя и ставила перед собой чисто религиозные цели: доказательство освящения миссии кровью гуронских мучеников [1, vol. XXXVIII-XL]. Первый подобный синтез, предпринятый французским автором, осуществился в 1664 г. с публикацией на латыни «*Истории Канады*» иезуита Франсуа Дюкре (1596-1666). Как и работа Брессани, эта книга суммировала историю канадской миссии в 1625-1658 гг., основываясь на *Реляциях* (ее издал тот же Крамуази), и рассказывала ее как священную эпопею, акцентированную героическими делами святых людей. При этом сам автор в Новой Франции никогда не был, но беседовал с некоторыми участниками американского апостолата, что придает его работе особую познавательную ценность [19]. О. Шарлевуа, представитель иезуитской историографии XVIII в., отнесся довольно критично к работе Дюкре, особенно за ее компилятивность, основанную исключительно на *Реляциях* [20, vol. I, p. 81].

Во второй половине XVII в. появилось несколько автобиографий самих иезуитских миссионеров и их светских слуг – донне́. К первым принадлежат мемуары Пьера-Жозефа-Мари Шомоно (1611-1693), миссионера, работавшего в Гуронской и Ирокезской миссиях ордена с 1639 г., изданные в 1688 г., когда он еще продолжал свой труд в гуронской редукции Лорет, основателем которой являлся [21]. Вторую группу составляют воспоминания донне Кристофа Реньо (1678), посвященные уничтожению ирокезами Гуронской миссии в 1649-1650 гг., и прежде всего, мученичеству оо. Жана де Бребёфа и Габриеля Лалемана, останки которых Реньо освидетельствовал [1, vol. XXXIV, p.25-35]. К этой же группе можно отнести изданную в 1660 г. в Париже книгу, составленную из писем, посланных во Францию в 1644-1645 гг. еще одним донне – врачом Франсуа Жандроном, повествующих о его службе миссионерам в Гуронии [22]. Эти работы предоставляют возможность взглянуть на деятельность иезуитских миссионеров в Канаде первой половины XVII в. под еще одним углом зрения, отражающим и более позднюю рефлексию самих иезуитов о случившемся, и неиезуитский (хотя и близкий к нему) взгляд на некоторые события и процессы, происходившие в Новой Франции.

В XVIII в. интерес к прошлому иезуитских миссий в Канаде не угас. Теперь задачей историографов ордена было вписать канадскую миссию в общий контекст иезуитского апостолата во всем мире, и шире – в мировую историю. Такие авторы, как Жозеф де Жувенси (1643-1719) с его «*Историей Общества Иисуса*» (1710-1711), Жозеф-Франсуа Лафито (1670-1740) с «*Нравами американских дикарей в сравнении с нравами древних времён*» (1724), первым обобщающим трудом об американских индейцах, в котором их традиции сопоставлялись с обычаями народов Старого света, и, конечно, Пьер-Франсуа-Ксавье Шарлевуа (1682-1761) с «*Историей и Общим описанием Новой Франции*» (1744), ставшей вершиной ранней иезуитской историографии канадских миссий, опирались как на труды своих предшественников и доступные им документы, так и на собственные впечатления [1, vol. I, p. 193-295; 23; 20]. Это были уже не простые описания и компиляции, а попытки анализа исторических процессов. Шарлевуа, например, ставил перед собой тройную задачу: отразить историю открытия и освоения Новой Франции, «как гражданин и подданный французского государства»; раскрыть историю христианизации индейских народов, «как сын Церкви»; и сохранить для потомков имена и образы великих деятелей колонизации и евангелизации Канады [20, vol. I, p. 103-104].

Важным дополнением к источникам, созданным в Обществе Иисуса, являются свидетельства неиезуитских современников и очевидцев его миссионерской деятельности в Северной Америке. Помимо того, что они дополняют и уточняют иезуитские свидетельства, эти документы дают возможность сравнения разных взглядов на одни и те же события и процессы, что позволяет более объективно оценить их.

Первым среди таких свидетельств можно считать «*Историю Новой Франции*» Лекарбо и ряд других его работ. Марк Лекарбо (1560/1570-1642), лиценциат юридических наук, адвокат в парижском парламенте, возможно, гугенот [1, vol. I, p. 45], совершил путешествие в Новую Францию (Акадию) в 1606-1607 гг. С этого времени он навсегда сохранил интерес к новому континенту, который был реализован по возвращении в изданной им в 1609 г. «*Истории Новой Франции*», повествовавшей

обо всех попытках освоения французами Америки в XVI-XVII вв. [24] По большей части, она представляла собой резюме более ранних сообщений, дополненное рассказом о собственных приключениях.

Первое издание книги имело большой успех, поэтому Лекарбо и в дальнейшем переиздавал *Историю*, каждый раз дополняя ее новыми сведениями, в 1611-1612 и в 1617-1618 гг. Для нашего исследования представляет ценность последнее издание, содержащее рассказ об иезуитской миссии в Акадию в 1611-1613 гг. Лекарбо писал о ней со слов феодальных владетелей колонии, отца и сына Путренкуров, предоставивших факты, неизвестные по иезуитской документации того периода. Также, он составил в 1610 г. сообщение королеве-регентше Марии Медичи, названное «*Обращение Дикарей*», посвященное евангелизаторской деятельности Путренкуров [1, vol. I, p. 49-113]. В 1612 г. оно вошло в его «*Реляцию, о том, что недавно произошло в Новой Франции*», рассказывающую об экспедициях Путренкура с 1610 г., в том числе касающейся деятельности иезуитов в Акадии [1, vol. II, p. 119-192]. Лекарбо издал также несколько поэм, написанных во время путешествия в Новую Францию.

Будучи критически настроенным по отношению к иезуитскому ордену вообще, и его миссионерской деятельности в Северной Америке, в частности, Лекарбо подчас искажал факты или преподносил их без должной проверки. Его основным источником были Путренкуры, с которыми иезуиты вступили в серьезный конфликт в Акадии. В результате, Лекарбо представил их версию событий, произошедших в Пор-Руайяле в 1611-1613 гг., опустив иные свидетельства. Это касалось не только дела иезуитов, но и других персонажей канадской истории. В частности, основатель Квебека С. де Шамплен был сильно недоволен книгами Лекарбо, искажавшими, по его мнению, реальную историю освоения Канады [25, vol. I, p. 452]. Это привело к двойственному отношению к трудам Лекарбо среди последующих поколений историков Канады XVII в. С одной стороны, его «*Историю Новой Франции*» активно привлекали многие историки, в том числе и представители иезуитского ордена (например, Шарлевуа) [20, vol. I, p. 75, 257-258]. О трудах Лекарбо высоко отзывались Ф.-К. Гарно, Ф. Паркмен и др. [26, t. I, p. 44-45; 5, p. 195]. С другой, это делалось всегда с оговоркой, со стремлением найти истину среди явных или скрытых фальсификаций, что позволило Рошемонте сказать в отношении Лекарбо: «надо различать историка и памфлетиста» [10, vol. I, p. 81].

Современник и соратник Лекарбо, Самюэль де Шамплен (1560-1635) представляет иной взгляд на миссионерскую деятельность иезуитов в Канаде. Отец-основатель Новой Франции, как его часто называют, в отчетах о многочисленных путешествиях в Северную Америку не выступал от имени каких-либо партий и не преследовал никаких иных целей, кроме защиты и продвижения главного дела своей жизни – создания французской колонии. С подобной точки зрения, любая персона или организация рассматривалась им только через призму их эффективной помощи в этом труде. Общество Иисуса однозначно трактовалось в качестве именно созидательной силы, способной серьезным образом помочь колониальному строительству. Поэтому его оценка иезуитского апостолата полностью позитивна. Говоря о тех событиях, связанных с деятельностью иезуитов в Канаде, непосредственным участником которых он не был, Шамплен предпочитал использовать иезуитские источники (как, например, в описании ситуации в Акадии 1611-1613 гг.) [25, vol. IV, book III]. То, чему он был очевидцем (в Квебеке, в 1626-1632 гг.), отражено в его трудах исключительно в положительном ракурсе.

Еще одну сторону ранней историографии миссионерской деятельности иезуитов в Новой Франции в XVII в. представляют труды соработников и/или конкурентов ордена на этом миссионном поле: реколлектов, сульпицианцев, урсулинок и представителей других религиозных организаций.

Первыми здесь выступили реколлекты, с которыми иезуиты совместно трудились в деле христианизации индейских племен Новой Франции в 1625-1629 гг. В 1632 г. брат Габриель Сагар (до 1614 – после 1636) издал книгу «*Долгое путешествие в страну гуронов*», описывающую реколлектскую миссию в Гурони в 1623-1624 гг., когда он посетил эту страну [27]. В 1636 г. вышла его «*История Канады*», повествующая об истории реколлектов в Новой Франции, включившая и большую часть «*Долгого путешествия*» [28]. Обе книги, написанные после совместной работы с иезуитами, являются ценным свидетельством существования I Квебекской миссии Общества Иисуса. Вместе с тем, Л. Кампо считает, что последнее издание подверглось редакционному вмешательству другого реколлекта, никогда не бывшего в Новой Франции. В нем много ошибок,

особенно относительно гуронов, которые не могли быть допущены прямым и искреннем свидетелем [4, vol. II, p. 856-857]. Эта редакция открывает целую серию книг реколлектов, наполненных критикой миссионерской деятельности иезуитов (чего, например, совсем нет в «*Долгом путешествии*»), объясняющейся отказом в апостолате в Канаде, который с 1635 г. получали реколлекты от Компании Новой Франции, феодального собственника колонии.

Одним из важнейших трудов в этой связи является книга реколлекта Кретьена Леклерка (1641 – после 1698) «*Первое учреждение веры в Новой Франции*» (1691) [7]. Изданная через 60 лет после того, как они покинули Канаду, эта книга ставила целью не только описать успехи реколлектских миссионеров на ниве христианизации, но и напомнить публике, что именно они стали основателями католического апостолата в Новой Франции. В результате, именно здесь родился один из главных мифов канадской историографии о том, что иезуиты, призванные реколлектами для совместного труда среди индейцев, не только вытеснили своих коллег из Канады, но и присвоили плоды всех их трудов. Иезуитскими интригами объяснялось полувековое отсутствие реколлектов в Новой Франции. Соответственно, почти все положительное, что накопила католическая миссия к концу столетия, провозглашалось наследием реколлектов, а негативный опыт – результатом иезуитских ошибок и искажений.

Уже в XVIII в. историки пришли к выводу, что «*Первое учреждение веры*» написано не Леклерком, а представляет собой коллективный труд французских реколлектов, в котором самому автору принадлежит весьма скромное место [7, vol. I, p. 27; 29, p. 78-82] (Серж Трюдель считает автором «*Учреждения веры*» реколлектского комиссара Новой Франции в 1677-1683 гг. о. В. Леру) [30, p. 225-234]. Как и в случае с «*Историей Канады*» Сагара, редакция преследовала цель представить деятельность иезуитов в Америке с самой невыгодной стороны, подчеркивая корыстные интересы ордена, а не христианские добродетели. Шарлевуа прямо называл «заказчика» труда: граф Фронтенак, генерал-губернатор Новой Франции, стремившийся подавить орден в колонии и принизить его значение при французском дворе [20, vol. I, p. 85].

Инициативу, заложенную Леклерком (или теми, кто использовал его имя), подхватили и другие критики иезуитского апостолата. Большинство из них также принадлежали к ордену реколлектов (Энепен, Дуэ, Мамбрэ), или были близки ему по духу, то есть разделяли сходные установки и представления о целях и средствах христианизации североамериканских туземцев или о задачах колонизации (Ла Саль, Лямот Кадийяк, барон Ляонтан). Эти представления чаще всего зиждились на идеологии галликанизма и янсенизма. Неслучайно, именно на «*Первое учреждение веры*» ссылался лидер французских янсенистов Антуан Арно в «*Morale Pratique des Jésuites*», известной своей критикой моральной доктрины Общества Иисуса [7, vol. I, p. 25-26].

Иную трактовку деятельности иезуитского ордена в Новой Франции предлагают документы женских монашеских конгрегаций – урсулинок и госпиталиток, появившихся в колонии в 1639 г. Наиболее значимыми и информативными среди них являются письма настоятельницы урсулинского монастыря в Квебеке матери Мари Гюйар де л'Энкарнасьон (1599-1672), регулярно направлявшиеся ее респондентам во Франции: сыну, братьям, духовникам и сестрам ее монастыря в Туре [31]. В них монахиня представила широкую историческую панораму развития французской колонии в первой половине и середине XVII столетия, в том числе и иезуитской миссионерской деятельности, в которой мать Мари л'Энкарнасьон приняла активное участие. Она весьма высоко отзывалась об иезуитах и их достижениях среди аборигенных народов Канады и неизменно становилась на их сторону в периодически возникавших конфликтах между орденом и светскими колониальными властями, а также религиозными авторитетами в колонии и метрополии.

Миссионерская деятельность Общества Иисуса (иезуитов) в Северной Америке всегда была одним из главных объектов внимания как в зарубежной, так и в отечественной американистике. Вне зависимости от оценки методов и результатов этой деятельности обойти ее стороной при исследовании ранней колониальной истории континента не представляется возможным, ибо она была ключевым элементом важнейших событий и процессов, протекавших в течение XVII – первой половины XVIII вв. Вместе с тем, историками до сих пор слабо освоен тот огромный массив документов, который возник в результате иезуитского апостолата в Новой Франции, особенно в первой половине XVII в., когда письма и отчеты миссионеров были фактически единственными свидетельствами европейской колонизации и тех социально-экономических, политических и культурных процессов, которые она инициировала.

Список литературы

1. The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by R. G. Thwaites. Cleveland: The Burrows Brothers Company Publishers, 1896-1901. Vol. I-LXXIII.

2. Loyola I. de. Epistolae et Instructiones. Madrid: Typis Gabrielis Lopez del Horno, 1903-1911. Vol. 1-12.

3. Clossey L. Salvation and Globalization in the Early Jesuit Missions. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 339 p.

4. Monumenta Novæ Franciæ / ed. par L. Campeau, SJ. Roma, Québec, Montréal: Bellarmin, 1967-2003. Vol. I-IX.

5. Parkman F. Parkman F. France and England in North America. N. Y.: Literary Classics of the U. S., Inc., 1983. Vol. 1. 713 p.

6. Principe C. A Moral Portrait of the Indian of the St. Lawrence in One Relation of New France, Written by Paul Le Jeune, s.j. // Canadian Catholic Historical Association Historical Studies. 1990. № 57. P. 29-50.

7. Le Clercq C. First establishment of the faith in New France. N. Y.: J. G. Shea, 1881-1882. Vol. I-II.

8. Trigger B. G. The Huron: farmers of the North. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1969. 130 p.

9. Takao Abe. What Determined the Content of Missionary Reports? The Jesuit Relations Compared with the Iberian Jesuit Accounts // French Colonial History. 2003. № 3. P. 69-83.

10. Rochemonteix C., SJ. Les Jésuites et la Nouvelle-France au XVIIe siecle d'après beaucoup de documents inédits par de le P. Camille de Rochemonteix, de la Compagnie de Jésus. Paris: Letouzey et Ané, 1895-1896. Tome I-III.

11. Pouliot L., SJ. Premières Pages du Journal des Jésuites de Québec, 1632-1645 // Rapport de l'Archiviste de la Province de Québec. T. 41 (1960-1961). Québec: Roch Lefebvre, 1963. P. 1-106.

12. Le registre de Sillery, 1638-1690 / ed. par L.-P. Hébert. Québec: Presses de l'Université du Québec, 1994. 440 p.

13. Codignola L. Roman Sources of Canadian Religious History to 1799 // Canadian Catholic Historical Association Study Sessions. 1983-1984. № 50. P. 73-88.

14. Codignola L. The Holy See and the Conversion of the Indians in French and British North America, 1486-1760 // America in European Consciousness, 1493-1750 / ed. by K. O. Kupperman. Chapel Hill and London, The University of North Carolina Press for the Institute of Early American History and Culture, 1995. P. 195-242.

15. Codignola L. Les frontières de la mission: efficacité missionnaire, acculturation réciproque et centralisation romaine // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Italie et Méditerranée. 1997. T. 109. № 2. P. 785-792.

16. Codignola L. Les spécificités des archives du Saint-Siège du point de vue de leur utilisation comme sources importantes de l'histoire politicoreligieuse du Canada // Archives. 2001-2002. Vol. 33. № 1. P. 3-16.

17. Benoit M. M., Scardellato G. P. The Flesh Made Word: The Vatican Archives and the Study of Canadian History, 1600-1799 // Archivaria. Summer 1985. № 20. P. 67-78.

18. Mémoires touchant la Mort & les Vertus des Pères Isaac Jogues, Anne de Noue, Anthoine Daniel, Jean de Brebeuf, Gabriel Lallement, Charles Garnier, Noël Chabanel & un séculier René Goupil // Rapport de l'Archiviste de la Province de Québec pour 1924-1925. Québec: Ls.-A. Proulx, 1925. P. 3-93.

19. Du Creux F., SJ. The history of Canada or New France / ed. by J. B. Conacher. Toronto: Champlain Society, 1951-1952. Vol. I-II.

20. Charlevoix P.-F.-X., de, SJ. History and General Description of New France / ed. by J. G. Shea. N. Y.: Francis P. Harper, 1900. Vol. I-VI.

21. Chaumonot P.-J.-M., SJ. Un missionaire des Hurons: Autobiographie du Père Chaumonot de la Compagnie de Jésus et son complement par le R. P. F. Martin. Paris: H. Oudin, 1885. 301 p.

22. Gendron F. Quelques particularitez du pays des Hurons en la Nouvelle France, remarquées par le Sieur Gendron, docteur en médecine. Albany: Troyes, Bechet, 1868. P. 26.

23. Lafitau J.-F., SJ. Customs of the American Indians compared with the customs of primitive times / ed. by W. N. Fenton and E. L. Moore. Toronto: The Champlain Society, 1974-1977. Vol. I-II.

24. Lescarbot M. The history of New France / ed. by H. P. Biggar. Toronto: Champlain Society, 1907-1914. Vol. I-III.

25. Champlain S. de. The works of Samuel de Champlain / ed. by H. P. Biggar. Toronto: Champlain Society, 1922-1936. Vol. 1-6.

26. Garneau F.-X. Histoire du Canada depuis sa découverte jusqu'à nos jours. Québec: Lamoreux, 1859. T. 1-4.

27. Sagard G. T. The Long Journey to the Country of the Hurons / ed. by G. M. Wrong. Toronto: The Champlain Society, 1939. 480 p.

28. Sagard G. T. Histoire du Canada et voyages que les Freres Mineurs recollects y ont faicts pour la conversion des infideles depuis l'an 1615. Avec un dictionnaire de la langue huronne. Paris: E. Tross, 1866. Vol. 1-4.

29. French B. F. Bibliographical notice of the «Établissement de la foi», by Father Christian Le Clercq, Recollect // Historical collections of Louisiana / ed. by B. F. French. New York, 1852. Vol. 4. P. 78-82.

30. Trudel S. Étude de Genese: Le cas de «Premier etablissement de la foi dans la Nouvelle France» (1691). Montréal, Université de Montréal, 1997. 408 p.

31. Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation (née Marie Guyard): première supérieure du monastère des Ursulines de Québec. Paris, Librairie internationale catholique; Tournai, Vve. H. Casterman, 1876. T. I-II.

Об авторе

Федин Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, avfedin@yandex.ru

УДК 930 : 94(47).02

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ В IX - XII ВВ. В РАБОТАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ

Федосов А.В., Шинаков Е.А.

Статья посвящена рассмотрению проблемы происхождения и формирования Древней Руси в работах некоторых англо-саксонских историков. Рассматриваются различные подходы к трем проблемным вопросам древнерусской истории: на какой основе складывалось Древнерусское государство, какую роль в его истории играли варяги и какое место Древняя Русь занимала в системе европейских государств раннего средневековья. Отмечается, что позиции рассматриваемых в статье авторов в значительной степени схожи.
Ключевые слова: Древняя Русь, варяги, восточные славяне, «торговая теория» происхождения Руси, торговля.

THE EMERGENCE AND FORMATION OF THE ANCIET RUS' IN THE NINTH - TWELFTH CENTURIES IN THE WORKS OF THE ANGLO- AMERICAN SCHOLARS

Fedosov A.V., Shinakov E.A.

The article is dedicated to the problem of the emergence and formation of Ancient Rus' in works of several Anglo-Saxon historians. The authors consider different approaches to three problematic issues of Ancient Russian history: the basis of the Ancient Rus' formation; the role of the Varangians in its history; the place of the Ancient Rus' in the European state system of the Early Middle Ages. It is noted, that the views and ideas of the authors considered have a lot in common.
Keywords: Ancient Rus', the Varangians, East Slavs, «trade theory» of the Rus' emergence, trade.

История Древней Руси в англо-саксонской историографии ранее никогда не была объектом пристального внимания историков. Это положение несколько изменилось после Второй мировой войны, т.к. возрос интерес к СССР. В настоящее время появляется все больше работ, в которых рассматриваются не только общие вопросы возникновения Древнерусского государства, но и различные аспекты жизни народа, такие как династические браки, положение женщин, торговля и т.п., которые помогают создать более полную картину его социального устройства. В данной статье мы кратко рассмотрим концепции становления Древнерусского государства в IX - XI вв. некоторых англо-саксонских историков[4]: Д. Оболенского, Т. Нунена, Р. Пайпса, В Ханака, С. Франклина и Дж. Шепарда, М. Уиттоу, Дж. Мартин и К. Раффеншпергера, т.к. в их работах наиболее полно представлен спектр взглядов на проблему с начала 70-х годов прошлого века и до настоящего времени. Включение в этот список Р. Пайпса, в работах которого история Древней Руси затрагивается вскользь, обусловлено его утверждением, что в IX - XII вв. формировались те особенности российского государства, которые будут затем отличать его от Западной Европы на протяжении всей его истории, а также тем, что до сих пор в среде как зарубежных, так и отечественных историков и публицистов находятся сторонники его идей. Что же касается Д. Оболенского, то в своей основной работе «Byzantine Commonwealth» («Византийское Содружество») он одним из первых показал, что Древнерусское государство было частью крупного сообщества европейских государств. Кроме того, он был учителем многих исследователей Древней Руси, например Дж. Шепарда и С. Франклина. А его идеи оказали существенное влияние на взгляды и подходы к проблеме формирования и становления Древнерусского государства (например, на М. Уиттоу). Между тем, нельзя обойти вниманием и тот пласт зарубежной историографии по интересующему нас вопросу, который был наработан ранее и в связи с этим здесь уместно отметить работу В.П. Шушарина «Современная буржуазная историография Древней Руси», которая вышла в 1964 г. В ней автор, суммируя взгляды историков прошлого и современных ему исследователей, в том числе и англо-саксонских, рассматривает «три концепции относительно Древнерусского государства, имеющие хождение в зарубежной историографии и определяющие, как буржуазные авторы освещают важнейшие аспекты древнерусской истории: отрицание Древней Руси как особого этапа в развитии восточного славянства; «торговая теория» заимствованная у В.О. Ключевского;

[4] Несмотря на то, что некоторые из работ указанных авторов были переведены на русский язык, в статье будут использоваться собственные переводы авторов с английского оригинала.

норманизм, с помощью которого за рубежом пытаются объяснить возникновение Древней Руси» (Шушарин 1964: 13). Здесь хотелось бы добавить, что помимо В.О. Ключевского определенное влияние на западных авторов оказали и идеи К.Д. Кавелина о двух истоках - «славянском» и германо-скандинавском - древнерусской государственности.

И далее, раскрывая эти позиции В.П. Шушарин пишет: «Сторонники концепции, отрицающей Древнюю Русь как относительно единое государство выдвигают следующие тезисы: великокняжеская власть как наследственный институт класса отсутствовала; вече являлось народным собранием, имевшим значительную власть; междукняжеские столкновения свидетельствуют о том, что относительного единства Руси не было» [12, с.13]. Сторонники же «торговой теории» фетишизируют роль внешней торговли и «выдают ее за главный стимул древнерусской истории» [12, с.13], принижая роль земледелия в жизни населения, утверждая отсутствие феодальной собственности: «Государственную власть они трактуют как выразительницу интересов купечества, доказывая отсутствие вассалитета» [12, с.14]. В связи с этим нельзя обойти вниманием вопрос о различии подходов к определению феодализма историками марксистского направления, которые считают феодализм определенной общественно-политической формацией, и их буржуазными коллегами: «Буржуазные историки, говоря о феодализме, понимают при этом не определенную общественно-экономическую формацию, не тип производственных отношений, а лишь связи внутри господствующего класса (сюзерены и вассалы)» [12, с.24]. С тех пор позиции англо-саксонских историков по данному вопросу не изменились. Достаточно привести в качестве примера еще находящуюся в печати работу сотрудника Университета Нью-Мексико Ю.А. Михайловой «О некоторых направлениях в современной медиевистике и их значимости для изучения Древней Руси», в которой она рассматривает различные подходы, раскрывающие суть феодализма. Классическое же определение его в «узком» смысле, как считает автор, принадлежит бельгийскому ученому Ф.-Л. Гансхофу: «Система общественных институтов, формирующая и регулирующая обязательства послушания и службы, преимущественно военной, которые один свободный человек (вассал) принимает на себя по отношению к другому свободному человеку (сеньору), а также обязательства обеспечения и покровительства, которые сеньор принимает на себя по отношению к вассалу».

Кстати, в учебнике истории А. Трачевского за 1885 г. (за десять лет до рождения Ф.-Л. Гансхофа) читаем: «Пользуясь борьбой между детьми Карла [Великого], ленники образовали сильную аристократию, превратившихся в наследственных владетелей с верховной властью. Они назывались вассалами или рыцарями, а император - сюзереном, что означало первого среди равных. Этот политический порядок называется феодализмом» [11, с.19].

Однако время, когда историография была ареной классовой борьбы, по-видимому, закончилось. И вряд ли в данной статье уместно повторно рассматривать англо-саксонскую историографию, которая анализировалась в книге В.П. Шушарина, тем более, что позиции и взгляды многих западных историков, как уже указывалось, по вопросам возникновения и развития Древней Руси практически не изменились, а выводы сделанные автором книги разделяются авторами статьи. Но с тех пор появились новые работы англо-саксонских историков. И, хотя вопросы в них рассматриваются по старой схеме, заметно изменение в сторону большей объективности.

Так, по мнению британских историков С. Франклина и Дж. Шепарда Древняя Русь складывается благодаря развитию международной торговли, которой занимались преимущественно скандинавы-викинги, которыми двигала, «жадность и алчность», и которые массово оседали на землях будущей Руси. Однако они считают, что у Древней Руси был предшественник в лице каганата русов, который многие отечественные историки считают всего лишь историческим фантомом. Но, по мнению С. Франклина и Д. Шепарда, он был вполне реальным политическим образованием, который также складывался на основе торговли: «Очевидно, что к 838 г. у русов возникла определенная политическая организация во главе с каганом (хаканом)...» [1, p.31], с центром в Рюриковом Городище [1, p.35,41,54]. Однако это образование было не государством, а, скорее, свободным союзом предпринимателей, которые находились в постоянном движении в поисках прибыли, и по этой причине они не имели постоянных поселений, крепостей и могильников [1, p.44-45]. Сам каган был скорее церемониальной фигурой и зависел от своих дружинников. «Такой политический порядок основывался на негласном соглашении [кагана] с новоприбывающими из Балтийского региона о том, что получение серебра

являлось общей целью. Не менее важным было взаимодействие с местным населением, которое только формально подчинялось руси в целом и кагану в частности». Таким образом, каганат в представлении британских историков выступает в качестве непосредственного предшественника Древней Руси, которое формируется в начале X в. на Среднем Днепре. Авторы даже допускают, что каганат мог просуществовать еще и в X в., и что каган мог посылать в Киев своих наместников [1, p.112-113].

Американский историк-славист Т. Нунен также отмечал, что титул «каган» был хорошо знаком русам и использовался ими в политической жизни как минимум с первой половины IX в. (в это время он принадлежал не Рюриковичам, а другой группе русов, жившей где-то на севере), что, по его мнению, свидетельствует о влиянии Хазарского каганата. По мнению Т. Нунена, после крещения Руси Владимиру нужно было укрепить свои позиции в качестве верховного правителя, однако он не мог опереться на византийский опыт государственного строительства, поскольку византийская идеология, религия и политические практики были абсолютно неизвестны большинству его подданных - восточным славянам, балтам и финнам. С другой стороны, население Среднего Днепра и Верхней Оки было хорошо знакомо с хазарами, их институтами и имперской идеологией, а сами князья Киева еще и до Владимира прекрасно знали об успехах хазар в строительстве сложной гетерогенной империи и стремились их повторить. Принимая хазарский титул, князья Киева «наследовали» право на власть над различными народами и это укрепляло их легитимность. Они строили свое государство по хазарской модели, т.е. клали в его основу международную торговлю и сбор дани с покоренных племен и пошлин с купцов. Таким образом Т. Нунен считает международную торговлю одним из основных факторов формирования древнерусской государственности. При этом, однако, исследователь признает, что эти утверждения доказать достаточно сложно, т.к. политические институты Древней Руси были комплексными и синтетическими, имели различные источники происхождения [4, p.86-94].

«Торговой теории» происхождения Древнерусского государства придерживается и американский историк Р. Пайпс, он пишет: «В России норманны занимались в основном международной торговлей, не претендуя на политическое господство, в отличие от Западной Европы. Они создали сеть укрепленных городищ вдоль основных речных магистралей, в которые стекалась дань с окрестных племен: рабы, пушнина и воск, которые затем шли на продажу в Византию и арабский мир. В X в. появляются постоянные укрепленные поселения, в которых жили норманнские вожди, их семьи и дружинники. Вокруг селились местные ремесленники и торговцы». И далее: «Опасности, связанные с международной торговлей вынуждали города-крепости к некоей организации. Этот процесс начался после около 800 г. с появлением норманнских поселений в районе Ладожского озера и закончился в 882 г., когда князь Олег объединил под своей властью две крайние точки пути «из варяг в греки» Выбор Киева в качестве резиденции князя был обусловлен необходимостью контролировать южный участок пути «из варяг в греки», который проходил по населенным кочевниками степям. Также он служил местом, куда стекалась и, затем. отправлялась в Константинополь дань со всей Руси. Созданное норманнами на Руси государство скорее напоминало крупную торговую компанию по типу Ост-Индской или компании Гудзонова залива, которые создавались для получения прибыли, но, ввиду отсутствия, в местах их деятельности какой-либо внешней администрации, вынужден были осуществлять также и квази-государственные функции. Великий князь Киева был главным купцом, а его «государство» - коммерческой корпорацией, состоявшей из слабо связанных между собой городов, воинские контингенты которых собирали дань с местных племен и поддерживали некое подобие общественного порядка. Князья были фактически независимы друг от друга и, вместе со своими дружинниками, сформировали особую касту, жившую отдельно от остального населения по своим законами и погребаемую в отдельных могилах. Власть осуществлялась князем, который зимой ездил по окрестным деревням и собирал дань. Лишь в XI в. появилось вече, хотя отношения между ним и князем не были структурированы, поэтому власть на Руси не ограничивалась ни законом, ни народной волей. Нежелание выработать четкую систему наследования свидетельствует об отношении норманнов к своему государству. Киевским князьям постоянно приходилось организовывать съезды, на которых урегулировались разногласия и конфликты» [7, p.29-31].

С этой точкой зрения согласны и остальные авторы, указанные нами выше. Нет разногласий у них и по поводу того, что основными торговыми партнерами Древнерусского государства были страны мусульманского Востока и Западной Европы в отличие от отечественных историков, которые считают основным торговым путем Руси «путь из варяг в греки».

Еще дальше идет в своих выводах М. Уиттоу: «Арабские источники утверждают, что главной торговой артерией Руси был не Днепр, а Волга, и что «русская земля» располагалась поблизости от Волжской Булгарии. И лишь в середине X в. аль-Истахри и ибн-Хаукаль указывают на существование Киева... Договоры с Византией не свидетельствуют ни о важности днепровского торгового пути, ни о том, что он функционировал продолжительное время... Поэтому в Киеве, Смоленске и других днепровских городах находят лишь незначительные свидетельства торговли с Византией... Таким образом мнение о пути «из варяг в греки» как о важнейшей торговой артерии - всего лишь вопрос слепой веры... Благодаря [археологическим] материалам можно утверждать, что именно Волга, а не Днепр, была главной торговой артерией для русской торговли. И именно возможность меховой торговли с исламским миром и привела, в первую очередь, викингов-русов в этот регион» [10, p.248-249].

Близкой точки зрения придерживается и Дж. Мартин: «Когда легендарные предки Владимира [варяги] появились на славянских и финских землях, они начали, подобно викингам, разорявшим Западную Европу, организовывать рейды на местное население. Они захватывали пленных и наиболее ценные товары, такие как меха, воск и мечи. Затем они спускались по Днепру и Волге, чтобы обменять свою добычу в Булгаре, Итиле и Херсоне на шелка, парчу, изделия из стекла, украшения, пряности, вина и серебро. В конце концов некоторые из скандинавских налетчиков, такие как легендарный Рюрик, изменили свои отношения со славянскими племенными сообществами. Они стали их князьями, отказавшись от грабежей и набегов, учредив взамен ежегодные выплаты дани. В обмен на эту дань и признание их главенства, князь защищал своих подданных от других варягов, а также от Хазарского каганата, требовавшего дань от славян» [3, p.13].

А американский историк К. Раффеншпергет замечает: «В истории экономики Средневековья Киев обычно считается центром торговли между «варягами и греками», располагавшемся на пути, связывавшем Скандинавию и Византию. Но Киев был также центром торговли между Западом и Востоком, находясь на торговом пути, который вел из Майнца и Регенсбурга в Германии через Богемию и Польшу на Русь и затем - в Среднюю Азию. При этом Русь (но не Киев) была также связана с третьей экономической зоной, центр которой находился на Балтике» [9, p.117]. Таким образом, торговля была важнейшим фактором развития Руси на ранних этапах [9, p.150].

Также общим мнением указанных авторов можно считать и то, что решающую роль в окончательном формировании Древнерусского государства они отдают скандинавам - руси, - которые составляли политическую элиту, хотя к легенде о призвании Рюрика с братьями многие относятся скептически [1, p.39,57] и вскользь говорят о славянских структурах, которые могли бы предшествовать формированию государственности: о том, что и до, и после начала правления варяжских князей местные славянские и финно-угорские племена управлялись по своим принципам своими племенными старейшинами [3, p.13].

Так Р. Пайпс считает, что сообщества славян были объединены в «миры», основанные на почитании общих богов. Совокупность «миров» формировала племя, в котором власть принадлежала старейшинам [7, p.28], а С. Франклин и Д. Шепард отмечают, что, согласно византийским источникам, к 860 г. на Руси уже были князья и старейшины [1, p.55], а также шаманы, которые часто были могущественнее правителей [1, p.45]. Они также отмечают, что славяне, жившие в расположенных рядом поселениях, осознавали свое родство и необходимость коллективной обороны. Но изолированность этих поселений, их разбросанность на большой территории не способствовали появлению общественно-политических структур [1, p.71]. Т. Нунен указывает на то, что сами источники практически ничего не сообщают о славянских предгосударственных структурах: «Авторы Повести временных лет практически ничего не сообщают о политической структуре восточных славян до появления Киевского государства. До некоторой степени это можно объяснить незнанием. В то же время, эти авторы, скорее всего, намеренно скрывали информацию о правителях Руси до Рюриковичей. Летописцы упоминают некоторые восточнославянские племена, однако мы не знаем когда и как эти племена появились, а также какую роль они играли в восточнославянском сообществе. Также в летописях упомянут древлянский князь Мал, «лучшие люди» и старейшины древлянской столицы Искоростеня. Можно только догадываться, какую роль они играли, и какие функции исполняли. Короче говоря, крайне мало можно сказать о политической организации восточнославянских земледельцев, которые постепенно заселяли лесную и лесостепную зоны...» [5, p.506].

Более детально описывает предгосударственные структуры восточных славян американский историк В. Ханак. По его мнению, до призвания варягов на Руси уже в VII - VIII вв. существовали князья, которые были потомками племенных и клановых лидеров и которые стали ядром потомственного класса территориальной знати, воеводы - военные вожди, - и вече, которое изначально было общим собранием клана или племени, но, с появлением торговых «градов», превратилось в консультативный орган городского управления с административными, религиозными и законодательными функциями [2, p.149-155]. Появление «градов» способствовало и изменению роли князей: они стали оставлять традиционную роль патриархального главы племени или клана и становились правителями определенных регионов, с центрами в торговых городах [2, p.150]. При этом, однако, исследователь отмечает, что титул «князь» хоть и был знаком восточным славянам, практически не использовался, а в восточнославянской среде не возникло собственных правящих родов [2, p.152]. Вся власть была сосредоточена в руках военной аристократии - воевод, которые охраняли «грады» и торговые пути. Что касается вече, то оно, по мнению В. Ханака, только мешало формированию единого общерусского политического союза, т.к. уходило корнями в родоплеменную организацию и не могло возвыситься над интересами отдельных политических групп [2, p.161]. Также он отмечает, что славянские «грады» и племенные центры могли сохранять традиционные социально-политические структуры и институты, пока не выступали против интересов Рюриковичей. Однако восстания в восточнославянской среде побудили князя Олега ускорить процесс политического и экономического подчинения сельской округи созданным им военным центрам, в которые он назначал знатных варягов и бояр. Это привело к распаду славянских племен, и, в отсутствие стабильных территориальных политий, князь смог предохранить себя от возможного появления независимых славянских объединений в будущем. Возникшая в итоге структура была гетерогенной политической общностью, связь которой с Киевом обеспечивалась личными качествами и военной силой киевского князя, его способностью держать данников под контролем [2, p.150,19]. Завершился процесс инкорпорации славянских земель в киевское государство при княгине Ольге, хотя после разделения князем Святославом русских земель между своими сыновьями, славяне смогли снова ненадолго выйти из-под контроли Рюриковичей [2, p.21]. Таким образом, делает вывод В. Ханак, можно говорить о том, что ко времени начала правления князя Владимира норманны играли заметную роль в консолидации восточнославянских племен в слабо организованное государство, при этом единоличное правление Рюриковичей было ограничено столкновениями с противоборствующими варяжскими кланами [2, p.107].

Также общим местом в исследованиях указанных авторов является факт массовой ассимиляции на Руси выходцев из Скандинавии Р. Пайпс пишет, что норманны-русы довольно быстро ассимилировались в среде местного населения посредством браков и вливания славян в военные структуры русов [7, p.34]. М. Уиттоу также полагает, что в конце IX - начале X вв. археологически выделяется отличное от своих славянских соседей викингское сообщество, однако затем викинги ассимилируются в славянской среде, и это говорит о том, что скандинавы-русы изначально были небольшой группой, чья активность. однако, послужила катализатором фундаментальных изменений в русской лесной зоне [10. p.244-245]. В. Ханак полагает, что уже ко времени правления Владимира трудно было найти чисто славянские или скандинавские знатные семьи [2, p.151].

По мнению британского исследователя Д. Оболенского главный вклад варягов в развитие Восточной Европы, за исключением совместного со славянами создания Древнерусского государства, заключался в том. что они обеспечивали связь между ее составными частями. При этом их вклад в культуру региона был незначительным: несколько скандинавских заимствований в русском языке, относящихся к политической сфере и торговле - вот отражение реального варяжского влияния на социальную и культурную жизнь восточных славян [6, p.235].

Но наиболее важным вопросом, вокруг которого уже не первое столетие ведутся споры среди отечественных, а с недавнего времени и среди западных ученых, является вопрос места, которое Древнерусское государство занимало в системе европейских государств. И если по мнению одних ученых, Русь - это часть Европы, то по версии других, Русь, в силу своих внутренних особенностей, радикально отличалась от Западной Европы, двигаясь своим путем, не похожим на европейский путь развития.

Так, Р. Пайпс, как уже отмечалось выше, описывал начальное Древнерусское государство как «торговую компанию», главной целью норманнских правителей которой было получение доходов. Он пишет: «Государство не происходило напрямую из общества, которым оно управляло. Ни вожди, ни дружинники не были частью

славянского общества. Норманнская элита долгое время сохраняла полуколониальный характер: она была заинтересована не в эксплуатации земли, а в получении дани, поэтому сохранялся разрыв между управляющими и управляемыми, следовательно, в русском обществе не было общего, объединяющего интереса, два слоя общества сосуществовали, сохраняя разную идентичность, не осознавая сопричастность друг другу» [7, p.34]. Вся государственная система была неэффективна, не существовало ни четкой системы наследования (в результате чего представители каждого нового поколения Рюриковичей сражались за власть между собой), ни ограничивающих всевластие князя институтов. Военная организация общества была необходима из-за постоянной борьбы с кочевниками и нестабильности на западных рубежах, даже города имели скорее не экономическое, а военно-политическое значение. Государство развивалось параллельно обществу и мало-помалу поглощало его. В результате Русь находилась в «состоянии непрерывного внутреннего конфликта, что ее и погубило» [7, p.32]. Этим же Русь коренным образом отличалась от феодальных государств Западной Европы, в основе которых лежали три принципа: политическая децентрализация, вассалитет и зависимое землевладение [7, p.49]. А тот факт, что норманны относились к Руси как к общей династической собственности, а не как к собственности одного члена династии или ее ветви, говорит о том, что они не знали политической власти и рассматривали ее с точки зрения частных, а не публичных позиций [7, p.32]. Таким образом, если следовать точке зрения американского историка, Русь была, фактически, полуварварской периферией Западной Европы, которая, по тем или иным причинам, отвергла европейский путь развития. Эти идеи Р, Пайпса были высказаны им еще полвека назад, но до сих пор, находятся ученые и публицисты, в том числе и в России, которые отстаивают подобную точку зрения. Однако в основном они были опровергнуты западными историками в 1990-х - 2000-х гг., которые постепенно начинали пересматривать те положения, относящиеся к истории Древнерусского государства, которые сложились в ходе военно-политического противостояния СССР и США. К. Раффеншпергер, в частной переписке с одним из авторов статьи, писал, что взгляды Р. Пайпса были продуктом идеологического противостояния эпохи «холодной войны», а также проистекали из его личного негативного отношения к СССР.

Д. Оболенский же не считал, что Древняя Русь была оторвана от Европы. Наоборот, по его мнению, она была частью т.н. «Византийского Содружества» (Byzantine Commonwealth, по аналогии с Британским Содружеством наций), т.е. группы государств, которые признавали, по крайней мере формально, главенство византийского императора над восточно-христианским миром [6, p.1]. Географически Содружество охватывало всю Восточную Европу за исключением Польши. Такая вовлеченность русов и их славянских подданных в византийскую политическую орбиту путем торговли, дипломатии, личных и культурных контактов доказывается договором 911 г. [6, p.187]. При этом правители русов (с титулом архонт) занимали в византийском придворном церемониале среднюю позицию, на одном уровне с мадьярами и печенегами - выше кавказских князей, но ниже царя болгар, правителей франков и багдадского халифа [6, p.116,200]. Но после того как князь Владимир вступил в брак с византийской принцессой Анной Порфирородной, его статус в Содружестве повысился, и он стал равен царю Болгарии, который получил царский титул также благодаря свадьбе с византийской принцессой [6, p.200]. Но, несмотря на свое место в Византийском Содружестве, правители Руси всегда были независимы от Византии, хотя и признавали византийского императора главой православного сообщества, обладающего метаполитической юрисдикцией над Русью [6, p.201]. Свою легитимность русские князья основывали не тем, что их полномочия были делегированы императором Византии, а, во-первых, принадлежностью к правящей династии, восходящей к Владимиру и Рюрику, которая единственная обладала правом на управление страной, и, во-вторых (после принятия христианства), божьей волей [6, p.223].

С. Франклин и Д. Шепард соглашались с Р. Пайпсом в том, что Русь не была хорошо отлаженной системой, которая страдала от различных проблем, например, от отсутствия четкой системы наследования, дробления уделов и т.д.. Однако, по их мнению, она имела возможность постоянно адаптироваться и приспосабливаться к новым условиям, поскольку русы «никогда не действовали по заранее обдуманному плану» [1, p.XIX]. И если, согласно Р. Пайпсу, Русь, начиная со второй половины XI в. вступает в затяжную полосу упадка, то для С. Франклина и Д. Шепарда это - начало эпохи процветания Руси: «Время политического упадка Киева было также и временем экономического и культурного развития Руси в целом. Если отказаться от киевоцентричной схемы, то тогда окажется, что не было никаких взлетов и падений, а был только

подъем, постоянный рост и развитие. Русские земли процветали экономически и культурно благодаря их политической гибкости» [1, p.XIX]. И хотя ученые прямо не говорят о том, что Русь была частью Европы, они указывают на их торговые и культурные связи.

Сходной позиции придерживается и Дж. Мартин, которая считает, что, несмотря на конфликты и удельную раздробленность, в конце XI - начале XII вв. усилилась взаимное сотрудничество внутри династии, что привело к возросшей координации военных усилий. В результате была отражена угроза со стороны кочевников-половцев [3, p.59-60]. В XII в. развивается городское ремесло, что ведет к росту прежде второстепенных региональных центров. В результате, несмотря на политическую раздробленность, усиливается ощущение единства, особенно в городах, где постепенно стираются различия между культурными и этническими группами, а население оказывается связано экономическими и культурными связями [3, p.98-99]. И, хотя Дж. Мартин напрямую не утверждает, что Русь была частью Европы, все же отмечает тождественность процессов протекающих на Руси в.и в Западной Европе XI - XII вв.

К. Раффеншпергер, хотя и отвергает и концепцию «Византийского Содружества» Д. Оболенского, также считает, что Русь, вплоть до середины-конца XII в., была частью европейского сообщества государств, и лишь после установления монголо-татарского ига эта связь окончательно оборвалась [9, p.2]. Он пишет: «В данной работе [«Reimagining Europe»] предпринята попытка пересмотреть неверное представление о том, что Русь в X - XII вв. была частью «Византийского Содружества» и, таким образом, не была частью Европы. Вместо этого мы предлагаем более полную картину того времени, в которой Русь является такой же составляющей частью большого европейского мира и сообщества, как и ее соседи - Швеция, Польша, Священная Римская империя и Венгрия, и которая бросает вызов традиционному взгляду на место Руси в Европе. Наша цель заключается в расширении понятия «средневековая Европа», а также в расширении историографической базы исследования. Такой подход позволит российским исследователям использовать материалы своих европейских коллег и наоборот, чтобы выявить взаимосвязи и взаимоотношения между различными европейскими государствами, включая Русь. Все это приведет к лучшему взаимопониманию всех вовлеченных в исследовательский процесс сторон...» [9, p.2]. И далее: «Русь была намного ближе (в том числе политически) к Скандинавии, Польше, Священной Римской империи и Венгрии, чем к далекой Византии, от которой ее отделяло не только Черное море, но и опасная и непреодолимая степь» [9, p.53]. По мнению исследователя, можно выделить три фактора, которые связывали Русь и Западную Европу в X - XII вв.: это торговля, династические браки и религиозные контакты. Если коротко, то суть его аргументов, по каждому из факторов, сводится к следующему: во-первых, в X - XII вв. из пятидесяти двух известных из источников династических браков Рюриковичей сорок пришлись на браки с представителями европейских владетельных домов [9, p.71]; во-вторых, Русь находилась на перекрестке нескольких торговых путей: первый вел от Балтики на Волгу и далее к Каспийскому морю, по этому пути в Европу поступали арабские дирхамы. Другой, наиболее известный путь, вел из Новгорода в Константинополь. И, наконец, путь, который вел из Регенсбурга через Киев в Среднюю Азию. Нельзя также не учитывать, поясняет автор, тот факт, что эти торговые пути не просто проходили по территории Руси, сами русы активно участвовали в международной торговле [8, p.150-151], при этом политика и торговля были тесно связаны [8, p.153]; в-третьих, главная цель политики киевских князей заключалась в сохранении собственной независимости и поддержании уникальности Русской церкви, которая, хотя и подчинялась назначаемому Византией митрополиту и принимала некоторые византийские практики и структуры, имела немало черт, роднивших ее с западноевропейскими национальными церквями (например, некоторые даты церковных праздников, святые, календарь и т.д.) [9, p.184-185].

Таким образом, подводя итог обзору концепций заявленных в начале авторов, можно выделить три главных направления. по которым развивается англо-саксонская историография конца XX - начала XXI вв. И хотя роль и соотношение этих направлений по-разному оценивается разными авторами, можно сделать следующие выводы:

1. Главной экономической базой и целью создания политических структур Древней Руси была международная торговля. Определенное значение имели военные функции власти. Остальные функции отсутствовали.

2. Центрами торговли и власти были торговые города-крепости.

3. В IX - X вв. на Руси было два слоя общества и власти - норманны-русы и славяне.

Исходя из этого, вырисовывается совокупность взглядов на процессы, которые протекали на Руси в IX - XII вв. При этом они мало отличаются от тех, которые были представлены в западной историографии до 1960-х гг. и были выделены В.П. Шушариным. Тем не менее, некоторые изменения налицо: так, указанные авторы уже не отрицают, что Древняя Русь была особым этапом русской истории. Также, несмотря на «извод» русов из Скандинавии, всеми признается, что скандинавское влияние на формирование древнерусской государственности было невелико, поскольку они довольно быстро ассимилировались в местной славянской и финно-угорской среде, выступив неким катализатором общественно-политических процессов, которые и до их появления протекали в среде местных племен. Ими же, в основном, отмечается поступательное развитие Древней Руси, которая была, по их мнению, органичной составной частью европейской системы государств вплоть до монгольского вторжения.

В заключении хотелось бы еще раз отметить возросший интерес к истории Древней Руси в среде зарубежных авторов, имея ввиду, к примеру, уже готовящиеся к печати работы К. Раффеншпергера о политическом устройстве Древней Руси, а также канадского историка Н. Заяц, посвященные матримониальным связям женщин того же периода и др.

Список литературы

1. Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus. 750-1200. Longman Publishing. N-Y. 1996. 450 p.

2. Hanak W.K. The Nature and the Image of Princely Power in Kievan Rus’, 980–1054: A Study of Sources. Brill. Leiden-Boston, 2014. 204 p.

3. Martin J. Medieval Russia. 980-1584. Cambridge University Press. 2007. 507 p.

4. Noonan Th. The Khazar Qaghanate and its Impact on the Early Rus' State: The translatio imperii from Itil to Kiev // Nomads in the Sedentary World, eds. Anatoly Khazanov and André Wink. Richmond, England: Curzon Press, 2001. Pp. 76-102

5. Noonan Th. European Russia, c. 500 – c. 1050 / The New Cambridge Medieval History, ed. T. Reuter. Vol. III. Cambridge University Press, 2008. Pp. 487-513.

6. Obolensky D. Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500-1453. Praeger Publishers. N-Y. 1971. 445 p.

7. Pipes R. Russia under the Old Regime. Charles Scribner's Sons. N-Y. 1974. 361 p.

8. Raffensperger C. Rusian Economic and Marital Policy: An Initial Analysis of Correlations. // Festschrift in Honor of Richard Hellie in Russian History/Histoire Russe 34:1–4. 2007. Pp. 149-159.

9. Raffensperger C. *Reimagining Europe: Kievan Rus’ in the Medieval World, 988–1146*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012. 329 p.

10. Whittow M. The Making of Byzantium. 600-1025. University of California Press. Berkeley and Los-Angeles. 1996. 477 p.

11. Трачевский А. Учебник истории. СПб: Издание Карла Риккера, 1885. 575 с.

12. Шушарин В.П. Буржуазная историография Древней Руси. М.: Наука, 1964. 295 с.

Об авторах

Федосов Андрей Владимирович – старший преподаватель факультета дополнительного образования, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, fedosov-andrey@yadnex.ru

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, shinakov@mail.ru

УДК 327.7

СОЮЗ АРАБСКОГО МАГРИБА: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Фролова И.Б.

В статье рассматриваются интеграционные процессы в странах Северной Африки после получения ими независимости. Несмотря на популярность идеи единства, руководителям стран Магриба не сразу удалось договориться о формате и принципах деятельности Союза Арабского Магриба. Созданный в 1989 г., САМ, хотя и показал себя полезной и жизнеспособной организацией, но за прошедшие десятилетия развивался крайне неравномерно. В статье анализируются политические и экономические причины стагнации интеграционных процессов в странах Северной Африки. Исследуется влияние, оказанное событиями «арабской весны» на стремление стран региона к единству.
Ключевые слова: арабские страны, Союз Арабского Магриба, интеграция, экономическое сотрудничество, свободная торговля, политические противоречия, проблема Западной Сахары, «арабская весна».

ARAB MAGHREB UNION: CHALLENGES, PROBLEMS, PROSPECTS

Frolova I.B.

The article examines the integration processes in North African countries after their independence. Despite the popularity of the idea of unity leaders of Maghreb countries not at once have agreed about a format and the principles of activity of the Arab Maghreb Union. Created in 1989 AMU though has proved to be the useful and viable organization, but for last decades developed extremely unevenly. In article the political and economic reasons of stagnation of integration processes in the countries of North Africa are analyzed. The impact exerted by events of "the Arab spring" on aspiration of the countries of the region to unity is investigated.
Keywords: Arab countries, Arab Maghreb Union, integration, economic cooperation, free trade, political contradictions, the problem of Western Sahara, the "Arab spring".

С начала XX в. вопрос единства стран Магриба занимал важное место в политической жизни Алжира, Ливии, Мавритании, Марокко и Туниса. В период колониальной зависимости он воспринимался в этих странах как лозунг освободительного движения, после обретения независимости – как жизненная необходимость для преодоления социально-экономической отсталости и зависимости от бывших метрополий. На современном этапе проблема достижения единства странами региона выглядит как шаг на пути к общеарабскому единству и как этап естественного процесса общей глобализации.

Идея единства стран Магриба начала оформляться в 1945 г., когда лидеры национальных партий Туниса и Марокко «Новый Дустур» и «Истикляль» подготовили проект Магрибинской хартии, в которой были определены принципы и заложены основы будущей федерации Алжира, Марокко и Туниса после обретения ими независимости. Сразу же после ликвидации колониального правления в Марокко и Тунисе в 1956 г. руководители молодых независимых стран король Мухаммед V и премьер-министр Х. Бургиба разработали план создания «Единого Арабского Магриба» [1, с. 12]. В Конституции обоих государств были внесены положения о стремлении к единству [2, с. 67]. Наиболее приемлемой формой объединения руководителями двух стран была признана федерация в составе Туниса, Марокко, Алжира, Ливии, Мавритании и территории «Испанской» Западной Сахары после обретения всеми этими странами независимости. В 1958 г. по инициативе короля Марокко Мухаммеда V состоялась «конференция единства», на которой представители политических партий Марокко, Туниса и сражающегося за независимость Алжира договорились о создании консультативной ассамблеи Магриба, постоянного секретариата и представительных федеративных институтов. Была достигнута договоренность о принятии совместных решений в области внешних сношений и обороны.

Конкретные очертания идея единства Магриба начала приобретать лишь после завоевания независимости Алжиром в 1962 г., поскольку только с этого времени стало возможно обсуждение вопросов, касавшихся налаживания экономического сотрудничества в регионе. Этому вопросу было посвящено совещание экспертов Марокко, Алжира, Туниса и Ливии в Танжере в 1964 г. Установление экономических связей между странами Магриба расценивалось участниками совещания как первый шаг к политическому единству. В осуществление рекомендаций совещания в 1966 г. были созданы Постоянный консультативный комитет Магриба, совет министров экономики стран региона, специализированные экономические комитеты и комиссии. Регулярными стали совещания министров

экономики стран Магриба, на которых рассматривались вопросы налаживания сотрудничества.

Однако на пути достижения экономического единства магрибинских государств возникли трудности, обусловленные тем, что они являлись производителями и экспортерами примерно одних и тех же товаров и продуктов, что обостряло конкурентную борьбу между союзниками и заставляло искать торговых партнеров вне Магриба. Попытки приблизиться к политическому единству также испытывали трудности. Причинами служили несходство режимов стран региона, конкуренция их руководителей за лидерство в Магрибе, взаимные территориальные претензии. Особую остроту вопрос об определении государственных границ приобретал по мере обнаружения и разработки на спорных территориях месторождений ценных полезных ископаемых. В 1960 – 1970-е гг. наиболее острыми были территориально-пограничные конфликты между Алжиром и Марокко, Тунисом и Алжиром, Марокко и Мавританией, Ливией и Тунисом.

Важную роль играли и личные взаимоотношения лидеров стран Магриба: период постколониального становления государственности стран Северной Африки не обходился без конфликтов, угроз, разрыва дипломатических отношений и отвержения даже самой идеи «единого Магриба». Самым конфликтным руководителем показал себя лидер ливийской революции М. Каддафи. Изначально будучи сторонником идеи «единого Машрика», он в 1970-х гг. настаивал на создании Федерации Арабских республик в составе Ливии, Египта и Сирии. Лишь разочаровавшись в этих планах, он склонился к активизации сотрудничества со странами Магриба [3, с. 109].

Серьезным испытанием для руководителей стран Магриба на пути к политическому единству стала проблема Западной Сахары. Возникшая в начале 1970-х гг., она породила территориальный конфликт и на десятилетия отравила политическую обстановку в регионе, разобщив соседей, поскольку Алжир и Ливия выступили на стороне фронта ПОЛИСАРИО, выдвинувшего притязания на спорную территорию. Тунис поддержал позицию Марокко и Мавритании.

Хотя сама идея единства в целом и не утрачивала актуальности и притягательности для магрибинских элит, но ликвидация груза противоречий и разногласий требовала немалого времени и политических усилий. Еще одна попытка такого рода была предпринята в 1973 г. Тунисский лидер Х. Бургиба выдвинул план поэтапного объединения путем создания Соединенных Штатов Магриба в составе Туниса, Алжира и Ливии с возможностью присоединения Марокко и Мавритании [4, с. 35]. Руководители стран региона отреагировали на это предложение прохладно, ссылаясь на отсутствие в предложенном плане ясной программы объединения. Лидеры стран Магриба сошлись на том, что на данном этапе возможно говорить о достижении двустороннего единства, которое станет первым шагом к региональному. Так, уже в январе 1974 г. Тунис и Ливия подписали соглашение о союзе, строившемся на основе конституционных принципов, действовавших в каждой из стран. Предполагалось, что оба государства станут единой страной под названием Мусульманская Арабская республика (МАР), которая будет иметь единую конституцию, одного президента, общую армию [5, с. 37-38]. Но МАР не просуществовала и трех дней, формальной причиной стало несоответствие конституционным нормам Туниса. Истинными причинами провала попытки объединения были отсутствие объективных предпосылок и различные подходы руководителей стран к формату будущего единства.

Попытки объединения стран региона предпринимались и далее: в 1975 г. Ливия и Алжир подписали соглашение о создании политического, экономического и военного союза [6, с. 7]. В 1983 г. Договор о братстве и согласии подписали Алжир и Тунис, в 1984 г. Договор о союзе был заключен между Марокко и Ливией, в 1987 г. делегации АНДР и Ливии обсуждали проект Хартии единства, предусматривавшей создание федерации – Союза государств Арабского Магриба [7].

Руководители Алжира, Ливии, Мавритании, Марокко и Туниса собрались вместе 10 июня 1988 г. по завершении работы общеарабского совещания глав государств и правительств. Обсуждался вопрос о единстве стран региона. По итогам встречи была достигнута договоренность о создании специальной комиссии для выработки конкретного плана реализации идеи построения Великого Арабского Магриба. На этой же встрече обсуждался вопрос о создании организации подобной «Общему рынку» в Европе.

Руководители стран региона осознавали, что процесс создания магрибинского сообщества будет длительным и трудным в силу сохранявшихся различий в государственном устройстве, социально-экономических и политических условиях, общем уровне развития, разногласий

в подходах к тем или иным актуальным международным и региональным проблемам. Преобладало мнение, что союз стран Магриба сможет оформиться не ранее, чем через 5 лет. Однако итоговая встреча глав государств региона состоялась 16–17 февраля 1989 г. в Марракеше. В ходе этой встречи был подписан Договор о создании Союза Арабского Магриба (САМ), учреждены руководящие органы: Президентский совет, Совет министров иностранных дел, Консультативный совет, Верховный суд [8, с. 47].

Создание Союза Арабского Магриба отразило стремление и готовность руководителей стран региона к интеграции, желание совместными усилиями противостоять диктату транснациональных монополий стран Запада и США, защищать свои национальные экономические интересы от внешнего диктата. Главной целью являлось углубление процесса региональной интеграции, объединение экономических потенциалов стран-членов САМ, координация их усилий в решении насущных экономических проблем региона.

Создание САМ стало логичным завершением эволюции политических взглядов лидеров Магриба относительно формы объединения стран региона – от федеративного устройства к конфедеративному и от конфедеративного – к унитарному. Союз был призван обеспечить тесную координацию действий «пятерки» в области внешней политики, экономики, образования, обороны, свободы передвижения граждан и грузов; содействовать социально-экономическому развитию стран-членов САМ путем сбалансированного использования их природных, материальных и людских ресурсов.

Цели и задачи САМ были сформулированы в 19-ти основных статьях Договора о создании Союза и касались различных областей деятельности организации: экономики, политики, культуры, социальной сферы. Приоритетным направлением внешней политики стран-членов САМ было признано укрепление связей с арабскими государствами, а также со странами-членами ЕЭС в силу исторически сложившихся тесных экономических и политических связей с ними. В перспективе имелось в виду поднять контакты с этой группой государств на уровень взаимодействия двух сообществ [9].

В 1989–1990 гг. началась реализация договоренностей, достигнутых руководителями стран-членов САМ в рамках Марракешского договора. Начали работу вновь организованные ассоциации и союзы, в которых объединялись усилия специалистов из пяти стран для решения общих задач Союза. Были выработаны законы, регламентирующие порядок инвестиций и упрощающий процедуры перемещения капиталов в пределах региона, заложены основы для перехода к единой финансовой системе. Было создано Магрибинское информационное агентство. Особое внимание уделялось координации политики в области здравоохранения и такой важной для региона сфере как добыча и транспортировка углеводородов.

Практическое осуществление совместных проектов по сооружению промышленных предприятий началось в 1993–1994 гг. Наибольшее значение для развития национальных экономик стран региона имели газопровод «Магриб – Европа» по маршруту Алжир – Марокко – Испания – Португалия, мощностью 9,8 млрд. куб.м. газа в год с последующим увеличением ее до 19 млрд. куб.м.; транссредиземноморский газопровод Алжир – Тунис – Италия, мощностью 12 млрд. куб. м. в год, которую позднее предполагалось увеличить до 24 млрд. куб. м. Еще один из крупных проектов САМ – трансмагрибинский газопровод протяженностью 400 км, шедший от г. Уэд-Саф-Саф в Тунисе через территорию Алжира до г. Эль-Зуара в Ливии, пропускной способностью 3,5 млрд куб. м. ежегодно. Для управления строительством и распределением газа была создана смешанная компания «Общество арабского Магриба по транспортировке природного газа». В рамках САМ был восстановлен алжиро-мавританский нефтеперегонный завод в Нуадибу мощностью 1 млн. т. нефти ежегодно, что позволило обеспечивать нефтепродуктами все страны-участницы Союза [10].

Организация совместных промышленных предприятий способствовала интеграции экономик стран Магриба. Так, совместный алжиро-тунисский завод по производству дизельных двигателей, принадлежащий «Магрибинскому производственному обществу», выпускал до 30 тыс. двигателей ежегодно. Продукция делилась в пропорции 37% - тунисской стороне, 63% - алжирской. Были организованы совместные алжиро-ливийские предприятия по изготовлению автомобильных узлов и сборке автомобилей, а также производство алюминия в г. Эль-Зуаре. Алжиро-тунисское предприятие цементный завод в Фериане (Тунис) производственной мощностью 220 тыс.т. в год снабжал своей продукцией Алжир, Тунис, Марокко и Ливию. Активно действовал на рынке стран-членов САМ «Магрибинский союз стекольной промышленности»

с участием тунисских, ливийских и марокканских бизнесменов [11, с. 269].

Успешно развивалось сотрудничество в области транспорта, были созданы совместные компании по морским, железнодорожным и воздушным перевозкам. Рассматривались проекты создания авиакомпании «Эр-Магриб» и Магрибинского агентства морского транспорта. Североафриканские страны подписали конвенцию о транзитных перевозках грузов и пассажиров наземным транспортом для обеспечения свободы передвижения внутри САМ. Стороны установили льготные тарифы на телеграфную и телефонную связь, наземный и морской транспорт. В соответствии с договоренностями была введена в эксплуатацию трансмагрибинская железнодорожная линия Тунис – Алжир – Касабланка протяженностью 2262 км и трансмагрибинская автострада Нуадибу – Тобрук, связавшая Ливию и Мавританию. Была также открыта авиалиния Тунис – Нуакшот [12, с. 13].

Благодаря постепенно налаживавшемуся взаимовыгодному сотрудничеству, интеграционным процессам в регионе и расширению потенциального рынка сбыта за счет стран-соседей наметились определенные сдвиги в развитии их национальных экономик. Так, объем производства в машиностроении Туниса в конце 1990-х гг. увеличился на 28,2%. В то время как в 1987 г. он сократился на 14,9 % по сравнению с 1983 г. из-за низкой конкурентоспособности большинства предприятий этой отрасли тунисской промышленности сравнительно с аналогичными предприятиями соседних стран из-за невысокой серийности [12, с. 14].

Несмотря на реальные достижения и постепенное совершенствование организационной структуры и юридической основы САМ, интеграционные процессы в регионе протекали неравномерно. Случались и периоды застоя по причине сохранявшихся разногласий и противоречий между руководителями стран-членов. В результате многие ранее принятые или находившиеся в стадии рассмотрения проекты так и остались на бумаге. В итоге за более чем 10-летний период существования Союза не была достигнута главная цель, поставленная при его создании, а именно: преодоление политических разногласий руководителей стран-членов САМ. Несмотря на взаимные уверения магрибинских лидеров в дружбе и желании сотрудничать, не было реализовано ни одно из 15-и соглашений, заключенных странами-участницами Союза, и даже главное из многих принятых ими решений – о создании общего рынка. В результате сократился общий товарооборот магрибинских государств. Имевший и ранее незначительные объемы (в начале 1990-х гг. – всего 5% общего объема экспортно-импортных операций), концу 1990-х гг. он снизился до 3% и составил незначительную часть их товарообмена с государствами-членами Европейского Союза. Товарооборот с Марокко, например, был всего 0,7% внешнеторгового оборота Туниса. В то время как в середине 1990-х гг. на страны ЕС приходилось до 45% марокканского импорта и 54% экспорта; 60% тунисского экспорта и почти столько же импорта [13, с. 45]. В последующий период общий объем внутримагрибинской торговли сократился еще более.

В результате лидеры стран Магриба стали задумываться о разумности и выгодности приоритетного развития экономических связей стран региона с ЕС, нежели друг с другом, поскольку в рамках САМ за время его существования было реализовано всего лишь несколько многосторонних проектов. И объяснялось это в большей степени не столько нехваткой финансовых средств, необходимых для осуществления отдельных проектов, сколько сохранением политических разногласий между руководителями стран-членов САМ, прежде всего, по проблеме Западной Сахары. Основные участники сахарского конфликта – Марокко и Фронт ПОЛИСАРИО – не проявляли готовности идти на компромисс, твердо отстаивали свои принципиальные позиции по проблеме. И если Мавритании и Марокко удалось договориться об урегулировании своих противоречий, то в отношениях Алжира и Марокко сохранялась напряженность.

Тем не менее, в начале 2002 г. появились признаки активизации деятельности САМ. На этот раз, как и в прошлом, инициатива исходила от тунисской стороны, от президента З.А. Бен Али и вновь избранного генерального секретаря САМ представителя Туниса Х. Булареса. В ходе переговоров с руководителями стран-членов Союза они предложили программу действий, направленных на создание общего рынка САМ, введение беспошлинного торгового обмена в рамках Союза, меры, направленные на достижение взаимодополняемости экономик стран Магриба, и предложили сосредоточить усилия на налаживании и активном развитии экономических связей в масштабах региона. Попытка договориться о конкретных мерах по оживлению деятельности организации была предпринята в январе 2002 г. в Алжире на встрече министров иностранных дел САМ. К сожалению, состоявшаяся встреча показала, что сохраняющиеся

разногласия и противоречия не позволяют магрибинским лидерам идти на взаимные уступки и компромиссы в решении вопросов региональной интеграции.

Столкнувшись с трудностями по активизации сотрудничества в рамках Союза, страны Магриба пошли по пути двустороннего сотрудничества, как это уже было в период, предшествовавший созданию САМ. Тунис и Марокко в 1996 г. подписали Соглашение о свободной торговле, которое открыло широкие возможности для развития торговых связей и инвестиций двух стран. Соглашением предусматривалась либерализация торговли товарами порядка 2000 наименований, которые подлежали свободному обмену и освобождались от уплаты таможенных пошлин. В марте 1999 г. Тунис и Марокко заключили еще более далеко идущее соглашение – о создании к 2007 г. зоны свободной торговли. Тунисская и марокканская стороны предоставляли на своих рынках более льготный режим товарам, производимым в странах Магриба, по сравнению с товарами из ЕС. Кроме того, подписанное соглашение расширяло возможности взаимного инвестирования капиталов. Налаживавшееся мароккано-тунисское торговое сотрудничество стало заметным шагом вперед в процессе региональной интеграции и могло служить стимулом для других стран региона для присоединения к Союзу [14, с. 68].

Однако серьезной проблемой на стыке тысячелетий стала нестабильность в регионе Магриба, порожденная всплеском религиозного радикализма и экстремизма в Алжире, развернувшейся там кровавой гражданской войной (1991 – 2002). Начавшаяся в 2011 г. «арабская весна» вместо ожидаемой демократизации обернулась для стран региона ростом угрозы религиозного экстремизма и терроризма. Реальность превращения Магриба в «горячую точку» усугубилась еще более после разгрома Ливии и Мали вооруженными силами международной коалиции стран западной Европы и США, главную роль среди которых сыграла Франция. В условиях сохраняющейся напряженности вопрос об интеграции стран Магриба отошел на второй план.

Следствием революционных событий в Северной Африке стал продолжительный политический и экономический кризис. Страны Магриба изыскивают возможности налаживания связей как с отдельными странами Европы, ЕС в целом и международными структурами. Так, Франция в рамках ЕС подписала ряд соглашений с Тунисом о предоставлении финансовой помощи в размере $ 89 млн [15]. В декабре 2014 г. между САМ и Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных наций был заключен договор и принята программа регионального развития на 2014 – 2017 гг. Она предусматривает создание благоприятных условий для повышения производительности сельского хозяйства стран Магриба, экономическую интеграцию Магриба через механизмы и программы сотрудничества, создание механизмов безопасности и устойчивого управления природными ресурсами региона.

Основное препятствие дальнейшему развитию интеграционного процесса представляют сохраняющиеся политические разногласия, главные из которых – между Алжиром и Марокко. Так, на заседании, состоявшемся в мае 2016 г. в Тунисе, министры иностранных дел стран Союза Арабского Магриба в очередной раз высказались решительно против военного вмешательства в Ливии. Также было принято решение избрать на пост Генерального секретаря САМ бывшего министра иностранных дел Туниса Аль-Таиба Аль-Бакуша. Все это происходило на фоне острых разногласий, возникших между Алжиром и Марокко, и завершились без принятия заключительного заявления. Алжир и Тунис несут большой политический груз в дополнение к нагрузке в области безопасности, которая легла на эти страны в результате проникновения террористов и оружия из Ливии в Алжир и Тунис. Примером этого могут служить события, произошедшие в районе Вади Суф на юге Алжира и в Бин Кардан на юге Туниса, что на границе с Ливией [16, с. 8].

Таким образом, проблема единства Магриба, несмотря на политические осложнения и неразрешенные противоречия, продолжает оставаться на повестке дня стран Северной Африки. Союз Арабского Магриба за 26 лет существования, при всей неравномерности интеграционных процессов, смог доказать полезность своего существования прежде всего для экономического развития региона. Вполне возможно, что экономические препятствия на пути арабской интеграции будут устраняться по мере структурной перестройки национальных экономик, развития двусторонних связей в этом регионе, содействия европейского и других международных центров экономической силы в формировании межрегиональных интеграционных группировок. Экспортная диверсификация на основе производства продукции с высокой добавленной стоимостью подведет базу под имеющиеся интеграционные соглашения и позволит перейти от зон свободной торговли к более высоким формам объединения.

Список литературы

1. Жерлицына, Н.А., Сологубовский, Н.А., Филатов, С.В. Диалог цивилизаций. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. 94 с.

2. Конституции государств Африки. М.,1975. 236 с.

3. La logique unitaire libyenne. Le Maghreb dans le monde arabe ou les affinittes selectives. Paris, 1987. 367 c.

4. Le nouveau plan pour l'unité du Maghreb // Jeune Africue. Paris. 1973. № 666. P. 35.

5. L'accord de la Tunisie et de la Libye // Jeune Africue. Paris. 1974. № 693. P. 37-38.

6. La nouvelle union du Maghreb // Revolution africaine. 1976. № 619. P. 7.

7. L'union des États du Maghreb Arabe // El Moudjahid. Alger. 1988. 23 September.

8. L'accord sur l'unité est signé // Jeune Africue. Paris. 1989. № 1470. P. 47.

9.Traite instituant L'Union du Maghreb Arabe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.maghrebarabe.org/en/marrakech.cfm

10. Deback Z. 20 ans de l`UMA // Telquel. Casablanca. 2009. 21 fevrier.

11. El Mehdi Lamrani. L'Union du Maghreb ou l'invincible espoir // L'Année du Maghreb. Tunis. 2013. № IX. 263-276.

12.Скиба В.К. Страны Большого Магриба: промышленное развитие и проблемы экономической интеграции. М., 1992. 167 с.

13. Tahar Sioud. Les relation entre L`UMA et L`UE // Etudes Internationales. Tunis. 1999. № 2 (71). С.39-47.

14. Жерлицына Н.А. Перспективы российско-марокканского сотрудничества: потенциал и вызовы // Вестник университета. М., 2015. № 12. С.66-72.

15. Меркулов А. Франция будет финансировать создание новых рабочих мест в Тунисе // [Электронный ресурс]. Режим доступа: ТАСС-online. 18. 03. 2016.

16. Жерлицына Н.А. Северная Африка под прицелом терроризма // Азия и Африка сегодня. М., 2016. № 9. С.6-11.

Об авторе

Фролова Ирина Борисовна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры зарубежной истории, Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова, kazlabarum@gmail.com

УДК 94(47).084.6

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НА МАТЕРИАЛЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В РОССИИ

Черниловский А.А.

В статье анализируются опубликованные в России накануне Первой мировой войны работы германского генерала Фридриха фон Бернгарди и английского военного публициста Чарльза Ремингтона, сделанные в этих работах прогнозы будущей войны. Автор статьи приходит к выводу, что несмотря на отдельные верные прогнозы, в целом военные теоретики начала XX века не смогли адекватно предвидеть ход надвигавшейся мировой войны, ошибочно представляли они и перспективы развития военной техники.

Ключевые слова: Первая мировая война, военно-теоретические работы, пехота, артиллерия, крепости, фланговые обходы, железнодорожный транспорт, автомобильный транспорт, флот, корабли, подводные лодки, дирижабли, самолеты.

THE CONCEPT OF A FUTURE WORLD WAR IN THE EARLY TWENTIETH CENTURU ON THE MATERIAL OF THE FOREIGN MILITARY THEORETICAL WORKS PUBLISHED IN RUSSIA

Chernilovsky A.A.

The article analyzes the published in Russia before the First World War works of the German General of Friedrich von Bernhardi and the British military journalist of Charles Remington and made in these papers forecasts of the future war. The author of this article concludes that despite some correct predictions, the whole military theorists of the early twentieth century has not been able to predict adequately the course of the impending World War. They were mistaken in the prospects of the development of the military technology.

Keywords: World War I, the military-theoretical works, the infantry, the artillery, the fortresses, the flank detours, the rail transport, the road transport, the fleet, the ships, the submarines, the airships, the airplanes.

В конце 1900-х и начале 1910-х годов военным европейских стран была очевидна неизбежность надвигавшейся мировой (европейской по тогдашней терминологии) войны, создавались прогнозы ее хода и результатов. В частности, в Российской Империи в это время в большом количестве издавались работы как отечественных, так и иностранных военных авторов, посвященные надвигавшейся войне. Переводная военная литература, опубликованная в России в последние годы перед Первой мировой войной, оказала определенное воздействие на взгляды русских военных, их представления о будущей войне, а значит и на подготовку к ней.

Военная мысль начала XX века достаточно хорошо изучена в отечественной историографии [2; 7; 8], это же можно сказать и о военно-морской мысли того периода [1], однако задача анализа прогнозов советскими исследователями на ставилась, лишь констатировалась неспособность буржуазных военных теоретиков предвидеть подлинные масштабы империалистической войны.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проанализировать прогнозы будущей войны, сделанные в некоторых переводных работах начала XX века, оценить, насколько эти прогнозы оказались адекватны реальности Первой мировой войны.

Рамки статьи вынуждают ограничиться анализом лишь отдельных переводных военно-теоретических работ того времени. Самой известной военно-теоретической работой начала XX века являются «Канны» Альфреда Шлиффена, однако она была переведена на русский язык и издана в СССР лишь в 1938 г. [10], в начале XX века, по словам генерала А.А. Свечина, в русской армии едва ли был десяток офицеров, знакомых с этой книгой [5, 335]. То же самое относится к работе Фердинанда Фоша «О принципах войны» – ее русский перевод вышел лишь в 1919 г. [9]. Ввиду сказанного мы решили ограничиться анализом лишь двух иностранных военно-теоретических работ, которые вышли в русском переводе незадолго до Первой мировой войны.

В 1912 г. была опубликована в России работа германского генерала Фридриха фон Бернгарди «Современная война».

Этот автор полемизировал с пацифистами, считавшими возможным ликвидировать войны путем создания международного третейского суда. По его словам, третейское разбирательство не может устранить националистическое, эконо-

мическое и политическое соперничество, и никакими искусственными мерами нельзя удержать разделение территории земли от изменений.

В результате введения всеобщей воинской повинности войны стали реже, но масштабнее: «Так как к отбыванию воинской повинности привлекаются все слои населения, и, таким образом, на долю каждой отдельной семьи выпадают значительные жертвы, то ведение войн в династических или легкомысленных целях станет невозможным. Оружие может быть применяемо только тогда, когда затронуты жизненные интересы народа. <…> Материальные жертвы, вызываемые войной, вероятно, сильно превзойдут все, требовавшиеся до сих пор, а неудачный исход войны повлечет за собой несравненно более серьезные последствия, чем прежде» [3, с. 43].

Но с другой стороны, Бернгарди критиковал тех, кто считал, что война стала невозможна по экономическим причинам.

Войну Германии с коалицией Бернгарди считал неизбежной. Во-первых, молодой Германской империи нужен захват новых колоний, ибо территория Германии не может прокормить ее 65-миллионное население, возрастающее на миллион человек ежегодно. Во-вторых, соседние державы сами стремятся напасть на Германию: «Франция стремится отомстить за 1870 – 71 годы с тем, чтобы занять свое прежнее первенствующее положение. В интересах России помешать дальнейшему развитию нашего могущества с тем, чтобы приобрести свободу действий на Ближнем и Дальнем Востоке. Весьма возможно, что она также мечтает о господстве на Балтийском море. <…> Особенной враждебностью к нам отличается Англия» [3, 6].

Он допускал даже вероятность того, что Германии придется вести будущую европейскую войну в одиночку – ведь условия Тройственного союза таковы, что Австрия и Италия вовсе не обязаны поддержать Германию в любом случае.

Эта будущая война будет отличаться от прежних войн, и причиной этого являются скорострельное оружие, массовые армии и железные дороги. Бернгарди указывал на высокие качества современных винтовок, на готовящийся переход к автоматическим винтовкам со скорострельностью до 100 выстрелов в минуту, на растущее значение пулеметов, появление скорострельной артиллерии, возрождение оружия ближнего боя в виде ручных гранат и минометов. Он констатировал переход к рассыпному строю в пехоте, вытеснение кавалерии с полей сражений.

Однако германский военный теоретик все же не смог предвидеть ту огромную роль, которую артиллерия играла в Первой мировой войне: «Так как пехота является главнейшим родом войск, то и ручное оружие имеет решающее значение. Видно это из того, что во всех войнах число ранений ружейными пулями занимает первое место» [3, 68 – 69]. Между тем, в мировой войне на артиллерийский огонь приходилось 78% потерь.

Не меньшее значение, чем совершенствование огнестрельного оружия, имеет рост железнодорожного транспорта, который со времен франко-прусской войны 1870 – 1871 гг. совершил огромный шаг вперед.

Кроме того, Бернгарди писал: «В самое последнее время паровоз встретил весьма серьезного противника в электрической силе, которая грозит вытеснить его. Уже в настоящее время скорость электровозов доходит до 200 верст в час. Главное достоинство электрической тяги состоит в небольшом весе двигателя» [3, с. 104]. Автор данной статьи не понял, идет ли здесь речь об электровозе в современном понимании или о тепловозе.

Еще одним важным обстоятельством стало появление автомобилей. Конная тяга имеет те недостатки, что, во-первых, животные нуждаются в продовольствии, во-вторых, величина их перехода ограничена. Изобретение автомобиля позволяет решить эти проблемы. Впрочем, наряду с грузовыми автомобилями на двигателях внутреннего сгорания, Бернгарди допускал существование «смешанного» двигателя, при котором двигатель внутреннего сгорания будет вращать динамо-машину, приводящую в движение электромоторы колес, использование «грузовых поездов» из многих прицепов.

Рассуждая о средствах связи, Бернгарди указывал, что телеграфные и телефонные линии всегда уязвимы, поэтому важное значение будут иметь беспроводные средства связи – гелиограф и особенно искровой телеграф (так он называл радио).

Бернгарди подчеркивал, что в надвигающейся войне противники будут иметь численное превосходство над германской армией. Будучи последователем Клаузевица, Бернгарди признавал, что доведенное до определенной степени превосходство сил перевесит все остальные факторы, вспоминая Наполеона в 1814 г., Ли во время Гражданской войны в США, буров в войне с англичанами, но после этого заявил, что Германия не должна страшиться численного превосходства возможных

противников. Нужно убедить армию и народ, что, как и во времена Фридриха Великого, 30 тысяч могут разбить 100 тысяч.

Несмотря на опыт русско-японской войны, Бернгарди полагал, что будущая война будет скоротечной, ее сражения – маневренными. Многодневные позиционные сражения возможны лишь на театрах, подобных манчжурскому. Излишне говорить, насколько этот прогноз оказался не адекватен реальности Первой мировой войны.

Бернгарди совершенно верно говорил, что развитие огнестрельного оружия дало пехоту обороняющегося большой перевес над пехотой наступающего. Но при этом очевидно, что победить можно только наступая, и выход из этого противоречия Бернгарди видел во фланговых охватах.

Рассуждая о том, куда германской армии следует направить главный удар, Бернгарди писал: «Если бы, например, Германии пришлось вести двойную войну против Франции и России, то с политической точки зрения было бы желательно нанести по возможности уничтожающий удар Франции, так как вражда ее с немцами гораздо сильнее, чем России. К тому же выводу мы придем, если примем во внимание, что Франция гораздо скорее будет готова к войне, чем Россия. <…> С другой стороны, однако, надо иметь ввиду, что сильную западную границу Германии можно оборонять значительно дольше. <…> Оборонять восточную границу слабыми силами нелегко, и победоносный восточный противник будет скоро угрожать Берлину» [4, с. 192 – 193].

Если война примет общеевропейский характер, то главные силы Германии неизбежно должны быть на Западе: «Если бы, например, Австрия стала на сторону Германии, а Англия на сторону Франции, то немедленно изменится и вся обстановка. <…> Если Австрия поведет наступление против России с юго-запада или даже ограничится угрозой подобного наступления, то Россия сможет выполнить наступление на Берлин значительно слабейшими силами, чем если бы она могла направить против Германии все свои силы. В таком случае опасность для Пруссии становится значительно меньше, хотя все-таки достаточно большая. Затем, если в борьбе примет участие Англия, то можно предположить, что наступление соединенных англо-французских сил направится через Бельгию и Голландию. На этом направлении не только обходится сильный барьер Рейна, но непосредственно угрожается и база германского флота в Северном море. <…> Эта англо-французская атака настолько опасна для немцев, если принять во внимание ее направление и значение морского побережья, что главной задачей Германии надлежит признать встречный удар против подобного наступления» [4, с. 193 – 194].

Наступление на западе Бернгарди видел следующим образом: «… северное крыло вооруженных сил немцев наступает армиями, на уступах вперед, через Голландию и Бельгию крайним правым крылом вдоль моря, в то время как на юге немцы избегают столкновения с французами, отходят через Эльзас и Лотарингию в северо-восточном направлении, отдавая неприятелю южную Германию. Уступное наступление германского атакующего крыла должно вынудить левое крыло французов произвести большую перемену фронта и тем оказаться в неблагоприятном положении» [4, с. 240].

Как известно, это не осуществилось по вине Мольтке-младшего, который изменил план Шлиффена, ослабив ударное правое крыло германской армии.

Бернгарди представлял морскую войну как противоборство линейных флотов. Он высоко оценивал перспективы подводного флота, говорил, что подводные лодки скоро будут решать исход боя. Но о возможности подводной войне на коммуникациях, которая развернется во время мировой войны, у него нет ни слова.

Применение привязных воздушных шаров ограничено тем, что, они сильно зависят от погоды и представляют хорошую мишень для артиллерийского и даже ружейного огня. Еще меньшее значение имеют свободные шары. По сравнению с шарами дирижабли и аэропланы имеют громадное значение. По словам Бернгарди, в будущем несомненно будут разыгрываться воздушные бои, победители которых приобретут неисчислимые преимущества. Неизбежно будут созданы и целые воздушные эскадры.

Бернгарди считал, что появление воздухоплавания означает конец крепостей. Крепости всегда связаны с городами, а воздушная бомбардировка вызовет такую панику среди населения, что даже самый мужественный комендант должен будет сдаться. Воздушный флот сможет уничтожать военно-морские базы и даже морские минные заграждения.

Говоря о летательных аппаратах тяжелее воздуха, Бернгарди считал, что, хотя сейчас в военных целях применяется только аэроплан,

но будущее за геликоптерами, поскольку аэроплан слишком примитивен и не может быть усовершенствован. Такой прогноз, разумеется, был ошибочен: ни в Первой, ни даже во Второй мировой войне вертолеты не имели боевого применения, оно стало возможным лишь на рубеже 60 – 70-х гг. XX в., но и по сей день они не вытеснили авиацию.

Рассуждая о применении воздухоплавания во флоте, Бернгарди отмечал, что пока трудно сказать, можно ли попасть бомбой в корабль, но воздушная атака против целой эскадры может рассчитывать на успех.

В 1913 г. в России была издана работа английского автора Чарльза Ремингтона, посвященная будущим боевым действиям на Западном фронте и на Северном море. Насколько известно автору статьи, эта работа до сих пор не анализировалась историками и впервые вовлекается в научный оборот.

Глава, посвященная войне на суше, представляет собой апологию германской мощи: «Военная мощь Германской Империи опирается не только на армию и флот. Она покоится <…> на энергии и труде шестидесяти пятимиллионного населения, могущего через пятьдесят лет достигнуть ста тридцати миллионов» [6, с. 41]. Как известно, даже через сто лет численность населения Германии составляет около 80 миллионов человек.

Под пером английского военного публициста Германия и ее армия представали идеально готовыми к надвигающейся мировой войне. Хотя во главе германской армии нет больше ни Фридриха, ни Мольтке, но великая школа этих мастеров войны господствует над всей мирной работой.

Ремингтон утверждал, что война будет скоротечной. Считая вероятным, что главные силы германской армии будут развернуты против Франции, Ремингтон, допускал и обратный вариант. Именно этим он объяснял строительство крепостей в Эльзасе.

Описывая маневры германской армии с 1903 по 1909 г., Ремингтон обратил внимание, что все они строились на идее охвата. Кроме того, английский автор изучил работы германских военных теоретиков (в том числе почти неизвестного тогда в России Шлиффена. Ремингтон совершенно верно описывал будущее наступление германской армии на Западном фронте. Если раньше в случае войны с Францией массы германских войск должны были развертываться на линии Мец – Страсбург, то теперь этот план совершенно переделан. Ось будущего наступления на Францию передвинулась к северу. Нейтралитет Бельгии, а может быть и Голландии подвергнется большой угрозе.

Ремингтон обращал внимание читателей, что об изменении плана наступления говорит и математика: франко-германская граница составляет лишь половину той длины, которая нужна для развертывания германской армии. Необходимое для развертывания пространство найдено будет за счет Бельгии и Голландии.

Этот прогноз оказался совершенно верным, за исключением одного второстепенного обстоятельства: вследствие ослабления Мольтке-младшим ударного правого крыла германской армии Голландия осталась в стороне от германского наступления и сохраняла нейтралитет в Первой мировой войне.

Ремингтон считал, что предполагаемое французское наступление в Лотарингии не только не сорвет этот гигантский обход, но даже облегчит его осуществление. Все это полностью подтвердилось в первые недели Первой мировой войны. Но Ремингтон не смог предвидеть ни провал германского наступления, ни образование сплошного позиционного фронта.

Говоря о будущей войне на море Ремингтон писал, что Северное море превратится в водную пустыню, не принадлежащую ни одной из сторон. Английским адмиралам он рекомендовал душить морскую торговлю противника до тех пор, пока германский флот не двинется к берегам Англии. При этом нельзя забывать, что риск морского сражения для Англии гораздо больше, чем для Германии: «Не заручившись союзниками, мы не можем атаковать германцев на суше, ибо заморский набег на вооруженный народ – нелепость. Германия же, раз она обеспечит себе господство над морскими путями, <…> имеет полную возможность пожаловать к нам» [6, с. 24].

Таким образом, Ремингтон довольно верно описывал действия английского и германского флотов в Первой мировой войне.

Он также справедливо говорил, что во время войны морские коммуникации Англии окажутся в очень трудном положении. Судоходство вдоль восточного побережья страны совершенно прекратится, сильно затруднено будет и судоходство в Ла-Манше к лондонскому порту. В результате страшно вырастут цены на все пищевые продукты.

Английский автор говорил о растущих возможностях торпедного оружия и подводного

флота. Подводная лодка станет страшным врагом для дредноутов, ибо она может подойтик своему противнику в шапке-невидимке. Если Германия обгонит Англию в постройке подводных лодок, то германский десантный флот под их охраной достигнет английских берегов и война окончится тем, что померанские гренадеры штыками выгонят английских парламентариев из Вестминстерского аббатства.

Этот прогноз оказался ошибочным: ни в Первой, ни даже во Второй мировой войне подводные лодки не были способны охранять торговые и десантные корабли – и из-за низкой скорости, и из-за своей неспособности в случае гибели подопечного судна спасать утопающих.

Ремингтон также говорил о появлении еще одного нового фактора вооруженной борьбы – аэропланов и дирижаблей.

Говоря о возможных сферах применения боевых летательных аппаратов, английский автор исключил из их числа бомбардировки городов – Германии невыгодно вызвать войну на истребление с Британской Империей. Такой прогноз оказался ошибочным: уже в Первой мировой войне германцы наносили бомбовые удары по Парижу и Лондону. Кроме того, Ремингтон отрицал возможность воздушных десантов – по его мнению, армия никогда не сможет быть перевезена по воздуху.

Основными сферами будущих действий военно-воздушных сил Ремингтон считал разведку и борьбу с кораблями: «В благоприятную погоду дирижабль своей скоростью превосходит самое быстроходное судно и поэтому, несясь над последним, он имеет возможность бросать на палубу и в трубы бомбу за бомбой» [6, с. 31]; «Особенно опасными будут атаки в лунную ночь, ибо испытано уже, насколько трудно ночью разглядеть дирижабль в воздухе и как отчетливо видны сверху все очертания корабля на воде» [6, с. 32]. Велика опасность с воздуха и для военно-морских баз: «Дирижабли могут причинить большой вред судам, стоящим на якоре. <…> Особенное внимание воздушных пиратов будут привлекать пороховые заводы и базы флотилий» [6, с. 31 – 32]. Наконец, удар с воздуха – самая страшная опасность для подводной лодки: «Дирижабль может безопасно висеть над подводной лодкой и практиковаться в бросании бомб. <…> Он точно предназначен для того, чтобы играть по отношению к подводной лодке такую же роль, как чайка по отношению к рыбе» [6, с. 33].

Все эти прогнозы были бы совершенно верны, если бы слово «дирижабль» в них заменить словом «аэроплан». В таком же виде они ошибочны.

Ремингтон писал: «Мы не можем говорить о командовании воздухом, как это принято по отношению к морю, ибо в буквальном смысле слова оно навсегда останется в храме ветров» [6, с. 34]. Такой прогноз также оказался ошибочным: развитие аэропланов, независимых от направления ветра, сделало господство в воздухе вполне возможным.

Говоря о средствах противодействия этой новой опасности, Ремингтон справедливо говорил, что остановить воздушный корабль могут лишь другие воздушные корабли или специальные пушки. Когда появится артиллерия для стрельбы по воздушным целям, воздушный корабль днем будет держаться подальше от стоящих внизу пушек. «Что касается ночных атак, то я сильно сомневаюсь, будет ли когда-нибудь найдено против них какое-либо средство» [6, с. 37] – заключает Ремингтон.

Зенитная артиллерия действительно появилась в скором времени после выхода в свет этой работы. Но она отнюдь не сделала невозможными дневные налеты. Наконец, не догадаться о возможности применения прожекторов для поиска целей в ночном небе было едва ли простительной ошибкой в прогнозировании войны.

Подводя итоги можно сказать, что отдельные прогнозы, сделанные военными авторами начала XX века, оказались адекватны реальности первых месяцев Первой мировой войны. Возросшая сила огня действительно сделала невозможными лобовые атаки, заставляла искать решения сражений путем фланговых обходов; на этой же идее был основан и знаменитый план Шлиффена. Большую роль в войне с самого начала стали играть воздушный и подводный флоты, автомобильный транспорт, новые средства связи. Но военные авторы начала XX века не предвидели провал планов молниеносной войны, образование сплошного позиционного фронта. Будущее воздушного флота оказалось связанным не с дирижаблями, как думали накануне мировой войны, а с авиацией. Говоря о значении подводных лодок, никто не предвидел подводной войны на торговых коммуникациях, весной 1917 г. поставившей Великобританию на грань поражения.

Предвидеть конкретный ход боевых действий в будущей войне невозможно, еще более невозможно предвидеть научно-технический прогресс, пути развития военной техники.

Список литературы

1. История военно-морского искусства. Учебное пособие для академий и училищ. Т. 3. М.: Воениздат, 1953. 335 с.
2. История первой мировой войны. Под ред. И.И. Ростунова. Т. 1. М.: Наука, 1975. 446 с.
3. Бернгарди Ф. фон. Современная война. Т. 1. Основы современной войны: пер. с нем. СПб, 1912. 278 с.
4. Бернгарди Ф. фон. Современная война. Т. 2. Бой и ведение войны. пер. с нем. СПб, 1912. 343 с.
5. Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. изд. 2-е – М.: Русский путь, 2000. 688 с.
6. Ремингтон Ч. Будущая война на море и на суше. пер. с анг. СПб., 1913. 107 с.
7. Русская военная мысль конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1982. 252 с.
8. Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. 616 с.
9. Фош Ф. О принципах войны: пер. с фр. Пг., 1919. 295 с.
10. Шлиффен А. Канны: пер. с нем. М.: Воениздат, 1938. 414 с.

Об авторе

Черниловский Артем Александрович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры «Гуманитарные дисциплины», Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Карачевский филиал), senior.chernilowsky2013@yandex.ru

УДК 94(47).084

НАСТРОЕНИЯ ОФИЦЕРОВ 1-Й ГВАРДЕЙСКОЙ «ПЕТРОВСКОЙ» БРИГАДЫ МЕЖДУ ФЕВРАЛЕМ И ОКТЯБРЕМ 1917 ГОДА

Шестопалов П.И.

В статье рассматривается вопрос о настроениях внутри офицерской корпорации 1 гвардейской «Петровской» бригады 1 гвардейской пехотной дивизии в условиях начавшихся революционных изменений государства и общества. Анализируются нравственные установки офицеров бригады, их влияние на судьбу офицеров «старой гвардии» и сохранение полковых традиций и ценностей. В статье использованы ценные источники личного происхождения, а именно письма офицеров лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Семеновского полков, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)
Ключевые слова: лейб-гвардия, «старая гвардия», офицер, революция, Преображенский полк, Семеновский полк.

THE MOOD OF THE OFFICERS OF THE 1ST GUARDS "PETROVSKAYA" BRIGADE BETWEEN FEBRUARY AND OCTOBER 1917

Shestopalov P.I.

The problem of attitude inside the officers' corporation of 1 guards «Petrovskaya» brigade, 1 guards infantry division in the context of the revolutionary changes of the state and society is discussed in the article. Brigade officers' moral installation, their influence on the fate of the officers of the "old guard" and the preservation of regimental traditions and values are analyzed as well. This article contains valuable narrative sources such as the letters of officers of Lifeguards Preobrazhenskiy Regiment and Lifeguards Semenovskiy Regiment, that are stored in the Russian State Military History Archive
Keywords: Lifeguards, old guard, officer, revolution, Preobrazhenskiy Regiment, Semenovskiy Regiment.

Революционные события 1917 года вызвали значительные изменения не только в социально-политической среде, но и серьезно повлияли на сознание русского человека, его нравственный настрой. Революция отразилась практически на всех социальных слоях и группах населения Российского государства

Исключением не была и императорская гвардия – наиболее привилегированная часть офицерского корпуса России, имевшая особый статус и заметно отличавшаяся от основной массы офицерства. «Гвардейская корпорация» как своеобразный исторический и культурный феномен всегда обладала рядом качеств, отличавших ее от иных «армейских групп и сообществ».

Вообще, изучению офицерства в условиях революции и гражданской войны в России сейчас уделяется огромное внимание, уже создана достаточно обширная историографическая база. Еще в советский период, в условиях «перестройки», к изучению феномена военных специалистов и их роли в Красной Армии обращался историк А.Г. Кавтарадзе [7]. В современной историографии пристальным изучением генштабистов (еще одной корпоративной общности офицеров) занимается историк А.В. Ганин [4,5]. Ряд работ по истории офицерства, в том числе и по истории гвардии в период гражданской войны принадлежат С.В. Волкову [2,3]. Не только социокультурные особенности гвардейцев, но также состояние определенных частей императорской гвардии в период правления последнего российского императора, рассматриваются в ряде работ Г.С. Чувардина [15,16]. Е.И. Чапкевич в своем исследовании [14] анализировал состояние гвардии в условиях первой мировой войны. Отдельно стоит выделить работу С.С. Минакова [9], которая посвящена подробному обзору и изучению офицерского состава Семеновского полка в условиях первой мировой и гражданской войны в России. Через призму личности М.Н. Тухачевского, к некоторым важным историческим эпизодам и персоналиям, связанными с отношениями внутри, прежде всего, «семеновской семьи», обращается в своих исследованиях С.Т. Минаков [10,11].

И, тем не менее, вопрос о нравственном состоянии гвардейских офицеров, нуждается в дополнительном изучении. В первую очередь, изучение вопроса о моральных установках офицеров позволит сформировать более четкую картину того, что происходило с большинством из них в период после Октября 1917 года, а затем в период гражданской войны.

Дело в том, что тот «выбор», перед которым оказалось российское офицерство (в том числе и гвардия), предопределил дальнейший вектор развития государства, которое было

охвачено революцией, но особенно сильно отразился и на периоде гражданкой войны, и на дальнейших военно-политических событиях отечественной истории. Безусловно, этот «выбор»определялся влиянием достаточно большого числа факторов, одним из которых было общее моральное состояние офицера.

В данной статье ставится цель рассмотреть на примере полков 1-ой гвардейской бригады (лейб-гвардии Преображенский и лейб-гвардии Семеновский полк) то нравственное состояние, те настроения, которые доминировали в культурной среде гвардейского офицерства, а также выяснить, как они влияли на тот самый «выбор» гвардейских офицеров.Для более детального рассмотрения, в статье в качестве одного из источников, использованы письма гвардейских офицеров весны-осени 1917 года.

Гвардейцы, как и все российское офицерство в целом, очень быстро испытали на себе влияние начавшейся в стране революции. Весьма показательным было письмо бывшего офицера Преображенского полка, направленное в действующий полк своему другу и сослуживцу Моллериусу [12, Л. 5-6 об]. Указанное письмо обозначено датой 23 апреля, то есть через 2 месяца после начала революционных событий. Автор сразу отметил, что на данный момент (апрель 1917 года), в целом обстановка несколько стабилизировалась. Но кардинально это не меняло отношения народных масс к гвардейцам. Офицер достаточно негативно описывает сложившуюся ситуацию. В частности, не только действующие офицеры гвардии, но и бывшие гвардейцы сразу попали в категорию «подозрительных» [12, Л.5]. С другой стороны, прежний высокий статус гвардейского офицера начал меняться. Теперь для обывателей офицер это, прежде всего, представитель другого, более зажиточно класса, а не член элитной офицерской корпорации. Это выражалось в ироничной форме обращения, таких как «помещики», «буржуазия» и прочее [12, Л. 5об].

Обратим внимание на то, что с началом революции многие офицеры начинают испытывать весьма серьезные материальные затруднения.

Сразу оговоримся, что материальное положение было скорее частным, но не общим фактором, который мог оказать влияние на дальнейшую судьбу офицера. Так, одной из причин выхода семеновца А. Фока из полка, которую он называет в своем письме от 4 октября 1917 года – это ухудшение материального состояния [13, Л. 172об]. Но даже в этом, конкретном случае, это лишь один из факторов. В этом же письме, Фок отмечает, что он больше не может служить в полку из-за возможного повторения одного инцидента, а также угрозы «недоверия» [13, Л. 172]. Информацию об упомянутом инциденте на данный момент обнаружить не удалось, но и без этого можно сделать вывод, что состояние и последующая судьба офицеров зависели от многих обстоятельств.

Однако общая картина была значительно сложнее, так как революция отразилась не только на внешней стороне жизни гвардейского офицера.

Далее необходимо остановиться на некоторых важных моментах, которые заключаются в самой природе и истории развития и становления такого феномена как «гвардия» в России. Как известно, российская императорская гвардия является детищем Петра I, то есть изначально была основана на тесной связи гвардии с императором. Особенно это касается полков «старой гвардии», куда как раз относятся лейб-гвардии Преображенский и лейб-гвардии Семеновский полки, образовывавшие собой 1 гвардейскую «Петровскую» бригаду. Если мы обратимся к модели высших эшелонов военно-политической элиты, которая разработана в работе Г.С. Чувардина [15, с. 133], то заметим, что император является центральным элементом элиты, а его ближайшим окружением является его свита и полки «старой гвардии». Более того, данная среда, зародившаяся еще во времена Петра I, сохранила свой характер вплоть до XX века [15, с. 133].

По политическим убеждениям многие офицеры гвардии, тем более полки, составлявшие «Петровскую бригаду», оставались монархистами. Кстати, можно отметить тот факт, что свою монархическую позицию офицеры сохраняли, даже если теряли непосредственную связь с полком. Ярким примером, иллюстрирующим данный факт, является генерал-майор В.Е. Скалон, который в свое время, служил в Семеновском полку, и пользовался уважением среди своих сослуживцев. Безусловно, генерал впоследствии был причислен к Генеральному штабу, что переводило его в разряд офицеров-генштабистов, которые несколько отличались от офицеров гвардии и строевых офицеров. Однако будем отталкиваться от того, что свой боевой путь он начал именно в полку «старой гвардии», который не мог не отразиться на формировании установок молодого офицера.

Забегая немного вперед, заметим, что в ноябре 1917 года Скалон был представителем Ставки для участия в переговорах с руководством германской армии. Генерал М.Д. Бонч-Бруевич воспоминал, что Скалон являлся «ярым монархистом», а также славился «непримиримым отношением ко всему, что хоть немного левее абсолютной монархии» [1, с. 224]. В ходе указанных выше переговоров, генерал совершил самоубийство. Официально было заявлено, что генерал совершил самоубийство из-за нервного срыва. Но, например, историк А.В. Ганин считает, что подобное решение было принято в силу того, что офицер был не в силах терпеть унижение, как на фронте, так и в тылу [6, с. 35]. Для понимания такого рода поступка необходимо обратиться к жизненному пути офицера. Генерал Скалон не был участником боевых действий вместе с Семеновским полком, он был хорошим штабным офицером. Однако тот факт, что он закончил Пажеский корпус с отличием, свой боевой путь начал именно с гвардейского полка может говорить нам о том, что эта среда сыграла значительную роль в формировании личности офицера, который принял роковой для себя выбор в эпоху революционного смятения.

Однако мы заметим, что отношение конкретно к фигуре Николая II было не таким однозначным, несмотря на указанную нами связь. Полковник Преображенского полка Зуев отмечал, что к этому времени авторитет Николая был уже ничтожен, а отношение гвардейцев к отречению было противоречивым.

И, тем не менее, в связи с отречением от престола нарушалась устоявшаяся модель взаимоотношений между императором и гвардией, в нашем случае с представителями 1 гвардейской бригады. Офицеры, в силу своей обособленности от политической жизни, а также быстро разворачивающихся революционных изменений не могли полностью осознать, что происходит в стране и как вести себя дальше. Офицер Семеновского полка Макаров в своих воспоминаниях отмечает, что «неожиданно, узнать, что царь из русской жизни выпал, было дико и странно» [8]. Кроме того, если верить его словам, то некоторые время люди были потерянными, а без императора было непривычно. Отречение Николая заставило гвардейское офицерство искать новые мировоззренческие ориентиры, новые способы приспособления к действительности. Ближайшим же окружением оказалась «полковая семья» со своей системой взглядов и ценностей.

Думается, что в сложившихся обстоятельствах, именно сохранение полковых традиций, внутрикорпоративного братства, позволило осмыслить ситуацию и на некоторое время сохранить относительную стабильность. Далеко не случайно, что в таком положении одним из способов преодоления кризисных явлений, некоего «абстрагирования», являлся перевод в действующий полк. Тем более, отмечает в своем письме офицер-«преображенец», что добиться перевода в текущих условиях, значительно проще, чем раньше, даже при всех имеющихся противоречиях и сложностях со стороны командиров полка [12, Л. 6об].

Полковая семья оказывала устойчивое воздействие на жизнь офицера и, по всей видимости, стала выполнять своеобразную функцию «нравственной компенсации» в условиях трансформации мировоззрения и прежней модели поведения. В свою очередь офицеры продолжали свою службу, чтя традиции и опираясь на мнение полкового офицерского сообщества при решении различных вопросов. Даже после окончания службы в связи в связи с болезнью, переходу на иные штабные и гражданские должности, офицерам Семеновского полка было крайне важно сохранить устойчивую связь с обозначенным полком. Как правило, это выражалось в знаковых формах: назначение пожизненным членом офицерского собрания, право носить офицерский жетон и так далее. В письме от 19 августа 1917 года, поручик С. Петров выражал чувство безмерной благодарности всем офицерам действующего полка за «оставление мне права не прерывать духовного общения с полком в качестве пожизненного члена Офицерского собрания» [13, Л. 161]. Особой ценностью для офицера являлось то, что данное решение было принято всем офицерским собранием.

Подобная ситуация была в биографии офицера Семеновского полка Ю.В. Макарова. Так, при переводе Макарова на гражданскую службу в Министерство иностранных дел из-за ранения (не смог остаться даже в резервном полку), он выражает надежду на то, что офицеры полка не встретят его переход с осуждением и непониманием [13, Л. 118]. Это очень важная особенность мировоззрения гвардейского офицера, отразившаяся на своеобразном ментальном уровне, когда офицеру крайне важно одобрение «полкового братства», даже если сам офицер уже имеет более высокий статус и авторитет. К слову говоря, в письме Макаров характеризует себя как

«относительного старого офицера», хотя в 1917 году ему был всего лишь 31 год, из которых около 15 лет были напрямую связаны с Семеновским полком. Отметим, что мнение полковых товарищей являлось важным фактором даже в условиях начавшейся революции и продолжавшегося разложения армии, когда авторитет офицера в общественном сознании перестает играть прежнюю роль.

Таким образом, подчеркнем, что особого рода культурная связь «гвардейский офицер – гвардейский полк» была весьма устойчивой и сохранялась даже в условиях революционных метаморфоз 1917 года.

Причем эта взаимосвязь строилась не только на стандартной приверженности и почитании традиций. Большинство офицеров осознавали и чувствовали свою личную ответственность перед полком, имея в виду, что из-за своих личных качеств может пострадать репутация всего полка, жизнь которого и без того осложнена изменившимся отношением к офицерам со стороны основной массы населения. Об этом говорит все тот же Макаров, отмечая, что ему как старому офицеру со старыми взглядами на жизнь, будет сложно безболезненно приспособиться к изменившейся социально-политической ситуации в стране [13, Л. 117-117об]. Думаем, что в его словах можно не сомневаться, вряд ил этот офицер, прошедший с Семеновским полком почти половину жизни стал бы прикрываться своими убеждениями, чтобы просто покинуть полк.

Кроме того, многие офицеры стремились остаться служить в полку даже в условиях падения дисциплины и общей боеспособности армии, что в очередной раз доказывает, что связь с полком у офицеров была достаточно прочной. Косвенными примерами этому могут быть следующие эпизоды из жизни «семеновцев». В августе 1917 года, офицеры полка Эрдман и Лобановский переводились из запасного полка в действующий, то есть для несения службы на фронт. Вместе с ними должен был ехать подпоручик Розе, который выражал большое желание отправиться с ними. Однако без указания причин лично командир бригады отказался командировать подпоручика, причем, без указания причины [13, Л. 144]. Другим косвенным примером может являться судьба офицера Н. Ганецкого, который добился права службы в полку. Очень показательны его слова по данному событию: «Я убедился еще раз, что связь моя с полком и привязанность к нему и товарищам крепче всех других, личных интересов, а потому не взирая на всякие причины, я решил оставаться в полку и посвятить дорогому, горячо любимому полку мои силы, чувства и душу» [13, Л. 152-153]. Но из-за того, что он не смог залечить свою рану, выйти в Семеновский полк ему так и не удалось [13, Л. 164-164об].

Однако необходимо заметить, что были и иные примеры отношения гвардейских офицеров к революционной действительности. Так, в записках В. Савинкова имеется рассказ офицера Леонова, который повествовал о разговоре среди офицеров через некоторое время после Февральской революции. Главным действующим лицом этого разговора оказался М.Н. Тухачевский, который в то время был офицером Семеновского полка. В означенной беседе, он заявлял, что офицеры виноваты сами в том, что они потеряли авторитет и позволили командовать собой. Но что самое главное, Тухачевский заявлял, что он готов спорить, что сам через два года будет командовать этой «сволочью», причем так же, как и при старом режиме [11, с. 188]. Подобного рода свидетельства лишний раз подчеркивают, что революционные события крайне неоднозначно влияли на общество, тем более на такую относительно немногочисленную группу, как гвардейское офицерство.

Рассматривая настроения внутри полков «Петровской» бригады, остановимся еще на одном важном моменте. События первой мировой войны, а также и начавшаяся революция, оказали серьезное влияние на офицерский состав означенных полков. Так, например, в гвардии Семеновском полку к концу октября 1917 года кадровых офицеров, то есть те, которые получили образование в военных училищах, оставалось всего 16 человек, то есть около 13% от общего числа [9, с. 211]. Большая же часть офицеров являлась, так называемыми, офицерами военного времени. Некоторые были произведены из солдат, некоторые были прикомандированы. Вполне очевидно, что многие офицеры, произведенные из «гражданских» стремились к достижению своих целей, однако многих из них отправили на фронт. Таким примером может служить подпоручик Семеновского полка Михалевский, который, по своему собственному утверждению, рассчитывал служить в полку лишь в мирное время, и, столкнувшись с событиями текущего года, принял решение оставить полк по резко изменившимся обстоятельствам. К ним подпоручик относит в первую

очередь возможность завершить свое образование в бывшем Императорском Александровском лицее. С другой стороны, автор письма намекает на ухудшение своего здоровья и невозможность продолжать службу в полку далее. Мы не будем утверждать, что этот офицер был настроен не патриотично, или же неуважительно относился к полку. Но, исходя из его письма, можно сделать вывод о том, что офицеры не всегда были фанатично преданы своему долгу, а могли иначе расценивать ситуацию, сделать соответствующий для себя выбор. Это в очередной раз подчеркивает сложность рассматриваемой проблемы, в том числе и дальнейшей судьбы офицера в охваченной революцией стране.

В целом, подводя итог, необходимо отметить, что офицеры Преображенского и Семеновского полков, в условиях развала страны и армии пытались сохранить нравственные установки, ту «родственную» связь между офицером и полком, которая в особой мере была присуща «старой гвардии». Более того, полковые идеалы оказались достаточно устойчивыми, настолько, что офицеры посредством сохранения своей принадлежности к полку пытались справиться с революционными изменениями, которые весьма кардинально изменили прежний уклад офицерской жизни.

Список литературы

1. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., Военное издательство Министерства Обороны, 1957. 360 с.

2. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., Воениздат, 1993.

3. Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. 570 с.

4. Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». М.: Русский путь, 2013. 880 с.

5. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922. Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. 895 с.

6. Ганин А.В. «Я больше жить не могу…» // Родина. 2016. №8. С. 31-35.

7. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. 278 с.

8. Макаров Ю. Моя служба в Старой Гвардии. 1905-1917. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/makarov_uv/index.html

9. Минаков С.С. Офицеры лейб-гвардии Семеновского полка в повседневности войны и мира 1914 – 1924 гг. Орел., «Орлик». 2013. 320 с.

10. Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, Орелиздат, 2000. 560 с.

11. Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М., Эксмо-Яуза, 2004. 640 с.

12. РГВИА. Ф.2583. Оп. 2. Д. 1288

13. РГВИА Ф.2584. Оп. 1. Д. 3239

14. Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Первой мировой войне. Орел, 2003. 192 с.

15. Чувардин Г.С. Офицеры старой гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел, 2005. 264 с.

16. Чувардин Г.С. Российская императорская гвардия в системе военной элиты российской империи в эпоху правления императора Николая II. М., Издательство МЭЛИ, 2008. 220 с.

Об авторе

Шестопалов Павел Игоревич – аспирант кафедры истории России, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, picassopavel@mail.ru

УДК 351.761.3+323.2

НАРКОТРАФИК КАК ОСНОВНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ ПРОЦЕССУ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА В ГВИНЕЕ-БИСАУ

Ютяева И.Р.

В статье анализируется влияние проблемы наркотрафик на процесс постконфликтного миростроительства в Гвинее-Бисау. Подробно освещается процесс формирования «контрабандной экономики», характеризуются масштабы наркоторговли. Основное внимание уделено факторам, препятствующим миростроительству: неэффективность государственных институтов, конфликт интересов армии и полиции, недостаток средств и некомпетентность сотрудников правоохранительных органов.
Ключевые слова: миростроительство, наркотрафик, транснациональные угрозы, Гвинея-Бисау.

DRUGS TRAFFICKING AS THE MAIN OBSTACLE TO PEACEBUILDING IN GUINEA BISSAU

Iutiaeva I.R.

The article analyzes the influence of the drugs trafficking issue on post-conflict peacebuilding in Guinea Bissau. It covers in detail the process of building a “contrabandist economy”, defines the scope of drugs trade. The main focus is on the factors impeding the peacebuilding process: the inefficiency of state institutes, the conflict of interests between the army and the police, the lack of sources and the incompetence of law-enforcement forces.
Keywords: peacebuilding, drugs trafficking, cross-border threats, Guinea Bissau.

Вскоре после завершения гражданской войны (1998 – 1999 гг.), начавшейся с неудавшегося военного переворота и завершившейся изгнанием президента, в Гвинее-Бисау было создано отделение Организации Объединенных Наций по поддержке миростроительства в Гвинее-Бисау (ЮНОГБИС). В 2007 году в ответ на просьбу правительства страна была включена в повестку Комиссии ООН по миростроительству. В качестве преемника ЮНОГБИС было создано Объединенное отделение Организации Объединенных Наций по миростроительству в Гвинее-Бисау (ЮНИОГБИС), которое призвано оказать содействие Комиссии и укрепить потенциал правоохранительных органов в целях поддержания конституционного порядка.

Ключевой трансграничной угрозой, препятствующей процессу миростроительства в Гвинее-Бисау, является наркотрафик. По данным ООН, около 60% кокаина поступает в Европу именно через Западную Африку [9, с. 12]. Основные маршруты наркотрафика проходят через пустыню Сахара: по территориям Мали, Мавритании, Алжира, Марокко в страны Южной Европы [10, с. 9]. Гвинея-Бисау является одной из ключевых стран северной ветки маршрутов, которая распространяется также на территории Гвинеи, Гамбии и Сенегала.

Активную деятельность в стране ведут, по оценкам, более пятидесяти колумбийских наркобаронов, а также контрабандисты крупнейшего наркокартеля Мексики Синалоа [6]. Стоимость кокаина, который ежегодно проходит через страну (около 2 млрд долл.), почти вдвое превышает размер её ВВП [12]. В прессе для характеристики экономического строя Гвинеи-Бисау часто используется термин «наркокапитализм», который указывает на прямую зависимость экономического благосостояния части политической и военной элиты от наркоторговли.

Возникновение этого явления относят к концу 1990-ых гг., когда на фоне проведения МВФ и МБРР политики «структурной адаптации» внешняя помощь Гвинее-Бисау резко сократилась, в связи с чем военные и политические элиты страны были вынуждены искать другие источники средств к существованию. Эксперты предполагают [8, сс. 339-364], что именно в это время были налажены скрытые контакты между представителями части политической и военной элиты, которая в дальнейшем стала основным бенефициаром новой «контрабандной экономики». Система, созданная этими людьми, состояла из трёх ключевых звеньев: 1) контрабандистов из Латинской Америки, 2) представителей военной и политической элиты и 3) предпринимателей, которые поддерживали контакты с обеими группами и играли роль посредников между ними.

Зарождение «контрабандной экономики»

в Гвинее-Бисау связывают с именем первого президента страны Жуана Виейры. В последние годы его первого президентского срока началась гражданская война, предпосылки которой имели ярко выраженный трансграничный характер. В конце 1990-ых годов широкое распространение получила практика незаконной продажи оружия сепаратистам в регионе Казаманс на юго-западе Сенегала, служившая основным источником дохода части военных и политических элит Гвинеи-Бисау, лишившихся внешней помощи. Когда в 1998 году информация о нелегальной торговле получила общественную огласку, президент Виейра обвинил в контрабанде оружия начальника генерального штаба Ансумане Мане, отправив его в отставку. Генералу, однако, удалось заручиться поддержкой вооружённых сил и большей части населения, что позволило ему захватить контроль над столицей и частью провинций. В мае 1999 года Ансумане Мане изгнал Жуана Виейру из президентского дворца и передал власть председателю Национальной народной ассамблеи Малам Бакаи Санья, сохранив за собой контроль над вооружёнными силами.

Жуан Виейра бежал в Португалию, откуда смог возобновить контакты с президентом соседней Гвинеи Лансаной Конте, в число приближённых которого входили бизнесмены, имевшие тесные связи с латиноамериканскими и европейскими криминальными кругами. Есть сведения [8, сс. 339-364] о том, что именно они позволили Жуану Виейре наладить контакты с колумбийскими наркоторговцами, которым в 2005 году понадобилось найти новый маршрут для транзита кокаина в Европу в связи с тем, что пути транзита в США были перекрыты американской полицией. Гвинея-Бисау была избрана наркоторговцами в качестве перевозочного узла из-за удобства её береговой линии (наличие прибрежных островов и многочисленных гаваней), с одной стороны, и слабости морской патрульной службы и полиции – с другой.

После очередного переворота (2009 г.), который также объясняют борьбой сил, контролировавших наркоторговлю, внутренние противоречия серьёзно ослабили армию, в связи с чем обстановка в стране на некоторое время стабилизировалась. Впрочем, уже в 2012 году проблема контроля над наркоторговлей снова вышла на первый план в политической борьбе: после смерти очередного президента оппозиция в лице Партии социального обновления не признала результаты первого тура выборов, победителем которого стал лидер партии независимости Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде (ПАИГК) Карлуш Гомеш Жуниор. Вскоре после этого военное командование арестовало Жуниора: данный кандидат мог не устраивать военных тем, что планировал провести реформу армии и бороться с наркодельцами при поддержке руководства Анголы и Содружества португалоязычных стран [1]. В результате переворота власть военных в стране усилилась, а боровшаяся с наркотрафиком ангольская миссия была выдворена из страны.

Борьба за контроль над наркоторговлей на протяжении всей истории независимого существования оставалась ключевой причиной политической нестабильности в Гвинее-Бисау. Каждый раз, когда политическое руководство принимало меры, направленные на ограничение торговли наркотиками, борьба внутренних сил порождала очередной переворот. При этом Управление по борьбе с наркотиками США неоднократно выдвигала обвинения в причастности к наркоторговле против гвинейских военных. Так, в 2013 году Управление обвинило в попытке ввоза наркотиков на территорию США начальника Генштаба Гвинеи-Биссау Антониу Инджаи, и в том же году арестовало по аналогичному обвинению контр-адмирала Хосе Америко Бубо-На-Чуто [12]. При этом за период с 2005 года характер вовлечённости военных в систему наркоторговли значительно изменился: изначально они лишь обеспечивали «безопасность» наркотрафика, в то время как впоследствии стали активно участвовать и в самой наркоторговле.

Проблема наркотрафика в Гвинее-Бисау – лишь один из примеров того, какое сильное негативное влияние могут оказывать трансграничные угрозы на процесс миростроительства. Вопросы безопасности большинства стран Африки напрямую связаны с деятельностью в них неправительственных акторов [2, сс. 27-60] – контрабандистов, вооружённых групп, криминальных сообществ, – которые регулярно дестабилизируют внутриполитическую обстановку. Это обстоятельство принимают во внимание как внешние доноры африканских стран, так и международные организации. Так, в 2008 году заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам Б. Линн Пэскоу в ходе своего выступления, посвящённого ситуации в Гвинее-Бисау, заявил о том, что «решительная борьба с новыми вызовами, связанными с наркотрафиком, играет ключевую роль в

успешном осуществлении текущих инициатив в сфере миростроительства».

Важно учитывать, в частности, тот факт, что существование региональных сетей неправительственных акторов ставит ситуацию в сфере безопасности в Гвинее-Бисау в зависимость от обстановки в странах-соседях. К примеру, такие внешние обстоятельства, как гибель соратника Нино Виейры Лансаны Конте и намерение нового правительства Гвинеи покончить с наркоторговлей значительно ослабили политические позиции Нино в 2008 году.

Наблюдается и обратное влияние: неудачи процесса миростроительства и недостаточно быстрое проведение необходимых реформ усугубляет проблему влияния трансграничных угроз на политическую стабильность в стране. Так, международные эксперты отмечают, что резкое увеличение оборота наркотиков в Гвинее-Бисау в последние годы напрямую связано с промедлением в осуществлении реформы сектора безопасности, которая считается ключевой задачей миростроительства в Гвинее-Бисау [3, с. 13]. Вместе с тем, совершенно очевидно, что одной этой реформы недостаточно: наряду с ограничением власти армии потребуется, к примеру, реформа судебной системы, которая часто оказывается слишком слаба, чтобы призвать к ответу военных, уличённых в причастности к наркоторговле.

Очевидно, что важной причиной неудач миростроительства в Гвинее-Бисау является недостаток средств. Зарплата полицейских крайне низкая и не всегда вовремя выплачивается, в отделениях наблюдается недостаток оборудования (от компьютеров до телефонов), а порой и отсутствие электричества. При задержании преступника полицейские вынуждены вызывать такси, чтобы доставить его в участок, поскольку служебных машин у полиции зачастую нет. В свою очередь, морская служба патрулирования практически не располагает катерами, а многие патрульные не умеют ни плавать, ни стрелять. [4, с. 6] Соответственно, силы безопасности Гвинеи-Биссау оказываются неспособными противостоять наркодельцам, которые располагают собственными автомобилями и самолётами, а также новейшими средствами передачи информации.

Гвинея-Бисау продолжает получать значительную внешнюю помощь, которой, впрочем, не достаточно для успешной борьбы с трансграничными угрозами. Так, в 2006 году Управление ООН по наркотикам и преступности предложило внешним донорам программу помощи Гвинее-Бисау стоимостью в сотни миллионов долларов, однако те отказались предоставить столь крупную сумму. В 2007 году программа была оптимизирована: основной упор был сделан на проведение реформы сил безопасности, финансовую помощь уголовной полиции и строительство тюрьмы. Стоимость новой программы составляла 19 млн долл., однако на конференции в Лиссабоне страны-доноры согласились выделить всего 6,5 млн долл. [11] В частности, в 2008 году Европейский Союз выделил 2 млн евро в рамках программы, которая предусматривала создание и подготовку Национальной гвардии и укрепление механизмов административно-правового регулирования. Стоимость текущего проекта Евросоюза в сфере борьбы с наркотрафиком и другими трансграничными угрозами в Гвинее-Бисау значительно меньше – всего около 760 тыс. евро.

Очевидно, что ещё одним важным препятствием на пути процесса миростроительства в Гвинее-Бисау является недостаточное понимание мировым сообществом глубины конфликта интересов военных и полицейских, который берёт своё начало ещё в годы гражданской войны (1998 – 1999). Когда президент Нино Виейра вступил в открытое противостояние с бывшим начальником Генерального штаба Ансумане Мане, силы полиции в основном поддержали президента, в то время как армия оказалась полностью на стороне генерала. Начиная с этого момента, отношения полиции и армии всегда характеризовались полным отсутствием доверия, при том, что военные, располагая несравнимо большими средствами и влиянием, не раз открыто препятствовали работе полицейских (в качестве примеров можно привести захват военными полицейской академии и уничтожение полицейских архивов) [5, с. 4-6].

Ввиду очевидной слабости правоохранительных органов международное сообщество пришло к выводу о необходимости масштабной структурной реформы сил безопасности, которая вошла в список первоочередных задач отделения ЮНОГБИС. Так, в 2009 году по инициативе Евросоюза в Гвинее-Бисау была создана национальная гвардия, напрямую подчинённая Министерству внутренних дел. Однако такая реформа оказалась контрпродуктивной: во-первых, солдаты Национальной гвардии вскоре были уличены персоналом той же ЮНОГБИС в нарушениях прав человека, а во вторых – армия восприняла гвардию как параллель-

ную враждебную структуру. Это породило конкуренцию, которая привела к военному перевороту 2012 года, когда гвардия оказалась де-факто под контролем военных. Очевидно, что в условиях, когда правоохранительные органы остаются слабыми и некомпетентными, эффективная борьба с транснациональными угрозами никак не представляется возможной [5, с. 4-6].

Наконец, необходимо учитывать, что успешной борьбе с наркоторговлей препятствует и обстановка в регионе в целом. Гвинея-Бисау входит в региональный союз стран Западной Африки ЭКОВАС, который подразумевает свободное перемещение людей между государствами-членами. С учётом того, что основные маршруты наркотрафика проходят по территории практически всех стран союза, проблему Гвинеи-Бисау нельзя рассматривать в отрыве от регионального контекста. В 2009 году к такому выводу пришли одновременно сотрудники ООН, Интерпол и ЭКОВАС, приступив к совместному осуществлению Инициативы для стран западноафриканского побережья. Инициатива была направлена на борьбу с наркотрафиком и организованной преступностью в Гвинее-Бисау, Гвинее, Либерии, Сьерра-Леоне и Кот-д'Ивуаре и осуществлялась в поддержку Плана действий ЭКОВАС, нацеленного на пресечение нелегальной торговли наркотиками в Западной Африке.

В рамках Инициативы к 2016 году в четырёх западноафриканских странах (включая Гвинею-Бисау) были созданы специальные подразделения по борьбе с транснациональной преступностью. Преимущества данных подразделений в том, что они, с одной стороны, тесно сотрудничают с местными правоохранительными органами, с другой – используют информационные системы ООН и Интерпола, служа таким образом ключевой площадкой международного сотрудничества в сфере борьбы с наркотрафиком. Среди отдельных стран активную позицию по вопросу борьбы с наркотрафиком в Гвинее-Бисау традиционно занимает Бразилия. Одним из главных проектов, инициированных этой страной, стало создание центра подготовки сил безопасности, который в долгосрочной перспективе должен быть преобразован в региональную академию для подготовки сотрудников правоохранительных органов в португалоговорящих странах Африки.

Несмотря на международные усилия, за последние годы Гвинее-Бисау так и не удалось добиться значительного сокращения наркотрафика. Как отмечают сотрудники Международной кризисной группы, отсутствие в стране эффективно функционирующих государственных институтов неизменно будет привлекать туда наркодельцов и даже террористов. [7, с. 3] В свою очередь, те же самые обстоятельства будут отпугивать потенциальных инвесторов, что негативно сказывается на состоянии экономики, которая сама по себе крайне слаба и сильно зависит от уровня цен на основной товар экспорта (кешью). Судя по всему, неспособность государства эффективно контролировать территорию и защищать границы будет ещё долгое время оставаться ключевой проблемой, затрудняющей процесс постконфликтного миростроительства в стране.

Список литературы

1. Турьинская Х. Государственный переворот в Гвинее-Бисау // РСМД. 8.08.2012. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=683#top-content

2. Ebo, A. The role of security sector reform in sustainable development: donor policy trends and challenges // Conflict, Security and Development. Routledge, 2007. № 7(1).

3. Guinea-Bissau: Building a Real Stability Pact // International Crisis Group. Dakar/Brussels, 2009. Africa Briefing № 57. URL: https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b57-guinea-bissau-building-a-real-stability-pact.pdf

4. Johansen R. Guinea-Bissau: A new hub for cocaine trafficking // Perspectives. UNODC, 2008. Issue 5. https://www.unodc.org/documents/about-unodc/Magazines/perspectives_5_WEB.pdf

5. Kohl C. Setting the Model: Reforming Policing in Guinea-Bissau // Peace Research Institute Frankfurt. Report No. 135. Frankfurt, 2015. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/194595/prif135.pdf

6. Loewenstein A. How Not to Fix an African Narco-State // Foreign Policy. 6 January 2016. URL: http://foreignpolicy.com/2016/01/06/how-not-to-deal-with-an-african-narco-state-guinea-bissau/

7. Ngwube A. Drug Trafficking: A threat to Stability in Guinea Bissau // 23rd World Congress of Political Science. Montréal, 2014. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_37484.pdf

8. Shaw M. Drug trafficking in Guinea-Bissau, 1998 – 2014: the evolution of an elite protection network // Journal of Modern African Studies. Cambridge University Press, 2015. 53, 3.

9. The Transatlantic Cocaine Market // UNODC. Vienna, 2011. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Studies/Transatlantic_cocaine_market.pdf

10. Transnational Organized Crime In West Africa: A Threat Assessment // UNODC. Vienna, 2013. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tocta/West_Africa_TOCTA_2013_EN.pdf

11. Vulliamy E. How a tiny West African country became the world's first narco state // The Guardian. 9 March 2008. URL: https://www.theguardian.com/world/2008/mar/09/drugstrade

12. West Africa and Drug Trafficking // Africa Economic Development Institute. URL: http://www.africaecon.org/index.php/africa_business_reports/read/70

Об авторе

Ютяева Ирина Романова – студентка 1 курса магистратуры, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), ассоциированный член Института Африки РАН, indigerda@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111+821.161.1

О ВЛИЯНИИ РУССКОЙ КЛАССИКИ XIX ВЕКА НА АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Бабушкина И.Е.

Данная работа ставит своей целью помочь студентам глубже осознать потенциал и перспективы российской цивилизации через духовно-социальный опыт крупнейших писателей США XX века и, вместе с тем, показать как влияние русской духовности взаимосвязано с углублением их критики своей, то есть американской цивилизации. Анализу подвергнуты два малоизученных литературно-философских романа: «На восток от Эдема» (1952) Джона Стейнбека и «День Восьмой» (1967) Торнтона Уайлдера. Анализ сделан под углом зрения межцивилизационных отношений.
Ключевые слова: межкультурный диалог, философские притчи, межцивилизационные отношения, заново утверждать, пути спасения, влияние русской духовности, философия социал-дарвинизма, первоосновы Христианства, роль Православия.

ABOUT INFLUENCE OF THE RUSSIAN CLASSICS OF THE XIX CENTURY ON THE AMERICAN WRITERS OF THE XX CENTURY

Babushkina I.E.

The article is devoted to the influence of the Russian classical literature of the XIX century upon the classical American writers of the XX century. The author presents her conception of the debatable message inherent in the two masterpieces created by the famous classical writers of the U.S.A. – John Steinbeck's novel “East of Eden” (1952), and Thornton Wilder's novel “The Eighth Day” (1967). She reveals the decisive role of the Orthodox religion in the solution of the problems raised in the novels. The genre of these works of art is considered to be philosophical parable.
Keywords: cross-cultural dialogue, philosophical parables, the intercivilization relations, anew to claim, ways of rescue, influence of the Russian spirituality, philosophy of social Darwinism, the Christianity fundamental principle, Orthodoxy role.

«Единство – возвестил оракул наших дней –
быть может спаяно железом лишь и кровью.
Но мы попробуем спаять его любовью,
а там увидим – что прочней».
Ф.И. Тютчев

В наше время в мировой политике все большее значение приобретает ее гуманитарная составляющая. По словам выступавшего в МГИМО министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, это одно из «новых измерений» в сфере международного сотрудничества «в условиях глобализации». «Приумножая» свои знания в области культуры, включающей «высокую нравственность» наши студенты обретают «глубокое понимание национальных интересов и готовность умело их защищать»[1].

Говорилось о необходимости овладения искусством эффективно вести межкультурный диалог: «… вырабатывать навыки, умения доходчиво, убедительно, интересно донести то, что вы знаете… до своих партнеров, собеседников»[2].

Важнейшей гранью межкукультурного обмена является диалог национальных литератур. Сегодня, в условиях информационной войны, высокое качество диалога как «мягкого инструмента», влияющего на мировоззрение собеседника, на его систему ценностей необходимо вдвойне. Наибольший потенциал в этом плане – по мнению автора статьи – несет в себе влияние русской классики XIX века на писателей США. Масштаб влияния произведений русских гениев – прежде всего Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского – на лучших представителей молодой заокеанской республики, жаждавших новых духовных идеалов, явился, в определенном смысле, уникальным фактом в истории мировой культуры нашего времени. Не случайно Курт Воннегут резюмирует: «Вклад Льва Толстого в формирование американской литературы настолько велик, что его невозможно определить каким-то одним словом…» [13, с. 37].

Результатом были возникавшие среди различных слоев американской нации «оазисы» духовности. Не такие ли явления имел ввиду, в

[1] Стенограмма выступления министра иностранных дел Российской Федерации Лаврова С.В. в МГИМО (У) по случаю начала нового учебного года. М. 1 сентября 2005 г. С. 5 – 6.

[2] Лавров С.В. Звукозапись выступления министра иностранных дел Российской Федерации в МГИМО (У) по случаю начала нового учебного года. М. 1 сентября 2005 г.

частности, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, когда в своем докладе на XX Всемирном Русском народном соборе в Москве (31 октября – 1 ноября 2016 г.) утверждал: «Мы знаем, что, помимо привычного нам официоза, формируемого средствами массовой информации, есть другая Америка…», которая не собирается отказываться от традиционных духовно-нравственных ценностей. Такой вывод стал итогом данного в докладе глубокого анализа тенденций, появившихся после окончания холодной войны. Разъясняется, что многое в наших привычных взглядах на проблему Россия и Запад «уже не соответствует реальной духовно-культурной ситуации в мире» и говорится о «признаках», свидетельствующих о «возможной постепенной смене мировоззренческих координат». Вот что, по мнению патриарха, является «самым острым конфликтом современности»: это – «не заявленное американским философом Самюэлем Хантингтоном «столкновение цивилизаций», не борьба религиозных и национальных культур между собой, ... и даже не противостояние Востока и Запада, … а столкновение транснационального, радикального, секулярного глобалистского проекта со всеми традиционными культурами и со всеми локальными цивилизациями. И борьба эта проходит не только по границам…, но и внутри стран и народов… И здесь происходит столкновение двух миров, двух взглядов на человека и на будущее человеческой цивилизации». Патриарх предостерегает нас относительно того, чем грозит человеческой цивилизации «растущий ценностный разрыв между Россией и странами западной цивилизации, которого не было даже во времена холодной войны. … Происходящий на наших глазах подрыв нравственной основы человеческого бытия грозит расчеловечеванием мира. Не случайно футурологи все чаще поднимают тему постчеловека…, учение о скором преодолении человеческой природы и появлении нового класса разумных существ…».

Опора в борьбе за истинную альтернативу такому процессу – «… новый диалог народов, осуществляемый на принципиально новых основаниях. Это диалог, направленный на восстановление ценностного единства, в рамках которого каждая из цивилизаций… могла бы существовать, сохраняя свою идентичность». Патриарх убежден, что «только на основе вечных духовно-нравственных ценностей возможно успешное преодоление существующих цивилизационных вызовов». Из доклада следует, что опорой в борьбе за альтернативу служит тот факт, что внутри американского общества существует «выраженное стремление сохранить свои христианские корни и культурные традиции. Это стремление находит выражение в религиозных поисках, художественном творчестве и повседневной жизни» [23]. Предлагаемая статья свидетельствует, что «другая Америка» ярко проявила себя в художественном творчестве крупнейших литераторов США особенно второй половины XX века под влиянием русской классики.

Lux Orientalis (Свет с Востока)

Увлечение американцев русской классической литературой началось на рубеже XIX – XX веков. Первым послом русской литературы в Америке был И.С. Тургенев. «Вслед за «Записками охотника» американские писатели открыли для себя и романы – «Рудин», «Отцы и дети», «Новь», «Дым», «Дворянское гнездо»… Тургенев как мастер психологического письма тонко чувствовавший особенности русского характера, стал для американских писателей бесспорным авторитетом, у которого они учились писательскому мастерству» [11, с. 908 – 909]. Но ему суждено было несколько отойти в тень, когда начали появляться на английском языке произведения Л.Н. Толстого. Они привели к своего рода духовному потрясению читающую часть американской нации. Многие читатели захотели установить с ним эпистолярный контакт. Крупнейший философ США Уильям Джеймс сравнивал могучую натуру Толстого со старым дубом… «Он отвергает роскошь, фальшь, жадность и жестокость, все условности нашей цивилизации, … мы не обладаем такой природной мощью. Но мы хотя бы думаем, что неплохо было бы пойти по стопам Толстого» [11, с. 911].

Чем был обусловлен столь беспрецедентный интерес? Во-первых, Толстой отвечал на тревожащие читателей вопросы, связанные с перспективой социального обустройства страны в переходный (к эпохе империализма) период. А это – в свою очередь – было связано с необычностью для них нравственных принципов русского гения, его законов Добра.

Наиболее интересными журналистами, побывавшими в Ясной Поляне были Джеймс Крилмен и Уильям Уоллинг. Интервью, взятое у Толстого Крилменом и перепечатанное во многих газетах, вызвало восторженные отклики американцев и было воспринято как обращение Толстого к американскому народу [11, с. 916].

А Уоллинг, посетивший Россию в 1905–1907 годах, из своих репортажей составил целую

книгу под заголовком «Russia's Message». The True Import of the Revolution» («Послание России. Всемирное значение русской революции» (1908). По его мнению Россия опередила других не только в социальной мысли и идеалах, но и во многих областях культуры. Уоллес пришел к выводу о ведущей роли России в области духовной жизни. «Для него «свет с Востока» (Lux Orientalis) исходил именно из России» [11, с. 918].

Что касается молодых и честных писателей США рубежа столетия, наиболее известными из которых станут Фрэнк Норрис, Джек Лондон и Теодор Драйзер, то для них «Свет с Востока» «забрезжил» еще в последнее десятилетие XIX века. Их таланты зарождались в эпоху бурного роста монополий, сопровождавшегося резким усилением эксплуатации народных масс, разорением фермерских хозяйств. В сфере идеологии этот процесс находил свое оправдание в философии позитивизма, в особенности в социологических взглядах такого социал-дарвиниста как Герберт Спенсер (1820–1903), считавшего, что человеческое общество, подобно животному организму, подчинено биологическим законам, и поэтому отношения между классами, свойственные капитализму, якобы носят «естественный» и «вечный» характер. Спенсер был сторонником применения одностороннего дарвиновского учения о борьбе за существование и о естественном отборе в мире животных и растений к объяснению закономерностей общественного развития и отношений между людьми. Оправдывая социальное неравенство при капитализме, Спенсер отстаивал мысль о том, что в человеческом обществе в борьбе за существование выживают только «сильные» и «приспособленные» индивидуумы, более слабых же природа обрекла на вымирание. Как свидетельствует известный социолог Ю.А. Замошкин, именно «социальный дарвинизм, широко использовавший формулу «выживания сильнейших и наиболее приспособленных» и являвшийся «воплощением эгоцентрического и агрессивно-воинствующего индивидуализма» получил «наиболее широкие и последовательные формы выражения в США в конце XIX и начале XX веков» [5, с. 31].

Молодые писатели Америки, мечтавшие написать правду о жизни, стояли перед необходимостью так или иначе осваивать эту философию: либо в апологетическом духе – и это вело их к натуралистическому воспроизведению действительности, либо в духе критическом. Это была кардинальная дилемма, своего рода воспаленный нерв их сознания. Он требовал выбора, решиться на который было чрезвычайно трудно. Сама каждодневная социальная практика, связанная с деятельностью всемогущих монополий – «спрутов», подчинивших себе все стороны национальной жизни, казалось подтверждала постулаты социал-дарвинизма. Да и развитой традицией реализма литература США тех лет еще не обладала. На книжном рынке господствовали лживые псевдореалистические произведения, как правило, романтизировавшие стяжательство; набирала силу и шовинистическая литература «красной крови», которую всемерно поддерживал тогдашний президент Теодор Рузвельт. И если что-то в сфере литературы их удерживало от поглощения бездуховной стихией позитивизма и помогало прорываться к духовным ценностям реалистического искусства, то это была прежде всего классическая русская литература.

Для Норриса, Лондона, – как, впрочем, и для последующих крупнейших писателей США XX века – самым притягательным произведением любимого ими Толстого был роман «Анна Каренина».

Почему «Анна Каренина»?

Прямого ответа нет… Но, если читать это произведение «глазами» вдумчивого американского писателя, то ответ проясняется… и сводится к тому, что особый жгучий интерес американских авторов, по-видимому, вызывает духовная эволюция одного из центральных персонажей романа, с автобиографическими чертами – Константина Лёвина. Суть его духовной эволюции заключается в мучительном процессе преодоления влияния философии социал-дарвинизма. Это молодой, по-университетски образованный помещик, с широчайшим кругом чтения. Он увлечён не только трудами на благо поместья и своей близостью к крестьянам, но и размышлениями о судьбе сельского хозяйства в масштабах всей страны, а, стало быть, и о судьбе России.

Лёвин обладает цельной, многогранной, воспитанной в традициях Православия личностью, которая способна самостоятельно действовать согласно своим убеждениям, которые всегда определяются велениями совести и непреложными законами Добра. Но в студенческие годы, в Петербурге он попал под модное в то время в определенных профессорских кругах влияние социал-дарвинизма. Результатом стал жестокий разлад – кризис; молодой человек думает о самоубийстве. Однако в душе неумолимо

зрело чувство несогласия с бесчеловечной философией, отторжение. Решилась его судьба через чудесное озарение: в случайном кратком разговоре с крестьянином Федором при уборке урожая. И Лёвин возвращается в православие.

Знакомясь с мыслями Лёвина относительно судеб народов России, мы узнаем, что он не принимает Спенсера. А в конце романа Катавасов, приехавший побеседовать с Лёвиным, спрашивает его: «Спенсера прочли? – Нет, не дочёл, – сказал Лёвин, – Впрочем, мне он не нужен теперь».

« – Как так? Это интересно. Отчего?

– То есть я окончательно убедился, что разрешения занимающих меня вопросов я не найду в нем и ему подобных» [16, с. 673].

В финальных размышлениях Лёвина явственно слышится полемика с социал-дарвинизмом. «Организм, разрушение его, неистребимость материи, закон сохранения силы… – Слова эти и связанные с ними понятия были очень хороши для умственных целей, но для жизни они ничего не давали… Разумом, что ли, дошел я до того, что надо любить ближнего и не душить его?... Разум открыл борьбу за существование и закон, требующий того, чтобы душить всех, мешающих удовлетворению моих желаний» [16, с. 659; 668].

Всей логикой своей сложной эволюции Лёвин выступает как антипод идеологам социал-дарвинизма. Тема противостояния принципа удушения слабого ради материальных благ – с одной стороны – и христианских законов добра, милосердия, любви к ближнему с другой – является важнейшей гранью романа «Анна Каренина», не освоенной еще в должной мере русистами…

«Вся русская классика плохо прочитана и плохо понята – по той же причине. Наше общество плохо знает православную культуру» – пишет в статье под интригующим названием «Спор Гоголя с Белинским все еще не окончен» известный исследователь творчества Н.В. Гоголя Владимир Воропаев, председатель Гоголевской комиссии Научного совета РАН «История мировой культуры». (Газета «Культура» 23 – 29 декабря 2016 г., стр. 12.) «Он (Гоголь – И.Б.) понимал: именно православие определило неповторимую самобытность России… По какой дороге пойдет наша страна – зависит от нас с Вами.

культура: Если бы Гоголь и Белинский попали в программу Владимира Соловьева «Поединок», кто бы победил? Чья правда ближе народу? **Воропаев:** Жизнь подтвердила правоту Гоголя. (там же).

Лев Толстой глазами Фрэнка Норриса

Творчество Норриса (1870–1902) служит подтверждением мысли о том, что именно анти социал-дарвинистская грань «Анны Карениной» изначально привлекала сердца честных писателей США.

Рано (в 32 года) трагически погибший, писатель не стал столь широко известен в нашей стране, как его современники Джек Лондон, Теодор Драйзер. Но его яркая творческая личность и недюженный талант воспринимаются как своего рода увертюра к мощному последующему развитию литературы США.

Порвав с отцом-миллионером и обладая блестящим образованием (включая учебу в Европе), Норрис проделывает огромную духовную работу и вырастает в литературного вожака, всесторонне анализирующего современный литературный процесс. В статье «Великий американский романист» говорит о том, какой писатель нужен народу. Он должен дать «картину всей нации, … глубоко проникнуть в жизнь народа», то есть – стать «вторым Толстым», с его «глубочайшим человеколюбием» [21, с. 292].

Вершинное достижение Норриса – роман «Спрут» (1901), в котором явно чувствуется многоплановое влияние творчества Толстого.

Конечно, «Спрут» свидетельствует о том, что и мировоззрение писателя, и его творческий метод представляют собой весьма сложную и противоречивую картину. Творя еще только на заре XX века, он не смог противопоставить господствовавшим философским теориям какую-либо положительную альтернативу. Его мысль билась в поисках Истины. Подобно знаменитому автору романа «Моби Дик» – Герману Мелвиллу – Норрис нередко облекает свои тревоги и надежды, касающиеся будущего родной страны, в романтические образы. Некоторые грани «Спрута» дают повод говорить о тенденции натурализма.

И тем не менее, роман «Спрут» свидетельствует об активном отторжении автором философии социал-дарвинизма, что обуславливает явно доминирующий характер реализма.

В «Спруте» толстовскому образу Константина Лёвина созвучен образ молодого поэта Пресли, который из Нью-Йорка приезжает в Калифорнию в надежде написать романтическую поэму о Западе США. Но, погрузившись в грозовую социальную атмосферу Калифорнии рубежа столетий и став свидетелем разыгравшейся драмы, в результате которой его лучшие друзья-фермеры были убиты представителями железнодорожной монополии, Пресли духовно

преображается. Оба персонажа – и Лёвин и Пресли – в значительной мере автобиографичны, и им присуще немало общего в духовных и социальных устремлениях, в сближении с народом.

Как и Лёвин, Пресли все яснее осознает, что его страна перешла в иную стадию развития и, в связи с этим, мучительные раздумья обоих персонажей о судьбах Родины[3].

Пережив вместе с фермерами всю их трагедию, Пресли уже с гораздо большей долей критицизма и недоверия воспринимает проповедь социал-дарвинизма. «Попробуйте теперь перед нами разводить свои теории, перед нами, фермерами, перед теми, кто пострадал, перед теми, кто **знает**. Попробуйте говорить нам о «правах капитала, о целесообразности трестов, о «гармонии между классами» [10, с. 348]. Фразу «гармония между классами» Норрис дает в кавычках. Это, несомненно, цитата из Спенсера.

В последних главах романа Пресли добивается встречи с президентом железнодорожной монополии Шелгримом. Тот делает попытки оправдать преступления монополии, используя социал-дарвинистскую аргументацию, с которой Норрис яростно полемизирует. Мыслям Шелгрима он противопоставляет образную логику своих знаменитых сцен контрастов, используя прием параллельного перемежающегося изображения сцен пира во дворце железнодорожного магната – с одной стороны, и сцен голодной смерти жены убитого бедного арендатора Гувена – с другой. Анти социал-дарвинистское звучание этих сцен строится по принципу крещендо. Сначала это – авторский монолог, призванный пробудить сочувствие к обездоленным, к слабым (ах, эта via dolorosa…). Затем, повествуя о смерти женщины, Норрис осуждает тех, кто руководствуется принципом выживания наиболее приспособленных. «Что было им до нее, наименее приспособленной, неспособной выжить…» («the unfit, not able to survive»). Затем следует гипербола, символизирующая противоестественность политики эксплуатации, осуществляемой монополистами: пирующие во дворце леди превращаются в гарпий, терзающих человеческую плоть. И наконец, – пророчество: «Да, народ **восстанет** когда-нибудь…» [10, с. 385, 386, 395]. В историческую перспективу Норрис включает идею неизбежности народно-освободительной борьбы. Здесь он единственный раз не следует заветам Толстого.

Одним из последователей Норриса стал Джек Лондон. Процесс формирования мировоззрения в его недолгой жизни (1876 – 1916) был не менее сложен. Для молодого Лондона характерны: сильная воля, безудержная энергия, привычка к решительным выводам и действиям. Такой характер предопределял особый драматизм в борьбе за вожделенную Истину, когда противоборствовали, с одной стороны, Спенсер, Дарвин, Ницше, шовинистически–расистская пропаганда, во многом импонировавшая писателю, а с другой, – классическая русская литература, с ее духом сострадательности.

Схематически это противоборство можно представить таким образом: определять отношение к философии социал-дарвинизма Лондон начал с молодых лет. В его Северных рассказах чувствуется противоречивость. В рассказе «Закон жизни» жестокий поступок вождя племени (он обрекает ослабевшего отца на страшную смерть) оправдывается, а в рассказе «Любовь к жизни» подобный поступок персонажа осуждается.

В последующие годы XIX века и первые XX века Лондон интенсивно изучает русских классиков. Он даже расширил круг, включив помимо Тургенева и Толстого, еще Максима Горького.

О том, насколько внимательно Лондон знакомился с русскими классиками, свидетельствует следующее: в 1901 году в английском переводе в США появился роман Горького «Фома Гордеев», и 25-летний Лондон буквально через несколько месяцев публикует блестящую рецензию. В ней американский писатель, в частности, сравнивает характерные черты художественного метода Тургенева, Толстого и Горького [8, с. 637].

Русскую революцию 1905 года Лондон принял горячо.

Осознавая, что революция подавлена, Лондон начинает всерьез заниматься нравственно-философской проблематикой человеческой личности. Об этом говорит история жизни главного героя его во многом автобиографического реалистического шедевра – романа «Мартин Иден». (1909). Примерно половина романа посвящена выявлению огромных потенций развития души и разума человека из народа. Здесь чувствуется влияние поэзии Уолта Уитмена. Однако грядущую деградацию личности своего героя, окончившуюся трагически, предопределили идеи, впитывавшиеся пу-

[3] Подробнее об этом см. [2;3].

тем чтения философских книг. Первое «открытие», которое он сделал, была философия Г. Спенсера, а второе – философия Ф. Ницше. Эти «открытия» опустошили богатую, полную доброжелательности и сострадания к людям, душу. « – Я болен… – объясняет свое состояние Мартин Иден – нет, не телом. Душа у меня больна, мозг. Все для меня потеряло ценность. Я ничего не хочу» [7, с. 615].

Трагедия Мартина Идена чем-то напоминает драматические перипетии, переживавшиеся Константином Лёвином в романе «Анна Каренина», в связи с временным влиянием на него философии социал-дарвинизма. Оба оказались в остром духовном кризисе и начали думать о самоубийстве. Различие между ними заключается в том, что у Лёвина фундаментальный настрой души был православным с раннего детства, а у Мартина такой мощной поддержки, воспитанной «с молоком матери» – как, впрочем, и у самого Джека Лондона – не было. Главному герою не суждено было обрести спасительные идеи, и это явилось основной причиной его гибели.

20 – 30-е годы XX века

Данный период преподнес американцам невиданные дотоле конфликты и потрясения. «Век джаза» (по удачному выражению Фицджеральда) – когда в послевоенном карнавальном угаре «просперити» забывались тяготы войны и ее герои, а новоявленные «каупервуды», не нюхавшие пороха, рванулись делать свои многомиллионные состояния – неожиданно сменился годами рухнувшей под влиянием тяжелого кризиса экономики…

Острота социальной жизни выводила писателей США на новые рубежи и свершения.

Приведенный период не без оснований называют «Золотым веком» литературы США. Вот лишь краткий перечень реалистических вершин: «Американская трагедия» – Теодор Драйзер; «Великий Гэтсби» – Скотт Фицджеральд; «Фиеста», «Прощай, оружие!», «По ком звонит колокол» – Эрнест Хемингуэй; «Гроздья гнева» – Джон Стейнбек; «Деревушка» – Уильям Фолкнер.

Главным событием – в дополнение к культу Л. Толстого – явилось «открытие» американскими писателями романов Ф. Достоевского. Не случайно Фолкнер в «обойме» русских гениев на первое место уже поставил Достоевского: «Россия, право на духовное родство с которой, я, как мне хотелось бы надеяться, заслужил – это Россия Достоевского, Толстого, Чехова, Горького и т.д.» [9, с. 796].

«После Первой мировой войны – читаем мы у исследователя влияния русской классики XIX века на американских писателей первой трети века двадцатого Ю.И. Сохрякова – США вступают в новую стадию развития, которая характеризуется началом краха… надежд на исключительность экономического и социального развития страны» [13, с. 39]. Утверждается культ индивидуализма, глубоко проникающий в сознание американцев: «Именно в это время – продолжает ученый – Достоевский начинает восприниматься ими … как великий гений, осмысливший трагические последствия реализации буржуазных критериев в непосредственной жизненной практике» [13, с. 40]. Именно такой угол зрения присутствует в упомянутых произведениях Фицджеральда, Стейнбека… «В период между двумя мировыми войнами, – как бы подтверждает справедливую мысль русиста Ю.И. Сохрякова литературовед-американист Т.Л. Морозова, – «русское присутствие», нараставшее в литературной жизни США с последней четверти XIX века, достигло максимума» [9, 795].

Важно отметить, что «Золотой век» уже подготовил почву для тематики, связанной с понятием цивилизации и ее судьбы, т.е. тематики, вышедшей на авансцену во второй половине XX века.

Вот, к примеру, последняя страница романа «Великий Гэтсби», где автор стремится донести до читателя свою итоговую мысль о драматической судьбе отчизны, начиная с первых «визитов» североевропейцев, и вплоть до современности.

Ник Карауэй, после гибели Гэтсби, придя ночью в последний раз взглянуть на его дом, «спустился к берегу и прилег на песке». Во внутреннем взоре всплыла яркая картина многообещающего рождения Нового Света: «прозревал древний остров, возникший некогда перед взором голландских моряков – нетронутое зеленое лоно нового мира. Шелест его деревьев, тех, что потом исчезли, уступив место дому Гэтсби, был некогда музыкой последней и величайшей человеческой мечты; … человек затаил дыхание перед новым континентом, невольно поддавшись красоте зрелища…» [20, с. 179].

А затем следует метафорический подтекст с незаметным переходом на тревожащие мысли, отождествленные с индивидуальной судьбой Гэтсби, «которому, наверное, казалось, что теперь, когда его мечта так близко, стоит протянуть руку – и он поймает ее… Гэтсби ве-

рил в зеленый огонек, свет неимоверного будущего счастья… Пусть оно ускользнуло сегодня, не беда – завтра мы побежим еще быстрее…

Так мы и пытаемся плыть вперед, борясь с течением, а оно все сносит и сносит наши суденышки обратно в прошлое» [20, с. 179].

Говоря об истории создания книги «Великий Гэтсби», Фицджеральд подчеркивал: «Работая над ней… я научился многому, а если что на нее повлияло, так это мужественная манера «Братьев Карамазовых» – творения непревзойденной формы…» [13, с. 47].

Шедевр Фицджеральда, по-видимому, вошел в плоть и кровь читающей и мыслящей Америки. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что, стремясь постичь причины теракта 11 сентября 2001 года и связывая их с историей американской цивилизации, один из современных американских писателей обращается именно к «Великому Гэтсби», трагически восклицая: «Где то «нетронутое зеленое лоно нового мира», о котором писал Фицджеральд, сегодня?» (Where is Scott Fitgerald's «fresh, green breast of the new world» now?» [22, с. 390]. Проблематика цивилизации и ее судьбы у Фицджеральда уже угадывается, но еще нет связанного с возможностью появления «света в туннеле».

50 – 60-е годы XX века

В отличие от первой половины XX века, в которой тема влияния русской классики основательно разработана, вторая половина, самая драматичная в истории США и связанная с нашим днем крепче, чем предыдущие эпохи, в изучении данной темы значительно отстает. К сожалению этот период выпал и из недавно изданной академической «Истории литературы США» (1997 – 2013).

Автор статьи избрал два самых крупных произведения, в которых уже отчетливо проявлены проблемы, связанные с цивилизационной тематикой. Речь идет о романе Джона Стейнбека «На восток от Эдема» (1952) и романе Торнтона Уайлдера «День Восьмой» (1967), считающихся их создателями своим вершинным достижением на протяжении всей творческой жизни. Они написаны в сложном жанре философской притчи и до сих пор не находят места в мейнстриме нашей исследовательской деятельности, по-видимому, как слишком трудно разгадываемая «вещь в себе».

Автор статьи пришел к убеждению, что «ключом» к их познанию может быть лишь взгляд на них под углом зрения межцивилизационных отношений. В них уже отчетливо проявлены проблемы, связанные с актуальной цивилизационной тематикой. Архитектоника произведений такова, что в них присутствуют параллельно два масштаба осмысления действительности: обобщенно-планетарный, связанный с судьбами всего человечества и конкретно-национальный, осуществляющий художественную детализацию на жизненном материале США. Первая попытка воспользоваться «ключом», представленная в статье, дает многообещающие результаты. Например, сразу становится ясно, что роман «На восток от Эдема» вовсе не является «традиционным семейным романом», каким его представил нашему читателю автор предисловия к шеститомному изданию произведений писателя [6, с.43], а роман «День Восьмой» вовсе не смотрится как «роман исторический в собственном смысле слова» [20, с. 15].

Рождены произведения в обстановке острых исторических катаклизмов: первое – в темную ночь холодной войны с ядерным противостоянием Запада и Востока; второе – в вихре бурных событий 60-х годов, сотрясавших американскую нацию (убийство Джона Кеннеди, война во Вьетнаме, антивоенные и молодежные движения, горит негритянский Гарлем…). Писатели приняли вызов Истории, и их творения несут идею о том, что мир уже нуждается в решительных мерах по предотвращению планетарной катастрофы. Вот одно из ранних авторских философских эссе в романе Стейнбека: «В мире происходят чудовищные изменения и нам неведомо, какие черты обретет будущее под нажимом созидающих его сил». Еще более выразительно звучат его слова: «Небывалая напряженность, нарастая, подводит мир к критической точке, людям неспокойно, они растеряны [15, с. 154]».

Возникает ведущая тема романов: пути спасения человечества. Генеральная мысль, предопределяющая пути спасения, – необходимость сознательного изменения менталитета людей: их мировосприятия, системы ценностей, типа мышления. В конечном счете это самосовершенствование, достигаемое осознанной моральной волей. Романы представляют собой поиск и художественную разработку альтернативы американскому и – шире – общечеловеческому status quo. Автор статьи стремится понять, в каком направлении ведутся поиски и приходит к выводу, что цель – заново утвердить нравственные первоосновы Христианства. Прежде всего, это касается фундаментального принципа о единстве человечества, не допускающего деления на высшую расу господ и низшую расу от-

верженных, несущих тяготы труда и ответственности – иными словами принципы социал-дарвинизма. А конкретные методы воплощения нравственных принципов в жизнь в каких-то гранях сродни позиции наших философов, в частности направлению разрабатываемой ими современной методологии, нацеленной на извлечение истинного ответа по интересующему всех нас вопросу – о роли Православия в мире: «*Мировое призвание Православия*… в том, чтобы заново утвердить, «переоткрыть» единство человечества, – единство «эллина и варвара», «язычника и иудея, – которое впервые явилось вместе с христианством и постепенно было утрачено на пути секуляризации» (т.е. дехристианизации, «обмирщения» – И.Б.) [12, с. 485].

Первое, что бросается в глаза при чтении романов – стремление писателей акцентировать идею единства человечества. В противовес широко известному и казавшемуся незыблемым постулату Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе им не сойтись», Стейнбек и Уайлдер впервые несут знамя единения этносов Запада и Востока. Изображенные представители внеамериканских этносов входят в число основных и самых привлекательных положительных персонажей, чьи менталитеты близки к задуманному писателями эталону. Например, в романе «На восток от Эдема» это высокообразованный китаец Ли, родившийся и живущий в США. Идеи классического конфуцианства его душа воспринимает как нечто современное и актуальное. Такая широта духовного кругозора помогла ему в дальнейшем по достоинству оценить и христианский библейский миф. А в романе «День Восьмой» тоже высоко-образованная, но уже женщина России, волею судеб оказавшаяся в начале XX века в США. Она представлена как воплощение нетленной веры русского народа. Обоим литературным героям уготована важнейшая роль воспитателей юных, неожиданно осиротевших американцев, с целью формирования из них полноценных личностей с уже обновленным менталитетом. Так заявляет о себе тема воспитания молодой души. Педагогике воспитателей чужд скучный дидактизм. Все представлено в виде захватывающей интеллектуальной игры, и она удерживает внимание читателя в напряжении. В романах налицо черты глубокого эпического повествования, но в них есть элементы детектива и некоторой сентиментальности, создающие занимательность и облегчающие восприятие.

В романе Стейнбека «На восток от Эдема» сюжет завязывается контрастным изображением двух фермерских семей, живущих в калифорнийской долине Салинас в конце XIX века и на протяжении века XX: изображенная с любовью многодетная семья Сэмюэля Гамильтона и поданная критически небольшая полуразрушенная семья Сайруса Траска, состоящая из него самого и двух сыновей – Адама и Карла. Жизнь семей разнится прежде всего по ценностной ориентации тех, кто их возглавляет. Для Гамильтона приоритетом являются ценности духовные, христианские, для Траска же – ценности материальные, и он действует согласно «философии успеха».

Гамильтон представлен личностью с большой буквы. Семьей Гамильтона любуется вся округа. Автор подчеркивает безупречную честность, стремление помочь ближнему, многогранную талантливость, в то время как «талантом зашибать деньгу, Бог, увы, его не наградил… Все Гамильтоны были на удивление образованны и начитанны… Поскольку у Гамильтона были «золотые руки», со всей округи к нему возили чинить «разный инструмент». Вместе с тем, его посетители «воровали идеи Сэмюэля, … продавали их и богатели». Сэмюэль же, будучи трудоголиком, «всю жизнь едва сводил концы с концами» [15, с. 11 - 14].

Стейнбек делает акцент на том, что менталитет Гамильтона формировался не в американских условиях. Из-за сложностей в личной жизни молодой Сэмюэль решил перебраться в США уже будучи семейным человеком. А родился и вырос он в зеленом краю Ирландии в семье небогатых фермеров. Прототипом персонажа является дедушка Стейнбека по матери. Так в роман вводится своеобразная автобиографическая грань, делающая многочисленные авторские отступления еще более эмоциональными. Писатель подчеркивает, что «Сэмюэль навсегда сохранил в себе что-то неамериканское. Жители долины чувствовали в нем иностранца». И далее: «Было в нем нечто нездешнее, отличавшее его от всех остальных, и потому люди доверялись ему без опаски» [15, с. 15]. Более того, они глубоко уважали его, чувствуя, видимо, что личности типа Гамильтона обеспечивают жизнеспособность нации, поскольку в человеческом материале, из которого она формировалась, было немало «… бродяг и бедокуров, драчунов и спорщиков, психопатов и преступников» [15, с. 648].

Потомком таких ингредиентов американской цивилизации представлен Сайрус Траск и его высочайшие покровители в Вашингтоне. «Сайрус, отец Адама, был, что называется лихой мужик – бесшабашность отличала его с юности».

Всю жизнь он не стеснялся пользоваться ложью, приносящую ему большие деньги. Приписывая себе несуществующие военные заслуги во время краткого пребывания на фронте в Первую мировую войну, этот авантюрист сумел ловко и легко приобрести немалый вес даже в высших военных кругах Вашингтона и был торжественно похоронен в присутствии вице-президента [15, с. 18, 77].

Воспитание сыновей Траска сводится, по сути дела, к уродованию их детских душ. С подозрением относясь к тонкой душевной организации Адама, он насильно записывает юношу в армию с тем, чтобы там с помощью насилия вытравили его «неприспособленность» к жизни. Стейнбек описывает изощренные методы развращения молодых солдат, обязанных стать не рассуждающими убийцами: «Иди и убивай своих братьев такой-то разновидности… А мы тебя за это вознаградим, потому что своим поступком ты нарушишь заповедь, которую прежде был приучен почитать» [15, с. 32]. Эта тема вырастает в романе не только как целенаправленное подавление развития личности в армейской жизни США, но и как протест против подготовляемых братоубийственных мировых войн вообще.

В армии Адам сопротивлялся как мог давлению насилия. А вернувшись домой после стольких лет мучений и бесплодной жажды душевной теплоты, он весь жар сердца приносит на алтарь своей первой и единственной любви, не ведая, что отдает себя в жертву нравственному уроду. Его жена изменяет ему с братом, и сразу же после рождения двойни бросает своих сыновей, покушается на жизнь Адама и уходит, чтобы стать содержательницей борделя. Адам же лежит в глубокой депрессии.

В сложившейся ситуации китаец Ли, работавший кулинаром в семье Сайруса Траска, счел своим нравственным долгом начать воспитывать младенцев; а живший неподалеку Гамильтон, который «не мог отгородиться от чужих страданий» стал ему помогать. У них зародилась крепкая дружба. Решив дать близнецам имена, достойные многозначительного имени «Адам», они, таким образом, втягиваются в проблематику библейского мифа о Каине и Авеле.

Миф привлек внимание Стейнбека не случайно. Он играет в романе многофункциональную роль. Именно в рамках этого мифа Стейнбек доносит до читателя выстраданную мысль относительно того, в каком направлении должен изменяться менталитет людей. Позиция Стейнбека известна: необходимо заново утверждать нравственные первоосновы Христианства. Миф помогает писателю обосновывать свою позицию и «дойти до корня» в поисках истоков, то есть мотивировок зарождения тех или иных (положительных или отрицательных) чувств в душе молодого, а то и совсем еще юного человека. Сравнивая душу Каина и души Гамильтона и Ли, писатель как бы держит руку на пульсе психологических механизмов, определяющих суть формирующейся личности.

Вот уже изгнанный из рая Каин впускает в свою душу новые греховные чувства – гордыню, зависть, ненависть, мстительность, приводящие его к братоубийству. А к середине XX века чувства эти – как дает понять Стейнбек – расцвели пышным зловещим цветом и привели к войне, грозившей гибелью всему человечеству.

На таком историческом подтексте Стейнбек и развертывает художественными средствами свою методику правильного формирования человеческой души, т.е. приведения всех людей Запада и Востока к искомой Истине – добровольной решимости руководствоваться в жизни фундаментальным выбором в пользу божественных нравственных законов.

На уровне сюжета кредо писателя облечено в форму новой, непривычной для многих интерпретации мифа, высказываемой Гамильтоном в острых по характеру, но вполне дружеских диалогах с китайцем. «Бог вовсе не осуждал Каина – убежденно говорит он – … ведь даже Бог может отдавать чему-то предпочтение? Допустим, Богу баранина была милее овощей. … Но Каин огорчился. Разобиделся. А человек обиженный ищет, на чем сорвать досаду, – и Каин сорвал гнев на Авеле… И не странно ли, что трое взрослых людей через столько тысяч лет обсуждают это преступление, точно всего лишь вчера оно совершилось…» [15, с. 316 – 317].

И здесь дает о себе знать отзывчивая душа Ли, которую новизна мысли Гамильтона пробуждает от сковывающей «безмятежности Китая», положив начало бурной духовной деятельности. Ли стремится найти доказательства правоты Гамильтона в самом тексте Библии, ища, по сути дела, решение как коренной проблемы мифа, так и всего романа: предоставлял ли Бог обнадеживающую перспективу развития души Каина, а следовательно и всего человечества, – его детей? За помощью Ли обращается к группе китайцев-мудрецов, живущих в Сан-Франциско и воплощающих мудрость Востока, с просьбой прояснить смысл важнейшего глагола мифа, определяющего трактовку

человека в священном писании[4].

Изучив древнееврейский язык, китайские мудрецы открыли новый, явно обнадеживающий перевод этого глагола как «можешь господствовать» над грехом. Ли убежден, что такой перевод дает человеку выбор: говорит, что путь открыт для того, чтобы человек превозмог свои грехи и духовно выпрямился. «И в слабости своей, в грязи и скверне братоубийства он все же сохраняет великую возможность выбора. … это облекает человека величием… Он может выбрать путь, пробиться и победить» [15, с. 352 - 353].

Китаец увязывает психологическую матрицу мифа с жизнью обыкновенных людей, нередко порождающей взаимонепонимание отца и сына. Как будто предчувствуя, что в дальнейшем придется разрешать подобные недоразумения в ходе воспитания близнецов, Ли сразу же пытается взглянуть на ситуацию под углом зрения ее исправления. «Моя мысль идет сейчас ощупью, так что не взыщите…» – говорит он другу. Но под пером Стейнбека мысли Ли прорываются к широчайшему горизонту. Он осознает общечеловеческую значимость христианского мифа, в котором «заключена человеческая история всех времен, культур и рас» [15, с. 354]. Ли догадывается, что «в этой повести – весь корень, все начало беды». Беда содержится в психологических механизмах души греховного человека, превратно воспринимающего урок Господа как осуждение и отвержение. Она в том, что старший («сильный») – отец, воспитатель, наставник – не соблюдает божественный закон любви, исключающий отвержение младшего («слабого») – сына, воспитуемого, подчиненного. «Для ребенка ужасней всего чувство, что его не любят, страх, что он отвергнут – это для ребенка ад», – убежденно говорит Ли –… «тянущийся за любовью и отвергнутый», ребенок «дает пинка кошке и прячет в сердце свою тайную вину; а другой крадет, чтобы деньгами добыть любовь; а третий завоевывает мир – и во всех случаях вина, и мщение, и новая вина. … думаю каждый на свете в большей или меньшей степени чувствовал, что его отвергли… Отверженность влечет за собой гнев, а гнев толкает к преступлению, в отместку за отверженность, преступление же родит вину – и вот вся история человечества» [15, с. 317 - 318].

Описанные события стали для друзей ярким озарением. Оно преобразовало нравственный строй души Гамильтона, пробуждающейся для активной и бескомпромиссной борьбы за духовную поддержку окружающих людей. «Конечно, – говорит он в своем последнем дружеском «раунде» с Ли – большинство бойцов гибнут побежденными, но есть и другие, что, подобно столпу огненному, ведут испуганных людей сквозь темноту». И подводит итог: «Все изменили твои два заново переведенных слова. «Можешь господствовать». Они взяли меня за горло и тряхнули. И когда голова перестала кружиться, открылся путь – новый и светлый» [15, с. 359].

Ли полон решимости свято продолжать дело своего «духовного отца». Сюжет переключается на изображение разнообразных судеб уже представителей нового поколения: девятерых детей Гамильтона и двоих Адама Траска. Духовное восхождение китайца блестяще раскрыто через его роль воспитателя юной души Кейла, возмужание которой – как и у его отца Адама – встроено в уже известную нам матрицу взаимоотношений отца и сына, напоминающую библейский миф.

В сердца и уста главных персонажей романа Стейнбек вкладывает свои недюженные педагогические знания. Писатель целенаправленно формирует в сознании читателя веру в необходимость добровольным усилием воли реализовывать потенциал человеческой души, этого «блистающего чуда». Той же цели служит и стремление открыть перед читателем – на примере увлекательной научной работы китайских мудрецов – вдохновляющий эффект и красоту борьбы за Истину. «Вот бы вам, мистер Гамильтон, – говорит Ли – просидеть с нами одну из тех ночей за обсуждениями и спорами… О, какая красота, какая прелесть мысли!» [15, с. 352].

Должное восхождение менталитета Стейнбек представлял себе как переживание череды озарений (в оригинале – glory). Английский термин содержит религиозную грань, связанную с «нисхождением» на человека чего-то свыше, и тогда «в мозгу что-то вспыхивает, и мир предстает перед тобой осиянный светом» [15, с. 153]. Можно предположить, что такая тональность изложения связана с влиянием русской классики XIX века; она насыщена особой «потаенной» христианской энергетикой спасения и «обращается к человеку не от имени одного только «человеческого, слишком человеческого», а от имени высшей правды с ее небесным максимализмом» [12, с. 322].

Стейнбек сам неоднократно переживал подобные состояния. Он говорил, что для него

[4]Подробнее о лингвистических доказательствах см. [4, с. 87 – 100].

«некоторые книги были реальнее, чем жизненный опыт… Я их читал, когда был очень молод, но я помню их не как книги, но как события, которые случились со мной» [6, с. 4]. И на первом месте в этом списке книг стоит роман Достоевского «Преступление и наказание». Читая его молодой Стейнбек осознанно или неосознанно знакомился с идеей Православия.

Озарениям писатель придавал особое значение. Он пишет: «Я думаю, значимость человека в этом мире измеряется числом и природой посетивших его озарений… Если в нас погасят искру, рождающую озарения, мы пропали» [15, с. 154, 155]. Но для того, чтобы переживать их, человек должен быть внутренне свободен. Свободу писатель понимал не как расслабленность и безответственность, а как свойственное православному человеку огромное напряжение творческого духа, взыскующего более глубокого постижения своей ответственности за все, происходящее на Земле.

Писатель крайне озабочен тенденциями в современной ему социально-политической жизни различных стран, направленными на подавление свободной личности. «Чтобы… сковать, притупить и одурманить независимый мятежный разум, его унижают, морят голодом, преследуют, насилуют, истязают беспощадными запретами и ограничениями». Отвечая на поставленный самому себе вопрос: «Против чего я должен бороться?», – он пишет: «Против любых идей, религий и правительств, ограничивающих или разрушающих в человеке личность. Таковы мои убеждения, и в этом я весь» [15, с. 155].

Страстно защищая свободу индивидуума, Стейнбек доходит до отрицательного отношения к самому понятию «коллектив». «Массовый, или, как его еще называют, коллективный, метод уже вошел в экономику, в политику и даже религию, отчего иные народы подменяют понятие Бог понятием Коллектив. Этим то и страшно время, в которое я живу» [15, с.154]. Здесь, судя по всему, дает о себе знать одна из национальных черт мышления американского писателя – индивидоцентризм – которая ярко проявила себя в XIX веке, в ходе движения трансценденталистов. Его лидер Ральф Эмерсон внес выдающийся вклад в развитие прогрессивной литературно-философской мысли в США, помогавшей бороться с рабством. Но, вместе с тем, его доктрина «Доверие к себе», или «Опора на себя» (Self – Reliance, 1841) коренится в индивидуализме. В дальнейшем Эмерсон начал «соскальзывать» на позиции предшественников социал-дарвинизма. Стейнбек же, – и это принципиально важно – эволюционировал в сторону Православия.

На последних страницах романа Стейнбек использует образ китайца Ли, чтобы подвести итог своим взглядам. Мысленно оглядываясь на прожитую жизнь, Ли признается Кейлу: «Главная моя глупость состояла вот в чем: я считал, что добро всегда гибнет, а зло живет и процветает… Но это обманчивое чувство…» – внушает он юноше [15, с. 681]. Какой смысл вкладывается здесь в понятие «добра» и «зла»? Создавая роман, Стейнбек делился мыслями со своим издателем. Писателю хотелось рассказать «… возможно, самую великую историю о добре и зле, силе и слабости, любви и ненависти, красоте и уродстве. Я попытаюсь показать… как эти двойники неразделимы – … и как из их союза рождается созидательность», то есть как верх берет добро, как историческая чаша весов складывается в сторону Добра [15, с. 646]. Стейнбек убежден в неистребимости творческих потенций человеческой души. Свидетельством являются бесконечные попытки достижения того, «к чему никто и никогда не перестанет стремиться, – совершенства» [15, с.682]. Будущее за такими, как Гамильтон и Ли. Они оказываются блестящими воспитателями, умеющими духовно выпрямлять юные души и открывать им путь кристаллизации прекрасных человеческих взаимоотношений.

В эпоху, когда борьба между Добром и Злом идет «на острие ножа», Стейнбек готовит соотечественников (да и не только их) для духовного прозрения и возрождения. Роман несет в подтексте идею возможности прорыва на уровне всего общества к альтернативной системе ценностей, основанной на заново утвержденных нравственных принципах. Финальное слово романа – «можешь» звучит как удар колокола, побуждающий решительно действовать.

В романе Уайлдера «День Восьмой», написанном в притчевом жанре с чертами эксперимента, выстраданные мысли Стейнбека получили мощное развитие. В нем изображен контраст двух цивилизаций: американской, в официальной идеологии которой важную роль играет философия социал-дарвинизма, с ее двойными стандартами, чреватыми гибельными последствиями, и российской, базирующейся на русской духовной и культурной традициях, и открывающей – благодаря всемирной отзывчивости – пути к спасению. Спасение человечества мыслится писателем в тесной связи с появлением на исторической арене Спасителя – Мессии. Ребром встает вопрос: какая же страна сможет родить Мессию и когда – в ближайшем

будущем или через столетия?

Уайлдер убежден, что для преодоления трагедий XX века человечество должно подняться на более высокий уровень Духа, то есть стать достойным «Дня Восьмого». Тогда возникнет общество людей, способное открыть новую страницу в истории. Именно поэтому в Прологе ставятся кардинальные вопросы, затрагивающие всех людей. Например: «… вправе ли мы надеяться что однажды придет пора, когда в человеке-животном окончательно восторжествует духовное начало?» [18, с. 300]. Положительный ответ дается всем содержанием романа, который и посвящен проблемам воспитания человека периода «Дня Восьмого».

Костяк сюжета таков: в небольшом угледобывающем районе штата Иллинойс, в шахтерском городке Коултаун, в начале XX века живут две семьи: Джона Эшли – инженера шахты, и Брекериджа Лансинга – управляющего шахтой. Однажды они устроили около своих домов дружеское соревнование в стрельбе по цели. Когда Эшли прицелился и выстрелил, Лансинг, стоявший поблизости, вдруг упал замертво. Убил его, выстрелив из окна дома, его сын Джордж, так как отец, по его мнению, был невыносимым тираном в семье. Но обвинили в убийстве Эшли, и суд приговорил его к смертной казни. Когда Джона в вагоне везли к месту казни, какие-то люди в черных масках спасли его, сумев выкрасть из вагона, и посадили на приготовленную лошадь, чтобы бежать из страны. Американское правосудие установило невиновность инженера только через пять лет, когда его уже не было в живых.

У Эшли осталась больная пассивная жена и четверо детей: старшему – Роджеру – 17 лет, старшей дочери Софи – 14. И еще две девочки помоложе. Общество городка – и власти, и обыватели – подвергают ни в чем не повинных детей остракизму, им грозит долговая тюрьма и – в конечном итоге – гибель. Судьба подростков зависит от того, сумеют ли они ощутить в себе достаточно крепкий нравственный стержень личности и проявить необходимую силу воли. Результат их развития превзошел ожидания. Через несколько лет, к удивлению окружающих, оставленная семья возродилась как птица Феникс: почти все дети Эшли, а также молодой Джордж Лансинг стали удивительными неординарными личностями – как бы подтянулись к искомому уровню Личности периода «Дня Восьмого».

С большой художественной силой Уайлдер представляет все три основные источника эффективного воспитательного воздействия: главу семьи англосакса Джона Эшли, религиозную общину ковенанторов, т.е. сторонников дружбы с индейцами и русскую женщину Ольгу Дубкову. Все эти персонажи едины в главном: несущий стержень человеческой личности – ценностная ориентация – направлена у них на идею нестяжательства, в то время как окружающие обыватели, живут согласно протестантской философии материального успеха: «По христианскому учению, как его толковали коултаунские пастыри, существовала прямая и неразрывная связь между божьей милостью и деньгами. Впасть в нужду – было не просто потерей человеком своего места в обществе. Это было знаком, что всевышний от него отвернулся» [17, с. 142]. Писатель ставит своих персонажей в позицию свободного выбора религиозных убеждений. «… ведь религия – только платье истинной веры, и платье это зачастую прескверно сшито, если судить по Коултауну, штата Иллинойс» [17, с.194]. Читателю предоставляется возможность судить литературных героев не по словам, а по делам.

Начнем с отца семейства – Джона Эшли, так как именно он явился основой воспитания характера детей, начиная с ранних лет.

Скромный инженер шахты многим окружающим казался человеком «странным». У него не было честолюбия, он получал «мизерный оклад» и «был бедным», но жил «ни в чем не чувствуя недостатка» [17, с. 124]. Не деньги, а душевный покой составлял богатство семьи Эшли. В ходе расследования дела об убийстве обыватели обнаружили сенсационный факт: Джон в течение семнадцати лет нарушал «непреложный закон цивилизации», а именно: не копил деньги и не имел весомых сбережений в банке. Он не испытывал чувства страха. Кому-то из сидящих в зале суда в ожидании приговора Джон казался «тем пришельцем извне – быть может из будущей эры – что везде и всегда обречен на участь изгоя» [17, с. 417]. В нем чувствовалась внутренняя гармония, непринужденность бытия. То был голос веры, истой и бескорыстной. В описании характера Эшли читатель может почувствовать какое-то отдаленное сходство с обликом князя Мышкина из романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Главной особенностью героя Уайлдера была приверженность в глубине души «вере». Но Джон «не знал, что умеет верить, и… он бы рьяно стал отрицать, если бы ему сказали, что он человек религиозный» [17, с. 194].

Личность Джона сформировалась под влиянием двух факторов: его бабушки, в духовном облике которой чувствуются лучшие черты

маргинальных религиозных верований в Америке начиная с середины XIX – I половины XX веков (имеются в виду различные общины, коммуны, секты и т.п.) – с одной стороны, а с другой – под влиянием классической русской литературы, которая, как писал наш известный философ И.А. Ильин, «является цветением русского духа из корней православия» [9, с. 799].

Строй души Джона с раннего детства формировала его бабушка. Воспитанная в католическом окружении, она порвала с католицизмом и примкнула к секте аскетов. Сама читала там проповеди, самозабвенно обращаясь к Богу. «Мысли были сосредоточены на одном: на устройстве мира, как его замыслил Творец, просила указать ей ее место в этом мире» [17, с. 235]. И она сумела воспитать во внуке ориентацию на нравственные ценности, такие как трудолюбие, нестяжательство, стремление жить по совести. Разочаровавшись в официальной протестантской церкви Коултауна, молодой человек стал тянуться к иной церкви, напоминавшей ему ту, куда водила бабушка: расположенная на окраине Коултауна, на Геркомеровом холме и принадлежавшая общине ковенанторов.

Созданная фантазией писателя община ковенанторов играет важную роль, помогая Уайлдеру доносить до читателя свои представления о том, где, на каких путях, он видит спасение страны, а, стало быть, и всего человечества. Община состоит из людей, наполовину имеющих индейскую кровь. Их принципы жизни построены на высокой нравственности и противостоят окружающему их деградированному обществу потребления.

Духовный образ общины создает в романе сложный двухслойный подтекст: он созвучен и духу американских отцов-пилигримов, у которых еще не было ни индивидуализма, ни частной собственности, и – в то же время, – духу нравственных первооснов христианства, сохраненных православием. Здесь и проект возврата к христианской аскезе в противовес официальному протестантизму коултауновского типа, и сострадательность, и борьба за справедливость. Здесь и свобода духа, предполагающая великую ответственность перед Богом за все, происходящее на Земле, и своего рода религия творчества – «пассионарное» трудолюбие, а не присвоение готовых продуктов. Джон Эшли искренне симпатизирует ковенанторам, и когда их храм – самое главное для общины – погиб в результате природного бедствия, Эшли, как истинный друг, помог восстановить его «сделав больше, чем он мог» – как скажет позднее Дьякон [17, с. 486]. А когда с семьей Эшли случилось несчастье, ковенанторы взяли ее под опеку.

Созвучие с принципами православия можно услышать и в описании жизни Джона Эшли в изгнании. Если раньше он жил «ни о чем не задумываясь», то теперь происходит динамичное душевное взросление. «Он почти миновал тот период, когда каждый нормально развивающийся юноша задается философскими проблемами бытия. И теперь… Эшли испытывал муки разума, которые должен был испытывать на двадцать лет раньше… его мысли перекликались с мыслями другого молодого человека» [18, с. 426-427], который оказывается Константином Лёвиным. И следует цитата из романа «Анна Каренина», характеризующая полное отчаяние в душевном состоянии Лёвина, как раз накануне его «откровения», излечившего от влияния социал-дарвинизма. «В бесконечном времени, в бесконечности материи, в бесконечном пространстве выделяется пузырек-организм, и пузырек этот подержится и лопнет, и пузырек этот – я» [16, с. 661][5].

Эшли тоже переживает в изгнании сходные откровения, которые побуждают его обратить теперь уже вполне сознательный взор на себя и оценивать предыдущую жизнь, свои поступки и поступки окружающих людей. Начинает звучать тема самосовершенствования. «Отец был скуп… Джон понял вдруг, что стремился стать противоположностью своему отцу» [17, с. 233-234]. И Эшли стремится делать Добро, в нем проявляется «дух рыцарственности» Он думает об «удивительной возможности» даруемой процессом самосовершенствования: платить старые долги, искупать старые ошибки, допущенные «по слепоте, по глупости» [17, с. 262].

После исчезновения главы семьи, эстафета воспитания подростков была подхвачена русской женщиной, Ольгой Дубковой, волею судеб оказавшейся в Америке. По происхождению она – графиня, получившая блестящее отечественное образование, прежде всего в области классической литературы.

Будучи принята в обеих семьях – как прекрасная вышивальщица, портниха и просто уважаемый и интересный человек, она параллельно с Джоном, в которого была «немного влюблена», ненавязчиво проводила работу по

[5] При переводе романа «День Восьмой» на русский язык переводчица Е. Калашникова не распознала цитату из «Анны Карениной» и дала свою собственную огрубленную версию одной из ключевых фраз романа. Не помогли и специалисты, писавшие предисловия.

духовному воспитанию подростков. После катастрофы она сразу начала ориентировать их не на выживание, а на полноценное развитие личности. Ольга Сергеевна любовно формирует юные души американцев.

Ярче всего воспитательный талант Дубковой раскрывается в ее отношениях с Джорджем Лансингом. Прекрасно понимая душу несчастного подростка, Ольга первая догадалась, что именно он убил отца. Своим состраданием русская женщина сумела излечить страшную душевную рану Джорджа и подготовила юношу к покаянию. Осознавая неизбежность близкого отъезда из родных мест, она стремится укрепить молодую душу, направляя духовное развитие Джорджа в лоно божественных истин: внушает, что в настоящее время он не испытывает счастья, т.к. еще слишком молод и не имеет заветной цели в жизни. Но ведь «Бог перед каждым из людей поставил одну главную задачу. Мне кажется, та, которую предстоит решать тебе, потребует много мужества, много стойкости; путь твой будет нелегок, но ты победишь». Джордж как завороженный слушает ее рассказы о русских писателях, являющихся «величайшими писателями в мире», – и юноша проникается любовью к Пушкину [17, с. 406, 411, 412]. У него появляется идея изучить русский язык и уехать жить в Россию. Джордж с энтузиазмом овладевает русским языком. Форму уроков он изобрел сам, в соответствии с открывшимся актерским даром и богатым воображением: «… вот он будто приехал в Санкт–Петербург, входит в гостиницу, снимает номер… Идет в церковь… Посещает трактиры и вступает в беседу с молодыми людьми своих лет… Советует не забывать, что Россия – великая страна, самая великая в мире» [18, с. 410].

Под влиянием Дубковой Джордж становится знаменитым актером и как бы эталоном человека «дня Восьмого».

Образ Ольги Дубковой, судя по всему, близок самому автору. Он несет лежащую в основе романа мысль, что западноевропейские страны в свое время изменили важнейшим принципам христианства, которые необходимо заново утверждать. Своим воспитанникам она внушает: «Государства Европы с каждым днем все более приходят в упадок. Я это наблюдала своими глазами. Их губит жажда богатства и наслаждений. Они позабыли Бога» [18, с. 613]. Мысли, вложенные в уста русской женщины, перекликаются с позицией нашего современного философа: «Если мы и в самом деле мечтаем об освобождении всего человечества, а не одной только привилегированной его части, нам предстоит переинтерпретировать эмансипаторский проект европейского модерна, избавившись от его гедонистическо-индивидуалистической, потребительской интенции» [12, с. 485].

В романе явно чувствуется осознание писателем, что и в современной ему России господствует богоборческий дух. Но героиня Уайлдера убеждена, что русский народ сохранит веру в Бога в своих душах, и она восторжествует: «Мы, русские, храним Бога в сердцах своих, подобно тому, как прячут фонарь под полой, выходя из дома в бурную ночь…». Более того, писатель вкладывает в ее уста слова об исключительной исторической миссии России: «… ее истории, ее величии, ее священном предназначении и ее будущем, которое удивит мир… Россия – внушает она молодым слушателям – тот ковчег, где спасется человечество в час всемирного потопа» [19, с. 406 – 409].

Смысловым апогеем романа является эволюция семнадцатилетнего Роджера, сына Джона Эшли, который как и его отец, несет на себе отблеск новаторской фигуры Константина Лёвина. Именно этот образ наиболее ярко представляет собой модель формирования характера молодого человека периода «Дня Восьмого» и окончательно высвечивает «момент Истины» в философской притче.

Судьба Роджера такова: После исчезновения отца он сразу решил отправиться на заработки в Чикаго, чтобы спасать осиротевшую семью. Нравственность, воспитанная в семье, помогала преодолевать огромные трудности и – что особенно важно – выбираться из духовной трясины нигилизма и декадентства, куда ему суждено было погружаться, живя в Чикаго. И сколько бы ни внушали Роджеру новые знакомые, что «человек ничтожен, и все его усилия измениться к лучшему бесплодны», что «прогнил весь земной шар», а «собственность – самое священное в этом мире, священней, чем совесть» [18, с. 305, 317] – все такие доводы нейтрализовались приверженностью Роджера к вере отца, к его духовному облику.

В процессе поисков жизненной цели Роджер держит курс на философское ее осмысление. «Что-то есть неправильное в самой основе мироустройства, и он докопается, что именно… он хотел придумать объяснение человеческому бытию и такие житейские правила, которые позволят людям сосуществовать разумно и мирно…» [17, с. 501]. Он стремится выводить «законы человече-

ского общения», намечать «конституцию идеального государства». Но затем наступает «прозрение: он понял, что ничего не знает» [17, с. 502]. Предстоит огромная работа по самовоспитанию, увлекательно изображенная в романе. Делом жизни Роджера станет нравственное совершенствование народа посредством создания журналистики особого рода, какой раньше не бывало. Как журналист он становится известным всей стране, узнаваемым по словам «человека, привыкшего убеждать нравственными доводами» [17, с. 484].

Через десять лет после появления Роджера в Чикаго, люди начали задаваться вопросом о судьбе семьи Джона Эшли. Особенно их озадачила судьба Роджера. «Никто не мог обнаружить ту скрытую пружину, что приводила в действие и направляла его неуемную энергию» [17, с. 484].

Много позже один философски мыслящий знакомый Роджера скажет, что юноша «пришел в Чикаго круглым невеждой. Через пятнадцать лет… он был самым образованным человеком в Америке». [17, с. 289]. Не без глубокой иронии в адрес американской цивилизации, знакомый определил, каковы были у Роджера «преимущества перед всеми нами: … В социальном плане он был парией. В философском – только что у него на глазах его семью сглодало живьем цивилизованное христианское общество. В экономическом – он не имел никакой собственности… В академическом – он в жизни не слышал ни одной лекции и не держал ни одного экзамена». [18, с. 486].

Где же была «скрытая пружина», позволявшая юноше прорываться к Истине? Ответ дает финальная глава романа, которая посвящена изображению решающего момента в становлении личности Роджера. Дух этой главы созвучен способности самого Уайлдера тонко чувствовать и глубоко переживать все то, что преподносит жизнь, задевающая струны его души. Дело в том, что Уайлдер стоит несколько особняком в истории литературы США XX века в результате необычности формирования его личности. Судьбе было угодно еще в юные годы познакомить будущего писателя с древней мудростью Востока (подолгу жил в Китае, где работал отец-дипломат). Соприкосновение с иной цивилизацией не могло не раздвинуть горизонты его духовного видения за пределы мировоззрения других американских литераторов.

Большое влияние оказывала на Уайлдера и европейская культура, особенно древнегреческая и римская античность, а также эпоха Возрождения. Помимо Йельского университета он учился в Риме, участвовал в археологических раскопках, что развивало творческое воображение. Его энциклопедическая образованность сочеталась с очень активным и смелым отношением к жизни. Он испробовал себя во множестве ролей: романиста, драматурга, режиссера, актера, военного (добровольно участвовал во Второй мировой войне), преподавателя университета, профессионального лектора, побывавшего во многих уголках страны, музыковеда…

В 65 лет писатель удалился в пустынные области штата Аризона, по-видимому, чтобы сквозь «магический кристалл» своего богатейшего духовного опыта, увидеть будущее человечества. Через пять лет, в юбилейный для себя год семидесятилетия он, неожиданно для всех, издал свой шедевр – «День Восьмой».

Священнослужитель [1, с. 56] разъясняет, что, согласно писаниям святых отцов, эти слова несут в себе идею победы светлых праведников в грядущей судьбе человечества.

Но вернемся к Роджеру. В финальной главе представлены события, которые и станут «трамплином», возносящим юношу к Истине: переживания и откровения, связанные с чтением письма отца, написанного перед отправлением к месту казни и переданного Дьякону для вручения Роджеру в день совершеннолетия; последовавшая многозначительная беседа Дьякона; сосредоточение духовного видения Роджера на лице русской женщины.

Авторская стратегия этих сцен направлена на то, чтобы как можно глубже пробудить в читателе ощущение сопричастности переживаниям Роджера. Сцены до предела насыщены эмоциональностью и психологической детализацией.

Перед чтением письма Роджер испытывает «страх» из-за того, что общение со святым для него письмом может застать врасплох, поскольку он еще недостаточно ясно осознал свое место и обязанности в ходе идущей перед его глазами «жестокой схватки»… «светлых сил» и «темных» («the powers of light and the powers of darkness»)… ведущейся под покровом внешней благопристойности, – страшно, да, страшно, что ему суждено до конца жить жизнью раба или четвероногой твари с низко опущенной головой» [17, с. 696]. Но проникновенные слова письма духовно выпрямляют юношу. Вот он доходит до самых важных финальных строк: «Я отправляюсь (к месту казни – И.Б.) … повторяя про себя любимую молитву моей бабушки. Она молилась о том, чтобы наша жизнь служила осуществлению промысла Господня. Хочу надеяться, что я прожил свою жизнь не напрасно» [17, с. 697]. Юноша потрясен. Чтение письма вызывает у него озарение,

которое, как он чувствует, определит всю дальнейшую судьбу.

В беседе Дьякона с Роджером, только что закончившим читать письмо, Уайлдер устами священнослужителя подводит итог цивилизационной теме романа. Как мудрый человек, Дьякон избегает давать какие-либо твердые прогнозы на будущее, хотя и не ставит под сомнение появление Мессии – Спасителя человечества. Он распахивает окно в будущее, произнося, с задумчивым видом, ряд вопросов, обращенных к собеседнику, и содержащих предположения и сомнения, способные дать Роджеру (а заодно и читателю) богатую пищу для размышлений. Например:

«– Может ли быть, что именно этой стране суждена такая великая участь – этой стране, причинившей столько зла моим предкам?...

Пути Господни неисповедимы. Я не берусь ответить на все эти вопросы … Возможно, я заблуждаюсь… Возможно, и эта семья, и эта Америка – миражи моих старых глаз. Есть другие страны и другие «родословные древа…» [17, с. 699–700].

Чтение письма и общение с Дьяконом привели юношу в состояние экстаза. Выйдя из храма он «бегом побежал вниз. Он спотыкался; он падал; он пел» [18, с. 700]. Дома, за рождественским ужином, Роджер «внимательно вглядывался в лица своих домашних», упорно размышляя о том, кто сможет теперь, по-настоящему, разделить его мысли и чувства. Взор остановился только на одном лице – «Мисс Дубкова» [18, с. 700]. Он выделил именно ее из всех.

Этот финальный взор – символичен: герой «Дня Восьмого» останавливает его на русской женщине, душа которой соткана из православных нитей сострадательности и стремления помогать слабым. Происходит это в момент его высшей духовной концентрации и ощущения прорыва к Истине, решительно бороться за которую он теперь твердо решил.

Ни Стейнбек, ни Уайлдер не оперируют таким цивилизационным понятием, как Православие, но рискнем предположить, что оно как бы незримо присутствует в подтексте их романов в качестве той искомой и притягательной альтернативы, к которой стремится стрелка их духовного компаса. Подтекст играет большую роль в обоих романах. В письме к издателю Стейнбек признавался, что в готовящемся произведении должно получить объяснение необъяснимое – ведь «искусство писания заключается в неловкой попытке найти обозначения для невыразимого словами» [15, с. 646].

Конечно, трудно находить слова, говоря о вере, поскольку это понятие имеет трансцендентный, божественный характер. Оба писателя страстно надеются на спасение человечества через свободу духа и их книги – призыв к мобилизации духовных сил, с тем, чтобы в ходе «жестокой схватки» склонить чашу весов в сторону «светлых сил» (Уайлдер) и «добра» (Стейнбек). Да, пока что в меньшинстве те, кто «подобно столпу огненному, ведут испуганных людей сквозь темноту. … Но все меняет возможность выбора – возможность победы!» [15, с. 359].

«И тогда нам открывается подлинный лик свободы, каким он открылся христианству: свобода духа есть богосыновство и оно предполагает величайшую всеохватывающую ответственность за всех живущих на земле людей… Свобода есть не расслабленность, а величайшее сосредоточение, величайшее напряжение духа, прорывающегося за пределы очевидного – … к трансцендентному, от материи – к идее, от готовых результатов – к истокам и генезису» [12, с. 485].

Думаю, что писатели-мудрецы США XX века не отказались бы подписаться под такими мыслями нашего современного философа.

В статье сделана попытка под цивилизационным углом зрения проанализировать два крупных литературно-философских произведения, проблематика которых созвучна с такими историческими вызовами нашего времени, какие едва ли смогут обойти вниманием будущие работники дипломатического фронта. Она носит в определенной мере дискуссионный, порой экспериментальный характер, и ограничена в отношении количества как исторических периодов, так и писательских имен.

Список литературы

1. Андриянов Геннадий, протоиерей. О смысле, вложенном в понятие «дня Восьмого» святыми отцами. Москва: «Аргументы и факты» № 1. Раздел «Вопрос – ответ». 2016.

2. Бабушкина И.Е. Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и роман Ф. Норриса «Спрут» / Русская литература. № 1 Ленинград: «Наука». 1982.

3. Бабушкина И.Е. Фрэнк Норрис и Лев Толстой. Москва: МГИМО Филологические науки, № 4. 2000.

4. Бабушкина И.Е. Тема единения этносов Запада и Востока в романе-мифе Стейнбека «На Восток от Эдема» / Американский характер. Очерки культуры США. Москва: «Наука». 1995. 318 с.

5. Замошкин Ю.А. Вызовы цивилизации и опыт США. Москва: «Наука», 1991.

6. Иванько С. Джон Стейнбек. Предисловие к собранию сочинений в шести томах. Т. I. Москва: «Правда», 1989.

7. Лондон Джек. «Мартин Иден». Сочинения т. V. Москва: Государственное издательство художественной литературы. 1955.

8. Лондон Джек. Рецензия на роман М. Горького «Фома Гордеев». Сочинения т. V. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1955.

9. Морозова Т.Л. Русская литература в американском контексте / История литературы США. Литература между двумя мировыми войнами. Т. VI, кн. 2. М. ИМЛИ РАН, 2013.

10. Норрис Фрэнк. «Спрут». Москва: Государственное издательство художественной литературы. 1958.

Русский перевод романа «Спрут», к сожалению не всегда адекватен. В подобных случаях ссылки даются в переводе автора статьи.

11. Осипова Э.Ф. Русская литература и литературная жизнь США. История литературы США. Литература начала века. Том V. Москва: ИМЛИ РАН. 2009. 987 с.

12. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. Москва: «Алгоритм». 2002. 493 с.

13. Сохряков Ю.И. Русская классика в литературном процессе США XX века. Москва: «Высшая школа». 1988. 110 с.

14. Стеценко Е.А. Джон Стейнбек. История Литература США. Литература между двумя мировыми войнами, т. VI, книга 1. М: ИМЛИ РАН. 2013. 851 с.

15. Стейнбек Джон. «На восток от Эдема». Собрание сочинений в 6-ти томах. Том V // Москва. Издательство «Правда». 1989.

16. Толстой Л.Н. «Анна Каренина». Москва: «Наука». 1970.

17. Уайлдер Торнтон. «День Восьмой». Москва: «Радуга». 1983.

18. Уайлдер Торнтон. «День Восьмой». Москва: «Прогресс».1977.

19. Урнов Д. О творчестве Торнтона Уайлдера. Предисловие к книге: «Мост короля Людовика Святого», «Мартовские иды», «День восьмой». Москва: «Радуга». 1983.

20. Фицджеральд Ф. Скотт. «Великий Гэтсби». Москва: «Художественная литература». 1965.

21. Norris Frank. Responsibilities of the Novelist // N.Y.Doublday, Page and Company. 1903.

22. September 11, 2001. American Writers Respond. Edited by William Heyen. An anthology. // Etruscan press, 2002.

23. Интернет ресурс. Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на XX Всемирном русском народном соборе. 1 ноября 2016 г.

Об авторе

Бабушкина Ирина Евгеньевна – кандидат филологических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

УДК 821.161.1.09

СОНЕТЫ К.Д. БАЛЬМОНТА

Жидиханова К.А.

В статье представлен анализ художественных особенностей сонетов К.Д. Бальмонта. Установлен устойчивый признак функционирования жанра в лирике поэта, выразившийся в явном стремлении к экспериментаторсту и разрушению традиционной формы классического сонета.
Ключевые слова: К.Д. Бальмонт, сонет, система рифмовки, символ, смысловой параллелизм, лирический субъект, антитеза, тематический диапазон.

K.D. BALMONT`S SONNETS

Zhidikhanova K.A.

The article presents an analysis of the art features of K.D. Balmont's sonnets. Stable feature of functioning of the genre in the poet's lyrics is established, what was expressed in a clear effort to experiment and the destruction of the traditional forms of classical sonnet.
Keywords: K.D. Balmont, sonnet, rhyming system, symbol, semantic parallelism, lyrical subject, antithesis, thematic range.

Вершиной русского сонета считаются произведения, включенные в сборник К.Д. Бальмонта «Горящие здания», так как в них отразились все икания, свойственные эпохе символизма.

Значимость жанра для Бальмонта была отмечена еще в начале XX века: «Самосознание поэта – этот центральный мотив «Горящих зданий» - выражено в тесной связи с прославлением этой трудной и традиционной, вполне установленной поэтической формы: сонет, что влек Бальмонта смолоду. В форме сонета прощается навсегда поэт с представителями рассудочности, отвергающей все таинственное…» [1, с.48].

Не случайно количество сонетов в сборнике равно числу строк сонета – 14. Сонеты К.Д. Бальмонта демонстрируют мастерское вкрапление символа в строго очерченную форму и являются доказательством необыкновенного тематического разнообразия данного жанра. Кроме того, поэт предстает неким демиургом, провозвестником будущего, выступает как звено, связующее обыденный мир с миром воображаемым. В основе художественных образов поэта – не столько переживание реальности, сколько отражение сознания творца, его духовной жизни. Именно поэтому большая часть сонетов сборника посвящена внутренним переживаниям поэта, размышлениям о том, что подвластно творческой личности.

Сам К.Д. Бальмонт в сборнике «Горящие здания» раскрывает сущность философии, открывшей ему новизну творчества и ощущение слитности с мировым целым, вселенской гармонии: «Я отдаюсь мировому, и мир входит в меня. Мне близки и звезды, и волны, и горы. Мне близки звери и герои… мне близки все, мне понятно и дорого все» [4, с. 36].

Сонет «Крик часового» открывает сборник К.Д. Бальмонта, и именно в этом образе выражено представление поэта о собственном предназначении, о роли искусства и творчества в жизни общества.

Одним из значимых мотивов стихотворения становится мотив тишины. Эта пугающая тишина является символом приближающейся смерти, но есть и жизнь, и она связана с духовной сущностью поэта: «*Все спят. Все спит. И пусть. Я - верный - тут…*» [2, с.3].

Бытовая ситуация отдыха солдат перед боем представляется как своеобразный переход от жизни к смерти. Поэт подчеркивает иллюзорность всего того, ради чего живут и погибают его герои:

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытых слов созвучные узоры,
Невинность чувств, погибших навсегда… [2, с. 3]

Солдаты представляются как обыкновенные люди, живущие по земным законам. А им противопоставлен часовой, которому, в отличие от других, открыто всеведение, дар предчувствия.

Бытовая сцена превращается в предвестие апокалиптической картины. Символичен и призыв: «*Товарищи, товарищи, проснитесь!*». Совершенно очевидно, что в нем звучит обра-

щение не к конкретным, усталым от боев людям, а к обществу и даже миру, прозябающему в бездействии, во сне. Однако лирический герой верит, что жизнь еще можно возродить, остановить разрушение и смерть.

В сонете «Конец мира» проявляются пессимистические настроения поэта, а оценки мира становятся более жесткими. Самим названием раскрывается отношение лирического героя к тем, кто его окружает. Поэт вновь рисует картину Апокалипсиса:

Могильным блеском вспыхнул серный зной,
И души, как листы цветов лесные,
Горят, - кипит, свистит пожар лесной [2, с. 75].

Весь сонет пронизан осознанием неспособности человечества к спасению. Причины этого лирический герой видит в бытие современников, живущих безнравственно во «лжи» и «позоре».

Пессимистические установки реализуются в завершающей части сонета. Люди опошлили все и живут, нарушая естественные законы природы:

И свод небес, как купол вырезной,
Не звездами заискрился впервые,
А гнилостью, насмешкой над весной [2, с. 75].

В сонете «Разлука» поэт испытывает неприязнь ко всему прозаическому. Его лирический герой отчужден от привычной человеку жизни, подчеркнуто безразличен к условностям морали и быта. Своеобразным девизом лирического героя становится утверждение: «живите скорей» – это предвестие трагического столкновения мира с будущем. Небывалая множественность впечатлений, быстрота их смены ведет к укороченности переживаний:

Где б ни был я, – я всем чужой всегда.
Я предан переменчивым мечтаньям,
Подвижным, как текучая вода.
Но никогда, о сердце, никогда
С своим я не встречался ожиданьем [2, с. 18]

Своеобразным итогом размышлений лирического героя становится утверждение «*Никто меня не любит, как земля!»,* в котором выражен мотив тотального одиночества.

Так, мотивы жизни и смерти в сонетах у К.Д. Бальмонта часто оказываются антитетичными: лирический герой одновременно и верит в светлый исход и в возрождение человечества, и сомневается в возможности светлого будущего.

Синтез Космоса-Хаоса у поэта не менее интересен. Например, в сонете «Уроды» Бальмонт славит «бедных уродов – кривые кактусы, побеги белены и змей и ящериц отверженные роды», славит «чуму, проказу, тьму, убийство и беду, Гоморру и Содом». Трагизм бытия, страх перед жизнью, хаос чувств, впечатлений, в который ввергает человека окружающая действительность, остро ощущаются лирическим героем.

Поэт выступает как носитель христианских представлений, отвергающий пороки. К Библии восходит и образ городов Гоморры и Садома: «И Господь одожди на Содом и Гоморр жупел, и огнь от Господа с небесе. И преврати грады сия, и всю окрестную страну, и вся живущая во градех, и вся прозябающая от земли» (Быт. 19:24-25):

Чума, проказа, тьма, убийство и беда,
Гоморра и Содом, слепые города… [2, с. 90]

Однако следует отметить, что из грядущих бед Апокалипсиса поэт выбирает только две: болезни и войну. В «Откровении Иоанна Богослова» эти испытания последних дней человечества связаны с Всадниками Апокалипсиса. Один из них – всадник на «бледном» коне – несет «Чуму» и «Мор»: «И видех, и се, конь блед, и седяй на нем, имя ему смерть: и ад идяше вслед его: и дана бысть ему область на четвертей части земли убити оружием и гладом, и смертию и зверьми земными» (Откр. 6:8) Убийство и беда ассоциируются с Всадником Апокалипсиса на рыжем коне, олицетворяющем войну: «И изыде другий конь рыжь: и седящему на нем дано бысть взятии мир от земли, и да убить друг друга: и дан бысть ему мечь великий» (Откр. 6:4)

Сам же сонет строится на прямом смысловом параллелизме: современное общество представляется как толпа уродов, вызывающих чувство глубокого сострадания. Если в сонетах «Крик часового» и «Конец мира» поэт прямо обвинял человечество в грядущем конце света, то в «Уродах» он стремится объяснить причины перерождения проблемами общественного характера: «Убогие рабы, не знавшие свободы…» Люди, живущие вне свободы, не могут сохранять в себе человеческое начало.

Духовное же освобождение человечества лирический герой Бальмонта видит в Вере, в обращении к Богу:

О есть же и для вас в молитве череда!
Во имя господа, блаженного всегда,
Благословляю вас, да будет счастье с вами! [2, с.90]

При этом сам лирический герой представляет себя демиургом. Он находится над толпой, поэтому и способен видеть и чувствовать больше, чем простые смертные. Творческое «Я» превращается у Бальмонта в некий абсолют, которым уравнивается все: добро и зло, правда и ложь.

Вместе с тем Бальмонт рисует мистический порыв от земли в потусторонний мир. Так, в сонете «Бретань» мертвые представлены растворенными в окружающем мире: «Как сонмы лиц, глядят толпы утёсов,/ Седых, застывших в горечи тоски…/ Их было много, сумрачных матросов./ Они идут. Гляди! В тиши ночной/ Идут туманы бледной пеленой» [2, с.104].

Содержательная сторона сонета совершенно не характерна для Бальмонта конца 90-х. Позже, во вступительной статье «Костры мирового слова» к сборнику «Зов древности» Бальмонт напишет: «Я давно сроднился с замыслами древних космогоний» [3, с. 9] и подчеркивал, что хочет слышать «подземные голоса и зовы времен отошедших» [2, с. 10]. Без этого комментария была бы непонятна и основная мысль сонета «Бретань», потому что в нем поэт отказывается от собственного, пусть и пессимистического, мировидения.

Сила земли и земной смерти преобладающие образы в сонете. Луна – традиционный символ трансцендентности – оказывается во власти земли. Природа в сонете персонифицирована, а острова уподоблены живым существам.

Однако центральным образом стихотворения является Океан. В первой строфе о нем лишь упоминается (угрюмы волны), во второй разворачивается необыкновенная мощь Океана. Не случайно и то, что слово «Океан» выделено заглавной буквой. Так поэт подчеркивает его символическую сущность. И в конечном итоге, стихия воды оказывается той силой, которая подчиняет себе все.

Образная система «Бретани» получает свое развитие в сонете «Утопленники», но, в то же время, она полностью переосмысливается.

Мои мечты, как мертвые в Бретани,
Неумолимо бродят вкруг меня.

Они хотят, в забвение обиды,
Молитв заупокойной панихиды[2, с. 104].

В итоге отрицается любовь, что является следствием хаоса мыслей и чувств:

Любовь! Лишь ты уйти не хочешь!
Ты медлишь? Угрожаешь мне? Пророчишь?
Будь проклята! Будь проклята! Аминь! [2, с. 105]

Своеобразно Бальмонт подошел и к проблеме свободы. Человеческое «Я» превращается у поэта в некий абсолют, в котором уравнивается добро и зло. В образе скорпиона происходит самоотражение лирического героя, соединяющего чуткость и бездушие, добрую и злую волю. Это определяется пантеистическим пафосом всеоправдания мира, многообразие которого пытается постичь поэт, сочетая и высокое, и низкое. В сонете «Скорпион», символико-аллегорическом по своему содержанию, лирический герой уподобляет себя страшному существу, которое ощущает ненависть всего мира. Смерть он принимает как освобождение от земных страданий:

Я гибну. Пусть. Я вызов шлю судьбе,
Я смерть свою нашел в самом себе,
Я гибну скорпионом - гордым, вольным [2, с. 3].

Лирический герой Бальмонта утверждает, что, даже умирая в плену, можно остаться верным самому себе и свободным духовно. Собственную исключительность он видит в том, что и жил, и умирает духовно свободным, и это поднимает его над толпой, делает избранным.

Есть у Бальмонта сонеты, в которых он, так же как и В.Я. Брюсов, изображает действительность и одновременно вводит лейтмотив свободы. Так, в сонете «Проповедникам» Бальмонт пишет:

Нам в звонах наслаждение одно,
Мы духи струн мирских на шумном пире.
Но вам, врагам, понять нас не дано... [2, с. 13]

В целом сонет обращен к творцам. По сути, в нем весь мир поделен на две части: тех, кто способен передавать красоту, живущих творчеством, и тех, кому доступно лишь рациональное. Этот сонет является гимном жанру, творчеству и самому лирическому герою. Он ощущает себя связующим звеном между высшим началом и рациональной обыденностью, своеобразным носителем духа «пенья». При этом поэтический дар он ощущает как природный:

Есть много струй в подлунном этом мире,
Ключи поют в пещерах, где темно,
Звеня, как дух, на семиструнной лире,
О том, что духам пенье суждено [2, с. 31].

В целом же, концепция творца и творчества в сонетах К. Д. Бальмонта полностью совпадает с общими для ранних символистов представлениями. Он ощущает свою богоизбран-

ность, чувствует связь с трансцендентным, считает, что является глашатаем истины, которому подвластно и позволено все.

Собственное видение мира и отношение к нему творца, глубоко индивидуальное, раскрывается в сонете с «говорящим» названием «Проклятые глупости». Лирический герой принимает мир таким, какой он есть, со всеми его болями, страданиями, но не приемлет ограниченность ума:

Увечье, помешательство, чахотка,
Падучая, и бездна всяких зол,
. . . . . .
Как части мира, я терплю вас кротко…[2, с. 25]
. . . . . .
Но мерзок сердцу облик идиота,
И глупости я не могу понять! [2, с. 26]

Не случайно сонет назван «Проклятые глупости» - поэт проклинает глупость, как до этого проклинал любовь.

Не изменяя своим пристрастиям к символу, Бальмонт в сонете «Хвала сонету» сравнивает сонет с красивой девушкой:

Люблю тебя, законченность сонета,
С надменною твоею красотой,
Как правильную четкость силуэта
Красавицы изысканно-простой... [2, с. 26]

Но здесь поэт также параллель чудодейственных чар девушки и сонета. Для него сонет – это прекрасная Муза, способная как вдохновлять, так и обрекать на страдания и душевные мучения:

Да, истинный сонет таков, как ты,
Пластическая радость красоты,-
Но иногда он мстит своим напевом.

И не однажды в сердце поражал
Сонет несущий смерть, горящий гневом,
Холодный, острый, меткий, как кинжал [2, с. 28].

В сонете «Я не из тех» герой претендует на роль сверхчеловека, которому ясна и открыта суть жизни, высший смысл:

В моих зрачках - лишь мне понятный сон,
В них мир видений зыбких и обманных,
Таких же без конца непостоянных,
Как дымка, что скрывает горный склон [2, с. 28]

Он противопоставляет себя толпе обывателей исключительностью своих чувств и особой зоркостью, позволяющей видеть в повседневном и прозаическом мерцание всемирного бытия:

И в цепи гор, для глаза вечно-новых,
Как глетчер, я снега туда вознес,
Откуда виден мир в своих основах! [2, с. 29]

Однако уже в сонете «Путь правды» герой не выступает сверхчеловеком. Он полон светлых чувств и любви к миру:

Бездонность сумрака, неразрешенность сна,
Из угля черного - рождение алмаза [2, с. 29].

Он пытается объяснить миру тайные возможности человека:

У каждого в душе есть мир незримых чар…
Как в каждом дереве зеленом есть пожар,
Еще не вспыхнувший, но ждущий пробужденья[2, с. 30].

В сонете звучит призыв прикоснуться к глубинам души, познать себя, пойти путем правды и получить от этого наслаждение:

Коснись до тайных сил, шатни тот мир, что спит,
И, дрогнув радостно от счастья возрожденья,
Тебя нежданное так ярко ослепит[2, с. 30].

Лирический герой упивается этой свободой, к которой стремился, а испытать это блаженство ему помогает «луч священного экстаза». Поэтому не случайно название следующего сонета – «Пробуждение». Здесь герой устремляется в будущее, он открыт для нового и видит в нем только прекрасное, светлое:

Неисчерпаем блеск того, что суждено…

Туманы превратив в разорванные тучи,
Ток огненных полос коснулся вышних гор,
И в глубину долин, светясь, глядятся кручи.

Там нежный сон садов, там синий свет озер,
И пробужденья чувств, несознанно-могучи,
Сливают шум листвы в один протяжный хор [2, с. 8].

В заключительном сонете «Предвещание» лирический герой «всему и всем сочувственный двойник…» При этом он отказывается от земного существования ради трансцендентного:

Я ввысь иду по лабиринтным кручам,
Судьба зовет, покой пустынь велик,
И стих в душе звучит ключом гремучим [2, с. 32].

Минуты высокого вдохновения осмысливаются в сонете как подлинный взлет личности, как магическое таинство, позволяющее отыскать в музыке мира свой заветный идеал.

И снова используются в тексте прямые мировоззренческие установки символизма,

душа поэта тянется к далекой заветной звезде:

Туда, туда! За грани вечных гор!
Вершины спят. Лазурь, покой, простор.
Властительны невидимые чары.

В предсмертной мгле дрожит одна звезда,
Над дольней тьмой, где дымные пожары.
Вершины спят. Скорей! Туда, туда! [2, с. 34]

Таким образом, К.Д. Бальмонт в своих сонетах стремился постичь земное и небесное, не столько противопоставить, сколько соединить эти два начала. Он стремился уловить и понять духовные метания человека и пришел к утверждению, что только жажда жизни, умение принять страдания и победить их, помогут человечеству подавить зло и установить гармонию. Земная жизнь воспринимается поэтом как часть великой мистерии, грандиозного действа, развертывающегося на просторах вселенной. Человек же должен ощутить ход вечности и растворить в нем.

В сонетах сборника «Горящие здания» Бальмонта ощутима смена идейно-художественных установок поэта: переход к от импрессионизма к символизму, который открывал перед поэтом новые возможности. Метафоричность стиля, характерная для предшествующего периода творчества поэта, сохраняется, но на первый план выдвигается, безусловно, символ как знак, передающий субъективное представление о мире. Так, каждые из четырнадцати поэтических строк превращаются в раздумье на вечные темы и становятся исповедью души поэта.

Список литературы

1. Аничков Е.В. Бальмонт// Русская литература XX века. 1890-1910 / Под ред. С.А. Венгерова. М.: Республика, 2004. С. 43-62.

2. Бальмонт К.Д. Горящие здания. Лирика современной души. М.: Осень-Скорпион, 1899. 170 с.

3. Бальмонт К.Д. Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних. Египет, Мексика, Майя, Перу, Халдея, Ассирия, Индия, Иран, Китай, Океания, Скандинавия, Эллада, Бретань. Берлин: Слово, 1923. 320 с.

4. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / Сост. Д.Г. Макогоненко. М.: Правда, 1990. 608 с.

5. Бальмонт К.Д. Стозвучные песни: сочинения / Сост., предисл., примеч. П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова, ред. А. М. Ильичев. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1990. 336 с. Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / Сост. Д.Г. Макогоненко. М.: Правда, 1990. С. 36.

Об авторе

Жидиханова Карина Александровна - аспирант кафедры истории русской литературы XI-XIX вв., Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, zhidikhanova@mail.ru

УДК 808.5+82.091

ДЕКЛАМАЦИОННЫЙ ТИП ЛИРИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Кирсанов М.А.

В статье рассмотрено стихотворение М.Ю.Лермонтова «Дума». Представлен анализ его творческой истории и образной структуры, что показывает объединение в нем различных мотивов из ранних произведений поэта.
Ключевые слова: Лермонтов, декламационный тип лирики, «Дума», элегия, ода, художественный образ.

DECLAMATORY TYPE OF LYRICS IN M. YU. LERMONTOV'S CREATIVE WORKS

Kirsanov M. A.

The article considers M. Yu. Lermontov's poem "Duma". It analyzes his creative history and figurative structure, thus, it shows in it the combination of various motives from early poet's works.
Keywords: Lermontov, declamatory type of lyrics, "Duma", elegy, ode, artistic image.

Традиция использования лирического произведения с пропагандистскими целями связана в истории мировой литературы с романтической поэзией. Под влиянием идей Шеллинга и Гегеля в начале XIX века сформировался новый тип художественного сознания, появился новый герой, который полностью изменил представление о содержании лирического произведения. В творчестве ответственных приверженцев гражданского романтизма возникли высокие жанры, характеризующиеся открытой программностью и идеологической насыщенностью. Лирический герой декабристов уже стремится не столько к раскрытию собственного психологического состояния, сколько демонстрирует гражданскую позицию и убеждения.

Подобные изменения содержания лирического высказывания не могли не отразится на форме произведения. Гражданский пафос предполагал отказ от элегической медиативности, ставшей во многом традиционной для русской поэзии начала XIX века [5].

Новый декламационный тип лирики характеризуется наличием особенной интонации, в котором движение речи определяется риторическими контрастами; ораторскими антитезами, заканчивающимися характерными прозаическими оборотами, специфическим употреблением метафор, насыщенностью вопросительными и восклицательными конструкциями, тембровыми эффектами, «нажимами» на эпитеты, на эмоциональные приложения и повторения [14, с. 104].

Ю.Н. Тынянов в своей работе «Ода как ораторский жанр» определял оду как жанр «с установкой на внепоэтический речевой ряд – витийство…», как произведение, при создании которого определяющую роль играет особенная установка, «творческое намерение». Конструируясь «под углом ораторского действия», эта установка определяет «другое основание развертывания слова: напряжение и разрешение в прерывистом течении, в максимальном напряжении и разрядке». Именно «витийственным началом», установкой на произносимость обуславливалась и интонационная организация оды: «стиховое слово должно было организовано по принципу наибольшего интонационного богатства [13, с. 229-230]. Поэтому особое значение, по мнению исследователя, получала первая строфа, задающая интонационный строй; остальные строфы представляли постепенное варьирование, нарастание вариаций.

Установка на произнесение оказывала воздействие и на синтаксис. Особую роль «вопрошений» в интонационном строе, Ю.Н. Тынянов рассматривает как один из основополагающих синтаксических принципов жанра оды: « … в соединении принципа смены вопросительной, восклицательной и повествовательной интонаций с принципом интонационного использования сложной строфы – и лежит декламационное своеобразие оды» [13, с. 233].

Семантика поэтического слова в оде, по мнению ученого, соотносится с установкой: «Существуя вне своего прямого значения, в плане «сопряжения идей» слово должно было давать лишь известную настройку, действовать не само по себе, а своей лексической окраской» [13, с. 239-240].

Размышляя о конструктивных принципах поэзии в статье «Литературный факт», Ю.Н. Тынянов вновь возвращается к вопросу о декламационной установке: «… в конструктивный принцип ораторской речи или даже ораторской лирики входит установка на произнесенное слово…» [13, с. 261]

Высказанные Ю.Н. Тыняновым идеи дают возможность утверждать, что, обращаясь

к декламационной лирике, поэты сознательно, в силу «творческой необходимости», использовали узнаваемые читателями доминанты: подчеркнутое интонирование, вопросительные и восклицательные конструкции, ярко выраженную лексическую окрашенность слова.

Это подтверждает и вся история русской лирики начала XIX века. Если в предшествующий литературный период существовало жесткое разделение поэзии на жанры и, соответственно, пафос текста, его интонационные принципы были строго определены жанровой нормой, то с зарождением русского романтизма существовавшие до этого художественные установки утратили свое эстетическое значение. В лирике начался период отделения декламационной лирики от жанра оды. Особую роль в этом процессе сыграл В.А. Жуковский, в творчестве которого исследователи находят «синтез различных сфер бытия и разнообразных форм рефлексии», расширявший границы элегической поэзии. «Происходило ее интонационное обогащение за счет подключения приемов ораторского красноречия, медитаций этико-философского и эстетического характера».

Уже в стихотворении В.А. Жуковского «Невыразимое», жанр которого, по традиции, определяется как элегия, декламационные интонации оказываются не менее значимыми, чем медиативные. Синтез медиативного и декламационного начал характерен и для эпического творчества поэта [5].

Декламационная лирика особенно активно развивалась в творчестве поэтов-декабристов. Причем, по сравнению с лирикой В.А. Жуковского, как считает А.С. Янушкевич, она более архаична, так как соединяет в себе «традиции высокой поэзии, как жанровые, так и стилевые, установка на ораторско-риторические каноны оды, имена представителей русского классицизма, нередко выступающих в качестве поэтических образцов» [5].

Особенно явно черты декламационной лирики проявляются в жанре думы, являющемся квинтэссенцией рылеевской поэтики, и в жанре политической оды, которая, по наблюдениям В.Э.Вацуро, «воспринимает ораторско-декламационные интонации антитиранических стихов декабристов вместе с политической лексикой, «словами-сигналами», специфическими синтаксическими конструкциями (анафора, период, обилие риторических обращений побудительного или инвективного характера» [5].

Под влиянием общественной мысли и лирики декабристов декламационные интонации появляются в поэзии А.С.Пушкина, который все же считал себя поэтом преимущественно элегического толка, о чем и писал в своей знаменитой «Деревне»: «Почто в груди моей горит бесплодный жар, / И не дан мне судьбой Витийства грозный дар» [12, с. 318-319], как бы отказывая себе в праве считаться поэтом-трибуном.

М.Ю. Лермонтов в своем творчестве значительно чаще, чем А.С. Пушкин, обращался в своем творчестве к декламационному типу лирики. Причины этого Б.М.Эйхенбаум объясняет тем, что к моменту появления поэта на русском литературном олимпе потенциал старых жанров был попросту исчерпан. Перед М.Ю.Лермонтовым стояла задача поиска нового лирического типа, особенного поэтического стиля «с напряжением лирической эмоции, с усилением ораторской и декламационной тенденций» [14, с.29]. К таким стихотворениям «нового типа» Б.М.Эйхенбаум относит «Смерть поэта», «Думу», «1-е января», «Последнее новоселье», в которых он обнаруживает «старую одическую традицию, прошедшую сквозь поэзию Рылеева, Полежаева и других» [14, с. 101].

К моменту вхождения в литературу М.Ю. Лермонтова доминанты декламационной лирики воспринимались уже как устойчивые конструктивные принципы, обладающие узнаваемыми интонациями и стилистическими особенностями, повышенной эмоциональностью и экспрессивностью. Заслуга же поэта в расширении границ этой лирики и в распространении ораторского начала с жанра оды на жанр думы.

В своих работах мы уже не раз обращались к особенностям лирики М.Ю. Лермонтова [4,6]. В этой статье рассмотрим особенности редчайшего по откровенности стихотворения «Дума».

Грусть-печаль в русском сознании, начиная с народных сказок, песен, былин, - это так знакомо, близко сердцу… «Дума» (1837) - беспощадный суд и над своим поколением, и над самим собой. Кажется, не осталось ни одного обвинения или жестокого упрека, который Лермонтов ни бросил бы в лицо своим сверстникам, – но он и себя не отделяет от них, вдруг позабыв, что прежде – и столько лет! – как *поэт* всегда противопоставлял себя *толпе:*

К додру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию – презренные рабы…

И ненавидим мы и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви…

И к гробу мы спешим без счастья и без славы…

И в заключительных строках – снова ни одной уступки, ни себе, ни другим, как в настоящем, так и в грядущем времени:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Этот переход от я до мы, этот взгляд в будущее… – все кажется таким беспросветным и безнадежным, если бы не глубокая печаль, таинственной силы лирическое волнение, что разлито в чеканных стихах. Словно с надмирной высоты доносится голос поэта, оглядывающего жизнь своего поколения и свою собственную до самого предела проницания в ее суть. И есть в этой надмиронсти, в этом огляде с высоты (Сергей Андреевский весьма точно назвал его – космической точкой зрения) нечто невысказанное: то ли желание пропасть, погибнуть вместе со всеми, то ли, дойдя до самого края пропасти, обрести в беспощадном самосознании некую новую силу, что даст надежду на спасение.

Критика сразу же обозначила диаметрально противоположные оценки на это стихотворение. Оно оказалось настолько сложным для понимания, что даже В.Г.Белинский не сразу до конца осознал его колоссальный внутренний смысл: он отметил особенности формы («энергическое, могучее»), но назвал его «прекраснодушным» [1, с. 189-190]. Позже критик напишет, что стихотворение поразило его «алмазною крепостью стиха, громовою силою бурного одушевления, исполинскою энергией благородного негодования и глубокой грусти». При этом отмечал тут боль, которой пронизана каждая строка: «Эти стихи написаны кровью; они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!...» [8, с. 204]

А.С. Бурачок попытался развенчать основные идеи, которые были высказаны в «Думе». Он писал, что мысль в стихотворении М.Ю.Лермонтова – «это познание на бытовом уровне», и обвинял автора в крайнем индивидуализме, утверждая, что поэт не хочет знать «другой страны – не-Я» [5].

«Черной», «траурной», «роковой» называл «Думу» С.П.Шевырев, находя ее «ужасной эпитафией всему молодому поколению». Силу возможного воздействия стихотворения на умы современников критик почувствовал, поэтому и отметил, что мысли, высказанные в нем, «лучше бы таить про себя» [11, с. 140-141].

Историк Василий Ключевский в своей статье «Грусть», написанной в 50-ю годовщину гибели поэта, тонко отмечал: «У Лермонтова было слишком много лиризма, под действием которого сатирический мотив растворялся в элегическую жалобу, как это случилось с его «Думой»…»

Исследователи XX века увидели в «Думе» разработку темы «опустошенного поколения, одну из основных в европейской литературе 20-х – 30-х годов, мимо которой не прошли ни Байрон, ни Мюссе, ни Пушкин, ни Чаадаев» [2, с. 116], подступы к «надмирности» существования, которая «вырастает из скрещения двух планов – «внешнего» и «внутреннего»… исторической судьбы поколения и его «внутренней» жизни [5].

«Дума» напрямую выходит из «Бородина», из «Купца Калашникова», из ранних, безнадежных по духу, стихов – из самых глубин поэтического настроения Лермонтова, но более всего – из его поразительно напряженной души, из небывало стремительного роста и созревания как художника, мыслителя, человека. Такое состояние (а похоже, внутренне оно всегда было для него естественным) можно сравнить разве что с небесными явлениями: вот летит по поднебесью метеор, вроде бы лишь миг назад он сыпал слабыми искрами – и вдруг пылающее пламя, огонь вполнеба, и отсветы по темным, безмолвным пропастям земли, словно бы сжавшимся от испуга в разящем молнийном свете.

Не оттого ли в «Думе» эта чрезмерная резкость определений и оценок, эта запредельная требовательность, ошарашивающая беспечного обывателя? Но то, что всем кажется привычным на земле, в земной жизни, метеору, сгорающему в небе, видится бессмысленным ползанием, тусклым копошением… И заметим: Лермонтов ведь глядит на *свое* поколение, на людей своего общественного слоя, – потому и себя не отделяет от него, что к этому кругу принадлежит, что, двух стихий жилец угрюмый, он небесным зрением видит свое земное существование во всей его безотрадной наготе. И небесное в поэте – высоко печалится и грустит о земном… [8, с. 205]

«Грусть, а не озлобление, а не отчаяние, – основа его душевного настроения. Это изумительно тонко подметил и выразил Ключевский», – писал Петр Бицилли.

Лермонтов был поэтом грусти в полном художественном смысле этого слова: он создал

грусть, как поэтическое настроение, из тех разрозненных элементов, какие нашел в себе самом и в доступном наблюдению житейском обороте… Она проходит непрерывающимся мотивом по всей поэзии…» [8, с. 206]

Обличительный пафос «Думы» требовал объяснений и комментариев, поэтому в литературоведение часто высказывались мнения о крайней степени неприятия лирическим героем М.Ю.Лермонтова поколения сверстников: «Поколение способно лишь на сатанинскую насмешку над самим собой»; «… несчастия ровесников вызывают у лирического героя не только печаль, но и негодование…»; «Лермонтов с позиции будущих поколений укоряет современников за бездействие» [5]. На страницах «Лермонтовской энциклопедии» читаем, что идея «Думы» – «осуждение общественной инертности и духовной апатии «поколения», неспособного «угадать» свое предназначение и найти положительные гражданские и нравственные цели» [10, с. 147].

Однако «Дума» – это не только отрицание. В тексте стихотворения сформулированы и «положительные идеологические ценности», утверждается «некий идеал» и, в конечном счете, содержится «призыв к моральному обновлению»: «Поэт говорит, что люди «позорно-малодушны», что они «презренные рабы», – эти формулировки имеют смысл только, если поэт располагает положительной идеей мужества и свободы [2, с. 78], – писала Л.Я. Гинзбург.

Лирический герой Лермонтова чувствует свою вину и не пытается оправдаться. Все стихотворение пронизано «осознанием и пониманием общечеловеческой греховности» [3, с. 69].

Смысловая насыщенность текста определила и его интонационное своеобразие, которое было отмечено исследователями. Б.М.Эйхенбаум считал, что в «Думе» «можно узнать старую одическую, «витийственную» традицию…»[14, с. 101], Л.Я. Гинзбург выделяла ораторский, декламационный синтаксис [2, с. 94], В.И. Коровин определил в структуре произведения элегический зачин со «словами ораторского стиля», элегическую по своему звучанию вторую часть и ораторскую концовку [7, с. 147-148].

Одним из самых значимых образов «Думы» является образ плода, к которому так же, как и к образу паруса, М.Ю.Лермонтов много раз обращался в своем творчестве. Архетипически он восходит к библейской традиции: это – контаминация образа «запретного плода» и очень важного в системе лермонтовского жизнестроительства «плода худого», символизирующего преемственность поколений и тяготеющий над человеком рок [5].

Развитие данного образа началось еще в ранней прозе. Эмоциональное состояние героя романа «Вадим», пресыщенного победами над женщинами, автор передает следующими словами: «… но что ему осталось от всего этого? – воспоминания? – да, но какие? Горькие, обманчивые, подобно плодам, растущим на берегах Мертвого моря, которые, блистая румяной корою… [9, 6 с. 89].

Впервые образ «плода» появляется у М.Ю.Лермонтова в стихотворении «Он был рожден для счастья, для надежд…» (1832):

Так сочный плод, до времени созрелый,
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз,
И час их красоты – его паденья час!

Этот лексико-семантический комплекс позже будет воспроизведен почти дословно в «Думе»:

Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришелец осиротелый,
И час их красоты – его паденья час!

Характеристики этого образа довольно специфичны: прежде всего, это указание на преждевременность созревания, непохожесть на окружение и в результате всего этого – одиночество, непонятность, ранняя гибель.

В юношеском по стилю стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью…», содержащем полные трагизма размышления о бессмысленности жизни, М.Ю.Лермонтов обращается к сравнению душа/плод в рамках автореминисценции, но в более лаконичном лексическом обрамлении:

Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Пол знойным солнцем бытия…

Общие мотивы связывают эти стихотворения поэта, называемые комментаторами «исповедальными монологами». Во всех них прослеживается единство лексико-семантического и тематического планов: мотив раннего взросления и преждевременной старости («Из детских рано вырвался одежд / И сердце бросил в море жизни шумной», «Ужасно стариком быть без седин»), неопределенности будущего («Мое грядущее в тумане…», «Гляжу на будущность с боязнью…»), духовной и душевной пустоты и одиночества («И тьмой и холодом объята…», «Он равных не находит / … И всё, что чувствует, он чувствует один!», «Ищу кругом души родной…») и другие.

При сравнении этих стихотворений обнаруживается, что в каждом из них лирический герой обращается лишь к одной из сторон своей жизни. Так, стихотворение «Он был рожден для счастья, для надежд…» содержит размышления о собственной судьбе и судьбе своего поколения, стихотворение «Мое грядущее в тумане…» обращается «к теме бесперспективности будущего», в стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью» лирический герой задумывается «над загадкой своего жизненного пути» [10, с. 113,282].

«Дума» - ключевое стихотворение Лермонтова. Вобрав в себя всю горечь его чувств и мысли, оно заключает собой эти тяжкие состояния души и разрешает их словом. Дух освобождается для полета. Отсюда путь к высоте примирения неба с землей в стихотворениях «Валерик» и «Выхожу один я на дорогу…»[8, с. 209].

В «Думе» все мотивы и образы объединены, поэтому текст можно рассматривать как своеобразный творческий итог развития декламационного лермонтовского дискурса.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССРЮ 1954-1959. Т.3.; Т.4.
2. Гинзбург Л.Я. Творческий путь Лермонтова. Л.: Гослитиздат, 1940. 224 с.
3. Киселева И.А. Этика М.Ю. Лермонтова и ее религиозные основания // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №3. С. 72-76.
4. Ковалев П.А., Кирсанов М.П. Суггестивное и аргументативное начало в философской лирике М.Ю.Лермонтова («И скучно и грустно…») // Вестник Воронежского государственного университета. 2013. №2. С. 30-36.
5. Ковалева Т.В., Мишина М.Ю. Стихотворение «Дума» как образец декламационного жанра // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №3(66). С. 123-126.
6. Кирсанов М.А. Риторические особенности в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вестник Брянского государственного университета. 2016. №4(30). С. 131-135.
7. Коровин В.И. «Дума», стихотворение М.Ю.Лермонтова // Русская классическая литература. Разборы и анализы / Сост. Д. Устюжанин. М.: Просвящение, 1969. С. 142-155.
8. Михайлов В.Ф. Михаил Лермонтов: роковое предчувствие. М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. 464 с.
9. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957. Т.2. Стихотворения, 1832-1841. 386 с.; Т.6. Проза, письма. 900 с.
10. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); гл. ред. Мануйлов В.А. М.: Советская энциклопедия, 1981. 746 с.
11. М.Ю.Лермонтов: pro et contra / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. Спб.: РХГИ, 2002 1080 с. (Русский путь).
12. Манаенкова Л.Ф. Рациональное начало в лирике М.Ю.Лермонтова 1837-1841 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2007. №2. С. 106-109.
13. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 572 с.
14. Эйхенбаум Б.М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924. 168 с.

Об авторе

Кирсанов Марк Александрович – заместитель начальника редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского, mark9109@mail.ru

УДК 82-311.2/4 – Писемский

РУССКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ПОЛЕ РОМАНОВ А. Ф. ПИСЕМСКОГО

Кравченко Е. В.

В статье рассматривается интертекстуальное поле романов А. Ф. Писемского «Тысяча душ» и «Боярщина», включающее как отечественные, так и зарубежные художественные претексты. Выявлены основные формы интертекстуальности: цитаты, аллюзии и реминисценции, позволяющие эксплицировать авторскую позицию и рассмотреть уже известные художественные образы и мотивы в новом культурно значимом контексте. Сделан вывод о том, что межтекстовые связи значительно обогащают художественный мир романов Писемского, привнося в картину мира писателя дополнительные смысловые коннотации и формируя подтекст его произведений. Основными методами исследования в заявленном аспекте являются сравнительно-исторический, предполагающий выявление общих элементов в произведениях различных национальных литератур на протяжении длительного промежутка времени, и метод интертекстуального анализа, направленный на изучение межтекстовых взаимодействий и выявление роли интертекстуальных измерений, создающих особое звучание концептуального смысла романов на основе их связи с другими художественными текстами.
Ключевые слова: авторская позиция, автор, интертекстуальность, цитата, аллюзия, реминисценция, мотив, межтекстовое пространство.

RUSSIAN AND FOREIGN WRITERS IN PISEMSKIY'S NOVELS INTERTEXTUAL FIELD

Kravchenko E.V.

The article examines intertextual field of Pisemskiy's novels 'Thousend souls' and 'Boyarhood' which include not only domestic but also foreign pretexts. The main forms of the intertextuality were revealed: quotations, allusions and reminiscences, which bring us to explication of the author's position and consideration of already known images and motives in a new cultural context. The conclusion is made that intertextual connections enriches significantly artistic world of Pisemskiy's novels introducing to the writer's worldbuilding additional semantic connotations and forming overtones of his works.
The basic methods of the research in the declared aspect are the comparative-historical, intending the discovery of common elements in the works of various national literatures for a long period of time, and intertextual analysis method focused on the study of intertextual interactions and revealing the role of intertextual dimensions which create a special twist of the novels' conceptual meaning on the basis of their relationship with other artistic texts.
Keywords: author's position, author, intertextuality, quote, hint, reminiscence, motive, intertext space.

Автор художественного произведения не может не опираться на существующую литературную традицию, вступая в диалог с другими писателями и образуя тем самым сложное коммуникативное пространство. По наблюдению М. М. Бахтина, автор создает свое произведение с опорой на ранее оформленную и оцененную действительность [3, с. 108]. Как следствие, возникает явление интертекстуальности, т.е. проникновение в текст чужого текста, что способствует формированию новых смыслов.

Термин «интертекстуальность» был введен в литературоведческий оборот в 1967 году теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой. Проблема интертекстуальности в художественном тексте рассматривалась в работах Р. Барта, Ю. Кристевой, Ю. С. Степанова, Ю. Н. Караулова, Н. А. Фатеевой, И. П. Ильина и др.

Р. Барт утверждает, что художественный текст «сплошь соткан из цитат, отсылок, отзвуков» [2, с. 418], создавая своеобразный язык культуры; это «раскавыченная цитата» [2, с. 419], которая существует «лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности» [2, с. 419]. Таким образом, текст – это не закрытая структура, он предполагает выход в другие тексты и другую культуру, что проявляется в межтекстовых отношениях [2, с. 428]. С читательской точки зрения, интертекстуальность – «это установка на более глубокое понимание текста» [18, с. 12], которое происходит за счет установления многочисленных связей с другими текстами, что наполняет уже известные в литературе образы и мотивы новыми смысловыми коннотациями. В результате семантических ассоциаций с претекстами в художественном произведении создается особое коммуникативное пространство, наполненное новыми смыслами. Таким образом, межтекстовые связи можно рассматривать как «надтекстовое образование» [17, с. 253].

Интертекстуальность выполняет различные функции, в том числе является специфической формой проявления авторского присутствия в художественном произведении.

Проблема интертекстуальности романного творчества А. Ф. Писемского в обозначенном аспекте пока еще не становилась предметом специального литературоведческого изучения. А. М. Скабичевский, П. Г. Пустовойт и другие исследователи творчества писателя отмечают склонность А. Ф. Писемского к традициям гоголевского письма. Е. В. Павлова, рассматривая рассказ Писемского «Нина», обнаруживает интертекстуальную связь с повестью А. С. Пушкина «Станционный смотритель» и приходит к выводу, что «на смену универсальному, гармоничному и объемному пушкинскому взгляду приходит «отрезвляющий» реализм А. Ф. Писемского» [12, с. 34]. К. Ю. Зубков прослеживает в «Тысяче душ» переклички с произведениями Пушкина, Островского и Гончарова [5]. С. В. Звягина обнаруживает интертекстуальные отношения романов «Люди сороковых годов», «Тысяча душ» и «Боярщина» с «Евгением Онегиным», который становится «центральным произведением» в коммуникативном пространстве произведений Писемского и позволяет сформировать «единый магистральный сюжет романного творчества» писателя [6].

Интерес современного литературоведения к проявлениям интертекстуальности в творчестве А. Ф. Писемского и недостаточное их научное осмысление обусловили актуальность темы данного исследования.

Его цель – экспликация в романах А. Ф. Писемского «Тысяча душ» и «Боярщина» основных интертекстуальных включений и определение их роли в реализации авторской точки зрения.

Теоретической базой исследования стали работы М. М. Бахтина, Р. Барта, Ю. Кристевой, Н. А. Фатеевой, В. Е. Хализева [2; 3; 18; 19].

Заглавие романа «Тысяча душ» корреспондирует с названием поэмы Гоголя «Мертвые души» и отсылает к гоголевской системе ценностей: низменные страсти и стремления героев Писемского сопрягаются с омертвением души. «Мертвые души» у Писемского – это и представленное в романе общество, люди без нравственных ориентиров, поклоняющиеся лишь Золотому тельцу, и главный герой – Яков Калинович. В романе проверяется намеченная Гоголем идея возможности возрождения любой души: главный герой романа, Калинович, ради высокого положения и комфорта предавший свои идеалы, в финале перерождается в преобразователя, заботящегося о благе общества. Однако все его действия обречены на провал, общество становиться на сторону живущего по его законам князя Раменского. В одиночку герой не может противостоять социальному разложению. Писемский приходит к выводу о том, что в сложившемся общественном устройстве нет возможности для возрождения мертвой души. Именно поэтому в финале романа Калинович не обретает счастья в любви: пройдя через множество испытаний и утратив романтические иллюзии, он теряет интерес к «живой жизни».

На страницах «Тысячи душ» новую интерпретацию обретает судьба бедной Лизы из одноименной повести Н. М. Карамзина. «Мечтательности, чувствительности, которую некогда так хлопотал распространить добродушный Карамзин, – ничего этого и в помине нет: тщеславие и тщеславие, наружный блеск и внутренняя пустота заразили юные сердца… Героиня моя была не такова…» [13, т. 3, с. 49], – сообщает персонализированный повествователь. История отношений Калиновича и Настеньки накладывается на карамзинскую сюжетную схему: красота Лизы с первого взгляда поражает Эраста («сделала *впечатление* [здесь и далее курсив мой. – Е. К.] в его сердце» [7, с. 610]), Лиза «им только жила и дышала, во всем, *как агнец*, *повиновалась* его воле…» [7, с. 616]; Эраст бросает Лизу, и вскоре девушка узнает о его «выгодной» помолвке. В романе Писемского присутствуют те же сюжетные блоки: внезапное увлечение героя («Калинович слушал Петра Михайловича полувнимательно, но зато *очень пристально взглядывал* на Настеньку, которая… в эти минуты была прехорошенькая» [13, т. 3, с. 53]), самозабвенная любовь героини и повиновение возлюбленному («Калиновича *слушала словно оракула*, и соглашалась с ним безусловно во всем» [13, т. 3, с. 76]; «через десять лет, наконец, снова откликнулась эта женщина, питавшая к нему какую-то *собачью привязанность*» [13, т. 3 ,с. 205]), обольщение, попытка самоубийства Настеньки, предложение денег Калиновичем (аналог жеста Эраста), его раскаяние. При сопоставлении текстов обнаруживается синонимичная семантика коммуникативных высказываний. Так, лексема «агнец» («как агнец, повиновалась») имеет значение «ягненок как жертвенное животное» [11, с. 19] и характеризует Лизу как чистое и безобидное существо, символ трогательной невинности. Слово «оракул» («слушала словно оракула») в значении «жрец» – «служитель божества, совершающий жертвоприношение» [11, с. 159]. В семантике данной лексемы актуализируются категории

«жертва» и «повиновение», характерные и для значения слова «агнец». Формируется определенная авторская установка, с одной стороны, для развертывания любовного сюжета (отношения повелителя, «тирана» (Калинович и Эраст) и жертвы (Настенька и Лиза)), а с другой – для моделирования ситуации испытания героев (внутренний рост и развитие для Настеньки и Калиновича, гибель и увядание для Лизы и Эраста).

Ассоциация героини с карамзинской Лизой не случайна. Повествователь часто именует Настеньку бедной девушкой, подобным эпитетом наделяет ее и Калинович: «в воображении его невольно возникал печальный образ бедной девушки, так горячо его поцеловавшей и так крепко прильнувшей к его груди в последний вечер» [13, т. 3, с. 100]. В контексте сюжетных совпадений лексема «бедная» выполняет функцию цитаты. Однако автор решает любовную коллизию в ином, нежели Карамзин, русле. От самоубийства Настеньку спасает глубокая вера в Бога. Душевная драма ее чрезвычайно глубока, и, брошенная Калиновичем во второй раз, девушка выходит на подмостки театра.

На сцене Настенька как бы проигрывает жизнь свою и Калиновича. Подобное сюжетное событие можно рассматривать в нескольких значениях. Сценическая роль, примеренная героиней на себя и заставляющая повторно пережить случившееся, по-новому освещает образ Настеньки. Она испытывает глубочайшее горе, но не сожалеет о содеянном: теперь она уже не та сентиментальная и чувствительная «бедная Настенька» [13, т. 3, с. 94], какой была в начале романа.

Прием «театр в произведении» предполагает удвоение изображаемого: театральное представление выступает зеркалом событийного ряда. Для Писемского становится «чрезвычайно значим мотив наглядного урока, полученного героем в театре либо посредством вмешательства театрального мира в обыденный, житейский мир: так дается мощный импульс к нравственному преображению героя, изменению его поведения» [1, с. 209]. Чтобы подробно воссоздать чувства, которые испытывает герой, Писемский использует известный шекспировский прием «мышеловки» («Гамлет»). Эта реминисценция корректирует отношение читателей к Калиновичу: он искренно страдает и оказывается человеком, который, несмотря на все жизненные трудности и совершенные ошибки, способен испытывать сочувствие и раскаяние. Используя этот прием, автор также противопоставляет Настеньку и Калиновича в их отношении к свободе: героиня не связана общественными рамками, в то время как образ жизни Якова Васильевича обусловлен социальной иерархией.

На сцене Настенька играет роль Эйлалии из некогда популярной пьесы А. Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние» («Menschenhaß und Reue», 1788, русский перевод 1792). При сопоставлении этой драмы с сюжетными ходами «Тысячи душ» становится заметно, что характеры главных героев Писемского испытали некоторое влияние образов барона Мейнау и Эйлалии. Так, Мейнау утверждает: «Кто истинно несчастлив, тот не жалуется» [8, с. 7]. То же можно сказать о Калиновиче, который открывает сердце только одному человеку – Настеньке. В пьесе барона называют человеконенавистником, однако «ненависть к людям у него в голове, а не в сердце» [8, с. 9]. «Люди не заслуживают, чтобы им делали добро… Они притворствуют» [8, с. 6?], – говорит он. Точно так же и Калинович не верит в порядочность и доброту людей, наученный горьким опытом собственной жизни, но ненависть уже не только в разуме его, но и в сердце, переживается очень эмоционально: «Как же я стану питать к людям сожаление, когда большая часть из них страдает или потому, что безнравственны, или потому, что делали глупости, наконец, ленивы, небрежны к себе» [13, т. 3, с. 51]. Герои Писемского, как и Коцебу, совершают множество жизненных ошибок, за которые горько расплачиваются. Сопоставление образа Эйлалии с Настенькой обеспечивает добавочные смысловые коннотации. Госпожу Миллер, некогда бросившую мужа и детей ради любовника, мучит раскаяние: «Ах! Совесть неразлучна с нами; ни монастыри, ни пустыни не могут скрыть от нее человека» [8, с. 26]. Те же муки испытывает Настенька, виня себя в смерти оставленного ею отца и увлечении Белавиным. В отличие от героини Коцебу, Настеньку ждет острое разочарование в любви, потому «Тысяча душ» заканчивается отнюдь не идиллически. Писемский, в противовес немецкому драматургу, не допускает излишней мелодраматизации, изображение чувств героев романа реалистично и лишено пафоса сентиментальной драмы А. Коцебу. Сближает оба произведения и тот факт, что и в одном и в другом «падшей» женщине даровано полное прощение.

Повествователь называет Настеньку «уездной барышней», что можно рассматривать как несомненную аллюзию по отношению к текстам А. С. Пушкина. Наименование «уездная ба-

рышня» как характеристика особого социокультурного типа встречается в «Евгении Онегине» («уездной барышни альбом» [15, т. 4, с. 85]) и «Барышне-крестьянке» («что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам» [16, т. 5, с. 101]). Таким образом, Писемский подчеркивает в Настеньке ее особую искренность, чистоту, а с другой стороны, – наивность, книжные представления о жизни. Определение «уездная барышня» у Писемского, как и у Пушкина, становится символом непосредственности и мечтательности. Над этими девушками не властны светские условности, они не ведают лжи и лицемерия; главные жизненные ценности для них – любовь, семья, личное счастье. Драматическое столкновение такой героини с реальностью – одна из магистральных линий сюжета «Тысячи душ».

Стихотворные строки, написанные Настенькой, содержат контаминацию цитат из поэмы Пушкина «Цыганы» и стихотворения Лермонтова «Кто б ни был ты, печальный мой сосед…». Два эти текста, совмещенные в стихотворении юной поклонницы творчества великих классиков, служат неким сигналом опасности, предвестием беды, которую вносит в семью Годневых Калинович. Настенька с ее сильно развитой чувствительностью интуитивно улавливает эту опасность, но не может противиться рождающейся в ее душе любви. Взаимоналожение цитат позволяет спрогнозировать драматический финал отношений героини с Калиновичем.

Аллюзивными отсылками к «Евгению Онегину» наполнено и письмо главного героя к Настеньке:

Письмо Калиновича

«*Я выбрал для тебя лучшее*… ничто не в состоянии сравнится с теми *мучениями, на которые ты бы была обречена, если б я остался и сделался твоим мужем.* Я истерзал бы тебя обидным раскаянием, своими бесполезными жалобами и, может быть, даже *ненавистью* своей. Что делать! *Я не рожден для счастия семейной жизни* в бедной доле» [13, т. 3, с. 285].

Письмо Евгения Онегина

«*Но я не создан для блаженства*; / Ему чужда душа моя; / Напрасны ваши совершенства: / *Их вовсе не достоин я*. / Поверьте (совесть в том порукой), / *Супружество нам будет мукой*. / Я сколько ни любил бы вас, / Покинув, разлюблю тот час; / Начнете плакать: ваши слезы / Не тронут сердца моего, / И будут лишь *бесить* его» [15, т. 4, с. 79].

Сердце Евгения Онегина не знает любви, в нем рано остывают чувства, его трагедия – в неспособности любить. Герой Писемского также не может реализоваться в любви, но виной тому не разочарованность в чувствах, а социальные обстоятельства – бедность и неустроенность. Для того чтобы занять достойное место в обществе, Калиновичу нужны комфорт и богатство, мысли о которых затмевают все чувства. Целью его стремлений становится княжна Екатерина Раменская – красивая и к тому же богатая девушка, в ней заключено всё самое притягательное для героя: «если б княжна полюбила меня, – думал он, – и сделалась бы женой моей... я стал бы владетелем и этого фаэтона, и этой четверки... *богат... муж красавицы... известный литератор*...» [13, т. 3, с. 128]. Калинович расчетлив и эгоистичен, ему чуждо романтическое мироощущение, потому его не может спасти истинная любовь.

В линии Настеньки своеобразно трансформируется библейский сюжет о блудном сыне, не раз использованный русской литературой. Самый близкий Писемскому его вариант – мотив блудной дочери – представлен в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Героиня Писемского, бросив больного отца (как и у Пушкина, вдовца), сбегает в Петербург к Калиновичу. Петр Годнев умирает, не дождавшись ее возвращения. Узнав о смерти отца, девушка впадает в отчаяние. При сопоставлении данных текстов в обоих также обнаруживается концептуально важный образ родного приюта, необдуманно оставленного героиней. «Смиренная, но опрятная обитель» [16, т. 5, с. 88] Самсона Вырина синонимична по смыслу скромному дому и заброшенному саду Годнева («место это Петр Михайлович называл разрушенным Олимпом» [13, т. 3, с. 24]). У обоих авторов звучит тема беззащитной старости и обманутого отцовского доверия. Сюжетные линии семейных отношений в произведениях построены по принципу кольцевой композиции. Героини из замкнутого семейного пространства попадают в высший свет и, пройдя через испытания и символическую инициацию, возвращаются в разрушенный и опустевший отчий дом. Писемский заимствует данную сюжетную схему для изображения развития и самопознания своей героини путем страдания, вины и раскаяния.

Идеальной героиней для Настеньки является Индиана из одноименного романа Жорж Санд. В уста Годневой вложена своеобразная интерпретация образа и поведения молодой креолки: «Неужели же… она была бы счастливее, если б свое сердце, свою нежность, свои горячие чувства, свои, наконец, мечты, все бы задушила в себе и всю бы жизнь свою принесла в жертву мужу, человеку, который никогда ее не любил, никогда не хотел и не мог ее понять» [13, т. 3, с. 27]. Индиана привлекает девушку способностью искренне любить и готовностью жертвовать всем во имя этого прекрасного чувства, несмотря на общественное порицание. Истинным героем, обладающим «живой душой», Настенька считает Раймона и потому полностью оправдывает чувства Индианы. В Калиновиче она видит те же черты честолюбца, человека, способного на сильные чувства и страдания, и потому в отношениях с ним Настенька выбирает модель поведения излюбленной героини.

Интертекстуальность у Писемского проявляется и в форме прямых цитат. Так, монологи Гамлета, озвученные студентом Иволгиным, подспудно передают душевное состояние Калиновича. «Ни черные одежды и не вздохи, ни слезы и ни скорбь, ничто не выразит души смятенных чувств, какими горестно терзаюсь я… Быть или не быть – вот в чем вопрос. Что доблестнее для души: сносить удары оскорбительной судьбы, или вооружится против моря зол и победить его, исчерпав разом» [13, т. 3, с. 73], – эти же вопросы мучат героя Писемского. Он находится в состоянии напряженного нравственного выбора: на одной чаше весов оказываются любовь к Настеньке, бедность и честная деятельность, на другой – богатство Полины, вожделенный комфорт и власть, которую, впрочем, можно употребить на благо общества.

Описывая бал в доме баронессы, автор вновь отсылает читателей к Пушкину. «Бал! Бал!.. Когда-то упоительное и восхитительное слово! Еще Пушкин писал: “Люблю я бешеную младость и тесноту, и шум, и радость, и дам изысканный наряд!” Но нас, детей века, уж этим не надуешь. Мы знаем, что такое бал, особенно великосветский… Никому и никому не весело вам, мученикам честолюбия, денег, утонченного разврата и пустой фланерской жизни!» [13, т. 3, с. 228]. Сравнение века минувшего и нынешнего призвано обнажить характер произошедших в обществе перемен: представления о красоте искажены, нравственность девальвировалась, господствует стремление преуспеть и приумножить свой капитал. В голосе автора, говорящего о деградации высшего света, звучит горькая ирония.

В романе А. Ф. Писемского «Боярщина» (1846) встречаются аллюзии и реминисценции из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, «Горя от ума» А. С. Грибоедова, «Индианы» Жорж Санд, «Гамлета» В. Шекспира.

Сюжет «Боярщины» развивается по модели романа «Индианы» Жорж Санд. Анна Павловна выдана замуж за нелюбимого, но состоятельного Мановского, в поисках истинной любви она становится жертвой эгоистичного и ветреного героя нового времени. Эльчанинов – деятелен и красноречив, но это всего лишь маска бесчувственного и жестокого молодого человека. Анна не замечает настоящего чувства, порядочный и добросердечный Савелий лишь хороший друг, который не в состоянии спасти ее от неминуемой гибели. Героиня Ж. Санд оказывается духовно сильнее Мановской. Индиана находит счастье вне общества, на лоне природы – это исключительно романтический финал, невозможный для далёкого от подобных иллюзий Писемского. Анна Павловна умирает, отвергнутая обществом, и, будучи не в состоянии вырваться из него, для нее нет другого выхода, она сломлена душевно и физически.

Для раскрытия характера Эльчанинова автор использует искаженную цитату из «Горя от ума» А. С. Грибоедова: «Служить-то бы я рад, подслуживаться тошно, – проговорил с усмешкой Эльчанинов» [14, т. 1, с. 65]. Автор фиксирует усмешку на устах героя, чтобы показать, насколько слова Валерьяна расходятся с действиями: «Жизнь в столице, – обширное поле деятельности, наконец, богатство и почти несомненная надежда достигнуть всего этого через покровительство знатного человека, – вот что занимало его теперь» [14, т. 1, с. 148], уличая тем самым героя в готовности подличать и унижаться для достижения карьерных высот. Таким образом, автор развенчивает существующий в литературе этого времени идеал героя-деятеля: для реализации поставленной им цели он все разрушает на своем пути.

Для характеристики главного персонажа Писемский использует цитату из трагедии Шекспира «Гамлет» – «О женщины, ничтожество вам имя» (так звучит эта фраза в переводе Н. А. Полевого 1837 года). Разочарованный предательством матери, Гамлет выносит приговор

всему женскому полу. Но не только против женщин ожесточается он, перед ним открывается проблема порочности человека, забвения им прежних высоких ценностей и идеалов. В устах Эльчанинова эта фраза приобретает совершенно иное звучание, что снижает значение мысли, звучащей в претексте: «О женщины! Ничтожество вам имя! – проговорил Эльчанинов мысленно, – все вы равны: не знаю, почему я предпочел это худенькое созданьице, например, перед вдовою» [14, с. 102]. Поверив лжи и поддавшись ревности, герой обвиняет Мановскую в предательстве, но тут же решает отомстить ей за измену и едет к Клеопатре Николаевне. Застав у нее другого, «он также страдал от ревности к вдове, как за несколько минут до этого страдал, ревнуя Анну Павловну» [14, с. 108]. Автор дает понять, насколько поверхностны чувства героя и насколько его «горе» мелко – это просто разыгравшееся воображение эгоцентричного молодого человека. Эльчанинов ничтожен в своих поступках и совершенно не достоин истинной любви. Аллюзия позволяет обнажить авторское ироничное отношение к герою.

В контексте отсылки к Шекспиру также обращает на себя внимание использование Писемским важного в шекспировской трагедии мотива театральности как неискренности, лицемерия. Примером тому в романе служит показной обморок Клеопатры Николаевны с целью одурачить графа. Сам же Сапега наблюдает за этой сценой через зеркало и смеется, когда фальшь раскрывается. Подобная театрализация и образ зеркала становятся неотъемлемыми атрибутами светского общества, разыгрывающего спектакль под названием «жизнь».

В характеристике Анны Кронштейн ощутим диалог Писемского с Пушкиным: романист совершенно недвусмысленно проецирует образ Анны Павловны на Татьяну Ларину: «как новая Татьяна, полная самоотвержения, чтоб угодить отцу, любя одного, отдала руку другому, впрочем, обрекая себя вперед на полное повиновение и верность своему мужу» [14, т. 1, с. 80]. Однако ее фигура несоизмерима с «идеальной девой» Пушкина, которая не изменяет своим принципам и следует нравственному долгу. Героиня Писемского не лишена двойственности, в ней ощутимы внутренний разлад и саморазрушение, что проявляется в ее постоянной болезненности и угнетенности. Примеряя на себя роль жертвы, Анна Павловна замыкается в себе, она одинока и не понята окружающими: «Молчаливость ее происходила от какого-то тайного горя, которое, будучи постоянным предметом размышлений, отрывало ее от всего окружающего мира…» [14, т. 1, с. 81]. Татьяна Ларина, воспитанная на сентиментальных романах, в отличие от Анны, росла и развивалась в своем вымышленном мирке, а героиню Писемского формируют маленькие трагедии судьбы. Пожертвовав своими чувствами, она гибнет от грубости и жестокости мужа и общества. Писемский указывает на невозможность в существующей действительности идиллического финала для отношений Анны Павловны и Эльчанинова. Предчувствуя беду, нависшую над головой героини, автор говорит: «бедная женщина… без борьбы, без раскаяния бросилась в пропасть, в которую увлекал ее энергический, но слабый и ветреный человек» [14, с. 74]. Данное высказывание имеет два значения. Во-первых, автор показывает слабого мужчину рядом с сильной по сравнению с ним женщиной, которая готова жертвовать ради него всем (традиционный мотив литературы XIX века). Во-вторых, возникает образ бездны как враждебной по отношению к человеку силы (в устаревшем, переносном значении бездна, пропасть – синоним понятия «ад», лексема также несет семантику тьмы и гибели [11, с. 321]), среди которых самая разрушительная – любовная страсть. С этого момента трагический финал для Анны Павловны предопределен, и героиня умирает, покинутая и забытая всеми. Но автор дает ей в утешение возможность в последний раз увидеть истинно любившего ее человека – Савелия, тем самым словно отпуская ее грехи.

Таким образом, интертекстуальность в художественном мире Писемского выступает как текстопорождающая авторская стратегия, полицитатность играет особую роль в формировании повествовательной структуры текста, служит характеристике героев и обнажению авторского отношения к ним. В ходе анализа было выявлено, что в межтекстовое пространство романа «Тысяча душ» вошли «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, лирика Ю. М. Лермонтова, «Гамлет» В. Шекспира, «Ненависть к людям и раскаяние» А. Коцебу, «Индиана» Жорж Санд. В романе «Боярщина» также представлены интертекстуальные связи с «Евгением Онегиным», «Горем от ума», «Индианой», «Гамлетом». Интертекстуальность проявляется на разных уровнях: цитатном, реминисцентном, аллюзивном.

Апелляция к имеющим типологическое родство сюжетам и образам позволяет автору создать свои вариации на известные темы, привносит в тексты романов добавочные смыслы. Так, использование сюжетных моделей «Индианы» Ж. Санд в «Боярщине», «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина и драмы А. Коцебу в «Тысяче душ», являясь литературной рефлексией, актуализирует внутреннюю полемику текстов: героям Писемского не обрести счастья и не реализовать себя в социуме, где действует жесткая иерархическая система, где любой поступок обусловлен статусом и наличием состояния.

Интертекстуальные элементы позволяют Писемскому более емко представить проблему поиска человеком места в жизни и обществе, эксплицируют авторскую позицию. Чуждый романтической идеализации мира, писатель объективно оценивает современную действительность и субъективен по отношению к героям и их поступкам, противопоставляет идеалы красоты, любви и человечности миру безнравственности и наживы.

Список литературы

1. Александрова И.В. Пути развития русской комедии первой трети XIX века. Симферополь: Доля, 2013. 420 с.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Грибоедов А.С. Горе от ума. Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 1: Горе от ума. СПб.: Изд-во Нота-бене, 1988. С. 9–123.
5. Зубков К.Ю. Повести и романы А.Ф. Писемского 1850-х годов: повествование, контекст, традиции [Электронный ресурс]: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2011. Режим доступа: http://www.cheloveknauka.com/povesti-i-romany-a-f-pisemskogo-1850-h-godov-povestvovanie.html
6. Звягина С.В. Художественный мир А.Ф. Писемского в контексте магистральных сюжетов русской литературы [Электронный ресурс]: автореф. дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2016. Режим доступа: http://diss.unn.ru/files/2016/648/autoref-648.pdf
7. Карамзин Н.М. Бедная Лиза. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1: Повести: Бедная Лиза. М.; Л.: Худож. литература, 1964. 810 с.
8. Коцебу А. Ненависть к людям и раскаяние [Электронный ресурс]. Смоленск, 1812. 168 с. Режим доступа: www.theatre-library.ru/files/k/kocebu/kocebu_1.doc
9. Лермонтов М.Ю. Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...»). Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Стихотворения. М.: Академия, 1936. С. 22–23.
10. Лотман Л.М. Алексей Феофилактович Писемский // История русской литературы. Л.: Наука, 1982. Т. 3. С. 203–231.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Наука, 1949. 479 с.
12. Павлова Е.В. Рассказ А.Ф. Писемского «Нина» и повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель»: литературный контекст // Художественный текст и культура. Владимир, 2006. С. 29–35. Режим доступа: http://phil.vlsu.ru/fileadmin/doc/KHudozhestvennyitekstikulturaVI-2006.pdf
13. Писемский А.Ф. Тысяча душ. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3: Тысяча душ: Роман. М.: Правда, 1959. 307 с.
14. Писемский А.Ф. Боярщина. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. М.: Правда, 1959. 483 с.
15. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4: Евгений Онегин. Драматические произведения. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1960. С. 5–201.
16. Пушкин А.С. Барышня-крестьянка. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5: Романы. Повести. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1960. – 663 с.
17. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: Учебное пособие. М.: Академия, 2009. 336 с.
18. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия Российской Академии наук. М.: Наука, 1997. Т. 56. №5. С. 12–21.
19. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.
20. Шукуров Д.Л. Дискурс М.М. Бахтина и теория интертекстуальности // Известия вузов: Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 105–109.

Об авторе

Кравченко Елена Виталиевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, kravchenco_e_v@mail.ru

УДК 82.09

ПОВЕСТЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ДВОЙНИК» В ИТАЛЬЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Курган М.Г.

В статье рассматривается один из аспектов, составляющих вопрос о рецепции творчества Ф.М. Достоевского в Италии – проблема перевода его произведений на итальянский язык. В качестве объекта рассмотрения приняты повесть «Двойник» и один из существующих ее переводов в Италии, выполненный А. Полледро. В статье обозначены общие текстовые доминанты и единицы, значимые именно в контексте рассматриваемой повести. С опорой на указанные доминанты производится анализ перевода повести «Двойник» на итальянский язык.
Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, повесть «Двойник», переводческие стратегии, итальянский язык, А. Полледро.

“THE DOUBLE” OF F.M. DOSTOEVSKY IN ITALIAN TRANSLATION

Kurgan M.G.

The article considers one of the aspects that constitute the issue of reception of Dostoevsky’s art in Italy - the problem of the translation of his works into Italian. As the object of consideration received novel "The Double" and one of its translations in Italian, made by A. Polledro. The article indicates the general textual keynotes that are significant in the context of the story. Building on these keynotes is performed analysis of Italian translation of novel "The Double".
Keywords: F.M. Dostoevsky, novel "The Double", translation strategies, Italian, A. Polledro.

Русско-итальянские литературные связи имеют длительную историю становления и развития, подтверждение чему можно обнаружить в работах отечественных и зарубежных ученых, таких как Э. Ло Гатто (Ettore Lo Gatto) [1], З.М. Потаповой [2], Л.М. Коваль [3], Н.Е. Меднис [4], Р. Джулиани [5], О.Б. Лебедевой [6] и др.

Италия всегда являлась притягательным краем для русских писателей, и Ф.М. Достоевский не был среди них исключением, он трижды посещал Италию и оставил множество свидетельств об этих путешествиях в собственных письмах. Однако проблема «Достоевский и Италия» до сих пор не была рассмотрена основательно, при том, что подобные исследования в отношении других русских классиков проводились неоднократно. «Пушкин и Италия» [7], «Гоголь и Италия» [5], «Ахматова и Италия» [8].

Тем или иным образом проблема «Достоевский и Италия» рассматривается в исследованиях, посвященных определенному специальному вопросу, и они не велики по объему. Это работы Е.И. Волковой [9], Т.А. Касаткиной [10], В.К. Кантора [11], Е.А. Акелькиной [12], А. Тоичкиной [13]. Кроме того, необходимо отметить масштабное исследование Н.Е. Меднис «Венеция в русской литературе», где отдельная глава посвящена пребыванию Достоевского в Венеции [14], а также статью М.И. Брусовани и Р.Г. Гальпериной «Заграничные путешествия Ф.М. Достоевского 1862 и 1863 гг.» [15].

Однако проблема «Достоевский и Италия» предполагает не только исследование образа Италии, сформировавшегося в сознании писателя, но и вопрос о рецепции творчества Достоевского на итальянской земле. Данная проблема многоаспектна, и предметом исследования в представленной статье является вопрос о переводе произведений Достоевского, поскольку именно перевод во многом становится отправной точкой в восприятии не только для широкого круга читателей, но и для исследователей.

Чаще всего переводчики обращались именно к романам писателя, так, например, существует около тридцати переводов романа «Преступление и наказание» на итальянский язык. Характерно, что произведения русского прозаика продолжают переводиться, что говорит о несомненной актуальности их идейного содержания и интересе к художественной манере Достоевского. Этим можно объяснить и некоторую избирательность первых переводов: большее внимание привлекали крупные произведения писателя. Повесть «Двойник», значимый этап раннего творчества Достоевского, не сразу вызвала интерес у итальянских переводчиков. Первый перевод повести «Двойник» на итальянский язык появляется лишь в 1926 г. и осуществлен русскоязычным автором Борисом Яковенко (Boris Jakovenko) [16]. Далее один за другим в течение четырех лет появляются три перевода: в 1929, 1932 и 1933 гг., выполненные С. Оссером (S. Osser) [17], Серджо Балакучовым (Sergio Balakoucioff) [18] и Каролом Странео Караччоло (Carol Straneo Caracciolo) [19] соответственно. Затем на протяжении тридцати лет не будет создаваться новых переводов повести, что, вероятнее всего, обусловлено условиями Второй мировой войны, и следующий перевод возникает

в 1956 г., выполнен он Альфредо Полледро (Alfredo Polledro) [20]. Этот известный переводчик русских классиков одним из первых обратился к оригинальному тексту произведений Достоевского, Толстого, Пушкина, до него переводы выполнялись в основном с французского варианта. В 60-е гг. появляется еще три перевода: Джанчинты Де Доминичис Йорио (Giacinta De Dominicis Jorio) в 1962 г. [21], Пьетро Зветеремика (Pietro Zveteremich) в 1966 г. [22] и Евы Амендолы Кюн (Eva Amendola Kühn) в 1967 г. [23]. В 1996 г. «Двойника» переводит Клаудиа Зонгетти (Claudia Zonghetti) [24], а в 2003 г. – Джанлоренцо Пачини (Gianlorenzo Pacini) [25].

В полной мере на данном этапе работы нам удалось ознакомиться с переводом Альферо Полледро (1885-1961), выполненным в 1956 г. в переизданном варианте 1985 г. с предисловием Джованны Спендель (Giovanna Spendel) и послесловием Андре Жида (Andre Gide), в качестве которого был использован отрывок из его книги «Достоевский». Поскольку в Италии отсутствует академическое собрание сочинений писателя как феномен, то судить о качестве отдельных переводов без тщательного анализа и сопоставления с оригиналом трудно. Однако факт неоднократного переиздания может говорить в пользу конкретного переводческого труда, в частности о работе А. Полледро.

При работе над переводом любого текста может возникнуть ряд затруднений, имеющих общий характер, поэтому процесс анализа иноязычного варианта художественного текста должен быть обращен особым образом к тем языковым решениям, которые переводчик счел эквивалентными. Вслед за Е.С. Смоленской, анализирующей немецкие и английские переводы Достоевского, обозначим следующие традиционные трудности-вызовы для любого итальянского переводчика русского писателя:

- имена собственные;
- исторические и страноведческие реалии;
- речевая характеристика персонажей;
- окказионализмы и неологизмы;
- поэтические фрагменты [26].

Кроме того, необходимо некоторым образом прояснить проблему перевода заглавия повести «Двойник» на итальянский язык. Все переводы, о которых удалось получить сведения, выполнены под единым заголовком – «Il sosia». Слово «sosia» в итальянском языке обозначает лицо, похожее внешними чертами и физическим сложением на другого человека до такой степени, что возможно их перепутать. Термин этот происходит от латинского имени Сосия, именно так зовут раба Амфитриона в одноименной комедии Плавта [27].

Постепенно имя Сосия стало в итальянском языке нарицательным и обозначает полнейшее сходство одного человека с другим именно в отношении физических свойств. Однако нельзя сказать, что термин «sosia» передает те же варианты и оттенки значений, что слово «двойник» в русском языке. Так, исследователь творчества Достоевского и автор книги «Русская литература», Сильвана де Видовик (Silvana de Vidovich), делает вывод о том, что наиболее эквивалентным переводом заглавия повести был бы вариант «Il doppio», поскольку это слово несет в себе общую для индоевропейских языков семантику числа «два». Характерно при этом, что в других европейских языках слово «двойник» имеет родственный эквивалент: «Le doublé» – во французском, «The double» – в английском и «Der Doppelgänger» в немецком языке. Исследователь утверждает, что вариант «Il doppio» более справедлив не только в отношении этимологии, но и на содержательном уровне, поскольку уже в самом этом слове заложена идея удвоения сущности, ее замены на другое «Я» [28, с. 47].

Представляется затруднительным подвергнуть сомнению приведенные аргументы в пользу иного заглавия. Следует добавить, что вариант «il sosia» концентрирует внимание читателя исключительно на физическом, внешнем сходстве двух Голядкиных, исключая сходство и взаимодействие их внутреннего устроения. Характерно, однако, что за исключением самого заглавия, номинация «il sosia» возникает в тексте рассматриваемого перевода лишь однажды, в финале повести, в остальных же случаях двойник называется «il doppio».

В русском языке словом «двойник» может обозначаться не только человек, обладающий абсолютным сходством с другим в отношении внешности, но таким же образом маркируется некая внутренняя, глубинная общность. Именно поэтому правомерно существование литературоведческого понятия «двойник», которое особо актуально в связи с произведениями Достоевского.

Очевидно, что итальянский вариант «il sosia» в полной мере передает одну из сторон проблемы двойничества, явленной в повести Достоевского, поскольку обозначает точное физическое сходство между двумя Голядкиными. Но, думается, что и аспект внутреннего соответствия

представлен в системе взаимоотношений героя со своим двойником. Если следовать тексту повести Достоевского, можно установить очевидную связь между состоянием Голядкина-старшего и последующим появлением двойника, ведь герой сам в определенные моменты явно демонстрирует желание казаться не тем, кто он есть, обратиться в другого человека; то есть условия его жизни, главным образом социальные, вынуждают его всерьез желать раздвоения собственной личности. Все это делает возможным установление особой связи между двумя Голядкиными, даже некой формы родства.

Но в то же время в повести, очевидно, реализуется и антагонистический потенциал пары «герой и его двойник», в которой отношения развиваются по принципу постоянного противостояния. Голядкин-младший последовательно проявляет те качества, наличие которых в себе с жаром отвергает Голядкин-старший («не интригант», «паркет лощить сапогами не мастер», «маску надевает только в маскарад» и т.д.). Однако, когда происходит первое знакомство Голядкиных, старший призывает младшего к совместным интригам «в пику» врагу. Так обнаруживается явная непоследовательность в моральных установках господина Голядкина относительно поведения в обществе. Это говорит о сосуществовании в его душе разнонаправленных побуждений и качеств, то есть, вне зависимости от трактовки образа двойника (был ли он лишь порождением больного сознания Голядкина или реально существовал) очевидна внутренняя глубокая сродственность его с героем, что в определенной степени открывается и самому Голядкину.

Указанные оттенки значений передаются в русском языке с помощью понятия «двойник», существование же в итальянском языке двух вариантов перевода («il sosia» и «il doppio») ставит переводчика перед необходимостью выбора, который неизбежно повлечет за собой потерю в смысловом и поэтическом отношении. Возможно, есть основания утверждать, что в итальянской переводческой и критической традиции закрепилась определенная трактовка образа двойника и его взаимоотношений с Голядкиным, думается, в данном случае имеет место некоторый автоматизм в переводческой практике.

Обратимся далее непосредственно к рассмотрению текста повести в переводе Альфредо Полледро. И, думается, целесообразнее в рамках данной работы будет ориентироваться на отмеченные выше переводческие вызовы, которые являются одновременно одними из константных позиций всего текста.

Перевод имен собственных.

Традиционным способом для передачи русских имен собственных на многие иностранные языки является транскрипция, именно этот способ используется в переводе Полледро. Таким же образом передается и краткий вариант имени Яков – Яша – Jaša, при ласковом обращении Голядкина-старшего к своему двойнику в VII главе повести, и сопровождается авторским примечанием, где объясняется, что «Jaša» – это уменьшительная форма от имени Яков, а в скобках дается его итальянский эквивалент – Giacomo.

Очевидно, что такое имя героя имеет особую значимость в контексте повести, об этом убедительно рассуждает, например, О.Г. Дилакторская [29, с. 11-115]. Культурные ассоциации, связанные у носителя европейского сознания с библейским именем Иаков, могут быть воспроизведены в переводе без каких-либо трудностей. Но фамилия героя, которая повторяется в тексте повести более 800 раз, несомненно, требует особых пояснений, к чему и прибегает переводчик. Когда Голядкин в порыве самоуничижения ругает сам себя: «Голядка ты этакой, – фамилья твоя такова!..» [30, Т. 1., с. 175], автор перевода приводит комментарий, объясняя, что слово «голядка» означает «pezzente», «miserabile» [20, с. 35], то есть «нищий, оборванный», «убогий, несчастный». Следует заметить, что в издании Полного собрания сочинений Достоевского Г.М. Фридлендер также приводит краткое пояснение к фамилии героя, ссылаясь на словарь В.И. Даля [30, Т. 1., с. 445].

Представляет особое затруднение и интерес, с переводческой точки зрения, имя слуги господина Голядкина – Петрушка, поскольку в тексте повести оно встречается в трех вариантах: Петр, Петруша и Петрушка. Повествователь называет слугу исключительно «Петрушка», и такую номинацию еще современная Достоевскому критика соотносила с лакеем Петрушкой из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». В сюжете повести дважды возникают ситуации, когда господин Голядкин обращается к своему слуге «Петр» и «Петруша», то есть он в действительности обращается к нему, используя варианты имени, лишенные прочной ассоциативной связи с образом персонажа кукольных представлений, устойчивое имя которого – Петрушка.

А. Полледро в данном случае приводит комментарий, сходный с описанным выше, говоря

о том, что «Петруша» («Petruša») и «Петрушка» («Petruška») являются уменьшительными формами имени Петр, которое в переводе передается как «Pëtr» и сопровождается итальянским эквивалентом Pietro. Но при этом не указывается на разность значений этих уменьшительных вариантов, которая может быть неочевидна для носителя итальянского языка, не знакомого в достаточной мере с особенностями русской грамматики и русской литературой.

Имена других персонажей повести переданы этим же способом – транскрипцией и не сопровождаются какими-либо комментариями. Думается, что при такой стратегии перевода имен собственных, которая стала общепринятой, и пояснениями переводчика относительно уменьшительных форм, итальянский читатель сможет чувствовать себя свободно в пространстве иноязычного текста, улавливая при этом необходимый колорит русского имени, хотя неизбежны и некоторые потери в смысловом отношении.

Исторические и страноведческие реалии.

Сталкиваясь в оригинальном тексте с реалиями культуры или эпохи, переводчик каждый раз стоит перед выбором (если, конечно, он возможен): сохранить иноязычный вариант, передав его с помощью транскрипции в тексте, или же перевести незнакомую читателям реалию, выбрав наиболее подходящий вариант в лексическом арсенале родного языка. У данных способов есть свои достоинства и недостатки, поэтому в каждом случае необходимо совершать этот выбор заново, руководствуясь языковым и эстетическим чутьем.

Конечно, существуют реалии, эквивалент которым невозможно подобрать ни в одном языке, и тогда они транскрибируются и сопровождаются поясняющими комментариями переводчика. Так поступает А. Полледро, сталкиваясь в тексте повести Достоевского с русскими словами «грош», «копейка», «гривенник», «пуд»: они транскрибированы, выделены курсивом и прокомментированы. К этой же группе можно отнести географические реалии, например, название реки Фонтанки, культурно-экономические – упоминание магазина купцов Елисеевых и Милютинских рядов, а также имена исторических лиц, Суворова и Гришки Отрепьева, сопровождающиеся кратким пояснением автора перевода.

В самом начале повести упоминается весьма характерная историческая российская реалия – наименование одного из чинов – титулярный советник, именно к этому рангу принадлежит герой повести Яков Петрович Голядкин. Для ее передачи переводчик использует уже имеющиеся в итальянском языке термины, связанные с государственной службой, и в результате изобретает не существующее в итальянской действительности чиновничье звание – consigliere titolare, которое даже частично совпадает по звучанию с русским понятием. Кроме этого, автор перевода сопровождает данное понятие ссылкой, где объясняет, что титулярный советник – один из низших чинов, согласно прежней государственной иерархии в России, установленной Петром Великим в его «Табели о рангах» в 1722 г. Следует отметить, что и само понятие «чин» весьма затруднительно для перевода и не имеет точных аналогов в других языках. А. Полледро переводит его крайне многозначным итальянским словом «grado». В целом трудно представить, каким образом возможно в ограниченных рамках переводческого комментария передать все смыслы и культурные ассоциации, связанные для носителя русского сознания с понятием «чин». Ведь в тексте Достоевского чиновничье положение героя называется даже раньше его собственного имени, что, конечно, говорит об особой социальной ситуации той эпохи и принципах чинопочитания, которые действовали в петербургском обществе середины XIX в.

Отдельно следует упомянуть еще одну интереснейшую культурную реалию, которая возникает в тексте «Двойника» в начале первой главы. Это упоминание повествователем «тридесятого царства» при описании долгого пробуждения господина Голядкина: «Наконец, серый осенний день, мутный и грязный, так сердито и с такой кислой гримасою заглянул к нему сквозь тусклое окно в комнату, что господин Голядкин никаким уже образом не мог более сомневаться, что он находится не в тридесятом царстве какомнибудь, а в городе Петербурге, <…> в собственной квартире своей» [30, Т. 1., с. 147]. Очевидно в данном отрывке противопоставление некой сказочной и далекой страны с петербургской действительностью, которая буквально врывается в сонные грезы Голядкина через «тусклое окно». И поскольку возникает данное противопоставление, то нельзя говорить о том, что в указанном случае выражение «тридесятое царство» используется как образное. Так, В.Я. Пропп в книге «Исторические корни волшебной сказки» указывает на то, что единого канона в изображении этого неизведанного царства не существовало, оно могло быть и прекрасным золотым городом, и в то же время представлять собой «тот свет», подземное царство [31, с. 242-257].

Переводчик, в данном случае решает воспроизвести данную реалию при помощи эквивалентного понятия в итальянском языке – oga magoga, которое обозначает в современном разговорном языке некие далекие и опасные страны. В данном случае наблюдается интересное взаимодействие перевода и собственно содержания повести, которое выявляется, если обратиться к первоначальному смыслу понятий Гог и Магог. Они представляют собой названия городов, которые, согласно иудейской и христианской эсхатологии, восстанут на народ Божий, об этих городах упоминает Иоанн Богослов в Откровении (20: 7). Состояние сна, в котором находится Голядкин, и видение им «беспорядочных сонных грез» явно входит в противоречие с реальной действительностью, как и упомянутое выше «тридесятое царство» или «oga magoga». Однако дальнейшее развитие сюжета дает понять, что сон для господина Голядкина вовсе не является источником наслаждения или успокоения души, напротив, именно во сне усугубляется его болезненное состояние, он в определенной степени предвидит печальный исход противостояния с двойником. Поэтому данный вариант перевода русского выражения «тридесятое царство», соотносящийся с образом опасной и далекой местности и указывающий на библейские города Гог и Магог, представляется в большой степени уместным.

В тексте перевода обнаруживаются и другие реалии, обладающие эквивалентным значением в итальянском языке. Это, например, слово «дрожки» и «орлянка», которые соответственно переводятся как «calessino» и «testa o croce». Первое буквально обозначает небольшой и легкий, чаще всего открытый экипаж, в который запряжена одна лошадь, что вполне соответствует русским дрожкам. Второе же подразумевает известную во многих странах мира игру, в которой необходимо угадать, какой из сторон упадет подкинутая вверх монета, и в итальянском языке такая игра называется «testa o croce», что полностью эквивалентно русской орлянке. В данном случае транскрибирование и сопутствующий комментарий были бы неуместны, поскольку создали бы существенное препятствие для органичного восприятия текста, не оправданное при этом необходимостью сохранения оригинального русского слова.

Можно указать и на некоторые неточности, допущенные при переводе исторических реалий. Так, предмет одежды, фуфайка, который имеет вполне определенный вид и предназначение, переводится словом «panciotto», что на итальянском означает «жилет». Очевидно, что «жилет» не в полной мере соответствует русскому понятию «фуфайка», которое подразумевает предмет теплой верхней одежды с длинными рукавами. Возможно, контекст и не требовал точной передачи звучания и значения в комментарии, однако и в итальянском языке присутствуют понятия, более подходящие, например, распространенное «giubotto», которое хоть и довольно нейтрально в стилистическом отношении, но в большей степени передает внешний вид русской фуфайки. Подобным образом можно отнестись и к переводу слова «салоп», выполненным недостаточно точно («pelliccia»), что также не передает в полной значение исходного русского понятия.

За исключением некоторых неточностей, А. Полледро удалось при передаче исторических реалий сохранить баланс между стремлением максимально эквивалентным образом перевести русские понятия и одновременной ориентацией на родной язык.

Речевая характеристика персонажей.

Еще современная Достоевскому критика обратила внимание на во многом уникальные особенности речи главного героя повести «Двойник» господина Голядкина. Именно исследование речи Голядкина производит в одной из первых своих работ В.В. Виноградов, а позднее М.М. Бахтин в книге «Проблемы поэтики Достоевского» развивает идеи предшественника и значительно дополняет их. Безусловно ценными являются замечания исследователя о внутренних принципах построения высказываний героя, однако, думается, что действие указанных принципов можно проследить и в переводе на другой язык, если он выполнен достаточно точно. В данном случае, при анализе конкретного итальянского перевода «Двойника» обращают на себя внимание речевые единицы более частного характера, прежде всего лексические особенности и определенная индивидуальная фразеология героя.

Характерно при этом, что и двойник, и во многом сам повествователь усваивают речь Голядкина со всеми ее стилевыми, лексическими и синтаксическими особенностями. Однако слово повествователя имеет и ряд собственных характеристик, о которых следует упомянуть отдельно.

Как отмечает М.М. Бахтин, ярчайшими свойствами слова Голядкина являются «симулирование независимости и равнодушия» и непрестанные «успокоительные диалоги» героя с самим собой [32, с. 236.]. Одновременно, важнейшей осо-

бенностью речи Голядкина становится особая лексика, которую использует герой, нередко смешивая внутри единого высказывания лексику разговорного и высокого или официально-делового стилей. Характерны, кроме того, и постоянные повторы определенных речевых конструкций, фразеологических оборотов, отдельных слов, и даже неологизмов, что в целом формирует совершенно особую речевую картину, которая многое способна объяснить в связи с процессами, происходящими в сознании Голядкина и внутренними движениями его души.

Следует упомянуть отдельно выражение, которое дважды произносит господин Голядкин в разговоре сначала с доктором, а затем со своими коллегами из департамента: «уменье лощить паркет сапогами». И в третий раз оно возникает в слове повествователя, но как неявная цитата Голядкина же. Характерно, что все компоненты данной фразы устойчивы и неизменны в каждой из ситуаций, где она воспроизводится, что дает указание на значимость ее именно в таком затвердевшем варианте, образуя своего рода собственный фразеологизм Голядкина, одну из его «заклинательных» формул, которыми он убеждает сам себя. К этому разряду можно отнести и выражения «маску надеваю лишь в маскарад», «не интригант и этим горжусь». Однако переводчик в некоторой степени пренебрегает точностью этих выражений в оригинальном тексте и своем варианте заменяет их на синонимичные: «saper lucidare l'impiantito con gli stivali», «saper lustrare i pavimenti con gli stivali».

В тексте повести обнаруживается еще одно выражение, которое важно для понимания образа главного героя. Это выражение «я ничего», высказываемое Голядкиным о самом себе, или его варианты «господин Голядкин ничего», «он ничего», повторяющееся 24 раза на протяжении повествования. Согласно собственно смыслу данного выражения, его тоже можно отнести к утешительным «заклинательным» формулам, которые произносит господин Голядкин, пытаясь уверить окружающих и себя самого, что дела его «ничего», и что он сам ничего предосудительного не совершает. Однако в пространстве повести голядкинское «ничего» приобретает действительную силу, и непрестанное желание героя изничтожиться и «в прах обратиться», перестать быть тем, кем он является, начинается сбываться, двойник с успехом замещает Голядкина в его собственной жизни.

Однако в переводе снова не наблюдается той точности в непрерывном повторении этого выражения, которая присутствует у Достоевского. Данная фраза в тексте А. Полледро имеет множество вариаций: non sono proprio per niente, lui era proprio per niente, che per lui non c'era proprio male (в данном случае «ничего» упущено вовсе), c'è e non c'è, che lui non faceva nulla, che non faccio nulla, non sto male, non dico nulla, non dico mica niente. Возможно, такой перевод объясняется особенностями итальянского языка, который требует присутствия сказуемого в предложении, но, думается, было возможно остановиться на одном или двух вариантах, которые бы соответствовали контексту и при этом позволяли бы сохранить некоторую двойственность и недосказанность, отсутствующую во фразах «non faccio nulla» («я ничего не делаю»), «non dico nulla» («я ничего не говорю»), принимая во внимание то, что в оригинальном тексте в данных ситуациях сказано лишь «я ничего».

Подобная излишняя конкретизация наблюдается и при рассмотрении еще одного оборота, звучащего в повести рефреном и описывающего состояние и движения гостей в доме Олсуфия Ивановича: «Всё, что ходило, шумело, говорило, смеялось, вдруг, как бы по мановению какому, затихло и мало-помалу столпилось около господина Голядкина» [30, Т. 1., с. 176], «Всё стояло, всё молчало, всё выжидало; немного подальше зашептало; немного поближе захохотало» [30, Т. 1., с. 177]. «Всё, что ни было в зале, все так и устремились на него взором и слухом в каком-то торжественном ожидании» [30, Т. 1., с. 179]. Переводчик в данных ситуациях стремится придать большую конкретность происходящему действию, точно называя его субъект: «Tutta la gente che camminava, faceva chiaso...» [20, с. 36]. «Tutti stavano in piedi, tutti tacevano, tutti aspettavano; un po' piu lontano presero a sussurrare; un po' piu vicino sghignazzarono...» [20, с. 37]. «Quanti erano nella sala, tutti avevano teso verso di lui lo sguardo e l'udito…» [20, с. 40]. Так в указанных фразах пропадает эффект слиянности, безликости толпы в восприятии Голядкина, через него передаваемый повествователем.

Обращает на себя внимание и другой случай, подобный описанным выше, связанный с «призыванием» Голядкиным чертей, его постоянным взыванием к бесовским силам: он не раз в течение повествования восклицает «Черти бы взяли!», при этом не всегда уточняется конкретный объект, который должны «взять черти». Именно так происходит в следующем отрывке: «"Черти бы взяли! – подумал господин Голядкин

– Эта ленивая бестия может, наконец, вывесть человека из последних границ; где он шатается?"» [30, Т. 1., с. 149]. В данной ситуации герой взывает в негодовании к своему слуге Петрушке, однако интересующее нас выражение не обращено напрямую к нему. Переводчик же добавляет конкретности и внедряет в текст отсутствующее в нем изначально местоимение «его»: «Che se **lo** piglino I diavoli!», имея в виду Петрушку. Такой перевод, конечно, оправдан конкретной описываемой ситуацией, однако он лишает фразу необходимой амбивалентности, поскольку это «призывание» чертей в устах героя направлено в том числе и на него самого.

Можно сделать вывод о том, что переводчик в целом справился с задачей воспроизведения замысловатого интонационного и синтаксического рисунка повести, а также сумел найти необходимые эквиваленты в итальянском языке, передающие фрагменты разговорной лексики или имеющие иронический характер. Однако нельзя не обратить внимание и на некоторые неточности, допущенные при переводе отдельных выражений, которые оказываются значимы в связи с художественной организацией «Двойника».

Окказионализмы и неологизмы.

К данному разряду, представляющему затруднение при переводе, следует отнести два понятия: «ветошка» и «стушеваться». Первое, думается, можно назвать окказионализмом именно в рамках художественного пространства повести «Двойник». Об исключительной значимости данного понятия говорит и статистика употреблений: всего в художественных произведениях Достоевского оно появится 24 раза и 17 из них – в «Двойнике». Понятие «ветошка», как и многие, рассмотренные ранее, рождается в сознании господина Голядкина как реакция на происходящее с ним. Именно образ «ветошки» связывается в представлении героя с покорностью судьбе и безоговорочной победой двойника, и повторяя это слово, Голядкин бунтует против действительности: «…Но, как ветошку, себя затирать я не дам. И не таким людям не давал я себя затирать, тем более не позволю покуситься на это человеку развращенному. Я не ветошка; я, сударь мой, не ветошка!» [30, Т. 1, с. 219].

Что же предлагает итальянский перевод? А. Полледро и в этом случае не нашел строго необходимым соблюдение лексического единства в выражении данного понятия и предлагает различные синонимичные варианты: «strofinaccio marcio», что дословно значит «гнилая тряпка», «vecchio straccio» («старая тряпка»), «cencio» («тряпка, лохмотья»), при этом более всего в переводе употребляется последний из вариантов. Возможно, стоило остановиться именно на слове «cencio», которое соответствует значению исходного понятия, и выражено при этом одной лексической единицей.

Следует отметить и глагол «стушеваться», который, по утверждению самого Достоевского, был именно им впервые введен в литературу в повести «Двойник» [30, Т. 26, с. 65], и, по собственным его словам, «значит исчезнуть, уничтожиться, сойти, так сказать, на нет. Но уничтожиться не вдруг, не провалившись сквозь землю, с громом и треском, а, так сказать, деликатно, плавно, неприметно погрузившись в ничтожество» [30, Т. 26, с. 66]. Такая авторская характеристика позволяет поместить это понятие в уже намеченную лексическую парадигму, связанную с семантикой исчезновения, самоуничижения и самоуничтожения, которая характеризует образ господина Голядкина. В рассматриваемом же переводе вновь нарушается единство лексической формы выражения данной семантики через использование синонимичных слов, не имеющих при этом яркой стилистической окраски и новизны, характерных для понятия «стушеваться»: «scomparire», что буквально значит «исчезнуть» и «squagliarsela» («уйти, не простившись»).

Поэтические фрагменты.

Яркой иллюстрацией данного типа является четверостишие, написанное Голядкиным-младшим в альбоме настоящего Голядкина, в тот вечер, когда не открылись еще истинные намерения двойника:

Если ты меня забудешь,
Не забуду я тебя;
В жизни может всё случиться,
Не забудь и ты меня! [30, Т. 1, с. 206]

И так выглядит их итальянский эквивалент:

Se di me ti scorderai,
Io non posso scordarmi di te;
Nella vita succede di tutto;
Nemmeno tu non scordar me [20, с. 71]

Очевидно, что русский оригинал стихотворения не отличается высокой художественностью и глубиной поэтической мысли, что явствует из троекратного повтора однокоренных слов «забудешь-не забуду-не забудь», неудачной попытки зарифмовать слова «тебя-меня» и, конечно, из трудноуловимого смысла стихотворения среди повторов и шаблонных выражений. Перевод А. Полледро не только с точностью передает авторский посыл, сохраняя рефрен «ti

scorderai-non posso scordarmi-tu non scordar» но и воспроизводит профанность слога, в которой соседствуют приметы возвышенного поэтического стиля (отсутствие финального е в инфинитиве глагола) и разговорная лексика (глагол «scordare», преобразованный по образцу высокой поэзии, употребляется в большей мере в разговорной речи). Можно заключить, что автору удалось передать особенности данного поэтического фрагмента.

Кроме рассмотренных позиций, способных поставить переводчика в затруднительное положение, стоит упомянуть также и о некоторых графических особенностях текста «Двойника». В конце V главы, после того, как Голядкин впервые столкнулся с двойником, появляются отточия, несомненно важный смысловой элемент текста. В данном случае за отточиями, за недосказанностью повествования, скрывается некая тайна двойника и того, что произошло между ним и Голядкиным той мистической ночью. В этот момент герой будто впадает в забытье, теряет контроль и самосознание совместно с читателем, и пробуждается лишь на следующее утро, не имея представления о том, что же точно случилось ночью. По неизвестной причине переводчик пренебрегает данным авторским знаком, что, безусловно, обедняет итальянский вариант «Двойника».

Чтобы подвести некоторые итоги, следует констатировать, что перевод, выполненный А. Полледро, в целом можно считать весьма достойным, в первую очередь потому, что ему удалось передать основную интонацию повествования, за исключением отдельных эпизодов, не разрушающих общей благоприятной картины. Думается, однако, что некоторые художественные особенности «Двойника» не были приняты переводчиком во внимание, как, например, тонкая до неразличимости грань между словом героя и повествователя, которая проявляет себя в тексте на всех языковых уровнях.

Конечно, осуществленный анализ невозможно считать окончательно завершенным и всеохватывающим в отношении проблемы рецепции, которая была заявлена в начале данной работы. Указанная проблема требует более тщательного изучения с привлечением других существующих переводов произведений Достоевского. Однако в рамках настоящего исследования было значимо выявление основных художественно-языковых констант, характеризующих конкретный текст русского писателя, а также рассмотрение их реализации в переводе на итальянский язык, и, думается, эта задача была выполнена.

Список литературы

1. Lo Gatto. E. Russi in Italia. Dal secolo XVII ad oggi. Roma: Editori riuniti, 1971. 332 p.
2. Потапова З. М. Русско-итальянские связи. Вторая половина XIX в. М., 1973. 288 с.
3. Коваль Л. М. Русско-итальянские общественные связи: Россия. Италия. М.: Наука, 1981. 109 с.
4. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Издательство ННРУ. 2003. 169 с.
5. Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: материалы и исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 283, [2] с.: ил., портр.
6. Лебедева О.Б. Образы Неаполя в творческом сознании А.С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. Филология: научный периодический журнал. Томск: Томский государственный университет. 2010. №10. С. 65-85.
7. Благой Д. Д. Il Gran' Padre (Пушкин и Данте) // Благой Д. Д. Душа в заветной лире. М., 1977. С. 104–162.
8. Йованна Спендель де Варда. Образ Италии и ее культуры в стихах Анны Ахматовой // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. М., 1992. С. 69-74.
9. Волкова Е.И. Русский Дант (Ад и Рай в художественном мире Ф.М. Достоевского) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М: Издательство МГУ, №2. 2002. С. 40-47.
10. Касаткина Т.А. Рай и ад в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х гг. // Достоевский и современность. Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. Великий Новгород: [б. и.], 2006. С. 191-213.
11. Кантор В. В парадигме дантовского «Ада»: «Отец Горио» и «Преступление и наказание» [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2014/5/2k.html (Дата обращения: 05.11.2016).
12. Акелькина Е.А. Данте и Достоевский (Рецепция дантовского опыта организации повествования в «Божественной комедии» при создании «Записок из мертвого дома») // Вестник Омского ун-та: Издательство Омского ун-та, 2012. №2 (64). С. 394-399.

13. Тоичкина А. Поэтика символа в «Божественной комедии» Данте и в «Записках из Мертвого дома» Достоевского // Достоевский и мировая культура. №30 (1). М: [б. и.], 2013. С. 83-108.

14. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999. 392 с.

15. Брусовани М. И. Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского 1862 и 1863 гг. // Достоевский: Материалы и исследования. [Т.] 8. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. 318,[2] с. С. 272-292.

16. Teodoro Dostoievckij. Il sosia: racconto pietroburghese / Traduzione di Boris Jakovenko. Lanciano: Carabba, 1926.

17. Fjodor Dostojevskij. Il sosia / Traduzione di S. Osser. Milano: Delta, 1929 (coll. "Scrittori italiani e stranieri").

18. Fedor Dostoevskij. Il sosia. Romanzo / Traduzione dal russo di Sergio Balakoucioff. Milano: Bietti, 1932 (coll. "Biblioteca reclame").

19. Fjodor Dostojevskij. Il sosia. Racconti / Prima traduzione integrale e conforme al testo russo con note di Carol Straneo. Torino: Slavia, 1933 (coll. "Il genio russo"). Ripubblicato come: Fedor Dostoevski. Il sosia. Romanzo / Traduzione di Carol Straneo, illustrato da Alfred Kubin. Milano: TEA, 1991.

20. Fjodor Dostoevskij. Il sosia. Un brutto caso / Traduzione di Alfredo Polledro. Milano: Mondadori, 1956 (coll. "Biblioteca moderna Mondadori"). Ripubblicato come: Fedor Dostoevskij. Il sosia / Introduzione di Giovanna Spendel, con un saggio di André Gide. Milano: Mondadori, 1985 (coll. "Oscar classici"); 2001 (coll. "Oscar classici").

21. Fedor Dostoevskij. Il sosia. Poema pietroburghese / Traduzione di Giacinta De Dominicis Jorio. Milano: Rizzoli, 1962 (coll. "BUR"); con un'introduzione di Vittorio Strada, Milano: Rizzoli, 1983 (coll. "BUR"); 2001 (coll. "BUR").

22. Fedor Michajlovic Dostoevskij. Il sosia / A cura di Fausto Malcovati, traduzione di Pietro Zveteremich. Milano: Garzanti, 1966; 2006 (coll. "I grandi libri").

23. Dostojevskij Fjodor. Racconti i romanzi brevi / A cura di Eridano Bazzarelli. Taduzione di Eva Amendola Kuhn e Eridano Bazzarelli. Milano: Mursia, 1967.

24. Fedor Michajlovic Dostoevskij. Il sosia. Poema pietroburghese / Traduzione e cura di Claudia Zonghetti, con un "riflesso" di Innokentij Annenskij. Rimini: Guaraldi, 1996; Torriana: Orsa maggiore, 1996 (coll. "Stelle dell'Orsa maggiore").

25. Fedor Dostoevskij. Il sosia / Traduzione di Gianlorenzo Pacini, prefazione di Olga Belkina. Milano: Feltrinelli, 2003; 2005.

26. Смоленская Е.С. Ф.М. Достоевский глазами немецких и английских переводчиков: вызовы, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] // URL: http://yspu.org/images/6/67/Smolenskaya%D0%95S.pdf. (Дата обращения: 08.11.2016).

27. Плавт Т. М. Комедии: В 3 т. Т. 2. М.: Терра, 1997. 527 с.: ил. (Памятники античной культуры).

28. De Vidovich S. F.M. Dostoevskij: Il sosia // Rivista di psicologia analitica. N.30 (1984). P. 46-63.

29. Дилакторская О.Г. Почему Голядкина зовут "Яков Петрович"? // Русская речь. 1998. № 2. С.111-115.

30. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1972-1988.

31. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 333, [3] с.

32. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 4 (2). М.: Языки славянских культур, 2010. 747 с., [1] л. портр.

Об авторе

Курган Марина Геннадьевна – аспирант 1 года обучения филологического факультета, Томский государственный университет, marina_sunrise@mail.ru

УДК 821.161.1

РОМАН А.К. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ»: ОБРАЗ СЛАВЯНСКОГО МИРА ЧЕРЕЗ СТРУКТУРУ ПРОСТРАНСТВА (РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ)[6]

Печёнкина О. Ю.

В статье раскрывается содержание модели пространства, представленной в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный». Даётся анализ основных понятий, из которых складывается картина мира, отражённая в произведении: ад, рай, тот свет, этот свет, земля, потусторонний мир.
Ключевые слова: модель мира, картина мир, ад, рай, тот свет, этот свет, земля, потусторонний мир.

A NOVEL OF A.K. TOLSTOY "PRINCE SEREBRENNI": AN ASPECT OF SLAVIC WORLD ACROSS THE STRUCTURE OF SPACE

Pechenkina O. Yu.

The article reveals the content of space model shown in the novel "Prince Serebrenni" by A.K. Tolstoy. An analysis of the main concepts which form the Picture of the world shown in the literary work: hell, heaven, other world, this world, earth, the beyond is given here.
Keywords: the model of the world, the picture of the world, hell, heaven, other world, this world,earth, the beyond.

Общеславянская картина мира, как и любой образ мира, складывалась на протяжении длительного периода и включает в себя все компоненты, значимые для носителей славянской культуры. Как известно, структура картины мира состоит из нескольких компонентов. Во-первых, это универсальная картина мира, которая представляет собой ядро мировидения человека, принадлежащего к любой культуре. Единство этой модели объясняется единством материального мира и особенностями восприятия окружающей действительности человеком как разумным существом. Во-вторых, в любой модели мира обязательно есть специфические черты, которые отражают этнические представления о наиболее значимых явлениях, предметах, а также связях между ними, что и лежит в основе национального мировидения. «Каждая цивилизация, социальная система, - пишет А.Я. Гуревич, - характеризуется своим особым способом восприятия мира» [3, с. 17].

Объективный мир существует независимо от человека, но он всегда выступает как основной объект познания индивида, который стремится к тому, чтобы определить для себя картину мира, отражающую его способ восприятия действительности. Следовательно, в основе познания лежит такой принцип, как антропоцентричность, согласно которому в основе картины мира оказываются те понятия, которые являются наиболее важными для человека. Наряду с этническими, индивидуальными особенностями, в каждой модели мира, в том числе и в общеславянской, имеют место универсальные понятия, например, время и пространство.

Очень важно то, что картина мира обладает таким обязательным признаком для индивида, как уверенность в том, что мир такой, каким он (индивид) себе его представляет. «Объективное и научное объяснение и картина мира имеют вероятностный характер, - пишет Л.В. Яценко. - Образы мира могут варьироваться по широте, согласованности частей, но не все они претендуют на идентичность с действительностью, а основываются на вере, что мир именно таков, каким он представляется в картине мира…» [9, с. 47].

Как отмечают исследователи общеславянской картины мира, образ действительности всегда включает два уровня: видимый и невидимый, но воспринимающийся носителями культуры как существующий и обязательно оказывающий влияние на видимый: «Категории пространства и времени благодаря свойственным им универсальности и всеобъемлющему характеру формируют пределы, в которых разворачивается человеческая жизнь, тем самым они определяют все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой: судьбу, право, социальное устройство... Эти категории не только образуют пассивную рамку происходящего, но и констатируют природу самих событий, активно воздействуя на них» [8, с. 12].

Структура концептуального пространства

[6] Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта № 16-14-32001

появляется в сознании человека как попытка осмыслить всё происходящее, независимое от самого индивида. Идея времени и пространства в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» складывается из ряда факторов, в которые входят различные процессы, происходящие в окружающем мире и в самом человеке: изменения внешнего мира, смена времён года, рождение и смерть и т.д. Эти понятия тесно взаимосвязаны между собой и обусловливаются мировоззрением народа, которое в данном случае зависит именно от религиозных представлений. При политеизме боги обладали равной властью в определённой реальности, это предполагало наличие неоднородного пространства. «Переход от древнейшего представления пространства как неоднородного и неизотропного к его толкованию как однородного и изотропного, - пишет В.И. Постовалова, - осуществляется параллельно с процессом перехода от политеизма (многобожия) к монотеизму (единобожию)» [6, с. 63]. Однако переход от политеизма к христианскому монотеизму был весьма сложным и, как считают многие исследователи, основу русской культуры составляет «сочетание в русской духовной среде ценностей христианства с остатками язычества» [2, с. 22]. Подтверждает это картина мира, представленная в романе «Князь Серебряный».

Особую роль в картине мира романа «Князь Серебряный» играет «Голубиная книга». Это сборник духовных славянских стихов конца 15 начала 16 века. Книга неоднозначная, и отношение к ней в разные времена было неодинаковым, однако она пользовалась популярностью именно потому, что в ней объяснялись многие вопросы, связанные с мирозданием. Учёные считают, что источниками этого произведения являются: «Беседа трех святителей», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «От коих частей создан бысть Адам» и др.

«Голубиная книга» не является случайной в романе «Князь Серебряный», благодаря сказке, рассказанной Иоанну Перстнем, создаётся глобальный образ мира, который признаётся как истинный, не требующий доказательства, воспринимаемый на веру, что и является одним из признаков картины мира. Согласно «Голубиной книге», в которой самым важным вопросом является вопрос о создании мира, в основе картины мира находится Господь, но мир появляется без Его участия, а в результате «выделения» света, зари, небесных светил из самого Бога: солнце «началось» от «светлого лица Божьего», месяц от грудей Его; звёзды от очей Божиих; зори от риз; ветры – дыхание Божье; тучи – думы Божьи; ночи от опашня Его. То есть, всё начинается от Господа, но и заключается в Нём самом. Далее идёт подробный рассказ о том, как произошёл род человеческий: «Мир-народ у нас от Адамия; от Адамовой головы цари пошли; от мощей его князи со боярами; от колен крестьяне православные; от того же начался и женский пол…» [7, с. 313]. Главным городом считается Иерусалим, так как там находится храм Гроба Господня, возведённый на Голгофе, в котором пребывают ризы Господа. «Ердань-река всем рекам мати», в ней произошло крещение Иисуса Христа – Царя Небесного, «Фавор-гора всем горам мати», на ней преобразился Господь перед своими учениками [7, с. 314]. Интерес вызывает тот факт, что главным царём признаётся «Белый царь», который в первоисточнике именуется русским царём. Важны и его концептуальные характеристики: он верует в крещение, в Божью Матерь – Богородицу и нераздельную Троицу. «Свято-Русь-земля всем землям мати; на ней строятся церкви апостольские, богомольные, соборные…»[7, с. 314]. Самым важным зверем является Индра-зверь, «Алатырь-камень всем камням отец», потому что на нём Царь Небесный, Иисус Христос, беседовал с апостолами, утверждал христианскую веру. Исследователи считают, что здесь речь идёт об алтарном камне, на котором впервые была принесена бескровная жертва, установлено главное таинство христианства – евхаристия [1]. «Кипарис-древо всем древам мати»: из него был сделан Животворящий Крест, на котором был распят Господь между двумя разбойниками; главная трава – плакун-трава, которая появилась от слёз Богородицы, оплакивающей своего Божественного сына. Из этой травы на Руси вырезают нательные кресты, которые носят только старцы и иноки. Таким образом, мы видим, что в «Голубиной книге» большая часть эпизодов соответствует христианскому образу мира, основывается на библейских сюжетах. Однако есть и такие представления, которые противоречат этому, переосмысляются народным сознанием, соотносятся с языческими. Например, говорится о том, что земля стоит на трёх китах, Естрафиль-птица живёт на синем море, топит корабли, а «когда Естрафиль вострепещет, во втором часу после полунощи, запоют петухи по всей земли, осветится в те поры вся земля…» [7, с. 315].

В притче о сне царя Володимера особенно чётко представлены пространственные характеристики картины мира: во-первых, это небо – царство небесное, где пребывает Господь, и правда Его; во-вторых, это «сырая земля», на которой

осталась «кривда»; в – третьих, это «муки вечные» - ад. То есть, правда от Бога, кривда от дьявола, человек на земле сам делает выбор: «кто станет жить у нас правдою, тот наследует царство небесное; а кто станет жить у нас кривдою, отрешён на муки на вечные…»[7, с. 316].

Таким образом, мир в данном произведении представляется троичным: во-первых, это наличие абсолютного начала – Бога, которым наполнено Его «пространство»: царство небесное, заполняемое Его же сущностью; во-вторых, - это противоположность Бога – дьявол и ад как «пространство» его существования, в – третьих, это земной мир – мир людей.

Представление о пространстве реализуется в первую очередь с помощью лексем: земля, небо, царство небесное, рай, ад, свет, этот свет, тот свет, мир, белый свет.

Реальный мир – это земная жизнь, земля – «планета, один из миров или несамосветлых шаров, коловращающихся вокруг солнца… страна, народ и занимаемое им пространство…» [4,т.1, с. 678]: « Все русские люди любили Иоанна всей **землёю**» [7, с. 165]; « Да живут они долго на славу **Русской земли**…» [7, с. 444]. Земной мир наполнен конкретными реалиями: Москва, Русь, Литва, Польша, деревня Медведка, Александрова Слобода, Новегород, Ростиславль, Волга, река Чусовая, Иртыш, Кама, Дон, Уральские горы, Сибирь, Троице-Сергиева лавра и т.д.

Земное пространство репрезентируется лексемами: свет, белый свет, этот свет, мир. «Словом, объединяющим представления о земле и небе, - пишет С.Е. Никитина, - является слово свет…Свет, обычно с эпитетом белый, объемлет все сотворенное: он включает не только землю, но и небесные светила – солнце, звёзды, луну – и имеет источником Иисуса Христа или Свята Духа» [5, с. 103]. Словосочетания «этот свет», «белый свет», «Божий свет» в романе выражают представление о реальной, объективной жизни. Лексема свет употребляется в значении: «…вселенная, мир, земля наша, шар земной…» [4,т.4, с. 157]. «Ну, добро, старик, только смотри, коли ты меня морочишь, лучше бы тебе **на свет** не родиться» [7, с. 176]. «Что ж, Максим Григорьевич, - ответил Серебряный, - на то **на свете** живём, чтоб помогать друг другу» [7, с. 342]. « Расступись же подо мной, мать сыра земля! — простонала она, — не жилица я на белом свете! Наложу на себя руки — изведу себя отравой! Не переживу тебя, Никита Романыч! Я люблю тебя боле жизни, боле **свету божьего**, я никого, кроме тебя, не люблю и любить не буду!»[7, с. 200]. Лексема свет в сочетании с местоимением этот « вот, который сей, вот он» [4, т.4, с. 666] репрезентирует компонент «этот земной мир, мир людей» и противопоставляется «тому свету»: «протвпл. этот, как сей и оный; дальний по месту или по времени» [4, т.4, с. 422]. Актуализируется представление о наличии другого «света», который соотносится с «идеальным» миром, знание о котором основывается на «вере». «Этот свет» воспринимается не просто как земная жизнь, а как время и пространство, которое дано человеку Богом. Оно полностью антропоморфно, так как «этот свет», «белый свет», «божий свет» - это реальное пространство, которое человек оценивает с точки зрения своего существования. Он имеет определённое представление об «этом свете», которое наполняет значимым для себя содержанием.

«Тот свет» наполняется представлением о загробной жизни, о переходе человека в «другое состояние», о вере в существование жизни после смерти. С одной стороны, «тот свет» – это избавление от страданий земной жизни, о спасении и благодати, а с другой, это переход к вечным мукам. «Я, скажет, господу богу за них и доброго слова не замолвлю! Пусть себе, скажет, и **на этом свету** и **на том** пропадают…» [7, с. 292]. «Не было бы вам на **том свету** ни дна ни покрышки…» [7, с. 166]. «Не взять мне с собой казны **на тот** свет» [7, с. 306]. Точных знаний о «том свете» человек не имеет, оно складывается из преданий, христианских представлений и т.д. В данном случае особую роль играет именно религиозное восприятие действительности, согласно которому «тот свет» - это ад и рай, это Господь, который «наполняет» всё пространство своею сущностью и который определяет место души в «том мире»; это Божий Суд, который занимает особое место в картине мира, так как именно сквозь призму этого концепта определяется модель поведения всех героев романа.

В центре картины мира романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» находится именно Страшный Суд (Божий Суд), после которого души праведных попадают в рай, а души грешников – в ад. Согласно христианскому мировоззрению, человек наделяется свободной волей, он сам выбирает свой жизненный путь, сам определят модель своего поведения, поступает в соответствии с заповедями Божиими или нарушает их. Все герои романа соотносят свои поступки с этими законами. Они сами определяют своё место на «том свете». «Господи Боже мой…ты зриши моё сердце, ведаешь мои мысли! Ты знаешь, что я не

по гордости моей, не по духу строптивому ослушаюсь батюшки! Прости меня, Боже мой, аще преступаю твою заповедь…», - кается в своих грехах Максим Скуратов [7, с. 231]. Стремятся к покаянию и те, кто заведомо совершал страшные поступки, грешил перед Богом и людьми: Коршун, Басманов и другие. «Прости, народ православный, - сказал он (Коршун), - прости меня в грехах моих, в разбое,и в воровстве, и в смертном убойстве! Прости во всём, что я согрешил перед тобой…» [7, с. 403]. Здесь говорится о том, что Коршун изменился: лицо его стало мягче, глаза смотрели спокойнее. Он чувствовал, что насильственная смерть – это искупление за содеянное, он раскаялся, и всё это вселяло в него веру в милость Суда Божьего. Вяземский же делает выбор в пользу зла, он сознательно не раскаивается в грехах и готовится на муки вечные: «…бросал дикие взгляды по сторонам. В глазах его не было заметно ни страха, ни раскаянья» [7, с. 402].

Рай – это место пребывания праведных душ, куда они направляются после Суда Божьего. Рай также определяется как Царствие Небесное, Царство Божие, Небо. В. И. Даль в лексеме рай не выделяет сему «место», а акцентирует внимание на том, что это «пребывание» - «быть, существовать; жить; находиться, обретаться; быть где постоянно, всегда» [4,т.3, с. 383]. То есть, рай воспринимается не столько как место, сколько как время или безвременье существования праведных душ. Неслучайно рай не имеет в романе никаких «пространственных» характеристик. Все верят в его существование, знают, что находится он на небе и пребывает там Господь с душами всех святых и праведников: «…в **рай** не попаду, - говорит Онуфревна, - да тебя отмолю» [7, с. 234]. «Молитесь за нас, праведные! – кричали некоторые из толпы, - помяните нас, когда приидете во царствие божие!» [7, с. 403]. «Царствие ему небесное! – сказал со вздохом Годунов…» [7, с. 444]. Лексема небо употребляется в значении: «то выспреннее пространство, где, нашим понятиям, пребывают вообще души праведных, окружая Господа и ангельские сонмища Его; рай, небесное царство, проивоп. ад…» [4,т. 2, с. 502]. Небо в романе – это пространство Бога, это место расположения рая и это сам Бог: «Поединок был не простой; исход его зависел от **суда божия**, а князь знал свою неправость, и сколько не показался бы ему Морозов презрителен в обыкновенной схватке, но в настоящем случае он опасался **небесного гнева**…» [7, с. 370]. «Грешники на картине Страшного суда жалобно подымали руки **к небу**, но всё молчало…» [7, с. 323].

Небу, раю, Царству Небесному в романе противопоставляется ад: «адея, геена, тартар, тартарары, бездна, преисподняя, тьма кромешная, печь огненная…» [4, т.1, с. 6]. Ад – это пространство дьявола – антипода Бога: «…ждут его **дьяволы** и радуются ему…» [7, с. 235]; «…и не будет с тобой кромешников твоих заградить уста вопиющих, и услышит их судия, и будешь ты ввергнут в пламень вечный, уготованный диаволу и ангелом его» [7, с. 398]. В картине мира романа ад находится под землёй. Преисподний – «самый исподний, нижний, на самом крайнем низу сущий; находящийся в бездне, в пропасти…кромешный ад» [4,т. 3, с. 392]. «Провалиться тебе **сквозь землю**…» [7,286]. «Расступись же подо мной, **мать сыра-земля**! – простонала она (Елена), - не жилица я на белом свете! Наложу на себя руки, изведу себя отравой…» [7, с. 202].

Ад в романе обладает более конкретными характеристиками: он расположен под землёй, управляет им диавол, сатана и ангелы его, ад имеет дно: «Уж привяжутся к тебе грехи твои, как тысячи тысяч пудов; уж потянут тебя **на дно адово**…» [7, с. 233]; «…по его делам нет муки на земле; его мука **на дне адовом**…» [7, с. 235]. Его наполняет «пламень вечный», грешники там испытывают страшные муки: «Будешь, Гришка, лизать сковороды горячие за все клеветы свои! Будешь, проклятый, в смоле кипеть…» [7, с. 235].

В романе А.К. Толстого выделяется потусторонний мир, который занимает как бы промежуточное положение между «тем» и «этим» светом. Это мир «нечистой силы». С точки зрения языческого мировоззрения, его наполняют «духи» или «мелкие божества», которые влияют на повседневную человеческую жизнь и быт восточных славян (лешие, водяные, домовые, русалки, кикиморы). Все они неотделимы от народной жизни, вера в них не ослабла с появлением христианской религии на Руси, в которой они рассматриваются как «темные силы», бесы, служители диавола, но претерпела изменения. Славяне по-прежнему верили в этих духов, но воспринимали их не как божества, а как силы, которые отвечают за определённое место. Согласно этим представлениям, все природные пространства имеют своих хозяев: леший живёт в лесу; водяной и русалки - в водоёмах; в болоте - болотник; в доме обязательно живёт домовой. Отношение к ним всегда было неоднозначно, чаще их боялись, поэтому старались каким-то образом ублажить их. К ним же обращались «за помощью» в том случае, если хотели сделать что-то «противное Богу»: «…я сам умею причитывать…я не какой-

нибудь такой…меня и водяной дед знает, и лесовой дед…меня знают русалки…и ведьмы…и кикиморы…» [7, с. 283].

Местом обитания таких духов в романе выступает, во-первых, Поганая Лужа: «…было топкое и непроходимое болото, которое народ прозвал Поганою Лужей…Поганая Лужа сделалась достоянием силы нечистой» [7, с. 244]; во-вторых, это мельница, хозяином которой является человек, имеющий связь с «нечистой силой», умеющий гадать, предсказывать будущее, делать заговоры и т.д.

Болото в славянской картине мира всегда ассоциировалось со злыми духами – это их пространство. Язычники приносили жертвы на болотах, чтобы умилостивить их. Поганая Лужа в романе является пространством «нечистой силы», местом, где совершались многие преступления: «Много чудесного рассказывали про это место. Дровосеки боялись в сумерки подходить к нему близко. Уверяли, что в летние ночи над водою прыгали и резвились огоньки, души людей, убитых разбойниками, брошенными ими в Поганую Лужу» [7, с. 244].

Особую роль в пространственной модели в романе играет мельница. Известно, что в славянской картине мира она всегда представлялась как «тёмное местом» пребывания «нечистой силы». Как правило, мельницы располагались в некотором удалении от деревни, возле реки, с помощью которой механизм приводился в действие. Постоянное движение, использование природных стихий (ветра, воды), превращение одного вещества в другое вызывали неоднозначное отношение к ним, чаще всего страх. Считалось, что мельник общается с нечистой силой и способен совершать ритуальные действия, в которых она оказывает особую помощь: «…Да разве ты не знаешь, князь, что нет мельника, которому бы нечистый не приходился сродни?» [7, с. 175]. Именно таким местом является мельница в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный». За помощью к «нечистой силе» обращаются те герои романа, которые заведомо погубили душу, осознают это: Вяземский, Басманов. Они прибегают к колдовству, заговорам, с помощью которых осуществляется связь с миром злых духов, нечистой силы. Зоной «пересечения» этого мира и потустороннего являются заговоры и колдовство. Сюжет романа показывает, что многие «предсказания» сбываются, но все герои признают, что Суда Божьего никому не удастся избежать даже с помощью нечистой силы: «Ангелы стоят за старика…небесные силы стоят за него; трудно будет заговорить твою саблю!» [7, с. 373]. «Как ни желал Иван Васильевич погубить Морозова, но просьба его была слишком справедлива. Царю не захотелось в божьем суде прослыть пристрастным» [7, с. 382].

Связь с Царством Небесным тоже представлена в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный», осуществляется она с помощью молитвы и покаяния. Неоднократно в произведении показано то, что молитва играет большую роль в жизни людей, она способна изменить как участь праведников, так и грешников в этом мире и на том свете. Покаяние приводит их не в ад (как они того заслуживают, согласно воле обычного человека), а в рай. Но такой «переход» из одного концептуального пространства в другое возможен только при глубоком покаянии и осознании своей греховной сущности любым человеком. Иоанн, в чьей Божественной сущности уверены все герои, призывает Господа: «Именем Бога живого…если вы бесы, насланные вражьею силою, - сгиньте! Если вы вправду души казнённых мною – дожидайтесь Страшного суда Божия! Господь меня с вами рассудит!» [7, с. 237]. Онуфревна также говорит о возможном спасении Иоанна, несмотря на великие смертные грехи, совершенные им: «…хоть велики грехи твои, а благость-то Божия больше! Только покайся, да впредь не греши! Вот и я молюсь, молюсь о тебе и денно и ношно…уж лучше сама в рай не попаду, да тебя отмолю…» [7, с. 234]. «Потусторонний мир» является к царю в образе душ людей, невинно загубленных им, душа его находится в страшных муках, он обращается к Господу: «Боже, помилуй мя, грешного! Помилуй мя, смрадного пса! Помилуй мою скверную голову! Упокой, Господи, души побитых мною безвинно!» [7, с. 238]. Царь служит панихиды, молится сам, но не останавливается и всё больше совершает свои злодеяния.

Таким образом, картина мира в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» имеет сложную иерархическую структуру.

Список литературы

1. Веселовский А. Н.// Разыскания в области русских духовных стихов, СОРЯС, т.28, №2, СПб, 1881.

2. Гореликов Л.А., Лисицына Т.А. Русский путь. Опыт этнолингвистической философии. В 3-х частях. Ч. 2. Великий Новгород, 1999.

3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. 350 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М., 1981.
5. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
6. Постовалова В.И. Картина жизнедеятельности человека//Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
7. Толстой А.К. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1963. 598 с.
8. Топорова Т.В. Семантическая мотивировка концептуально-значимой лексики в древнеисландском языке. Автореф. дис…канд.филол.наук. М., 1986.
9. Яценко Л.В. Научная картина мира как компонент современного мировоззрения. Обнинск, 1983.

Об авторе

Печёнкина Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Olya_bryansk@mail.ru

УДК 882

ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТА В ПОВЕСТИ АНАТОЛИЯ ГЛАДИЛИНА «ХРОНИКА ВРЕМЕН ВИКТОРА ПОДГУРСКОГО»

Родимкина В.С.

В статье рассматривается повесть Анатолия Гладилина «Хроника времен Виктора Подгурского» как произведение, относящееся к «молодежной прозе» времен «оттепели». Анализируется изменение типа конфликта в повести: от конфликта «производственной прозы» к столкновению советского коллектива и личности.
Ключевые слова: молодежная проза, коллектив, «оттепель», «шестидесятники», конфликт, производственная проза.

THE TYPOLOGY OF THE CONFLICT IN THE STORY OF ANATOLY GLADILINA "CHRONICLE OF VICTOR PODGURSKY"

Rodimkina V.S.

The article deals with the story of Anatoly Gladilin "Chronicle of Victor Podgursky" as the product relating to "youth prose" of the "ottepel'". We consider the change in the type of conflict in the novel: the conflict "manufacturing fiction" to the clash of the Soviet collective and the individual.
Keywords: youth prose, team, "ottepel'", "sixties", the conflict, production prose.

Конфликт в художественных произведениях советской литературы как литературоведческая категория вызвал интерес у исследователей еще в 50-60-е годы. Демина заметила, что в рассказы, повести, романы того времени подвергались сильнейшей трансформации: от полной «бесконфликтности» до драматического художественного конфликта. «Полная и объективная картина литературного процесса этого времени представляется в единстве исследования проблемы конфликта и «бесконфликтности» в двух концептуальных направлениях прозы - деревенской и производственной…», - заметил современный исследователь [1, с. 237].

Проза Анатолия Гладилина, первая повесть которого была напечатана в 1956 году, не была «бесконфликтной», и её уже нельзя назвать в полной мере производственной. В раннем творчестве, несомненно, можно усмотреть отголоски производственной прозы, однако затем Гладилин уходит от темы «сильного руководителя» к внутренним и социальным конфликтам «молодежной» прозы: «Герои «Хроники…», действие которой происходит в 1953 году, – выпускники школы, они не сразу находят свою дорогу в жизни. Одни из них без дела фланируют по московским улицам, другие убивают время в барах, торчат в подворотнях. Однако все эти «стиляги» и «пижоны», отмечает писатель, вскоре поедут на целинные земли либо пойдут служить в армию, устроятся работать на завод или поступят в институт и станут полезными гражданами страны»[2].

Эпоха писателя уже не признает режима тоталитарности, а движется в сторону свободы личности. Проза автора «Дыма в глаза», «Вечной командировки» – проза молодежная. Герои произведений А. Гладилина полные жизненных амбиций молодые люди - это Виктор Подгурский, Нина Истрина («Хроника времен Виктора Подгурского»), Вовка Андрианов («Бригантина поднимает паруса»), Руслан Звонков («История одной компании»).

Как мы знаем, конфликт – это противостояние, столкновение идей, мировоззрений и характеров в произведении. Демина отмечает, что художественный конфликт является способом познания жизненных конфликтов различными средствами искусства. «Многообразие конфликтов в художественном произведении отражает сложность познаваемой жизни» [1, с. 22], а также, что «в каждом конкретном случае он [конфликт] трансформируется в связи с определенной спецификой жанра, отражая те или иные его признаки, особенности», - замечает она [1, с. 28].

В повести «Хроника времен Виктора Подгурского», опубликованной в журнале «Юность» в 1956 году, многообразие конфликтов просматривается в полной мере. «Хроника…» оказалась одной из первых повестей, с которых началась «молодежная» литература времен «оттепели». Сергей Довлатов в своем эссе заметил: «Аксенов и Гладилин были кумирами нашей юности. Их герои были нашими сверстниками. Я сам был немного Виктором Подгурским. С тенденцией к звездным маршрутам...

Мы и жить-то старались похожим образом. Ездили в Таллинн, увлекались джазом...

Аксенов и Гладилин были нашими личными писателями. Такое ощущение не повторяется» [3, с. 87].

Необходимо заметить, что предшествующие этому событию года, а именно – 40-е, начало 50-х – это время царствования производственной прозы. В этот период кристаллизовался стереотип поведения советского человека. Он не мог существовать обособленно, отдельно от рабочего коллектива, не мог достичь успеха самостоятельно, не мог считаться достойным гражданином своей страны, не приняв действующие законы государства. «Герой как функция некоего надличного процесса, человек, обретший себя в «ячейке» существующего миропорядка, на работе, на производстве, определил собой производственный роман – один из главных, принципиальных жанров в системе развитого соцреализма» [5, с. 314].

Однозначное представление о советской действительности дают статьи, опубликованные в печати: «Никогда еще в истории человечества не было такого единого и сплоченного коллектива тружеников, как в нашей стране. Объединенные одной целью, видя свое счастье в счастье своего народа, советские люди под руководством партии Ленина-Сталина проявляют чудеса трудового героизма. В нашей стране давно установлен принцип коллективной работы, при котором личный успех всегда успех коллектива, и наоборот. И всегда у нас на стороне трудового, прогрессивного, нового стоит не один человек, а коллектив и если писатель не показывает этого, он неизбежно искажает нашу действительность» [6, с. 157].

Таким образом, для писателей того времени сформировался определенный стереотип повествования, которому необходимо было придерживаться. Часто это герой «оступившийся», который вдруг ставит свои интересы выше интересов рабочего коллектива. Затем обязательный процесс перевоспитания, при котором герой, покинутый товарищами, понимает свои ошибки и снова находит свое место в коллективе:

«Стереотип приводил к исчезновению внутренней убедительности и содержательности образов, вместо обстоятельного психологического анализа происходило обозначение мыслей, чувств героев. Их внутренний мир сопрягался с событиями, несущими моральный, дидактический оттенок (радостное чувство причастности к коллективу в труде, в быту, отношениях с товарищами, любимой девушкой, и те же самые события, пронизанные чувством тоски, одиночества, когда герой отрывается от коллектива, - и наконец, нравственное возрождение – перевоспитание) [7, с. 23-24].

Подобный стереотип сразу же вызвал отторжение у авторов «молодежной прозы».

Сюжет повести Гладилина «Хроника времен Виктора Подгурского» знакомит нас с живущим в Москве молодым человеком в мрачный дождливый августовский день. Герой окончил школу, но не прошел по конкурсу в институт. Этот факт пробуждает в Викторе злобу и обиду. Но по приведенному портрету героя нельзя сказать с первого взгляда, что его может что-то опечалить, расстроить: «Он был без шапки, в синем, накрепко подпоясанном плаще, воротник поднят, руки глубоко засунуты в карманы. Это создавало ощущение собранности, физической крепости. Распрямив плечи, он шел, как будто вбивал каждый шаг в мягкий асфальт, как будто его ботинки были чугунными и от их поступи дрожала улица» [4, с. 8]. Герой открыто демонстрирует сильный, твердый, несгибаемый характер.

Однако как только Виктор видит афишу о приеме студентов в Энергетический, Бауманский, Авиационный институты, читателю становится понятно, что он все же обижен: «Глаза его застыли. Он шагнул к афише… В горле защекотало. Виктор прикусил губу, вынул руку из кармана и сосредоточенно, словно это было его привычным занятием, стал срывать афишу…Виктор зашагал дальше, скривив рот в усмешке» [4, с. 8].

После этого герой звонит домой девушке Нине, удивляясь, как сильно бьется его сердце. Нины дома не оказывается, и герой как никогда чувствует свое одиночество. («И даже ребят нет в Москве. Димка и Ленька на даче, Вовка в Ленинграде.

Один») [4, с. 9].

Горькая ирония довольно типична для Виктора Подгурского. Все его стремления направлены на воссоздания образа некой личности, которой он, по сути, не является. Его роли довольно разносторонние: это и саркастичный герой, и обиженный подросток, и несчастный влюбленный. Подобного рода изображения персонажей были характерны для произведений советской прозы 60-х годов. Как отмечает А.В. Шаравин, характеризуя появившиеся во второй половине XX века городские рассказы А. Битова, Ю. Трифонова и др.: «Предпринятые прогулки-путешествия по городу – это прежде всего расширение границ существования человека в ре-

альности, первые робкие попытки выйти за обозначенные эпохой пределы. В герое рассказов-путешествий «прорастает», раскрывается именно некто «другой», который полемизирует со всем утвердившимся: с прописными истинами, мудрыми мыслями, лозунгами страны и эпохи» [9, с. 257]. Виктору Подгурскому кажется, что он на «обочине жизни»: все его товарищи учатся в институте, влюбленность его в Нину не находит ответного отклика. Все обстоятельства приводят к одиночеству героя.

В повести Виктор Подгурский часто представлен читателю со стороны, с описания прохожих и незнакомых людей: «Женщина вошла в подъезд и вздрогнула. В темноте стоял человек и курил. И, наверное, это был страшный человек, стоявший с определенной целью. Он не спускал глаз с освещенных окон первого этажа в доме напротив. Женщина успела заметить, что человек одет в ковбойку с расстегнутым воротом. Волосы его спадали на лоб. Такую прическу обычно носят хулиганы.

Человек – на вид ему было лет двадцать – внимательно оглядел ее. Ноги женщины сделались деревянными» [4, с. 10].

Герой сам создает эту отчужденность, старается вызвать тревогу у посторонних и даже страх. «Человек в подъезде выкуривал папиросу за папиросой, кулаки его сами сжимались…»[4, с.11] . При встрече с Ниной Виктор не старается вести себя дружелюбно, а словно срывается на ней, саркастично и зло подшучивая, что снова держит его в стороне, обособленно, подводит к одиночеству.

1 сентября для героя трагический день. День, когда тысячи юношей и девушек пойдут учиться в институт, но не Виктор. Он, конечно же, не единственный, кто не поступил в институт в 1953 году. Очень многих этой осенью постигло разочарование. Не поступить в институт для этого времени было чуть ли не позором: «…большинство восприняло свою неудачу как трагедию» [4, с. 23]. Растерявшаяся молодежь, среди которой было много хороших учеников, просто не знала, куда себя деть. Искать работу? Засесть за учебники? «И вот в Москве на улице Горького появились кучки пестро одетой молодежи – «стиляг», убивающих свое время по ресторанам и в коктейль-холле», - отмечает автор повести [4, с. 24].

Вайль и Генис в книге «60-е. Мир советского человека» иллюстрируют, как на это явление отозвалась общественность, в частности Евгений Евтушенко:

«*Ширится и растет борьба с бездельниками и тунеядцами:*
Закон у нас хороший есть:
«Кто не работает – не ест!
Молодежь живо интересуется Западом:
Этой девочке ненавистен
мир – освистанный моралист.
Для неё не осталось в нём истин.
Заменяет ей истины – «твист» [5, с. 33].

«Стиляги» - оппозиционеры с другими взглядами, протестующие против серости и рамок советского общества. Подгурский же – индивидуалист, бунтарь скрытый. Его протест против общества, любви выражается в его отношении к матери, к Нине, к товарищам.

Виктор не может ни в чем найти себе применение. Все попытки заняться полезным делом ничего не приносят: «Виктор утешал себя, что, мол, не работая, он лучше подготовится к институту, но фактически ничего не делал. Первую неделю он пробовал заниматься, но потом решил, что еще успеет» [4, с. 26].

В противопоставление Виктору, который не знает, чем себя занять, Гладилин показывает будни молодежи поступившей в институт, а именно Нины. Девушка занята в институте, на внеучебных мероприятиях, ходит в театры, кино и вопрошает:

«Почему в сутках всего двадцать четыре часа, а не тридцать? Кроме черчения, у меня сегодня репетиция и волейбол. Когда я все успею?» [4, с. 37].

Переломный момент повести – прекращение каких-либо отношений с Ниной.

«- Витя, - заговорила она приглушенно, - не надо ко мне ходить.

-Так часто? – удивился он. – Но ведь я теперь редко захожу к тебе и не надоедаю.

-Нет, ты не понял. Нам совсем не надо видеться. Понимаешь, совсем. И, мельком взглянув на него, быстро добавила: - Хотя бы первое время» [4, с. 56].

Несмотря на то, что «проблема» разрешается не так, как хотелось бы Виктору, она все-таки разрешается, героя больше не мучает неопределенность. («Я сейчас в каком-то тупике, мне кажется, что я полная беспомощность, бездарность, ни на что не способен. Мне кажется, что за последний год я превратился в кретина. Как все странно…»)[4, с. 58].

Трудности с самого начала представляются герою в виде реальных значимых проблем – бандиты, штурмовые атаки, снежные походы, но никак не в виде уныния, грусти, ненужности, не в виде разбитого сердца. Виктор сосредотачивается на том, что имеет – на работе в заводской

лаборатории.

Конец повести выдержан в духе 30-х – 40-х годов, где герои становились полезными обществу, достигали всего своим трудом, своими усилиями, где рабочий человек всегда остается «коллективистом». Работая на заводе, казалось бы, Подгурский сможет влиться в коллектив, стать частью целого, но и здесь он «не такой». Обособленностью герой отличается от героев производственной прозы, основной целью которой было «…заклеймить индивидуализм (все герои, обладающие этой чертой, оказываются в лучшем случае неприятными людьми), показать превосходство советского коллективизма» - заметил в своем исследовании Шаравин А.В. [8, с. 28].

Виктор не входит в коллектив по советским законам, а завоевывает место в нём. Например, пытается самостоятельно собрать сложный аппарат, несмотря на неудачи его опытного начальника: «Сборка закончена. Аппарат включен. Виктор, сжав в руке ключ, наблюдает за приборами сузившимися от волнения глазами. Так, зашевелились стрелки. Мерно заработали насосы. Шум стихает, и спокойно, как ни в чем не бывало, загорается сигнальная лампочка.

Виктор заходил по комнате. Он чувствовал в себе прилив необыкновенных сил. Черт возьми, он, «неопытный мальчишка», смог собрать сложнейший аппарат! …» [4, с. 76].

Виктор не собирается становиться частью коллектива, он, прежде всего, пытается сохранить свою индивидуальность; доказывает, что смог бы занять в нем достойное место среди сотрудников. Герой участвует в турнире по шахматам, в соревнованиях по лыжам, делает успехи в работе. Виктор принимает это все как личные достижения, а не как достижения коллектива.

В Подгурском есть притяжение: к нему тянутся люди – Аля, его товарищи, Нина, которая была готова с ним расстаться, но позже возвращается. Однако Виктор уже не желает становиться зависимым от любви, как старается он не зависеть от «общего дела». И это полностью противоречит действиям героев прозы производственной, в которой «…мы никогда не найдем здесь хотя бы одного немаркированного, немеченого человека: он колхозник, инженер, конструктор, пионер, октябренок, спортсмен (и то лишь для того, чтобы быть готовым «к труду и обороне»). Он – существо о-пределенное, вписанное в готовый миропорядок, у него нет собственных, личностных границ, и иным он быть не может в принципе – таковы законы метода», - пишет Константинов [7, с. 317].

В «Хронике времен Виктора Подгурского» прослеживается социальная невостребованность и одиночество героя - явления, воплощенные молодежной прозой того времени. Виктор – собирательный образ только зарождающегося поколения «шестидесятников». Поколения, которое настроено против общества, несет в себе конфликт с коллективизмом, с ценностями развитого социализма.

Список литературы

1. Демина Л.И. Эволюция конфликта в русском литературном процессе 50-60-х годов XX века: Диссертация доктора филол. наук, Краснодар, 2002. 367 с.

2. Саватеев Вячеслав. Измученные соцреализмом. О «молодежной» прозе периода «оттепели» 60 лет спустя.//МОЛОКО. 2016. №1.

3. Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы. Санкт-Петербург: Азбука, 2012. 256 с.

4. Гладилин А. Хроника времен Виктора Подгурского. Бригантина поднимает паруса. М.: Советский писатель, 1961. 204 с.

5. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 1998, с илл. 368 с.

6. С разных точек зрения: Избавление от миражей: Соцреализм сегодня. М.: Советский писатель, 1990. 416 с.

7. Константинов Е. О конфликтах действительных и мнимых.// Звезда. 1952. №2. С. 157.

8. Шаравин А.В. Становление творческой индивидуальности Ю. Трифонова: Диссертация канд. филол. наук, Москва, 1990. 202 с.

9. Шаравин А.В. Модификации жанра городского рассказа 60-90-х гг. Вестник Брянского государственного университета. 2013. №2. С. 256-264.

Об авторе

Родимкина Виктория Сергеевна – аспирант 2 курса, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, rodimkinav@mail.ru

УДК 821.161.1

МОТИВ «СМЕРТИ» В «СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ» И.С. ТУРГЕНЕВА И ЛИ НИ

Сай На

В статье на примере творчества известного китайского писателя Ли Ни (1913–1968) рассматривается вопрос о влиянии И.С. Тургенева на жанр «стихотворений в прозе» в китайской литературе. Автор анализирует один из наиболее репрезентативных мотивов стихотворений в прозе Ли Ни – мотив смерти – и показывает его связь с тургеневскими «Стихотворениями в прозе» и «Записками охотника». У обоих писателей «смерть» оказывается сюжетообразующим и организующими структуру текста началом, проявлением общих законов бытия, а размышления о социальной несправедливости и будущем человечества сопрягаются с философскими раздумьями о жизни и смерти.
Ключевые слова: история русской литературы, история литературных взаимосвязей, тургеневская традиция, стихотворения в прозе, мотив «смерти», творчество Ли Ни.

THE MOTIF OF “DEATH” IN “POEMS IN PROSE” BY I.S. TURGENEV AND LI NI

Sai Na

The article deals with I.S.Turgenev’sinfluence on the genre of “poemsin prose” in Chinese literature on the example of creativity of Li Ni (1913-1968). The author analyses one of the most representative motifs in Li Ni’s “poems in prose” – motif of death – and shows its connection with Turgenev's “Poems in prose” and “The Hunting Sketches”. Both writers treat the“death” as the plot-and organizing text structure beginning, a manifestation of the general laws of life;their reflections on social injustice and human future always connectwith a philosophical meditation about life and death.
Keywords: history of Russian literature, history of the literary interconnection, Turgenev’s tradition, poems in prose, motif of “death”, Li Ni’s works.

Начало XX века в Китае стало временем пробуждения интереса к русской литературе и, в особенности, к творчеству И.С. Тургенева. Это было связано с историческими событиями: революционным «Движением четвертого мая 1919 года», которое ознаменовалось борьбой с интервенцией иностранных государств в Китае и преодолением культурного традиционализма. Китайская интеллигенция обратилась к западной литературе и обнаружила в творчестве И.С. Тургенева близкие ей по духу идеи социального преобразования.

Большую роль в становлении новой китайской прозы в первую половину XX века сыграли «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева. Интерес к этому произведению русского классика возник в 1915 года, когда появились переводы первых четырех тургеневских стихотворений в прозе в журнале «Круг рассказов в Китае». До 1949 г. тургеневские «Стихотворения в прозе» переводятся из года в год и переиздаются, и лишь с началом «культурной революции» этот процесс идет на спад [13, с. 46–47]. Появление большого числа переводов, несомненно, содействовало влиянию этих текстов на китайскую литературу. Среди писателей, для которых тургеневские образы и мотивы стали «своими», следует в первую очередь указать на классика китайской литературы первой половины XX столетия Ли Ни (Го Аньжень; 1909 – 1968). Ли Ни был и переводчиком Тургенева, и новатором, открывшим новые пути для китайской прозы. Как переводчик Ли Ни все свои силы отдал тургеневским романам – «Дворянскому гнезду» и «Накануне». Хотя он не переводил «Стихотворения в прозе», но их они оказали на его творчество огромное воздействие.

Творчество Ли Ни, к сожалению, неизвестно российским тургеневедам, а оно теснейше связано с тургеневским наследием: изданные им три сборника: «Вечерний дар» (1935), «Песня о соколе» (1936) и «Белые ночи» (1937), навсегда обеспечившие ему место среди классиков китайской литературы, были сборниками стихотворений в прозе. Обращение Ли Ни к «Стихотворениям в прозе» И.С. Тургенева также можно объяснить близостью художественных методов писателей. Движение творческого пути Ли Ни, протекающего в эпоху модернизма в китайской литературе, проходило от романтизма к реализму. В его первом сборнике «Вечерний дар» сильны романтические тенденции, а в двух последующих сборниках отмечается влияние реалистической поэтики. И.С. Тургенев, вошедший в историю русской литературы как один из ярчайших представителей реализма, тем не менее, обратился к жанру стихотворений в прозе, близкому по своей природе жанру романтического фрагмента [6, с.98]. Ли Ни всю жизнь восхищался мастерством Тургенева, его привлекало то, что тургеневские тексты пронизаны «поэзией, светом и чистотой»,

«лиричностью и меланхолией» [3, с. 7]. Последнее было особо близко Ли Ни, признававшемуся: «В моих чувствах всегда есть тихая грусть» [5, с. 207].

В связи с тем, что творчество И.С. Тургенева хорошо изучено российскими литературоведами, объектом нашего анализа в большей степени станут стихотворения в прозе Ли Ни. Проблема творческого влияния И.С. Тургенева на Ли Ни только начинает изучаться, и данная работа является одним из эпизодов дальнейшего исследования.

В трех сборниках Ли Ни можно выделить пять ведущих мотивов, общих с тургеневской последней книгой: 1) изложение авторских эстетических принципов; 2) злободневные, общественно-социальные размышления; 3) раздумья о родине и судьбе русского народа; 4) любовь к женщине; 5) ожидание приближающейся смерти. Более подробный мотивный анализ был проведен нами в работе «Тургеневская традиция в творчестве Ли Ни» [8, с. 80–87]. В настоящей статье мы хотели бы обратить особое внимание на последний мотив, так как он теснейшим образом связан и с эстетическими представлениями Ли Ни, и с его взглядами на «старый Китай», и с его собственной биографией.

Ли Ни недаром называют певцом «скорби» и «горя». Минорные интонации в стихотворениях в прозе Ли Ни не художественный прием. Молодым человеком он пережил личную драму. Любимую девушку выдали замуж за другого, он не решился помешать этому, а девушка, несчастная в браке, быстро умерла. После ее смерти Го Аньжень взял в качестве литературного псевдонима ее имя, чтобы оплакивать ее всю оставшуюся жизнь. Воспоминания об этой несчастливой любви имели для самого Ли Ни определенное сходство с любовной трагедией героев «Дворянского гнезда» – Лизы и Лаврецкого. В самоидентификации Ли Ни с Лаврецким, в этой автопроекции таится объяснение, почему китайскому писателю был так дорого именно этот тургеневский роман и почему он трижды переводил роман на китайский язык – в 1928 г., в 1937 г. и в 1955 г. Вместе с тем история юношеской любви Ли Ни объясняет, почему звучащие в его стихотворениях в прозе мотивы «воспоминания о давней любви» и «смерти» так тесно связаны. Это эхо его личных переживаний, но одновременно это и дань тургеневской традиции, в первую очередь «Стихотворениям в прозе», где эти мотивы играют очень важную роль.

В стихотворениях в прозе «Дар китайской розы» (1932), «Вечерний дар» (1930), «Утрата» (1932) Ли Ни вспоминает рано умершую подругу. Нужно сказать, что исследователями И.С. Тургенева неоднократно подчеркивалась противоречивость концепции любви в творчестве писателя. М.А. Петровский отмечал родство любви и смерти, «некое смертоносное значение» [7, с. 88] любви у Тургенева. Как и в тургеневской «Розе», в «Даре китайской розы» Ли Ни видит в любви двойственность: и источник счастья, и как источник страдания, смерти. Те же мотивы мы находим в стихотворении в прозе, в название которого вынесено имя героини – «Лалишаньда» (1932). Здесь рассказывается история любви девушки-пастушки и сына торговца. Ради любви они покидают свои семьи, ведут бродячую жизнь. Спустя пять лет девушка заболевает и умирает в бескрайнем поле, а вместе с ней исчезает с лица земли и любовь, которую они добивались с таким трудом. В стихотворении «Печальная девушка» (1932) наиболее явственно выражено отчаяние автора: «Я чувствую, что смерть для меня является б***о***льшим счастьем, я чувствую, что жизнь не имеет смысла» [4, с. 30]. Он даже начинает прославлять смерть, призывать ее многократными повторами, как в стихотворении «Досада» (1930): «Лучше уж умереть. Умерев, можно сразу отрешиться от всего. Как только глаза перестанут видеть, можно сразу отрешиться от всего» [4, с. 64].

Мысли о смерти заставляют Ли Ни, как и Тургенева, задуматься о судьбе всего человечества. Оба писателя обращаются к изображению конца мира, вскрывают царящую в отношениях между людьми безучастность. Особенно это очевидно в стихотворении в прозе «Долгая ночь» (1932), на создание которого, очевидно, вдохновил китайского писателя тургеневский «Конец света». В «Долгой ночи» Ли Ни сожалеет, что люди так равнодушны и бесчувственны друг к другу, все они создали себе собственный внутренний мир и не хотят понимать чужой даже перед лицом смерти: все они «погружены каждый в свою собственную печаль, хотя все они и ощущают в глубине невыносимо тяжелое бремя друг друга, но отказываются говорить об этом, утешить друг друга» [4, с. 41]. И именно в этот момент у Ли Ни, как и у Тургенева возникает страх смерти, после которой «темнота... темнота вечная» [11, с. 134].

У Ли Ни, как и в тургеневских стихотворениях в прозе «Конец света», «Насекомое», «Природа», мотив смерти часто объединен с мо-

тивом сна. Самым характерным с этой точки зрения является «Прерванный сон и разочарование» (1932). В этом тексте «сон» имеет символическую функцию – он в представлении автора символизирует идеальный мир, тогда как реальность, словно тяжелый кусок железа, давит ему на сердце, заставляя испытывать боль и издать вопль отчаяния: «Божественность и чудо не смогут снова появиться перед нами, а наши кровь и слезы оказываются лишь бесполезными для нас жертвами. Лишь во сне мы можем достичь желаемого…» [4, с. 47]. Для Ли Ни реальный мир – главная причина гибели мечты, это пространство безнадежности и смерти.

Если в сборнике «Вечерний дар» – личное, автобиографичное выходило на первый план, если это был «вечер» любви и «вечер» жизни самого автора, то в сборниках «Песня о соколе» и «Белые ночи» Ли Ни от «личной трагедии» переключился «к жестокому миру», его слезы «уже не слезы отдельного человека», а плач «по своей Родине» [12, с. 104], от чистой лирики к лиро-эпике. Основными мотивами здесь становятся город, деревня и революция, а главными героями – крестьяне, рабочие, интеллигенты, задыхающиеся, борющиеся и гибнущиепод гнетом социальной несправедливости. В этом также сказывается продолжение традиций Тургенева, который выводил в «Стихотворения в прозе» образы простых людей – укажем на такие, как «Милостыня», «Щи», «Повесить его», «Маша» и т.д. Автор акцентирует внимание на изображении бедности городского пролетариата, упадке и загнивании эксплуатирующего класса. В стихотворении в прозе «Лицо без определенного занятия» (1934), «Ночлежка» (1934), «Шумный рынок» (1934), «Тень» (1936) Ли Ни рассказывает о рабочих, покинувших родину и приехавших в город зарабатывать на жизнь тяжелым физическим трудом: они теряют работу, безжалостно эксплуатируются и угнетаются; в страданиях от невыносимой бедности меняются и их сильные тела. В «Ночлежке» автор рисует положение людей из низших слоев общества в одной городской ночлежке: одну, «похожую на сумасшедшую», «истощенную, будто приведение» [4, с. 116] старуху, которая разыскивает своего сына, приехавшего в город в поисках работы, но пропавшего без вести; и рабочих из городских низов, которые каждый день ждут выдачи зарплаты, но чаще всего произносимая ими в этой мрачной, грязной маленькой ночлежке фраза – это «Завтра! Завтра будет тем днем, когда выдадут зарплату» [4, с. 119]. Сочувствуя городскому пролетариату, Ли Ни выставляет напоказ недостойные поступки людей из высших слоев городского общества. Например, в «Тени» он рассказывает историю о богатом и влиятельном мужчине, обманывающем и насилующем бедную больную девушку, доводящем ее своим преступлением до самоубийства.

В «Сосновом лесе» (1934) повествование о горестной судьбе крестьянской семьи также сопряжено с мотивом самоубийства. Оказывается, сосновый лес на юге деревни – это место самоубийства для тех, кто не смог заработать себе на жизнь. Когда дед в 52 года заболевает и не может больше работать, он вешается в сосновом лесу. Когда отец в 42 года тоже заболевает, он повторяет судьбу деда. Теперь перед их потомком – юным «Я» – стоит дилемма: «Передо мной лежат два пути: отец и дед указали мне один путь» [4, с. 100]. «Я» находит в себе силы пойти другой дорогой – он едет искать своей судьбы в городе, хотя городская жизнь «старого Китая» не менее тяжелая.

Таким образом, Ли Ни не только описывает умирание «старого Китая», но и предлагает «рецепт» преодоления смерти, который неразрывно связан с рождением нового сознания, духовным раскрепощением человека, с духом сопротивления. Недаром во втором и третьем сборниках Ли Ни появляется новая тема – тема революции. Тут надо обратить внимание на два текста, давшие названия этим книгам: это стихотворения в прозе «Песня о соколе» (1934) и «Белые ночи» (1936). В последнем ночь с былым туманом символизирует канун восстания рабочих, а в первом автор сравнивает молодую героиню, полностью посвятившую себя революции, с высоко взлетевшим соколом. Это произведение восходит к самому известному из тургеневских политических стихотворений в прозе – к «Порогу», героиня которого готова умереть для старого мира, пожертвовать всеми прежними ценностями ради новой жизни – революции.

При этом размышления о социальной несправедливости у Ли Ни оказываются теснейше связаны с философскими раздумьями о жизни и смерти. Обращаясь к гибнущим деревням старого Китая и трагическом положении крестьян, в стихотворении в прозе «Широкие поля» (1934), он представляет саму землю и как рождающее лоно, и как поглощающую человеческую жизнь бездну: «Пахотная земля – одна огромная колыбель, и в то же время – одна древняя могила. Пахотная земля всегда окутана безмолвием... Дед

возделывал эту землю, отец возделывал эту же землю. Бесчисленное множество поколений работало на одних и тех же полях, получая то же вознаграждение» [4, с. 95].

Особый интерес представляет случай, когда то или иное стихотворение в прозе Ли Ни порождено тургеневскими произведениями иных жанров. Китайский литературовед Ли Ли точно подметил, что при чтении Ли Ни постоянно чувствуется тайная связь не только с тургеневскими «Стихотворениями в прозе», но и с «Записками охотника» [2, с. 54]. Недаром известный китайский литературный критик Ван Цзяньчжао подчеркивал: «При создании прозаических произведений Ли Ни без сомнения извлек огромную пользу из лирического опыта “Записок охотника”, “Стихотворений в прозе”» [1, с. 129].

Самый наглядный пример – это влияние рассказа Тургенева «Смерть» из «Записок охотника» на стихотворение в прозе Ли Ни «Святой» (1936).

В «Смерти» рассказчик вспоминает о несчастливой судьбе своего друга – Авенира Сорокоумова, у которого был добрый и мягкий характер, который работал частным учителем, безропотно снося эксцентричные просьбы и насмешки своего нанимателя. Авенир любит стихи и рассказы, у него нежное сердце, его легко может растрогать и даже довести до слез сюжет книги. Он обладает чистой, как у ребенка, душой, все прекрасное вызывает в нем благородное сочувствие. Однако, чтобы заработать на жизнь он приезжает в деревню, где в одиночестве и уединении заболевает чахоткой и, в конечном итоге, умирает. В «Святом» Ли Ни также использует форму воспоминаний, с глубокой симпатией рассказывая о несчастной участи своего друга. Описанный Ли Ни друг, тоже является добрым, бескорыстным сельским учителем. Он живет очень бережливо, а все сэкономленные деньги отдает деревенским детям. Он жадно читает газету, он может быть до слез растроган книгой. Он верит в будущее, ищет свет, обладает чистым, искренним сердцем. Живя рядом с детьми, он способен забывать о своих несчастьях, переносить одиночество, бедность, туберкулез и презрительные насмешки людей. Но туберкулез неумолимо приводит его к печальному концу.

Близость между двумя текстами – тургеневской «Смертью» и «Святым» Ли Ни – просто поражает: сходны и характеры героев, и их несчастливые судьбы, и литературные приемы, и проникновенный лирический тон. Неслучайно в качестве эпиграфа к своему тексту Ли Ни берет слова из «Смерти» Тургенева: «…но одиночество, но невыносимое рабство учительского звания, невозможность освобождения, но бесконечные осени и зимы, но болезнь неотступная... Бедный, бедный Авенир!» [10, с. 204].

Творчество Ли Ни длилось недолго – с 1928 г. до 1938 г. В дальнейшем он занимался переводами, был редактором и преподавателем. В последние годы жизни он мечтал издать перевод Полного собрания сочинений Тургенева, но события «культурной революции» помешали реализации этого замысла. Возможно, что при других исторических обстоятельствах Ли Ни перевел бы и тургеневские «Стихотворения в прозе». Однако хотя этот план не осуществился, именно Ли Ни, благодаря ориентации на Тургенева, сумел «создать новый, живой стиль», давший, как отмечает китайский литературовед Сунь Жижун, «толчок развитию современным китайским стихотворениям в прозе» [9, с. 64]. Думается не будет преувеличением, если мы скажем, что творчество Ли Ни подготовило почву для новой волны интереса к тургеневским «Стихотворениям в прозе», которая началась в Китае в 1980-е годы и продолжается в наши дни [13, с. 46-47]. Герои Ли Ни, как и герои Тургенева, сталкиваясь со смертью, «перестают воспринимать действительность как ряд эмпирических явлений, а видят в ней, в той или иной степени, проявление общих законов - общекультурных и, шире, законов бытия, частью которых и является смерть» [14, с. 137]. Как и у Тургенева, у Ли Ни мотивы, связанные со смертью, зачастую являются «сюжетообразующими, центральными, организующими структуру произведения в целом» [14, с. 138].

Список литературы

1. Ван Цзяньчжао. Художественная эпоха: Тургенев и китайский поэтический роман // Ван Цзяньчжао. Дружба китайской и русской литературы – русская и советская литература и новая китайская литература в 20-м веке. Гуйлинь: Ли Цзань, 1999. С. 125-142. (на кит.яз.)

2. Ли Ли. Анализ и обсуждения влияния Тургенева на прозаическую форму Ли Ни // Исследования по зарубежной литературе. 2010. № 1. С. 53-55.(на кит.яз.)

3. Ли Ни. Вступительное слово переводчика // Тургенев И. С. Дворянское гнездо (перевод). –

Шанхай: Культурная жизнь, 1937. С. 1-10. (на кит.яз.)

4. Ли Ни. Избранные сочинения / Под ред. Сю Жучи. Тяньцзинь: Искусство Байхуа, 2004. 293 с. (на кит.яз.)

5. Ли Ни. Переписка Ли Ни с молодым литератором Ин Зи // Воспоминания о Ли Ни. Пекин: Народная литература, 2006. С. 187-207.(на кит.яз.)

6. Максимова Т.М. Назначение жанра стихотворения в прозе // Вестник ИГЭУ. 2010. Вып. 1. С. 98–103.

7. Петровский М. А. Таинственное у Тургенева // Творчество Тургенева: сб. ст. / под. ред. И. Н. Розанова и Ю. М. Соколова. М.: Задруга, 1920. С. 70–97.

8. Сай На. Тургеневская традиция «Стихотворений в прозе» в творчестве Ли Ни // Вестник Московского государственного областного университета. М., 2017. №1. С. 80–87.

9. Сунь Жижун. Ли Ни и его творчество // Вестник Шанхайского педагогического университета. 1985. № 1. С. 64-69. (на кит.яз.)

10. Тургенев И.С. Записки охотника // Тургенев И.С. Полн.собр.соч. и писем: В 30 т. Т. 3. М.: Наука, 1979. 526 с.

11. Тургенев И.С. Повести и рассказы. 1881–1883. Стихотворения в прозе. 1878–1883. Произведения разных годов // Тургенев И.С. Полн.собр.соч. и писем: В 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1979. 607 с.

12. У Зуокуй. Ли Ни и его проза // Вестник института образования Сюйчжоу. 2000. №. 1. С. 102-111. (на кит.яз.)

13. Чжу Хунцюн. Столетняя история восприятия «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева в Китае // Мир русского слова. 2014. № 1. С. 45 – 48.

14. Шиманова Е. Ю. Мотив смерти в прозе И.С. Тургенева:дис.… канд. филол. наук. Самара, 2006. 156 с.

Об авторе

Сай На – аспирант кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, sai.na@yandex.ru

УДК 82 - 31

ТИП «КОМНАТНОГО ЧЕЛОВЕКА» В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ КОНЦА 1950-Х – СЕРЕДИНЫ 1980-Х ГОДОВ

Старцева И.Л., Хасанова Г.Ф.

В статье выделяется и описывается один из типов героев военной прозы конца 1950 – середины 1980-х годов: тип «комнатного человека». Данный образ генетически восходит к образу русского интеллигента, воплощенному в творчестве А. П. Чехова, В. Вересаева, М. А. Булгакова и др. Предлагается осмысление изменения ряда черт характера данного героя в военной обстановке. "Комнатный человек" становится своим в солдатском сообществе. Таким образом, военная проза конца 1950 – середины 1980-х годов по-новому осмыслила образ русского интеллигента, наметив развитие героя от модели интеллектуала к человеку, активно противостоящему фашизму, воплощающему зло мира.
Ключевые слова: военная проза, типология героев, «комнатный человек», образ интеллигента.

"ROOM MAN" TYPE IN THE MILITARY PROSE OF THE END OF THE 1950s - THE MID-1980s

Startseva I.L, Khasanova G.F.

The article singles out and describes one of the types of the heroes of the military prose of the late 1950s – the mid-1980s: the type of a "Room Man". This image is genetically traced back to the image of the Russian intellectual embodied in the works of A.P. Chekhov, V. Veresaev, M.A. Bulgakov, and others. It is suggested to comprehend the changes in a number of this hero's character traits in the military situation. The "Room Man" gets on the inside in the soldier community. Thus, the military prose of the late 1950s and the mid-1980s interpreted the image of the Russian intellectual in a new way, outlining the development of the hero from the model of an intellectual to a man who actively opposes fascism embodying the evil of the world.
Keywords: military prose, typology of heroes, "Room Man", the image of an intellectual.

Значимое место в типологии героев военной прозы конца 1950 – середины 1980-х гг. занимает тип «комнатного человека». Именно такое определение получает командир второй роты Ильин в рассказе В.П. Некрасова «Судак»: «молчаливый, застенчивый, не привыкший к военным условиям комнатный человек» [1, с. 141].

К данному типу относятся Фарбер (В. Некрасов «В окопах Сталинграда», 1946), Ильин (В.Некрасов «Судак», 1960), Фишер (В. Быков «Журавлиный крик», 1959) и другие персонажи.

До начала войны «комнатный человек» занимался умственным трудом (Фарбер – аспирант математического факультета, Ильин – ихтиолог, Фишер – кандидат искусствоведения). Служение науке или искусству являлось единственным смыслом жизни героя этого типа. Большую часть времени он посвящал чтению книг. Таким образом, «комнатный человек» осознанно и добровольно сузил свое жизненное пространство границами библиотеки или собственной комнаты (кабинета). Общение с внешним миром было сведено к минимуму (узкий круг родственников, друзей или коллег). Например, Фишер до войны не просто «обособился от всего, что не составляло чарующих интересов искусства», но и даже отдалился от родного брата («он не понимал и не очень интересовался братом»).

Оказавшись на фронте, герой испытывает трудности в общении, окружающие часто не могут понять его. Причин, из-за которых «комнатный человек» «тяжело сходится с людьми» несколько.

Во-первых, накопленный опыт «комнатного человека» меньше, чем у других, в том числе ровесников. Показательным является разговор Фарбера со знакомыми командирами:

«Ширяев смеется:

-Ты не подумай, что я хочу тебя испортить. Или ругаться научить. Упаси бог. Просто я не понимаю, как это могло получиться… А плавать ты умеешь?

- Плавать? Нет, не умею.

- А на велосипеде?

- И на велосипеде не умею.

-Ну, а в морду давал кому-нибудь? «…»

-В морду давал, - спокойно говорит Фарбер и встает» [2, с. 60].

Честный и принципиальный Фарбер, чтобы не отличаться от сослуживцев, намеренно вводит их в заблуждение, сказав, что дрался до войны: «…я соврал, когда говорил, что давал в физиономию кому-то». Однако окружающие все равно отмечают его непохожесть на остальных и воспринимают ее как «странность».

Во-вторых, препятствием для начала доверительного общения с людьми становится речь «комнатного человека». Так, Фишер, отвечая старшине Карпенко, употребляет слово

«эксцесс», о значении которого старшина только догадывается. Ильин не приказывает подчиненным, а просит, добавляя «прошу вас», «пожалуйста». Такой стиль общения не только отталкивает окружающих («молодежь «…» после двух-трех попыток к сближению, из которых ничего не вышло, потеряли к нему [Ильину] интерес» [1, с. 415]), но и нередко приводит к негативной реакции с их стороны. Например, командир батальона Вергасов испытывает неприязнь к Ильину только потому, что последний не умеет общаться с подчиненными и начальством так, как подобает кадровому командиру: «Как все здоровые и веселые люди, Вергасов любил таких же веселых и здоровых, как он сам… А этот? Подойти отрапортовать и то не может. … С солдатами разговаривает, точно одолженья у них просит» [1, с. 401].

Чувствуя неловкость в общении, видя реакцию со стороны собеседников, «комнатные люди» становятся замкнутыми и молчаливыми, ощущают себя «белыми воронами», «неполноценными людьми». Например, Фарбер с горечью говорит о себе: «Я вообще туго схожусь с людьми. Или, вернее, люди со мной. Я в сущности малоинтересная личность» [2, с. 62].

Замкнутость и кажущуюся отстраненность от всего происходящего окружающие воспринимают негативно, не понимая истинных истоков подобного поведения: «Молчаливость и замкнутость Ильина он [Вергасов] принимал за гордость, неумение – за нежелание или скорее даже за лень, застенчивость – за презрение к окружающим» [1, с. 402].

Следует подчеркнуть, что замкнутость героя обусловлена не только неумением начать разговор с людьми разных социальных и культурных слоев, но и напряженной работой мысли, постоянным самоанализом.

Во-первых, «комнатный человек», пытается понять причинно-следственную связь происходящих событий. За то, что началась война, за поражения советской армии этот герой винит, прежде всего, себя, свое пренебрежительное отношение к «армейской муштре» в мирное время. Чувство вины тяготит Фарбера: «Я сам виноват. Мне просто было до войны неинтересно заниматься военным делом. На лагерные сборы смотрел как … на крайне неприятную повинность. … Это, видите ли, не мое призвание. Мое дело, мол, математика и тому подобное. Наука…» [2, с. 230].

Во-вторых, происходит переосмысление ценностей и истин, которым до войны самоотверженно служил «комнатный человек».

Например, Фишер, видя, что прекрасное (искусство, которому он служил долгие годы) не может противостоять насилию, защитить все живое, начинает сомневаться в правильности своего жизненного выбора. То, что раньше казалось герою несущественным или ложным, начинает обретать новый смысл. Находясь в окопе, Фишер начинает понимать своего брата, который посвятил свою жизнь самолетостроению и знания которого так нужны людям в это страшное время.

Таким образом, «комнатный человек» не просто склонен к самоанализу, но и к самокритике, предельно требователен к себе.

Несмотря на неумение общаться, «комнатный человек» понимает людей и способен их принять такими, какие они есть. Эта черта является еще одной отличительной особенностью героя названного типа. Так, Ильин, несмотря на постоянные придирки со стороны Вергасова, шутки Коновалова, чувствует не обиду, а симпатию и уважение к этим людям, которые не только храбро воюют, но и живут полной жизнью, находят в ней повод для радости.

Мужество и решительность Карпенко становятся для Фишера «эталоном жизненной годности» и примером стойкости в смертельном бою.

Еще одной отличительной особенностью «комнатного человека» является его неумение жить по уставу. Герой не может привыкнуть к военным условиям, как правило, оставаясь таким, каким был в мирное время. Например, Фарбер, будучи аккуратным человеком, не придает большого значения армейской выправке. В ответ на замечание Керженцева, почему у командира не пришиты кубики, он отвечает: «Для большего авторитета, что ли?».

В то же время невоенный вид и поведение «комнатного человека» не означает, что герой плохо относится к своим обязанностям. «Комнатного человека» отличает аккуратность и стремление качественно выполнить порученное задание.

Создавая тип «комнатного человека», писатели постоянно подчеркивают несоответствие внешнего вида героя (угловатость, физическая слабость) и его внутренней силы, которая появляется в результате напряженной работы над собой. Например, совершенно не приспособленный к войне Фишер решается вступить в бой с

немцами. Герой прекрасно понимает, что, возможно, он даже не сможет попасть в противника из своей винтовки (близорукость, отсутствие навыка стрельбы), однако решает начать свой первый и последний бой с немецкими мотоциклистами, вооруженными пулеметами.

«Комнатный человек» может выступить против зла и несправедливости «в чистом виде». Например, сказать неприятную правду начальству, пожертвовать своей жизнью ради общего дела, однако становится беспомощным и беззащитным в общении с непорядочными людьми, которые совершают подлые поступки под маской добра. Фарбер признается Керженцеву, что не может разоблачить ворующего продукты старшину. С такой же неразрешимой задачей сталкивается Ильин.

Находящиеся на передовой солдаты и командиры не доверяют «комнатному человеку», считая, что во время сражения подобный тип людей может не справиться с поставленной задачей и подвести всех. Это сомнение проявляется, например, в предвзятом отношении к решениям и действиям «комнатного человека» со стороны военного руководства.

Так, антипатия Вергасова к Ильину с личного переносится на служебное. В.Некрасов, описывая будни батальона во время переформировки, показывает, как в одной и той же ситуации действует прирожденный воин (командир роты Коновалов) и «комнатный человек» (командир роты Ильин) и реакцию на эти действия со стороны комбата Вергасова. Подразделения, которыми командуют Коновалов и Ильин, отдыхают после тактических занятий. На этот отдых солдаты имеют законное право. Однако Коновалов на вопрос Вергасова: «А где люди?» обманывает своего командира, отвечая, что солдаты работают. И Коновалов, и Вергасов знают, что это неправда, но делают вид, что все происходит именно так, как представляет командир роты, превращая разговор в игру. Тогда как Ильин на тот же вопрос говорит правду: «Люди отдыхают». Это вызывает гнев комбата, ряд проверок и дополнительных учений в подразделении.

Во время выполнения боевой задачи Ильин проявляет инициативу. Вергасов, который ценит способных пойти на риск людей и окружает себя такими командирами, не просто вмешивается в ход операции, отменяя приказ Ильина, но даже не пытается проанализировать логику действий своего подчиненного.

Карпенко, ставя перед Фишером боевую задачу, ни на секунду не сомневается, что рядовой с ней не справится. Если бы у старшины была возможность выбора, он никогда бы не взял с собой Фишера для выполнения поставленной задачи.

Со стороны простых солдат ироничное отношение к «комнатному человеку» выражено в прозвищах: «профессор», «ученый», «книжный червяк», «судак», «умник», «интеллигент».

Следует отметить, что у большинства героев военной прозы конца 1950-х – середины 1980-х гг. прослеживается неоднозначное отношение не только к «комнатному человеку», но и к интеллигентам в целом.Нередко слово «интеллигент» в речи героев получает негативную окраску. Показательным является диалог Ушакова с Васичем в повести Г.Я. Бакланова «Мертвые сраму не имут» (1961):

«– Видал артиллериста? – Ушаков недобро повеселел. – Дай ему платок слезы утереть. Стоит в таком виде перед командиром дивизиона. Интеллигенция!

– Между прочим, – сказал Васич, – ты тоже интеллигенция. По всем штатным расписаниям. Тем более артиллерийский офицер.

– Брось, брось! – Ушаков погрозил ему шерстяным, в перчатке, коротким пальцем. – Артиллерист, не отрекаюсь. А это ты брось! Ты мне давно эту статью припаять хочешь» [3, с. 286].

Похожая ситуация описывается и в романе Г.Я. Бакланова «Июль 41 года» (1964). Лейтенант Гончаров, разглядывая обмундирование Литвака, которому выдали сапоги ненадлежащего качества, подшучивает над товарищем: «Это он [старшина] для тебя специально подобрал персональные сапоги. Из бросовых. Чтобы каждому виден был в них человек умственного труда. Старшины-сверхсрочники вообще любят студентов. Историков обожают особенно» [4, с. 368].

Приведенные примеры позволяют сделать вывод об ироничном восприятии интеллигента в армейской среде.

Следует отметить, что в военной прозе указанного периода осмысляется не только место и роль интеллигенции на войне, но и выделены типы интеллигентов, ставших военными. Данная типология представлена в повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда». В произведении описываются два типа.

К первому относятся люди, которые не могут адаптироваться к военной жизни. Их «гнетет и мучает армейская муштра, на них все сидит мешком». И только благодаря силе воли, напряженной работе над собой они достойно

исполняют свой долг и заслуживают признание товарищей по оружию.

Ко второму типу относятся те интеллигенты, которым нравится армейский быт (форма, соблюдение иерархии, дисциплина и т.д.). Однако В. Некрасов подчеркивает, что такие люди нередко хорошо осваивают только внешнюю сторону военной жизни, становятся формалистами. Например, Устинов требует четкого соблюдения устава от командиров, не учитывая боевую обстановку. Все его руководство сводится к требованию правильного и своевременного оформления отчетной документации. Поэтому командиры рот сначала подшучивают над поведением своего начальника, а потом начинают тяготиться его присутствием и вмешательством.

Даже положительные герои нередко считают неуместным проявление интеллигентности на войне. Однако они нередко сужают понятие «интеллигентность», понимая под ним только деликатность, вежливость, сомнение в своем праве требовать безоговорочного исполнения приказа. Например, капитан Новиков «ненужной интеллигентной нежностью» считает отеческое отношение со стороны майора Гулько (Ю.Бондарев «Последние залпы»). Борис Ермаков призывает своего друга Кондратьева, который не может противостоять хитрому и эгоистичному старшине Цыгичко, «не щеголять интеллигентностью» (Ю. Бондарев «Батальоны просят огня»).

Часто первая встреча героев с интеллигентом начинается с открытого конфликта. Именно так происходит знакомство Керженцева и командира пешей разведки Чумака (прирожденного воина) в повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда». Причиной ссоры, едва не приведшей к перестрелке, стало нежелание разведчика выполнить требование незнакомого лейтенанта. Несмотря на то, что Чумак все-таки подчиняется приказу, подчинение является формальным (Керженцев старше по званию), и оба участника конфликта это понимают.

Во время второй встречи Керженцев и Чумак стараются не выходить за рамки официального разговора о предстоящей боевой операции, однако Керженцев не может не заметить насмешки во взгляде и в словах командира разведки. Чумак спрашивает Керженцева, не пишет ли тот стихи. В ироническом замечании «вид у вас какой-то поэтический» прослеживается нескрываемое превосходство, которое ощущает командир разведки, только что вернувшийся с вражеской территории, над командиром, находящимся все это время на командном пункте.

Только после совместного рукопашного боя Чумак начинает уважать Керженцева и готов признать это: «Слушайте, комбат… Ведь вы же оказывается… Я думал, вы поэт, стишки пишете… А выходит…».

Таким образом, именно общее сражение становится началом фронтовой дружбы и единственным критерием, помогающим узнать в интеллигенте «своего».

Как и к другим интеллигентам, доверие и уважение к комнатному человеку возникает только после совместного боя.

Так, Керженцев по-настоящему начинает понимать Фарбера только во время боев. Вергасов дружески разговаривает с Ильиным после того, как командир роты успешно выполнил сложное боевое задание.

Для старшины Карпенко бой, который начал Фишер с немцами, стал неожиданностью. Карпенко, опытный военный, прекрасно понимает, что в тех условиях, в которых оказался его боец, нужно отступать, а не начинать смертельный бой:

«– Зачем? Зачем? – не понимая, почему не спасается Фишер, в отчаянии закричал старшина. – Эх ты, раз-зи…

Старшина удивился, ничего не понимая, и вдруг застыл, пораженный необычной стычкой, завязавшейся в поле у двух коренастых берез» [5, с. 91].

Несмотря на то, что солдаты и командиры пересматривают свое отношение к «комнатному человеку», мы можем предположить, что этот тип героя остается до конца непонятым окружающими. Герои так и не смогут принять внутренний мир «комнатного человека» и осмыслить мотивы его поступков.

Карпенко, сожалея, что так несправедливо относился к Фишеру, испытывая чувство уважения к погибшему ученому-солдату, так и не смог понять истинных причин, побудивших Фишера выстрелить в немецкую колонну: «Теперь старшина никак не мог понять, как этот интеллигент-книжник отважился на такой поступок» [5, с. 94].

Герои-интеллигенты, изображенные в прозе В. Некрасова, В. Быкова, Г. Бакланова и др., «одаренные натуры, склонные к рефлексии, самопогружению», однако все события своей жизни, в том числе и реалии войны они пропускают «через внутреннее ощущение правды, искренности, как сквозь фильтр», отбрасывая все мелочное, ненужное [6, с. 357].

Следует отметить, что герои пытаются оправдать (защитить) «комнатного человека», к которому стали испытывать доверие и уважение, перед остальными людьми. Показательным является диалог Вергасова и Ильина в финале рассказа «Судак»:

«– И вообще... Пошли ко мне, а?

Ильин сразу даже не понял:

– Куда?

– Ко мне. У меня коньяк трофейный есть.

Ильин сконфуженно улыбнулся.

–Я же, вы знаете, товарищ капитан, не очень-то...

–А кофе вы пьете? – перебил Вергасов, и в глазах его появилось то веселое, мальчишеское выражение, которое так нравилось всегда Ильину.

– Кофе пью.

Вергасов рассмеялся.

–Севрюк-то наш, повар, целый мешок кофейных зерен раздобыл. И не знает, что с ними делать. Целый час, говорит, варю, варю, и ни черта не получается. Сергеев! – крикнул вдруг Вергасов так, что сидевший неподалеку солдат испуганно обернулся. –Или кто это там сидит? Будут спрашивать командира роты, скажешь, что у комбата, коньяк пьет...» [1, с. 406].

Приведенный диалог показывает, что Вергасов, как ранее Сергеев, пытается скрыть кажущуюся в военных условиях «странность» Ильина от окружающих, для того, чтобы создать ожидаемый всеми образ боевого командира: веселого, общительного, «обожженного фронтовика», каковым застенчивый Ильин никогда не будет.

Таким образом, писатели военной прозы названного периода выделяют особый тип героя – «комнатного человека», смысл жизни которого состоит в беззаветном служении искусству или науке. Но в минуты испытаний, когда решается судьбы Родины и народа, комнатный человек берет в руки оружие, чтобы защитить существующий порядок или принести себя в жертву ради победы.

«Введение» образа интеллигента, «комнатного человека» в произведения о войне сместили доминанту изображения с «труженика войны» и «прирожденного война». В повестях В. Некрасова, В. Быкова, Г. Бакланова и др. обнаружилось тяготение к герою в определенной степени «случайному» на войне. Однако писатели «не опровергают, не дискредитируют позицию такого героя, основная установка - позиция понимания» [7, с. 12].

Список литературы

1. Некрасов В. Судак. В окопах Сталинграда: Повесть. Рассказы. М., 2007.
2. Некрасов В. В окопах Сталинграда. В окопах Сталинграда: Повесть. Рассказы. М., 2007.
3. Бакланов Г. Мертвые сраму не имут. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 1983.
4. Бакланов Г. Июль 41 года. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 1983.
5. Быков В. Журавлиный крик. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 1985.
6. Шаравин А. В. Модификация жанра городского рассказа 60-90-х годов // Вестник Брянского государственного университета. № 2. 2013. С. 256-264.
7. Шаравин А. В. Становление творческой индивидуальности Ю. Трифонова: Автореф… дисс. канд. филолог. наук. М., 1990.
8. Бондарев Ю. Батальоны просят огня // Ю. Бондарев. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 1973.
9. Иванов А. Мифология интеллигенции в русской культуре второй половины XX века: Автореф… дисс. канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2004.
10. Кошелева Л. Интеллигенция как феномен русской культуры: Автореф… дисс. канд. культурологических наук. М., 2000.
11. Русская интеллигенция: История и судьба. М., 1999.

Об авторах

Старцева Ирина Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, ekl9ier@mail.ru

Хасанова Галима Фазлетдиновна – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, Воробейнская СОШ, galima@bk.ru

УДК 82-193.1

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ ЛИТЕРАТУРНЫХ СТИХОТВОРНЫХ ЗАГАДОК, ОПУБЛИКОВАННЫХ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «И ТО, И СЕ»

Струкова Т.В.

В статье анализируются литературные стихотворные загадки А.П. Сумарокова и М.И. Попова, напечатанные на страницах журнала «И то, и се», в контексте фольклорной традиции. Автор приходит к выводу, что в загадках поэтов нашла отражение когнитивная картина мира в представлении русского народа, а также воплотились художественные эксперименты и новаторские приемы.
Ключевые слова: загадка, энигмат, интерпретационное поле, кодирующая часть, когнитивная картина мира, эпитет, антитеза.

FOLKLORE ORIGINS OF LITERARY VERSE RIDDLES AT THE PAGES OF THE MAGAZING «I TO, I SYO»

Strukova T.V.

The article analyzes the literary poetic riddles of A.P. Sumarokov and M.I. Popov, printed in the magazine «I to, i syo» in the context of the folk tradition. The author concludes that in the riddles of the poets reflected cognitive picture of the world in the representation of the Russian people, but also incarnated poetic experiments and innovative methods.
Keywords: riddle, enigmatic, interpretive field, coding part, cognitive picture of the world, epithet, antithesis.

Жанр литературной стихотворной загадки зарождается в России во второй половине XVIII века. В это время к жанру загадки обратились многие поэты, активно осваивавшие новые жанровые формы: А.Д. Байбаков (Аполлос), И.Ф. Богданович, А.И. Дубровский, П.М. Карабанов, Н.А. Львов, В.И. Майков, М.И. Попов, А.А. Ржевский, А.П. Сумароков, П.И. Фонвизин, М.М. Херасков, Н.М. Яновский и др. Наряду с апробацией новых жанровых форм, эти поэты занимались плодотворной переводческой деятельностью, а также изучением русского фольклора.

Указывая на многообразие лирических жанров русской поэзии XVIII столетия, Н.Д. Кочеткова отмечает, что они в большинстве своем вовсе не были новыми: какие-то из них существовали в фольклоре и в силлабической поэзии, с другими – русские авторы знакомились посредством изучения античной и европейской поэзии. Вместе с тем русским литераторам XVIII века предстояло разработать собственную систему жанров, представив их отечественные образцы [9].

Несомненно, характерной чертой русской литературы XVIII столетия стало обращение к источникам народного творчества как к «живительному роднику культуры», поскольку фольклор оставался «живой силой в быту почти всех слоев русского общества». Многие русские дворяне «воспринимали народную песню, сказку, поговорку от своих мамушек-нянюшек, от крепостных «дядек», от своих крестьян у себя в поместье, – с самого детства». Для купеческого сословия, мещанства и крестьян фольклор «и старинный, унаследованный от дедов, и творимый вновь и развивающийся, был основой художественного мышления, фундаментом эстетической практики» [3, с. 13].

Одним из известных собирателей русского фольклора был М.Д. Чулков, редактор журнала «И то, и се», издававшегося еженедельно в Петербурге на протяжении 1769 года. Интересом к устному народному творчеству было обусловлено идейно-художественное содержание этого журнала, который стал «пробной лабораторией» для Чулкова, содержащей «образцы всех его начинаний» [6, с. 95].

Особое место на страницах издания было отведено жанру литературной стихотворной загадки, авторами которой выступили А.П. Сумароков и М.И. Попов. Если в загадках, напечатанных на страницах масонских журналов «Полезное увеселение» и «Свободные часы», преобладала этико-философская проблематика и описание умозрительных категорий, то в загадках журнала «И то, и се» объектом энигматического описания выступают бытовые предметы и реалии материального мира. В основе интерпретационного поля большинства загадок лежит описание перцептивных признаков объекта, а также – характеристика функций и действий им производимых.

Импликация внутренних свойств (функций, способов употребления и происхождения, месторасположения) организует кодирующую часть загадки Сумарокова о ржаном хлебе:

Отечество мое прямое нива,
Не сокрываюся; я тварь не горделива,
И откровенное имею сердце
От сердца честь и знать моя:
Со всеми знаюсь я, кто честен иль бесчестен,

Европе всей мой вид известен,
Живу без рук, без ног, без головы;
Как меня зовут, скажите сами вы [7].

Важную смысловую нагрузку в тексте приобретают определения с эмоционально-экспрессивной окраской: «не горделива», «откровенное», «честен», «бесчестен», «известен», посредством использования которых автор характеризует атрибутивные признаки зашифрованного образа. Употребление эпитетов в качестве основного компонента энигматического описания сближает произведение Сумарокова с фольклорными загадками, в которых эпитеты, по наблюдениям В.П. Аникина, «одновременно удерживают свою соотнесенность как с реальным загаданным предметом, так и с реальной предметностью иносказательного образа» [1, с. 106]. Однако если в народных загадках художественные определения отражают реальные признаки энигмата, то в загадке Сумарокова эпитеты выступают средством иносказательной выразительности.

Описание внутренних свойств энигмата оказывается и в основе кодирующей части загадки Сумарокова об огне. Примечательно, что огонь изображается автором не как первостихия, а как предметно-бытовая реалия. При этом основной акцент сделан на его разрушительной функции. Подобной установкой, по-видимому, обусловлено использование приемов градации и антитезы, которые последовательно отражают атрибутивные признаки энигмата:

Без грубости коснуться не умею,
А тело самое не грубое имею:
Без пищи невидим, а с ней потребен я,
И преужасен:
Мой вид весьма прекрасен;
Я жру всегда, и вся в том жизнь моя;
Но сколько я ни пожираю,
От алча умираю [11, с. 155].

Репрезентируя образ огня как грозную и опасную стихию, истребляющую и уничтожающую все на своем пути, автор применяет разговорную лексику с негативной эмоционально-экспрессивной окраской: «я **жру** всегда», «сколько я ни **пожираю**». Этот стилистический диссонанс был свойственен в целом творчеству Сумарокова. Поэт сознательно не ограничивал себя в употреблении просторечной лексики. На данную особенность художественной манеры поэта указывал Г.А. Гуковский: «Различая словарь различных жанров, он все же избегает исключительно торжественного подбора слов; вне «высоких» жанров он приемлет всякого рода слова; он употребляет слова грубые, даже вульгарные, как бы подчеркивая свою смелость в этом направлении» [4, с. 53-54].

Особую нагрузку в произведении несут оценочные эпитеты, характеризующие перцептивные признаки энигматического объекта: употребление контрастных определений («преужасен» / «прекрасен») отражает двойственное отношение людей к огню. При этом введение в текст приема нисходящей градации («жру», «пожираю», «умираю») призвано передать скоротечность господства и могущества зашифрованного концепта.

Наряду с обозначением функций, присущих имплицитному образу, Сумароков перечисляет действия, производимые человеком в отношении него. Исследователями русского фольклора справедливо отмечается, что загадка является единственным жанром, «интересующимся незначительными, но постоянно присутствующими в жизни человека предметами и явлениями», репрезентирующим самые обыденные ситуации [10, с.143]. В загадках Сумарокова, подобно народным произведениям, изображаются предметы вещного мира, но структура, лексика и синтаксис все же отличаются от фольклорных. В них дается подробное, детальное описание зашифрованных образов за счет вводных и обособленных конструкций, уточняющих слов и оборотов.

Фольклорные истоки прослеживаются в загадках продолжателя сумароковской традиции, соратника М.Д. Чулкова, «поэта из народа» Михаила Ивановича Попова. Наряду с активной переводческой деятельностью он занимался изучением и собиранием русского фольклора. Совместно с М.Д. Чулковым им был издан сборник народных песен. И именно увлечение поэта устным народным творчеством и славянской мифологией обусловило его обращение к жанру загадки.

Влияние фольклорной традиции отчетливо прослеживается в загадке Попова о свинье, для создания имплицитного образа которой автор использует лексику с негативной эмоционально-экспрессивной окраской:

Доколе я жива, гнусна всем жизнь моя:
Почти никто смотреть не хочет на меня,
И именем моим мерзятся все, браня,
И чтоб кто ни сшалил, кричат, виновна я,
И наконец из всех бесед меня гоняют,
Но кончу только жизнь, за стол меня сажают [8].

Образ свиньи в фольклорных произведениях всегда наделялся отрицательной семанти-

кой. Практически во всех пословицах и поговорках это животное изображается как всеми презираемое существо, являющееся предметом язвительных насмешек и ругательств: «Свинья мне не брат, а пять рублев не деньги»; «Не помнит свинья полена, а помнит, где поела»; «Свинья не боится креста, а боится песта»; «Не свиным рылом лимоны нюхать» [4].

В загадке Попова нашло отражение двойственное отношение человека к изображенному животному, которое сформировалось еще в древние языческие времена. С одной стороны, упитанная и плодовитая свинья являлась воплощением сытости, богатства и благополучия. С другой стороны, склонность этих животных к грязи, неразборчивость в еде, упрямство и жадность, доставшиеся от диких собратьев, принесли им дурную славу. В этом отношении нельзя не отметить, что в основе интерпретационного поля загадки Попова лежит эта, свойственная именно фольклорному сознанию, когнитивная картина мира.

Наряду с использованием негативной семантики образа свиньи, характерной для фольклорных произведений, в загадке поэта упоминаются народные обычаи и традиции, связанные с данным животным, в частности, с приготовлением его мяса на празднества. «На Руси к Рождественским Святкам и Новому году, – писал А.Н. Афанасьев, – бьют свиней и поросят, и доселе непременным кушаньем на первый день праздника бывает свиная голова с хреном или жареный поросенок с кашею; почти по всем деревням варят свиные ноги, начиняют свиные кишки и желудки и раздают колядовщикам, песни которых сопровождаются просьбами наделить их именно этими обычными дарами <…> Всякий достаточный хозяин закалывает к Рождеству нарочно откормленного кабана…» [2, с. 400].

Когнитивная картина мира, характерная для фольклорного творчества, отражена и в загадке Попова о мысли, в основу кодирующей части которой, по всей видимости, положена известная народная загадка: «Что быстрее всего на свете?» Под влиянием фольклорной традиции в загадке используется прием антитезы, реализованный упоминанием двух противоположных точек земной поверхности: зенита («точки неба, лежащей вверх по направлению отвесной линии, в каждом месте земной поверхности») [12, с. 548] и надира («точки неба, лежащей внизу, по направлению отвесной линии, в каждой точке земной поверхности») [13, с. 435].

Введение в текст антитетичных понятий позволяет автору описать дифференциальные признаки умозрительного феномена. Спецификой зашифрованного в загадке образа определяется и структура поэтического текста. Основным композиционным приемом в нем становится повтор, который подчеркивает такие отличительные свойства имплицитного объекта, как абстрактность и скорость. Наряду с антитезой зенит / надир в загадке присутствует оппозиция жизнь / смерть, подчеркивающая скоротечность иносказательно представленного феномена.

Едва извиду в свет, владеть я начинаю:
Не пив, ни ев, не спя, усилюсь, возрастаю.
Все в свете превышаю,
Все в мире украшаю;
Не видима ни кем,
Не осязаема ни чем,
По всюду пребываю,
И все устроеваю;
Но долго на одном я месте не бываю,
И от Зенита вмиг к Надиру поспеваю;
Я мало зрю моим желаниям препон.
Я пленница, но всех под свой влеку закон;
По всюду и полет и область простираю,
Но в месте лишь одном рожусь и умираю [8].

Несмотря на концептуальное сходство, загадка Попова существенно отличается от народной загадки и по структуре, и по композиции. Фольклорная загадка содержит замысловатый вопрос, сформулированный в предельно краткой форме. В загадке Попова репрезентируется то же свойство энигматического объекта, но иными лексическими и стилистическими средствами.

Особую смысловую нагрузку в этой загадке Попова приобретает прием многочленной глагольной градации нисходящего типа («начинаю», «возрастаю», «превышаю», «украшаю», «пребываю», «устроеваю», «не бываю», «поспеваю», «простираю», «умираю»), создающей в тексте цепочку грамматически однородных созвучий.

Таким образом, в загадках А.П. Сумарокова и М.И. Попова, напечатанных на страницах журнала «И то, и се», нашла отражение когнитивная картина мира в представлении русского народа. Данным обстоятельством обусловлено использование авторами оценочных эпитетов и разговорной лексики для характеристики имплицитного образа. Следуя фольклорной традиции, поэты вместе с тем вводят в тексты своих загадок новые художественные приемы такие, как градация и антитеза.

Список литературы

1. Аникин В.П. Эпитет в загадках // Фольклор как искусство слова. Вып. 4. Эпитет в русском народном творчестве. М., 1980.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т.1.
3. Гуковский Г.А. Проблемы изучения русской литературы XVIII в. // XVIII век. Статьи и материалы. Сборник. Выпуск 2. Издательство АН СССР. М.: Л., 1940.
4. Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001.
5. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа [Электронный ресурс] https://ru.wikisource.org/wiki/Пословицы_русского_народа_(Даль).
6. Западов А. В. Журнал М.Д. Чулкова «И то и сьо» и его литературное окружение// XVIII век. Статьи и материалы. Сборник. Выпуск 2. Издательство АН СССР. – М.: Л., 1940.
7. И то и се. Январь. 6 неделя. 1769.
8. И то, и се. Март. 12 неделя. 1769.
9. Кочеткова Н.Д. Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., 1990.
10. Митрофанова В.В. Художественный образ в загадках // Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971.
11. Праздное время в пользу употребленное. 1760. Июль.
12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1894. Т. XIIa.
13. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. XX.

Об авторе

Струкова Татьяна Викторовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Орловский государственный институт культуры, tatam08@rambler.ru

УДК 82

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА Г. УЭЛЛСА «ОСТРОВ ДОКТОРА МОРО» В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ЛАГИНА[7]

Уставщикова В.А.

В статье рассматривается влияние романа английского фантаста Г. Уэллса на творчество советского автора Л. Лагина. Цель работы — найти и выделить элементы концепции данной книги Уэллса в романах Лагина «Патент "АВ"» и «Остров Разочарования». Делается вывод о том, что Л. Лагин заимствует некоторые черты сюжета, топоса и системы персонажей в ряде работ, не ставя перед собой цели создать пародию или разработать основную идею этого конкретного романа. Романы Л. Лагина наполнены современной для него проблематикой, острой социально-политической критикой, но в общечеловеческих вопросах он солидарен с предшественником.
Ключевые слова: фантастический роман, Г. Уэллс, Л. Лагин, эксперимент, социальные процессы, аллюзия, сатира.

RECEPTION OF H. G. WELLS'S NOVEL «THE ISLAND OF DOCTOR MOREAU» IN THE WORKS OF L. LAGIN

Ustavschikova V.A.

The article considers English science-fiction writer H. G. Wells's novel influence on works of Soviet author L. Lagin. The aim of the study is to find and distinguish components of Wells's book «The Island of doctor Moreau» conception in L. Lagin's novels «Patent "AV"» and «The Island of Disappointment». On balance the conclusion is made that L. Lagin borrows some features of the plot, scene of action and characters system in several works, not trying to create a parody or work out the main idea of this particular novel. Lagin's works are filled with contemporary problems, acute social and political criticism, but in regard to universal human issues he agrees with his forerunner.
Keywords: science-fiction novel, «The Island of doctor Moreau» by H. G. Wells, L. Lagin, experiment, social processes, allusion, satire.

Герберт Джордж Уэллс (1866 – 1946) – известный английский писатель-фантаст, который в значительной степени повлиял на развитие фантастики во всем мире. Некоторые исследователи, например, советский литературовед Бритиков А.Ф., называют его «отцом современной социальной фантастики» в ее привычном для нас виде [1]. Неудивительно, что у Г. Уэллса было много последователей. В их число входит и Лазарь Иосифович Лагин (1903 – 1979) – советский писатель, известный многим как автор «Старика Хоттабыча» (1955) и потому ассоциирующийся в основном с детской литературой, которая не воспринимается всерьез. Но другие его книги, практически неизвестные современному читателю, характеризуют его как писателя серьезного и глубокого.

Лазарь Иосифович – последовательный и преданный поклонник Уэллса, он обращался к работам предшественника на протяжении всей своей творческой карьеры. Поэтому кажется очевидным, что одно из самых известных произведений английского фантаста – роман «Остров доктора Моро» – также не осталось без внимания. В свое время роман вызвал сильный общественный резонанс. В 1896 году, когда было опубликовано это произведение, многие английские критики нашли его отвратительным «романом ужасов» [2, с. 165]. Никому не нравился процесс вивисекции – насильственной трансформации тела, хотя речь шла только о животных, но мало кто вдавался в глубинную суть идеи: очень немногие обращали внимание на то, что в отношении зверей потом происходила и насильственная трансформация сознания. Но трудно представить, как английский критик викторианской эпохи отреагировал бы на более радикальную идею – о том, что сами люди могут перейти (или быть насильственно переведены) на другой уровень развития. И что случится, если этот уровень будет не выше, а ниже? Именно такими вопросами и задается Лазарь Иосифович Лагин.

Правда, следует сразу отметить, что ситуация с «Островом доктора Моро» значительно отличается от ситуации с остальными романами Г. Уэллса, рефлексия по поводу которых могла выражаться у Л. Лагина в очевидных отсылках. Например, «Майор Вэлл Эндъю» (1962) является «парадоксальной перелицовкой» романа «Война миров» (1897), написанной с иной точки зрения [1], а «Патент "АВ"» (1947) представляет

[1] Статья выполнена на основе доклада, прочитанного на Международной конференции «Грехнёвские чтения–XI» («Литературное произведение в системе контекстов») 21.04.2016

собой альтернативный вариант развития сюжета, лежащего в основе «Пищи богов» (1904). Л. Лагин всегда использует материал предшественника лишь как опорную точку, с которой начинает строить собственное произведение, совершенно самостоятельное и полноценное, а порой и превосходящее творение предшественника по глубине и силе воздействия.

В данном же случае Л. Лагин заимствует некоторые детали сюжета, топоса и системы персонажей, не ставя перед собой цели создать пародию или разработать основную идею конкретного романа. Различные элементы, отсылающие к «Острову доктора Моро», мы находим не в одном произведении Лагина, а сразу в двух: романах «Патент "АВ"» (1947) и «Остров Разочарования» (1951). Далее рассмотрим эти элементы.

В первую очередь следует проанализировать сюжетное построение произведений. В романе Уэллса основной является история о том, как некий ученый при помощи новейших для своего времени научных изобретений проводит эксперимент по созданию новой расы и закреплению в новом обществе определенных социальных отношений. Доктор Моро – вивисектор, он оперирует животных и превращает их в человекоподобные существа, которые ходят на двух ногах и умеют разговаривать. После того как завершена внешняя трансформация, Моро приступает к внутренней: он заставляет зверолюдей вести себя по-человечески и строить некое подобие человеческого общества. Для этого он разрабатывает примитивный культ, в центре которого он сам – как божество, которое одновременно и является создателем, и сурово карает за любое нарушение установленных правил. Вот пример «мантры», которую заучивают все зверолюди: «Ему принадлежит Дом страдания. Его рука творит. Его рука поражает. Его рука исцеляет. <…> Ему принадлежит молния. Ему принадлежит глубокое соленое море. <…> Ему принадлежат звезды на небесах. <…> Ужасная кара ждет того, кто нарушит Закон. Ему нет спасения. <…> Наказание ужасно и неминуемо. Потому учи Закон» [3, т. 1, с. 194]. Законы, которым следуют зверолюди, направлены на то, чтобы подавить в них животные инстинкты и сделать похожими на людей:

- Не ходить на четвереньках - это Закон. Разве мы не люди?

- Не лакать воду языком - это Закон. Разве мы не люди?

- Не есть ни мяса, ни рыбы - это Закон. Разве мы не люди?

- Не обдирать когтями кору с деревьев - это Закон. Разве мы не люди?

- Не охотиться за другими людьми - это Закон. Разве мы не люди? [3, т. 1, с. 193]

Исследователь творчества Уэллса Ю. Кагарлицкий замечает: «И доктор Моро предстает перед нами сразу в двух ролях. Он и ученый, взявшийся переделывать природу. Но, приняв на себя ее функции, он становится еще и Творцом – в самом общем, отнюдь не научном, смысле слова» [2, с. 158].

Похожий сюжет мы находим в романе Л. Лагина «Остров Разочарования». Герой Джошуа Пентикост – авантюрист и работорговец, – оказавшись на острове в окружении полудикого чернокожего племени, пошел по тому же принципу, что и доктор Моро. Он представил себя в качестве божества и создал религию из страха, пользуясь тем, что только он один обладал огнестрельным оружием. И хотя ему работать было неизмеримо легче, поскольку он имел дело уже с человеческими существами, а не со зверолюдьми, даже его подопечные так и не смогли создать цивилизованное в современном понимании общество. Более того, после смерти своего «божества», как и в случае с Моро, они вернулись к исходному состоянию. Им удалось сохранить лишь то, что они могли органично вписать в свое миропонимание (так, например, спектакли в театре превратились в ритуальное действо, а должность священника утратила сакральный христианский смысл, и его роль теперь исполняет шаман). Однако нужно признать, что в конечном итоге, уже без сурового надзора своего создателя, чернокожие поселенцы приходят к устойчивой форме социального устройства, своего рода идеальной первобытной коммуне, кропотливо формируя ее в течение нескольких поколений и беря только лучшее из того, что пытался навязать им Пентикост. Именно в этом различие между тем, что тщетно пытался создать доктор Моро, и тем, что удалось создать Пентикосту. По утверждению Кагарлицкого, «истинное человеческое общество должно было бы сохранить устойчивость в силу своих внутренних законов» [2, с.163]. Л. Лагин в этом случае выступает как ярый сторонник того, что люди – существа глубоко рациональные и стремятся к созданию максимально разумной формы межличностных отношений, основанных на взаимном доверии, если только никто в силу своих личных корыстных интересов (как капиталист мистер Фламмери в данном романе) не стремится нарушить это гармоничное построение.

Но если доктор Моро стремится вознести животных до уровня человека, его законы направлены на то, чтобы «очеловечить зверей», то Джошуа Пентикост хочет видеть в своих подопечных не просто людей, но людей цивилизованных. Поэтому он учит их английскому, прививает им нормы общественного права, посвящает их в христианскую веру и преподносит искусство театра как наивысшую культурную ценность. Правда, прекрасным это выглядит только со стороны и лишь на первый взгляд, поскольку ни его цели, ни средства вызвать одобрения не могут. Цель его – воспитать высококлассных рабов, которых можно максимально дорого продать впоследствии. Средствами достижения своих целей Пентикост выбрал исключительно наказание смертью. Примером может послужить одна ситуация, когда все жители острова в принудительном порядке должны были разговаривать только на английском языке, потому что так было удобно и приятно Пентикосту. Он отделял детей от матерей и разрешал только англоговорящим нянькам заботиться о младенцах. Когда же Джошуа обнаружил, что чернокожие по-прежнему любят и уважают свой язык, он отравил последних, кто помнил его: «Я снова напомнил им, что нет спасения тому, кто нарушает законы, изданные его господином, ибо таких зверей в человеческом облике господь карает смертью, и поступает совершенно правильно» [4].

В другом романе Лагина – «Патент "АВ"» – также присутствует элемент сюжета, напоминающий событийную линию «Острова доктора Моро». Злой гений биологии, специалист по вопросам размножения животных Сим Мидруб приходит к выводу, что, если человечество путем селекции вывело многие породы животных и растений, разделяя их по принципу назначения, это можно проделать и с человеческими существами. Он собирается использовать изобретение, позволяющее за короткие сроки вырастить из несознательных детей физически взрослых особей, и в дальнейшем планирует путем тренировки приспособить их к различным видам деятельности, не требующим умственных усилий, или создать из них «крепких солдат с младенческими мозгами» [1]. Его представление о результатах своей разработки выглядят следующим образом: «Это будут человекоподобные существа, у которых будет ровно столько разума, сколько захочет доктор Мидруб, и только те навыки, которые он пожелает им привить. Они будут знать только самое необходимое количество слов, только те слова, которые отберет для них доктор Мидруб. <…> Им будут доступны лишь простейшие чувства — страх, ужас, голод, жажда, потребность в размножении — и не будут доступны понятия солидарности, дружбы, самопожертвования, сознательного недовольства своим положением» [5]. В этих постулатах очень много общего с «новоязом» Дж. Оруэлла, задачей которого было «сузить горизонты мысли» [6]. Впрочем, это может быть и сатирическим отражением окружающей действительности, ведь примеры подобных манипуляций сознанием масс автор мог наблюдать в пропаганде государств вне зависимости от их политической направленности.

Для того чтобы выработать в подопытных необходимые качества, доктор Мидруб, подобно Моро, стремится развить в них безоговорочное послушание и создает закон в форме навязчивой детской песенки:

«Дяденьку мы слушались,
Хорошо накушались.
Если бы не слушались,
Мы бы не накушались» [5].

За неповиновение предусматривается наказание, апеллирующее к базовому инстинкту голода, исключая другие формы ответственности (например, коллективной, моральной и других), поскольку формула призвана именно освободить искусственно взращенных детей от эмоциональных реакций высшего порядка.

Во всех трех произведениях можно выделить сходную модель построения системы персонажей – это своего рода аллюзия на христианское соположение бога-творца и его творений. Демиург создает новый вид существ и дает им закон, за нарушение которого сурово карает. Моро наказывает болью, потому что он верит в цивилизующую роль страдания [2, с.161]. Для его подопытных самое ужасное наказание – опять оказаться на операционном столе в Доме Страдания. Но такой способ ограничения и подчинения продолжает работать только до тех пор, пока существует само наказание. В этой «религии» нет места любви и уважению, всё сводится к преклонению перед грубой силой. Появление Прендика можно расценивать как символическое пришествие спасителя, который должен показать «адептам» ложность их прежнего бога, но не справляется со своей задачей. Он не может предложить ничего взамен старого порядка вещей, хоть и сострадает зверолюдям.

В «Острове Разочарования» Джошуа Пентикост не задумываясь убивает непослушных, во-

первых, потому что так он демонстрирует свое «божественное» превосходство и неоспоримый авторитет оружия, а во-вторых, просто потому, что он, будучи убежденным расистом, не дорожит жизнью чернокожих рабов. Однако он в итоге добивается своего, поскольку страх смерти – существенная мотивация. В романе также есть намек на пришествие спасителя – именно так воспринимают жители острова молодого советского моряка, капитан-лейтенанта Егорычева. Сначала лишь по случайному стечению обстоятельств: именно такого человека завещал им ожидать Пентикост: «Да не удивятся те, кто услышит из уст моих негров о рыжебородом белом, который спустится с небес, чтобы спасти человечество. Ибо разве не ясно любому благомыслящему человеку, что спаситель вторично сойдет на нашу грешную землю только в облике англичанина и ни в каком другом?» [4]. Но потом аллюзия на мессию, ведущего людей в лучшее будущее (по мнению автора, конечно, коммунистическое), становится вполне очевидной: именно он прекращает братоубийственную войну и примиряет стороны, именно ему удается уберечь поселенцев от смерти в огне атомной бомбы. Он же творит чудеса – с точки зрения полудиких негров, – а на самом деле полагаясь на логику и знания.

В романе «Патент "АВ"» доктор Мидруб – управитель в «экспериментальном человеческом питомнике» – действует несколько тоньше: «Мы начинаем с того, что приучаем наших пациентов к простейшим трудовым процессам, а для начала приучаем к связи между трудом и удовлетворением голода. <…> Голод и жадность (у наших пациентов завидный аппетит) быстро приводят к желаемым результатам» [5]. Мало того, что он опирается на основные животные инстинкты в человеческой натуре, так еще и очень активно использует тот факт, что его подопечные – дети, которых можно мотивировать простейшим развлечением или его отсутствием. И в эту дихотомическую систему отношений встраивается Томазо Магараф – герой, который должен был стать их спасителем, но также как и Прендик, не справляеся с этой ролью, хотя любим и почитаем «паствой».

Ю. Кагарлицкий утверждает, что философскую основу «Острова доктора Моро» во многом составляет учение Томаса Хаксли о двух идущих в мире процессах – «космическом» и «этическом», которые противостоят друг другу [2, с. 161; 7]. В соответствии с этим постулатом можно сделать вывод, что каждый из вышеперечисленных персонажей-творцов олицетворяет собой силу эволюции – в данном случае направленную, – космическую силу, которой чужда этика, которая не задается вопросом о правильности, моральности своих поступков. Образ потенциального спасителя несет в себе вопрос об этической составляющей любых социальных процессов, в особенности тех, которые совершаются людьми целенаправленно.

Сходство всех трех романов можно обнаружить также и в том, что место действия в них вымышленное, причем во всех случаях выбрано по одному и тому же принципу: это замкнутый топос. Уэллс представил неизвестный остров в океане, Лагин в одном случае тоже использовал образ острова, в другом – придумал страну Аржантейю. Все эти локации кажутся читателю смутно знакомыми, и вот почему. Нет необходимости говорить о том, что остров как место действия – образ довольно стандартный. Ю. Кагарлицкий пишет: «Экзотический остров еще до Уэллса был основательно обжит неоромантиками — Стивенсоном, Киплингом, Конрадом, и какие-то элементы прочитанных книг, запавшие в его (Г. Уэллса – В.У.) память, словно бы сами собой выхлестывались на страницы, вылетавшие из-под его пера. Еще, как нетрудно заметить, он хорошо помнил Дефо, Свифта, Эдгара По» [2, с. 157]. Аржантейя Лагина – карикатурная страна с собранными воедино отрицательными чертами типичного капиталистического государства, каким представлял его себе советский писатель. Будучи хорошим стилистом, он создал образ, подобный тому, который мы могли бы встретить в произведениях европейских и американских авторов, только отраженный в кривом зеркале. Использовал он это во многом в идеологических целях – Лазаря Иосифовича трудно не назвать пропагандистом антикапиталистических взглядов. Но от этого его произведения не становятся хуже: они попрежнему затрагивают общечеловеческие проблемы, а также наполнены острой социально-политической критикой. Но главное всё же заключается в том, что именно происходит в выбранной локации. Отдаленное место, отделенное от остального мира естественными или искусственными (как в случае с «человеческим питомником») преградами, было необходимо авторам по двум причинам. Во-первых, история эволюции, заключенная в столь сжатые сроки, могла произойти только в лаборатории, в качестве которой и выступает этот топос. Во-вторых, фантастичность событий оттеняется необычностью обстановки. Всё происходящее как бы выводится на более высокий уровень, не конкретно-фактографический, но метафорический и философский.

В итоге можно заключить, что советский автор глубоко и детально прорабатывает идеи, почерпнутые у предшественника, в то же время кардинально меняя их за счет обращения к другим аспектам. Л. Лагин не создает пародию, поскольку позаимствованные мотивы органично вписываются в целостное повествование, а не являются его центром. Частично Л. Лагин заимствует у Г. Уэллса созданные ранее схемы, но аккуратно переносит их на другую почву и добавляет многое, характерное совсем для иной эпохи. Советскому писателю удается развить потенциал, заложенный в произведении английского автора, не только чтобы рассмотреть проблемы, волновавшие как предшественника, так и последователя, но и чтобы коснуться ранее не поднятых вопросов.

Список литературы

1. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/8438/Britikov_-_Russkiii_sovetskiii_nauchno-fantasticheskiii_roman.html (дата обращения 04.04.2016).
2. Кагарлицкий Ю.И. Вглядываясь в грядущее: Книга о Герберте Уэллсе. М.: Книга, 1989. – 350 с.
3. Уэллс Г. Остров доктора Моро // Уэллс Г. Собр. соч.: В 15 т. М., 1964. Т. 1. 463 с.
4. Лагин Л. Остров Разочарования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/90678/Lagin_-_Ostrov_Razocharovaniya.html (дата обращения 10.04.2016).
5. Лагин Л. Патент «АВ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/32500/Lagin_-_Patent_AV.html (дата обращения 15.04.2016).
6. Оруэлл Дж. «1984» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.ru/ORWELL/r1984.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 15.03.2016).
7. Huxley T. H. 1893-4. Collected essays: vol 9: Evolution and ethics, and other essays. Macmillan, London. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://aleph0.clarku.edu/huxley/CE9/E-E.html (дата обращения 20.03.2016).

Об авторе

Уставщикова Варвара Александровна – аспирант кафедры русской литературы, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, varvara.ust@gmail.com

УДК 821.161

ПОСТУПОК ГЕРОЯ-ПРАВЕДНИКА В ЦИКЛЕ Н.С. ЛЕСКОВА

Швецова Т. В.

В статье ставится проблема описания поступка героя-праведника. Материалом служили рассказы Н.С. Лескова из цикла о праведниках. В работе показано, что образ праведника возникает в кризисную для русской литературы эпоху – эпоху утраты представлений об истинном герое и, как следствие, эпоху «кризиса поступка». Новизна исследования видится в том, что мы даем представление о «кризисе поступка» как о специфическом явлении русской литературы XIX столетия. На границе сакрального и профанного миров возникает образ героя, занимающего четко определенное и только ему отведенное место, совершающего поступок в контексте заданного Божественной волей.
Ключевые слова: русская литература XIX века, поступок, герой-праведник, Н.С. Лесков.

THE DEED OF A RIGHTEOUS PERSON IN THE CYCLE BY N.S. LESKOV

Shvetsova T. V.

The problem of a righteous person's deed description is being raised in the article. Special attention is given to the notions of "a hero" and "a deed" that constitute fundamental categories of the ontological conception of Russian philosopher and literary critic M. M. Bakhtin. As a material of the research, the stories by N.S. Leskov from the cycle about righteous persons are used. It is demonstrated in the article that the character of a righteous person appears during the period that was critical for Russian literature. That was the epoch when the idea of a real hero was lost and, therefore, it can be characterized as the epoch of the "deed crisis". The novelty of the study consists in giving the idea of a "deed crisis" as a specific phenomenon of Russian literature of the 19th century. As a conclusion, it is stated that the structural elements taking part in the construction of the world, including the righteous person's deed, have a special semantic filling. At the border of the two worlds (sacral and profane) arises the idea of a hero who occupies a well-defined position, performing a deed and being aware of his submissiveness to the will of God.
Keywords: Russian literature of the 19th century, a deed, a righteous person, N. S. Leskov.

В современном литературоведении существенным становится изучение категории поступка литературного героя. Поступок является одним из ключевых понятий, на которое обратил внимание М. М. Бахтин. По мнению исследователя, поступок – особая категория, позволяющая осмыслить сущность героя и мира вокруг него. Герой литературного произведения, как правило, совершает «активно-ответственный поступок», что позволяет ему занимать «осевое положение» в произведении [1, с. 7 -68].

Наше внимание будет сосредоточено на образе героя, открытие которого приписывают Н. С. Лескову [13]. Речь пойдет о герое-праведнике, который «еще сам не полностью обрисован, и идеи, им воплощаемые, еще нуждаются в разработке» [13, с. 5].

Литературоведение занимается внимательным изучение «праведничества» как эстетической и этико-философской категории. На сегодняшний день исследуются художественные формы ее идейно-тематического, сюжетно-композиционного, образного воплощения, «а также допускаемые формально-содержательные аспекты (ипостаси «праведничества») в объективной реальности» [14, с. 158-159]. Однако поступок героя-праведника еще не являлся предметом специального рассмотрения.

Существенно, что возникновение такого рода героя приходится на ту фазу в русской литературе XIX века, которая различными литературоведами определяется как «безгеройная» (А.М. Гуревич [3, с. 48].

Отсутствие героя – показатель кризисного состояния литературы. Характеристика данного периода как кризисного предлагается с учетом следующих обстоятельств. Это прежде всего открытие персонажа, патологически не способного на поступок. Его именуют «героем времени», «новым», «лишним», «духовным скитальцем». Одновременно с этим утверждается в литературе тип «маленького человека», невозможность поступка которого обусловлена его несоразмерностью масштабам мира. «Несоразмерный миру герой» становится общим местом наиболее ярких литературных творений эпохи (при этом неважно: «несоразмерно малый» или «несоразмерно большой»).

Утверждающаяся в эту эпоху «натуральная школа» и вовсе упростила проблему «героя и мира» до проблемы «среды и социальной функции», тем самым исключив сам вопрос о «соразмерности», а вместе с этим возможности поступка литературного персонажа.

«Непоступающий герой» обнаруживает себя в русской литературе и более поздних периодов (вплоть до современной эпохи), однако

именно в 30 – 40-е годы XIX века его первоначальное открытие свидетельствует о глубоком «кризисе поступка». Литературная критика эпохи передает новое и странное ощущение образовавшегося вакуума на том месте, где был еще недавно вполне определенный образ героической личности. Ссылка на отсутствие героя в русской критике эпохи становится почти повсеместной и навязчивой. В атмосфере тревожной утраты значимых ориентиров начинают формироваться вопросы о герое (кто он, какой он, каким должен стать, чтобы соответствовать национальному мироощущению и традициям). Состояние литературной атмосферы, насыщенной такого рода сформулированными и несформулированными вопросами о герое, характеризуется нами как «ожидание героя» [7, с. 125-142]. Оно-то и является, на наш взгляд, четким сигналом переживаемого кризиса, сопровождающегося появлением в общественной и литературной мысли новых, неактуальных ранее мнений.

Поскольку для писателей становится важным показать возможность выхода из кризиса, в русской литературе возникает новый тип героя, воспринимающего мир иначе, чем его «предшественники». Довольно отчетливо очерчивается религиозно-философская категория «праведничества», которая функционирует в двух основных формах:

1) «лишние люди», прошедшие путь до «праведника» (Миша Полтев в повести «Отчаянный», Аким в повести «Постоялый двор» И. С. Тургенева, старец Зосима в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского, Касатский в повести «Отец Сергий» Л. Н. Толстого);

2) истинные праведники (Касьян, Лукерья в «Записках охотника», Софи в «Странной истории» у И. С. Тургенева, старец Герасим, Зенон, прекрасная Аза, совестливый Данила и другие у Н. С. Лескова, Платон Каратаев у Л. Н. Толстого).

Герои-праведники появляются в русской литературе именно в тот момент, «когда героя в русской литературе объективно нет и быть не может, появляются для того, чтобы самим фактом своего существования подчеркнуть особенность этой эпохальной литературной ситуации» [8, с. 137].

Исследование сущности поступка героя-праведника оказывается крайне важным. Герои-праведники становятся своеобразным воплощением традиционных ценностей и запечатлеваются русскими писателями в «безусловно позитивном освещении» [9, с. 112]. На наш взгляд, определение специфики поступка героя-праведника позволяет показать архитектонику мира, в котором этот поступок определенным образом ориентирован.

Автор, о котором пойдет речь, находился в сложных отношениях с православием. По утверждению Н. И. Либана, XIX столетие – «период необыкновенно повышенного интереса к христианству, а в сущности, период его разрушения. Среди писателей-разрушителей нужно назвать Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова. При их огромном интересе к религии они становятся ее комментаторами, дополнителями, а иногда и создателями своего учения, якобы христианского» [12]. Герои их произведений, возводимые в ранг праведников, живут в миру, порой даже не принадлежат к христианской вере, но действуют в согласии с этическими нормами человечества.

Известно, что писателем, разрабатывавшим собственную концепцию праведничества в XIX веке, признан Н. С. Лесков [2, с. 9]. Можно заметить, что герою-праведнику в произведениях Н. С. Лескова, причастному умонастроениям эпохи, противопоставлен человек иного склада – того, кто в большей степени связан с культурно-историческим прошлым и находится в стороне от социальной жизни.

Говоря о собственных предпочтениях в выборе типа героя, писатель отмечал: «*Я пошел искать праведных, пошел с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трех праведных, без которых «несть граду стояния»*…» [5, с. 16].

Особый интерес представляет так называемый «праведнический» цикл, куда вошли рассказы, часть которых напрямую связана с житийными сюжетами или представляет собой своеобразную художественную стилизацию («Гора», «Лев старца Герасима», «Легенда о совестном Даниле», «Повесть о богоугодном дровоколе», «Скоморох Памфалон» и др.). Для писателя становится крайне важным описание поступков людей, движимых идеей служения (служение понимается в широком смысле: служба государю, служение людям и Богу), сохранивших человечность и способных к бескорыстной помощи.

Так, героиня «Тупейного художника» Любовь Онисимовна с детства вдохновляет рассказчика состраданием к людской боли. «Чертами примера» запечатлелись в памяти воспитанников кадетского корпуса их наставники, мужественно противостоявшие попыткам политического режима «уединоображивать» человеческие натуры, гасить умы («Кадетский мона-

стырь»). Возвышающим дух преданием становятся в сознании массы подвиги орловского простолюдина Голована, который не единожды жертвовал собой во имя людей («Несмертельный Голован»).

В центре внимания Н. С. Лескова – человек, стремящийся изменить положение дел в человеческом социуме: Иван Северьянович Флягин, мечтающий «за народ помереть» («Очарованный странник»), безымянный мастер-оружейник и «библейский социалист» Александр Рыжов, озадаченные высшей мыслью о родине и общем благе («Левша» и «Однодум»), чудодей-изограф Севастьян, хранящий священную традицию в живописном искусстве («Запечатленный ангел»).

Н. С. Лесков так отзывался о своих героях: «Это зерна, которые уже прозябли и пошли в рост, это люди, которые без остатка отдали себя другим» [5, с. 13]. Можно утверждать, что смысл жизни праведников писатель видит в деятельной нравственности: ежедневно его герои совершают подвиги доброго участия по отношению к окружающим.

Описывая поступки героев-праведников, Н. С. Лесков подчеркивает их «*сердобольное беспокойство*», «*отвагу в душе*», «*доброе простодушие*», «*сострадание*», «*изумительное бесстрашие*», «*кротость*», «*честность*», «*благородство*» и т.д. «*У нас не переводились*, - пишет автор в «Кадетском монастыре», - *да и не переведутся праведные. <…> И, заметьте, все не из чернородья и не из знати, а из людей служилых, зависимых, коим соблюсти правоту труднее…*» [5, с. 232].

Важной особенностью является то, что праведники Лескова живут в миру и оказываются вовлеченными в систему житейских отношений, поэтому их поступки совершаются в границах малого социального мира. При этом именно в неблагоприятных жизненных обстоятельствах проявляется нравственная самобытность лесковских героев-праведников.

Эти герои отдают себе отчет, что в глобальном миропорядке, задуманном и организованном не ими, что-то менять не в человеческой компетенции, но ближний мир они могут сделать лучше. Отец Измаил (Флягин), Рыжов, совестливый Данила, прекрасная Аза, Левша собственными поступками показывают, как надо жить, какими принципами руководствоваться, чтобы человечество не превратилось в стадо.

Зенон (христианин, не наставленный в своей вере) в повести «Гора» лишает себя глаза, чтобы не поддаться искушению и соблазну земной прелести, его кроткое служение Учителю, всеохватная любовь к людям совершают чудо – гора Адер сдвигается с места, и христиане в Египте оказываются спасенными. Влюбленная в Зенона, красавица Нефора отказывается от богатства, жертвует все людям; поступки женщины сближают ее с Зеноном. Александр Рыжов осмеливается научить нравственности губернатора, «*степенно нагнув*» его перед иконой в храме.

Движимый любовью к людям Голован («Несмертельный Голован») самоотверженно ухаживает за больными во время морового поветрия. Совестливый Данила («Легенда о совестливом Даниле»), находясь в плену, учит варваров христианской жизни, чем заслуживает уважение неверных. Старец Герасим («Лев старца Герасима») отдает неимущим свое добро ради согласия среди людей, а потом становится их советчиком. Подобные поступки объясняются тем, что в сознании праведника у Н. С. Лескова идеальное мыслится реальным, а сами праведники находятся во власти тихого стремления водворить в жизнь «царство правды».

Поведение и поступки лесковских праведников определяются отказом от порывающей с миром практики уединенного самосовершенствования. Аскетическое существование Рыжова, драматическое «житие» Туберозова, неустанное самопожертвование Голована – все эти варианты подвижнического жизненного пути находятся в центре внимания Н. С. Лескова. «Призванность» героя-праведника определяет смысл и характер его поступка (поступка-мысли, поступка-действия) в мире, который являет собой образец следования по предначертанному свыше пути, с преодолением различных сложностей и препятствий: *«как глина, я не спорю со своим горшечником»*, *«я иду своей дорогой, как бык на веревке»*, – произносит скоморох Памфалон, считающий себя худшим из людей и ежедневно служащий тем, кому хуже, чем ему.

Праведник в концепции Н. С. Лескова свободен от царящих вокруг мнений, поэтому его поступки обусловлены принципом деятельной любви и отказом от духовной привилегированности и мирского признания. Завершая рассказ «Человек на часах», автор пишет: «*Я думаю о тех смертных, которые любят добро просто для самого добра и не ожидают никаких наград за него где бы то ни было*» [5, с 420].

Этическая норма праведничества для лесковских героев – это независимо достойное

служение, причем служение в миру: отец Кирияк отказывается насильно крестить язычников, совестливый Данила не принимает формальное прощение священников, а ищет истинное прощение среди людей, Рыжов чтит правила *«по отношению к богопочитанию и к обязанностям высшего быть примером для низших»* [5, с. 226]. Писатель переосмысливает традиционную для русской литературы этическую доминанту служения в контексте процесса секуляризации. Неслучайно в повести «Скоморох Памфалон», в которой сопоставлены отшельник и паяц, возникает мысль *«Птицы должны жить в скале, а человек должен служить человеку»* [4, с. 164], *«иди служить людям»* – наставляет своего гостя Данила [4, с. 98]. Лесковский праведник иначе ориентирован в мире своего поступка, обнаруживающего ключевую роль «случайного» в этом мире («*я на сих днях упустил такой случай для исправления моей жизни, какого уже лучше и быть не может*»). Однако это не тот случай, который ведет героя к жизненному успеху. Случай – категория, посредством которой осуществляются сакральные смыслы и ценности в малом (социальном) мире. Персонажи цикла Н. С. Лескова живут сакральными смыслами в пределах «внешнего», отграниченного от глобального, социального мира; в мире простых смертных и служат им. Это их собственное волеизъявление, однако находящееся под контролем сакральной воли.

Поведение праведников Н. С. Лескова и совершаемые ими поступки характеризует их отношение к миру в целом, а также проявляет их сопричастность божественному пространству. При этом важнейшим миросозерцательным началом для писателя является идея деятельного и самоотверженного добра. В целом можно говорить о том, что понятия «праведничество» и «поступок праведника» для Н. С. Лескова имеют прежде всего этическую наполненность и позволяют проявить ценностные ориентиры в концепции писателя.

Согласимся с мыслью Е. В. Хализева, высказанной о праведниках Лескова: мудрость таких героев «заключалась не в искании более достойного и заметного положения, а, напротив, в том, чтобы жить праведно, оставшись на месте» [11, с. 205]. Другими словами, праведнику ведомо его назначение в мире, он занимает только ему отведенное место, которое обеспечивает надежность и прочность существующего миропорядка.

Н. И. Николаев в статье «Литературный герой в мире его поступка» приходит к важному выводу: «…этически значимым является не результат поступка, его осязаемый продукт – в художественном целом он может быть вовлечен в сферу авторской оценки поступка, - а сам процесс свершения, мотивы его исхождения, неслучайность его начала, нравственные истоки долженствования поступающего» [6, с. 174].

Действительно, ни один праведный поступок героев Н. С. Лескова не определяется случайностью. И хотя многие герои, будучи истинными праведниками, ощущают собственную несамостоятельность и покорно вверяют свою волю высшей справедливости, они не видят противоречий между земным и сакральным миром.

Каждый из указанных персонажей ощущает свое место в том или ином пространстве и вместе с тем осознают собственное предназначение. Подчиняясь высшей воле, праведники лишь улучшают земной миропорядок, сохраняют гармонию, помогают ближним, не требуя взамен благодарности. Определяя земное пространство как божественное творение, герои-праведники становятся своеобразными носителями божественной идеи: они живут так, как господь велит.

В целом можно прийти к выводу, что поступки, совершаемые лесковскими праведниками, связаны с представлениями писателя о возможном единении человека и окружающего мира. Н. С. Лескова, признавая и ощущая всю сложность диалектики жизни, отдает предпочтение той стороне бытия, которая связана с приближением личности к божественному замыслу. Действия праведников в цикле Н. С. Лескова согласуются с сакральным замыслом о мире и становятся плодотворными поступками. Праведники, живущие в миру, – это герои, полностью реализованные с воем поступке. Они, подобно персонажам архаического эпоса, «представительствуют» в мире, но не видят собственного избранничества.

Праведники Н. С. Лескова – персонажи, живущие в согласии с миром и Высшей волей, их предназначение и главное деяние состоит в сохранении Богом созданного миропорядка. В большинстве своем они не склонны к разрушительному самоанализу, особенность этого типа героев – нерефлексивное познание мира, внутренняя вера. Они со смирением и покорностью принимают любые испытания (нищета, болезнь и даже смерть), поскольку их картина мира не предполагает размежевания на пред-смертье и

за-смертье, их мысли живы надеждой о спасении и будущем воскресении.

Таким образом, описание совершаемых праведниками поступков в произведениях Н. С. Лескова репрезентирует важнейшие проблемы нравственного и духовного характера. При этом своеобразным «мерилом» духовной жизни человека, по мнению исследуемого автора, становится праведничество, символизирующее причастность героя миру идеального бытия и стремление воплотить данный идеал в границах социального мира.

Список литературы

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Собрание сочинений в семи томах. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 7 - 68.

2. Двоеглазов В. В. Категория «праведничества» в русской литературе первой половины XIX века: дис…канд. филол. наук. Киров, 2015. 240 с.

3. Гуревич А. М. Динамика реализма (в русской литературе XIX века). М., 1994. 88 с.

4. Лесков Н. С. Собрание сочинений в двенадцати томах / Сост. и общ. редакция В. Ю. Троицкого. Т. 10. М.: Правда, 1989. 415 с.

5. Лесков Н. С. Очарованный странник: Повести и рассказы. М.: Современник, 1983. 432 с.

6. Николаев Н. И. Литературный герой в мире его поступка // Дискуссия. Екатеринбург, 2012. №3 (21). С. 173-178.

7. Николаев Н. И., Швецова Т. В. Русская литература 30-40-х гг. XIX века. «Ожидание героя» // Вестник Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ, 2014. С. 125-142.

8. Николаев Н. И., Швецова Т. В. Русский литературный герой 30-40-х годов XIX века и проблема поступка // Фундаментальные исследования. М., 2014. №3-1. С. 201-204.

9. Хализев В. Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX века // Русская литература XIX века и христианство. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 111-119.

10. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.

11. Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М.: Сов. писатель, 1983. С.196-232.

12. Либан Н. И. Кризис христианства в русской литературе и русской жизни // Русская литература XIX века и христианство. М.: Изд-во МГУ, 1997. Режим доступа: http://rulibs.com/ru_zar/sci_culture/liban/1/ (дата обращения: 07.02.2017)

13. Косых Г. А. Праведность и праведники в творчестве Н.С. Лескова: дис…канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 224 с.

14. Тарасов А. Б. Культурология праведничества // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 158-159.

Об авторе

Швецова Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, tavash@yandex.ru

УДК 821.161.1

ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В *ВЕСЕННИХ* ТЕКСТАХ ПОЭТОВ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Шохина Е.В.

Ключевой для *весенних* текстов является тема обновления, воскресения природы после долгой холодной зимы, поэтому поэты пушкинской поры активно вплетают в ткань произведений мотивы жизни / смерти, юности / молодости, цветения, а также орнитологические мотивы. Птицы, деревья, цветы – это особые знаки, маркирующие приход весны. Разнообразные виды растительности обнаруживаются в особых для лирических текстов локусах – в садах, парках, лугах и полях. Яркими приметами весеннего поэтического сада являются розы, виноград, плющ, разнообразные плодовые деревья. В *весенних* текстах начала XIX века сад выступает как воплощение уникального идеального архетипа. Именно в саду происходят любовные свидания, лирический субъект погружается в мир воспоминаний или мечтаний.
Ключевые слова: флористические мотивы, текст сада, райские мотивы, поэты пушкинской поры, поэзия XIX века.

FLORAL MOTIVES IN *SPRING* TEXTS OF PUSHKIN'S TIME'S POETS

Shokhina E.V.

The key word for *spring* texts is the theme of renewal, the resurrection of nature after a long cold winter, so the poets of Pushkin's time actively weave in the lyric's structure motives of life / death, a youth, flowering, and the ornithological theme. Birds, trees, flowers are special signs, marking the arrival of spring. Various types of vegetation found in the specific loci for lyrical texts - in gardens, parks, meadows and fields. Obvious signs of spring poetic garden are roses, vines, ivy, various fruit trees. In the *spring* texts of beginning of the XIX century garden serves as the embodiment of a unique ideal archetype. There was love dating in the garden, lyrical subject dive into the world of memories and dreams.
Keywords: floral motives, the text of garden, paradisiacal motives, poets of Pushkin's time, the poetry of the XIX century.

В мировой поэзии, и в частности в произведениях русских авторов XVIII – начала XIX веков, мощно заявляет о себе тема сада, восходящего к райскому или античному (сады Адониса, сады Семирамиды, сад Гесперид) садам. «Тема сада – неотъемлемая часть лирики, где она накладывается чаще всего на темы весеннего пробуждения и осеннего умирания природы, на темы любви и любовного свидания, уединенных мечтаний» [1, с. 147].

Описание сада в IV книге Георгик Вергилия является настолько многоплановым и глубоким по семантике, что оно оказало влияние на развертывание темы сада в литературе в целом [1, с. 144]. В этой поэме «все сельскохозяйственное содержание... – это лишь набор примеров к главной мысли поэмы – о единстве и круговороте природы» [2, с. 22]. Сад оживает благодаря включению примет всех четырех времен года. Примечательно, что в этом маленьком отрывке поэт перечисляет разные виды сада: огород, цветник, ландшафтный и плодовый сады. Образы деревьев и растений, выращиваемых корикийским стариком, становятся знаковыми для садового топоса: липа, груша, плющ, мирт, лилия, роза.

Ведущими райскими мотивами являются мотив гармонии, дружбы, беззаботности, а также мотив утраченного рая. В связи с последним в памяти лирических субъектов «садовых» текстов возникает ощущение настоящего счастья, сохраняющееся после изгнания из райского сада первых людей [3, с. 149].

Уже в текстах XVIII века можно найти сравнение усадебного сада с Эдемом, например у М.В. Ломоносова: «Мои источники венчает / Эдемской равна красота, / Где сад богиня насаждает, / Прохладны возлюбив места...» [4, с. 129]. В стихах Г.Р. Державина неоднократно возникает поэтическая Аркадия [3, с. 156]. Например, в стихотворении «Весна» лирический субъект испытывает состояние счастья, любуясь своей милой женой на фоне идиллического вида злаков, неба, лесов, вод [5, с. 170]. Однако такие мотивы характерны больше для романтической и сентиментальной поэзии начала XIX века, а в эпоху классицизма, в ломоносовской поэзии, в образе райского сада выступает сама Российская держава, процветающая под рукой просвещенного монарха. Сад – «зримо реализовавшаяся идея абсолютной устроенности, соразмерности и идеальной красоты», а также воплощение согласия и гармонии [6, с. 35]. В одах М.В. Ломоносова сад изображен в строго очерченной форме, воплощенной по законам симметрии.

Сошедшая на земной мир весна в стихах называется *прекрасной, милой, красной, вечной, несменной, златой, цветущей, крылатой.* Перечисленные эпитеты репрезентируют основные

характеристики этого времени года: в природе все преображается, начинает цвести, а люди желают, чтобы это продолжалось вечно. Поэтическое описание ландшафтов отражает весеннюю стихию с ее ароматами цветов, красками, настроением, солярными мотивами.

В русской поэзии исследуемого периода отчетливо выделяются стихотворения, объединенные универсальными весенними кодами и мотивами. Используя дефиницию, закрепленную в литературоведении В.Н. Топоровым, мы именуем их *весенними* текстами русской литературы, отмечая, что *весна* обладает ярко выраженной сюжетной и образно-смысловой парадигматикой, а авторские ее интерпретации складываются в единый *весенний* поэтический текст русской литературы.

Весенние тексты поэтов пушкинской поры укоренены в садово-парковом топосе. Важнейшие эмоциональные состояния лирических субъектов – любовь, поэтическое вдохновение, чувство родства с природой, воспоминания о прошлом – связаны с элементами ландшафта, которые могут быть как естественного происхождения, так и искусственно созданы человеком. В *весенних* текстах помимо образов закрытых, огороженных участков сада воссозданы открытые естественные пространства, или, по определению Т.В. Цивьян, «садообразные» пейзажи – луга, поля, леса, дубравы, рощи, которые размыкают границы сада [1, с. 148]: «Воскреснули поля; цветет лазурный свод; / Веселые холмы одеты красотою» [7, с. 81] (В.А. Жуковский «Гимн»); «Вот опять весна явилась / И в долинах и в лугах» [8, с. 23] (В.И. Козлов «Весеннее чувство»). Сад же воплощается в образах аллей, парков или садиков: «Везде дары весны сияют – / В полях, в садах, среди лугов» [9] (А.П. Беницкий «Весна»).

Картины весеннего мироустройства создавались поэтами нередко с помощью античных ассоциаций и служили в таком случае для создания идиллий, эстетизирующих окружающую природу. В садах устраивали святилища, жертвенные алтари или храмы. Во времена христианства медитация или экстатическое соединение человека с Богом было возможно лишь в саду, воспринимавшемся как идеальное место [3, с. 149]. К примеру, в стихотворении Н.М. Карамзина «Дарование» сад становится символом Божественной мудрости: «…сад, усеянный цветами, / Зерцало мудрого творца» [10, с. 214]; если картины бурной и мрачной природы вдохновляют поэта на воспевание Божьего величия: «Там гений умственных творений / Нашел в ужасном красоты, / В живой картине их представил / И бога грозного прославил» [10, с. 216], то сад, как локус «прекрасного», обращает Поэта к другому лику Творца: «Но там, где нежные цветы / От солнечных лучей пестреют, / С зеленой травкою сплетясь; / Кристальны ручейки светлеют… / Где в рощах, как в садах Армиды, / Летают резвые Сильфиды / И птички хорами поют <…> / Там он творца воображает / В небесной благости его / И гласом тихим изливает / Восторги сердца своего» [10, с. 216]. Однако в русской поэзии XVIII - первых десятилетий XIX века семантика сада как места общения с Богом не получает своего развернутого воплощения; она актуализируется в первые десятилетия XX столетия и в стихотворениях Вл. Соловьева, А. Белого, К. Бальмонта и других поэтов Серебряного века связывается с образами «горнего сада» [11, с. 129-130].

Традиционно сады создавались не только с религиозными, но и эстетическими и утилитарными целями. В Древней Греции они являлись местом разведения плодовых деревьев. И у поэтов пушкинской поры одной из главных черт весеннего сада является его плодоносность: «Там блестят плоды златые / На сенистых деревах» [7, с. 108] (Жуковский «Желание»), «С тяжелым заступом явлюся в огороде; / Приду с тобой садить коренья и цветы... / и мне за легкий труд / Плодами сочными обильно воздадут» [12, с. 14] (Е.А. Баратынский «Родина»).

Сад мог выступать и в роли кладбища, в таком случае розы окружают гробницу и памятник лирического субъекта. Кладбище находится у рощи: «И гальционы в тихий час / Стенанья рощи повторяли; / А бедный юноша… погас!» [13, с. 191] (К.Н. Батюшков «Последняя весна»). Сближение сада с кладбищем, прослеживающееся и в европейской литературе, свидетельствует о его особых отношениях со смертью и вечностью: «сад – топос переплетающихся времен» [11, с. 28]. Примером диалога со смертью в пространстве сада может служить «Славянка» В. Жуковского, где лирический субъект, прогуливаясь по Павловску, «фиксирует свое внимание на гробницах и мавзолеях как знаках бренности и текучести бытия» [11, с. 66].

Образ сада в первую очередь сопрягается с образом Божественного рая, и в христианстве образ сада «обозначил основные вехи библейской истории: Эдемский сад в Ветхом Завете и Гефсиманский сад – в Новом» [3, с. 112]. В других религиозных верованиях также существует

образ волшебного места, называемого Островом блаженных, Элизием, Садом гипербореев или Аркадией [3, с. 112]. В поэтических текстах рай может быть прямо назван, как у В.А. Жуковского в «Песне»: «Есть, нам обещают, / Где-то лучший край. / Вечно молодая / Там весна живет; / Там, в долине рая, / Жизнь для нас иная / Розой расцветет» [7, с. 266], либо определен по ключевым характеристикам: дерево, источник (река), певчие птицы, как в «Романсе» И.И. Козлова обозначены как своеобразные эмблемы «тихая роща», «быстрый ключ», «соловей», «алые розы» [14].

Текст сада-рая может подразумевать мотив встречи, мотивы любви, радости и блаженства: «Зови любовников счастливых / Под кровы девственных аллей: / Пусть их пленяет соловей / И шум потоков говорливых!» [15, с. 116] (Е.П. Зайцевский «Весна»). Описание пасторальных идиллий вводит образ Аркадии в тексты сада-рая. Счастливая, беззаботная и радостная жизнь пастухов и пастушек протекает на лоне весенней природы: «Звучат и блещут небеса / Певцов пернатых голоса, / Пастушьи песни огласили / Долины, горы и леса» [12, с. 50] (Е.А. Баратынский «Весна»).

Образ сада в широком понимании создается во многом благодаря образу флоры. Образ античной богини весны, полевых цветов и плодов наполняется глубоким смыслом благодаря тому, что она является символом самого акта творчества и сотворенной красоты. Так, в стихотворении П. Вяземского «Весеннее утро» описываемые сады – это «сады богини», а Зефиры – ее «верный двор» [16, с. 102]. Сад выступает как метафора мира любви, дружбы и поэзии. Пространство воздушности, легкости, «белых, зыбких облаков», неги и свободы разливается по всему саду, его наполняют Зефиры / Ветра, мотыльки, «душистый фимиам», здесь все дышит, парит, порхает [16, с. 102].

Наступление поры цветения деревьев и различных первых весенних цветов является главной характеристикой образа сада во многих текстах поэтов начала XIX века. Классический идиллический мир образуют образы дубов, зелени, цветов (мирты, лилии, розы), дубрав, рощ и полей с пасущимися на них животными: «Испещренные цветами, / Красны холмы вижу там» [7, с. 107] (В.А. Жуковский «Желание»); «То гуляя красным лугом / Иль один, иль с милым другом, / По пестреющим цветам / И по злачным берегам» [17, с. 94] (А.Г. Волков «Приход мая»).

Основными видами деревьев, произрастающих в лирических стихотворениях, являются березы, липы, дубы, ивы, тополя, то есть те деревья, которые отличают русскую природу: «В приюте лип, берез и бледных ив / Он домик свой с белеными стенами / Узнал вдали!» [7, с. 354] (Жуковский «Весна»); «В весенний ясный день я сам, друзья мои, / У брега насажу лесок уединенный, / И липу свежую и тополь осребренный» [12, с.14] (Е.А. Баратынский «Родина»). Однако в начале XIX века при описании условного райского локуса поэты часто не конкретизировали виды древесной растительности, именуя их просто «древами»: «Но вот они опять с весной, / Как из пелен, прорвутся, / Деревья, с прежней красотой, / Вновь в зелень облекутся» [18, с. 249] (В.В. Капнист «Старик, ожидающий весны»).

Весна дарит жизнь всему, к чему «прикасается»: растапливает льды, заставляет цвести сады и покрывает травой некогда мертвую землю. Приход весны символично воплощается в образе созревающего винограда, одного из древнейших символов плодородия, изобилия и жизненной силы: виноград был взят из райского сада и посажен Ноем в землю после Великого потопа как одно из первых растений. У И.И. Козлова читаем: «В стране, где посреди снегов / Весна роскошно зеленеет, / Где виноград душистый рдеет, / Дубровы мирные шумят, / Луга красуются цветами» [14] («К другу В. А. Жуковскому»)

Другим ярким символом вечной молодости, любви и радости является мирт: «Сколь сладко нам уединяться / В дубровах темных и лесах! / Гулять в лугах, лугах священных, / Струящих сладкий аромат, / Кустами мирты обнесенных, / Зеленой рощей для прохлад…» [17, с. 54] (А.Г. Волков «К весне»). Тема вечной любви подкрепляется в стихотворении А.Г. Волкова неоднократными маркерами: и куст мирта, и рощи, изображающиеся как райские, и «сладость» встреч, и сладость, разлитая в воздухе. В весенних пейзажах мирт и виноградная лоза могут быть отличительными знаками другой страны, как, например, у К. Батюшкова в стихотворении «Пленный».

В двух текстах П. А. Вяземского, пестрящих разнообразными цветами, «К подруге» и «Цветы», изображается процесс возделывания домашнего сада в контексте «идеального» топоса усадебной жизни. Лирические субъекты в иносказательном смысле «возделывают почву» прекрасных, а именно любовных, чувств. Знаково, что супруга героя ухаживает за миртом – эмблемой любви, венчаемой браком. «Мирт в

нашем климате оранжерейное растение, поэтому условность его появления в садовом цветнике очевидна. Завершает ряд цветочных аллегорий наделенная семантикой апофеоза супружеского союза роза – символ чувственной любви» [19].

Традиционным становится изображение розы в весеннем (или что часто равнозначно – в райском) саду, хотя часто упоминание одного цветка как представителя целого парка или рощи делает подобным его саду в широком смысле [20, с. 109].

Роза воплощает собой один из важнейших поэтических символов, истоки которого вытекают из античности, фольклора, а также религии. А.Н. Веселовский постулирует, что роза «не только цветок любви и смерти, но и страдания и мистических откровений…» [21]. В поэзии на стыке XVIII-XIX веков в лирике В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина постоянно появляющийся образ розы становится эмблемой. В начале XIX века этот цветок выступает как метафорический знак весны / любви: «Когда ж весна до вечных льдов / Прогонит вьюги и морозы — / На ваш алтарь, красу цветов, / Положит первые он розы / При пеньи радостных стихов» [22, с. 61] (А.А. Дельвиг «Музам»). Однако В.А. Жуковский, опираясь на немецкие романтические произведения, в своем творчестве трансформировал знаменитый "голубой цветок" Новалиса в розу, которая приобрела «в русском сознании форму намеренного объекта воспоминания о чувстве» [19].

В творчестве А.С. Пушкина процесс цветения «происходит во время блеснувшей весны – в краткий миг сверканья» [23, с. 145] . Л.В. Гайворонская отмечает, что для *весенних* текстов Пушкина помимо метафоризации и поэтизации весны как идеального времени (то есть существующего в памяти или воображении) характерно сближение мотивов обновления с мотивами увядания. В.Н. Топоров замечает, что осенний сад напоминает о саде весеннем, потому что «без утраты, расставания, прощания нет воспоминаний» [24, с. 302]. Цветение происходит настолько в сжатый период, что эта кратковременность уже изначально равна увяданию: «Не стану я жалеть о розах, / Увядших с легкою весной…» [25, Т.2, с. 42] («Виноград»). Увядание розы или иного цветка становится тем моментом во времени, который отделяет конец весны от начала лета. Для художественного мира А.С. Пушкина время весны – это обычное для любовных переживаний время года, что трактуется как «объективный закон жизни» [23, с. 147]. Именно весной, а не когда-то иначе, герои должны влюбляться: «Только весною / Зефир младою / Розой пленен» [25, Т.1, с. 288] («Измены»).

Уже начиная с середины XIX века, под влиянием творчества А.С. Пушкина образ розы начинает трансформироваться. Например, этот процесс мы отчетливо наблюдаем в лирике А. Фета. Роза становится для поэта воплощением абсолютной красоты, причём чистой красоты, которой поклоняются. «Ещё одним новым качеством розы становится её мудрость. Таким образом, именно в поэзии чистого искусства появляются первые национальные черты образа розы» [19]. Лейтмотивом стихотворения «Осенняя роза» является увядание и осенний холод, царящий в саду, но только «царица-роза» имплицитно несет в себе весеннюю энергию, она «очертаньем и дыханьем» весны веет на лирического субъекта [26]. Фетовский приход весны сопровождается символичным появлением первого цветка, ландыша – аллегории невинности и девственности природы, предвкушающей первую любовь: «О первый ландыш! Из-под снега / Ты просишь солнечных лучей; / Какая девственная нега / В душистой чистоте твоей!» [26] («Первый ландыш»).

Цветочные образы плавно подводят к мысли о сопряжении любовного и садового мотивов в *весенних* текстах. Пространство сада, отдельно представленное в виде цветка или аллеи, или рощи, располагает к любовным радостям или томлениям / переживаниям: «В ту пору, как младость манила мечтать, / В той роще любила я часто гулять; / Любуясь цветами под тенью густой» [14] (И.И. Козлов «Романс»). Поэтические тексты изобилуют примерами того, что в деле обольщения аллеи всегда играют особую роль, а цветы могут выступать посредниками в деле покорения девичьего сердца: «первые цветочки» в стихотворении В.В. Капниста «Весна» превращаются в «душистые веночки», украшающие головы красавиц, как символ признания в любви [18, с. 146].

Еще раз подчеркнем, что в лирических стихотворениях весенний сад предстает традиционным местом для любовных свиданий. У А. Фета прогулка по аллее в одиночестве пробуждает в лирическом субъекте воспоминания о прошлой любви, которую хочется заново прочувствовать: «Еще весна, – как будто неземной / Какой-то дух ночным владеет садом…Еще аллей не сумрачен приют <…> / И грудь вздыхает

радостней и шире, / И вновь кого-то хочется обнять» [26] («Еще весна,– как будто неземной…»). Мотив воспоминаний, пробуждения работы воображения коррелирует с мыслью Е. Дмитриевой и О. Купцовой о том, что прогулка по аллее может уподобиться в определенном смысле жизненному пути [3, с. 77].

Любовный мотив может быть выражен не только в форме свиданий двух влюбленных, но в форме «признания в любви саду как сакральному пространству» [27, с. 101], а если развить эту мысль, то и в любви весне, всей природе и миру: «Приди, весна, приди скорее! / Тобою наша жизнь цветет, / И сердце бьется в нас живее, / И кровь приятнее течет» [17, с. 54] (А.Г. Волков «К весне»); «В дыхании весны всё жизнь младую пьет / И негу тайного желанья!» [12, с. 279] (Е.А. Баратынский «Весна» (Элегия)).

Благодаря цветению сад становится местом всевозможных ароматов, хотя в начале XIX века в текстах не наблюдается конкретизации цветочных запахов. Поэты обобщают приятные ароматы в слове «благоухание»: «Отверзлись благовонны розы, / И улыбнувшися весна / Дохнула радость, торжество» [5, с. 21] (Г.Р. Державин «Гимн солнцу»), «Где ступит — там цветы алеют, / … Вослед ее зефиры веют, / Повсюду льется аромат» [9] (А.П. Беницкий «Весна»). Запах является таким же ключевым атрибутом для обозначения цветов, как крылья – для птицы. Аромат несет в себе коннотации свежести, юности, а также мотивы благовония, актуализирующие отправление религиозных служений и ритуалов. Аромат «оповещает» природу о наступлении периода весеннего цветения, привлекая насекомых для опыления, а в переносном смысле и влюбленных героев, чтобы они могли погрузиться в идеальную обстановку для любовных свиданий.

Таким образом, воспользовавшись словами В.Н. Топорова, можно сказать, что «сады русской поэзии слились в один сад» и таким образом в один текст. В высших своих достижениях он обозначил предельное – «сад-космос и соприсутствующее ему состояние духа…»; весенний сад населен «милыми тенями», воплощая собой «сад-воспоминание, сад-свидание, сад-поэзию, сад-надежду, сад-бессмертие» [24, с. 306].

Список литературы

1. Цивьян Т. В. Verg. Georg. 116-145: к мифологеме сада. // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 140-152.
2. Гаспаров М.Л. Вергилий - поэт будущего // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. С. 5-34.
3. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2003. 528 с.
4. Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. 558 с.
5. Сочинения Державина / под ред. Д.П. Стукина. Санкт-Петербург, 1844. 395 с.
6. Алпатова Т.А. Символика райского сада в поэзии М.В. Ломоносова // Михаил Муравьев и его время: сборник статей и материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции «Михаил Муравьев и его время. 300-етию М.В. Ломоносова посвящается». Казань, 2011. С. 28-35.
7. Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. 480 с.
8. Козлов В.И. Весеннее чувство // Поэты 1820–1830-х годов / под общ. ред. Л.Я. Гинзбург. Л.: Сов. писатель, 1972. Т. 1. 175 с.
9. Беницкий А.П. Весна. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://biblioteka-poeta.ru/vesna/benickii-a-p (дата обращения: 12.01.2016)
10. Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. – М.-Л.: Сов. писатель, 1966. 423 с.
11. Нагина К.А. Философия сада в творчестве Л.Н. Толстого. Воронеж, 2011. 143 с.
12. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л., 1936. Т. 1. 366 с.
13. Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 353 с.
14. Козлов И.И. Стихотворения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://biblioteka-poeta.ru/kozlov-i-i (дата обращения: 12.01.2016)
15. Зайцевский Е.П. Весна // Поэты 1820–1830-х годов / под общ. ред. Л. Я. Гинзбург. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1972. 175 с.
16. Замятина Е.В. Садово-парковый топос в лирическом творчестве П.А. Вяземского и А.А. Дельвига // Молодой ученый. 2009. №6. С. 100-104.
17. Альманах «Свиток муз» в 2-х кн. СПб, 1802-1803. Кн. 1. 152 с.
18. Капнист В.В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1973. 614 с.

19. Шарафадина К.И. "Язык цветов" в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века: автореф. дис. … д-ра филол. наук. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cheloveknauka.com/yazyk-tsvetov-v-russkoy-poezii-i-literaturnom-obihode-pervoy-poloviny-xix-veka#ixzz4Vliw0svz (дата обращения: 13.01.2016)

20. Лаврентьева Н.В. Образ сирени в творчестве Б.Л. Пастернака // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №6 (36). С. 107-110.

21. Веселовский А.Н. Из поэтики розы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dugward.ru/library/veselovskiy_alexandr/veselovskiy_alexandr_iz_poetiki_rozy.html (дата обращения: 12.01.2016)

22. Дельвиг А.А. Сочинения. Л.: Худож. лит., 1986. 458 с.

23. Гайворонская Л.В. Семантика времен года в художественном мире А.С. Пушкина. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. 196 с.

24. Топоров В.Н. Ветхий дом и дикий сад: образ утраченного счастья // Облик слова: сб. ст. М.: РАН; Ин-т рус. яз., 1997. С. 290-319.

25. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962.

26. Фет А.А. Стихотворения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rupoem.ru/fet (дата обращения: 12.01.2016)

27. Жаплова Т.М., Толкачев Д.В. Образ сада в лирических стихотворениях К.Р. // Символ науки. №7. 2015. С.101-103.

Об авторе

Шохина Елена Викторовна – аспирант кафедры русской литературы, Воронежский государственный университет, shoelen@mail.ru

УДК 81’37

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ПАРАДИГМА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОРНИТОНИМЫ» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Амелина Л.В.

Статья посвящена рассмотрению функционально-стилевых особенностей наименований птиц в русском и немецком языках. Исходя из положения о системности языка, исследуются основные лексические объединения слов, проводится их разграничение. Анализируется специфика парадигматических отношений внутри тематической группы «Орнитонимы» в зависимости от сферы употребления.
Ключевые слова: язык как система, тематическая группа, синонимические отношения, сфера употребления, орнитоним.

THE FUNCTIONAL AND STYLISTIC PARADIGM OF THE TOPICAL GROUP «ORNITHONYMS» IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

Amelina L.V.

The article is devoted to the investigation of the functional and stylistic peculiarities of denomination of birds in the Russian and German languages. Their differentiation is conducted as well as the main lexical combinations are looked into basing on the language consistency. The specific character of paradigmatic relations inside topical group «Ornithonyms» is analysed depending on the sphere of usage.
Keywords: language as system, a topical group, synonymic relations, sphere of usage, ornithonym.

В современном языкознании можно сказать утвердилось положение о системном характере лексики, языка, проявляющийся в различных типах отношений её элементов: тематических, семантических, в гиперо-гипонимических, синтагматических, парадигматических, словообразовательных. Семантическая единица низшего уровня включается в семантическую единицу более высокого уровня, создавая определенную иерархию единиц в семантической системе.

В настоящее время в лингвистической науке выделяют и активно изучают следующие лексические объединения слов: лексико-семантическое поле (ЛСП), лексико-семантическую группу (ЛСГ), тематическую группу (ТГ). Сложнее обстоит дело с определением различий между этими объединениями.

Семантическое поле характеризуется связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей, взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц, относительной автономностью поля, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка [9, с. 381].

Исследуя свойства поля в лексике, Ю.Н. Караулов выявил его специфические закономерности: невозможность обратимости, невозможность однозначно упорядочить его внутреннюю структуру и однозначно определить границы поля. Ученый убедительно показал, что именно природа поля, обладающая названными признаками, как нельзя более точно отражает специфику лексической системности [7, с. 275].

Принцип полевой структуры согласуется с иерархичностью строения лексико-семантической системы, предполагающей между своими членами, отношения последовательного включения: в словарь в целом, в который включены отдельные группы слов, каждая из которых состоит из слов в совокупности всех их лексико-семантических вариантов и объединяющих в себе определенный состав сем [3, с. 154].

Для нас несомненный интерес представляет определение Н.Б. Нероновой совокупности наименований птиц как семантического поля. Автор объясняет наличие здесь полевой структуры следующим образом: 1) совокупность наименований птиц обладает многочисленным количеством единиц, которые внутри себя могут быть сгруппированы в тематические группы («сухопутные и водоплавающие», «певчие и не певчие», «хищные птицы» и т.д.); 2) по своей функциональной нагрузке наименования птиц очень сильно отличаются друг от друга, в связи с чем возникает необходимость деления орнитонимов на *центр* и *периферию* разной степени удаленности; 3) в определенной части семантического поля присутствует системная организация его единиц (оппозиция по признаку пола,

родовидовые отношения, соотнесенность суффиксации с определенной семантикой основ).

В центр семантического поля автор помещает такие наименования птиц, которые, во-первых, тесно связаны с жизнью человека (*петух, воробей, грач, канарейка,* и др.); во-вторых, широко распространены в виде многочисленных вариантов и производных (*перепел-перепеленок, перпелка, перепелица, перепелиный*); в-третьих, они функционируют в других славянских языках (рус. *ласточка* – укр. *ластівка*, бел. *ластаўка*, болг. *ластовица*, слов. *lastavica, lastovka* и др.) и потому, например, входят в пословицы и поговорки разных народов (*ворон ворону глаз не выклюет*) [10, с. 6-7].

Кроме семантического поля, лексика системно описывается и с помощью двух других названных выше понятий: «тематическая группа» и «лексико-семантическая группа».

В статье Ф.П. Филина «О лексико-семантических группах слов» нашли отражение как сходные, так и принципиально различные черты ТГ и ЛСГ. Общность этих двух объединений ученый видел в том, что ТГ представляет собой совокупность нескольких ЛСГ [15, с. 228]. В отличие от ТГ, которая, как подчёркивал Ф.П. Филин, основывается не на лексических связях, а на классификации самих предметов и явлений, зависящих от уровня знаний носителей языка, ЛСГ – «продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка», это «внутренне специфическое явление языка, обусловленное ходом его развития» [15, с. 230]. Заметные различия учёный справедливо усмотрел также и в характере отношений между членами данных языковых систем. Если члены ТГ объединяются логическими и понятийными связями, то в ЛСГ между словами существуют смысловые, «устанавливающие» отношения (синонимии, антонимии, всякого рода уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений).

Несомненно, одним из важных принципов, на основании которого разграничиваются лексические группировки, является их языковая и неязыковая природа. Разграничение лексических группировок происходит на основе исключения или включения семантики слова [5, с. 108], учета денотативного и сигнификативного аспектов значения или же только денотативного. К ТГ относят лишь такие классы слов, которые объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой, но общая идентифицирующая (ядерная) сема для них не обязательна.

ЛСГ же фиксирует собственно языковые связи, объединяет слова по общности их лексического значения, что отражено в определении А.А. Уфимцевой ЛСГ как основного вида лексико-семантических подсистем лексико-семантической системы, в которую объединяются слова по наличию свободных лексико-семантических связей между словами в тот или другой исторический период времени [14, с. 45].

Наименования птиц в лингвистической литературе рассматривались и как СП, и как ЛСГ. Так, О.Б. Симакова, определяя ЛСГ как единство, включающее слова одной части речи, имеющие общую, категориальную лексическую сему, подчеркивает связанность членов ЛСГ родовидовыми, парадигматическими, синтагматическими и словообразовательными отношениями. Категориально-лексическим стрежнем группы «Орнитонимы» выступает у автора сема «птица», которая уточняется и конкретизируется в названиях птиц дифференциальными семами [11, с. 3].

Наименования птиц объединяются на основе экстралингвистического, предметно-логического фактора, поэтому логичнее считать всю их совокупность тематической группой. ТГ содержат в себе слова с соотносительными / несоотносительными основными значениями. В рассматриваемой нами ТГ объединение её членов происходит не на основе противопоставления слов по какому-то *различительному* признаку, а на основе наличия признака *интегрального*, поэтому она относится к ТГ с несоотносительным значением.

Данная тематическая группа распадается на ряд ЛСГ (ср. «Птицы отряда воробьиных», «Птицы отряда голубеобразных», «Птицы отряда веслоногих» и др.).

Минимальными группировками, из которых формируется ЛСГ, являются прежде всего *парадигматические* ряды. В сфере наименований птиц наиболее развиты ряды синонимические, которые организуются доминантой и имеют архисему и какой-то дополнительный интегральный признак, не обладающий дифференциальными семами подобно другим членам ряда, что и позволяет ему наиболее полно выражать смысловую основу синонимического ряда. Поскольку термины-синонимы имеют идентичные значения, их понимают как дублеты (ср. русск. *зарянка/ малиновка, канюк/ сарыч*; нем. *Gimpel/ Dompfaff, Rotfußfalke/ Abendfalke*).

Как известно, образование ЛСГ возможно также на базе антонимических отношений. Однако для орнитонимов антонимические

отношения не свойственны, что связано с особенностями экстралингвистического порядка.

Важной разновидностью ЛСГ в сфере орнитонимов является гиперо-гипонимическое гнездо, члены которого (гиперонимы и гипонимы) отражают четкую иерархию понятий, а в связи с этим – и слов. Гиперонимы, как слова с более широким, обобщающим смысловым содержанием, как выражающие родовые понятия, объединяют собою гипонимы, называющие предметы, свойства или признаки как элементы класса того или иного гиперонима. Так, гипероним *аист* имеет гипонимы *белый аист, черный аист*; гипероним *ястреб – ястреб-перепелятник, ястреб-тетеревятник* и др. Слова, соответствующие видовым понятиям (напр. *зяблик, страус, колибри* и др.) выступают как гипонимы по отношению к слову, соотносящемуся с родовым понятием («птица»), то есть гиперонимом. В то же время они выступают и как согипонимы по отношению друг к другу. Так, согипонимами являются орнитонимы *пухляк*, *московка*, *черноголовая гаичка* - разные виды птиц семейства *синиц*.

Более узкие, но более точные гиперо-гипонимические отношения основываются на научной систематизации птиц. Такая систематизация предполагает выделение основных таксономических (систематизирующих) категорий в систематике птиц: **вид, подвид, род, семейство и отряд.** Вид является основной структурной единицей в системе живых организмов. Начиная с К. Линнея, виду птиц принято давать биноминальное научное название, т.е. обозначать его двумя словами, из которых первое – название рода, второе же обозначает именно данный вид (деревенская ласточка *Hirundo rustica,* чернозобая гагара *Gavia arctica* и др.). Правда, в русской научной традиции это правило соблюдается не всегда. Так, для обозначения вида птицы используются и составные наименования, и отдельные слова (зеленушка *Carduelis chloris,* клинтух *Columba oenas,* кобчик *Falco vespertinis*). В немецком же языке чаще, чем в русском, для обозначения вида птицы используются сложные слова (Bachpieper «полевой конек», Wiesenweihe «луговой лунь», Zwergammer «овсянка-крошка» и др.). Род птиц – это систематическая категория, включающая один вид или объединяющая несколько видов, для которых предполагается общее происхождение [8, с. 26]. Научное название рода обозначают обычно одним латинским словом (*Ciconia – аист, Turdus – дрозд, Branta – казарка* и др.).

Семейство птиц в биологической систематике определяется как таксономическая категория, объединяющая близкие роды, имеющие, естественно, общее происхождение [1, с.566]. Семейство обычно получает название по типовому роду и имеет стандартное окончание – idae.

Так, гиперонимом слову *луток* (*Mergus albellus*) могут служить: 1) птица; 2) *гусь* (отряд гусеобразные): 3) *утка* (семейство утиные); 4) *крохаль* (род крохали). Это пример того, как когда каждая таксономическая категория выражается новым орнитонимом, хотя надо сказать возможны случаи использования и меньшего количества наименований: гиперонимом по отношению к орнитониму *обыкновенная горлица* являются: 1) птица; 2) *голубь* (отряд голубеобразных); 3) *голубь* (семейство голубиные); 4) *горлица* (род горлицы).

Специфика орнитологической лексики состоит в том, что каждая реалия имеет здесь как минимум два параллельных наименования: научное и народное. Ср. *полевой лунь (Circus cyaneus) – белохвостик* (Ср. Поволжье), *камнешарка* (*Arenaria interpres*) – *белошейка* (перм.), *белая трясогузка (Motacilla alba) – белая синичка* (тобол.) и др. Как мы уже сказали, при изучении научного корпуса наименований исследователь имеет дело с выделением так называемых *таксономических* категорий в систематике птиц: семейства, рода, отряда, вида, подвида. Игнорирование иерархии этих категорий не позволило бы научно точно разграничить место реалии и ее номинации не только в системе экстралингвистической систематизации птиц, но и их языковых обозначений, как научных, так и народных. Последние характеризуются смешением самих реалий, а значит, неверным присвоением им наименований. Так, в народном языке «водяного дрозда» *(Cincus ciquaticeus)* называют «водяной воробей» (арх., перм.); «поганку большую» *(Podiceps cristatus)* в перм. и воронеж. говорах именуют гагаркой *(Alca torda)* и т.д.

Наблюдения показывают что, ТГ «Наименования птиц» включает в себя лексемы, принадлежащие к разным стилям и сферам их использования. В зависимости от сферы их употребления выделяют: 1) научные обозначения птиц; 2) литературные наименования; 3) диалектные названия. Орнитонимы этих групп известны носителям языка в разной мере. Так, орнитологи хорошо знают объективные характеристики птиц, их степень родства, территорию обитания птиц и др. Поэтому такие слова, как *соловей, цапля, аист, утка, альбатрос, олуша* и

др., которые рядовой носитель обычно воспринимает как названия конкретных птиц, для орнитологов являются научными названиями *родов*. В то же время далеко не всегда специалистам известны региональные названия птиц, так как для них такие названия имеют второстепенное значение.

Рассмотрим некоторые орнитонимы русского и немецкого языков с точки зрения их функционально-стилевого употребления.

1) Русск. **ворона** (Corvus corone) соответсвует нем. Krähe. В русских говорах обнаруживаем немало синонимов общенародного слова, возникших как в самих русских говорах, так и заимствованных из других языков. Так, из укр. языка в южнорусск. говоры пришло слово *гава*, являющееся в украинском словом литературным [12, VI, с. 83]. К диал. синонимичным наименованиям относим слова: *ка́рповна, карку́нья, карку́ша, ка́рга/карга́.* Все они содержат звукоподражательный элемент кар-. Интересно, что в русских говорах карканье приписывается и другим птицам. Так, *каркунья* – самая большая в стае утка (том.), *каркуша* – кукушка (киров.) [12, XIII, с. 92], *карга* – золотистая щурка *Merops apiaster* (астрах.) [12, XIII, с. 82]. Следует отметить широкое распространение слова *карга* в русских говорах. Перечислим лишь некоторые говоры: дон., астрах., тамб., сарат., симб., вят., урал., оренб. и др. [12, XIII, с. 82], то есть слово известно в обоих наречиях.

В бытовом сознании немцев (впрочем, как и русских), в том числе и в среде носителей диалектов, наблюдается неразличение птиц «во́рон» и «воро́на». Так, в южной Германии *Rapp* – ворон, в Эльзасе и Пфальце *Krapp* – ворон, в швейцарском же Базеле *Grapp* – ворона. В Тюрингии *Gake* обозначает ворону, а в Гессен и Швейцарии - во́рона [17, с. 181]. Как было упомянуто выше, орнитологи различают два подвида птицы: *Corvus corone corone* – нем. *Rabenkrähe* (черная ворона) и *Corvus corone cornix* – нем. *Nebelkrähe* (серая ворона). Часто эти слова ошибочно указываются в словарях как синонимы.

2) **Сойка** «лесная перелетная птица отряда воробьиных с пестрым оперением» [13, XIV, с. 171]. В русских говорах эту птицу, как бы в противовес литературному номинанту с оттенком некоторого неприятия, называют любовно *союшка,* с использованием уменьш.-ласк. суффикса *-ушк* [6, IV, с. 262]. В междиалектном синонимическом ряду находятся также наименования, совершенно отличные от литературного «сойка». Так, в смоленских говорах бытуют *карзуй* и *карёза*, которыми именуют здесь не только птицу, но и капризного человека [13, XIII, с. 86,90]. Слово *карёза* обозначает и ещё одну птицу – иволгу [13, XIII, с. 86]. Налицо случай, когда лит. орнитониму в русском языке («сойка») в говорах соответствует региональный синоним («карёза»), являющийся в то же время омонимом другому орнитониму, называющему другую птицу (иволгу).

В немецком языке дублетом слову *Eichelhäher* "сойка" служит орнитоним *Gartenkrähe* [19, с. 380], состоящий из слов Garten – сад и Krähe – ворона, проясняя одну из особенностей птицы («садовая»). В немецких диалектах эту птицу называют также *Häger*, *Tannhäger*, *Schreihäkster*, *Hiekster* (зап.), *Holzschreier*, *Markwart* (вост.). В некоторых диалектах используется сокращённая форма *Häher*, которая отражает универсальную межъязыковую тенденцию к экономии физических усилий. Южные диалектные наименования содержат в своем составе слово Nuss «орех»: *Nusshacker* (тюринг.), *Nussjäckel* (щваб.), *Nusshäher*, *Nusskratscher* (бавар.) [16, с. 58-59]. Как и в русском языке, в немецком орнитонимы в диалектах могут выступать в ином значении, чем в литературном языке. Так, слово *Nusshacker* в тюрингских диалектах обозначает сойку, в литературном же языке используется для называния птицы кедровки [2, II, с. 161].

3) **Юла** (лат. *Lullula arborea*) – небольшая певчая птица сем. жаворонковых, обитающая в лесах» [13, XVII, с. 1981-1982]. Синонимичным названием русск. *юла*, функционирующим в литературном языке, является словосочетание «лесной жаворонок», поскольку птица обитает в лесах. Немцы же, видимо, чаще встречали её на лугу или на вересковой пустоши (Heide – вересковая пустошь, луг). Действительно, *юла,* или *лесной жаворонок,* встречается на опушках лесов и в вересковых зарослях [4, с. 415].

Нем. литературное *Heidelerche* образует синонимичный ряд вместе с номинантами: *Baumlerche*, *Dulllerche, Heidenachtigall, Holzlerche* [2, I, с. 208, 364, 646, 609]. Номинация орнитонимов *Baumlerche* и *Holzlerche* также связана со средой обитания птицы. Синоним же *Heidenachtigall* говорит о сравнении немцами лесного жаворонка с соловьем (Nachtigall – соловей), что оказывается совсем не случайным: этот вид жаворонка поёт не только днём, но даже в лунные ночи. Песня юлы очень мелодична, нежна и чуть меланхолична [4, с. 415].

Таким образом, по своему составу орнитологическая лексика сопоставляемых языков включает в себя лексемы, функционирующие в трёх сферах языка (общеупотребительной, научной и просторечно–региональной). Общеупотребительные орнитонимы русского и немецкого языков представляют собой, как правило, однословные названия птиц (русск. *ворона, сойка, юла*, *дрозд*, нем. *Lerche, Krähe, Elster*, *Dohle*, *Drossel*, *Habicht* и мн. др.).

Научная сфера характеризуется иерархической структурой организации орнитонимов, низшую ступень которой занимают видовые и подвидовые наименования птиц. В русском языке они очень часто представляют собой словосочетания, тогда как в немецком языке имеют форму сложного слова. В научной терминологии сопоставляемых языков встречаются своеобразные лакуны и семантические несоответствия. Несоответствия и связанные с этим трудности в переводе возникают в том случае, когда в орнитологической классификации в одном языке для обозначения рода и его вида какой-либо птицы используется одно слово, а в другом разграничение происходит и на языковом уровне.

В просторечно-региональной сфере орнитонимы русского языка могут иметь как однословную форму, так и форму словосочетания (*гава, карповна, каркуша, карга, карзуй, карёза, морская ласточка*, *каменная ласточка*, *белохвостый беркут, лесная ворона* и др.). В немецких диалектах предпочтение отдается однословным формам (*Rapp, Krapp, Häger, Tannhäger, Schreihäkster, Holzschreier* и др.).

В каждой из сфер употребления синонимические отношения орнитонимов имеют свою специфику. Так, в общеупотребительной сфере орнитонимы имеют небольшие синонимические ряды, состоящие, как правило, из двух компонентов (русск. *коноплянка/ реполов*, *совка*/*сплюшка*, *витютень*/*вяхирь* и под., нем. *Gimpel*/*Dompfaff*, *Sperling*/ *Spatz* и под.). Они не отличаются ни сферой употребления, ни семантикой, поэтому являются лексическими дублетами. В немецком же языке орнитоним может иметь и большее количество лексических дублетов, зафиксированных в толковых и двуязычных словарях (*Heidelerche/ Baumlerche, Dulllerche, Heidenachtigall, Holzlerche*). Возможно, обилие дублетов в немецких синонимических рядах объясняется историей Германии, восходящей к многочисленным городам-государствам эпохи средних веков. Члены таких рядов отражают разные семантические признаки, которые стали источником номинации.

В научной орнитологической терминологии синонимы встречаются реже. Они характеризуются тем, что как термины они выполняют функции элементов книжного стиля. Всей научной системе орнитонимов как в русском, так и в немецком языках свойственны таксономические, или родовидовые отношения.

В диалектах наибольшее количество синонимов присуще названиям домашних птиц, как наиболее известных. Как в русских говорах, так и в немецких диалектах для названия одной птицы нередко используются названия других, как правило, родственных птиц.

Список литературы

1. Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С. Гиляров. М., 1986. 831 с.

2. Большой немецко-русский словарь: В 3 т. / Авт.-сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и [др.] / Под общ. рук. О.И. Москальской. 7 изд. стереотип. М., 2000.

3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. 264 с.

4. Ганзак Я. Иллюстрированная энциклопедия птиц / Перевод Е. Фиштейна. Прага, 1986. 614 с.

5. Гинзбург Р.С. К вопросу о классификации словарного состава / Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тез. докл. М., 1971. Ч.I. С. 108-114.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах.1955.

7. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. 264 с.

8. Карташев Н.Н. Систематика птиц. М., 1974. 362 с.

9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. 685 с.

10. Неронова Н.Б. Наименования птиц в русском языке (Семантико-грамматический аспект) автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2000. 20 с.

11. Симакова О.Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. Орел, 2004. 24 с.

12. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Вып. 1-41. М.-Л., 1965-2007.

13. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.- Л., 1950-1965.

14. Уфимцева А.А. К вопросу о классификации словарного состава / А.А. Уфимцева / Вопросы языкознания. 1962. №4. С. 36-46.

15. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Очерки по теории языкознания. Избранные труды: к 100-летию со дня рождения. М., 2008. 416 с.

16. Knoop Ulrich. Wörterbuch deutscher Dialekte. Köln: Parkland Verlag, 2001. 478 S.

17. Suolahti H. Die deutschen Vogelnamen: eine wortgeschichtliche Untersuchung / von Hugo Suolahti. 2. unveränd. Aufl. Berlin; New York: de Gruyter, 2000. 549 S.

18. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. München. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1991. 1493 S.

Об авторе

Амелина Любовь Владимировна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой немецкого языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, trinity100@yandex.ru

УДК 811.161.3’373’72

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙКСИСА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Артемова О.А.

В статье рассматриваются белорусское и английское функционально-семантические поля дейксиса, анализируется их структура, представляются их универсальные характеристики – эгоцентричность, субъективность, коммуникативно-прагматическая детерминированность, ситуативность, национально-специфические особенности, которые проявляются в перцептивном, типологическом, культурологическом и социокультурном аспектах.
Ключевые слова: дейксис, функционально-семантическое поле, дейктик, полудейктическое слово.

THE FUNCTIONAL-SEMANTIC INTERPRETATION OF DEIXIS IN THE BELARUSIAN AND THE ENGLISH LANGUAGES

Artiomava O.A.

The article deals with the Belarusian and English functional-semantic fields of deixis, analyzes their structure and presents the universal characteristics of deixis such as egocentricity, subjectivity, communicative and pragmatic determinism, situatedness as well as the national specific features which are manifested in perceptual, typological, cultural and socio-cultural aspects.
Keywords: deixis, functional-semantic field, deictic word, semideictic word.

Репрезентируя две глобальные функции языка – коммуникативную и когнитивную, дейксис наряду с модальностью и референцией является системообразующим компонентом речевого взаимодействия, ориентирующим коммуникацию на говорящего и слушателя (личный дейксис), соотносящим высказывание с пространственно-временными параметрами (пространственный и темпоральный дейксис) и обеспечивающим успешное взаимодействие коммуникантов (социальный дейксис). В речи эти типы дейксиса функционируют во взаимодействии друг с другом, поэтому системный подход является определяющим в описании дейктической системы языка.

Впервые вопрос об исследовании дейксиса в рамках поля поставил К. Бюлер. В его концепции язык предстает в виде двух противостоящих друг другу полей – *символического поля* (Symbolfeld) с назывными словами как символами, имеющими свое специфичное наполнение и уточнение в синсемантическом внешнем поле, и *указательного поля* (Zeigfeld) с дейктическими словами, значение которых уточняется в конкретной ситуации [7, с. 76]. Полевый подход к отдельным лексическим единицам указательного поля английского языка с точки зрения из семантики отражен в исследованиях М.В. Бадхен [2], Н.А. Стариковой [17], Ю.Н. Черниковой [22] и др. Однако зафиксировать пространственно-временное положение коммуникантов только с помощью лексических средств не всегда представляется возможным, поскольку некоторые высказывания могут не содержать лексических средств актуализации этой категории. Поэтому дейксис следует рассматривать в рамках функционально-семантического дейктического поля (ФСДП) как системы разноуровневых средств языка (лексических, морфологических, а также комбинированных – лексико-синтаксических), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций [5, с. 21-22] и служащих для языковой репрезентации различных типов указания относительно исходной точки. Такой подход позволяет рассматривать категорию дейксиса как гештальт – сложный ментальный образ, упорядочивающий разнообразие отдельных явлений в сознании человека с включением статичных и динамичных аспектов этого феномена [21]. Главным условием для формирования дейктического гештальта является его хронотипичность – способность человека осознавать себя «здесь и сейчас» [19]. Эта особенность обеспечивает соответствие гештальта текущим обстоятельствам и устанавливает взаимосвязь между фигурой и фоном, которая, актуализируясь, фиксируется в сознании человека и присутствует в межличностной коммуникации [24].

Так, некоторые конституенты ФСП дейксиса английского языка рассматривались в работах Н.Н. Волкова [8], Р.В. Мамедовой [15], Т.П. Сазыкиной [16]. Следующим шагом в развитии функционально-семантического подхода к изучению дейктической категории явились исследования М.Д. Березко [4], Е.И. Кравцовой [12],

И.А. Федоровской [20], Г.А. Шамовой [23] и др. Тем не менее, сопоставительный анализ белорусского и английского ФСДП дейксиса не был отдельным предметом внимания исследователей.

Поскольку дейксис в белорусском и английском языках не получает формального выражения (кроме системы времен глаголов) и характеризуется как скрытая категория, изучение его проявления в семантической структуре слова проводилось методом компонентного анализа. Материалом для исследования послужили дефиниции белорусских и английских толковых лексических, фразеологических и морфологических словарей [3; 13; 25; 25; 27]. На основе тематических классификаций дейктиков в английском языке исследователей А.С. Андреевой [1], А.Г. Бондаренко [5], Е.Л. Ерзинкян [9], Н.Г. Кирвалидзе [11], А.К. Магомедовой [14] нами была разработана собственная таксономия этой категории – функционально-семантического поля дейксиса как системы разноуровневых средств выражения дейксиса в белорусском и английском языках. Основой построения данного поля выступает наличие общего семантического признака ‘указание на параметры речевого акта’ в смысловой структуре языковых единиц. В то же время, наряду с общим признаком каждый элемент обладает дифференциальным семантическим признаком: ‘указание на лицо, время или место речевого акта’. Таким образом, белорусское и английское ФСПД включает три микрополя: *микрополе личного дейксиса*, *микрополе пространственного дейксиса* и *микрополе темпорального дейксиса.*

В ходе исследования была установлена структура белорусского и английского ФСП дейксиса с расположением дейктических систем в порядке уменьшения показателя дейктичности входящих в них конституентов от ядра с чистыми дейктиками – языковых единиц в указательной функции, к ближней периферии с полудейктическими словами – языковыми средствами, сочетающими указательную функцию с назывной.

Микрополя личного дейксиса объединяют единицы, характеризующие участников по их роли в коммуникативном акте, где ядром выступают системы личных местоимений белорусского и английского языков: говорящий (белорус. *я, мы,* англ. *I, we*) – слушающий (белорус. *ты, вы*, англ. *you*) – не участвующий в коммуникации (белорус. *ён, яна, яны*, англ. *he, she, they*). Пользуясь этим принципом, некоторые языковеды допускают возможность увеличения числа коммуникативных лиц, что, как полагает исследователь П. Форхеймер, приведет к бесконечному расширению количества коммуникантов [28, с. 22]. Ближняя периферия белорусского и английского микрополей личного дейксиса представлена притяжательными (белорус. *мой, наш – твой, ваш – яго, яе, іх*, англ. *my, mine, our, ours – your, yours – his, her, hers, its, their, theirs*) и возвратными местоимениями, поскольку он непосредственно связаны с личными местоимениями и образуют с ними общий парадигму [11, с. 75]: *I – myself, you – yourself, he – himself, she – herself, we – ourselves, you – yourselves, they – themselves* в отличие от белорусского языка, где есть только одно возвратное местоимение – *сябе*: *Harry, who was still playing the flute, waved at Ron to get his attention and pointed at* ***himself*** (J. K. Rowling. Harry Potter and the Sorcerer’s Stone) ‘Гарри, усердно дудевший на флейте, помахал Рону, чтобы привлечь его внимание и указал на **себя**’ [НКРЯ]; – *А вы, таварыш? –цераз галовы другіх звярнуўся да яго Гукан. – Я? – паказаў на* ***сябе*** *пальцам юнак і як бы здзівіўся* (І. Шамякін. Сэрца на далоні) [НКРЯ].

Микрополя пространственого дейксиса репрезентируют указание: 1) на предметы, находящиеся в пределах данной ситуации, 2) на место и направление движения лиц и объектов и 3) их пространственное расположение относительно коммуникантов и относительно друг друга. Следует отметить, что белорусское и английское микрополя пространственного дейксиса составляют наиболее значительную в количественном аспекте и наиболее разнообразную в семантическом отношении группу дейктиков. Центр микрополей пространственного дейксиса составляют демонстративы белорус. *гэты, гэтакі, той, такі, столькі*, англ. *this, that, these, those*, основной функцией которых является указание на чувственно-воспринимаемый предмет. Указательные местоимения, лишенные локативных сем, выражают пространственное значение в контексте или в сочетании с существительными со значением локативности: – *Не абпячэ заўтрашні агонь дубок, калі мы пасадзім яго на* ***гэтым месцы****?* (Л. Дайнека. Меч князя Вячкі) [НКРЯ]; – *Stay away from* ***this place*** *tonight* (J. K. Rowling. Harry Potter and the Sorcerer’s Stone) – ‘Держись подальше от **этого места** сегодня ночью’ [НКРЯ]; указательные наречия белорус. *тут, там* и англ. *here, there* концентрируют внимание слушателя на предмете в пространстве и определяют степень близости к ситуации общения или отдаленности от него: – *Гэта* ***тут*** *вы чэрпалі пробы? — І* ***тут****, і* ***там****, дзе вадаспад. А дзве затокі яшчэ не даследавалі* (П.Місько. Грот

афаліны) [НКРЯ]; ***Here*** *and* ***there*** *I found traces of the little people in the shape of rare fossils broken to pieces or threaded in strings upon reeds* (H. G. Wells. The Time Machine) 'То **тут**, то **там** находил я следы посещения музея маленьким народом: кое-где попадались редкие ископаемые, разломанные ими на куски или нанизанные гирляндами на тростник' [НКРЯ]. Говоря о неопределенности семантики лексемы *here* 'здесь', О. Есперсен отмечает, что *here* может быть каким угодно большим при условии включения места, где находится говорящий [10, с. 302]: *Амерыканцы пабудуюць на востраве ваенную базу – і марскую, і авіяцыйную разам, як на тым вядомым усяму свету востраве Дзіега-Гарсія, што таксама* ***тут, у Індыйскім акіяне*** (П. Місько. Грот афаліны) [НКРЯ]; – *My friends, I am far more influential in the civilized world than* ***here in France*** (D. Brown. The Da Vinci Code) '– Друзья мои, я обладаю куда большим влиянием в цивилизованном мире, нежели **здесь, во Франции**' [НКРЯ].

Местоименные наречия белорус. *там*, англ. *there*, указывая на отдаленное от субъекта речи местоположение объекта или событий, предполагают наличие общего пресуппозиционного фонда знаний у говорящего и адресата, когда адресат понимает конкретную локализацию объекта, репрезентированную словом *там*, *there:* – ***Там*** *у вас выбар быў! – не даслухаў Шыгуцкі* (У. Някляеў. Лабух) [НКРЯ]; – *Emily, I'll be* ***there*** *in ten minutes and I'd like my breakfast to be ready* (L. Weisberger. The Devil Wears Prada) '– Эмили, я приеду через десять минут. Я хочу, чтобы завтрак был готов' [НКРЯ].

К ближней периферии относятся: глаголы нахождения и перемещения в пространстве (белорус. *быць*, *прыйсці, прыбыць*, англ. *be, come, arrive*); производные от них существительные (белорус. *прыехаць – прыезд*, англ. *arrive – arrival*); пространственные наречия с семантикой нахождения и направления перемещения в пространстве (белорус. *унізе, уверсе*, англ. *above, down,* белорус. *туды, сюды*, англ. *backwards*, *forwards*); пространственные прилагательные со значением 'положение в пространстве относительно говорящего' (белорус. *правы – левы*, англ. *right – left*); фразеологизмы со значением нахождения и перемещения в пространстве (белорус. *там і тут*, *то туды то сюды*, англ. *here and there, hither and thither*); предлоги, характеризующие местоположение и направление движения того или иного объекта действительности относительно говорящего (белорус. *у, ад, да*, англ. *in, from, to*).

Белорусское и английское **микрополя темпорального дейксиса** ориентированы относительно времени произнесения высказывания говорящим. Ядра этих микрополей в белорусском и английском языках конституируются: а) лексически – обстоятельственными наречиями времени с ориентацией на актуальный момент процесса речи относительно говорящего (белорус. *зараз, тады*, англ. *now, then*) и б) грамматически – временными формами глагола, которые соотносят действие с моментом речи. Ближнюю периферию микрополей временного дейксиса составляют:

а) лексические средства – полудейктические слова с темпоральной семантикой: наречия (белорус. *сёння, учора*, англ. *today, yesterday*), прилагательные (белорус. *наступны*, англ. *next*), глаголы (белорус. *адкладываць, прадчуваць*, англ. *postpone, anticipate*), фразеологизмы (белорус. *тут як тут*, англ. *on the spot*);

б) морфологические средства – префиксы с относительным временным значением, которые вместе с производной основой как точкой отсчета образуют дериваты со значением временной соотнесенности действия или события (белорус. *да-, пры-, прад-*, англ. *pre-, fore-, ex-, co-*): белорус. *прадчуванне, даваенны*, англ. *anticipation, pre-war*).

Таким образом, категория дейксиса в белорусском и английском языках имеет полицентрический характер, определяется тремя инвариантными семантическими признаками – участники, место и время речевого акта и репрезентируется тремя микрополями – личного дейксиса, пространственного дейксиса и темпорального дейксиса.

Белорусские и английские средства микрополей личного дейксиса эксплицируют указание на участников коммуникации (адресант/адресат/некоммуникативные лица). Микрополе пространственного дейксиса манифестируются расстоянием до местонахождения предмета речи (близко/далеко) и направлением его перемещения относительно говорящего и адресата (от говорящего/к говорящему/от к говорящему). Микрополя темпорального дейксиса представлены указанием на порядок следования событий, действий, явлений (предшествование/одновременность/следование) и степень их удаленности относительно момента речи (недавно/давно). Выделенные 5 тематических групп и 13 подгрупп манифестируют тематическое единство языковой репрезентации дейксиса и отражают комплексный характер этой категории в белорусской и английской лингвокультурах.

Универсальными концептуальными характеристиками дейксиса в белорусском и английском языках выступают его эгоцентричность, субъективность, коммуникативно-прагматическая детерминированность, ситуативность. Эгоцентричность и субъективность манифестируются через постоянную зависимость семантики дейктического слова от субъекта речи. Коммуникативно-прагматическая детерминированность дейктиков проявляется в манифестации ими прагматических координат речевого акта: говорящего и слушающего, места и момента актуального времени речепорождения, что позволяет отграничить дейктические слова от сходных языковых явлений. Ситуативность определяется изменчивостью значения дейктического слова от одного употребления к другому.

Национально-специфические черты репрезентации категории дейксиса в белорусском и английском языках проявляются в **перцептивном**, **типологическом**, **культурологическом** и **социокультурном** аспектах.

Перцептивные различия манифестируются в трехчленной структурации пространственного дейксиса *близко-недалеко-далеко* носителями белорусского языка в отличие от дейктической бинарной оппозиции *близко-далеко* в английском языке.

Преобладающий тип выражения личного дейксиса определяет **типологические** и **культурологические** особенности языка. Обязательное использование личных местоимений и невозможность их опущения указывает на прономинальный характер личного дейксиса в английском языке и позволяет отнести его к языкам *non pro-drop*, в которых опущение личных местоимений не разрешается, что свидетельствует о наличии персоналистских тенденций в англоязычной лингвокультуре, когда интересы индивида превалируют над интересами группы. Преобладание форм глагола и опущение личных местоимений первого и второго лица указывают на глагольный характер личного дейксиса в белорусском языке и позволяют отнести его к языкам *pro-drop*, в которых опущение личных местоимений допускается, что свидетельствует о наличии коллективистских тенденций в белорусской лингвокультуре, когда группе отдается приоритет над индивидом.

Социокультурная специфика представлена точной культурно маркированной структурацией пространственного дейксиса относительно говорящего для носителей английского языка, которая проявляется в необходимости сохранения определенной дистанции между участниками общения, что подчеркивает важность определения границ личного пространства в английской лингвокультуре. Фактический материал белорусского языка свидетельствует о неактуальности строгого социального структурирования межличностного пространства в белорусской лингвокультуре и допущении меньшего расстоянии между коммуникантами.

Все вышеуказанные несовпадении обусловлены интро- (тип языка) и экстралингвистическими факторами (социальная структура общества).

Список литературы

1. Андреева О.С. Актуализационный потенциал базовых языковых дейктиков пространственно-временной семантики: дис… канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 141 с.

2. Бадхен М.В. Поле пространственной локализованности в современном английском языке: дис... канд. филол. наук. Л., 1981. 190 с

3. Бардовіч, А.М. Марфемны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Вышэйшая школа, 1989. 718 с.

4. Березко М.Д. Функционирование субстантивных заместителей в современном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1988. 24 с.

5. Бондаренко О.Г. Функционально-семантическое поле дейксиса в современном английском языке: дис… канд. филол. наук, Ростов-на-Дону, 1998. 180 с.

6. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 136 с.

7. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000. 528 с.

8. Волков Н.Н. Семантика и дейктические функции личных местоимений в современном английском языке: дис… канд. фи-лол. наук. М.: МГППЯ им. М. Тореза, 1984. 174 с.

9. Ерзинкян Е.Л. Временной дейксис в разных частях речи в современном английском языке: автореф. дис…. канд. филол. наук. М, 1979. 22 с.

10. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 408 с.

11. Кирвалидзе Н.Г. Дейктические средства в системе современного английского языка и их роль в организации текста: дис… докт. филол. наук. Тбилиси, 1991. 379 с.

12. Кравцова Е.И. Функционально-семантические поля дейксиса как средство организации дискурса персонажа: на материале драматических произведений М. И. Цветаевой "Приключение" и "Ариадна": дис… канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 215 с.

13. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Мн.: БелЭн, 2008.

14. Магомедова А.К. Лексические средства выражения пространственного и темпорального дейксиса даргинского и немецкого языков: дис... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 149 с.

15. Мамедова Р.В. Особенности функционирования указательных местоимений: дис… канд. филол. наук. Баку, 1992. 135 с.

16. Сазыкина Т.П. Грамматическое содержание и употребление указательных местоимений в современном английском языке: дис... канд. филол. наук. Одесса, 1984. 162 с.

17. Старикова Н.А. Функционально-семантическое поле темпоральности в современном английском языке: дис...канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1992. 209 с.

18. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www. rv-blr.com/slounik.jsp?letterId. (дата доступа: 23.11.2016).

19. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С.67-71.

20. Федоровская И.А. Функционирование дейктических единиц в газетных текстах разных типов: дис... канд. филол. наук. М., 1985. 227 с.

21. Ходоренко А.В. Лингвистический гештальт: проблема дефиниции, принципы конструирования // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24(63) №1. Ч.1. С. 192 – 198.

22. Черникова Ю.Н. Функционально-семантическое поле определенности-неопределенности в современном английском языке: дис… канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1993. 230 с.

23. Шамова Г.А. К типологии функционирования дейктических средств: автореф. дис… канд. филол. наук. П., 1992. 19 с.

24. Эйхбаум Г.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1996. С. 32–36.

25. Cambridge English Dictionary [Electronic resource]. Mode of access: http://www.dictionary.cambridge.org/dictionary/english/. (дата обращения: 11.12.2016).

26. Cowie A.P. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Oxford: Oxford University Press, 2000. 685 p.

27. Daphne M. G. The Penguin Dictionary of English Idioms. London: Penguin Books, 2001. 378 p.

28. Forchheimer P. The Category of Person in Language. Berlin: Gruyter, 1953. PP. 67–91.

Об авторе

Артемова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры белорусского языка и литературы, Минский государственный лингвистический университет, artimosha2008@rambler.ru

УДК 81.42

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕТАФОРЫ-ЗАГЛАВИЯ И СТРУКТУРЫ РОМАНА А.С. ГРИНА «БЛИСТАЮЩИЙ МИР»

Вороничева А.О.

В статье анализируется, как метафора-заглавие влияет на структуру романа А.С. Грина «Блистающий мир». Особое внимание уделяется функциям метафорического заглавия.
Ключевые слова: метафора, метафорическая конструкция, заглавие, А.С. Грин, Блистающий мир, функция.

INTERACTION OF METAPHOR OF THE TITLE AND STRUCTURE OF THE NOVEL "THE SHINING WORLD" BY A.S. GRIN

Voronicheva A.O.

The article examines how the metaphor of the title affects the structure of the novel "The Shining world" by A.S. Grin. Special attention is paid to the functions of the metaphorical title.
Keywords: metaphor, metaphorical structure, title, A.S. Grin, Shining World, function.

По мысли Н.А. Кожиной, заголовок – это «текстовый знак, являющийся обязательной частью текста и имеющий в нем фиксированное положение. Это, бесспорно, сильная позиция любого текста» [6, с. 3]. По мнению Г.А. Основиной, заглавие и текст взаимодействуют следующим образом: «Будучи компонентом текста, заглавие оказывается связанным с текстом довольно сложными отношениями взаимозависимости. С одной стороны, оно предопределяет в известной мере содержание текста, с другой – само определяется им, развивается, обогащается по мере развертывания текста» [8, с. 62].

Метафорические заглавия произведений А.С. Грина, заключающие в себе центральный образ (мотив) произведения, могут определять его фабульную и нарративную структуры (например, метафоры в названиях романов «Бегущая по волнам» и «Дорога никуда», являющиеся одновременно и оксюморонами). Е.М. Виноградова называет в качестве одной из особенностей языкового мышления А.С. Грина «изоморфность фабульной и нарративной структуры центральному образу (мотиву) произведения» [3, с. 67]. То же можно сказать и о заглавии рассказа «Крысолов», в котором, по словам Е.А. Яблокова, два крысолова: во-первых, это О. Иенсен, являющийся крысоловом по профессии, во-вторых, по ходу повествования в «крысолова» превращается главный герой: «Внешне рассказ повествует о событиях фантастических: столкновении с мрачным царством крыс и встрече с добродетельным Крысоловом, избавившим героя от преследователей. Но на более глубоком уровне речь здесь идет об изживании «крысиного» и детского» в самом себе; в переносном смысле – герой сам превращается в «крысолова». Заголовку рассказа подчинены основные фабульные события, которые «представляют собой метафору *внутреннего* мира героя»: «Главная борьба происходит в его душе: зло «изнутри» выводится в светлое поле сознания и тем самым преодолевается» [10, с. 88-89].

Особый интерес для исследователя представляет взаимодействие названия произведения со структурой текста в романе А.С. Грина «Блистающий мир». Здесь в заглавие вынесено (т.е. использовано автором в сильной позиции текста) перифрастическое название мира мечты, в отличие от других произведений писателя, в которых также нередко употребляются метафоры идеального мира (*замечательная страна, блистательная страна, лучезарный мир* и т.д.), но не в заглавии, а в самом тексте.

Чтобы дать определение *Блистающему миру,* обратимся к словарям. Слово *блистающий* включено только в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (в качестве синонима к прилагательному *блистательный* в первом значении): «***Блистательный,*** сияющий, сверкающий, блистающий, блестящий, обладающий светом или блеском своим. // Великолепный, роскошный, поражающий величием своим и красотою;// *о деле, поступке, подвиге:* необычайно важный последствиями, удачный, успешный, молодеческий» [5, с. 96]. Только в словаре Даля также четко разграничены значения глаголов *блестеть* и *блистать* (в «Словаре современного русского литературного языка» и в словаре Ожегова и Шведовой значения дан-

ных глаголов тождественны). По Далю, **блестеть** – «источать либо отражать яркий **свет**, поражать зрение зеркальною гладью; светиться, отсвечивать, играть лучами, гореть светом, лоском, лоснеть, лосниться», а ***блистать*** – «издавать яркий **блеск**, **сильно** блестеть или сиять, сверкать, разливать вокруг (из) себя свет лучами» [5, с. 96]. *Блеск,* согласно словарю Даля, – «яркое сосредоточение или отражение света, блистание, сияние»). Значит, *блистать* – это издавать яркий, **сосредоточенный** свет, то есть свет, во много раз усиленный, что подтверждается второй частью дефиниции: «…**сильно** блестеть или сиять, сверкать, разливать вокруг (из) себя свет лучами» и иллюстрацией к этому определению, приведённой В.И. Далем: *Один блестит, как мишура, другой блистает, как солнце.* Нельзя не обратить внимание и на входящую в состав данной формулировки метафору *разливать вокруг (из) себя свет лучами,* то есть речь идёт о блеске, расширяющемся в пространстве, а возможно, и во времени. В дефинициях к словам *блистать* и *блистательный* присутствует либо возвратное местоимение *себя,* либо притяжательное местоимение *своим.* Это подчёркивает, что *блистать* означает «излучать собственный свет», а не отражать чей-либо свет или блеск. На основе вышесказанного можно сформулировать следующее толкование: **блистающий** – «издающий яркий блеск, сильно блестящий или сияющий, сверкающий, разливающий вокруг (из) себя свет лучами». Причастие-прилагательное *блистающий* сочетает в своём лексическом значении компоненты лексического значения как глагола, так и прилагательного, а следовательно, актуальным для слова *блистающий* будет и переносное значение прилагательного *блистательный* – «великолепный, роскошный, поражающий величием своим и красотою».

Но вернёмся к словосочетанию *блистающий мир.* Попытаемся определить, что же означает *блистающий* в данном случае. Для этого обратимся к прилагательному *блистательный*, являющемуся, согласно словарю Даля, синонимичным по отношению к слову *блистающий* как в своём прямом (первом) значении, так и во втором, переносном (см. выше). На наш взгляд, в словосочетании *блистающий мир* прямое и переносное значения слова *блистающий* (блистательный) совмещены, так как одинаково важны для А.С. Грина. Мы считаем также, что в данном контексте для прилагательного-причастия *блистающий* уместно и определение, сформулированное нами на основе дефиниции глагола *блистать* (см. выше). Семантика слова, таким образом, диффузна.

Если в слове сочетаются прямое и переносное значение, то неизбежно возникает **метафоричность**. *Блистающий мир* у А.С. Грина – метафора мира мечты, идеального мира, «Гринова Царствия небесного», куда попадают гриновские «праведники» – мечтатели и «чудотворцы»: «Блистающий мир в романе находится в таком отношении к Гринландии, в каком она находится к миру реальному. Это Гриново Царствие небесное, а Гринландия его земная проекция. *Как все звуки земли имеют отражение здесь, так все, прозвучавшее в высоте, таинственно раздается внизу*» [1, с. 217-218].

При этом именно *блистающий* (блистательный) мир, а не *блестящий,* так как «обладает светом или блеском своим», «разливает вокруг (из) себя свет лучами», выражает идею расширительного блеска и обозначает нечто цельное и идеальное, никак не соприкасающееся с земной реальностью и противопоставленное ей.

А вот отдельные проявления мира мечты в нашем мире уже могут быть названы дериватами от глагола *блестеть*, и на уровне земного мира в произведениях А.С. Грина значения глаголов *блистать* и *блестеть* и производных от них зачастую не различаются. Например, в словосочетании *блестящая даль*: *Неподвижную, раз навсегда данную, как отчётливая картина, жизнь, волнует он, и меняет, и в* ***блестящую даль****, смеясь, движет её* [Т. 2, с. 157; здесь и далее цитаты из произведений Грина даются по изданию [4]; в скобках указываются номер тома и страница]. В данном отрывке говорится о Друде – посланце блистающего мира на земле. Следовательно, под *блестящей далью* также понимается блистающий мир. Почему же тогда *блестящий*, а не *блистающий?* Вероятно, потому, что вышеприведённая цитата выражает взгляд на мир идеальный из мира земного: утрачена целостность, нет ни *мира,* ни *страны*, а есть только расплывчатая *даль.* Кроме того, реплика, в которой упоминается блестящая даль, принадлежит жестокому «Руководителю», желающему уничтожить Друда, – таинственному, но совершенно «земному» человеку, с «земными» помыслами и целями.

Отдельные проявления мира мечты в земном мире – лишь «блёстки». В подтверждение этих слов приведём ещё один пример из «Блистающего мира»: *Если только у вас есть сила,* –

терпение; есть сознание великой избранности вашей натуры, которой открыты уже сокровища редкие и неисчислимые, – введите в свою жизнь ***тот мир, блёстки которого уже даны вам щедрой, тайной рукой*** [Т. 2, с. 114]. Данная цитата – обращение врача Грантома к Руне, попросившей у него помощи в борьбе с тем, что она считала психическим заболеванием. Чтобы определить значение лексемы *блёстки,* вновь обратимся к словарям. У В.И. Даля находим следующее определение: «***Блестка,*** – ***точка,*** употребляемая в золотошвейных работах сплющенная пронизь. *Рассыпать блестки,* пускать пыль в глаза» [5, с. 96]. В «Словаре современного русского литературного языка» дана более подробная дефиниция: «*Блёстки.* Небольшие блестящие частицы чего-либо. *Солнце ярко светило и бросало весёлые отблески на сталь штыков, медь орудий, оттаивающую землю и блёстки инея.* Л. Толст., Рубка леса, VII. Переносно: о мелких или беглых, но ярких проявлениях человеческих дарований (ума, таланта, остроумия и т. п.). *Вино лилось, вино сверкало, Сверкали блёстки острых слов.* Барат., Пиры. [9, с. 506-507].

Представляется, что в нашем случае наиболее точно соответствует существительному *блёстки* последнее из отмеченных значений, ведь под блёстками понимаются видения Руны (которые она сама называет галлюцинациями), её способность мечтать, видеть невидимое для других, а также целеустремлённость и умение достигать поставленной цели. Значит, Руна обладает всеми качествами, необходимыми для того, чтобы человек мог прикоснуться к *блистающему миру*. Поэтому трудно согласиться с мнением А.Н. Варламова: «Странное удовольствие доставляет ему (*Друду* – А.К.) унижать Руну не только за то, что она хочет власти, но и за то, что она не наделена даром его понять и **в ней нет его духовного аристократизма и избранности»;** «Грин жестоко расправляется с ней (*с Руной* – А.К.) за это бессилие и глухоту, **за неизбранность**» [1, с. 216, 219]. В приведённых словах Грантома, напротив, подчёркивается *великая избранность* героини, а автор и Друд, если и наказывают Руну, то не за «неизбранность», а за отсутствие «**сознания** великой избранности» её натуры.

Вероятно, также в данном контексте слово *блёстки* приобретает и другой семантический компонент (см. «Словарь современного русского литературного языка»), так как видения Руны являются небольшими (хоть и не блестящими) «частицами» *блистающего* мира.

Таким образом, слова *блистающий* и *блистательный* в гриновских произведениях являются синонимами и в сочетании с существительными *мир*, *страна* служат средствами метафорической номинации мира мечты в прозе А.С. Грина.

Мир мечты в творчестве А.С. Грина непосредственно связан с небесной сферой, с облаками. Это отразилось в следующем фрагменте из «Блистающего мира»: *Три* ***облака*** *встали над красной полосой горизонта – одно другого громаднее, медленно валились они к тускнеющему зениту, –* ***обрывок великолепной страны, не знающей посещений****. Едва наделяло* ***воображение*** *монументальную лёгкость этих* ***эфемерид*** *земной формой пейзажа, полного* ***белым светом****, как с чувством путника бродило уже* ***вверху****, в* ***сказочном*** *одиночестве* ***непостижимой и вечной цели****. Легко было задуматься без желаний отчетливым* ***сном*** *раскрывшей глаза души над* ***отблесками этой страны****, но нелегко вернуться к себе, – печально и далеко звеня, падало, теряясь при этом, что-то подобное украшению* [Т. 2, с. 118]. Рассмотрим отдельные составляющие данной объёмной метафоры. В первую очередь на ирреальность описанного в ней указывают слова: *воображение, эфемериды, сказочное, сон* и сочетание слов *отблесками этой страны,* создающее в тексте перекличку со строчками Вл. Соловьёва: … *всё, видимое нами, / Только* ***отблеск,*** *только тени / От незримого очами*. А благодаря словосочетанию *непостижимая и вечная цель* возникает параллель со стихотворением Н. Минского «Как сон, пройдут дела и помыслы людей…», где есть слова *Кто* ***цели неземной*** *так жаждал и страдал…* и *Какой-то* ***новый мир*** *мерещился вдали – /* ***Несуществующий и вечный****.* Всё это вместе с употреблённым два раза в данном контексте существительным *страна* даёт нам понять, что речь идёт об **идеальном мире.**

Обозначена также и сфера «существования» (если только это слово может быть употреблено по отношению к идеальному миру) – с помощью слов и сочетаний слов: *три облака, над красной полосой горизонта, вверху.* Подчёркивается, что облака – это ***обрывок*** *великолепной страны.* В другой цитате из «Блистающего мира» мир мечты также обозначен выражением *великолепная плывущая страна*, а кроме того – словосочетанием *облачная страна: Лицо его (Друда –* А.К.*) было обращено* ***к облачной***

стране, восходящей над *зеленоватым утренним* ***небом. …*** *По мере того, как уменьшалась его фигура, плывущая* ***как бы*** *по склону развеянного туманом холма, Стеббс невольно увидел* ***призрачную*** *дорогу, в которой имеющий всегда дело с тяжестью ум человека не может отказать даже независимому явлению. Дорога эта,* ***эфирнее самого воздуха****, вилась голубым путём среди шиповника, жимолости и* ***белых*** *акаций, среди теней и переливов* ***невещественных форм****, созданных игрой утра. По* ***лучезарному*** *склону восходила она, скрывая своё продолжение* ***в облачных снегах великолепной плывущей страны, где хоры и разливы движений кружатся над землей****. И в тех* ***белых*** *массах исчез Друд* [Т. 2, с. 72]. Причастие *восходящей* вызывает ассоциацию с солнцем, а если ещё учесть то, что под *облачной страной* понимается ***блистающий*** *мир,* то данная параллель становится ещё более явной. Мир мечты у Грина всегда связан со светом, блеском. Так, например, Грэй в «Алых парусах», мечтая стать капитаном, мысленно уже видит «свет далёкой страны» [Т. 1, с.150]. Ещё ярче идея блеска выражена в словах Друда: *Одно верно: стоит мне захотеть – а я знаю тот путь, – и человечество пошло бы все разом* ***в страну Цветущих Лучей****, отряхивая прошлое с ног своих без единого вздоха* [Т. 2, с. 50]. *Страна Цветущих Лучей* – ещё одно название мира мечты в творчестве А.С. Грина.

Но вернёмся к *облачной стране.* Особый интерес вызывает то, что восходит она не только над землёй, но и **над небом.** Уже сама аномальность этого высказывания свидетельствует об ирреальности, которую усиливают в сложной метафорической конструкции частица *как бы,* прилагательные *призрачная* и *лучезарный,* сочетания слов *эфирнее самого воздуха, невещественные формы.* Важно то, что *облачной стране* в произведениях А.С. Грина часто соответствует белый цвет. В данном случае мы наблюдаем усиление белого: кроме явных указаний на белый цвет в начале, и в конце отрывка (**белые** акации и **белые** массы, в которых исчез Друд), в тексте есть и косвенный цветоноситель – «облачные снега великолепной плывущей страны». Белый цвет – характерный признак идеального мира в творчестве А.С. Грина. Так, в повести «Вокруг центральных озёр» ещё одним синонимом *блистающего мира* становится словосочетание *белая страна,* являющееся одним из «звеньев» развёрнутой метафоры*: Там возвышались здания изменчивых форм – расплывчатые творения тумана и света, возникали огненные снопы, бившие фонтанами брызг, и вспыхивали фейерверки, потрясая игрой дивных цветов* ***белую страну, плывущую над землёй*** [Т. 3, с. 245]. В выделенном нами выражении эпитет *великолепная* просто заменён прилагательным *белая*, отчего смысл высказывания принципиально не меняется. То, что речь в цитате идёт о видениях больного Гента, не вызывает сомнений в ирреальности описанной ситуации.

Если *великолепная страна* находится *над* небом, то становится вполне понятно, почему она названа в тексте *не знающей посещений.* Подобную характеристику можно встретить и в другом отрывке из «Блистающего мира»: *В чем-то не сошлись воображаемые ею (Тави –* А.К.*) цифры, и приостановилась она, подняв голову, с удивлением слушая странный золотой звон, тихий, как* ***бред*** *ручья в* ***неведомой стране*** [Т. 2, с. 92]. Описанная ситуация предшествует чуду – полёту Друда на волшебном аппарате, звон колокольчиков которого и слышит удивлённая Тави. В метафорическом сравнении *тихий, как бред ручья* само слово *бред* (изменённое состояние сознания) указывает на ирреальность.

Попробуем определить, что же значит «восходящая над небом». Для этого обратимся к дефинициям слова *небо*, данным в толковых словарях. Согласно первым значениям интересующего нас существительного, которыми наделяют его словарь В.И. Даля и словарь Ожегова и Шведовой, небо – *бесконечное, выспреннее пространство, окружающее землю нашу; вся ширь и глубь вселенной, Мнимая твердь над нами, видимый полый шар, внутренняя плоскость его, к коей мы относим все зримое в пространстве, небесный свод* (Даль) и *Всё видимое над Землёй пространство* (Ожегов, Шведова). Значит, согласно словарю Ожегова и Шведовой, *над небом* – это «над всем видимым», а ирреальный мир – это не только «неведомая страна», но и невидимая; это то «**незримое очами**», о котором писал Вл. Соловьёв, та «**заоблачная** высь», куда стремятся все мечтатели. А вот исходя из первой формулировки, данной в словаре Даля, можно сделать вывод, что *над небом* ничего существовать не может, так как небо – это «вся ширь и глубь вселенной». Зато вторая часть дефиниции из словаря Даля созвучна мысли Ожегова и Шведовой с той лишь разницей, что в определение, предлагаемое Далем, включены наивные древние представления о небе как о полом шаре и тверди.

Но в толковых словарях слово *небо* имеет и другие значения: *В религиозных представлениях: обитель бога, богов (устар.)* [7, с. 401]; *То*

выспреннее пространство, где, по нашим понятиям, пребывают вообще души умерших, тот свет, духовный мир; также в особенности где души праведных, окружая Господа и ангельския сонмища Его; рай, небесное царство… // Промысел, провиденье, высшие силы [5, с. 502]. То, что «Гриново Царствие небесное», находится и *над небом*, то есть, согласно словарю Ожегова и Шведовой, над всем видимым, свидетельствует о том, какое значение придавал писатель этому понятию. *Блистающий мир* – это тоже место обитания душ праведников, но, опять же, **гриновских** праведников – мечтателей и чудотворцев, способных в мыслях своих вознестись на запредельную высоту, не доступную для «обыкновенных глаз обыкновенных людей». Нельзя вновь не вспомнить строки Николая Минского: *«Но всех бессмертней тот, кому сквозь прах земли // Какой-то новый мир мерещился вдали – // Несуществующий и вечный…».* Подтверждение того, что мир мечты в произведениях Грина отождествляется с понятием *рай,* можно найти в фантастической по своей силе и красоте сложной метафорической конструкции – описании портрета Друда: *Тогда, во время не большее, чем разрыв волоска, все веяния и эхо сказок, которым всегда отдаём мы некую часть нашего существа, – вдруг, с убедительностью близкого крика глянули ей в лицо* ***из страны райских цветов, разукрашенной ангелами и феями****, – хором глаз, прекрасных и нежных* [Т. 2; 60]. Прилагательное *райских*, а также существительные, обозначающие сказочных и мифических существ (*ангелы* и *феи*) указывают на то, что названная страна в понимании Грина действительно мыслится как рай, нечто совершенное и прекрасное. Поэтому и все другие номинации этой страны в различных произведениях А.С. Грина имеют положительные коннотации, например, *великолепная страна* в приведённой выше цитате из «Блистающего мира».

«Блистающий мир» – роман о неразрывной, гармоничной связи внутреннего мира человека с миром мечты. Неслучайно в названии произведения использован эпитет *блистающий*, употребляемый А.С. Грином с существительным *мир*, и тогда, когда под последним подразумевается внутренний мир человека (ср. *блистающее сознание Грэя* в феерии «Алые паруса»), и в том случае, если данное слово обозначает мир мечты, отождествляемый с понятием *рай*. Потому и не важно, погибает ли **физически** в финале Друд или нет – не об *этом* мире роман. Потому и заканчивается повествование в тот момент, когда окончательно рвётся связь внутреннего мира Руны с миром мечты.

Следовательно, заглавие, «единица текстового уровня», «свернутый текст» (Н.А. Фатеева), представляющее собой метафору рая, придаёт роману философскую направленность и определяет логику построения романа, то есть выполняет, наряду с традиционной функцией оглавления («быть неким путеводителем, в котором маркированы относительно законченные фрагменты текста и зафиксирована их последовательность»), и концептуализующую, и смыслообразующую функции [2, с. 175].

Список литературы

1. Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2008. 452 с.
2. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста (Антология и поэтика) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 237 с.
3. Виноградова Е.М. Геометрия жизни сквозь «неправильное стекло» языка А. Грина // Русский язык в школе. 2005. № 3. С. 63-67.
4. Грин А.С. Собр. соч.: В 6 т. Екатеринбург: КРОК-Центр, 1993.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М.: Русский язык Медиа, 2007.
6. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, типология // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1986.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2003. 944 с.
8. Основина Г.А. О взаимодействии заглавия и текста (на материале рассказа А.П. Чехова «Устрицы») // РЯШ. 2000. №4. С. 62-66.
9. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т.1. М.–Л.: АН СССР, 1950. 768 с.
10. Яблоков Е.А. А.С. Грин в жизни и творчестве. М.: Русское слово – учебник, 2012. 112 с.

Об авторе

Вороничева Анастасия Олеговна – аспирант 3 курса филологического факультета, Московский педагогический государственный университет, nastycrow@yandex.ru

УДК 81-119

ИНТЕРТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНО - КУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ

Гехтляр С.Я.

Рассматривается интертекст как один из вариантов кодирования компонентов информации, необходимой для обеспечения взаимопонимания коммуникантов, показано, как важен для такого взаимопонимания учет изменений в характере взаимоотношений культуры национальной и в контексте глобализации, культуры актуальной и культурного наследия.
Ключевые слова: фоновые знания, интертекст, национальная культура, глобализация.

INTERTEXT AS A SOURCE OF SOCIO-CULTURAL COMPONENT OF BACKGROUND KNOWLEDGE

Gehtljar S.Ya.

Intertext is considered as one of the options for encoding components of the information necessary for providing mutual understanding of communicators, it is shown how important for such mutual understanding is consideration of changes in the fields of national culture and the nature of a relationship in the context of globalization of culture and cultural heritage relevant.
Keywords: background knowledge, intertext, ethnic culture, globalization.

Почему так происходит, что какое-то сочетание звуков вдруг рождает в голове слушающего представление, напоминание именно о том предмете, признаке или действии, которое имел в виду говорящий? Почему, если один из участников коммуникативной ситуации произносит ряд звуков, например: «Который час?», то второй сразу же смотрит на часы – и отвечает? Почему какая-то закорючка или их несколько (если это письмо) заставляет прочитавшего радоваться или горевать, то есть позволяет понять ее, этой закорючки, содержание?

Вот читает, например, музыкант в нотной тетради слово пиано – и начинает играть медленнее, чем до этого, а услышав слово «Пожар!», окружающие обязательно предпринимают какие-то действия, т.е. если мы знаем ЯЗЫК, мы можем ПОНЯТЬ передаваемое словом, текстом СОДЕРЖАНИЕ (См. А.А. Потебня, А.М. Пешковский).

Что же такое понимание и как оно связано с другими языковыми и неязыковыми явлениями, от чего оно зависит?

Первое, что необходимо для того, чтобы понимание наступило: у текста должно быть значение, однообразно воспринимаемое говорящим и слушающим, т.е. оба они должны знать один язык.

Но, как давно стало ясно лингвистам [См. 3:1978, с.3 -5] , есть у понимания, кроме идущей от языка, вторая составляющая – смысл: полностью мы понимаем сказанное, написанное только тогда, когда и сказавший, и услышавший имеют в виду одно и то же, полностью совпадающее внеязыковое содержание, т.е. вкладывают в говоримое один смысл [См. 4, с.212-214]. Не случайно исследователи предлагают различать разные поля понимания, в рамках которых реализуются различные способы: в первом поле - мир фактов, обладающих достоинством непосредственной действительности, в другом это могут быть социальные или профессиональные ассоциации и др.

Из-за того, что реальность дана человеку фрагментарно и она изменчива, понимание требует постоянной достройки в уме «увиденного» в свете текста мира, а мир у каждого специфический, смысл слова более подвижен, чем значение, динамичен и, по сути дела, неисчерпаем.

Например, попробуем посчитать, сколько смыслов может представлять одна простая русская фраза: «Я приду завтра». Это может быть обещание, угроза, просто сообщение о распорядке дня, о том, что машина в ремонте и посещение будет реализовано пешком; это может быть ирония («как же, жди!»), переход от ссоры к компромиссу, и еще, еще..

Однако при безразмерности смысла первая составляющая понимания, значение, -поскольку оно является обобщенным отражением предметного объективного содержания явлений, - обязательно обладает определенной устойчивостью (например, если по-русски слово рука в своем главном значении – название органа тела человека, то этот звуковой комплекс и орган связаны уже навеки, и никто с этим ничего поделать

не может). Поэтому значение цементирует варианты смысла, не дает смыслу (если вступающий в общение человек умственно и психически адекватен) выйти за пределы реальности. Т.е. в приведенной выше многосмысленной фразе: «Я приду завтра» закрыт выход за границы того, что здесь : 1\сообщение о прогнозируемом действии (его цементирует глагол в будущем времени), 2\ что это будущее – ближайшее, 3\что действие будет совершено говорящим, как и сообщение о нем. И только в этих пределах возможны различия. Но важно, чтобы каждое из потенциальных различий, каждый вариант был обеспечен адекватностью восприятия. Чтобы язык выполнял свою роль как средство общения, необходимо понимание .

Воспользуемся для вывода каламбуром: нам понятно, что не всегда все может быть понятно даже в родном языке, даже тогда, когда мы точно знаем значение каждого слова, звука. Происходит это прежде всего потому, что понимание предполагает наличие в тексте, кроме значения, еще и смысла, этой второй составляющей значения, т.е. такого индивидуального значения, которое слово и текст приобретают в данной конкретной ситуации.

Таким образом, для полноценного восприятия текста необходимо не только создавать его по всем правилам данного языка, но и учитывать все возможные варианты возникающего содержания, которое, в свою очередь, способствует толкованию того, что называется подтекстом, а проще: способствует наиболее полному извлечению заключенной в тексте информации.

Какие для этого необходимы условия? Исследователи языка коротко отвечают на этот вопрос так: прежде всего, сопоставимость, общность картин мира участников общения. Как сказал один из величайших философов и лингвистов Вильгельм Гумбольдт, «никто не понимает сказанного в одном и том же смысле» (Цит. по 11, с. 157), но благодаря умному устройству языка , даже при наличии препятствий к пониманию, мы способны извлекать смысл послойно, постепенно вникая в наиболее общие аспекты , постепенно добираясь, - а иногда так и не добравшись, - до последних слоев, и уяснение этого последнего, самого –самого глубинного слоя определяется только сопоставимостью картин мира.

Об этой стороне общения и «добывания» смысла специалисты разных областей знаний,- философы, социологи, лингвисты, литературоведы, психологи,- догадались относительно недавно. В частности, лингвисты заметили, прежде всего, что один и тот же текст может восприниматься по-разному, в зависимости от того, насколько одинаково глубоки сведения о теме и проблематике ситуации общения у говорящего и слушающего (или слушающих). Например, по-разному воспримут глубинный смысл следующей лирической эпиграммы С.Маршака даже русские читатели разных поколений, имеющие разное представление о том, что такое керосин и, соответственно, «керосинная лавка»: «Как вежлив ты в покое и тепле.\Но будешь ли таким во время давки/На поврежденном бурей корабле/Или в толпе у керосинной лавки?»[9,с.44]. Напомним: керосин до эпохи газа был важнейшим видом бытового топлива, еду готовили на примусах, керосинках (и эти названия уже не всем понятны), поэтому поэт с полным правом ставил рядом две ситуации - буря и очередь за керосином. Главный смысл эпиграммы выявляется лишь для того, кто улавливает, что буря на море и очередь за керосином – это два жизненных полюса, трудности быта могли подчас ощущаться болезненнее реальной для жизни опасности, сопоставленные, они позволяют сделать представленную характеристику объемной.

Таким образом, внетекстовые сведения, представляющие собой элементы общенациональной и общечеловеческой культуры, необходимы для понимания. Именно поэтому общую для коммуникантов информацию, обеспечивающую взаимопонимание при общении, исследуют как особый элемент коммуникации, ее принято называть фоновыми знаниями [См.1,с.498, 6,с.23].

Как элемент культуры, фоновые знания, подчиняясь ее закономерностям, подразделяются на актуальные и принадлежащие культурному наследию. Кроме сведений, безусловно известных всем членам определенной национальной общности, каждая коммуникативная ситуация предполагает наличие у адресанта и адресата общего пласта представлений, специфических, но необходимых для успешного осмысления данной конкретной информации. Эти сведения находятся за пределами текста, но невидимыми нитями связаны с текстом, определяют его содержание, являются его фоном, поэтому и получили название фоновых знаний, т.е. это необходимые для данной ситуации знания реалий и культуры, которые обеспечивают, гарантируют полноту и правильность восприятия .

Например, если в процессе беседы двух человек возникает реплика: «Мы все учились понемногу…», то правильное восприятие ее содержания и , соответственно, адекватная реакция возможна лишь в том случае, если слушающему известно, что эти слова – неполная цитата из романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин»; если известно, что далее у Пушкина следуют слова: «…чему-нибудь и как-нибудь», при этом немаловажно, кстати, что при ближайшем рассмотрении онегинское « чему-нибудь» не всегда позволяет так уж гордиться нашим обучением.

Если , предположим, тот, на кого была рассчитана реплика, не читал роман «Евгений Онегин» или не помнит данных строк, то смысл сказанного останется для него невоспринятым, потому что главное в реплике – желание говорящего словами Пушкина дать оценку образованию, показать, что считает его не лишенным недостатков.

Таким образом, уже на этом примере можно увидеть, что одна из функций фоновых знаний, наполняющих содержание каждого текста, заключается в том, что отдельные компоненты могут приобретать особую роль в организации смысла текста, а через него – и в комплектации оттенков содержания.

Фоновые знания неоднородны. Наиболее важный и при каждом общении необходимый их тип обычно называют энциклопедическими знаниями, именно их недостаток является причиной того, что не всегда могут понять друг друга люди разной степени образованности, разных социальных слоев, разного возраста. Но если в обыденной жизни недостаток такого рода знаний, как правило, преодолевается с помощью окружения, более взрослые и опытные вскрывают подтекст, объясняют его молодым, то восполнить такого рода недостаток в отношении литературных, публицистических текстов, различных элементов национальной культуры любого жанра значительно труднее.

Основных причин две: не каждый читатель способен стать соавтором, хотя это необходимо любому создателю произведения (вспомним ахматовское: «Каждый читатель как тайна, как в землю закопанный клад»), но еще важнее (и это доказано): любой текст, как только он становится объектом восприятия, коммуникации, начинает жить отдельной от своего автора жизнью, впитывает в себя элементы смыслов окружающей жизни, испытывает влияние времени, - и это на всем периоде его существования. В связи с этим Ю.М.Лотман говорил , в частности, о «лавинообразном самовозрастании смыслов» текста[8,интернет-ресурс], например, книги: мир вокруг нее меняется и содержание вместе с ним. Недаром так часто можем услышать о новом прочтении такого-то романа, пьесы, картины, скульптуры.

Совершенно особую роль в процессе овладения смыслом играет такая составляющая . как интертекст, т.е явление, когда в материю текста внедряется более или менее точное цитирование совершенно другого текста[7,с.38-42] . Вообще интертекстуальность – органично присущее тексту свойство включать в себя сторонние элементы, наложение одних ассоциативно-семантических структур на другие с образованием новых элементов смысла [См. 2, с. 150-153]. Нередки случаи. когда опознание и верная расшифровка содержания такого элемента раскрывает смысл не только данной коммуникативной ситуации, но и выводит понимание далеко за ее пределы. Рассмотрим один из таких случаев в качестве иллюстрации к сказанному.

В широко и подробно описанной истории создания и публикации романа Б.Пастернака «Доктор Живаго» бросаются в глаза некоторые расхождения в мнениях исследователей, пытающихся ответить на вопрос: понимал ли Пастернак всю опасность совершаемого им поступка – передачи рукописи за границу для опубликования? И если понимал, что служило в этот момент опорой, оправдывало в его глазах ситуацию риска ? Ведь рисковал он не только своим благополучием, но и благополучием семьи.

Одни историки литературы вспоминают при этом, что еще Сталин называл Пастернака «небожителем», в связи с чем утверждают, что поэт вообще не знал жизни и не мог предвидеть того размаха травли, которую повлечет его поступок. Другие, не соглашаясь с версией «небожительства»,объясняли решимость поэта тем, что обратившийся с предложением переправить рукопись за границу итальянский журналист Серджо Д’Анджело был представителем издателя-коммуниста Фильтринелли: «Этот факт придавал передаче рукописи хоть какую-то видимость легальности» [14, интернет-источник]. И все же мы имеем все основания уверенно утверждать: суть поступка ни в первом и ни во втором объяснении. Б.Пастернак отчетливо представлял всю мужественность, всю опасность, все ужасные последствия своего поступка, он предвидел все, и уверенности, что дело обстояло именно так, придает нам анализ

даже одной единственной фразы, которую произнес поэт, передавая роман журналисту: «Теперь вы приглашены на мою казнь!»

Эта фраза – интертекстуальный элемент беседы, он моментально заставляет вспомнить один из лучших романов В.В. Набокова – «Приглашение на казнь», роман, появившийся в 1934 году и развенчивающий события тех лет в Германии, роман, пророчески описывающий важнейшие черты характера тоталитарных режимов [10]. Его герой – творческий, не совершивший никакого преступления, но приговоренный к смерти человек, как отмечается, – «за гносеологическую гнусность», а попросту – за некоторую неординарность мышления, способность иметь собственные мысли, расценивается в описанном обществе как угроза .

А само общество предстает перед нами в романе как мир торжествующего обывателя, и это мир, где афиши, приглашающие на казнь, одновременно оповещают: «Талоны циркового представления действительны», где палач ангажирует осужденного на тур вальса, а директор тюрьмы умильно, огорченно упрекает приговоренного, что тот недостаточно высоко оценивает тот или иной кулинарный изыск. «Иссякание смысла» [5, интернет-ресурс], показывает Набоков, еще страшнее тоталитаризма, воплощенная писателем в ярких образах торжествующая заурядность удивительно напоминает нам не только Германию в канун войны, но и тупость и фантасмагорию травли, развернувшейся в стране в ответ на опубликование за рубежом романа Пастернака.

Сказанная Пастернаком фраза о приглашении на казнь, - это не просто напоминание о романе Набокова, она, несомненно, означает, что поэт отождествляет себя с героем, одиноким и оказавшемся в изоляции, единственным из окружающих «непрозрачным» человеком, запертом в мире, где упразднены понимание, жертвенность, любовь и милосердие.

Прошло немного времени после передачи рукописи за рубеж – и барабанная дробь указов и постановлений, «откликов трудящихся», начинающихся словами «Я романа не читал, но скажу…» обрушилась на поэта. Среди многого, что предельно близко к изображенному Набоковым – фальшивые сожаления (К.Федин: «…не знаю, мыслимо ли теперь, после всего происшедшего, «спасти» П[астернака], наотрез отказавшегося от «спасения», когда оно было достижимым») [14,интернет-ресурс], фальшивое пристегивание политической окрашенности к поступку Пастернака(«Трудящиеся гор. Москвы с глубоким возмущением осуждают предательские действия Б. Пастернака, направленные против советского народа, против мира и социализма») [Там же], оскорбительные и грубые характеристики («Характерным является высказывание аппаратчика Дорхимзавода т. Молокова, который в беседе с товарищами заявил: «Когда я узнал из „Литературной газеты“ об унизительном и мерзком поступке Пастернака, у меня не было слов, которыми бы я мог выразить свое возмущение. Это поступок растленного и разложившегося человека, который оклеветал народ, выкормивший его. Пастернак достоин самого сурового наказания, он хуже, чем враг. Это гнойник, а гнойники рвут с корнем. Я одобряю постановление Президиума Правления Союза писателей СССР о лишении Пастернака звания советского писателя и считаю, что его надо судить за клевету» [Там же] (подчеркнуто нами. – С.Г.).

Так что, передавая в Италию рукопись, Б.Л. Пастернак хорошо представлял себе, на что идет, и фраза его о казни не случайна.

Впрочем, он знал все и раньше, недаром в самом тексте романа говорится: «Всякая стадность прибежище неодаренности, все равно верность ли это Соловьеву, или Канту, или Марксу. Истину ищут только одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно» («Доктор Живаго»).

Духовные завоевания всегда приобретались ценою недоступных здравой оценке трагедий и жертв, судьба автора великого романа подтвердила реальность такой закономерности. Подвиг его подвижничества частично зашифрован в литературных и культурных текстах, в том числе, в их интертекстуальных вкраплениях. и нуждается в нашем внимательном изучении.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.,: Советская энциклопедия,1966.

2. Белова Т.Н. Интертекстуальные аспекты «русских» и «американских» романов В.Набокова\Т.Н.Белова. «Вестник Московского университета». Сер.9.Филология,2005,№4.

3. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., «Наука», 1978.

4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию.Т.1. М., 1963.

5. Быков Д. Лекция «1934 г. Роман В.Набокова «Приглашение на казнь»\ Интернет-ресурс,You Tube, «Сто лекций с Дмитрием Быковым».

6. Верещагин В.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., МГУ,1973.

7. Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты. Проблемы современной стилистики. М., Прогресс, 1989.

8. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Интернет-источник:studio-pediar\11 66 97/

9. Маршак С.Я. Лирические эпиграмы. М., 1965.

10. Набоков В.В. Истребление тиранов. Минск, 1990.

11. Павлов В.М. Проблемы языка и мышления в трудах В.Гумбольдта и неогумбольдтианском языкознании\Язык и мышление. М., 1967.

12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

13. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.1-2. М., 1958.

14. «Секретный триумф ЦРУ» - Интернет-источник: http://pasternak.niv.ru/pasternak/dokumenty/pasternak-i-vlast/10-1958-informaciya-mgk-kpss-ob-otklikah.htm.

Об авторе

Гехтляр Светлана Яковлевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, sv_ge@mail.ru

УДК 81.255

ПЕРЕВОД: ЭКВИВАЛЕНТНО – НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНО, И АДЕКВАТНО – НАСКОЛЬКО НУЖНО

Евтеев С.В.

Отличие перевода от других видов языкового посредничества заключается в эквивалентности текста перевода оригиналу, в создании переводного текста в другом языке и культуре, полноценно замещающего оригинал. Переводчику приходится учитывать расхождение языков, культур, текстотипологических правил и фоновых знаний получателей исходного и переводного текстов. Прагматическая адаптация текста перевода может вести к объективным расхождениям исходного и переводного текстов, и, как результат, в некоторых случаях к отказу от необходимости максимальной эквивалентности. Зачастую представляется целесообразным, с одной стороны, сохранить установку на эквивалентность, а, с другой стороны, сделать переводной текст доступным и понятным для получателей в другом языке и культуре, то есть сделать его адекватным. Эквивалентность и адекватность рассматриваются как стратегии перевода и критерии оценки его качества, и относятся как к процессу, так и к результату перевода.
Ключевые слова: эквивалентность и адекватность в переводе, языковое посредничество, прагматическая адаптация текста перевода, стратегии перевода, критика скопос-теории.

TRANSLATION: EQUIVALENCY AS POSSIBLE, ADEQUACY AS NEEDED

Evteev S. V.

Translation differs from other means of language intermediation in its equivalency to the original text, in creating a text in a target language and culture fully substituting the original. The translator has to consider the divergent nature of the languages and cultures, typological features of the texts and the background knowledge of the receivers of the original and the translated texts. Pragmatic adaptation of the translated text can lead to the objective discrepancy between the source and target texts and as the result - in some cases to the rejection of maximal equivalency. The author of the article regards it reasonable, on the one hand, to preserve the focus on equivalency and on the adequacy of the texts, on the other hand, which makes the translated text available and transparent for the people of the target language and culture. Equivalency and adequacy are regarded as translation strategies and criteria of its quality assessment; they both belong to the process and result of translation.
Keywords: equivalency and adequacy in translation; language intermediation; pragmatic adaptation of the source text; translation strategies; criticism of Skopos theory.

Целью данного исследования является уточнение следующих понятий: предназначение перевода, перевод и другие виды языкового посредничества, эквивалентность и адекватность, а также описание некоторых путей решения прагматических проблем перевода.

Общественное предназначение перевода, которое «существует абсолютно объективно, то есть совершенно независимо от воли переводчиков, заказчиков и потребителей перевода» [4, с. 15], состоит в создании переводного текста для получателей в другом языке и культуре, полноценно замещающего оригинал. Перевод отличается от других видов языкового посредничества с их особыми и им присущими задачами коммуникации (от адаптивного транскодирования, переложения, пересказа, реферата, аннотации, сокращенного перевода и т.п.) эквивалентностью относительно исходного текста, относительной общностью перевода и оригинала при отсутствии их тождества [3, с. 113]. При этом «эквивалентность обычно рассматривается как основной признак и условие существования перевода» [3, с. 117]. Получатель перевода, не имеющий возможности ознакомиться с текстом оригинала, полагает (иногда наивно), что перед ним полноценная замена исходного текста в функциональном, содержательном, стилистическом и прочих отношениях.

Для создания полноценной коммуникативной замены оригинала переводчику приходится учитывать следующие лингвистические и прагматические факторы, составляющие ситуацию перевода, когда исходный и переводной тексты адресованы различным получателям:

- расхождение языков и культур;
- расхождение текстотипологических правил построения текстов в обоих языках и культурах;
- расхождение фоновых знаний и познавательных возможностей получателей исходного и переводного текстов (ИТ и ПТ).

Перевод представляет собой вид межъязыкового и межкультурного посредничества, ориентированного, с одной стороны, на оригинал, а, с другой стороны, на получателей переводного текста на другом языке и в другой культуре. Перед переводчиком стоит сложная теоретическая и практическая проблема создания переводного текста, не только эквивалентного

оригиналу, обеспечивающего в соответствии с ожиданиями автора исходного текста коммуникативное воздействие на получателя перевода, но и его полное понимание и соответствие объему фоновых знаний получателей в другой культуре. При таком двустороннем подходе прагматические задачи коммуникативного процесса в переводе связаны:

- с решением «проблемы адресанта, как использовать язык для генерации текста, несущего коммуникативную нагрузку адресанта»;

- с решением «проблемы адресата, как интерпретировать языковое сообщение адресанта для понимания коммуникативной сути» [2, с. 40].

Прагматическая адаптация текста перевода, понятного для получателя, может приводить к объективным расхождениям исходного и переводного текстов, к потерям и дополнениям при переводе, связанным с восполнением отсутствующих знаний у получателя, и, как следствие, в некоторых случаях к отказу от максимальной эквивалентности.

Это дополняется даже еще и тем, что получатель может вести себя наивно по отношению к переводу, полагая, что перед ним полноценная, эквивалентная замена исходного текста. И для подобной наивности существуют веские основания. В зарубежном переводоведении некоторые теоретики и практики перевода предлагают отказаться от понятия эквивалентности. Этот отказ аргументируется, в частности, в недавно переведенной и изданной на русском языке книге «Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической» австрийского специалиста по переводу Эриха Прунча [5], следующими причинами.

Во-первых, наличие большого количества типов эквивалентности (содержательной, текстуальной, стилистической, формальной, функциональной, динамической, прагматической, экспрессивной и т.п.), предлагаемых переводоведами, ведет к терминологической неопределенности понятия эквивалентности и его большой абстрактности.

Во-вторых, в связи с развитием науки о переводе, с появлением новых направлений исследований и научных дисциплин, коррелирующих с переводоведением, понятие эквивалентности в переводе постоянно претерпевает изменения. Вместе с этим меняется и содержание понятия эквивалентности: от эквивалентных замен на уровне слов и подбора ближайших естественных эквивалентов в процессе перевода, чисто лингвистического подхода сравнения языковых систем, сравнения отдельных элементов и целого текста, до стремления создать переводной текст с одинаковым коммуникативным воздействием, равноценной реакцией получателей исходного и переводного текстов, сохранения в тексте перевода различных характеристик исходного текста (содержательных, формальных, стилистических, функциональных и прочих).

В-третьих, теоретики и практики перевода отмечают сложность или даже невозможность достижения полной эквивалентности обоих текстов из-за их структурных, семантических, прагматических и прочих различий, и творческий, индивидуальный характер работы переводчика по достижению хотя бы частичной эквивалентности. В этой связи для некоторых теоретиков перевода, например М. Снелл-Хорнби [12, S. 14], требование эквивалентности оригинала и текста перевода представляет собой иллюзию.

В 1980-е годы немецкие переведоведы К. Райс и Х. Фермеер предложили теоретическое и практическое решение проблемы эквивалентности, разработав скопос-теорию [11]. Согласно этой теории под цель создания перевода, задаваемую заказчиком (инициатором) перевода или самим переводчиком, интерпретируется и адаптируется переводной текст. При переводе возможно даже изменение функции текста. Э. Прунч замечает, что «скопос может быть эксплицитно задан автором или заказчиком/инициатором перевода на основании его особой заинтересованности в определении функции перевода. Переводчик определяет скопос на свой страх и риск, сообразно своим интересам» [5, с. 200]. Невнимание к учету языковых особенностей оригинала и его прагматики влечет за собой значительные изменения в тексте перевода. При таком подходе невозможно добиться максимально полного воспроизведения оригинала, равной коммуникативной значимости, а, следовательно, и эквивалентности текстов.

Отказываясь от эквивалентности, поскольку «перевод не может осуществляться «эквивалентным способом», но может оказаться эквивалентным как частный результат достижения адекватности перевода определенной цели» [3, с. 259], создателями скопос-теории предлагается адекватный перевод, ориентированный на выбор стратегий и способов перевода в условиях натурализации текстадля получателяпосле определения заказчиком (переводчиком) читательской аудитории. Данный подход представляет собой вид языкового посредничества (создание переложений, адаптаций и т.п. для определенной категории читателей), но не собственно перевод со

свойственной ему переводческой проблематикой. Поскольку в рамках такого подхода максимально точный и полный перевод исходного текста не имеет смысла, то трансфер исходного текста в своем содержании и языковой форме нерелевантен: ИТ не является основой для перевода. Как пишет Э.Прунч, происходит низвержение исходного текста, смерть Автора и смерть оригинала [5, с. 417-418]. Здесь следует вспомнить о ранее упоминаемом наивном получателе, который получает на руки перевод, не связанный с оригиналом или созданный по его «мотивам». При этом исключается не только понятие эквивалентности, но и применение теории перевода.

Попытку «ограничить свободу» скопоса и связать исходный и переводной тексты в переводе сделала немецкий переводовед Кристиане Норд, введя понятие лояльности. Лояльность означает ответственность переводчика как по отношению к автору ИТ (или инициатору, если он берет на себя функцию отправителя), так и по отношению к получателю ПТ [10, S. 32]. Иными словами, «поскольку переводчик взаимодействует с другими индивидами, выступающими в роли автора, инициатора/заказчика и реципиента ТП (текста перевода), которые не могут или практически не могут проверить его действия, то он не имеет права злоупотреблять доверием своих партнеров» [5, с. 193]. По нашему мнению, поскольку К.Норд отмечает ответственность по отношению к автору ИТ и получателю ПТ, то следовало бы говорить о двойной лояльности, двойной детерминированности в переводе, что ведет по сути к идее эквивалентности, но в иной интерпретации.

В-четвертых, в связи с огромным объемом информации в современном мире полное воспроизведение текстов на другом языке зачастую не требуется заказчику перевода. В этих случаях межъязыковой коммуникации используется краткая, выборочная, переработанная передача информации. В результате подобного адаптивного транскодирования (реферирования, переложения и т.п.) полученный текст значительно отличается от оригинала, и решение проблемы полной эквивалентности текстов не является необходимой.

Говоря об эквивалентности исходного текста переводному, следует подчеркнуть, что коммуникативная равноценность ИТ и ПТ устанавливается на уровне текста. Это предполагает:

1) максимально возможную содержательную общность оригинала и текста перевода;

2) формальное (жанрово-стилистическое) соответствие для данного типа текста в обоих языках и культурах на основе соответствующих литературных традиций;

3) сохранение коммуникативной функции (функций) оригинала в переводном тексте.

Но этих требований недостаточно для создания переводного текста. Ранее уже отмечалось, что прагматические проблемы представляют собой серьезный фактор для адекватного восприятия перевода. Поэтому еще необходим 4) учет лингвокультурных особенностей получателей перевода, под которыми понимаются особенности нормы и узуса языка перевода по сравнению с языком оригинала, расхождения в фоновых знаниях реципиентов, то есть учет совокупности смыслов национально-культурной специфики, выраженных в языковой форме принимающей культуры для понимания переводного текста получателями (учет (лингво)культурологической доминанты) [1, с. 330-331]. Данное требование ориентировано на получателей перевода и имеет целью создание понятного для получателей переводного текста, сопоставимого с восприятием оригинального текста получателями исходного языка, то есть подразумевает адекватность перевода. Неестественность формулировок на переводном языке, связанная зачастую с буквальным переводом, создает проблемы понимания текста и может негативно влиять на коммуникативный эффект, производимый переводом на его получателя.

Здесь необходимо сделать несколько замечаний по поводу эквивалентности и адекватности, их соотношения и доминирования в различных типах текста. В формулировке В.В. Сдобникова и О.В.Петровой эквивалентность и адекватность «относятся к результату переводческого процесса, то есть к тексту перевода» [6, с. 210]. А.Д. Швейцер приходит к выводу о том, что «обе категории (эквивалентность и адекватность) носят оценочно-нормативный характер. Но если эквивалентность ориентирована на результаты перевода, на соответствие создаваемого в итоге межъязыковой коммуникации текста определенным параметрам оригинала, адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта, с его детерминантами и фильтрами, с выбором стратегии перевода, отвечающей коммуникативной ситуации. Иными словами, если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» [8, с. 95]. По мнению А.Д. Швейцера, переводчик переводит адекватно, а по завершению процесса перевода проверяет полученный текст на эквивалентность

исходному тексту.

На наш взгляд, эквивалентность и адекватность представляют собой стратегии перевода и критерии оценки его качества, а потому относятся как к процессу, так и к результату перевода. Перефразируя немецкого переводоведа Й. Альбрехта, который отмечал, что нужно переводить, сохраняя верность оригиналу насколько это возможно, и быть свободным от него, насколько это необходимо(so treu wie m*ö*glich und so frei wie n*ö*tig), можно сказать, что необходимо переводить эквивалентно, насколько возможно, и адекватно, насколько нужно [9, S. 61].

Эквивалентность, как категория ретроспективная с позиций переводчика, направлена на реконструкцию требований инвариантности текстовых компонентов оригинала в переводном тексте, то есть коммуникативной функции (функций), содержания и формы и их соотношения и иерархии.

Переводческая адекватность, категория перспективная с позиций переводчика, означает постоянное внимание переводчика в процессе перевода к достижению коммуникативного воздействия на получателей, равного воздействию ИТ на своих получателей, а именно:

- к выбору языковых средств в переводном языке в конкретных условиях коммуникации;
- к экстралингвистическим факторам, таким как расхождение фоновых знаний получателей перевода и внесение необходимых, мотивированных дополнений (комментариев и т.п.).

Таким образом, категория эквивалентности представляет собой установку на максимально полное содержательное, стилистическое, функциональное соответствие между ИТ и ПТ, на воспроизведение индивидуального авторского стиля для определенных типов текста, а категория адекватности направлена на приближение переводного текста к восприятию получателей в другом языке и культуре.

Переводной текст – это определенный компромисс между эквивалентностью и адекватностью, между воспроизведением особенностей оригинала и приемлемым восприятием, прагматической адаптацией текста перевода для получателей. Так создается коммуникативно-равноценный переводной текст без вольного обращения с содержанием, формой и функцией (функциями) исходного текста с целью воспроизведения коммуникативного эффекта оригинала с учетом требований принимающего языка и культуры. При этом «любое отступление от эквивалентности» в пользу адекватности «должно быть продиктовано объективной необходимостью, а не произволом переводчика» [8, с. 96], чтобы не скатиться в вольный перевод.

Указанный компромисс между эквивалентностью и адекватностью в процессе перевода и при оценке его качества связан с ситуацией перевода, зависит от типа текста, его основной функции и фоновых знаний получателя. Так, задачей научного (технического) текста является изменение информационного запаса получателей, сообщения им научных (технических) знаний и имеет информативную функцию. Подобную функцию имеют и официально-деловые тексты (договоры, соглашения, коммерческая переписка и т.п.). Коммуникативная задача таких текстов и ожидания получателей перевода – максимальная лингвистическая близость ИТ и ПТ. При этом, как правило, адресаты исходного текста и получатели текста перевода являются специалистами в соответствующих областях предметных знаний и обладают сравнимыми фоновыми знаниями. Помимо текста перевода им зачастую не требуются дополнительные разъяснения и комментарии. Приведем пример:

1.1. Использование продуктов, программного обеспечения, служб и сайтов, принадлежащих компании NN (далее по тексту все они именуются "Услуги", за исключением услуг, предоставляемых компанией NN в рамках отдельного письменного соглашения), означает принятие и выполнение условий юридического-соглашения между вами и компанией NN.	1.1 Die Nutzung der Produkte, Software, Dienste und Websites von NN (in diesem Dokument zusammenfassend als "Services" bezeichnet und ausschließlich aller Services, die von NN gemäß einer separaten schriftlichen Vereinbarung bereitgestellt werden) unterliegt den Bedingungen einer rechtlichbindenden Vereinbarung zwischen Ihnen und NN.

В представленном примере части текста-соглашения обращает на себя внимание практически дословный перевод оригинала.

При переводе стихов эстетическая функция текста с такими свойствами, как образность, ассоциативность, высокая степень творческой индивидуальности автора, многозначность текста и т.п. является основной. Необходимое воздействие на получателя переводного текста достигается за счет модификации содержания исходного текста, что влечет за собой отказ от дословного перевода и минимальную лингвистическую близость текстов. В этом случае перевод будет адекватным и в меньшей степени эквивалентным, например:

Wandrer-sNachtlied *J. W. Goethe* Über allen Gipfeln Ist Ruh, In allen Wipfeln Spürest du Kaum einen Hauch; Die Vögelein schweigen im Walde. Warte nur, balde Ruhest du auch.	**Странника ночная песнь** (*подстрочник*) Над всеми вершинами (гор) Покой. Во всех верхушках (деревьев) Ощутишь ты Едва ли дуновение. Птички молчат в лесу. Подожди только: скоро Отдохнёшь ты тоже.	**Из Гете** Горные вершины Спят во тьме ночной; Тихие долины Полны свежей мглой; Не пылит дорога, Не дрожат листы… Подожди немного, Отдохнешь и ты. *Перевод с немецкого М.Ю.Лермонтова*

Изменение содержания нередко отмечается и при переводе рекламных текстов с их регулятивной функцией в качестве основной. Передаваемая рекламная информация должна воздействовать на потенциальных покупателей, определять и регулировать их установки и поведение. Перевод подобных текстов нередко требует творческой, культурной адаптации текста (транскреации, прагматической адаптации) для представителей целевого рынка. Приведем несколько примеров рекламных слоганов на английском языке с их переводами на немецкий и русский языки для соответствующих лингвокультурных сообществ (*без указания компаний и их продуктов*):

Impossible is Nothing (*досл.*: невозможное – ничто) - (*нем.*) Nichts ist unmöglich (*досл.*: ничего не невозможно) - Невозможное возможно;

Obey your thirst – (нем.) Hör auf Deinen Durst (досл.: слушай свою жажду) - *Не дай себе засохнуть;*

Ask For More- Бери от жизни все;

Always a better way – Стремиться к лучшему;

Taste The Feeling - Попробуй... Почувствуй!

При передаче рекламных слоганов встречается и дословный перевод, если он позволяет передать коммуникативную интенцию оригинала, например:

It gives you wiiings! – (*нем.*) NN**… verleiht Flüüüügel! – NN** окрыляяеет!

Feel the Difference – Почувствуй разницу.

Необходимостью оказывать воздействие на реципиента отличаются также тексты СМИ, в которых журналисты пытаются образно, наглядно и в то же время кратко донести информацию, выразить свое отношение к ней и повлиять на формирование общественного мнения. С этой целью используются различные языковые средства, например, деонимы:

Merkels Migrationspolitik bezeichnete Trump als ein abschreckendes Beispiel (krone.at, 16.08.2016);

Denn nach wie vor hält die französische Regierung **die Merkel'sche Politik** der offenen Arme für falsch (dradio, 01.04.2016).

В обоих предложениях речь идет о миграционной политике канцлера Германии, но если в первом случае словосочетание Merkels Migrationspolitik сохраняет нейтральную коннотацию, то деоним Merkel'sch во втором демонстрирует отрицательное отношение к этому политическому курсу. Встречая такие обозначения, необходимо понимать заложенный в них смысл и правильно его интерпретировать. [7, с.57]. Однако при переводе на другой язык возможна потеря образности и экспрессивности, которые несут в себе подобные языковые средства.

Таким образом, при переводе необходимо учитывать не только системы, нормы и узусы двух языков, но и тип текста, различие культурных и литературных норм и традиций получателя переводного текста, а также его фоновые знания. В процессе перевода переводчик стремится создать объективно эквивалентный по содержанию, форме и функции (функциям) текст на другом языке. Создаваемый текст примеряется к потенциальному получателю и осуществляется объективно необходимая модернизация в изложенном выше смысле, то есть текст делается адекватным для восприятия получателем. При этом текст перевода (или какая-либо его часть) может быть текстуально точным или обоснованно отходить от полной точности оригинала. Эквивалентный перевод без необходимой адекватности может привести к непониманию глубинного смысла текста и к нарушениям в коммуникации. Адекватный перевод без необходимой эквивалентности ведет к искажению коммуникативной интенции автора оригинала, к потере коммуникативной значимости оригинала, к подмене собственно перевода другими видами языкового посредничества. На наш взгляд, эквивалентность и адекватность в переводе представляют собой взаимосвязанные и взаимозависимые стратегии переводческого процесса и требования к результату перевода, применяемые для оценки его качества.

Список литературы

1. Евтеев С.В. Лингвокультурологическая модель перевода // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 329-331.

2. Евтеев С.В., Семенов А.Л. Социальная активность и языковое творчество // Тетради переводчика: науч.-теор. сб. / под ред. И.М. Матюшина. Вып. 28. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 33-40.

3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение : учеб.пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

4. Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие. по подготовке переводчиков (с нем. яз.). М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. 280 с.

5. Прунч Эрих. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. / Пер. с нем. М.: Р.Валент, 2015. 512 с.

6. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода : учебник. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 448 с.

7. Чигашева М.А. Деонимы как особенность политического дискурса СМИ Германии и России. Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Выпуск 26 (765). 2016. С. 50-59.

8. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

9. Albrecht J. Literarische Übersetzung. Geschichte – Theorie - Kulturelle Wirkung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. 363 S.

10. Nord C. Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen., Methode und didaktische Anwendung einer *ü*bersetzungsrelevanten Textanalyse. 3. Auflage - T*ü*bingen: Gross. 2003. 284 S.

11. Reiss K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. T*ü*bingen, 1984. 245 S.

12. Snell-Hornby, M. Übersetzungswissenschaft – Eine Neuorientierung. Zur Integrierung von Theorie und Praxis/ T*ü*bingen: Francke, 1986. S. 9-29.

Об авторе

Евтеев Сергей Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, sergevt@inbox.ru

УДК 81.42

КАТЕГОРИЯ ВЛАСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Евтушенко О.А.

Статья посвящена анализу коммуникативного воплощения понятия «власть» в административном дискурсе. Сделан вывод о том, что категория власти совпадает с категорией адресанта в исследуемом дискурсе, ведь именно наделенный властью адресант контролирует, наполняет, ограничивает административное общение.
Ключевые слова: власть, административный дискурс, директив, социальный статус, оценочные речевые жанры, коммуникативное лидерство.

CATEGORY OF POWER IN THE ADMINISTRATIVE DISCOURSE

Evtushenko O.A.

This article analyzes the communicative realization of «power» in administrative discourse. It's concluded that the category of power coincides with the category of the sender in the investigated discourse, because it is endowed with the power of sender who controls, fills, limits administrative communication.
Keywords: power, administrative discourse, directives, social status, estimated speech genres, communicative leadership

Проблема исследования понятия «власть» в концептуальном и дискурсивном ключе одновременно является весьма актуальной для современной лингвистики и в частности для лингвистики дискурса.

Исследованию понятия «власть» посвящены многие работы: Е.И. Шейгал, В.В. Богданова, В.П. Макаренко, Т.С. Кондратьевой, Р.М. Блакар, Э.Каннети, Э.Лассан и других ученых. Из всего многообразия дефиниций «власти» очень трудно выделить одно, так как все существующие подходы и понимания сущности власти не исключают, а дополняют друг друга, подчеркивая многозначность, важность и вечность данного политического феномена.

В нашем исследовании мы возьмем на себя смелость утверждать, что для административного дискурса понятие власти, а точнее «законной или административной власти», будет являться центральным или генеративным. Большинство проводимых до этого исследований рассматривают власть внутри политического дискурса. Мы в нашей работе предприняли попытку описать взаимоотношения «язык-власть» в рамках административного дискурса.

Актуальность данной работы связана с необходимостью изучения дискурсивного проявления власти в рамках данного дискурса, что позволяет расширить понимание власти как управленческого феномена, способствует оптимизации административного общения.

Цель данной работы заключается в анализе взаимоотношений «язык-власть» в рамках административного дискурса, то есть то, как данная категория выражена в коммуникативном поведении участников административного дискурса. С учетом цели были поставлены следующие задачи: во-первых, проанализировать понимание власти с точки зрения различных наук, рассматривающих данное явление, а во-вторых, рассмотреть, как власть проявляется в языке административного дискурса.

Известно, что еще с давних времен борьба за власть признавалась движущей силой развития любого общества. Невозможно не согласиться со словами В.И.Карасика о том, что «феномен власти обусловлен потребностями рода, требует силы для борьбы за власть и ее удержание, вырабатывает сложную структуру норм и общественных отношений и детально и вариативно представлен в коммуникативном поведении» [1,с.19].

Этимология термина «власть» указывает на его многозначность. В греческом языке слово «архэ» (arche) имеет два значения – «править» и «начинать». В латинском языке «potestas» обозначает способность, возможность, обладание достаточной силой для осуществления какой-либо деятельности. В русском языке слово «власть» является однокоренным со словом «владеть» (властитель, владыка, владычествовать), которое имеет значение «собственник», «хозяин». Этимология подчеркивает экономическое основание, определяющее другие уровни властвования [2].

Экономическое толкование власти сводится к следующему: «форма социальных отношений, характеризующаяся способностью влиять на характер и направление деятельности и

поведения людей, социальных групп посредством экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью авторитета, традиций, насилия. Сущностью власти являются отношения руководства и подчинения» [3].

В «Кратологическом словаре» В.Ф. Халипов определяет этот концепт следующим образом: «1) способность, право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо, оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность, нравы и традиции людей с помощью различного рода средств – закона, права, авторитета, воли, суда, принуждения» [4,с.70-71].

Обратимся к толкованию «административной власти» или «законной власти» в современном научном знании.

Вслед за А.П. Алехиным, который определяет власть, как «специфическое средство, обеспечивающее следование воли управляемых воле управляющих»[5,с. 6], мы относим административную власть к управленческо-организационному средству, которое используется администрацией организации. Справедливо отметил Д.Н Бахрах о важности управления как такового вообще. «Если не будет вовсе управления, не будет и государства, бытие государства только и проявляется в его деятельности. Государство лишь постольку и существует, поскольку оно действует, властвует, правит. Поэтому для того, чтобы существовало государство, должно совершаться управление» [6]. На наш взгляд, данное утверждение актуально не только для государства, но и любой организации, в которой присутствует администрация.

Интерес для нашего исследования представляют исследования А.Н. Занковского, который рассматривает «власть» с позиции организационной психологии. Под организационной властью он понимает «процесс, обеспечивающий устойчивую приоритетность общей цели над индивидуальными целями работников и использующий для этого широкий набор средств, включая насилие» [7,с. 6]. Мы солидарны с ученым в том, что данный тип власти присущ организациям любого уровня: государство, крупная компания или небольшое предприятие; и вне зависимости от целей субъекта является ее неотъемлемой характеристикой. Таким образом, организационная власть является мощным инструментом, незаменимым средством, «средством психологического воздействия» (в терминологии Занковского), способным направить цели и действия субъектов организации по-разному: деструктивно или созидательно.

Весьма точно отмечено Р. Водак, что «язык обретает власть только тогда, когда им пользуются люди, обладающие властью; сам по себе язык не имеет власти» [8,с. 19]. Таким образом, наделенный властью руководитель является воплощением власти для подчиненного. Но, с другой стороны, и «сам язык предоставляет говорящим целый арсенал средств проявления и осуществления власти» [9,с. 58]. Так, административная власть имеет свои способы и средства реализации: языковые единицы, стилистические средства, речевые акты, коммуникативные ходы, речевые жанры.

По мнению Р. Блакар, те, кому принадлежит наибольшая власть, определяют употребление и значение слов и выражений. Он также выделяет шесть «инструментов власти», которыми обладает адресант: 1) выбор слов и выражений; 2) создание (новых) слов и выражений; 3) выбор грамматической формы; 4) выбор последовательности; 5) использование суперсегментных признаков; 6) выбор имплицитных предпосылок [10]. Результаты наших исследований показали преобладание директивов в речи руководителя.

Административный директив является основой административного дискурса и речевым актом административной власти. Для них характерно приспособление реальности к словам, а выражаемое психологическое состояние – желание. Сюда относятся и вопросы, и приказы, и просьбы и др. [11].

Опираясь на таксономию речевых актов Дж.Р. Серля, который выделяет пять основных иллокутивных актов, мы относим директив к речевому акту, целью которого является попытка со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий совершил некий поступок. У Дж. Остина директив соответствует экзерситиву и «объединяет высказывания, посредством которых осуществляются властные функции, реализуются права и авторитет говорящего (назначение на должность, приказ, принуждение, предупреждение, совет, запрещение и т.п.)», что, по сути, совпадает с определением Серля. Экзерситивы означают принятие решения или пропаганду в пользу или против чего-либо, с их помощью осуществляются власть, права или влияние. В русском языке они выражаются глаголами *приказывать, предупреждать, обязывать, советовать, назначать, подавать в отставку, объявлять и другие*.

Итак, употребление глаголов в первом

лице единственном числе, в настоящем времени, действительном залоге изъявительного наклонения весьма точно определяет характер иллокутивного намерения наделенного властью адресанта и квалифицирует их, как приказы (*приказываю, повелеваю, обязую*), требования (*требую, настаиваю*), запреты (*запрещаю, не разрешаю, не одобряю, не считаю разумным*).

Итак, вам двоим, ***приказываю*** *выспаться! Аверьянов, Вы* ***почему*** *еще в отделе?* ***Почему*** *еще здесь? Погоны жмут?[14].*

Приведенный выше пример демонстрирует приказ *(приказываю*), власть говорящего реализуется в использовании цепочки вопросов (***почему*** *еще в отделе?* ***Почему*** *еще здесь?),* которые подразумевают обязательное выполнение приказа или – наказание-увольнение (*Погоны жмут?*).

В.И. Карасик разделяет речевые акты с позиции статусных отношений коммуникантов и выделяет два класса: статусно-маркированные и статусно-нейтральные. К статусно-маркированным, которые представляют больший интерес для нашего исследования, относятся – инъюнктивы (приказы, требования), реквестивы (просьбы, мольбы), инструктивы (предписания, запреты) и другие. [13,с. 119].

Приведем пример.

-Как начальник я требую от своих подчиненных полного профессионализма. А что это значит?

- Это значит оставлять личные дела за стенами этого учреждения [14].

Административный директив *Требую* с нисходящим статусным вектором адресанта имеет побудительный характер, инициирующий изменение положения дел у адресата и требующий полной отдачи на службе (*оставить личные дела напотом*).

По данным нашей выборки в административном языке большая часть директивов относится к прямым способам выражения, ввиду того, что административное общение подразумевает четкую, незавуалированную, лишенную экспрессии подачу информации.

В некоторых случаях с целью побуждения подчиненного к действию, необходимо использовать косвенные речевые акты, как единственно-возможный способ воздействия.

— Владимир Евгеньевич, у меня вопрос к вам и к другим представителям РАН: зачем вы это сделали? Они такие крупные ученые, что без них Академия наук обойтись не может? Это первый вопрос. И второй вопрос: что мне теперь делать?

— Владимир Владимирович, они прошли весь конкурс без всякого изъятия и исключения.

– Вы прямо не отвечаете на вопрос, Владимир Евгеньевич, — вздохнул лидер государства. Я закончу фразу за вас. Значит, они крупные ученые, да?

— Они достойны того, чтобы их избрали.

— Ну, значит, они крупные ученые.

— Может, я чего-то... — окончательно растерялся Фортов.

— Ну, тогда вторым вопросом я вас мучить не буду, — смиловался Путин. — Тогда, думаю, я должен буду предоставить им возможность заниматься наукой, потому что, судя по всему, их научная деятельность гораздо важнее, чем исполнение каких-то рутинных административных обязанностей в органах власти и управления. Спасибо большое![16].

В данном примере руководитель косвенно выражает свое недовольство поведением подчиненных и говорит об их возможном увольнении имплицитно (*должен буду предоставить им возможность заниматься наукой*). Риторический вопрос *Что мне теперь делать?* как бы сам дает возможность подчиненным домыслить и сделать вывод о решении руководителя. Неоднократные повторения вопросов (*Что мне теперь делать? Они крупные ученые, да? Без них не обойтись?*) являются косвенным признаком выражения порицания руководителем.

Таким образом, административный директив, выражающий волю относительно поведения участников административного дискурса, находит свое выражение в приказах, распоряжениях, инструкциях, постановлениях – дискурсивных формах, закрепляющих и обобщающих стандарты поведения субъектов в типизированных обстоятельствах. Сфера административного общения, как и любая другая институциональная сфера, характеризуется набором устойчивых выражений и речевых актов. Специфика коммуникативных намерений административного директива заключается в том, что воля или желание говорящего обязательны для выполнения в отношении тех, кто находится в его подчинении. Такая особенность сближает его с юридическим императивом (И.В. Палашевская, 2010), в котором «волеизъявление выражает должное и подлежит исполнению» [15].

Приведем пример.

Для обеспечения сохранности, исправного технического состояния автотранспортных средств и их безаварийной эксплуатации обязываю:

1. Назначить ответственными за обеспечение исправного технического состояния автотранспортных средств и их безаварийной эксплуатации следующих работников… (из распоряжения)

Императив *обязываю назначить* воспринимается как обязательный, побуждающий к действию, не предполагающий другого выбора, в чем и проявляется власть отдающего распоряжение.

Власть в административном дискурсе выражается в том, что наделенные властью коммуниканты ограничивают и управляют коммуникативным вкладом нижестоящего собеседника (не обладающего властью). Вслед за Fairclough мы выделяем следующие три типа ограничений: 1) ограничения на содержание коммуникации; 2) ограничения на типы социальных отношений, в которые могут вступать участники коммуникации; 3) ограничения на позиции субъекта коммуникации [18]. Этим объясняется тот факт, что большинство первичных жанров административного дискурса (приказы, распоряжения, выговор, похвала, порицание, совещание) свойственны лишь обладающим властью руководителям. Данные ограничения также находят отражение в административных речевых актах и жанрах.

Как школьник на экзамене, испугавшийся, что он неправильно расслышал задачу, поставленную экзаменатором, академик не нашел ничего лучшего, как переспросить:

— А второй какой?

— Что мне теперь делать с этим? — леденея, повторил президент РФ.

Фортов пожевал губами, подыскивая ответ.

— Что я могу сказать? Все они сказали, что получили разрешение от своих руководителей.

– Нет, вопрос был не в этом, — не выходя из амплуа строгого экзаменатора, поправил главу РАН Путин. — Они такие крупные ученые, что должны быть членкорами и академиками?

— Владимир Владимирович, они прошли весь конкурс без всякого изъятия и исключения, — попытался выстроить защиту главный российский академик. — Я вам докладывал [16].

В диалоге проявляются все виды ограничений, накладываемых руководителем на подчиненного: на содержание коммуникации – ответить на поставленный вопрос и ничего более (*Нет, вопрос был не в этом*), ограничение на позицию субъекта – подчиненный вынужден оправдываться, защищаться (*Что я могу сказать? Я вам докладывал*). Власть руководителя оказывает давление и подчеркивает статус подчиненного (*Как школьник на экзамене, испугавшийся, пожевал губами, подыскивая ответ*).

«Для институционального дискурса право на выражение оценки является более важным, чем предметная область выражения того или иного содержания. Начальник может выносить порицание подчиненному, объявлять ему благодарность, проводить инструктаж, информировать о решениях вышестоящих органов и т.д., и при этом, прежде всего, акцентируется неравноправие участников институционального дискурса» [17,с. 12]. Оценивающая функция – это одна из основных функций административного дискурса, которая опирается на категорию власти. Оценивание реализуется через такие речевые жанры, как выговор, порицание, постановление на вид, разнос, втык, головомойка, поощрение, благодарность, похвала. В рамках данного дискурса необходимым условием их воплощения в речи является статусное неравенство участников, наличие особого права, то есть власти адресанта, признание адресатом такого права. Здесь мы разделяем точку зрения В.Н. Василина и считаем, что отношение к социальному статусу является одним из основополагающих компонентов коммуниканта в момент общения. Следует отметить, что социальный статус является сложным параметром коммуниканта. В эту характеристику входит как собственно социальный статус (положение в обществе), так и коммуникативный статус, т.е. статус коммуниканта в определенный момент, на конкретной стадии эпизода общения. [19]

Приведем примеры.

1) *Дисциплина была строгая, и держали нас в «струне». Появление в зрительном зале или за кулисами не в форме влекло за собой* ***выговор*** *от инспектора и* ***нагоняй*** *от Сазонова* (Усачёв, ССин) [20.С.70].

2) За неисполнение по вине работника возложенных на него трудовых обязанностей, в результате чего были сорваны сроки поставки продукции заказчику

ПРИКАЗЫВАЮ

объявить ***выговор*** *25 мая 2009 г. Петрову Ивану Ивановичу (из выговора).*

Итак, выговор нацелен на неодобрение поступков адресата (*появление не в форме, неисполнение*), имеющего более низкий социальный статус, и направлен на предотвращение таких действий в дальнейшем.

В заключение рассмотрим понятие коммуникативного лидерства, с которым, на наш взгляд, непосредственно связана власть в административном дискурсе. Категория власти тождественна категории адресанта.

Согласно определению В.В. Богданова «коммуникативный лидер – это человек, который обладает нетривиальной информацией с точки зрения данной ситуации общения, умеет выразить эту информацию в наилучшей форме и довести ее до сведения адресата посредством оптимального языкового контакта» [21,с.30]. Мы солидарны с мнением Е.И. Шейгал о том, что «более высокий социально-административный статус коммуниканта имеет тенденцию вызывать повышение и его коммуникативного статуса, но из этого вовсе не следует, что лицо, занимающее более высокое административное положение в обществе, непременно обладает и более высокой энциклопедической, лингвистической и интерактивной компетенцией» [9,с.60].

— Котенок, — уточняет Морковьева. — Не кот, а котенок, такой маленький, симпатичный. Коты, они…

— Да все равно, — качает головой Петров.

— Совсем никак, да?.. — разочарованно спрашивает Леночка.

— Петров, вы хоть дослушали бы до конца, — раздраженно говорит Недозайцев. — Не дослушали, а уже говорите «Нет». Недозайцев хлопает ладонью по столу.

— Так на чем мы остановились? Что мы делаем?

— Семь красных линий, — говорит Морковьева. — Две красным цветом, и две зеленым, и остальные прозрачным. Да? Я же правильно поняла?

— Да, — подтверждает Сидоряхин прежде, чем Петров успевает открыть рот.

Недозайцев удовлетворенно кивает.

— Вот и отлично… Ну, тогда все, коллеги?.. Расходимся?.. Еще вопросы есть?.. [22].

В примере проиллюстрированы безграмотные, безыдейные, некомпетентные руководители в лице Морковьевой и Сидоряхина, которые считают основной своей задачей найти того (Петрова), кто сможет выполнить даже самое абсурдное задание (*Семь красных линий, Две красным цветом, и две зеленым, и остальные прозрачным).* Несмотря на занимаемый пост руководителя отдела, Недозайцев не обладает необходимыми компетенциями коммуникативного лидера, способного разрешить проблемные ситуации.

По аналогии с тем, как Е.И. Шейгал дает определение компетенций политика, мы определяем компетенции идеального руководителя. А также мы соглашаемся с тем, что «социально-административное и коммуникативное лидерство должны совпадать», и выделяем три вида компетенций, которыми должен обладать грамотный руководитель и коммуникативный лидер в одном лице [10,с.62]. Его лингвистическая компетенция заключается в использовании норм официально-деловой устной (выступление и доклад на собраниях, служебный телефонный разговор, устное распоряжение) и письменной речи (составление приказов, постановлений, характеристик, протоколов, расписок, справок, служебных записок), умении использовать различные средства языка присущие данному стилю (на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях). Энциклопедическая компетенция руководителя проявляется в глубоком знании и понимании текущей рабочей ситуации, способного собирать, структурировать, анализировать информацию, а также в способности принимать решения. Интерактивная компетенция руководителя состоит в соблюдении постулатов общения, а также во владении приемами манипуляции, которые позволяют урегулировать некоторые нестандартные ситуации.

Вдохновение приходит тогда, когда человеку комфортно работать. Поэтому я хочу сказать, что руководство компании открыто к любым замечаниям и предложениям. Также желаю, чтобы интеллектуальный потенциал компании не перестал удивлять новыми нестандартными решениями. Ведь иногда от одной лишь идеи зависит всё [23].

В приведенном примере проиллюстрирована интерактивная компетенция руководителя, который, используя приемы манипуляции (*открыто к любым замечаниям и предложениям, комфортно работать, не перестал удивлять, Вдохновение приходит*), добивается расположения к себе и создает эмоционально-благоприятную обстановку в компании.

Категория власти в современном административном дискурсе имеет два проявления. Власть – это ментальное образование, которое фиксируется в разного рода лексикографических источниках и понимается, как необходимый и неизбежный инструмент для управления организацией. В дискурсивном отношении власть – это прагматическая категория, которая вербализуется через административный директив, оценочные речевые жанры и коммуникативное лидерство адресанта, объединяющее энциклопедическую, лингвистическую и интерактивную компетенции.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковые ключи: монография / Карасик В.И.; ВГПУ, Науч.-иссл. лаборатория "Аксиологическая лингвистика". Волгоград: Парадигма, 2007. 519 с.

2. Кемеров В. Философская энциклопедия. "Панпринт", 1998 г. 450с.

3. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. 495 с.

4. Халипов В. Ф., Халипова, Е. В. Власть. Политика. Государственная служба: Словарь. М.: Луч, 1996. 271 с.

5. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право. М., 1997. С. 6

6. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В. Административное право. Ю.Н. 3-е изд., пересмотр.и доп. М.: Норма, 2008. 816с.

7. Занковский А.Н. Организационная психология: Учебное пособие для вузов по специальности "Организационная психология" / А.Н. Занковский, 2002. М.: Флинта МПСИ- 648 с.

8. Водак *Р.* Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. Волгоград: Перемена, 1997. 139с.

9. Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001. С.57-64

10. *Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88–120.

11. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.

12. Сусов И. П.Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. ML: АСТ: Восток- Запад, 2006. 200с.

13. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002. 333 с

14. Мажор 2 [Видеозапись] /реж. Н.Булыгин, М. Полинский; в ролях П. Прилучный, К. Разумовская, Д. Шевченко; Продюсерская компания «Среда» – Фильм вышел на экраны в 2016г.

15. Палашевская И. В. Юридические императивы // Учен.зап. Забайкал. гос. гуманит.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». 2010. № 3 (32). С. 99–104

16. Бизес-Онлайн [Электронный ресурс] // https://www.business-gazeta.ru/article/329652 (дата обращения 1.03.2017)

17. Евтушенко О.А. Административный дискурс: институциональные характеристики// Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия "Филологические науки". 2011. № 5. С. 11-14.

18. Fairclough *N.* Language and Power. London: Longman, 1989. 259 p.

19. Василина В.Н. Функциональный подход к анализу речевых актов в диалоге / В.Н. Василина // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. 2005. № 4 (20). С. 28–37.

20. НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй вып. / Ю.Д. Апресян и др. М.: Языки русской культуры. 2000. 488 с.

21. Богданов *В.В.* Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс и личность. Тверь: Изд-во Твер. ун-та. 1990. С. 26–31.

22. Березин А. Совещание [Электронный ресурс] // http://fanread.ru/book/7056042 (дата обращения 1.03.2017)

23. КЗУР – картотека записи устной речи

Об авторе

Евтушенко Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет, ksenja22@yahoo.com

УДК 811.133.1

«СЛОВО КАК ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА НЕСТАБИЛЬНОСТИ В НАУКЕ О СЛОВАХ». ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ТЕРМИНОВ Ф. ДЕ СОССЮРА[1]

Золотухин Д.С.

Статья посвящена изучению факторов эволюции лингвотерминосистемы Ф. де Соссюра в аутентичных текстах учёного с 1872 по 1911 гг. Применение метода компонентного анализа в синхронно-диахроническом аспекте (на примере таких терминов, как langue, sémiologie, morphologie, phonétique, signe, signifiant, signifié, synchronie) позволяет, в частности, продемонстрировать особенности терминов Ф. де Соссюра и выявить специфику лингвистических терминов вообще, эволюционирующих под воздействием экстралингвистических и лингвистических факторов. Полученные результаты дополняют имеющееся представление о динамике научной мысли швейцарского языковеда, а также указывают на субъективные и объективные проблемы, возникающие при формировании лингвистической теории и соответствующей терминосистемы.

Ключевые слова: лингвистическая терминосистема, Ф. де Соссюр, фактор эволюции, полиаспектность, недискретность, концептуальная многозначность.

«THE WORD AS A MAIN DISTURBER OF THE SCIENCE OF WORDS». EVOLUTION FACTORS OF F. DE SAUSSURE'S TERMS

Zolotukhin D.S.

The given study investigates the factors of evolution of Ferdinand de Saussure's linguistic terms in his authentic texts in the period from 1872 to 1911. Application of the method of component analysis in synchronous and diachronic aspects (of such terms as langue, sémiologie, morphologie, phonétique, signe, signifiant, signifié, synchronie) allows to demonstrate features of the semantics of saussurian terms in particular and to identify the specific features of any linguistic terms in general evolving under the impact of extra-linguistic and linguistic factors. The results supply the additional information about the dynamics of the Swiss linguist's scientific thought. They also indicate the subjective and objective problems in the formation of linguistic theories and corresponding terminological systems.

Keywords: linguistic terminological system, F. de Saussure, evolution factor multiformity, nondiscreteness, conceptual polysemy.

Высказывание, процитированное в названии данной работы, принадлежит швейцарскому лингвисту Фердинанду де Соссюру (1857-1913 гг.). В 1911 г. ученый, осознавая неустойчивый характер почвы, на которой он сам работал, заявил о необходимости создания «книги о слове как главной причине нестабильности в науке о словах[2]» (перевод наш – Д.З.) [10, с. 32]. Постановка данной задачи перед будущими поколениями лингвистов была мотивирована проблемами, которые возникали перед Ф. де Соссюром в процессе формирования его собственной терминосистемы в период с 1872 по 1911 гг.

Под **лингвотерминосистемой Ф. де Соссюра** понимается комплекс общелингвистических терминов (36 единиц), характеризующихся прочными внутрисистемными связями. Термин рассматривается как специфическая лексическая единица (следуя концепциям терминоведов В.М. Лейчика, L. Depecker и др.), включающая означающее (экспонент) и означаемое (семантическую структуру). Семантическая структура состоит из одного или нескольких терминологических значений. Значения формируются из денотата, сигнификата и, довольно редко, коннотата. Микрокомпонентами значений являются семы, представляющие собой идентификаторы признаков научного понятия. Признак научного понятия соотносится непосредственно с характеристикой абстрактного объекта, изучаемого лингвистом. Признаки понятий и характеристики объекта не являются частью терминосистемы. Данные элементы относятся не к сфере языка, а к сферам мышления и действительности.

Такое аналитическое разложение анализируемой системы даёт возможность выявить следующую взаимосвязь. **Фактор** развития лингвотерминосистемы представлен определённым **условием**, сложившимся внутри самой системы. Показателями условия являются **параметры** лингвотерминосистемы на любом из указанных выше уровней (дублетность на

[1] Статья выполнена на основе доклада «Vers la construction d'un modèle de la terminologie saussurienne en devenir : l'analyse des perturbateurs», прочитанного автором в рамках конференции «Le Cours de linguistique générale 1916-2016. L'Émergence» (Женева, 2017), посвящённой столетию первого выпуска «Курса общей лингвистики» Ш. Балли и А. Сеше в 1916 г.

[2] Буквально: «...книги о слове как главной **помехе** науки о словах» (высказывание Ф. де Соссюра, перевод с французского «... livre du mot comme le principal perturbateur de la science des mots», F. de Saussure, 1911; процитировано в R. Engler, 1966)

уровне экспонентов, многозначность на уровне семантических структур, вариантность на уровне отдельных значений и т.п.). Стремление изменить существующие условия посредством влияния на параметры запускает механизмы эволюции лингвотерминосистемы через изменение того или иного элемента – от отдельной семы до целого экспонента. Слово (т.е. термин) со всеми его составляющими рассматривается Ф. де Соссюром как главное препятствие лингвиста: подбор идеального набора элементов для выражения соответствующего понятия оказывается тяжелейшим трудом, завершить который не удалось и самому знаменитому швейцарцу, оставившему часть своей системы в подвешенном состоянии («système en devenir» по Р. Энглеру [12, с. 40]).

Вопрос о причинах вариаций терминов Ф. де Соссюра в синхронии и диахронии затрагивался в работах нескольких соссюроведов. Однако акцент обычно делается либо на субъективных (например, изменение термина в дидактических целях [8]), либо на чисто объективных лингвистических факторах (многозначность прилагательного ***abstrait*** в системе французского языка переносится на многозначность данной единицы в системе Ф. де Соссюра [11]).

Однако следует учитывать прочную взаимосвязь субъективного и объективного начал в языковедческих исследованиях. Как отмечал сам Ф. де Соссюр, главная особенность лингвистики заключается в том, что в науке о языке объект как таковой изначально не существует – его создаёт выбранная точка зрения [12, с. 23]. При этом смена точки зрения способствует модификации объекта. Субъективное, таким образом, накладывается на объективное, образуя с ним неразрывное единство.

В этой связи по аналогии с разграничениями, установленными в работе С.В. Гринёв-Гриневича, факторы следует подразделять скорее на внешние и внутренние: **лингвистические** (вызванные особенностями языка вообще) и **экстралингвистические** (вызванные внешними для языка особенностями: влиянием субъекта и объекта).

К чисто **лингвистическим факторам** эволюции лингвотерминосистемы Ф.де Соссюра следует отнести следующие условия:

1. Асимметрия языкового знака, вызывающая стремление к выражению целостного содержания научного понятия под определенным экспонентом [3, с. 202]. Так, при попытке выразить понятия синхронического подхода наблюдается дублетность на уровне экспонента: Ф. де Соссюр использует разные формы для выражения одного и того же значения, пытаясь подобрать лучший вариант: ***point de vue (aspect, méthode) synchronique (synoptique, statique*** и др.***)***.

В 1901 г. наряду с термином ***sémiologie*** используется дублет ***signologie***, образованный от лексической единицей ***signe*** (знак как объект семиологии): объектная сема */signe/* в значении исходного термина ***sémiologie***, следовательно, мотивирует замену одного экспонента на другой.

2. Парадигматические отношения терминов, способствующие изменению экспонентов и семантических структур с целью устранения избыточной синонимии. Например, диахронические дублеты ***forme, signe, symbole, signe vocale, image vocale, aposème, sôme, image acoustique*** в конечном счёте сводятся к одному термину – ***signifiant.*** Дублеты ***idée, signification, valeur, emploi, fonction, sens, être, chose spirituelle, contenu, contre-sôme, anti(-)sôme, parasôme,*** сводятся к ***signifié.***

3. Взаимодействие научной и чисто языковой сущностей термина, приводящее к уточнению значений терминов и вариации на уровне экспонентов. Наблюдается стремление отграничить термины от лексических единиц обыденного языка или общенаучных терминов. Например, элиминируются (отграничиваются) существующие значения термина ***signe***: согласно Ф. де Соссюру, знак представляет собой ментальную сущность, результат мыслительной операции.

Однако в конце XIX в. форма ***signe*** продолжает ассоциироваться с общепринятыми значениями 1) */indice/* (признак), 2) */signal/* (сигнал), 3) */symbole/* (символ) [8, с. 430], т.е. как некая материальная единица. В этом и состоит та главная сложность, о которой говорил сам Ф. де Соссюр. Термин, будучи частью французской лексической системы, обладает свойствами лексической единицы обыденного языка. Даже если ученый и его аудитория осознают, что речь идёт о конкретном термине с чётко установленными границами (***signe*** – знак как внутренняя психическая единица, результат ассоциации), языковой субстрат данного термина неизбежно будет отсылать читающего к значениям общей системы носителей французского языка (***signe*** как признак, сигнал, символ).

Многозначность лексической единицы ***signe*** на межсистемном уровне заставляет Ф. де Соссюра прибегнуть к инновации и ввести дублет ***sème***, заимствованный из греческого языка

(***σῆμα***). Знак, как известно, состоит из означающего и означаемого. В 1899-1903 гг. означающее выражается в системе Ф. де Соссюра с помощью термина ***sôme*** (***σωμα***). Однако сам лингвист осознаёт нестабильность данных терминов и их возможную конъюнкцию: «Même un terme comme sôme (σωμα) deviendrait en très peu de temps, s'il avait la chance d'être adopté, synonyme de sème, auquel il veut être opposé. C'est ici que la terminologie linguistique paie son tribut à la vérité même que nous établissons comme fait d'observation» [12, с. 113].

В черновиках к курсу по общей лингвистике в Женеве (1908-1911 гг.) Ф. де Соссюр вернется к термину ***signe,*** а ***sôme*** заменит на ***signifiant.***

Приведенная цитата отсылает нас уже к объективным внеязыковым причинам пертурбаций в системе Ф. де Соссюра: «Здесь лингвистическая терминология расплачивается за ту самую истину, которую мы устанавливаем как факт наблюдения[3]» (перевод наш – Д.З.). Однако сначала обратим внимание на более очевидные **экстралингвистические факторы**.

1. **Прогрессивный характер научного знания** является субъективным фактором развития лингвотерминосистемы. В качестве параметров системы, которые пытается изменить Ф. де Соссюр, оказывается отсутствие определенных сем или целых значений в составе исходных лексических единиц: так, в термине ***signe*** отсутствуют семы */résultat d'association/*, */intérieur/* и др., которые бы соответствовали новым характеристикам, установленным лингвистом.

Научный прогресс в лингвистике протекает в двух направлениях – *углубления* или *расширения* существующего знания (понятия) об объекте.

1.1 При **расширении знания** преобразуется денотативный слой значения (объём понятия, экстенсионал). Так, В 1910-1911 гг. Ф. де Соссюр фиксирует объём понятия языка как общего феномена (***langage***), включающего в свой состав абстрактную систему языка (***langue***) и речь (***parole***). Границы семантической структуры термина ***langage***, следовательно, устанавливаются с помощью сем */langue/* и */parole/.* В рамках значений терминов ***langue*** и ***parole*** также происходят соответствующие изменения на уровне денотата. В семантическую структуру ***langue*** добавляются семы, указывающие на объём понятия: язык включает только ментальные единицы – знаки (*/signes/*), существующие пассивно в абстрактном виде в обществе (*/passif/, /âme d'une masse parlante/*). Объём речи ограничивается активным употреблением таких знаков (*/actif/*).

Расширение знания проявляется в трансформации не только семантических структур, но и терминов в единстве значений и экспонентов. Например, изменение лексической единицы ***signe*** (при попытке выразить новое понятие) запускает механизм инновации терминов для отграничиваемых объектов (внешняя материальная единица – ***figure vocale***) или частей знака (означающее – ***signifiant*** и означаемое – ***signifié***).

1.2 При **углублении знания** происходит изменение сигнификативного слоя значения (содержания понятия, интенсионала). Так, в семантику термина ***signe*** добавляются семы */arbitraire/, /linéaire/*, указывающие на содержательные характеристики знака (произвольность и линейность) и отдаляющие значение термина от исходного общенаучного значения.

2. **Источник образования терминов** определяет степень устойчивости всей лингвотерминосистемы. Семантическая структура практически всех терминов поля ***signe*** сформировалась уже к 1899 г. Характерная однозначность терминов связана со стремлением Ф. де Соссюра к математической точности в описании языка. Ученый высказывает желание свести лингвистическую теорию к математике. Определенные количественные показатели языковой системы, по его мнению, можно будет однажды описать с помощью математических формул [12, с. 206]. Математическая точность требует соответствующего метаязыка. В семантической структуре терминов ***élément, zéro, identité linguistique, terme, valeur, quaternion final***, заимствованных из математической и экономической терминосистем, происходит деривация предельно конкретных лингвистических значений, которые уже не требуют уточнения.

С другой стороны, из общенаучных и лингвистических терминологий заимствуются многозначные лексические единицы (***signe, langue, langage, parole, idiome*** и др.), которые продолжают изменяться даже в последних текстах Ф. де Соссюра.

3. **Особенности объекта лингвистики** образуют наиболее релевантный фактор. В «Курсе общей лингвистики» язык описывается как «поразительный» и «странный» объект исследования [11, с. 49]. В данном случае имеется в виду представленное выше предположение Ф.

[3] Перевод с французского: «C'est ici que la terminologie linguistique paie son tribut à la vérité même que nous établissons comme fait d'observation» [12, с. 113]

де Соссюра о том, что объект задаётся выбранной точкой зрения. Учитывая феномен «пластичности человеческого мышления», описанный В.Г. Гаком [2, с. 32], точка зрения не представляет собой константу – она склонна изменяться. Один и тот же объект, как указывает Э. Бенвенист, возможно по-разному видеть, описывать и интерпретировать [5, с. 79]. При этом даже один лингвист в рамках своей научно-исследовательской деятельности способен кардинальным образом трансформировать термин, пытаясь «ухватить» содержание и объём не только понятия, но и параллельно создаваемого объекта. Такая работа и затрудняется двумя главными характеристиками объекта в языкознании: любой языковой феномен, согласно В.Г. Гаку, является недискретным и полиаспектным.

Недискретность проявляется в отсутствии между объектами четких «разграничительных линий» [2, с. 16], что позволяет по-разному представлять границы значения соответствующего термина. Денотат значения будет зависеть от выбранных границ объекта и установленного объёма понятия. Построение денотата значения, следовательно, выражается в схеме: **границы объекта -> объём понятия -> денотат значения**.

Приведём конкретный пример. Как известно, в своей теории Ф. де Соссюр выделяет несколько методов, среди которых центральное место отводится синхронии и диахронии. Говоря о синхронии, Ф. де Соссюр употребляет два разных термина, варьирующихся на уровне экспонента:

- термин ***point de vue (aspect, étude, méthode, analyse) synoptique (synchronqiue, statique, instantané, morphologique, grammatical, sémiologique, volonté antihistorique, des éléments combinés, épichronique)***, отсылающий к синхронии как методу.

- термин ***sphère (domaine, loi, axe, objet, cas) synchronique*** **(*synoptique, instantané, morphologique, grammatical, sémiologique, volonté antihistorique, des éléments combinés, idiosynchronique, grammatical), status, idiosynchronie, synchronisme, axe des contemporanéités***, отсылающий к синхронии как создаваемому объекту исследования при соответствующем подходе.

Отсюда следует, что термин ***synchronie,*** известный благодаря тексту «Курса общей лингвистики», является многозначным – это (1) сфера (ось, область и т.д.) языка и одновременно (2) метод его исследования. В данном случае речь идёт именно о **терминологической многозначности** на уровне денотата, вызванной объективной трудностью в отделении объекта от метода (ср. также термин ***diachronie*** по аналогии с ***synchronie***; ***sémiologie*** – семиология как наука и как объект данной науки – система знаков).

Терминологическую многозначность следует отличать от **концептуальной многозначности** (концептуальная неоднородность значения по И.С. Куликовой и Д.В. Салминой [4, с. 31]). Последняя вызвана различиями на концептуальном (понятийном) уровне в связи с **полиаспектностью** языковых феноменов – наличия множества граней, проявлений и связей исследуемого объекта [2, с. 24]. В.Г. Гак объясняет расхождения в лингвистической терминологии тем, что при формировании термина ученые «берут за основу различные признаки одного и того же явления» [2, с. 25]. На уровне значения термина речь идёт о различии сигнификатов при неизменном денотате. Сигнификат задаётся установленным содержанием понятия и аспектом (стороной) исследуемого объекта: **аспекты объекта -> содержание понятия -> сигнификат значения.**

Термины, используемые Ф. де Соссюром для описания научных областей, являются многозначными в диахронии. В первых текстах ученого уже упоминавшийся термин ***sémiologie*** соответствует (1) исследовательской области в рамках лингвистики (семы */domaine/, /linguistique/*). Примерно в 1901 г. посредством метонимического переноса происходит деривация нового значения, которое элиминирует прежнее: семы */science/, /inclut la linguistique/* позволяют рассматривать семиологию не как часть лингвистики, а как (2) общую науку, включающую лингвистику. Термины ***morphologie*** и ***phonétique*** обладают концептуальной многозначностью в синхронии: морфология и фонетика рассматриваются одновременно как (1) области (части) языкознания и как (2) лингвистические науки. Из приведенных примеров видно, что два значения фиксируются при одном инвариантном денотате (объект – «исследовательская сфера»), который может пониматься по-разному.

Особый интерес представляет концептуальная многозначность термина ***langue***. В текстах 1891 г. язык определяется как (1) система знаков (архисема */système/*) [12, с. 17–77]. В метафорические отношения с данным значением вступает другое значение с архисемой */instrument (moyen)/*: язык рассматривается также как (2) инструмент (способ), необходимый для понимания [Там же, с. 96]. В 1893-1894 гг. происходит деривация нового значения: язык описывается как (3) конвенция

*(*архисема */covention/)* [Там же, с. 203], что отсылает нас к институциональному устройству языка с точки зрения социолингвистики (язык как институт в 1891 г. выражается с помощью квазисинонима ***langage***).

Такая динамика семантической структуры термина ***langue*** свидетельствует о том, что Ф. де Соссюр обнаруживает как минимум три аспекта языка и осознает необходимость во всестороннем описании характеристик данного объекта. Деривация новых значений происходит каждый раз, когда Ф. де Соссюр стремится указать на определенную грань.

Следует отметить, что основной движущей силой развития лингвотерминосистемы Ф. де Соссюра оказывается именно полиаспектность исследуемого объекта: 91% сем, которые интегрируются в семантику терминов с 1874 по 1911 гг., относятся к сигнификативному слою значения.

Таблица 1

Формирование термина ***langue***

Дата	Экспонент	Семантическая структура	Архисема
1891	**langue/ langage**	I	*système*
		II	*instrument (moyen)*
1893-1894		I, II	=
		III	*institution (convention)*
1899-1911	**langue**	I, II, III	=

Итак, на динамику лингвотерминосистемы Ф. де Соссюра оказывают влияние сразу несколько **объективных лингвистических** и **субъективно-объективных экстралингвистических факторов**. Если лингвистические факторы актуальны для терминосистем любых наук, то установленные экстралингвистические факторы свойственны, прежде всего, наукам именно гуманитарного цикла. Главную помеху, затрудняющую перевод всей лингвотерминосистемы в состояние устойчивого равновесия, мы видим в самом объекте языковедческих исследований. Прогрессивная научная мысль Ф. де Соссюра стремится к выражению посредством **языка** всего набора свойств, характеристик, явлений, которые открываются ученому в процессе исследования того же **языка**. Швейцарский лингвист, внося всё новые и новые изменения в свою лингвотерминосистему, каждый раз убеждается в её несовершенстве. Именно в этой связи Р. Энглер говорил о том, что «никто не остерегался терминов так, как Соссюр» (перевод наш – Д.З.) [10, с. 32]. Обобщение такого стремления к непостижимому идеалу в научной деятельности наилучшим образом выражено в высказывании знаменитого австрийского логика Л. Витгенштейна: «Чем более пристально мы приглядываемся к реальному языку, тем резче проявляется конфликт между ним и нашим требованием. <...> Это противостояние делается невыносимым; требованию чистоты грозит превращение в нечто пустое. Оно заводит нас на гладкий лед, где отсутствует трение, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно трение. Назад, на грубую почву!» [1, с. 129].

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Пер. с нем. М. С. Козловой. М., 1994. Ч. 1. 612 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа Языки русской культуры, 1998. 768 с.
3. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
4. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику: системный лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты. М.: Сага, Вертикаль, 2002. 351 с.
5. Benveniste E. Problème de linguistique générale II. Paris: Gallimard, 1974. 292 p.
6. Cosenza G. Dalle parole ai termini: i percorsi di pensiero di F. de Saussure. Edizioni dell'Orso, 2016. 190 p.
7. Depecker L. Entre signe et concept. Eléments de terminologie générale. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2002. 200 p.
8. Dubois J. Giacomo M. Dictionnaire de linguistique. Paris: Larousse, 2001. 514 p.
9. Engler R. Premiers spécimens d'un index des matières au CLG/E // Cahiers Ferdinand de Saussure, 31/1977. Pp. 89-99.

10. Engler R. Remarques sur Saussure, son système et sa terminologie. Cahiers Ferdinand de Saussure, 22. Genève: Librairie Droz, 1966. Pp. 35–40.

11. Saussure F. Cours de linguistique generale / Publ. par Ch. Bally et A.Sechehaye avec la collaboration de A. Riedlinger. Ed. critique prep. par Tullio de Mauro. Paris, 1997. 520 p.

12. Saussure F. Ecrits de linguistique générale. Etablis et édités par Simon Bouquet et Rudolf Engler avec la collaboration d'Antoinette Weil. P. : Editions Gallimard. 2002, 348 p.

Об авторе

Золотухин Денис Сергеевич – аспирант кафедры романских языков имени В.Г. Гака, Московский педагогический государственный университет, denzolotukhin@gmail.com

УДК 811.11.26

ОБРАЗНЫЙ МИР АВТОРСКИХ ОТСТУПЛЕНИЙ В РОМАНЕ С. МОЭМА «ЛУНА И ГРОШ»

Иевлева И.Ю.

В статье содержится аналитическая разработка явления гениальности, рамки которой определены задачами, потребностями и возможностями художественного текста. Выявляется своеобразная анатомия этого явления как источника конфликта между гением и обществом, раскрывается стилистическое мастерство писателя, подтверждается универсальность классического постулата лингвистики о единстве планов содержания и выражения у языкового знака.
Ключевые слова: художественный текст, единство планов содержания и формы, метафора, метонимия, конвергенция стилистических приемов.

THE WORLD OF IMAGES WITHIN THE AUTHOR' DIGRESSIONS IN THE NOVEL "THE MOON AND SIXPENCE" BY W. S. MAUGHAM

Iyevleva I. Yu.

The article presents an analytical sketch of the conceptual essentials of genius unfolding within the author' digressions in Maugham's novel. It traces the logical – artistic ways in which its main topic evolves. The author points out the constituent parts of the image of genius within the social framework, sorts out the stylistic means to reinforce their conceptual significance in the entire conflicting interaction of a genius and community. Finally, the article confirms the inseparability of the subjective content – form unity in a poetic text.
Keywords: a poetic text, unity of content and form, metaphor, metonymy, convergence of stylistic devices.

Художественная литература – это особая, утонченная форма языка в действии. В этой среде индивидуального языкового творчества целью и результатом является текст как вербализованный фрагмент духовной жизни автора. В системно-структурном освещении текст признан двусторонним построением, наивысшей, и поэтому предельно сложной, единицей в иерархии языковых уровней [6]. Единство планов содержания и выражения обеспечивает тексту, подобно слову, семантико-структурную целостность завершенность, воспроизводимость и т.д. [3]. Это незыблемое положение о структурно-семантической нерасторжимости содержания и формы берется за теоретическую основу в настоящей статье.

Из этого общего тезиса следует, что в художественном тексте, по законам, возможностям и целеустановкам жанра, особо значимые для автора мысли отмечены выдвижением – образными смысловыми акцентами с помощью стилистических приемов [1]: чем важнее мысль, тем выразительнее форма ее подачи. В предлагаемой статье описана попытка подтвердить эту концепцию путем семантико-смыслового анализа некоторых авторских отступлений в романе С. Моэма «Луна и грош» [10].

Отступление – своеобразная и, для читателя, информационно богатая часть художественного повествования. Это возможность для рассказчика взять слово и высказаться по поводу происходящего. Многофункциональность такого способа общения с читателем налицо: через собственное видение конфликта (явного или потенциального) автор предлагает свою зарисовку жизненной ситуации, побуждает мысленно поучаствовать в ее обсуждении и, вызывая определенное умонастроение, вовлекает в ее активное критическое осмысление – это все складывается в просветительскую миссию автора. Моэм не резонерствует. Он осторожно, с оговоркой и сомнением, проводит читателя через лабиринт грандиозности конфликта: то, что на поверхности предстает заурядно будничным, оказывается жизненно важной частью множества связей и их переплетений. Ответственность мысли должна найти равноценную языковую опору в своем выражении: отборе средств языка, их оригинальном воплощении и многозначной аранжировке, иными словами, - в оправданно целостной системе образов [9].

Роман не случайно открывается отступлением. Начало повествования – сильная позиция в композиционной структуре текста, и понятие, вводимое и разрабатываемое в условиях концептуальной заостренности, становится лейтмотивом всего произведения. У Моэма такой доминантой оказывается явление гениальности, но не как теоретическая абстракция, а как одушевленное качество – источник противоречий и конфликтов. Вся первая глава наполнена размышлениями рассказчика о гениальности как врожденном и социальном феномене. Думается, что такая философская настройка

всего романа раскрывает его обобщающий, общечеловеческий смысл, благодаря чему трагическая судьба художника-одиночки проецируется на все людское сообщество в виде конфликта между творцом и остальным миром.

Диалектика слова состоит в том, что оно одновременно и сила, и слабость. Способность отсылать к определенному предмету мира не устраняет размытости понятия о нем [1]. Семантическая открытость слова, его контекстуальное варьирование приближает говорящего к точному самовыражению, но никогда не достигает идеала и поэтому нуждается в дополнительных пояснениях. Так же поступает и Моэм. Понятие гениальности как «наивысшей способности к творчеству» - ключевое для всего романа и поэтому требует специального образно-смыслового толкования. Научно-популярная литература нашего времени дает доходчивое понимание нейронного субстрата психических процессов [5] Моэм же как исследователь духовной жизни оперирует доступными его времени и знанию современников расхожими представлениями.

С помощью цепочки контекстуальных синонимов (1. **singularity**, 2. **greatness**, 3. **genius**) [11] писатель в общих чертах обозначает объект предстоящего художественного изучения. Понятийная нюансировка слов синтезируется в представление о достоинстве уникальном (1. uncommon, strange), превышающем усредненность (2. well above the average in size, degree, etc.), мощной творческой силы (3. great and exceptional capacity of the mind or imagination to create or invent) [7]. На фоне величия, искусственно дарованного положением в обществе и поэтому ложного, тленного и преходящего, величие гения – это врожденное, чистопробное и неподдельное качество (**authentic**).

В чем состоит естество гения, где искать истоки его притяжения? Во-первых, привлекает «личность самого художника, которая являет себя даже в самых незначительных его произведениях как своеобразная, сложная, мученическая» - «The most insignificant of his works suggests **a personality** which is **strange, tormented and complex**». Во-вторых, субъективно ощущаемая художником «красота предмета удовлетворяет эстетический вкус» зрителя, что есть прямой и естественный путь к признанию. «Но это варварский путь, он сродни половому инстинкту в своей дикой необузданности» - «The artist, painter, poet, or musician, by his decoration, sublime or beautiful, **satisfies the aesthetic sense;** but that is akin to the sexual instinct and shares its barbarity». Истинный творец захватывает душу другим: «он дарит миру самого себя» - «…he **lays before you the greater gift of himself**». Эта откровенная метафора допустимо двузначна: с одной стороны, она намекает на бескорыстие и самоотдачу каждого как общий идеал (вне данного контекста), с другой, утверждает его как исключительную форму существования гения (в связи с героем романа). Чуть дальше, в неизбежной для Моэма теме соперничества в мире искусства он повторяет свое убеждение, что истинный талант ищет свой неповторимый способ духовного раскрепощения, а в плену конъюнктурной услуги гибнет. По мысли автора, «созидатель находит свою награду в удовлетворении от самого труда и в освобождении от бремени мысли, оставаясь равнодушным к похвале, критике, неудаче и успеху» - «The writer should seek his reward in the **pleasure of his work** and in **release from the burden of his thought**; and, indifferent to aught else, **care nothing for praise or censure, failure or success**».

Наконец, в-третьих, автор добавляет еще один штрих незаурядного воздействия творца на зрителя: «Он нарушает душевный покой и приковывает к себе» - «He **disturbs and arrests**». Это следствие непреодолимой открытости миру передается привычной метонимией – мысленным переключением с предмета на его создателя. Ассоциация типическая, но здесь она возвышает художника как обладателя повелевающей силы.

Усилия писателя – интерпретатора не тщетны, они постепенно проясняют сущность обсуждаемого явления, но автор по-прежнему, и справедливо, не удовлетворен своими умозаключениями, ибо что означает «a greater part of himself»? Автор уклоняется от прямолинейно готового ответа. Вместо него появляется еще одна череда синонимов [11], включенная в метафорическую образность представления о творческом гении: то, чье происхождение невозможно понять, что поэтому вызывает благоговейный страх (**mystery** – sth of which the cause and origin is hidden or impossible to understand/beyond men's understanding, arousing feelings of awe and wonder); то, что спрятано от взора и пока недоступно (**secret** – a hidden cause, explanation or way of doing things that is kept from the knowledge or view of others); то, что предстоит обнаружить (**riddle** - a puzzling thing intended to make a person use his wit) [8].

Концептуально значимо, в каких метафорических контекстах участвует лексический повтор этого типа. 1. «Художник предлагает **тайну своей души как вечную жертву» -** «He proffers **the mystery of his soul like a standing sacrifice**»; 2. «Его **секрет** увлекает, **как детективный роман» -** «To pursue **his secret** (a greater part of himself) has something of the fascination of **a detective**

story»; 3. «Это **загадка**, на которую, как и **у вселенной**, нет ответа» - «It is **a riddle** which shares with **the universe** the merit of having no answer». Так Моэм насыщает взаимодополняющими смысловыми нюансами общую абстракцию воображения – гениальность. Эти последовательные метафорические микрообразы создают впечатляющую конвергенцию, благодаря которой рождается импликация непостижимости феномена, обреченности на благоговение и преклонение перед ним. Заинтересовав читателя такими разнородными сравнениями, автор увлекает его в рассказ о судьбе непризнанного гения, в котором обещает найти разгадку **тайны – загадки – секрета** новаторского магнетизма своего героя.

Моэм находится на высоте предельных обобщений. Он, знаток человеческой натуры, ее запросов и проявлений, выделяет несколько признаков, свойственных всему людскому роду. Каждый из них облачен в метафорическую оболочку и пронизан иронической интонацией. Писатель осознает абсурдность мироустройства, которая складывается из нелепостей отношений, губительных, но неизбежных. Он дает понять, что осознает и свое зависимое участие в этой лицемерной игре.

Один из таких парадоксов – в своенравной изменчивости, непостоянстве суждений: «Восхваление его почитателей не менее **капризно**, чем хула его ненавистников» - «The adulation of his admirers is no less **capricious** than the disparagement of his detractors». Метонимический перенос признака деятеля «капризный» на результат – продукт деятельности позволяет одним густым языковым мазком, экономно и концентрированно, выделить главное в психологии публики. И это главное – чувство превосходства над художником. Оно дает высокомерное право почитателям славословить, а хулителям – уничижать.

В первых строках романа Моэм выводит эстетическую формулу воздействия искусства художника на зрителя: He disturbs and arrests. А теперь он прямо (хотя и отсроченно, снимая напряжение догадок) называет причину эстетического притяжения: «Искусство – это выражение эмоции, а **эмоция говорит на языке**, который могут понять все» - «Art is a manifestation of emotion. And **emotion speaks a language** that all may understand». Благородное увязывание искусства с эмоцией, язык которой может быть понятен всем, звучит примиряюще. Но взаимопонимания, тем не менее, не наступает. Общество нужно подготовить к принятию нового: привлечь, растолковать, убедить, внушить (a fanatic belief). Необходим посредник.

Это критик «с **бескорыстной страстью** к искусству» - «with his **disinterested passion for art**» и «**неоспоримым авторитетом**» - «**incontestable authority**» «**экстравагантных суждений**» - «**extravagant claims**». Именно его **статья «спасает от забвения»** неизвестного художника – «which **rescued** the unknown painter **from oblivion**». Она же «**прокладывает тропу**» - «**blazed the trail**», по которой устремляются его последователи, «послушно», покорно и безропотно – «**with docility**». Конвергенция стилистических приемов (эпитет, метонимия, метафора) создает реалистическую картину неминуемой тотальной разноуровневой зависимости в обществе. Та же судьбоносная статья «удачно **просчитана**, чтобы **удовлетворить** (накормить) **ненасытное любопытство расспросов**» - «was well **calculated** to whet **the appetites of the enquiring**, **to feed the curiosity** of the public». Эта вторая конвергенция (метафора и метонимия) существенно углубляет образ критика, в котором реалистически сочетается внутренний порыв ценителя искусства и корыстный интерес продавца своего товара.

Моэм предлагает еще одну психологическую загадку в виде «чисто человеческого интереса». Это еще одна эффективная уловка манипулирования приобретенными рефлексами социализованного человека. Общество само жаждет ошеломительных открытий и будоражащих впечатлений. Этот запрос удовлетворяется природной тягой и «способностью к мифотворчеству» - «The faculty for myth is innate in the human race». Myth – метонимическая сердцевина контекста (сужение общего широкого прямого значения: a story handed down from olden times about the early history of a race, explanations of natural events в специализированное: a person, thing that is imaginary, fictitious or invented [8]), это меткое указание на регулятор социальных отношений. Миф – это «легенда, превращенная в фанатическую веру» - «It invents a legend to which it then **attaches a fanatic belief**». И складывается она из броских фактов, которые «**молва с жадностью выхватывает** из жизнеописания героя», создавая себе кумира – «It **seizes with avidity upon any incidents**, **surprising** or **mysterious**, **strange** and **terrible**: an **outrageous** character, **pathetic** fate».

Наука намеренного обмана доведена до такого совершенства, что критик или журналист научился «**безошибочно угадывать** низменные мотивы даже в благопристойных поступках» - «with his **unerring eye** to see the despicable motive in innocent actions». В словосочетании «an unerring eye» сложилась двойная метонимизация: оба слова отсылают к одному и тому же скрытому референту, создавая, благодаря этому, образ проницательного наблюдателя, чуткого к выгодной для него сенсации.

Так Моэм находит еще одну афористическую формулу – общее правило, вневременное и всепоглощающее: миф – это «**бунт** против заурядности жизни» - «It is **the protest of romance** against the commonplace of life». Писатель завершает эту тему парадоксальной развернутой метафорой: «**Все** в этой легенде становится для героя надежным **пропуском в вечность» - «The incidents** of the legend **become** the hero's surest **passport to immortality**». Каждое слово в этом оптимистическом прогнозе проникнуто иронией, которая, умножаясь, достигает накала гротеска. Звучит она полифонично; в ней слились и горечь, и недоумение, и насмешка рассказчика, поскольку он сам – не сторонний наблюдатель, а сознательный участник стихийной селекции гения, очередная жертва в ряду претендентов на бессмертие. Однако контекст ситуации и языка выдвигает доминирующее его состояние – интонацию обреченности на случай и мнение большинства.

При переходе к социальной судьбе гения меняется понятийно – оценочно – эмоциональная аура умонастроения автора. Если тема гениальности опирается на одобрительно-абстрактные метафоры, то решающая роль среды (избранник природы в условиях совместного, коллективного существования) передается откровенно иронически язвительными физическими и социальными аналогиями: seizes, a protest, a passport. Они обострены интенсификаторами: avidity, fanatical, surest. Выплеск метафорических конвергенций имеет понятное психологическое основание. Автора настолько забавляет абсурдность сложившегося положения вещей, что он решает: аномалии в жизни должна соответствовать аномалия в языке.

Так Моэм в своей философской прелюдии приводит в многопричинное столкновение три собирательных персонажа: гения – творца, ценителя - критика и получателя – публику, решающий общественный голос. Каждый социально мотивирован по-своему, но за разными устремлениями кроется общая первопричина - инстинкт выживания. Он руководит поведением, мыслями, отношениями. Для критика это доказать (и навязать) абсолютность своего суждения, для публики это единодушно принять готовое решение. Творец наиболее уязвим: он движим свободными порывами таланта и вынужден искать компромиссы с обществом, чтобы не оказаться отвергнутым.

В заключение предложим несколько обобщений в попытке формализовать причинно-следственную логику начала романа, понимая, что сам текст отторгает подобное рациональное структурирование или не сводится к нему. Использование приема отступления не ослабляет (или искажает) другое, а именно: тезис об органичном единении содержания и формы в художественном тексте выступает мерилом идейно-эстетической ценности литературного сочинения. Ему осознанно профессионально следуют критики и интуитивно подчиняются читатели. Первым он дает возможность судить о стилистическом почерке и, в целом, о художественном мастерстве автора. Вторых он пленяет силой эмоционально-познавательного воздействия и обоих погружает в тематическую масштабность и смысловую бездну произведения.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (English Stylistics). М.: Флинта, Наука, 2002. 384 с.
2. Архипов И. К. Язык и языковая личность. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2008. 248 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 7. URSS. 2009. 144 с.
4. Моэм С. Луна и грош. Пер. с англ. Н. Ман. М.: АСТ, 2012.
5. www.aboutbrain.ru.
6. Bloch M. Ya. A Course in Theoretical English Grammar. M.: Высшая школа, 2008. 423 с.
7. Collins Cobuild English Learner's Dictionary. L.: Harper Collins Publishers, 2000. P. 1156.
8. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. L.: Oxford University Press, 1995. P. 1054.
9. Lodge D. The Modes of Modern Writing. L.: Bloomsbury Academic, 2015. P. 304.
10. Maugham W. S. The Moon and Sixpence. Msc.: Progress Publishers, 1969. P. 240.
11. The Penguin Dictionary of English Synonyms. L.: Claremont Books, 1995. P. 158.

Об авторе

Иевлева Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, irinievlev@yandex.ru

УДК 81'33

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К УЛУЧШЕНИЮ ТОЧНОСТИ НЕЙРОННОГО МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Калинин С.М.

В данной статье дается обзор актуальных подходов к решению проблемы по улучшению точности нейронного машинного перевода (далее по тексту НМП). Кроме того, приводится классификация данных подходов по двум большим группам: структурные и лингвистические. Более того статья освещает наиболее общие проблемы систем с НМП. Эффективность обозреваемых в статье методов оценивается на основании метрики BLEU для языковой пары английский-немецкий. Окончательные выводы по оценке эффективности данных методов приведены в заключительной части статьи.
Ключевые слова: машинный перевод, нейронный машинный перевод, нейронные сети, метрика BLEU.

TOPICAL APPROACHES TO THE IMPROVEMENT OF NEURAL MACHINE TRANSLATION

Kalinin S.M.

This article reviews topical approaches dealing with the problem of accuracy of neural machine translation. Classification of these approaches is provided in two groups: structural and linguistic. Moreover, the article sheds light on the most common problems of systems with neural machine translation. Effectiveness of the methods reviewed in this article is assessed based on BLEU metrics for the English-German language pair. Conclusions about the assessment of effectiveness of these methods are given in the closing part of the article.
Keywords: machine translation, neural machine translation, neural networks, BLEU metrics.

До недавнего времени нейронный машинный перевод (далее по тексту НМП) не мог сравниться по показателям с самыми совершенными системами статистического машинного перевода (далее по тексту СМП). Это было обусловлено определенными недостатками, общими для всех систем НМП.

По большей части эти недостатки определялись архитектурой нейронных сетей (далее по тексту НС), используемых в данных системах. К примеру, одна из наиболее общих проблем, на которую ссылаются исследователи [1, с. 151; 2, с. 1; 6, с.2], - неспособность к переводу редко встречающихся слов продиктована тем, что системы НМП отбирают только N самых частотных слов из корпусов текстов, опуская при этом менее частотные. Иногда это вызывало пропуски в переведенном тексте. Невозможность включения в словарь системы всех возможных переводов конкретного слова была продиктована необходимостью излишне не усложнять систему.

Второй ключевой недостаток – это относительно низкая скорость самообучения данных систем, особенно при работе с большими объемами корпусов текстов [6, с. 2; 7, с. 372]. Данная особенность также связана со сложной архитектурой нейронных сетей.

Но во многом благодаря структурным и лингвистическим решениям, предлагаемым исследователями, НМП становится все более приоритетным направлением для исследований, о чем свидетельствует большое количество научных статей и работ, опубликованных за последнее время.

В данной статье автор делает обзор и приводит классификацию наиболее актуальных подходов к решению данных проблем, существующих на сегодняшний день.

Помимо этого, автор ставит перед собой задачу произвести сравнение представленных в статье систем на основе методики BLEU. Несмотря на то, что репрезентативность данной методики ставится некоторыми исследователями под сомнение [6, с. 8], она все еще остается наиболее распространенной системой для оценки качества машинного перевода (далее по тексту МП). Сравнение проводится для языковой пары английский – немецкий. Выбор данной языковой пары для оценки эффективности предлагаемых исследователями моделей обусловлен тем, что МП данной языковой пары представляет собой сложную задачу вследствие значительной разницы в структуре двух этих языков и недостаточного количества параллельных корпусов текстов.

Как уже было упомянуто ранее, ключевые недостатки систем НМП обусловлены особенностями архитектуры нейронных сетей и являются общими для всех данных систем. Вследствие

этого подавляющее большинство работ по данной тематике так или иначе посвящены методам преодоления данных недостатков.

Все многообразие предлагаемых исследователями подходов можно разделить на две большие группы. Первый из этих подходов связан со структурными особенностями системы нейронных сетей, второй – с лингвистическими.

1. Структурные методы

На сегодняшний день большинство систем НМП имеют общую структуру: две рекуррентные нейронные сети (далее по тексту РНС), являющиеся кодером и декодером, и механизм отслеживания. На стороне предложения-источника кодер преобразует слова в контекстные векторы, которые, в свою очередь, декодер превращает в слова целевого предложения. Механизм отслеживания служит для контроля качества осуществляемого перевода.

Возможные улучшения данной архитектуры могут быть связаны с изменениями следующих параметров системы: изменение количества слоев и их взаимного расположения в РНС, изменение топологии связей узлов НС и изменения в механизме отслеживания.

1.1 Изменение количества слоев и их взаимного расположения в РНС

Известно, что более “глубокие” (имеющие больше слоев) НС имеют лучшие показатели по точности перевода [6, с. 5; 7, с. 372]. Однако изменение данного параметра очень сильно влияет на скорость работы системы. Как указывают исследователи [6, с. 5], обычно лучшие показатели имеют системы с 4 слоями РНС. При этом наибольшее влияние на улучшение данного параметра может оказать изменение в структуре связей между отдельными узлами НС. Таким образом, исследователи смогли спроектировать рабочую систему с 8 слоями РНС, используя при этом остаточные связи между слоями, которые сообщают информацию о значении на входе предыдущего слоя и обеспечивают более быстрое распространение градиента [6, с. 5]. Первые два слоя кодера при этом являлись двунаправленными. Данная методика позволила увечить показатель BLEU данной системы до 24,61.

1.2 Изменения в топологии связей между узлами НС

Как указывалось выше, изменения в топологии связей в НС напрямую влияют на общую скорость работы системы. При этом основной параметр, которому уделяется большое внимание, - это величина градиента.

Из-за наличия множества нелинейных функций активации и рекуррентных вычислений в РНС значения градиента становятся небольшими и нестабильными. Множество различных путей решения данной проблемы предлагались в последнее время [7, с. 372], но в данной статье мы остановимся на одном достаточно интересном подходе, предложенным по отдельности двумя группами исследователей.

В первом случае данная модель получила название остаточных связей, во втором – быстрых кратчайших связей. В обоих случаях на вход каждого последующего слоя РНС поступала информация о текущем скрытом состоянии системы и совокупности векторов, обозначающих отдельные единицы предложения.

Вследствие отличия архитектурных решений показатели двух данных систем значительно разнятся, значение BLEU для второй составляет 20,70.

1.3 Изменения в механизме отслеживания

Механизм отслеживания используется в системах НМП для сопоставления оригинального слова и его перевода. На сегодняшний день данный модуль включается почти в каждую систему НМП. Вследствие очевидной важности данного модуля для осуществления максимально точного перевода, рядом исследователей были предложены различные подходы к его созданию. Мы остановимся на двух подходах, предложенных Люонгом М., Фамом Х. и Мэннингом К. [3].

Первый из них, получивший название “глобальный механизм отслеживания”, рассматривает все скрытые состояния кодера при выведении контекстного вектора. Несмотря на возможность получения более полной информации о возможном переводе, данная модель имеет один явный недостаток – принятие во внимание всех слов предложения оригинала для каждого слова целевого предложения является очень затратным в плане мощности при работе с длинными предложениями или текстами.

Второй подход, названный “локальным”, является компромиссом между предлагавшимися ранее моделями “мягкого” и “жесткого” механизма отслеживания. Комбинирование обеих моделей приводит к увеличению показателей BLEU до 23.

2. Лингвистические методы.

Совершенно другим подходом к улучшению машинного перевода является подход с использованием лингвистических знаний. И здесь целесообразно произвести классификацию существующих подходов по грамматическим

уровням языка.

2.1 Фонемный уровень

Проведение анализа на фонемном уровне позволяет решить одну из ключевых проблем НМП – проблему с переводом не самых частотных слов. Гибридная слово-символьная модель в основном осуществляет перевод на уровне слов и, в случае если встречается слово, отсутствующее в словаре системы после процесса обучения, производит анализ этого слова на фонемном уровне [2]. Перевод данных слов осуществляется на этапе постобработки. Основные преимущества данной системы состоят в том, что, во-первых, она позволяет сократить объем словаря системы за счет учета словообразовательных форм одного и того же слова, а, во-вторых, облегчает транслитерацию имен собственных. В BLEU метрике использование данного метода приводит к улучшению показателей до 24,17.

2.2 Морфемный уровень

На морфемном уровне основным методом, который используют исследователи, является лемматизация [5]. И здесь в отличие от слово-символьных моделей возможно распознавание значительно различающихся словоформ. При этом нейронные модели понимают, что флективные модели семантически взаимосвязаны и представляют их как одни и те же точки в векторном пространстве. Использование данного метода приводит к улучшению метрики BLEU до 23,80.

2.3 Лексический уровень

На лексическом уровне помимо очевидных основных функций по переводу слов и фраз исследователи также задействуют ряд дополнительных методов, позволяющих улучшить качество перевода.

К одному из таких методов можно отнести маркировку слов как определенных частей речи [5]. Данный метод помогает частично снять проблемы с определением коннотации омонимичных слов. Показатель BLEU при использовании данного метода - 24.

К другому относится учет морфологических особенностей каждого отдельного слова в тексте [5]. Учет таких особенностей слов, как, например, лицо, число, спряжение, позволяет улучшить точность перевода, в частности для флективных языков. Данный метод приводит к улучшению BLEU до 24,10.

2.4 Синтаксический уровень

К методам улучшения перевода, используемых на синтаксическом уровне, можно отнести следующие примеры: использование меток зависимости слов [5] и применение одноязычных данных на этапе обучения системы [4].

Первый метод заимствован из систем СМП. Его использование в системах НМП позволяет решить проблему с неправильным порядком слов переведенного предложения, вызванным различиями в структуре языка. Показатель BLEU при использовании данного метода – 23,40.

Второй метод заключается в использовании только одноязычного корпуса текстов для обучения системы. Данный подход позволяет увеличить объем обучающего материала в случаях, когда есть недостаток параллельных корпусов текстов. Материалы одноязычного корпуса текстов могут быть применены в системе двумя различными способами. В первом из них одноязычные обучающие примеры рассматриваются как часть параллельного корпуса текстов с пустым корпусом оригинальных текстов. В этом случае нейронная сеть опирается только на предшествующие целевые слова для определения вероятности появления конкретного последующего слова. Исследователи сообщают, что показатель BLEU в таком случае увеличивается до 21,40 единиц.

Для того, чтобы увеличить эффективность использования одноязычных данных, исследователи предлагают также ввести второй способ работы с данными – обратный перевод. В данном случае для обучения используется необработанный автоматический перевод параллельных корпусов текстов. Значение метрики BLEU для данного способа – 23,80.

Таким образом, можно сделать вывод, что все многообразие существующих подходов к решению проблемы улучшение НМП может быть разделено на две большие подгруппы: структурные и лингвистические методы. При этом их использование приводит к разным степеням улучшения показателя метрики BLEU. Лучший результат в этом плане демонстрируют системы с большим количеством слоев и остаточными связями (24,61 по метрике BLEU), с гибридными слово-символьными моделями (24,17) и с учетом лингвистических особенностей на лексическом уровне (24,10 для моделей с учетом морфологических особенностей и 24 для моделей с определением части речи слова).

Кроме того, следует отметить, что подавляющее большинство решений, существующих на данный момент, направлены на преодоление ряда ключевых ограничений систем с использованием нейронных связей: неспособность к переводу редких слов, наличие пропусков в переведенном тексте и медленный процесс обучения.

Список литературы

1. He W., Wu Hua., Wang H. Improved neural machine translation with SMT features // Thirtieth AAAI conference on artificial intelligence. 2016. pp. 151-157.

2. Luong M., Manning C. Achieving open vocabulary neural machine translation with hybrid word-character models. 2016. arXiv preprint

3. Luong M., Pham H., Manning C. Effective approaches to attention-based neural machine translation. 2015 arXiv preprint

4. Sennrich R., Haddow R. Improving neural machine translation models with monolingual data // 54th annual meeting of the association for computational linguistics. Berlin. 2016. pp. 86-96.

5. Sennrich R., Haddow R. Linguistic input features improve neural machine translation // Research papers of the first conference on machine translation. Vol. 1. Berlin. 2016. pp. 83-91.

6. Wu Y., Schuster M., Chen Z., V. Le Q., Norouzi M. Google's neural machine translation system: bridging the gap between human and machine translation. 2016. arXiv preprint

7. Zhou J., Cao Y., Wang X., Li P., Xu W. Deep recurrent models with fast-forward connections for neural machine translation // Computational linguistics. Vol.4. 2016. pp. 371-383.

Об авторе

Калинин Сергей Михайлович – старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого президента РФ Б.Н. Ельцина, kalimer@yandex.ru

УДК 811.111'36

ДВОЙНОЕ ОТРИЦАНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Кирьянов В.А.

В статье рассматривается понятие отрицательного простого предложения. Разграничиваются случаи общего и частного отрицания и вводится понятие предикатно-направленного и непредикатно-направленного типов отрицания в английском монопредикативном предложении. Анализируются нечастотные случаи полипредикативности в английском простом, нормативно мононегативном, предложении и предлагается теоретическое обоснование этого явления. В статье выдвигается тезис о том, что полинегативность в английском простом предложении маркирует его полусложный статус.
Ключевые слова: общее отрицание, частное отрицание, мононегативность, полинегативность, контаминация, фузия, полусложное предложение.

DOUBLE NEGATION IN THE SIMPLE ENGLISH SENTENCE

Kiryanov V.A.

The notion of a negative simple sentence is analysed in the article. Cases of general and secondary negation are dealt with. The notions of predicate-oriented and non-predicate-oriented types of negation in the sentence are put forward. Occasionally used cases of double negation in the English simple sentence are investigated in historically comparative aspect. The article contains theoretical grounding for the grammatically correct usage of double negation in the modern English simple sentence. Contamination of two negative sentences into one prompts the idea of the semicomposite nature of the sentences under analysis, including a general and secondary types of negation.
Keywords: general negation, secondary negation, mononegativeness, polynegativeness, contamination, fusion, semicomposite sentences.

Целью данной статьи является формулирование лингвистического обоснования допустимого использования двойного отрицания в современном английском, традиционно мононегативном простом предложении. Обращение к данной проблеме важно для анализа структурно-семантической организации английского простого предложения в теоретическом и практическом аспектах, а также для практики обучения носителей русского языка английскому при преодолении межъязыковой интерференции.

Основными методами проводимого исследования явились: трансформационный, семантико-синтаксический, сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный.

Во внимание также принимаются синтаксическое и контекстное членения предложения.

Объектом исследования является английское простое повествовательное отрицательное предложение в корреляции с его русским эквивалентом. Предметом исследования являются случаи полинегативности английского простого повествовательного предложения, которое с позиции нормативной грамматики английского языка должно быть мононегативным.

Отрицательное предложение не является отдельным разрядным типом предложения. Любой из коммуникативных типов предложения может быть отрицательным и утвердительным. Отрицание, как семантическая категория, осложняет всю пропозицию или ее компонент, актуализируя мысль говорящего по поводу референтной предложению ситуации действительности. Отрицание может указывать на отсутствие логической связи между определенными компонентами предложения [Пешковский 1956], или на ложность пресуппозитивного утверждения [Балли 1955], или на отсутствие называемого словом понятия, признака, действия и т.п. В статье разделяется мнение, что «… отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы» [Ярцева 1990: 354]. Сема отрицания может осложнять как отдельные слова, члены предложения, так и все предложение. На уровне плана выражения она может быть представлена эксплицитно отрицательными приставками, лексическими суффиксами, наречиями, частицами, местоимениями или словами разных знаменательных частей речи, включающих сему негативности в называемое понятие или его коннотацию.

В данной статье анализируется грамматически отрицательное простое повествовательное предложение английского языка. Под таким предложением понимается то, в котором отрицание осложняет всю пропозицию или

одну из его синтаксических позиций при помощи грамматических языковых средств: частица *not;* отрицательные местоимения *nobody, nothing, none, no;* наречия *never, nowhere, etc.* В зависимости от того, какая синтаксическая позиция или позиции осложнены отрицанием, предложения могут быть общеотрицательными и частноотрицательными. Считается, что предложение является общеотрицательным, если отрицается субъектно-предикатная связь (линия), и частноотрицательным, если в предложении отрицается одна или несколько (как в русском языке) из его второстепенных синтаксических позиций [Иванова 1981: 182]. Предложение, при этом, рассматривается как синтаксическое построение, а не как логическое суждение с пресуппозицией утвердительного контрафакта. Вместе с тем, сужать понятия общеотрицательного и частноотрицательного предложений до уровня членения предложения на синтаксические позиции главных и второстепенных членов, в традиционном понимании, не всегда правильно. Исходя из концепции вербоцентрической организации элементарного простого предложения [Теньер 1988; Филмор 1981; Чейф 1981; Богданов 1977], для синтаксической и семантической структуры предложения как единицы, выражающей законченную мысль, обязательными, а не второстепенными могут быть и дополнения, и обстоятельства, которые традиционно рассматриваются как второстепенные члены предложения. Например:

(1) He found nothing in the box. - Он не нашел ничего в коробке.

В этих предложениях только подлежащие '*he; он'* и сказуемые '*found; не нашел'* не образуют предложение, так как они не выражают законченную мысль. Поэтому дополнения *'nothing;ничего'* являются также обязательными для построения простого элементарного предложения, а не субъектно-предикатного словосочетания. В русском предложении сема отрицания осложняет как сказуемое, так и дополнение, так как эксплицитно отрицается и факт нахождения объекта в коробке, так и наличие какого-нибудь объекта в ней. В английском предложении, которое вследствие своего исторического развития стало мононегативным, отрицание может осложнять только одну из его синтаксических позиций:

He found nothing in the box. =
He didn't find anything in the box.

В русском предложении мы находим случаи присловного и смещенного отрицаний [Падучева 1974] в одном предложении, что не влияет на статус предложения как общеотрицательного, так как отрицание осложняет предикат, т.е. отрицается справедливость субъектно-предикатной линии или связи. В английском же предложении мы имеем только присловное отрицание в позиции дополнения, но оно аккумулирует в себе способность отрицать действие, названное предикатом. В примере это демонстрируется переносом семы отрицания с дополнения на сказуемое: *found nothing = didn't find anything.* Поэтому, хотя отрицание в английском предложении осложняет не главный, а второстепенный, но обязательный, член предложения, оно является общеотрицательным.

Вместе с тем, специфика современного английского мононегативного простого предложения обусловливает возможную трудность трактовки его как общеотрицательного или частноотрицательного. В последнем случае его следует рассматривать как утвердительное с частным отрицанием. Сравним два примера:

(2)*He didn't dig a hole in the garden.*

(3)*He dug not a big hole in the garden.*

Предложение (2) является общеотрицательным, так как отрицание осложняет предикат и, следовательно, отрицается субъектно-предикатная связь, т.е. отрицается факт совершения действия, названного сказуемым, агенсом, названным подлежащим. Предложение (3) является частноотрицательным, так как не отрицается справедливость субъектно-предикатной связи или совершения действия агенсом, а отрицается лишь атрибутивный параметр результатива (*a hole; not big)*. Наличие грамматического маркера отрицания *'not'* не говорит, что это предложение является отрицательным. Оно является утвердительным с частным отрицанием. Решение вопроса об общем или частном характере отрицания может основываться на направленности отрицания. Если отрицание осложняет предикат или ориентировано на него, тогда такое предложение является общеотрицательным (примеры (1), (2)). Если же отрицание не направлено на предикат, то такое предложение является утвердительным с частным отрицанием (пример (3)). Отсюда, отрицание в английском простом предложении может быть предикатно-направленным и непредикатно-направленным.

Разграничение общего и частного типов отрицания важно для объяснения возможности употребления двух отрицаний в современном,

нормативно мононегативном, предложении. Исторически английское предложение в древнем и среднем периодах развития английского языка могло быть полинегативным, так как язык в эти периоды был языком синтетического строя, как и современный русский язык, и синтаксические позиции в предложении были более автономны, чем в современном английском языке.

(4)"…<u>næfre</u> we ær þyllic <u>ne gesawon</u>." ("The Old English Gospel", 8th century) [Иванова 2001: 328]

(5)"In <u>none</u> kinge-riche <u>nas non</u> his iliche." ("King Horn", 13th century) [Иванова 2001: 349]

(6)"… he <u>may nat ben exiled</u> by <u>no right</u> fro that place? …there <u>nys</u> <u>no drede</u> that he mai deserve to ben exiled. " (Chaucer, 14th century) [Schlaugh 1964 : 235]

Редукция и распад флексий в английском языке в ранненовоанглийском и новоанглийском периодах привели к трансформации строя английского языка из синтетического в аналитический. Результатом последнего явилось усиление роли порядка слов и синтагматических отношений в предложении, что вызвало снижение степени автономности синтаксических позиций или членов предложения при выражении законченной мысли. Это проявилось в устранении избыточного количества отрицаний в простом предложении, и оно стало мононегативным. Приведенные примеры полинегативных предложений из древнего и среднеанглийского периодов при их переводе на современный английский язык включают лишь одно отрицание:

(4a) <u>Never before</u> we saw anything like this./ We saw <u>nothing</u> like this before.

(5a) There was <u>no one</u> like him in any kingdom./ There <u>wasn't</u> anyone like him in any kingdom.

(6a) …<u>he may not be exiled</u> lawfully from that place? … there is <u>no fear</u> that he may deserve an exile.

Тем не менее, в современном английском языке вполне допустимо грамматически корректное употребление двух отрицаний в простом предложении. Во внимание, при этом, не принимаются случаи наличия в таком предложении присловного отрицания, маркируемого негативными аффиксами.

(7)"You <u>wouldn't have caught</u> me doing <u>no</u> evening <u>work</u> just for a bit of money." [Spark 1977 :123]

(8) "I <u>can't imagine</u> anybody <u>not forgiving</u> you anything." [Fitzgerald 1983 : 309]

Нечастотные случаи употребления двойного грамматического отрицания в современном английском простом предложении приходятся, как правило, на предложения, осложненные вторично-предикативными синтаксическими конструкциями с вербалиями или на предложения, включающие вербалии, грамматически маркированные семой отрицания. Такие предложения можно рассматривать как полусложные, так как они включают две контаминированные пропозиции. Каждая из этих пропозиций характеризуется наличием своей субъектно-предикатной линии. Однако, при контаминации одна из пропозиций компрессируется и включается в другую на уровне одного из членов предложения. Наличие двух субъектно-предикатных линий (первичной или основной и вторичной или свернутой до уровня члена предложения) позволяет трактовать такие традиционно простые предложения как полусложные [Кирьянов 2012; Chovanec 2014: 96]. Полусложное предложение, как языковая единица, может быть истолковано как полипредикативное синтаксическое построение, включающее первичную или основную субъектно-предикатную линию и вторичную, свернутую до уровня члена предложения [Кирьянов 2016; Золотова 1995].

Фузия двух предложений в одно при сохранении отрицания в каждом из них может происходить в полусложном предложении, в котором контаминируемое предложение репрезентируется предикатом в форме вербалии, осложненной отрицанием, как рематической части высказывания, а не всей субъектно-предикатной линией.

(9) <u>Not knowing</u> what to say, he <u>said nothing.</u>

(10) I <u>didn't say</u> it <u>not to confuse</u> you.

В приведенных примерах контаминации подвергаются два общеотрицательных предложения или пропозиции:

(9a) *He didn't know what to say. + He said nothing. / He said nothing because he didn't know what to say.*

(10a) I didn't say it because I didn't want to confuse you.

В связи с тем, что субъектом предикатов в контаминируемых предложениях в приведенных примерах является один и тот же агенс, то контаминируемое предложение компрессируется до предиката и получает форму вербалии: причастия в примере (9) и инфинитива в примере (10), так как формируемое полусложное предложение уже содержит предикат, выраженный личной формой глагола. Отрицание при обоих предикатах сохраняется, чтобы не изменить смысл исходного речевого построения. Общеотрицательный статус контаминируемого

предложения в новом полусложном предложении теряется, и отрицание в нем приобретает статус частного, ибо общеотрицательный характер полусложного предложения не нарушается в случае элиминации фузийно встроенного общеотрицательного предложения.

Таким образом, в современном английском языке простое предложение при его нормативной мононегативности допускает грамматически корректное употребление двух отрицаний. Последнее не является частотным явлением. Двойное отрицание допустимо в случаях осложнения простого общеотрицательного предложения вторично-предикативной конструкцией с внутриструктурным отрицанием или отрицательно маркированной вербалией, называющей действие, состояние или признак, выполняемый или приписываемый подлежащему (субъекту). Такое предложение актуализирует две самостоятельные общеотрицательные пропозиции, одна из которых подвергается фузии и получает статус частного отрицания в трансформированном синтаксическом построении. Анализируемое предложение может рассматриваться как полусложное с общим и частным отрицаниями.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955. 416 с.

2. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977. 203 с.

3. Золотова Г.А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе // Вопросы языкознания. № 2 (1995). М.: Наука, 1995. С. 99-109.

4. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. 285 с.

5. Иванова И.П., Чахоян Л.П., Беляева Т.М. История английского языка. СПб: «Лань», 2001. 510 с.

6. Кирьянов В.А. К вопросу об актуальном членении полусложного предложения // Лингвистический вестник. Вып. 8. Брянск: РИО БГУ, 2012. С. 45-52.

7. Кирьянов В.А. Английское предложение, осложненное причастием или причастным словосочетанием // Лингвистический вестник. Вып. 10. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 41-45.

8. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974. 292 с.

9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

10. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

11. Филмор Ч. Дело о падеже // НЗЛ. Вып.10. М.: Прогресс, 1988. 567 с.

12. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.

13. Ярцева В.Н. (гл.ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклоледия, 1990. 683 с.

14. Chovanec Ja. Chapters from the History of Czech Functional Linguistics. Brno: Masarykova univerzita, 2014. 128 p.

15. Fitzgerald F.S. Tender is the Night. M.: Raduga, 1983. 396 p.

16. Schlauch M. The English Language in Modern Times (since 1400). L.: Oxford University Press, 1964. 316 p.

17. Spark M. The Ballad of Peckham Rye. L.: Penguin Books, 1977. 144 p.

Об авторе

Кирьянов Владимир Архипович – кандидат филологических наук, доцент, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, kiryanov47@mail.ru

УДК 808

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РИТОРА В ЭПИДЕЙКТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Кудрявцева П. Б.

Рассматриваются особенности построения эпидейктической речи и связь её композиционных частей с этосом, логосом и пафосом, формирующими образ ритора. Ставится, а затем последовательно разбирается вопрос об анализе риторического текста с помощью ключевых слов. Выявляются устойчивые связи ключевых слов с элементами образа ритора, а также закономерности, позволяющие упростить анализ текста в рамках риторической критики.
Ключевые слова: эпидейктическая речь, образ ритора, ключевое слово, риторическая критика, этос, логос, пафос.

KEY WORDS AS AN INSTRUMENT OF CREATING THE IMAGE OF THE RHETOR IN THE EPIDEICTIC SPEECH

Kudryavtseva P. B.

The article looks at the features of the epideictic speech structure. The connection of the speech components with ethos, logos and pathos which create the image of the author is investigated. Based on the case study of epideictic speeches, the author raises and examines the issue of the rhetorical text analysis using keywords. The paper reveals strong connections between the keywords and the elements of the rhetor's image. Certain regularities facilitating text analysis in the framework of rhetorical criticism are demonstrated.
Keywords: epideictic speech, image of the author, keyword, rhetorical criticism, ethos, logos, pathos.

В последние десятилетия значительно увеличилось количество научных работ, посвященных поиску и последующему анализу ключевых слов в тексте или корпусе текстов. Ученые предлагают различные концепции, которые базируются на теории литературы, математической статистике, психологии и многих других дисциплинах, так или иначе затрагивающих вопрос восприятия информации реципиентом. Риторика как наука, направленная на создание влиятельных текстов, также органически связана с этой проблемой, однако на данный момент количество риторических исследований, привлекающих в качестве инструмента анализа ключевые слова, невелико. На наш взгляд, такая ситуация сложилась не только из-за того, что понятийный аппарат одной из древнейших филологических дисциплин уже давно сформирован и описан еще античными риториками, но и из-за обилия трактовок самого термина «ключевое слово».

Как справедливо заметил отечественный лингвист С. И. Соломатов, «…ключевое слово – это единица текста, которая может выполнять различные функции в различных условиях. Это и инструмент информационного поиска, и средство воздействия на психику адресата, и смысловая веха текста, и носитель главного смысла произведения, и сигнал актуального смысла в общественном сознании на протяжении исторических периодов разной длительности» [Соломатов: 51-52]. Однако нельзя не отметить, что объем этого понятия почти не изменяется от направления к направлению, иначе говоря, если учёный рассматривает ключевое *слово*, его внимание будет приковано к конкретным лексемам или дву- и трехчленным сочетаниям лексем. Что же касается того языкового пространства, на котором эта единица функционирует, то здесь мы не наблюдаем подобного единообразия и единомыслия. Ключевое слово в трудах различных ученых может быть инструментом исследования художественного или публицистического текста, высказывания, дискурса, языка или даже языковой группы. Место функционирования задает содержание данного понятия, поэтому для нас принципиально важно подчеркнуть, что мы будем говорить о ключевых словах, функционирующих в пределах текста, представляющего собой завершенное авторское высказывание.

Первый вопрос, который мы ставим перед собой в нашей статье: является ли ключевое слово инструментом, применимым для анализа именно риторического текста. Ведь последний существенно отличается от всех других типов текста не только с точки зрения используемых в нем языковых средств, но и с точки зрения композиции. Для риторики изучение текста является лишь средством для изучения аргументации, а истинный предмет этой дисциплины — «произведение слова, которое еще не создано, но которое предстоит создать» [Волков 2001: 9]. С этой точки зрения ключевое слово становится прогностическим инструментом автора риторического

текста, который, следуя за теоретическими обоснованиями, выстраивает свою речь так, чтобы ключевые слова были восприняты аудиторией сообразно его намерению. Однако риторический текст выступает в качестве объекта исследования не только самой риторики, но и риторической критики, дисциплины, основной задачей которой является интерпретация, анализ и оценка той или иной произнесенной речи, зафиксированной впоследствии на бумаге. В этом случае ключевое слово выступает в роли инструмента поиска скрытых смыслов и выявления тактик убеждения, задействованных автором текста. Первым, кто сформулировал подобный метод анализа риторического текста, был известный американский учёный Кеннет Бёрк.

Его метод, названный кластерным, тесно связан с языковой картиной мира. Кеннет Бёрк отталкивался в своих работах от утверждения, что язык «отражает» и формирует окружающую нас действительность, диктуя ей определенные условия. Он утверждал, что с помощью ключевых слов критик может выявить отношение автора к тому или иному предмету речи. Когда исследователь обнаружит их, он сможет не только лучше понять то или иное произведение, но и увидеть, какова истинная цель выступления ритора, есть ли в его речи скрытые смыслы. Очевидно, что в таком случае успешность данного метода, его конечные результаты напрямую зависят от критика, который его применяет. Подобная субъективность отрицательно сказывается на формировании и развитии метода. При всём многообразии трактовок, учёными так и не была выработана стройная схема анализа риторического произведения, учитывающая намеченную Бёрком последовательность шагов. Заметим, что, независимо от того, в рамках какой из двух вышеупомянутых дисциплин текст рассматривается, особенности его построения диктуют исследователю методологию его последующего анализа, в том числе и с помощью ключевых слов.

Для нас же принципиально важным является то, что любой ораторский текст объединяет в себе категории этоса, логоса и пафоса, выделенные ещё Аристотелем. Под этосом мы, вслед за А. А. Волковым, будем понимать условия ведения речи, которые публика ставит ритору. Логос определим как совокупность языковых средств, которые направлены на выражение основной идеи риторического произведения. Выражение эмоциональной стороны этого текста, воздействующей на аудиторию, назовем пафосом речи. Совокупность этоса, логоса и пафоса принято называть образом ритора, его правильность «является важнейшей предпосылкой приемлемости аргументации и влиятельности речи, поскольку от доверия и симпатии к ритору зависит доброжелательное или настороженное отношение аудитории к содержанию речи» [Волков 2001:76]. Модель образа ритора формируется с помощью разнообразных речевых средств, среди которых некоторые исследователи выделяют и ключевые слова текста. Как справедливо отмечает О. И. Шарафутдинова, речевое наполнение этого компонента образа ритора может варьироваться от выступления к выступлению, однако «набор этих средств остается неизменным и составляет базу для сопоставления отдельных образов ритора» [Шарафутдинова: 176].

Образ ритора является одной из важных составляющих риторического выступления. Уже в риториках М. В. Ломоносова не только дается ёмкое определение понятия «ритор», но и подробно описываются качества, которыми необходимо обладать, чтобы быть влиятельным оратором. Термин «образ ритора» был введен много позже в работе В. В. Виноградова «О художественной прозе». Однако каким бы самобытным ни был индивидуальный стиль человека, произносящего публичную речь, в обществе всегда бытует образ идеального ритора, исторически изменчивый, но неизменно влияющий на реализацию в тексте этоса, пафоса и логоса. В зависимости от эпохи этот образ будет приобретать или терять некоторые черты, что отразится и на построении текста, и на связи вышеперечисленных элементов с ключевыми словами риторического произведения, и на самой традиции произнесения и бытования речей.

Подобное суждение созвучно концепции Ю. Н. Караулова, согласно которой языковая личность выступает в роли материального носителя идеологии, творца и одновременно продукта языка [Ворожбитова: 22]. Ю. Н. Караулов в своей книге «Русский язык и языковая личность» выделяет три уровня структуры языковой личности: вербально-семантический уровень, единицами которого являются слова и грамматические, текстовые, дискурсивные модели, что, на наш взгляд, относится к риторическому логосу; лингвокогнитивный уровень, внутри которого сосредоточены понятия, идеи, концепты, мировоззренческие установки, идеологические стереотипы, структурирующие представление личности о действительности и связанные с этосом речи; мотивационный уровень, включающий в себя деятельностно-коммуникативные потребности, мотивы речевого поведения и интенции

продуктивных и рецептивных речевых поступков, который так или иначе связан с пафосом речи. Позднее в статье Л. Н. Колесниковой «Риторика и риторическая личность» переосмысление данной концепции приводит к выделению высшего уровня в иерархической модели языковой личности, который был назван риторической личностью. Исследователь интерпретирует концепцию Ю. Н. Караулова с точки зрения воздействия на аудиторию и говорит о трех сторонах оценки речи человека в восприятии образа оратора — этической, интеллектуальной и эстетической [Колесникова: 189], что, на наш взгляд, также связывает образ ритора с триадой этоса, логоса и пафоса.

В этой связи необходимо подробнее остановиться на таком понятии, как пафос речи, который способствует реализации авторского замысла с помощью эмоционального воздействия на аудиторию. «Речевые эмоции склоняют слушателя к принятию того или иного решения, формируют его отношение к предмету речи, а также к говорящему. Состав риторических эмоций, направление эмоциональной аргументации задается императивом – мыслью-волением оратора, который, обращаясь к данной аудитории, стремится реализовать определенные цели. Для того чтобы его замысел осуществился, оратор использует эмоциональную аргументацию, благодаря которой он наводит те или иные риторические эмоции на аудиторию» [Смолененкова: 119].

Как известно, риторическая аргументация подразделяется на эпидейктическую, судительную и совещательную. Все они в той или иной степени используют эмоциональную составляющую, что связано с необходимостью отстаивания ритором права на произнесение ораторского текста, на ассиметричную модель отношения между говорящим и аудиторией. В судительной и совещательной аргументациях оратору необходимо привести аудиторию к определенному решению, с помощью речевого высказывания доказать или опровергнуть суждение о внеязыковой действительности. Без риторического пафоса добиться от разнородной аудитории конкретного действия крайне затруднительно, а то и вовсе невозможно. Эпидейктическая речь в этом случае берет на себя ключевую роль, ведь только придя к согласию относительно ценностей и норм, мы можем принимать решения о будущем и оценивать шаги, предпринятые в прошлом. Таким образом, «утвердить право на эпидейктическую речь – значит поставить себя в определенное отношение к аудитории, оппоненту и предмету» [Волков 2009: 353]. Чтобы добиться этого, оратор, как правило, заранее разделяет все ценности, присущие аудитории, на положительные и отрицательные и продумывает такие тактики воздействия, которые были бы созвучны с ними. «Ритор стремится построить такое представление аудитории о ней самой, при котором она признает для себя возможным принять те апелляции к реальности, авторитету или к своим собственным целям и ценностям, к которым прибегает ритор, и готова объединиться с ним в общем «мы»» [Волков 2009: 355]. Такой риторический замысел, однородный по своей структуре, как правило, вербально выражается в тезе речи — главной мысли текста, в которой почти наверняка можно вычленить несколько ключевых слов риторического произведения. Так как пафос речи является основой риторического замысла, а теза — его вербальным выражением, то мы можем говорить о наличии некой методологической связи между ключевыми словами текста и его пафосом.

Так как предметом эпидейктической речи являются ценности и нормы, мы можем предположить, что ключевые слова подобного текста будут относиться к более абстрактной лексике с широким значением. Ведь «эти ценности и нормы должны оставаться равными себе в прошлом, настоящем и будущем, иными словами, рассматриваться вне времени и вне конкретных обстоятельств, при которых принимаются решения» [Волков 2001:71].

Однако для нас наибольший интерес представляет логос речи — особые языковые средства, которые используются для реализации риторической цели. Его формальное выражение кажется нам наиболее маркированным, ведь каждый ритор использует присущий ему одному языковой репертуар, дающий представление не только о его общем культурном и интеллектуальном уровнях, но и о том, как именно видит он эту проблему, какое место отводит ей. Так, например, использование просторечно-разговорной лексики может подтолкнуть аудиторию к мысли, что произносящий речь несерьезно относится к предмету обсуждения. Тем не менее, словарь оратора не может состоять только из общелитературных слов, ведь тогда нейтральный регистр не позволит раскрыть ту или иную риторическую эмоцию. Поэтому любой ритор привлекает книжную, специальную, научную, философскую лексику, старается не только логично, но и лаконично и последовательно воспользоваться всеми доступными языковыми средствами. Это и является основой логоса ритора. Чем выше логос по стилю, тем авторитетнее выглядит в глазах аудитории ритор, что позволяет объединить адресатов, настроить их на серьезное

и вдумчивое восприятие речи. Однако не следует забывать и о том, что основным принципом влиятельной речи является использование целесообразных средств выражения, приемлемых и убедительных для аудитории. В противном случае может возникнуть комический эффект, который не позволит достичь основной цели речи.

Логос реализуется через тезу и риторическую аргументацию, ведь именно аргументация «представляет собой рациональные процедуры убеждающего обоснования приемлемости пропозиций» [Волков 2009: 219]. Суждение, формирующее пропозицию, может быть как положительным, так и отрицательным. Если целью положительной аргументации является обоснование пропозиции, выраженной в форме утвердительного суждения, то цель отрицательной прямо противоположна [Волков 2009: 221]. При положительной аргументации в пропозиции будут употребляться положительные (*добро, красота и т.д.*) или нейтральные (*искусство, медицина и т.д.*) по смыслу слова, некоторые из которых попадут и в список ключевых слов текста. При отрицательной аргументации поиск ключевых слов усложнится, ведь ритор, выбирая нейтральные по значению слова, мог наделить их отрицательной коннотацией, используя для этого неключевые слова текста (*например, формирование устойчивой оппозиции медицина-капкан и т.п.).* Эпидейктический логос, как правило, выражен с помощью положительной аргументации, что облегчает анализ текста и делает поиск ключевых слов более прозрачным.

Интересна связь ключевых слов и с этосом речи. «Необходимо, чтобы речь соответствовала ожиданиям аудитории по поводу того, кто, кому, когда, где, как долго, при каких обстоятельствах, с какой целью, что должен сказать. ... Для оценки этоса (уместности) конкретной речи критику следует описать условия произнесения речи в широком и в узком значении этого слова. … В узком смысле слова под условиями произнесения речи мы понимаем место публичного выступления и повод произнесения речи, определяющие жанр. Также к условиям произнесения речи относятся характер аудитории и качества образа ритора. Каждый из этих факторов находит своё отражение в тексте, а также влияет на восприятие речи аудиторией и на последствия риторического акта» [Смолененкова: 102-118]. Перечисленные факторы неизбежно влияют на выбор лексических средств и на формирование множества ключевых слов текста.

Риторический этос диктует ритору и определенный стиль текста, призванный педантично и экономно использовать языковые средства, кратко и ясно выражать основную мысль, а также не пренебрегать логикой повествования в угоду выразительности и художественности. Если ритор выдерживает диктуемый этосом стиль, то, как правило, ключевые слова текста можно легко обнаружить, ведь они легко соотносимы с композиционными частями текста, а также не отягощены стилистическим и информационным «шумом». Если же ритор пренебрегает обозначенными выше принципами построения текста, то произведение не достигает главной риторической задачи — он никого и ни в чем не может убедить. Как отмечает Ю. Ю. Кабанкова, «создание единого гармоничного образа эффективного этичного ритора является основной предпосылкой приемлемости аргументации данного ритора конкретной аудиторией и влиятельности его речи» [Кабанкова: 33]. В эпидейктической речи достижение этой гармонии происходит в том числе и за счет однородности и непротиворечивости набора ключевых слов, которые будут направлены на приобщение аудитории к ценностям и нормам оратора.

Таким образом, мы можем говорить о том, что ключевые слова в равной степени связаны с этосом, логосом и пафосом речи. Некоторые ученые, придерживающиеся подобной точки зрения, даже предпринимали попытки соотнести определенные лексико-семантические классы ключевых слов с вышеперечисленными компонентами, формирующими образ ритора [например, Романенко 2003]. На наш взгляд, о возможности подобного соотнесения можно говорить только при учете особенностей жанра, условий произнесения и аудитории, что позволит по-новому взглянуть на механизмы анализа ключевых слов текста. В нашей статье были продемонстрированы некоторые особенности выделения ключевых слов в эпидейктической речи и закономерности, руководствуясь которыми поиск данных элементов текста может быть упрощен. Всё это делает рассматриваемый нами метод ключевых слов ещё более перспективным для исследования именно риторических текстов и подтверждает нашу гипотезу о тесной связи ключевых слов с традиционной риторикой, делая их эффективным инструментом филологического анализа.

Список литературы

1. Волков А.А. Курс русской риторики. М., Издательство храма св.муч.Татианы, 2001.
2. Волков А.А. Основы риторики. М., 2003.
3. Волков А.А. Теория риторической аргументации. М., 2009.
4. Ворожбитова А.А. «Языковая личность» и «литературная личность» как лингвориторические категории // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. №8. С.22-30.
5. Кабанкова Ю.Ю. Образ современного ритора — основные ценностные ориентиры // Риторика в контексте образования и культуры. Материалы XIX Международной научной конференции. 2015. С.33-37.
6. Колесникова Л.Н. Риторика и риторическая личность // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2013. №2. С.187-192.
7. Романенко А.П. Образ ритора в советской словесной культуре. М., 2003.
8. Смолененкова В.В. Основы риторической критики. М., 2012.
9. Соломатов С.И. Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя. Екатеринбург, 2005.
10. Шарафутдинова О.И. Речевые средства создания образа ритора (на материале российского политического дискурса конца XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №16. С.171-176.

Об авторе

Кудрявцева Полина Борисовна – аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, pbkudryavtseva@gmail.com

УДК 81.255

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Латышев Л.К., Северова Н.Ю.

В статье рассматривается современное состояние общей теории перевода. Опираясь на данные лингвопрагматики и психолингвистики, авторы раскрывают социальный аспект перевода. Большое внимание уделяется проблеме переводческих трансформаций и эквивалентности перевода. Подчёркивается важность сохранения узуса при переводе, на конкретных примерах демонстрируется, как нарушение узуса приводит к коммуникативным неудачам. Подробно рассматривается вопрос о важности принятия переводческого решения, о его влиянии на степень понимания переведённого текста. Отмечается также необходимость разработки эффективной оценки перевода на основе критического подхода с целью улучшения его качества.

Ключевые слова: перевод, переводоведение, общая теория перевода, межкультурная коммуникация, социальная природа перевода, эквивалентность перевода, языковая норма, узус.

MODERN PROBLEMS OF GENERAL TRANSLATION THEORY

Latyshev L.K., Severova N.J.

The article is concerned with modern state of general translation theory. The author analyzes the social aspect of translation basing on researches in the field of pragmatics and psycholinguistic. Much attention is given to the problems of translational transformation and the equivalence of translation. The possibility of maintenance of usus in translation is stressed. Some examples are given, which demonstrate how breach of usus norms can lead to failures in communication. The importance of taking a right translational decision is spoken of in detail. It is specially noted that such a decision influence the understanding of translated text. It is reported that it is necessary to develop a system to evaluation of the products of translation based on a critical approach to the purpose of improving its quality.

Keywords: translation, translation studies, general translation theory, intercultural communication, social nature of translation, equivalence of translation, language standard, usus.

Объектом изучения науки о переводе является переводческая деятельность, которая подразделяется на несколько видов в зависимости от пары языков, участвующих в двуязычном общении, именуемых исходным и переводящим языком (ИЯ и ПЯ). Перед исследователями в данной области перевод предстаёт в разных ипостасях: перевод с данного языка на другой, устный и письменный перевод, перевод технический, юридический, перевод художественной литературы и т.д. Соответственно, перевод и переводоведение можно подразделить на разные разделы.

Вместе с тем очевидно, что у всех видов перевода есть нечто общее, что отличает перевод от других видов языкового посредничества (так называемого вольного перевода, свободного пересказа содержания, реферирования и проч.). Поэтому в науке о переводе есть раздел, трактующий то общее, что свойственно всем видам перевода. Этот раздел именуется общей теорией перевода. Она является важнейшей частью курса подготовки квалифицированных переводчиков широкого профиля (переводчиков-профессионалов).

Целью данной статьи является выявить наиболее важные проблемы, с которыми сталкивается теория перевода на современном этапе.

Исходным пунктом общей теории перевода является вопрос о его *социальной природе*, ибо совершенно очевидно, что алгоритм работы переводчика и требования к качеству его работы определяются отнюдь не его субъективными представлениями о переводе, а определенными ожиданиями общества и вытекающими из них требованиями к переводу.

В наивной форме (у людей, не занимавшихся переводом и не изучавших углубленно иностранные языки) эти ожидания сводятся к тому, что перевод должен быть тем же самым, что и оригинал, только на другом языке. В связи с этим текст перевода приписывается автору оригинала и используется так, как будто он и есть оригинал, цитируется и обсуждается как слова автора оригинала.

Люди, имеющие представление о проблемах перевода, разумеется, не могут руководствоваться такими представлениями о нём. Они знают, что перевод не всегда (или же только редко) может быть тем же самым, что и оригинал, но также осознают, что, даже не будучи тем же самым, перевод в двуязычной коммуникации должен быть эквивалентной заменой оригинала. Но что значит «эквивалентной»?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить, ради чего вообще происходит речевое общение между людьми или, иными словами, зачем люди говорят друг с другом или обмениваются письменными посланиями. Для

этого уместно обратиться к смежным переводоведению наукам – психолингвистике и лингвопрагматике. Психолингвистика даёт такой ответ: в типичном случае, когда человек вступает в общение с другим человеком, он делает это для того, чтобы оказать на последнего определенное регулятивное воздействие – изменить у адресата речи состояние разума и / или эмоций (пополнить его знания, доказать ему что-то, побудить его к чему-то, вызвать у него определенное настроение). Так, Л.А. Киселева, например, предлагает даже ввести такое понятие, как «эмотема» [3, с. 98]. Лингвопрагматика идёт дальше и, рассматривая общение как деятельность, разрабатывает теорию речевых актов, анализируя коммуникация с точки зрения так называемого акционального (деятельностного) подхода. В результате была разработана теория речевых актов. Её основоположник, Дж. Остин, выделил такие акты, как локутивный (акт порождения высказывания), иллокутивный (выражение интенции) и перлокутивный (воздейственный). Его последователь Дж. Сёрль дополнил эту классификацию пропозициональным актом, объединяющим референцию и предикацию. Речевой акт считается успешным, если успешны все вышеназванные составляющие. В идеале, переводчик должен учитывать все лингвопрагматические составляющие переводимого текста, а кроме того, принимать во внимание, что все устные и письменные речевые произведения разного масштаба: тексты, фразы, реплики и др. встроены в определённый лингвистический и экстралингвистический контекст. Поэтому эквивалентность перевода означает, что переводчик должен создать на языке перевода речевые произведения, равноценные переводимым речевым произведениям согласно вышеназванным критериям. Без этого то, что он создает, не может считаться переводом.

Неизбежные порой при переводе отступления от оригинала должны иметь определённую (приемлемую) меру. Не впадая в затрудняющий восприятие текста буквализм, переводчик должен воспроизвести особенности языкового выражения, присущие автору оригинала. Именно о том, *как* сказал он, а не как это переиначил переводчик, хочет знать тот, кто воспринимает перевод. Необоснованные отступления от текста оригинала сравнимы с обманом покупателя. Они размывают границу между переводом и теми видами языкового посредничества, к которым применимы понятия «пересказ», «переложение», «вольный перевод», рефераты различных текстов, информационные справки, обзоры, аннотации и другие вторичные тексты на базе иностранных субстратов. Данная проблема волновала и продолжает волновать умы переводчиков со времён появления первых переведённых текстов. У. Эко, говоря о проблеме эквивалентности перевода, писал: «… в своем опыте автора, переводимого на другие языки, я постоянно ощущал конфликт между необходимостью в том, чтобы перевод был «верен» написанному мною, и волнующим открытием того, как мой текст мог (а подчас и *должен был*) преобразиться, облекаясь в слова другого языка. И хотя порой я понимал, что перевод невозможен (правда, такие случаи всегда тем или иным образом разрешались), еще чаще я замечал возможности: иначе говоря, я замечал, как при соприкосновении с другим языком текст выказывал потенциалы истолкования, которые не были известны мне самому, и как подчас перевод мог улучшить оригинал (я говорю «улучшить» именно в отношении к тому *намерению,* которое сам текст внезапно проявлял, независимо от того исходного намерения, которое было у меня как у эмпирического автора)» [10, с. 6].

В тех случаях, когда принятую в переводе близость исходного и переводного текстов (ИТ и ПТ) сохранить не удаётся, переводчику следует отказаться от перевода и прибегнуть к другому виду языкового посредничества (пересказу, так называемому вольному переводу и т.п.).

Однако согласовать два вышеозначенных требования к переводу (соблюдение лингвопрагматических характеристик ИТ и максимально возможная семантико-структурная близость ИТ и ПТ) в каких-то случаях бывает сложно, особенно когда в языке перевода нет лексико-фразеологических, грамматических и лингвокультурных соответствий единицам и конструкциям переводимого речевого произведения. Поэтому переводчику приходится поступиться стремлением к семантико-структурной близости ИТ и ПТ. В ряде текстов авторский язык как таковой отсутствует, поскольку в них главных образом используются стандартные способы языкового выражения – клише (технические, юридические, военные тексты). Поэтому при их переводе перед переводчиком задача сохранения семантико-структурной близости с ИТ вообще не стоит.

Подчеркнем, однако, что такого рода отход от оригинала всегда является вынужденным. Невынужденный отход от ИТ квалифицируется как недостаток перевода – переводческая вольность.

Переводимость ИТ (его потенциальная эквивалентность ПТ) зависит также от факторов преодолеваемого лингвоэтнического барьера, раз-

деляющего носителей ИЯ и ПЯ, которые по-разному проявляют себя в разных актах перевода. Так, некоторые различия культурно-этнического характера могут a priori исключить равноценность текстов ИТ и ПТ на своих адресатов. Это порождает проблему переводимости не в плане передачи содержания (его разных видов), а в плане совместимости национальных менталитетов и, следовательно, для эквивалентного перевода. Однако, как отмечает С.В. Евтеев, «практика перевода подтверждает возможность преодоления межкультурного различия благодаря опыту межкультурного взаимодействия и тому, что любая культура не является полностью изолированным образованием» [2, с.330].

Что касается возможности полноценного перевода, то спектр взглядов на эту проблему довольно широк. Так, сторонники концепции принципиальной непереводимости (начиная с В. Гумбольдта) ссылались на случаи, когда перевод действительно невозможен. Например, в ситуациях так называемого «этнокультурного неприятия», связанного с различиями в верованиях, обрядах, традициях, обычаях, привычках и т.д. Однако их аргументы не согласуются с фактами, которые свидетельствуют о продуктивности общения посредством перевода. Носители разных языков успешно контактируют в области внешней политики, плодотворно обмениваются научно-техническим опытом, культурными ценностями и т.д. И это опровергает пессимистический взгляд на перевод. Между тем, ничто не мешает примирить эти факты, если рассматривать переводимость как закономерность статистического характера, согласно которой перевод возможен не всегда, но при этом количество случаев, когда полноценный перевод возможен, подавляюще преобладает над количеством случаев, когда он невозможен. Это соотношение варьируется в зависимости от веса этнокультурных различий значений на уровне «знак-знак». Соответственно, самыми «легко переводимыми» следует считать научные и технические тексты, не «отягощённые» этими факторами, а самыми труднопереводимыми – тексты художественной литературы.

Эквивалентность воздействия ИТ и ПТ определяется также его языковым оформлением – тем, насколько он соответствует навыкам адресатов в области восприятия речи, речевым привычкам данного лингвоэтнического коллектива, отражённым в понятиях «языковая норма» и «речевая норма (узус)», которые неразрывно связаны с понятием «система языка».

Под последним понимают совокупность взаимозависимых единиц языка разного уровня и моделей, по которым они сочетаются, образуя высказывания. Система – не только воспроизводящий механизм, позволяющий своим пользователям вновь и вновь использовать в разных комбинациях и контекстах уже существующие и принятые обществом как «правильные» речевые произведения. Система – это ещё и неиспользованные возможности языка, позволяющие создавать не существовавшие ранее единицы и их сочетания, такие, как: *сникерснуть, пиарить, забанить, аффтар жжёт* и др. Причём в каждом языке эти возможности проявляются по-разному. Так, например, у М.А. Чигашевой приведены такие примеры деонимизации, как, *genschern, hartzen, merkeln* (образование глаголов от имён собственных в немецком языке), *пехтинг, псакинг* (очевидно, что в этих случаях образование деонимов в русском языке попало под влияние словообразовательной модели в английском языке) и др. (подробнее см. [8, с. 43-47]).

Функцию фильтра, отсеивающего продукты языковой системы, не принимаемые литературным языком, выполняет языковая норма (например, неологизмы В. Маяковского «серпастый» и «молоткастый»). Норма – это представление коллектива (образованных) носителей литературного языка о том, что есть правильное и неправильное в их языке. Существуя как объективно данное, норма отражается (кодифицируется) в грамматиках, словарях и других справочниках.

Переводчик должен воспроизвести в создаваемом им тексте степень его нормативности. Так, если ИТ соответствует норме ИЯ, то и ПТ должен соответствовать норме ПЯ, если же ИТ, например, ради достижения юмористического эффекта содержит нарушения нормы, ПТ должен отразить (насколько это возможно) данную особенность ИТ.

Языковая норма оперирует двумя «ригористическими» оценками – правильно и неправильно (независимо от лингвистического и ситуативного контекста.

Речевая норма (её более удобное наименование – узус) подразделяет продукты языковой системы не по принципу «(всегда) правильно – (всегда) неправильно», а по принципу «уместно – неуместно» в данном контексте. Соответственно, то, что неуместно (неузуально) в одном случае, может оказаться уместным (узуальным) в другом. Так, например, слово «чувак» неуместно в тексте публичного выступления, но может быть употреблено в фамильярном общении двух друзей, а слово «почём» (*Почём огур-*

чики?) уместно на рынке и неуместно (по крайней мере, необычно) в ювелирном магазине (*Почём колье?*).

Узус, то есть отбор средств языкового выражения говорящим / пишущим, также является показателем его отношения к адресату и часто определяет реакцию последнего. Известно, например, что (сознательно) отредактированная Бисмарком Эмская депеша о разговоре прусского короля с представителем Франции по поводу претензии одного из Гогенцоллернов на испанский трон вызвала своим нарочито неуважительным тоном такой гнев Наполеона III, что тот объявил Пруссии войну, что и требовалось Бисмарку, создававшему после победы над Францией Германскую империю. Ю.М. Лотман в одной из телепередач привёл пример из переписки между двумя людьми, жившими в XIX столетии. Один из них находился на социальной лестнице на ступень ниже другого, и кроме того, отличался незнанием этикета. Так, в обращении к вышестоящему вместо «Милостивый государь» он написал «Милостивый государь мой», что по тем временам считалось неслыханной фамильярностью. Такое речевое поведение породило агрессивную (по тем временам) реакцию адресата, который, чтобы указать «хаму» на его вызывающе-дерзкое поведение и поставить его на место, в ответном письме применил обращение «Милостивый государь мой, мой, мой».

В аспекте восприятия речи узус определяет не только реакцию адресата, но и то, насколько адресату легко или, наоборот, трудно воспринимать текст. Очевидно, что наличие в тексте малопривычных слов, сочетаний и конструкций может существенно затруднить его восприятие – воспринимающий вынужден про себя как бы переводить то, что он слышит и читает, с непривычного языка на привычный.

При переводе необходимо учитывать, что узус имеет количественный аспект, а стремление переводчика использовать привычные способы языкового выражения иногда может вступать в противоречие с стремлением по возможности точно передать содержание. По этому поводу А.Д. Швейцер говорил, что не будет большой беды в том, если переводчик изредка ради большей точности употребит менее привычный способ языкового выражения, однако, если текст перенасыщается малопривычными средствами языкового выражения, происходит качественный сдвиг, и текст перевода начинает восприниматься с трудом [9, с. 182]. Особенно внимательного рассмотрения требует перевод многозначных слов. Как справедливо отмечает Ю.Э. Дорохова, «Соотнесённые слова в оригинале и переводе должны быть эквивалентны лишь в тех значениях, в которых они употреблены. Всё же коммуникативно нерелевантные значения не перестают существовать и связанные с ними ассоциации могут реализоваться в этом же или соседнем высказывании, например, при использовании игры слов. Поэтому содержание многозначных слов в оригинале и переводе не может считаться абсолютно тождественным» [1, с. 95-103].

К проблематике общей теории перевода относится и проблема *критики и оценки перевода*. Для оценки качества учебных переводов разработана достаточно простая классификация переводческих ошибок и определения их веса (влияния на качество перевода): искажения, неточности, неясности, нормативно-языковые и узуальные ошибки, переводческие вольности и буквализмы. Более подробно это вопрос рассматривается в работе Л.К. Латышева «Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания» [4, с. 134-143]. Однако для оценки профессионального перевода эта «шкала» недостаточна, поскольку позволяет видеть недостатки перевода, но не его достоинства – такие, как ритмичность речи (ценимое не только в художественной литературе), построение тема-рематической цепочки, адекватное логике изложения автора оригинала, отражённые в переводе другие особенности его стиля. Тут требуется мнение высококвалифицированного переводчика или контрольного редактора издательства переводной литературы.

Что касается «инструментария» исследований в общей теории перевода, то следует признать, что он невелик. Это преимущественно сопоставительное изучение оригиналов и переводов в сочетании с логическим моделированием, когда то, что мы имеем на «входе» и на «выходе» процесса перевода, мы объясняем с помощью гипотез, расчленяя гипотетический процесс перевода на отдельные действия (переводческие приёмы). Эти приёмы более детально описаны в учебнике «Технология перевода» [5, с. 113-252].

Нельзя утверждать, что эти действия (приёмы) являются психологической реальностью, что переводчик думает: «Применю-ка я сейчас вот такой приём». Безусловно, очень многое он делает интуитивно (на дотеоретическом уровне), однако практика преподавания перевода показывает, что после прохождения курса теории и практики перевода обучаемые начинают значительно лучше переводить.

Определённую ценность для общей теории перевода представляют самонаблюдения (интроспекции) переводоведов, являющихся

также высококлассными практиками перевода. Так, по самонаблюдениям А.Д. Швейцера, к окончательному (оптимальному) варианту перевода переводчик приходит путём перебора и совершенствования «пробных» вариантов. В устном переводе в силу его специфики такой перебор происходит за порогом сознания в форме неразвёрнутых переводческих решений. В одном из своих выступлений блестящий синхронист А.Д. Швейцер сказал, что, по-видимому, такой перебор имеет место даже в синхронном переводе. М.Я. Цвиллинг уточняет: перебор вариантов не является просто цепочкой проб и ошибок. «В процессе поиска переводческого решения, – указывает он, – имеет место сосредоточение усилий… на ключевых участках поиска, о котором сигнализирует ощущаемая переводчиком неудовлетворённость или неуловимость, расплывчатость представления о нём» [6, с. 178].

В связи с ограниченностью инструментария лингвопереводческих исследований и недостаточной объективностью их результатов у специалистов возникает вопрос: исчерпала ли общая теория перевода в её сегодняшнем состоянии свои возможности? (См.: [7, с. 91-96]). Наиболее пессимистичным выводом является, что общая теория перевода остановилась в своём развитии. Между тем, можно предположить, что, поскольку наука эта относительно молода, мы в данный момент столкнулись с «болезнью роста», когда происходит поиск новых путей, более объективных, менее зависимых от исследователя способов исследования (например, использование методов нейролингвистики). Поэтому следует ожидать новых открытий, нетривиальных результатов и дальнейших перспективных исследований.

Список литературы

1. Дорохова Э.Ю. Компоненты семантики лексических единиц и их передача в художественном переводе. В сборнике Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. Материалы 3 Международной научно-методической конференции. Воронеж, 2014. № 3. С. 95-103.

2. Евтеев С.В. Лингвокультурологическая модель перевода // Вестник Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. №2. Брянск : РИО БГУ, 2014. С. 329-331.

3. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. М.: Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.

4. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. С. 134-143

5. Латышев Л.К., Северова Н.Ю. Технология перевода: учебник и практикум для академического бакалавриата / Л.К. Латышев, Н.Ю. Северова. 4-е изд, перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016 г. 263 с. Серия 58 Бакалавр. Академический курс.

6. Цвиллинг М.Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков. // Чтение, перевод, устная речь. Методика и лингвистика / Т.Н. Мальчевская, Л.В. Славородская, В.В. Гойдина и др., отв. ред. Е.А. Рейман. Л., Наука. Ленингр. Отделение, 1977. С. 172-180.

7. Цвиллинг М.Я. Исчерпала ли теория перевода свои возможности? // Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчиках. М.: Восточная книга, 2009. С. 91-96

8. Чигашева М.А. Словообразовательные возможности антропонимов в немецком и русском языках и семантическое наполнение новых лексических единиц. ИЯШ. 2015. № 12. С. 43-47.

9. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973. 280 с.

10. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб. : Symposium, 2006. 574 с.

Об авторах

Латышев Лев Константинович – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет, nsprepod07@gmail.com

Северова Наталья Юрьевна – кандидат педагогических наук, магистр лингвистики, доцент кафедры немецкого языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, nat-severova@yandex.ru

УДК 81-23

КОНЦЕПТЫ ПРАВА, СВОБОДЫ, ОБЯЗАННОСТИ, ДОЛГА И ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КОНСТИТУЦИЯХ

Левчук Л. К.

В данной статье рассматривается широко распространенное в современной науке понятие «концепт». Автор на примере двух языков – русского и американского английского – показывает сходства и различия мышления носителей данных языков. Новизна работы заключается в том, что материалом для исследования послужили Конституции Российской Федерации и США.
Ключевые слова: Конституция, концепт, право, свобода, обязанность, долг, Российская Федерация, США.

CONCEPTS OF RIGHT, LIBERTY, DUTY AND PERSON IN RUSSIAN AND AMERICAN CONSTITUTIONS

Levchuk L. K.

In this article the term ‘concept’, which is widespread in modern science, is discussed. The author showed by two languages – Russian and American English – similarities and differences of the mentality of these languages’ native speakers. The novelty of this work is that the material for this research is based on the Constitutions of the Russian Federation and the USA.
Keywords: Constitution, concept, right, liberty, duty, Russian Federation, the USA.

«Концепт – явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова *концепт* и *понятие* одинаковы: *концепт* является калькой с латинского *conceptus* – «понятие», от глагола *concipere* «зачинать», т.е. значит буквально «понятие, зачатие»; *понятие* от глагола *пояти*, др.-рус. **пояти**, **понѧти**, «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены» буквально значит, в общем, то же самое. В научном языке эти два слова также иногда выступают как синонимы, одно вместо другого. Но так они употребляются лишь изредка» [1: с. 43].

На сегодняшний день существует множество определений слова «концепт». Их подробный разбор можно найти в статье О.А. Александровой «Концептуальное пространство языка и социокультурная картина мира» [2, с. 107 – 115]. В данной работе мы будем придерживаться толкования Ю. С. Степанова, по мнению которого, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. <…> Они (*концепты*) – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [1: с. 43].

В настоящей статье мы обратимся к таким важным концептам, как *право, свобода, обязанность*, *долг и человек* в русской и американской конституциях и рассмотрим, как русские понятия соотносятся с американскими. За основу будут взяты американская конституция со всеми последующими поправками и ныне действующая Конституция Российской Федерации.

В словаре Д. Н. Ушакова *право* толкуется как «*предоставляемая законами государства свобода, власть, возможность совершать, осуществлять что-н.*» [3]. В Конституции термин право в данном значении встречается 83 раза: *«право на объединение», «право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования», «право участвовать в управлении делами государства», «право на жилище», «право на образование»* и др. [4]. *Права* можно *иметь, получать, уважать, защищать, соблюдать, закреплять, ограничивать, пересматривать, подтверждать, доказывать, признавать, отстаивать, отнимать, ущемлять* и *нарушать*, ими можно *обладать*, их можно *лишать*, при этом *права* могут быть *равными* и *неравными* (по конституции все обладают равными правами), *своими* и *чужими*. В американской конституции русскому понятию *права* соответствуют два термина – *power* и *right*. *Power – the ability to do or act (will do all in my power; has the power to change colour)* [5]. В Конституции встречается 37 употреблений этого слова:

Article I. Section 1. All legislative powers herein granted shall be vested in a Congress of the United States, which shall consist of a Senate and House of Representatives.

Section 2. The House of Representatives

shall choose their speaker and other officers; and shall have the sole power of impeachment.

Section 8. The Congress shall have power to lay and collect taxes, duties, imposts and excises, to pay the debts and provide for the common defense and general welfare of the United States; but all duties, imposts and excises shall be uniform throughout the United States…

Section 8. To make all laws which shall be necessary and proper for carrying into execution the foregoing powers, and all other powers vested by this Constitution in the government of the United States, or in any department or officer thereof.

Article II. Section 1. The executive power shall be vested in a President of the United States of America. He shall hold his office during the term of four years, and, together with the Vice President, chosen for the same term, be elected…

Section 2. The President shall have power to fill up all vacancies that may happen during the recess of the Senate, by granting commissions which shall expire at the end of their next session [6].

Можно *to give power, to confer powers, to devolve power, to endow with power, to exclude from power, to grant power, to hand over power, to remove from power, to supply power, to vest power*. Стоит отметить, что *power* по своему значению не идентично русскому слову *право*. Английский концепт обозначает не только возможность что-либо делать (причем возможность здесь, в отличие от термина право, необязательно должна быть предоставлена государством), но в большей степени силу и могущество, присущие лично человеку.

Термин *right* встречается в Конституции США 18 раз.

Article I. Section 8. To promote the progress of science and useful arts, by securing for limited times to authors and inventors the exclusive right to their respective writings and discoveries…

THE BILL OF RIGHTS

Amendment I. Congress shall make no law respecting an establishment of religion, or prohibiting the free exercise thereof; or abridging the freedom of speech, or of the press; or the right of the people peaceably to assemble, and to petition the government for a redress of grievances.

Amendment II. A well regulated militia, being necessary to the security of a free state, the right of the people to keep and bear arms, shall not be infringed [6].

Right – a thing one may legally or morally claim; the state of being entitled to a privilege or immunity or authority to act (a right of reply; human rights) [5]. То есть человек не только получает какие-то права, но он еще и может на них претендовать и требовать их соблюдения (в русском эквиваленте элемент требования отсутствует).

В русской конституции часто употребляется не только термин *прав**а***, но и термин *обязанности*. В американской же конституции мы можем наблюдать совершенно другую картину. Слово *duty*, соответствующее русскому термину *обязанности*, всего употребляется 19 раз, однако из них лишь в двух примерах это слово обозначает «обязанность», в остальных же случаях его значением является «пошлина».

Article II. Section 1. In case of the removal of the President from office, or of his death, resignation, or inability to discharge the powers and duties of the said office, the same shall devolve on the Vice President, and the Congress may by law provide for the case of removal, death, resignation or inability, both of the President and Vice President, declaring what officer shall then act as President, and such officer shall act accordingly, until the disability be removed, or a President shall be elected.

Section 2. The President shall be commander in chief of the Army and Navy of the United States, and of the militia of the several states, when called into the actual service of the United States; he may require the opinion, in writing, of the principal officer in each of the executive departments, upon any subject relating to the duties of their respective offices, and he shall have power to grant reprieves and pardons for offenses against the United States, except in cases of impeachment [6].

В Оксфордском словаре слово *duty* толкуется как *a. a moral or legal obligation; a responsibility (his duty to report it), b. the binding force of what is right (strong sense of duty), c. what is required of one (do one's duty)* [5].

Так как в любой конституции прописаны правила жизни всех граждан страны, в тексте в любом случае каким-либо образом должно быть выражено долженствование. В американской конституции для этих целей служит модальный глагол *shall*. Данный глагол используется в тексте более 200 раз. В английском языке существует несколько глаголов, соответствующих русскому значению долженствования (*must, ought to, should, shall, have to, to be to*), которые различаются оттенками значения. В нашем тексте из всех возможных вариантов используется лишь *shall*, так как именно он обозначает строгий приказ, который не подлежит обсуждению, что соответствует содержанию документа.

В российской конституции термин *права* зачастую используется совместно с термином *свободы*. Такое употребление зафиксировано в тексте 16 раз:

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства (гл. 1 ст. 2).

Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации (гл. 1 ст. 6).

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией (гл. 2 ст. 17) [4].

Свобода, по словарю Д. Н. Ушакова, – «возможность беспрепятственно, без стеснения и принуждения действовать в какой-н. области общественной жизни» [3].

В американской конституции соответствий сочетанию *права и свободы* не будет. Конечно, в тексте есть термины, имеющие значение «свобода». Термин *freedom* со значением «a political right, franchise, privilege» [7] употребляется в том же значении, что и рассмотренное выше русское понятие *свободы*:

Amendment I. Congress shall make no law respecting an establishment of religion, or prohibiting the free exercise thereof; or abridging the freedom of speech, or of the press; or the right of the people peaceably to assemble, and to petition the government for a redress of grievances [6].

Однако такое употребление встречается в тексте лишь однажды.

Русскому понятию «свобода» в английском языке соответствует еще одно слово – *liberty*, которое встречается в тексте 3 раза:

About the Constitution We the people of the United States, in order to form a more perfect union, establish justice, insure domestic tranquility, provide for the common defense, promote the general welfare, and secure the blessings of liberty to ourselves and our posterity, do ordain and establish this Constitution for the United States of America.

Amendment V. No person shall be held to answer for a capital, or otherwise infamous crime, unless on a presentment or indictment of a grand jury, except in cases arising in the land or naval forces, or in the militia, when in actual service in time of war or public danger; nor shall any person be subject for the same offense to be twice put in jeopardy of life or limb; nor shall be compelled in any criminal case to be a witness against himself, nor be deprived of life, liberty, or property, without due process of law; nor shall private property be taken for public use, without just compensation.

Amendment XIV (1868). Section 1. All persons born or naturalized in the United States, and subject to the jurisdiction thereof, are citizens of the United States and of the state wherein they reside. No state shall make or enforce any law which shall abridge the privileges or immunities of citizens of the United States; nor shall any state deprive any person of life, liberty, or property, without due process of law; nor deny to any person within its jurisdiction the equal protection of the laws [6].

Здесь мы наблюдаем уже другое значение – *свобода* как антоним неволи.

Еще одним частотным выражением в русской конституции является *человек и гражданин*. Эти слова употребляются вместе в тексте данной конституции 16 раз. Хотя эти понятия и схожи, для русского сознания важно их развести. Нам важно отделить человека как живое существо от лица, которое принадлежит определенному государству. Мы можем увидеть, что для русского человека понятие «человек» важнее понятия «гражданин». Этому возможно несколько объяснений. Во-первых, термин «гражданин» в современном значении стал употребляться лишь с конца XVIII века. Во-вторых, всем известна склонность русской души к свободе [см., например, 8], а принадлежность к какому-то государству налагает определенные условия.

В тексте американской конституции есть соответствия обоим понятиям. Русскому *гражданин* идентично *citizen*, а *человеку – person*. Однако следует отметить, что эти термины здесь никогда не употребляются в паре, они всегда используются отдельно. Возможно, это связано с отличным от русского отношением к государству и к принадлежности к нему. Для американского сознания быть гражданином страны значит получать все блага государства, быть его частью, и здесь нет никаких негативных коннотаций. Быть гражданином очень почетно, в этом случае у человека появляется много привилегий и возможностей, что всячески подчеркивается и в тексте конституции:

Article I. Section2. No person shall be a Representative who shall not have attained to the age of twenty five years, and been seven years a citizen of the United States, and who shall not, when elected, be an inhabitant of that state in which he shall be chosen.

Article I. Section 3. No person shall be a Senator who shall not have attained to the age of thirty years, and been nine years a citizen of the United States and who shall not, when elected, be an inhabitant of that state for which he shall be chosen.

Article II. Section 1. No person except a natural born citizen, or a citizen of the United States, at the time of the adoption of this Constitution, shall be eligible to the office of President; neither shall any person be eligible to that office who shall not have attained to the age of thirty five years, and been fourteen Years a resident within the United States [6].

По Оксфордскому словарю, *citizen – member of a State or Commonwealth, either native or naturalized* [5]. Понятие встречается 22 раза в данном тексте, что также показывает его важность.

Обратимся теперь к понятию «person». Как уже было сказано выше, оно соответствует русскому термину «человек». Однако это не до конца верно. Концепт *person* включает в себя не только значение «человек», но и значение «личность». Почему же в русском языке эти понятия выражены отдельными лексемами, а в английском для этого используется лишь одна? Для русского сознания *личность* стоит выше *человека*. При этом *личность* составляет как бы естество человека, его натуру. Если *человеком* можно стать, просто родившись, то *личность* должна сформироваться в процессе взросления (в современном русском языке часто встречаются выражения *формирование личности, становление личности, развитие личности*). В английском же *person* изначально включает в себя оба аспекта, человек и личность здесь неразделимы, в языке даже нет возможности существования одного отдельно от другого. А так как это понятие заменяет целых 2 русских слова, то и частотность в его тексте очень велика – оно встречается 49 раз:

Article I. Section 2. No person shall be a Representative who shall not have attained to the age of twenty five years, and been seven years a citizen of the United States, and who shall not, when elected, be an inhabitant of that state in which he shall be chosen.

Article I. Section 7. ... But in all such cases the votes of both Houses shall be determined by yeas and nays, and the names of the persons voting for and against the bill shall be entered on the journal of each House respectively. If any bill shall not be returned by the President within ten days (Sundays excepted) after it shall have been presented to him, the same shall be a law, in like manner as if he had signed it, unless the Congress by their adjournment prevent its return, in which case it shall not be a law.

Article I. Section 9. The migration or importation of such persons as any of the states now existing shall think proper to admit, shall not be prohibited by the Congress prior to the year one thousand eight hundred and eight, but a tax or duty may be imposed on such importation, not exceeding ten dollars for each person [6].

Таким образом, уже на примере нескольких понятий мы можем видеть, что русское и американское мышление имеют множество различий. Конечно, здесь представлена лишь малая часть работы, которую еще предстоит сделать, ведь лексический материал очень объемен.

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2001.
2. Александрова О. А. Концептуальное пространство языка и социокультурная картина мира. /Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008.
3. Толковый словарь Д. Н. Ушакова. URL http://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения: 10. 11. 2016).
4. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). URL http://vladrieltor.ru/constitution (дата обращения: 10. 11. 2016).
5. Толковый словарь английского языка Oxford English Reference. URL http://www.вокабула.рф (дата обращения: 14. 11. 2016).
6. The Constitution of the United States. URL http://www.uznal.org/constitution.php?text=United_States_of_America&language=e (дата обращения: 14. 11. 2016).
7. Толковый словарь английского языка. URL http://www.вокабула.рф (дата обращения: 15.11.2016).
8. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Об авторе

Левчук Лора Константиновна – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, loralevchuk@yandex.ru

УДК 81'42

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

Леденева С.Н.

Статья посвящена разнообразным средствам языка рекламы с позиций их функциональной значимости для решения главной задачи этого жанра – эффективного воздействия на потребителя. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проследить, какие функционально-прагматические свойства актуализируют в рекламе языковые средства фонетического, графического, лексического и синтаксического уровней.
Ключевые слова: реклама, дискурс, функционально-прагматические свойства, коммуникативное воздействие, графика, фонетический уровень, лексический уровень, синтаксический уровень

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC PROPERTIES OF ADVERTISING DISCOURSE VERBAL MEANS

Ledeneva S.N.

The article is devoted to different verbal means of advertising in terms of their significance for achieving the main goal of this genre, that of efficient impact on the consumer. The purpose of the present article is to reveal the functional and pragmatic properties actualized in advertising at the phonetic, graphic, lexical and syntactic levels.
Keywords: advertising, discourse, functional and pragmatic properties, communicative impact, graphics, phonetic level, lexical level, syntactic level.

В современной России реклама как жанр коммуникации/тип дискурса/стиль речи вошла в круг наиболее популярных объектов исследования языкознания, социологии, психологии, коммуникативистики, философии и даже педагогики. Интерес к этой проблематике вполне объясним, так как развитие бизнеса в нашей стране и, соответственно, стремление активно продвигать на рынке товары и услуги влечет за собой необходимость установить эффективный канал взаимодействия между производителем и потребителем (что в прежних условиях дефицита многих товаров не было актуальным).

Специалисты различных областей науки стремятся выявить те средства, которые могут повышать либо, наоборот, понижать степень воздействия рекламы на потребителя, поскольку этот жанр довольно быстро стал играть заметную роль не только в развитии отечественного рынка, но и в формировании культурных стереотипов, общественного мнения и социальных ценностей (У. Аренс, К. Бове, С.В. Веселов, Е.Н. Ежова, Т.Н. Колокольцева, О.А. Ксензенко, Е.Н. Малюга, Ф.Г. Панкратов, Ю.К. Пирогова, И.Я. Рожкова, О. А. Феофанова Г.Г. Щепилова, М.В. Ягодкина и др.). Поэтому объект рекламоведения не ограничивается собственно текстами этого жанра, но определяется как «совокупное множество *коммуникативных ситуаций* и произведений профессиональной речевой деятельности в сфере рекламы» [8, с. 46] (*курсив наш. – С.Л.*).

Во многих работах, посвященных рекламе, эксперты сходятся во мнении о ее манипулятивном характере и выделяют различные уровни манипуляции – когнитивный (передача и, соответственно, восприятие информации), аффективный (эмоциональный аспект, формирование отношения), суггестивный (внушение), конативный (определение поведения) [4, с. 172]. Отсюда возникает необходимость определить некие рамки допустимого в степени влияния рекламных средств на массовое и индивидуальное сознание граждан. В 2006 году был принят специальный Федеральный закон «О рекламе», в котором следует обратить внимание на два положения: 1) цель рекламы определяется как привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке; 2) реклама должна быть добросовестной и достоверной [18].

В свете данных установок задача языковедов заключается в том, чтобы не только определить корпус языковых средств, используемых в жанре рекламы, но и выявить те лингвистические приемы, благодаря которым такие средства могут эффективно решать специфические задачи этого вида дискурса, максимально сориентированного на реализацию функции коммуникативного воздействия на человека [9; 12; 13]. Данные задачи логично вытекают из принципа антропоцентризма, провозглашенного ведущим в современной науке о языке.

Особую популярность приобрели вопросы структурирования рекламного текста и соотношения его различных уровней – лексического, синтаксического, фонетического – с точки зрения того эффекта, который производят соответствующие единицы языка и их комбинации с опорой на экстралингвистические факторы, значимость которых бесспорно признается языковедами в отношении любого жанра коммуникации [6, с. 344]. Притом что рекламное сообщение, несомненно, оказывается наиболее эффективным при удачном сочетании визуального, звукового и вербального планов, одной из основных причин коммуникативных неудач в рекламе считается недостаточное внимание к качеству самого текста [10; 19] Следовательно, функциональный анализ данного типа дискурса можно рассматривать как способ совершенствования моделей построения и методов коррекции рекламных текстов. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проследить, какие функционально-прагматические свойства языковых средств разных уровней актуализируются в рекламе в процессе воздействия на целевую аудиторию – потенциального потребителя товаров и услуг. Излагаемые далее рассуждения раскрывают заявленную тему исследования на материале фонетического, графического, лексического и синтаксического уровней рекламного дискурса.

Фонетический уровень и графика. В традиционной лингвистике было принято считать, что звуки речи обладают материальной формой, но не семантикой, так как качество их звучания и комбинации в единицах языка носят случайный характер. Однако, как известно, еще М.В. Ломоносов в своем «Кратком руководстве к красноречию» (1748) утверждал, что разные звуки русского языка производят вполне определенное впечатление, и это следует использовать в ораторском искусстве. Правда, в то время фоносемантика еще не существовала как научное направление, но позже она подтвердила правильность позиции М.В. Ломоносова.

В наше время звуковая изобразительность и звуковой символизм стали предметом серьезных филологических изысканий. В отечественной науке методологически значимые основания для фоносемантики были разработаны в трудах А.П. Журавлева, который глубоко изучил воздействие звуков на человека [5]. Он собрал множество данных по восприятию отдельных звуков и, опираясь на шкалу пар антонимичных прилагательных («хороший-плохой», «добрый-злой», «большой-маленький» и т.д.), составил таблицы тех качеств, с которыми они подсознательно ассоциируются. В дальнейшем этот подход развивали С.В. Бондарь, Л.Н. Санжаров, Н.М. Старцева и др. [1; 17].

Впечатление от слова в целом складывается из характеристик составляющих его звукобукв, т.е. фонетических и графических комбинаций. Например, названия фирм *Алиса*, *Блик*, *Алекс* можно считать удачными, так как, согласно данным фоносемантики, звук [л] обладает такими признаками, как ‘хороший’; ‘большой’; ‘мужественный’; ‘светлый’; ‘активный’; ‘красивый’; ‘безопасный’; ‘радостный’; ‘добрый’ [5]. В то же время такие названия, как *Птица-хот*, *Темпбанк*, *Холдинг-центр* неблагозвучны для носителей русского языка и, следовательно, антирекламны (хотя и могут становиться привычными). Нарушение принципа прагматической целесообразности в использовании языковых средств фонетического уровня не способствует коммуникативной эффективности речи. Так, например, стечение согласных приводит к появлению «антирекламных» заголовков, которые неудобны для произношения и, следовательно, теряют частотность употребления, плохо запоминаются, например: «Иркутсккабель»; «Кирсккабель»; «Ваш шанс».

Напротив, использование фонетически «благоприятных» свойств речи – путь к повышению эффективности. Так, одним из распространенных фонетико-графических приемов рекламы являются звуковые повторы (ассонанс и аллитерация): *Ваша киска купила бы Whiskas! Подсолнечное масло «Дельтекс» – солнечное, золото высшей пробы!*

Приведенные примеры характеризуются повышенно частым употреблением определенных звуков, которое, несомненно, участвует в создании общего впечатления от высказывания: сочетание звуков [к] и [с] ассоциируется с чем-то негромким, подвижным, маленьким, а положительные характеристики звука [л] отмечены выше [5, с. 14].

Составителям рекламных текстов, несомненно, полезно изучить хотя бы основы фоносемантики, поскольку отсутствие подобных знаний приводит к коммуникативным неудачам. Так, рекламу шампуня *Свежесть, оживляющая каждый волосок*, приходится признать неэффективной: исследование А.П. Журавлева показало, что звук [ж] характеризуется носителями русского языка как малоприятный, жесткий и внушающий тревогу. В случае концентрации

неблагоприятных звуков текст становится «антирекламным».

Итак, даже такая минимальная единица, как звук, не имеющая семантического содержания, при включении в организованный с определенным коммуникативным заданием текст создает дополнительную смысловую нагруженность высказывания за счет выполнения изобразительной и экспрессивной функций.

Аналогичный эффект достигается при употреблении различных графических решений при представлении текста:

- варьирование шрифтов;

- способ написания текста (иногда используют аномальное написание «на боку» или «вверх ногами»);

- ненормативное употребление прописных букв: (в примере с рекламой подвесных потолков *поТОЛКОВЫЙ ВЫБОР* реализуется остроумная игра слов);

- использование устаревшего написания слов (*Агропромбанкъ предлагает надежный и удобный способ приумножения денежных средств* – подчеркивает надежность, верность классическим традициям) и т.д.

Таким образом, значимость фонетических и графических средств языка определяется тем, что они воспринимаются потребителем как средства поверхностного уровня текста, наиболее явно «бросающиеся в глаза». Предлагая оригинальные комбинации этих средств, составитель рекламы может успешно реализовать цель привлечения внимания потребителя.

Лексический уровень. Как показали исследования в области психологии рекламы, две основные причины, побуждающие людей приобретать товары и услуги, это роль товара как фактора решения какой-либо практической проблемы и как фактора улучшения психологического состояния, дающего возможность приобщиться к чему-либо, что человек считает для себя психологически важным либо социально престижным [20; 21; 22]. Отсюда следует необходимость подбирать такое лексическое выражение рекламного замысла, которое создает психологический комфорт для потребителя.

Один из гуру рекламного дела Д. Огилви в своей известной книге «Откровения рекламного агента» указывает, что при обозначении рекламируемых предметов, их качеств и свойств оказываются совершенно неприемлемыми слова, вызывающие отрицательные эмоции (*убытки, расходы, невыгодно*, *медленно* и т.п.), поскольку отрицательные эмоции создают барьер недоверия к товару и в конечном счете снижают эффективность рекламного воздействия. Напротив, использование позитивных слов увеличивает воздействующую силу рекламного обращения. Причем Д. Огилви относит к таким позитивным средствам единицы, не только номинирующие привлекательные продажные свойства рекламируемого объекта (*прибыль, выгодно, доходы, экономия, дешево, удобно, уверенность*, *благополучие, здоровье, радость* и т.п.), но и «цепляющие» внимание клиента неординарностью ассоциаций (*неожиданно, свободный, вызов, только что, последняя возможность* и т.п.) [14].

Необходимость описать потребительские качества товара и при этом выделить его из ряда подобных приводит к употреблению необычных, чисто рекламных словосочетаний. Уместно упомянуть в этой связи множество названий цвета или иных определений типа *розовый поцелуй, фиолетовый вздох, знойная Сахара* и т.п., которые сейчас активно используются в рекламе губных помад, автомобилей и т.д. [2].

В некоторых случаях формируется группа постоянно используемых слов, своего рода клише, или ключевых слов, регулярно связанных с определенным товаром. Так, например, предметы косметики принято описывать такими определениями, как *изысканные, манящие*, *неповторимые, тонкий вкус, специально для вас* и т.д.

С употреблением ключевых слов в рекламе связан феномен расширения и метафоризации значения частотных слов. Так, Т.Н. Лившиц в работе «Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах» (1999) выделяет до полутора десятков различных нюансов понимания слова *новый* и производного от него *новинка*, реализуемых в рекламных слоганах [11]. Рекламная ценность таких слов заключается в том, что в каждом конкретном случае помимо отмеченных словарем значений в сознании реципиента возникают дополнительные смысловые оттенки на основе ассоциативных связей. Эти оттенки содержат ту или иную (как правило, положительную) оценку характеризуемого объекта, что приводит к закреплению функционально обусловленного приращения значения слова.

На лексическом уровне активно используется также прием обыгрывания различных значений одного и того же слова или выражения. Сопоставление двух планов значения слова – прямого и переносного – является одним из

способов прагматического выдвижения лексической единицы, повышения экспрессивности. Например, в рекламе стиральной машины образность слогана *Стиральные машины ARDO – чистый результат!* происходит из семантической двуплановости слова *чистый*, заданной контекстом (*чистый* как отстиранный и *чистый* как не имеющий лишнего, конкретный, точный).

К средствам актуализации лексики относятся все виды тропов. Исследователи отмечают использование в рекламе эпитетов, метафоры, метонимии, гиперболы, перифразы, аллюзии [3]. В современной рекламе довольно широкое распространение получает комплексный подход, при котором сочетаются и усиливают друг друга разные приемы речевого воздействия. Это убедительно демонстрирует следующая реклама кондиционера:

Ваш муж, возможно, не так внимателен к вам, как этот агрегат. До чего умный глаз! Стоит вам появиться на пороге, он тут же это засечет и радостно отреагирует своим инфракрасным датчиком. Ну как собака завиляет хвостом от бескорыстной любви к вам. Кондиционер типа Smart Eye работает просто потому, что есть ради кого это делать!

В данном отрывке интегративно реализуются языковые единицы разных уровней:

- слова с положительной семантикой, настраивающие потребителя благоприятно (*внимателен, умный, тут же, радостно, завиляет, бескорыстной*),
- неполнозначная (служебная) лексика, усиливающая положительную прагматику текста (*до чего, ну как, просто потому*),
- метафора (описание прибора как живого человека), сравнение (прибора с собакой).
- единицы, ассоциативно имплицирующие большую значимость объекта представления для целевого клиента (*ваш муж, любви, есть ради кого*).

Насыщенность текста подобными элементами эффективно формирует в сознании реципиента образ объекта не только привлекательного, но и необходимого.

Синтаксический уровень. Синтаксические средства играют еще более существенную роль в реализации прагматической установки рекламного текста, чем «нижележащие» уровни языка, так как синтаксическая организация языковых единиц образует из них единое целое – системное речевое образование. В теории систем прочно утвердилось понимание системы как единства определенного множества элементов и связей между ними. Именно связи, т.е. взаимодействие элементов в рамках системы, придают ее компонентам и самой системе в целом те функциональные свойства, которые вне системы не реализуются [15; 16]. В отношении языка данное положение как нигде более релевантно, ибо речевая реализация языковых единиц в живом употреблении как раз и служит способом актуализации их функционального потенциала, а структурирование этого процесса осуществляется на уровне синтаксиса.

Синтаксические особенности рекламы вызывают неизменный интерес исследователей в связи с тем, что синтаксис создает условия для регулирования выразительности рекламного текста. Своеобразие синтаксиса рекламы заключается в его сращении со стилистикой, то есть синтаксические структуры выступают в роли стилистических фигур. В их числе парцелляция, сегментированная конструкция, вопросно-ответные конструкции, параллелизм, градация и другие компоненты динамического синтаксиса [10]. Для синтаксиса рекламы типичны разнообразные эллиптические, разговорные конструкции, ограниченное употребление причастных и деепричастных оборотов, разного рода обособления. Язык рекламы не терпит сложных, аморфных образований, отсюда тенденция к упрощенному изложению. Для стиля рекламы характерны краткие предложения с ясной, прозрачной структурой, которые создают динамичный, отрывистый стиль, обусловленный директивностью рекламы. Объяснение синтаксической простоты рекламных текстов можно искать в гипотезе глубины, выдвинутой еще на заре развития теории информации и проникновения ее идей в лингвистку (Дж. Миллер, В. Ингве и др.). По этой гипотезе количество «узлов» разворачивающегося высказывания состоит в определенной корреляции с объемом оперативной памяти человека и не должно превышать 7±2 единиц [7]. Впрочем, как показано далее, рекламные тексты могут быть еще короче и при этом производить достаточный прагматический эффект.

Остановимся на вопросах употребления некоторых типов предложений в рекламных текстах, с учетом их большой роли в реализации прагматической установки рекламного текста.

1. Восклицательные предложения. Восклицательные предложения являются чрезвычайно выразительным и действенным средством экспрессивного синтаксиса, например:

Осторожно! Лишний вес!

Прорыв в технологиях – революция в цене!

Употребление восклицательных предложений в рекламных текстах всегда связано с воздействующей функцией, поэтому восклицательный знак, как правило, сигнализирует о повышенной ценности информации, подчеркивает важность выделяемого компонента структуры, предупреждает о значительности заключенной в нем информации. В этих случаях восклицание выполняет выделительную и воздействующую функции одновременно.

2. Вопросительные предложения. Известно, что вопросительные предложения выражают стремление говорящего получить от собеседника необходимую информацию о каких-то фактах, явлениях, событиях и т.п., относительно которых сам говорящий располагает неполными или неточными сведениями. Вместе с тем в семантике вопросов имеются некоторые черты, сближающие их с субъективно-повествовательными и с побудительными предложениями: вопрос, как и побуждение к действию, предполагает точный адрес и рассчитан на определенную реакцию собеседника. По этой причине Ф.Ф. Фортунатов и А.М. Пешковский включали вопросительные предложения в состав широко понимаемой ими побудительной речи. Отмечены в литературе и широкие возможности синтаксической синонимии вопросительных предложений. Выделены следующие две их функционально-семантические разновидности:

1) вопросы в их прямом значении, предполагающие получение ответной информации (эксплицитно выраженной либо имплицируемой). Если информация выражена эксплицитно, то перед нами собственно вопросительное предложение. Если же ответ выражен имплицитно, то мы имеем дело с наводящими вопросами, например:

Волнуешься? Пусть это будет твой Secret.

Вы все еще сомневаетесь? Тогда мы идем к вам!

2) вопросы в переносном значении – риторические вопросы, функционирующие в качестве утверждения или отрицания и не требующие ответа, вопросительные предложения со значением побуждения и предложения со значением эмоциональной оценки, ответной информации, а также скрытое значение побуждения. Подобные вопросы – мощное средство экспрессивного синтаксиса, характерной особенностью которого является ярко выраженная прагматическая направленность:

Так приятно быть красивой, не правда ли?

Что может быть вкуснее нашей колбасы?

3. Побудительные предложения. Категория побудительности является сквозной, прагматически заданной для рекламных текстов, поскольку побуждение – один из постоянных семантических компонентов рекламы, обусловленный самой ее природой. В результате действия категории побудительности все рекламные тексты, независимо от лексического наполнения, характеризуются наличием функционально-семантического приращения определенной прагматической направленности. Для торговой рекламы это смысловое приращение можно описать как «воспользуйтесь, купите», а для корпоративной – «доверяйте».

Наиболее типичны, разумеется, побудительные предложения со сказуемым в форме повелительного наклонения, – синтаксическая структура, сама по себе предназначенная для побуждения к действию, которое обычно адресуется собеседнику; поэтому основной формой этого наклонения является форма 2-го лица ед. или мн. числа.

Одни предложения могут содержать побуждение к совершению каких-либо поступков или к определенному типу поведения, например: *Теперь гладить становится легче и быстрее, так как влажность белья идеальна. А свободное время посвятите своим любимым!* Другие предложения могут побуждать к выполнению последовательности конкретных действий: *Пробуйте, разбирайтесь, выбирайте Ваш английский чай «Ахмад»!*

Наконец, побудительное предложение может представлять собой совет («*Не тратьте Ваше драгоценное время на поиски*»), эмоциональный призыв («*Приходите – не пожалеете*!!!») или обращение к чувствам потребителя («*Почувствуй себя человеком*!»).

В качестве сказуемого побудительного предложения может использоваться глагол в форме изъявительного наклонения будущего времени или инфинитив, содержащий ярко экспрессивное побуждение к действию: *Экономический кризис… Что делать? ДЕЙСТВОВАТЬ!*

Побуждение в рекламе может также выражаться при помощи предложений, подразумевающих определенную активность собеседника, то есть побуждающих косвенно, без использования побудительных глагольных форм. Объявление *Вы можете выбрать один из трех*

режимов сушки в зависимости от фактуры белья следует понимать как призыв, косвенное побуждение отдать предпочтение рекламируемой технике, обладающей хорошими товарными качествами, то есть, в конечном счете, как призыв купить товар.

Каталог функционально обусловленных способов выражения побуждения в рекламных текстах должен стать предметом дальнейших научных изысканий.

Следует сказать, что для обсуждаемого нами синтаксического уровня вполне актуальны и приемы, характерные для более низких уровней. Эти приемы, переплетаясь, усиливают действие друг друга.

Так, например, на фонетическом уровне используются выразительные возможности аллитерации и ассонанса (*Заводи и звони* – реклама телефона).

Единицы лексического уровня в прагматических целях используются широко и многообразно, в том числе в рекламных текстах регулярно сталкиваются разные значения одного и того же слова (*Убедительные стальные аргументы. Стальные эмалированные ванны*) .

На морфологическом уровне часто используется повторение некоторых прагматически нагруженных морфем в пределах одного текста (*Суперзвук, суперсвет, супершоу, суперпризы*).

Кстати, на морфологическом уровне прагматическая направленность рекламы проявляется и в заметно выраженной субстантивности, т.е. более высокой доли существительных по сравнению с другими частями речи. Так, по данным Т.Н. Лившиц, в газетных рекламных текстах средняя частота употребления существительных составила более 100 случаев на каждые 200 знаменательных слов, а для газетных текстов нерекламного характера – всего 63 случая [11].

И все же на синтаксическом уровне самая главная роль в реализации прагматической установки отводится побудительным предложениям: ведь основная цель рекламы заключается в том, чтобы побудить потребителя купить товар или воспользоваться услугой.

Таким образом, очевидно, что действенность рекламы как особого вида дискурса, нацеленного на привлечение клиентов, обеспечивается следующими факторами:

1) опорой на эмоционально-психологические особенности человека,

2) знанием потребностей и предпочтений потребителя,

3) достаточно тонким пониманием того прагма-функционального воздействия, которое оказывают разноуровневые языковые средства на сознание человека,

4) способностью текст-райтеров творчески комбинировать языковые единицы таким образом, чтобы общее прагма-функциональное пространство текста воспринималось реципиентом в нужном рекламодателю ключе.

Список литературы

1. Бондарь С.В. Звуковая стилистика: аспекты фонетического значения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Ин-т языкознания РАН. М., 2001. 31 с.

2. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.

3. Егорова И.Ю. Акцентирование в рекламном интернет-дискурсе: автореферат дисс. … канд. филол. наук : 10.02.19. Волгоград, 2008. 22 с.

4. Жирков А. В. Проблемы манипулятивного воздействия в рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст: монография / под ред. Т. Н. Колокольцевой. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. С. 135- 151. 230 с.

5. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 160 с.

6. Икатова И.И., Россихина Г.Н. Концептуальные основы прагмалингвистического анализа первичного контактоустановления в английской культуре // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 344-348.

7. Ингве В. Гипотеза глубины // Новое в лингвистике. Вып. IV. М.: Прогресс, 1965. С. 126-138.

8. Ксензенко О. А. Гносеологические и методологические проблемы современного лингвистического рекламоведения // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 42-55.

9. Курочкина А.М. Риторические параметры аргументативной модели рекламного текста (на материале рекламы гостиничных услуг) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 194-198.

10. Леденева С.Н. Методы психолингвистической оценки эффективности речевого воздействия: Автореферат диссертации … канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2004. 28 с.

11. Лившиц Т.Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 Таганрог, 1999. 23 с.

12. Малюга Е.Н., Банщикова М.А. Англоязычный профессиональный жаргон в немецком рекламном медиадискурсе. Lambert Academic Publishing, Germany, 2011. 184 с.

13. Малюга Е.Н. Английский язык профессионального общения. Реклама: учебное пособие. М.: ФЛИНТА : Наука, 2012. 336 с.

14. Огилви Д. Откровения рекламного агента. М.: Эксмо, 2007. 160 с.

15. Пономаренко Е.В. Функциональная системность дискурса и предпосылки развития лингвосинергетики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2006. № 2. С. 22-27.

16. Пономаренко Е.В. О прагматической эффективности речи и задачах лингводидактики делового общения // Вопросы прикладной лингвистики. 2012. № 7. С. 59-68.

17. Санжаров Л.Н. Современная фонетика: Учебные материалы по курсу «Теория языка». Тула: Тульский полиграфист, 2000. 139 с.

18. Федеральный Закон «О рекламе» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 22.02.2017).

19. Харьковская А.А., Дюмина О.В. Лингводидактические аспекты английских учебных материалов по обучению деловой коммуникации // Наука и культура России. 2016. Т. 1. С. 286-290.

20. Baldwin H. How to create effective TV commercials. Lincolnwood, Illinois, 1989.

21. Rothschild M. Advertising. From Fundamentals to strategies. Toronto, 1987.

22. Schultz D. Strategic advertising campaigns. Lincolnwood, Illinois, 1991.

Об авторе

Леденева Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английского языка № 4, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО), angliiskaya4@mail.ru

УДК 801.313.1

ПРОБЛЕМА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРЕДАЧИ РУССКОКУЛЬТУРНЫХ ЭРГОНИМОВ-КСЕНОНИМОВ

Попова В.Л., Маркова Т.А.

В данной статье рассматриваются способы передачи русскокультурных эргонимов-ксенонимов на английском языке в области межкультурной коммуникации. Как показывают результаты исследования, передача ксенонимов-русизмов при помощи заимствования, калькирования и образования гибридных словосочетаний являются наиболее предпочтительным способами англоязычной номинации.
Ключевые слова: межкультурная коммуникация, эргоним, ксеноним, заимствование, калькирование, гибридный ксеноним.

THE PROBLEM OF RENDERING RUSSIAN ERGONYMS INTO ENGLISH

Popova V.L., Markova T.A.

The article deals with the ways of translating Russian ergonyms into English in the field of intercultural communication. The research analysis shows that borrowing, calquing and forming hybrid xenonyms are the most preferable nomination ways.
Keywords: intercultural communication, ergonym, xenonym, borrowing, calque, hybrid xenonim.

Стремительное развитие сотрудничества в социально-экономической сфере на международном уровне делает необходимым тщательное изучение проблем делового общения не только для специалистов в сфере бизнеса, но и для лингвистов. Особенно важной для лингвистов, занимающихся вопросами межкультурного общения, является минимизация возникновения ситуаций коммуникативных неудач, связанных, в частности, с отсутствием стандартизации англоязычного варианта русскокультурных эргонимов в рамках *английского языка межкультурного общения (АЯМО)*, т.е. «английского языка, использующегося в ходе межкультурных контактов в качестве языка-посредника в ориентации на иноязычную культуру» [2, с.3], в данном случае на область русской культуры (АЯМО (РК)).

Эргоним – «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [7, с. 151]. Как справедливо отмечает Д.И. Ермолович, передача имен собственных представляет собой сложную и многогранную проблему, которая связана с рядом недоразумений и ошибок [1, с.14]. Несомненно, вариативность в передаче эргонима должна быть исключена, поскольку имя собственное, закрепленное за определенной организацией, регламентируется нормативно-правовыми требованиями. Адекватность межкультурного общения и точность номинации достигается лишь в том случае, когда между ксенонимом (т.е. языковой единицей, используемой для обозначения специфического элемента внешней культуры) и идионимом (т.е. номинацией элемента внутренней культуры) [4, с.419] устанавливается прочное соответствие или обратимость.

Освоение имен собственных, в данном случае эргонимов-ксенонимов, английским языком требует довольно длительного периода, и в настоящее время лексикографические источники не представляют достаточных для анализа данных. Между тем, в современном обществе, характеризуемого активным развитием как социальных, культурных, так и экономических связей, важнейшая роль отводится, без сомнения, английскому языку межкультурного общения, в том числе и в его ориентации на русскую культуру. Очевидной становится необходимость самостоятельного изучения текстов АЯМО (РК) с целью выявления степени доступности русскокультурных ксенонимов, в нашем случае эргонимов-ксенонимов.

Текст англоязычного описания русской культуры должен быть доступен англоязычному читателю, поэтому первостепенную важность получает то, насколько вводимые в текст ксенонимы-русизмы знакомы адресату.

С коммуникативной точки зрения особого внимания заслуживают общедоступные или базовые ксенонимы. Анализ англоязычных текстов зарубежных периодических изданий позволил выделить базовые эргонимы-русизмы, которые считаются известными для читателя наименованиями, и поэтому могут вводится в текст уже без пояснения как знакомые понятия. В данную группу следует включить

такие эргонимы-ксенонимы как *Gazprom* и *Yukos Oil Company.* Приведем примеры:

The questions over Gazprom's status are not new. Since it was established in 1992, the company has been viewed as a proxy for the Russian state [*Financial Times,* December 12, 2006].

On the day the federal prosecutor froze Khodorkovsky's shares in oil company Yukos, Putin met <…> [*NewsWeek*, November 24, 2004].

Единицы, которые известны специалисту, владеющему знаниями в области АЯМО (РК), но требуют пояснения для неподготовленного адресата, образуют группу специальных ксенонимов. К этой группе эргонимов-русизмов, т.е. ксенонимов доступных для специалиста, можно отнести следующие: *Aeroflot, Alfa Group, Avtovaz, Norilsk Nickel, Rosneft, Rusal, Russian Railways, Russian Technologies, Sberbank, Severstal, Sistema, Troika Dialog, Tyumen Oil Company (TNK), UralSib, Vimpelcom*:

A potent symbol of the pain is Avtovaz, Russia's largest carmaker and a producer of the ubiquitous Lada [*The Economist,* March 21st–27th, 2009].

Oleg Deripaska's UC Rusal said yesterday the Russian government could soon gain a presence on the board of Norilsk Nickel, the world's largest nickel miner <…> [*Financial Times,* November 6, 2008].

"In the eight years that I have been in Russia, <…>", says James Fenkner, a U.S. native who's head of research at Moscow brokerage Troika Dialog [*BusinessWeek,* June 2, 2003].

Примечательным является тот факт, что русизм *Aeroflot,* ставший известным еще в советский период, зарегистрирован в таких изданиях, как *New Enclopeadia Britannica* и *Dictionary of Russia* (англо-английский словарь русской культурной терминологии):

Aeroflot, byname of Glavnoye Upravlenie Grazhdanskogo Vozdushnogo Flota (Russian: "Main Civil Air Fleet Administration"), *Soviet state airline founded in 1928 (as Dobroflot) and reorganized in 1932 under its current name* [*EncBr,* 1994:Vol.1 p.121].

Aeroflot aviation an airline, the monopolist in the Soviet Union [5, с.15].

Английский язык межкультурного общения развивается постоянно и следует полагать, что некоторые специальные эргонимы-ксенонимы могут стать базовыми единицами, равно как некоторые базовые ксенонимы могут перейти в группу специальных единиц или вовсе исчезнуть из словаря АЯМО. В качестве примера можно назвать когда-то известные и уже не существующие *RAO Unified Energy Systems (UES), Yukos Oil Company*.

Большую группу эргонимов-русизмов составляют окказиональные ксенонимы, которые отсутствуют в лексикографических источниках, но используются в англоязычных текстах описания русской культуры.

В качестве основы изучения передачи окказиональных ксенонимов были выбраны тексты российской англоязычной газеты *The St. Petersburg Times,* создаваемые авторами-билингвами. Выбор источника материала для исследования определяется частотностью употребления эргонимов-русизмов в текстах данного периодического издания, что обеспечивает доступность и достаточность материала для изучения.

Анализ выборки материала позволил выделить следующие способы передачи эргонимов-ксенонимов в АЯМО (РК):

1. Прямое заимствование.

Прямое заимствование осуществляется при помощи трансплантации, транслитерации и практической транскрипции. Среди способов инкорпорации заимствованных эргонимов-русизмов выделяются транслитерация и практическая транскрипция. Как показали результаты изучения, трансплантация кириллицы в англоязычном тексте не получила распространения. На современном этапе используются различные системы латинизации русизмов, поэтому при описании элементов русской культуры автор использует тот вариант номинации ксенонима, который, с его точки зрения, «способствует достижению компромисса максимальной графической точности и передачи звучания исходного русского слова (так называемый "house style")» [2, с.79].

Как отмечает В.В. Кабакчи, при англоязычном описании русской культуры используется либо система транслитерации Library of Congress (USA), либо система British Standard (UK) [3, с.88]. Между тем, наблюдения исследователей показывают, что в практике англоязычного описания русской культуры специалисты отдают большее предпочтение British Standard, так как эта система более отвечает нуждам транслитерации [6, с.123]. В практике межкультурных контактов сложился единый стандарт транслитерации большей части букв русского алфавита, вариативность наблюдается в отношении таких букв как: Е, Ё, Й, Ъ, Ь [6, с.123]:

Interior Ministry agents <…> searched the apartments of executives of Yevroset, <…> [*The St. Petersburg Times,* August 10, 2007].

Evraz Group, Russia's second-largest steel-maker by volume, won the right to develop a coalfield in Siberia, <…> [*The St. Petersburg Times,* July 25, 2008].

Тем не менее, следует отметить, что колебания между британским и американским вариантами транслитерации сохраняются. Например, довольно часто встречается неопределенность и при передаче русской буквы Я:

The starting price for the gold auction, which was won by Severstal subsidiary Severnaya Zolotorudnaya Kompania <…> [*The St. Petersburg Times*, September 11, 2007].

Nevsky Zavod industrial enterprise and Peterburgskaya Lizingovaya Kompaniya signed an agreement <…> [*The St. Petersburg Times*, August 27, 2007].

Bank Rossia will issue bonds for three billion rubles <…> [*The St. Petersburg Times*, February 1, 2008].

Gazprom-Media has agreed to sell its stake in newspaper Izvestia to Bank Rossiya, <…> [*The St. Petersburg Times,* April 17, 2007].

В отношении приводимого выше конкретного примера непоследовательной транслитерации эргонимов-ксенонимов нужно отметить, что специалисты придерживаются следующего мнения: как показывает практика межкультурного общения, при транслитерации русских имен обычно «не используется буква "у" в конце слова: *Izvestia, Maria, Yakutia*». Исключение составляют устоявшиеся названия, например, «*Rossiya Hotel, Rossiya concert hall*» [6, с. 119].

Практическая транскрипция, как следствие отсутствия стандартизации современного АЯМО (РК), в любом гетерогенном варианте сочетания алфавитов (т.е. в случае использования контактирующей парой языков разных алфавитных систем) приводит к появлению орфографической вариативности, что подтверждается регистрацией нескольких вариантов написания слова. Особая трудность наблюдается при передаче русских окончаний «ий», «ый»:

Lebedyansky, the country's largest juice producer by market share, <…> [*The St. Petersburg Times,* March 12, 2005].

Russia's Dalnevostochnyi Bank will participate in transferring North Korean funds frozen in a Macao bank <…> [*The St. Petersburg Times,* June 15, 2007].

Между тем, орфографическая вариативность, присутствующая в составе ономастического ксенонима, в частности при оформлении документации, как уже было упомянуто, нарушает требования правовых нормативов, поэтому проблема стандартизации системы транслитерации требует особого внимания данному вопросу.

2. Калькирование.

Использование калькированных эргонимов-ксенонимов, как показывает исследование, обеспечивает более простую модель номинации и доступность значения ксенонимической единицы:

The Northwest Timber Company, <…> has managed to normalize operations at enterprises <…> [*The St. Petersburg Times*, October 5, 2007].

Unified Industrial Corporation has applied to VTB bank for a loan of $550million <…> [*The St. Petersburg Times*, August 17, 2007].

Однозначное калькирование идионима указывает на наличие благоприятной лексико-семантической базы, то есть в подобной ситуации идионим обладает высокой калькируемостью. В противном случае, когда появляются варианты соответствия идиониму, говорят о низкой калькируемости идионима или отсутствии благоприятной лексико-семантической базы [2, с. 102-104].

Так, эргоним-идионим *«Базовый элемент»* коррелирует с ксенонимами *Base Element* и *Basic Element.* Приведем следующие примеры:

Base Element, which owns 50 percent of RusAl, is controlled by another tycoon, Oleg Deripaska [*The St. Petersburg Times*, September 26, 2003].

Russia's Basic Element conglomerate has agreed to pay $1.54billion for a large stake <…> [*The St. Petersburg Times*, May 11, 2007].

В данном случае речь идет о «неуверенной обратимости ксенонима, затрудняющей однозначный переход к идиониму-прототипу» [2, с. 50].

Случаи семантического калькирования эргонимов-русизмов в ходе изучения материала не выявлены.

3. Гибридный ксенониим.

В межкультурной коммуникации довольно часто используются гибридные ксенонимы. Словосочетания данного типа состоят из калькированного компонента, облегчающих понимание и воспроизведение номинации, и

заимствованного компонента. Как показывает материал исследования, калькируется, как правило, элемент, указывающий на специализацию предприятия (пример 1) и элемент, указывающий на принадлежность объекта к определенному классу культуры (пример 2).

(1) Polyus Gold, <…> built the new mill at its Olimpiada mine <…> [*The St. Petersburg Times*, July 24, 2007].

(2) One of Russia's largest shipbuilding companies Baltiisky Plant reported a net loss of 679 million rubles <…> [*The St. Petersburg Times*, May 22, 2007].

Низкая калькируемость элементов эргонима-русизма может приводить к появлению ксенонимической вариативности при образовании гибридных ксенонимов:

(1) Northwest region Kirovsky plant issued bonds worth a total of 1.5billion rubles [*The St.Petersburg Times,* March 9, 2007].

(2) A brand–new model of the Kirovets front loader tractor, made by the St. Petersburg Tractor Plant – a subsidiary of the Kirov Works – was one of the objects on display <…> [*The St.Petersburg Times,* September 16, 2008].

При рассмотрении ксенонимических вариантов *Kirovsky plant* и *the Kirov Works,* следует подчеркнуть то, что компонент-гарант обратимости (т.е. компонент ксенонима, обеспечивающий ксенонимическую обратимость) *Kirovsky/Kirov* облегчает идентификацию и снимает неопределенность компонентов *plant /Works* соответственно.

Для текстов публицистического стиля характерно использование принципа языковой экономии, подразумевая частое использование сокращений, в частности, в аутентичных текстах АЯМО (РК).

По форме сокращения могут образовывать различные единицы номинации:

- инициальные сокращения

Andreyev, who is also the head of local contruction giant LEK, said <…> [*The St. Petersburg Times*, May 26, 2009].

- акронимы

Rusal is the world's largest aluminum producer [*The St. Petersburg Times*, August 10, 2007].

Gazprom, the world's biggest producer of natural gas, plans to swap a stake <…> [*The St. Petersburg Times*, February 22, 2007].

- номинации, образованные по модели «сокращение + слово в полной форме»

Rosneft, Russia's largest oil producer, said output will probably rise 25 percent <…> [*The St. Petersburg Times*, October 9, 2007].

- смешанные аббревиатуры

The hotel is located inside an elite residential and office complex constructed by local company LenSpetsSMU [*The St. Petersburg Times*, January 22, 2008].

Как показывают приведенные выше примеры, передача сложносокращенных эргонимов-ксенонимов, как правило, реализуется при помощи заимствования.

Способ передачи эргонимов-ксенонимов, имеющих в своем составе гомогенные бинарные полионимы, установить невозможно, так как их калькированная и заимствованная формы полностью совпадают, например, Russky Standart Bank / Russian Standard Bank. Подобные единицы мы относим к номинациям смешанного типа образования.

Таким образом, организация грамотной работы в области международного бизнеса неизбежно подразумевает компетентность участников делового межкультурного диалога, в частности умение эффективно использовать выразительные средства английского языка как языка межкультурного общения. Анализ материала показывает, что ксенонимическая номинация эргонимов-русизмов может осуществляться путем заимствования, поскольку этот способ максимально реализует принцип ксенонимической обратимости. Передача эргонимов-ксенонимов с помощью калькирования связана, как правило, с целью использовать более простую модель номинации и обеспечить доступность значения ксенонима. Значительную часть ксенонимов составляют гибридные словосочетания, образованные при помощи заимствования и кальки, что определяется семантическим содержанием лексической единицы, в состав которой входят онимический и апеллятивный элементы, где первый заимствуется, а второй калькируется.

Список литературы

1. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке культур. М.: Р.Валент, 2001. 200 с.

2. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: Учебное пособие. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 232 с.

3. Кабакчи В.В. Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» / В.В. Кабакчи. // Studia Linguistica 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб.: Тригон, 2000. С. 65-75.

4. Кабакчи В. В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: Издательство «Союз», 2001. 480 с.

5. Кабакчи В.В. The Dictionary of Russia (2500 cultural terms). Англо-английский словарь русской культурной терминологии / В.В. Кабакчи. СПб.: Издательство «Союз», 2002. 576 с.

6. Кабакчи В.В., Юзефович Н.Г. Транслитерация русизмов в англоязычном описании русской культуры (к столетию поисков системы транслитерации русизмов) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2007. №3 (15). С. 115-124.

7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 198 с.

8. The New Enclopeadia Britannica. Vols 1, Chicago, 1994.

Об авторах

Попова Валентина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, valya.nesterova.2014@list.ru

Маркова Татьяна Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, mar_ta.vologda@mail.ru

УДК 811.11-112

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ПОГОДА» В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Попова Т.А.

Цель данной статьи состоит в исследовании национально-культурной специфики важной для британского социума концептосферы «ПОГОДА» сквозь призму фразеологии английского языка. Приводятся классификация и анализ отобранных фразеологизмов по семантическому и квантитативному критериям, выявляются оценочные и когнитивные характеристики концептов – погодных явлений в английской языковой картине мира.
Ключевые слова: концепт «погода» концептосфера, фразеология, идиоматика, языковая картина мира, английская лингвокультура, лингвокультурология.

REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL SPHERE “WEATHER” IN THE ENGLISH PHRASEOLOGY

Popova T.A.

The article is aimed at the analysis of the national and cultural specificity of the conceptual sphere “WEATHER” through the prism of the English phraseology. The given conceptual sphere is considered to be of high importance for the British society. The author provides classification, semantic and quantitative analysis of the idioms. Also, evaluative and cognitive features of the meteorological concepts in the English language worldview are identified.
Keywords: concept “weather”, conceptual sphere, phraseology, idiomaticity, language worldview, English linguistic culture, linguocultural studies.

Погода является неотъемлемой частью жизни людей. Особенно это относится к представителям британской нации, среди которых тема погоды еще и одна из самых широко обсуждаемых. Концепт погоды, занимающий влиятельное место в национальной культуре британцев на протяжении многих столетий, является важным элементом английской картины мира. Данный концепт содержит пласт информации национально-культурного характера и воплощается в языке и коммуникативной деятельности нации посредством большого количества языковых единиц.

Актуальность изучения концепта погоды очевидна. Феномен погоды в силу своей высокой социокультурной значимости для английской лингвокультуры неизменно привлекает интерес исследователей, которые анализируют различные его аспекты. Так, в работах Е. В. Суравикиной рассматриваются составные номинации погодных явлений, концептуализация погоды и метеолексика в диалектной картине мира русского языка [2010; 2011]. К. Л. Фёдорова исследует структурные и семантические модели и особенности русскоязычных фразеологизмов, включающих в себя компоненты–метеонимы [2011; 2013; 2015]. К. А. Малыгина рассматривает перевод метеорологической лексики в пословицах и поговорках [2009]. В исследованиях Н. Ю. Перфильевой проведен сопоставительный анализ русских и английских идиом, включающих лексемы «погода» и “weather”, а также представлен анализ специфики национальных культур путем сопоставления лексемы “weather” в шести языках [2007; 2008]. М. В. Домбровская подробным образом изучает концепт «дождь» как компонент русской и французской картин мира, привлекая методы лексикографического анализа и ассоциативного эксперимента [2004; 2005; 2006]. В. П. Васильев также сосредотачивается на концепте «дождь» и, главным образом, его образных реализациях в русском языке [2003; 2007; 2012; 2014]. О. С. Фисенко представляет исследование концепта «гроза» в русском языковом сознании [2005]. Настоящая же статья входит в серию работ, изучающих концепт «погода» и его компоненты в английской лингвокультуре [3; 4; 5; 6].

Изучение концепта «погода» видится нам перспективным, поскольку может представлять интерес не только для узкого круга специалистов, но и для более широкой аудитории. Изменение климата, вызванное состоянием окружающей среды, глобальным потеплением и экологическими катастрофами, приводит к тому, что все большее количество людей проявляет заинтересованность в погодных явлениях. Данное явление, в свою очередь, способствует увеличению информационного поля,

связанного с тематикой погоды.

В данной статье мы рассмотрим репрезентацию концепта «погода» в целом и его отдельных компонентов – «дождь» (“RAIN), «снег» (“SNOW), «ветер» (“WIND”) и т.д. – в английской фразеологии. Фразеологический фонд языка представляет богатый материал для исследования. Национально специфичный, устойчивый слой языка, заключающий в себе народную мудрость, систему ценностей и проявления менталитета, представляется важным и необходимым для изучения картины мира нации. Языковые образы, зафиксированные во фразеологической системе, глубоко национальны по своей сути, поскольку являются «своеобразными экспонентами культурного знания, где происходит взаимодействие языковой и культурной семантики» [7, с. 223]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров рассматривают фразеологизмы (наряду со словами и языковыми афоризмами) с точки зрения их связи с национальной культурой и характеризуют их как «носители культуры» или «источники национально-культурной информации», позволяющие иностранцам знакомиться с действительностью той или иной страны [2, с. 42].

В нашем исследовании мы будем опираться по большей части на лексикографические источники, которые являются характерным способом изучения языкового сознания в его письменно зафиксированном виде. Материалом исследования послужили 8 ФЕ, заключающих в себе лексему “weather”, и 108 ФЕ, включающих семантику компонентов - погодных явлений данного концепта; всего 116 ФЕ. В анализе мы раскроем значение фразеологизмов, содержащих концепт “WEATHER”, приведем примеры их употребления и выделим когнитивные черты, которые они в себе заключают.

WEATHER. Большинство фразеологизмов, заключающих в себе концепт “WEATHER”, содержат отрицательную коннотацию. Погода позиционируется как условия, которым человек вынужден подчиняться. Погода как давление, оказывающее неблаготворное влияние на людей, представлена в идиоматическом выражении *to be under the weather* – ‘чувствовать недомогание, чувствовать себя неважно’. В американском варианте наряду с основным значением также дается описание конкретного состояния: *drunk, intoxicated* – ‘быть пьяным, мучиться похмельем’.

Выражение *fair-weather friend* употребляется по отношению к человеку, который рядом только до тех пор, пока ты успешен, и дела у тебя идут хорошо – иными словами, друг только в «хорошую погоду». Идиома *to make heavy weather of something* используется в значении ‘находить что-либо трудным, усложнять, делать из мухи слона’.

Погода часто является определяющим фактором в планах и поведении людей и в некотором смысле «разрешает» или нет совершать какие-либо действия. Данная черта отражена в выражении *weather permitting* (‘*if the weather allows it*’ [13]; ‘*if it does not rain*’ [12]) – ‘если погода позволяет’, ‘если не будет дождя’.

Выражение *to hit rough weather* употребляется в ситуации, когда у людей возникают проблемы или сложности. Оно показывает, что в сознании людей имеется сходство между проблемами и плохой погодой. Прилагательное *rough* наделяет выражение отрицательной коннотацией. В разговоре об очень холодной погоде возможно употребление идиоматического выражения *brass monkey weather* или *brass monkeys*. Но даже неприятная, дождливая погода может иметь хорошую сторону. Выражение *lovely weather for ducks* / *fine weather for ducks* дословно переводится как «прекрасная погода для уток» и чаще всего употребляется в качестве приветствия. - *What a lot of rain! - Yeah. Lovely weather for ducks (- Какой сильный дождь! – Да уж. Прекрасная погода для уток!*).

Британскую погоду часто называют непредсказуемой, и вполне заслуженно: одни погодные условия могут сменяться совершенно противоположными за небольшой промежуток времени. *“It is a national pastime for many of us to talk, and largely moan about, British weather. Weather is often the initial topic in any conversation”. “There is a reason for this national obsession, in that our weather is very changeable”,* – сообщает национальный интернет-сайт BBC Weather, посвященный погоде [15]. Подобное мнение высказывает антрополог К. Фокс. По ее словам, англичане посвящают много времени обсуждению погоды не потому, что она какая-то необычная. Дело в том, что английская погода имеет изменчивый и непостоянный характер [11]. Так, словосочетание *weather eye* и выражение *to keep a weather eye out / open* свидетельствуют о том, что за погодой необходимо наблюдать, поскольку она очень переменчива.

Об изменчивости погоды также свидетельствует идиома *April weather* – то дождь, то солнце; то смех, то слезы, – одним словом, частая смена погоды или настроения. Хорошую же погоду назовут *King's (Queen's) weather* – выражение, имеющее положительную коннотацию и отражающее национальное сознание англичан.

Концептосфера погоды состоит из различных компонентов – погодных условий, таких как RAIN, SNOW, STORM, WIND и т.д. Рассмотрим, как они отражены во фразеологическом фонде английского языка.

RAIN. Дождь является самым распространенным погодным явлением и одним из важнейших концептов английской языковой картины мира. Климат и погода Англии объясняют возникновение большого числа языковых, в том числе фразеологических, единиц, объективирующих разновидности дождя в английской лингвокультуре. Подробный анализ концепта "RAIN" во фразеологии и паремиологии английского языка был представлен автором ранее [3]. Значительная часть ФЕ, содержащих концепт "RAIN", используется для вербализации сильного дождя: *to bucket down; to rain buckets; to rain cats and dogs; the heavens opened.* Вышеперечисленные выражения могут быть переведены как «лить как из ведра». Также представляется возможным выделить группу ФЕ с выраженной негативной коннотацией концепта: *to rain on somebody's parade* ('нарушать чьи-либо планы, препятствовать чему-либо'); *to take a rain check* ('перенести, отложить, принять приглашение в другой раз'); *to save something for the rainy day* ('откладывать на черный день'); *it never rains but it pours* ('беда не приходит одна').

Дождь преимущественно изображается как плохие погодные условия, нарушающие чьи-либо планы; как трудное событие, к которому лучше подготовиться заранее: *into each life some rain must fall* ('в жизни каждого бывают невзгоды'); *it never rains but it pours* ('пришла беда - отворяй ворота; беда не приходит одна')*; when it rains, it rains on all alike* ('когда идет дождь, он льет на всех одинаково'). Однако дождь всегда сменяется хорошей погодой: *after rain comes fair weather* ('после ненастья наступает хорошая погода; после дождичка будет солнышко').

RAINBOW. Главная характеристика радуги – сочетание спектра ярких цветов - объективируется в идиоме *all the colours of the rainbow*, которая означает «все цвета радуги» и подразумевает нечто яркое, красочное, разноцветное. Общеизвестно, что радуга соприкасается с землей лишь визуально. The Longman Dictionary of the English Language and Culture сопровождает дефиницию существительного *rainbow* следующим комментарием: "*In an old story, a crock of gold (горшочек с золотом) is found where a rainbow meets the ground, and phrases like "at the rainbow's end" are sometimes used in speaking of people who find (or hope to find) what they always wanted, as if by magic"* [14]. Образ идиомы *to chase rainbows* ('гнаться за невозможным') выстроен на нереалистичности погони за радугой, которую можно увидеть, но нельзя поймать. Так, радуга в сознании англичан, с одной стороны, связана с чем-то ярким, красочным и разноцветным, а с другой – с магией, мистическими мотивами и чем-то нереальным. Таким же невозможным, как погоня за радугой, представляется увидеть каплю дождя в засуху. Выражение *raindrop in the drought* означает 'надеяться на что-то маловероятное'.

SHOWER. Существительное *shower* определяется как 'a short period of rain or snow' [12] – краткий, обычно проливной дождь. Внезапность как характерная черта проливного дождя отражена в идиоме *as sudden as an April shower* ('внезапный, как апрельский ливень'). Интересно, что в русском языке в аналогичном выражении используется другое погодное явление – «как снег на голову».

SNOW. Фразеологизмов, содержащих концепт "SNOW", в английском языке встречается не так много (5% от общего числа). Это может быть обусловлено островным положением Великобритании и ее мягким климатом с отсутствием морозов, метелей и снега зимой. Было найдено несколько ФЕ, имеющих в своем составе лексему "*snow*":

- *a snowball's chance in hell – букв.* «иметь такой же шанс, как снежок в пекле»; используется обычно в неформальных высказываниях и означает «ни единого шанса»;
- *snowed under* – употребляется по отношению к человеку, заваленному работой, словно снегом;
- *the snows of yesteryear* – переводится буквально как «прошлогодний снег» и означает прошлое, к которому нет возврата;
- *snow job* – употребляется преимущественно в американском варианте английского с пометкой "informal" и переводится как «липа,

туфта, хитроумный обман, мошенничество»;

• *to roast snow in a furnace – букв.* «жарить в снег в печи»; заниматься неблагодарным, бесполезным делом;

• *to grow like a rolling snowball* – расти, как снежный ком.

Существует целый ряд компаративов, берущих за основу сравнения физические качества снега: *as clean as snow; as cold as snow; as innocent as (the driven) snow; as light as snow; as pale as snow; as pure as the driven snow; as white as snow; to melt like snow; to vanish like snow.*

WIND. Количество ФЕ, содержащих концепт "WIND", превышает количество ФЕ с иными погодными условиями: 33% от общего числа. Это может быть обусловлено особой важностью ветра в английской картине мира, поскольку климат и погода островной Великобритании не в последнюю очередь зависит от движения воздушных масс. Данное погодное явление олицетворяет нечто быстрое, неуловимое, непостоянное, изменчивое. Предвидеть характер, скорость и направление ветра невозможно, как и повлиять на него, что и обусловило выделение подобных характеристик в качестве основных. В английской фразеологии ветер представлен как:

• направляющая сила, смелость, уверенность, сила духа: *to take the wind out of somebody's sails* – 'выбить почву из-под ног, расстроить чьи-либо планы';

• то, что указывает направление: *to see which way the wind is blowing* – 'держать нос по ветру, смотреть, куда/откуда ветер подует; не спешить с решением';

• то, что приносит новости, слухи, информацию: *to get/ have wind of something* –'прослышать, узнать о чем-либо (случайно) ';

• нечто непостоянное, неуловимое: *words are but wind* – 'слова – это ветер; они так же эфемерны и мимолетны'; *the wind can't be caught in a net – букв.* ветер не поймать сетью; воду в решете носить; *to scater to the (four) winds* – 'разлететься на все четыре стороны'; *to blow in the wind* – 'витать в воздухе'; *to throw caution / to cast to the wind(s)* – 'отбросить предосторожности, быть неосторожным';

• опасность: *to sail close to the wind* – 'делать что-то опасное, быть на грани опасности';

• плохие погодные условия, трудная ситуация: *wind and weather* – 'непогода'; *to bend with the wind* – 'приспосабливаться к ситуации'.

Важность ветра выражена в его отождествлении с дыханием – важнейшим физиологическим процессом человека: *to knock the wind out of somebody* – 'выбить дух из кого-либо'; *second wind* – 'второе дыхание'; *bad (short) wind* – 'одышка'; *in wind and limb* – 'в полном порядке, в отличной форме'.

В некоторых выражениях наглядно отражен накопленный опыт и мудрость народа: *если посеешь ветер, то пожнешь бурю – Sow the wind and reap the whirlwind* – другими словами, пострадаешь от собственной неосмотрительности, поплатишься за что-либо; *Hoist your sail when the wind is fair – букв.* поднимай паруса, когда дует попутный ветер; русский аналог – «куй железо, пока горячо»; *It's an ill wind (that blows nobody any good)* – 'нет худа без добра; неприятности одного могут обернуться удачей для другого'.

Сравнение с физическими характеристиками ветра обусловило появление большого количества компаративов: *as fast as the wind; as fickle* ('непостоянный') *as the wind; as fleet* ('быстрый') *as the wind; as swift* ('стремительный') *as the wind*; также отмечаются следующие качества ветра: *free; changeable; inconstant; variable; wild*. Отметим сравнения *like the wind, to drive like the wind, to fly like the wind, to run like the wind* ('ехать, лететь, бежать быстро, как ветер').

BREEZE. Данное существительное имеет значение 'a gentle wind' [13] – 'легкий, мягкий, слабый ветер'. Эти качества ветра легли в основу фразеологизма *to be a breeze* – быть простым, легким. В американском варианте английского существует также разговорное выражение *to shoot the breeze* – 'болтать'. В компаративах с лексемой *breeze* используются прилагательные *free, gentle* и *light*.

STORM. Во фразеологическом фонде английского языка концепт "STORM" представлен как мощная сила, которой трудно противостоять; неблагоприятные, негативно окрашенные погодные условия; энергия, активность, с которой выполняется какое-либо дело; трудный период, который нужно пережить:

• *to weather the storm; to ride out a storm – букв.* пережить шторм; пережить трудные времена;

• *the calm before the storm*; *the lull before the storm* – 'затишье перед бурей; необычно тихий, спокойный период времени перед надвигающейся проблемой, спором';

• *any port in a storm* – 'в бурю любая гавань хорош'а;

• *a storm in a teacup – букв*. шторм в стакане; незначительное событие, которое вызвало волнение, бурю эмоций. Интересно, что у представителей американской нации данное выражение звучит как *a tempest in a teapot* – 'буря в чайнике';

• *to be at the centre of a storm; to be in the eye of the storm* – 'быть в эпицентре событий';

• *storm is brewing* – 'надвигается гроза, назревает буря';

• *stormy relationship* – 'бурные отношения, частые споры и разногласия';

• *after a storm comes the calm – букв*. после шторма наступает затишье; после грозы – вёдро, после горя – радость;

• *vows made in storms are forgotten in calms* – 'клятвы, данные в бурю, забываются в тихую погоду';

• *oaks may fall when reeds withstand the storm – букв*. буря валит дубы, а тростник устоит; мал, да удал;

• *to dance / sing / cook etc. up a storm* – 'делать что-либо очень энергично, изо всех сил';

• *to take somewhere by storm* – 'иметь оглушительный успех, брать штурмом'.

Процесс фразеологизации не обошел стороной и современные технологии. Всемирная социальная сеть Twitter фигурирует в выражении *Twitter storm*, которое означает 'внезапное появление большого числа сообщений о чем-то или о ком-то'.

Интересно, что в английской фразеологии много внимания уделяется мореплавательной традиции и обычаям. Это объясняется тем, что судоходство всегда было важной частью культуры и экономики Великобритании. Преобладающими погодными явлениями в подобных фразеологизмах являются ветер и шторм, формирующие погоду на море, и потому столь важные для моряков. Они находят отражение в следующих выражениях: *to take the wind out of somebody's sails, to sail close to the wind, hoist your sail when the wind is fair, the calm before the storm, any port in a storm, whence (where, how) the wind blow* ('куда ветер дует'), *between wind and water* ('ниже ватерлинии'; 'наиболее уязвимое место'), *in the wind's eye* ('прямо против ветра'), *to cast an anchor to windward* ('принять меры предосторожности, заранее подготовиться').

THUNDER. Молния и гром – неотъемлемые составляющие такого явления, как гроза. Когнитивными чертами, отраженными в концепте "THUNDER", являются мрачность, внезапность, неожиданность:

• *a face like thunder; as black as thunder* – 'мрачнее тучи';

• *blood-and-thunder* – 'мелодраматический, полный ужасов, кровавых сцен';

• *to steal somebody's thunder* – 'украсть чью-либо идею, перехватить инициативу, присвоить чужие заслуги';

• *as unexpected as thunder in winter – букв*. неожиданный, как гром зимой;

• *a quiet conscience sleeps in thunder* – 'с чистой совестью и в грозу спится'.

Выражение *in thunder* (отмечено как *old-fashioned*), употребляемое в вопросе, служит для его усиления: *What in thunder do you think you're doing?*

LIGHTNING. В основе образности фразеологизмов, содержащих данный концепт, лежит сходство с быстротой молнии, ее внезапностью. Также концепт иногда воспринимается как нечто происходящее без предупреждения, плохое или неприятное:

• *lightning never strikes twice – букв*. молния не бьет дважды в одно и то же место; русский эквивалент – в одну реку нельзя войти дважды;

• *like lightning* – 'очень быстро, как молния';

• *at / with lightning speed* – 'очень быстро, со скоростью молнии'.

В основу компаративов легли прилагательные fast, quick, swift.

CLOUD. В большинстве случаев концепт "CLOUD" воспринимается негативно, как неприятность, омрачающая жизнь или счастливое время. Подтверждением этому служат следующие идиомы:

• *cloud on the horizon* – 'тучи на горизонте; что-либо угрожающее, омрачающее счастье или благополучие';

• *to cast a cloud* – 'омрачать, портить';

• *under a cloud (of suspicion)* – 'быть под подозрением, на плохом счету';

• *every cloud has a silver lining – букв*. у каждого облака есть серебристая кайма; нет худа без добра. Данное выражение означает, что можно найти что-то хорошее даже в тяжелой или печальной ситуации. Когда облако, олицетворяющее трудное время, заслоняет собой солнце – счастливое время, – у облака можно заметить серебряные края. Однако тяжелый период рано или поздно закончится, и за

ним последует более благоприятный;

- *if there were no clouds, we should not enjoy the sun* – выражение со схожей семантикой: *если бы не было туч, мы бы не радовались солнцу;*
- *one cloud is enough to eclipse the sun – букв*. одно облако способно заслонить солнце; русский аналог – *паршивая овца всё стало портит*.

Облака также ассоциируются с чем-то далеким и нереальным; это место, куда человека уносят мечты или счастье. Мыслить нереалистично или быть мыслями где-то далеко в восприятии англичан означает 'витать в облаках' – *to have your head in the clouds (to be up in the clouds).*

Интересна история идиоматического выражения *on cloud nine* – 'на седьмом небе' (от счастья). Оно берет начало от классификации облаков на латинском языке, предложенной в 1802 году английским метеорологом Люком Говардом. Самое высокое из облаков – так называемый cumulonimbus, располагающийся на высоте около 30.000 футов, – стоит как раз под девятым номером. Именно поэтому, когда человек пребывает в состоянии счастья или эйфории, о нем говорят, что он находится на девятом небе [1, с. 100-101; 10].

Также заслуживает внимания выражение *to be / live in cloud-cuckoo-land*. Оно является типично британским и означает пребывание в мире грез. *Cloud-cuckoo-land* – это пренебрежительное название для выдуманного места несбыточных желаний и недостижимого идеала.

FOG и MIST. Данные концепты схожи по набору когнитивных признаков, поэтому представляется возможным рассматривать их в совокупности. Во фразеологизмах они представлены как некое препятствие, помеха, мешающая ясно видеть (*to see something through a mist of tears* – 'смотреть сквозь слезы'); как что-то смутное, забытое (*to be lost in the mists of time* – 'затеряться во мгле веков'); неясное, непонятное (*to not have the foggiest (idea)* – 'не иметь ни малейшей идеи'); то, что лишает способности объективно рассуждать, затмевает рассудок (*to see the red mist* – 'потерять самообладание, прийти в ярость').

SUN. В выражениях, содержащих концепт "SUN", он представлен как удачный шанс, который нужно вовремя использовать (*make hay while the sun is shining*), как правильное, выгодное время или место, где человек чувствует себя комфортно и имеет преимущество перед другими – «место под солнцем» (*a place in the sun*). Солнце также представлено как то, что дает человеку преимущество перед другими, выделяет его, ставит в более выгодную позицию: *as if the sun shines out (someone's) backside – букв*. будто солнце ему в спину светит; будто лучше, чем другие. Так говорят о человеке, если восхищаются им и закрывают глаза на возможные недостатки. Подобный смысл передает выражение *to think the sun rises and sets on someone* – 'считать кого-то важнее других'. Выражение *under the sun* используется, когда речь идет о большом количестве разных вещей, «обо всем, что есть под солнцем». Характеристика солнца как чего-то горячего, обжигающего актуализируется во фразеологизме *to catch the sun* – 'обгореть на солнце'.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в английском языке содержится большое количество фразеологизмов, объективирующих концепт «ПОГОДА». Это доказывает исключительно важное место, занимаемое концептом в английской языковой картине мира. Также анализ подтвердил, что фразеологический фонд отражает систему ценностей и особенности национального восприятия мира. Мы выяснили, что большинство фразеологизмов, заключающих в себе концепт "WEATHER", содержит преимущественно негативное его восприятие. Можно говорить о том, что каждая ФЕ, заключающая в себе данный концепт, вносит в его общее восприятие дополнительные когнитивные характеристики, на основе которых возможно составить когнитивный портрет того или иного метеорологического явления. Выяснилось, что самым частотным метеоявлением в собранном материале является ветер (WIND). Во фразеологическом слое языка имеется мало ФЕ с концептами "RAINBOW", "LIGHTNING", "BREEZE" и практически не представлен концепт "SHOWER".

В целом, в ходе анализа было обнаружено следующее количество ФЕ: WIND – 38, RAIN – 17, STORM – 17, CLOUD – 10, SUN – 8, THUNDER – 7, SNOW – 6, FOG / MIST – 4, RAINBOW – 3, LIGHTNING – 3, BREEZE – 2, SHOWER – 1. Составляющие концептосферы "WEATHER" наглядно представлены в процентном соотношении в схеме ниже (см. рис. 1):

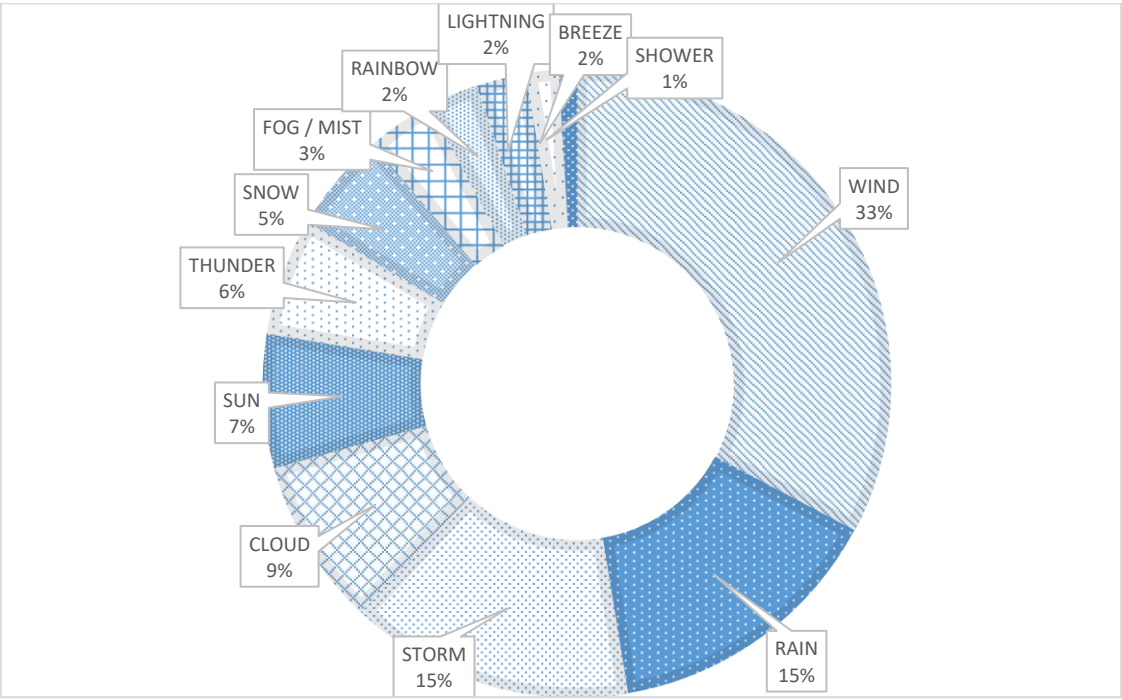


Рис. 1. Репрезентация концептосферы «Weather» в английской фразеологии

Список литературы

1. Барнетт С. Занимательное дождеведение: дождь в истории, науке и искусстве. Livebook, 2017. 376 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
3. Попова Т.А. Вербализация концепта “rain” во фразеологии и паремиологии английского языка // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 4 (38). С. 76-80.
4. Попова Т.А. Когнитивные особенности концепта “RAIN” («дождь») в английской лингвокультуре (на материале лексико-семантического анализа) // Вестник Самарского государственного университета. 2016. № 3 (в печати).
5. Попова Т.А. Особенности концепта “WEATHER” в английской лингвокультуре: опыт лексико-семантического и концептуального анализа // Филологos. 2016. № 4 (31). С. 61-66.
6. Попова Т.А. О разнообразии лексико-семантической парадигмы концепта “rain” // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С.204-209.
7. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М.: Гнозис, 2005. 472 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
9. Whiting B.J. Modern proverbs and proverbial sayings. London, Harvard university press, 1989. 709 p.
10. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. HarperCollins Publishers, 1997. 493 p.
11. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Nicholas Brealey Publishing, 2008. 424 p.
12. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. 7th edition. Oxford University Press, 2005. 1920 p.
13. Summers D. The Longman Dictionary of Contemporary English. 4th edition. Longman, 2007. 1949 p.
14. Summers D. The Longman Dictionary of English Language and Culture. 3rd edition. Longman, 2005. 1620 p.
15. URL: http://www.bbc.co.uk/weather/features/understanding/britain_01.shtml

Об авторе

Попова Татьяна Андреевна – аспирант кафедры английского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, dear.tania@yandex.ru

УДК 811.111

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИКА В МЕДИАДИСКУРСЕ

Прима А.М., Бурдун Н.В.

Статья посвящена исследованию особенностей фразеологических единиц (ФЕ) в медиадискурсе. Рассматривается роль фразеологизмов в формировании образов политиков в англоязычной прессе (на примере образов В. Путина, Д. Трампа, Б. Обамы и Б. Ассада). Отмечается, что благодаря метафоричности, экспрессивности и эмоциональности ФЕ использование фразеологизмов является одним из эффективных средств создания образа, где особую важность имеет эмоционально-оценочная составляющая. Источником материала послужили тексты англоязычных газетных и журнальных статей из качественных британских и американских изданий, в частности, The Economist, The Guardian, The Newsweek, The Telegraph, The Washington Post, Forbes, а также электронных ресурсов: Defense one, Project Syndicate за период с 2009 по 2016 год.

Ключевые слова: медиатекст, медиадискурс, образ политика, фразеологизм, языковые средства, пресса.

PHRASEOLOGICAL UNITS AS A TOOL FOR FORMING THE IMAGE OF A POLITICIAN IN THE MEDIA DISCOURSE

Prima A.M., Burdun N.V.

The article analyses the features of phraseological units in the media discourse and the role of phraseology in the formation of images of politicians in the English-speaking press (Vladimir Putin, Donald Trump, Barack Obama and Bashar Assad). It is noted that due to such qualities of phraseological units as metaphoricity, expressiveness, emotiveness, the use of phraseology remains one of the most effective means of creating an image, where the emotional-evaluative component is of particular importance. As source material we used the texts of English-language newspaper and magazine articles taken from British and American quality press (The Economist, The Guardian, The Newsweek, The Telegraph, The Washington Post, Forbes, Defense one, Project Syndicate) for the period from 2009 to 2016.

Keywords: media text, media discourse, image of a politician, phraseological unit, language means, the press.

В парадигме современной лингвистики превалирует интерес к различным видам дискурса. В частности, в центре внимания исследователей все чаще оказывается дискурс СМИ, или медиадискурс, который вследствие глобализационных процессов стал неотъемлемой частью социальной жизни современного человека: «тексты массовой информации, или медиатексты, являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объем речи в прочих сферах человеческой деятельности» [1, с. 5]. Современные СМИ объединяют информационное пространство государств и народов, формируют у аудитории во всем мире представление о реальности в ее политическом, социальном и иных аспектах.

Одним из базовых направлений формирования общественно-политической реальности посредством медиадискурса является создание образов политических деятелей. В данном исследовании вслед за Э.С. Азнауровой, Е.С. Кубряковой, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюновой образ понимается как категория сознания, он объединяет в себе данные, поступающие по разным каналам связи человека с миром. «Процесс формирования образа является сложным и многоаспектным. Прежде всего, автор публикации, то есть журналист того или иного издания, создаёт образ, опираясь на определённые стандартизированные представления, адаптируясь к социальной действительности. С другой стороны, он оказывает влияние на воспроизводство этих представлений, транслируя их через языковые средства читателю и закрепляя в массовом сознании» [2, с. 26].

Стоит подчеркнуть, что в образах особую важность имеет эмоционально-оценочная составляющая. Именно поэтому журналисты зачастую используют ресурсы фразеологии, обладающие такими качествами, как метафоричность, экспрессивность, эмоциональность.

В данной работе мы рассматриваем понятие фразеологизма в широком смысле, опираясь на определение ФЕ, предложенное Н.М. Шанским, где фразеологический оборот – это «воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [3, с. 44]. В соответствии с данным подходом основными типами ФЕ считаются не

только фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, но и также фразеологические выражения (идиоматические обороты, пословицы, поговорки, афоризмы).

Стоит отметить, что в текстах проанализированных нами статей преобладают не собственно политические фразеологизмы, обозначающие политические явления (*cold war*), а ФЕ, вписывающиеся в ткань публицистического текста, но напрямую не связанные с политической тематикой и употребляемые лишь для ее характеристики. Так, например, в статьях, где фигурирует личность В. Путина, используется достаточно много фразеологизмов, относящихся к азартным играм:

• *Putin has quickly* ***upped the ante*** (‘поднять ставки’), *forcing Washington to refocus on facts on the ground* [Defense One, 29.09.2015].

• *An* ***all-in*** *Putin* (от ФЕ *to be all in* ‘готовый рискнуть всем, поставить все на кон’) *would step beyond Obama’s red line in the ISIS fight* [Defense One, 29.09.2015].

Это характеризует российского президента не только как авантюриста, человека, готового пойти на риск, но и как игрока, который умело вводит других в заблуждение и блефует:

• *Poker-face Putin* ***holds all the cards*** (‘иметь преимущество’) [The Telegraph, 14.09.2013].

• *Putin Threatens World War Again, This Time Over Syria: Will Turks And Saudis* ***Call His Bluff?*** [Forbes 16.02.2016] (‘вывести на чистую воду’, досл. «обвинить в блефе»).

Журналисты англоязычных изданий делают акцент на непредсказуемости и некоторой безнаказанности действий В. Путина:

• *Market reaction suggests sanctions over Crimea are* ***slap on the wrist*** *for Putin* (‘слишком мягкое наказание’, досл. «удар по запястью») [The Guardian, 17.04.2014].

• *Putin’s statement hit* ***like a bolt from the blue*** (‘Как гром среди ясного неба’) [Project syndicate, 29.06.2009].

Российский президент предстает в проанализированных медиатекстах слишком уверенным в себе человеком, переоценивающим свои возможности:

• *Vladimir Putin may (or may not) enjoy 80% public support in Russia for his Ukraine policy; but it has become increasingly clear that he has* ***bitten off more than he can chew*** (‘переоценивать свои силы’, досл. «откусить больше, чем можешь прожевать») [Project Syndicate 26.08.2014].

Образ американского предпринимателя Дональда Трампа, который не так давно одержал победу на президентских выборах, ярко представлен в текстах англоязычных СМИ с помощью карточных идиом:

• *The Guardian view on Donald Trump:* ***the joker in the pack*** (‘темная лошадка’, досл. «Джокер в колоде»). *The Republican establishment is looking on in horror as the party takes the ultimate non-politician to its heart the person or thing that could change the situation in an unexpected way* [The Guardian, 18.09.2015].

• *Trump* ***ups the ante*** (‘поднять ставки’): ‘Everybody hates Ted’ Cruz [Washington Post, 17.01.2016].

При этом фразеологизм *to up the ante*, который в данном случае использован по отношению к риторике Трампа в ходе избирательной кампании, уже был ранее упомянут среди ФЕ, характеризующих действия Владимира Путина. Это позволяет говорить о некотором сходстве этих образов.

Фамилия политика созвучна слову *«trump»* ‘козырь’, а потому в текстах СМИ встречаются фразеологические трансформации, основанные на паронимической замене одного из компонентов устойчивого сочетания:

• *Everything’s* ***coming up Trump***: *How chaos is feeding the beast that is Trump 2016 (to come up trumps* – ‘окончиться благополучно, оказаться удачным’) [The Washington Post, 25.09.2015].

В данном примере примечательно использование еще одного фразеологизма *to feed the beast* (способствовать усугублению неразрешимой ситуации или досл. «кормить зверя»). Употребление этой ФЕ здесь показательно, так как большинство СМИ (в особенности газета The Washington Post) действительно представляет Д. Трампа в образе неуправляемого и непобедимого монстра, которого необходимо остановить. Например:

• *Trump is Bush’s dream come true – an unelectable* ***800-pound gorilla*** (‘безоговорочный лидер’) *who is* ***beating*** *opponents* ***to a pulp*** (‘избить до полусмерти’, досл. «сделать из кого-л. котлету») [Washington post, 21.08.2015].

• *Trump is a* ***loose cannon****, a pinless grenade* (‘человек, от которого можно ожидать всего’, досл. «сорвавшаяся пушка») [The Washington post, 05.02.2016].

Однако журналисты отмечают, что и у этого кандидата есть свои уязвимые места, о чем свидетельствуют такие фразеологизмы, как:

• *This could be Donald Trump’s* ***Achilles heel*** (‘ахиллесова пята’) [The Washington Post,

06.04.2015].

• *Now that the bloviating, uber-wealthy TV star is running for president, he's* ***getting a taste of his own medicine*** ('почувствовать все на собственной шкуре') [The Washington Post, 02.06.2015].

• *How to defeat Donald Trump and his ilk:* ***fight fire with fire*** ('клин клином вышибать') [Guardian, 04.01.2016].

Совершенно иным предстает в политическом медиадискурсе последних лет Барак Обама. Если Трамп представлен как сильная, пусть и одиозная личность, то в описании действий 44 президента США фигурируют фразеологизмы, указывающие на слабость и неуклюжесть, формируя образ неудачника, действующего необдуманно и попадающего в неловкие ситуации:

• *Obama* ***throws in the towel*** *on Cuba* ('признавать поражение, сдаваться'. Досл.: «выбросить полотенце» (в боксе, выбрасывая полотенце на ринг, секундант сообщает этим, что признаёт поражение своего бойца и просит прекратить бой) [The Washington Post, 18.12.2014].

• *Obama* ***rolls the dice*** *on Iran* ('сыграть в рулетку, понадеяться на удачу') [The Washington Post, 12.04.2015].

• *Nor is this the first time that Obama* **has** ***jumped the gun*** ('лезть поперед батьки в пекло', досл. «совершить фальстарт»). *In October 2011, he announced that he was bringing "the long war in Iraq" to an end by withdrawing all US troops* [Project Syndicate, 15.04.2015].

• *Clinton and Pelosi leave Obama* ***in the lurch*** *on trade deals* ('в трудном (сложном) положении, в беде') [The Washington Post, 15.06.2015].

В некотором роде политик предстает как позор своей семьи. Так, даже статья, которая на первый взгляд оправдывает Обаму в глазах его критиков, написана с нескрываемым сарказмом, о чем свидетельствует заголовок:

• *Obama is not the* ***black sheep*** *of the family* ('белая ворона', досл. «черная овечка») [The Washington Post, 28.09.2014].

Стоит отметить, что это не единственный случай, когда фразеологизм, имеющий библейское происхождение, употребляется по отношению к американскому президенту в ироничном ключе. Представители мировых СМИ не раз отмечали тот факт, что речи Обамы напоминают проповеди. Его даже в шутку называют проповедником (*preacher*). Сделать акцент на этом помогают и фразеологизмы. Так, например, редакция журнала The Economist намеренно использует в качестве заголовка для своей статьи ФЕ с библейской этимологией *«a voice in the wilderness»* (глас, вопиющий в пустыне):

• *Barack Obama.* ***A voice in the wilderness.*** *The president's final state-of-the-union showed his virtues and his weakness* [Economist, 16.01.2016].

Можно предположить, что недоверие к словам президента вызвано тем, что он, по мнению СМИ, не выполняет свои обещания. Недовольство деятельностью Б. Обамы сказывается на выборе лексики, в том числе ФЕ:

• *The president is legitimizing practices that* ***fly in the face*** *of the very thing he claimed he wanted to accomplish during his first campaign* ('идти вразрез с') [Washington post, 30.12.2015].

• *The Obama care calamity can't* ***be swept under the rug*** ('замять дело', досл. «замести под ковер») [The Washington Post, 20.10.2015].

Фигура сирийского президента Башара Ассада не так ярко представлена в политических медиатекстах посредством ФЕ. Однако можно привести несколько примеров, демонстрирующих отношение англоязычных СМИ к данной личности. Как известно, западные СМИ возлагают ответственность за гибель мирных жителей Сирии именно на президента страны. Так формируется образ убийцы и тирана, который притворяется миротворцем:

• *Royce also accused Assad of working* ***hand in glove*** *with ISIS* ('быть заодно', досл. «рука в перчатке»*) to target the civilian population* [Newsweek, 17.06.2015].

• It is not error that inspires the false caliph (ISIS leader) – Abu Bakr al-Baghdadi– to pray for the political health of Bashar al-Assad and his family. Theirs is mainly a *live-and-let-live* relationship *(от ФЕ «live and let live» сам живи и другим не мешай, мирно сосуществовать)* [Newsweek, 11.01.2015].

• *Assad's* ***red herring*** ('ложный след, отвлекающий маневр')*, a belated and sham referendum on constitutional reform, has not ended the indiscriminate killing of thousands of protesters and innocent civilians* [Project Syndicate, 27.03.2012].

Также не раз подчеркивается тот факт, что Башар Ассад является главным препятствием в урегулировании сирийского конфликта:

• *The* ***sticking-point*** *is Mr. Assad* ('камень преткновения')*, whom both countries support* [The Economist, 21.11.2015].

• *The Assad* ***Dead End*** ('тупик') [Project Syndicate, 05.11.2015].

Таким образом, медиадискурс, находящийся в центре внимания данного исследования, является полем битвы различных идеоло-

гических установок и прагматических интересов, а ФЕ представляют собой сильные эмоционально воздействующие средства влияния на адресата речи, с помощью которых журналисты создают яркие образы политических лидеров, формируя при этом определенное отношение читателей к той или иной личности.

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой коммуникации: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2008.

2. Пронина Е.А. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2014.

3. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Рус. язык, 1985.

4. Defense one [Электронный ресурс]: 2017. URL: http://www.defenseone.com/ (дата обращения: 31.01.2017).

5. Forbes [Электронный ресурс]: 2017. URL: https://www.forbes.com/ (дата обращения: 31.01.2017).

6. The Economist [Электронный ресурс]: The Economist. World News, Politics, Economics, Business, cop. The Economist Newspaper Limited 2017. URL: http://www.economist.com/ (дата обращения: 31.01.2017).

7. The Guardian [Электронный ресурс]: Guardian News and Media Limited 2017. URL: https://www.theguardian.com/world (дата обращения: 31.01.2017).

8. The Newsweek [Электронный ресурс]: 2017. URL: http://www.newsweek.com/ (дата обращения: 31.01.2017).

9. The Telegraph [Электронный ресурс]: 2017. URL: http://www.telegraph.co.uk/ (дата обращения: 31.01.2017).

10. Project Syndicate [Электронный ресурс]: 2017. URL: https://www.project-syndicate.org/ (дата обращения: 31.01.2017).

11. The Washington Post [Электронный ресурс]: 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/ (дата обращения: 31.01.2017).

Об авторах

Прима Анастасия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, abarminsk@mail.ru

Бурдун Нина Владимировна – бакалавр английской филологии, переводчик Торгово-промышленной палаты Краснодарского края, 050195@list.ru

УДК 81’246.2

ПЕРЕХОД ОТ ЕСТЕСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА К ИСКУССТВЕННОМУ КАК УСЛОВИЕ АДАПТАЦИИ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ МИРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РАМАЗАНА ТРАХО)

Хачак Ф.Д.

В данной статье выявлена проблема перехода писателя-билингва от естественного билингвизма к искусственному. В ходе исследования раскрыты особенности билингвизма и полилингвизма, с учетом мнения отечественных и зарубежных лингвистов. Перейдя от естественного билингвизма к искусственному писатель-билингв овладевает двумя линговкультурными кодами, с помощью которых транслирует родную культуру для мирового сообщества и происходит диалог культур. Билингвизм отражается на творчестве автора-билингва, способствует взаимному обогащению и взаимовлиянию лексического запаса каждого из языков.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, типы билингвизма, искусственный и естественный билингвизм, лингвокультура, социокультурная компетенция, авторский перевод, полилингвизм.

THE TRANSITION FROM NATURAL TO ARTIFICIAL BILINGUALISM AS A CONDITION OF ADAPTATION TO A MULTILINGUAL WORLD (ON A MATERIAL OF TEXTS OF RAMASAN TRAHO)

Khachak F.D.

The article reveals the problem of transition of the writer-bilingual bilingualism from natural to artificial. The study reveals the features of bilingualism and multilingualism, taking into account the opinion of domestic and foreign linguists. Moving from the natural to the artificial bilingual writer bilingual masters the two lingocultural codes, which translate the native culture to the international community and the dialogue of cultures. Bilingualism is reflected in the work of the author is bilingual, promotes mutual enrichment and mutual vocabulary of each language.

Keywords: intercultural communication, types of bilingualism, natural and artificial bilingualism, linguistic culture, socio-cultural competence, author's translation, multilingualism

Исторические и политические события, укрепление экономических и культурных связей между странами и континентами стали причинами появления билингвизма и мультилингвизма. Феномен билингвизма уже давно рассматривается лингвистами, социолингвистами и лингвокультурологами. Билингвизм или двуязычие стал социально обусловленным явлением, результатом этнических, культурных и лингвистических контактов, имеет ряд определений. Так У.Вайнрайх пишет, что «практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, – двуязычными» [3, с.22], В.Ю.Розенцвейг формулирует «под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [6, с.9]. Функционирование в речи индивида более двух языков получило название многоязычие (полилингвизм, мультилингвизм), которое подразумевает сосуществование и использование нескольких языков в языковом сознании в пределах одной социальной среды. При этом многоязычие становится ключом доступа к мировым знаниям, дающим возможность увеличивать межкультурные связи, знакомиться со всем тем, что создано другими народами.

Проблема естественного и искусственного билингвизма получила свое развитие в трудах В.В. Алимова, Е.М. Верещагина, В. Вильдомц, В.А. Виноградова, Г.М. Вишневской, Ю.Д.Дешериева, Ю.А.Жлуктенко, А.Е.Карлинского, И.С. Невмержицкого, Е.К.Черничкиной, С.Г.Тер-Минасовой и многих других. Филолог А.Е.Карлинский определил критерии различения между естественным и искусственным билингвизмом, при этом указал, что «естественный билингвизм возникает вследствие прямых языковых контактов, в то время как искусственный билингвизм возникает без непосредственного контакта с носителями языка, в искусственно созданной обстановке; при естественном билингвизме изучение языка является не самоцелью, а выступает лишь как средство достижения цели – обмена информацией, в то время как для искусственного билингва задачей изучения иностранного языка является перспектива использования иностранного языка в профессиональных или личных целях [4, с.41]. Для повседневного общения билингвы чаще всего

используют один язык больше обычного, отдавая ему предпочтение, а второй язык необходим только в определенных коммуникативных ситуациях.

Искусственный билингвизм традиционно противопоставляют естественному, так как у них разные социальные причины появления и функционирования. Кроме того, естественный билингвизм предполагает овладение языком в процессе социализации, а изучение иностранного языка является средством адаптации в иноязычной среде. Согласившись с высказыванием Е.К.Черничкиной, отмечаем, что «основное средство становления естественного билингва–реальная коммуникация, а при искусственном билингвизме–текстовая деятельность, более масштабное использование художественной коммуникации» [8, с.193]. Ситуация перехода от естественного билингвизма к искусственному имела место в жизни и творчестве Рамазана Трахо, адыгского писателя, эмигранта второй волны, прожившего несколько лет в Турции, Австрии, Германии, который, владея адыгейским и русским языками, овладел турецким, немецким и английским языками с целью успешной социализации. Субординативный и координативный билингвизм присутствуют в жизни и профессиональной деятельности Р.Трахо, так как анализ его произведений свидетельствует о том, что русским языком он пользовался больше, чем адыгейским, а немецким и английским в одинаковой степени. Как утверждает Багироков Х.З., «сосуществование двух языковых систем формирует философско-лингвистическую проблему влияния билингвизма на мышление, так как предполагается, что это взаимодействие накладывает отпечаток на миропонимание, язык и культурологические особенности личности» [2, с.27]. По частотности использования языков Р.Трахо билингвизм может быть активным, когда оба языка он использует регулярно, например, русский и немецкий, и пассивным, где частотность использования одного языка преобладает над другим, например, немецкий и адыгейский. Искусственный билингвизм стал для него необходимой частью коммуникации и языковых контактов.

Рамазан Трахо, понимая неродной язык, был способен передавать его содержание родным языком–рецептивный билингвизм (*И.К.: Греки передали также отдельные слова из Вашего интересного языка. Хезых, рассматривая слово «тегу разбойник», полагает, что оно пришло из Лидии. Р.Т.: Тегужъ значит на нашем языке разбойник и вор; тыгъужъыжъ, тегужъыжъ, мы называем «Старого разбойника», охотившегося на наши стада, а именно волка. Однако, что говорят еще лингвисты о нашем языке, какой языковой семье его относят?) [7, с.179]*. Репродуктивный билингвизм предполагает способность воспроизводить услышанное на неродном языке этим же неродным языком, а продуктивный билингвизм заключается в способности выражать собственные мысли и высказываться на разных языках.

Таким образом, социокультурный аспект билингвизма предполагает рассмотрение объема выполнения общественных функций посредством двух языков, а также особенностью сфер применения каждого из них в деятельности двуязычного индивида. Как утверждает Н.Е. Бабушкина «Социологический аспект двуязычия тесно связан с социолингвистическим, и они друг друга обуславливают. Их различие вытекает из того, что объектом социолингвистики являются языковые факты, а объектом социологии в данном случае выступают носители языка (билингвы)–индивиды, социальные группы, общности» [1, с. 5]. В процессе социализации Рамазана Трахо язык выступает не только как связующий компонент, но и как предпосылка всех сторон социализации, так как освоение ценностей культуры и освоение языка культуры - это двуединый процесс. Творчество писателя-билингва основано на умении легкого перехода с одного языка на другой, который основан на сформированном навыке переключения кода, который зависит от коммуникативной компетенции, содержащей в себе речевую, языковую и социокультурную. Социокультурная компетенция включает в себя социолингвистическую и прагматическую составляющие. Социолингвистическая составляющая предполагает наличие лингвистических и общекультурных знаний, связанных с пониманием менталитета другой культуры и способов его выражения в языке (*Р.Т.: Но черкесы знатных родов переселились тогда преимущественно в окрестности Константинополя. Турция, страна с которой мы имеем общую веру, ислам, и сегодня продолжает оставаться убежищем для многих моих соотечественников, живущих в эмиграции) [7, с.180]*. Прагматическая составляющая определяет характер использования языка и его «культурологической нагрузки» в конкретной ситуации общения.

Билингвизм и полилингвизм, развитые в

процессе гармоничного взаимодействия родного от рождения адыгейского языка, неродного, вторичного контактного русского языка и третьего, «чужого» (в данном случае трех иностранных-турецкий, немецкий, английский) языка, являются местом объединения в жизни и творчестве Р.Трахо. Взаимовлияние, взаимопроникновение языков на разных уровнях и этапах жизни стали показателем социализации, аккультурации и лингвокультурной самоидентификации формирующейся би- полилингвальной личности. Адыго-русский билингвизм Р.Трахо начал формироваться с детства, где он располагал в достаточном объеме языковой средой и неограниченным временем общения на адыгейском языке, сопровождающиеся естественными социокультурными ситуациями, и соответственно, речевая практика. Он слышал вокруг себя речь только на бжедугском диалекте адыгейского литературного языка, но могли иметь место различные диалектные вкрапления: шапсугский, темиргоевский и т.д. Таким образом, происходил процесс естественного погружения в адыгейскую языковую среду с одновременным постижением родной культуры, традиций и обычаев. Искусственный билингвизм с русским языком появляется в его жизни в периоды обучения в школе, и продолжается в процессе обучения в Институте Востоковедения в Москве, и становится инструментом познания, общения в целях адаптации к новой лингвокультуре, решения личностно значимых социокультурных задач. Таким образом, искусственный билингвизм Р.Трахо формируется в условиях русской лингвокультуры, при достаточном объеме времени для его постижения, речевой практике, при наличии системного изучения языковых явлений, целенаправленного обучения на филологическом факультете. Мотивация овладения другой лингвокультурой и языком определена самим Рамазаном Трахо.

В силу определенных политических событий в мире, Рамазан Трахо вынужден был сменить несколько стран проживания (СССР, Германия, Турция, Австрия), овладеть несколькими языками и соприкоснуться с инокультурами. Процесс межкультурной коммуникации в жизни и творчестве Р.Трахо представляет собой особую форму синкретизма, в ходе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих языков, например, адыгейской и русской, адыгейской и турецкой, адыгейской и немецкой. Вследствие чего, подверглись изменениям модель поведения, речь и взгляды на жизнь Рамазана Трахо. Коммуникативные ситуации в процессе адаптации в полингвальном мире стали межкультурными и иноязычными, но содержанием и образцом поведения осталась родная адыгская лингвокультура.

Наличие разнообразных видов взаимодействия в социуме находит отражение в творчестве Р.Трахо: это повседневная речь на языке той страны, в которой он проживал (немецкий 1945-1949гг., турецкий 1949-1951гг., немецкий 1951-1964гг.), интервью, публикации в газетах и журналах и т.д. Появление, становление, формирование билингвизма и полилингвизма в его жизни и творчестве осуществлялось в условиях взаимопроникновения культур, что является нормой для функционирования современного общества. При этом речевое общение определяют социальные и межличностные отношения, где в процессе коммуникации писатель-билингв выступает в роли говорящего, пишущего, слушающего, который ретранслирует родную адыгейскую лингвокультуру другим этносам *(Р.Т.: И здесь есть определенная церемония и обычаи сватовства, псэлехо (ПСЭЛЪЫХЪО) – это всегда испытание на чувство юмора и находчивость молодых людей. Они встречаются в кунацкой (хьак1эщ). Будущего жениха сопровождают его друзья, а девушка тоже приходит в сопровождении подруг. Парень спрашивает, как девушка представляет себе своего будущего мужа) [7, с.185]*. В данном примере эксплицитная информация автора-билингва представляет собой информацию, выведенную из значения слов в тексте, которая представлена с пояснением и, поэтому понятна реципиенту. Основной задачей художественных текстов Р.Трахо, ориентированных на сохранение национальной специфики описываемой лингвокультуры, стала передача ее значимых элементов-лингвокультурного субстрата. Вербальная коммуникация в художественных текстах Рамазана Трахо происходила в форме диалога или монолога. Стиль общения зависит от общепринятых в данной культуре (русской, турецкой, немецкой) норм общения и отношения к людям. В связи с этим коммуникативный стиль можно определить, как совокупность устойчивых и привычных способов поведения, присущих адыгскому этносу, к которому принадлежит Р.Трахо. Используемые им при установлении отношений и взаимодействий с другими людьми стили вербальной коммуникации существенно

варьируются в разных культурах: (*И.К.: Я слышал у вас не советуют хвалить какой-либо предмет в присутствии его владельца. Р.Т.: Это верно. Предположим, я купил себе новую папаху, такую, какая нынче может оказаться вполне современной в гардеробе зимней одежды в европейской дамской моде. Ваша жена встречает меня и говорит: Ах, какая красивая у вас шапка! – В этом случае я буду обязан, сразу предложить ей шапку в подарок) [7, с.182].* Роль имплицитной информации, используемой автором для выражения и создания большей выразительности данного текста достаточно велика, т.к. она помогает раскрыть замысел автора и несет особую нагрузку, углубляя смысловую структуру текста и придавая особый эстетический вид произведению.

Следует отметить, что процесс перехода от естественного билингвизма к искусственному отразился на менталитете писателя. Благодаря сбалансированному билингвизму, активному использованию двух языков и бикультурной идентичности Р.Трахо осмысливает картины мира пяти языков, обрабатывает информацию и формирует интерлингвокультурную картину мира, позволяющую предвидеть коммуникативный сбой и предотвратить его языковыми средствами и переводческими трансформациями. Как носитель национального языка и культуры, обладающий специфическими особенностями, он в межкультурном общении учитывает самобытность национального характера коммуникантов (русских, турок, немцев), своеобразие их эмоционального склада, национально-специфические атрибуты мышления (*И.К.: Когда мы случайно слышим имя Вашего народа «Черкесы», то мы представляем себе множество всадников, которые движутся по равнинам Северного склона Кавказа, и их достаточно сложно отличить от казаков. Р.Т.: С казаками мы не имеем ничего общего, кроме национальной одежды, которую они у нас переняли. Они являются позднее переселившимися русскими и украинцами, в то время как мы уже, по меньшей мере, два тысячелетия считали Кавказ своей родиной. Упоминания о нас есть у древнегреческих и римских географов)* [7, с.179]. Взаимодействие языков предопределяет необходимость межэтнического взаимодействия и общения.

Рамазан Трахо, представитель искусственного билингвизма, известен и как переводчик, а перевод–это особое средство межъязыковой и межкультурной коммуникации. Но далеко не каждый писатель-билингв может делать авторские переводы, так как помимо знания иностранных языков нужно обладать и другими навыками. Выделяют даже отдельный тип билингвизма, который должен характеризовать переводчика. Это комбинаторный билингвизм (см.Нечаева В.М.), при котором человек должен уметь выбирать оптимальный вариант перевода в результате сопоставления форм выражения в двух языках в преподнесении разных картин мира (*Our mountains have been the ramparts of Persia and Turkey, they will become, unless supported, the gate to both- they are now the only shelter for both – Наши горы являются защитой для Персии и Турции, которые, не оказывая нам помощи, хотят эти горы сделать воротами, являющимися единственным прикрытием для обеих (Р.Т.) - Наши горы – это особый бастион для Персии и Турции, которые словно железные ворота служат убежищем (пер.наш Х.Ф. (отрывок из Декларации [7, с.68].* В процессе перевода Р.Трахо взаимодействуют не только языки, но и другие культуры, имеющие национальную специфику. Он также демонстрирует широкий диапазон и богатство культуры речи, приобщает читателей к ценностям мировой культуры.

Для того чтобы сделать авторский перевод, Р.Трахо, как интерлингвокультурная личность, должен был понять особенности грамматики и лексики другого языка, логику взаимодействия частей речи. Когда мы говорим о процессе перевода, мы имеем в виду психофизиологический процесс, который происходит в мозгу переводчика во время осуществления им перевода. Писатель-билингв в достаточной мере овладел механизмом кодового переключения, а сформированный навык «внутреннего перевода» способствовал реализации номинативной и семантической точности. Таким образом, переведенный художественный текст, представляет собой комбинацию эксплицитной и имплицитной информации.

Итак, писатель-билингв Рамазан Трахо мог свободно говорить и писать на нескольких языках, понимал людей разных культур одинаково хорошо. Билингвизм и полилингвизм помогают ему понять другие лингвокультуры, стать мобильнее и толерантнее в окружающей обстановке. Литературно-художественное творчество Рамазана Трахо подтверждает, что каждый язык становится хранилищем культурных ценностей, а важнейшим фактором современного мира стало многоязычие, которое является условием адаптации в полилингвальном мире.

Список литературы

1. Бабушкина Н.Е. Двуязычие: социальный аспект и тенденции. Автореф. канд. дис. Улан - Удэ: 1997. 17 с.
2. Блягоз З.У., Багироков Х.З., Зекох З.З. Феномен художественного билингвизма в адыгском языковом пространстве. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2012. 112 с.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования /пер. с англ. Киев: Вища шк. 1979, 263 с.
4. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата: Гылым, 1990. 240 с.
5. Нечаева В.М. Методика обучения переводческой деятельности (в рамках курса русского языка как иностранного). М., 1994.
6. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 5-24.
7. Трахо Р.Х. Избранные труды и документы /Авт.-сост. Р.Х.Емтыль. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2013. 280 с.
8. Черничкина Е.К. Искусственный билингвизм: вопросы интерференции // Инициативы XXI века. 2012. № 1. С. 193–195.

Об авторе

Хачак Фатима Долетчериевна – аспирант 3 курса, Адыгейский государственный университет, faticha23@mail.ru

УДК 81`374.2

О ЧАСТОТНОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОВЕДЕНИЯ

Швелидзе Н.Б.

В статье рассматриваются фразеологизмы со значением обмана и фразеологизмы, характеризующие правдивое поведение, отражающие неоднозначное отношение к феномену обмана и правде в русскоязычном обществе. Другие частотные фразеологизмы отражают такие свойства русского национального характера, как снисходительность, терпимость, толерантность. Частотные ФЕ подвергаются разнообразным структурно-семантическим преобразованиям, что говорит об их креативности и важности для носителей русского языка.
Ключевые слова: фразеологизм, свойство, обман, правда, субъект, национальный, социум, образность.

FREQUENCY OF VERBAL PHRASEOLOGY UNITS WITH THE MEANING OF BEHAVIOUR

Shvelidze N.B.

The article deals with phraseology units with the meaning of deceit and phraseology units characterizing truthful, open manner of speech reflecting an ambiquous attitude to the phenomenon of deception and to the truth in Russian society. Other frequency idioms reflect such properties of the Russian national character as forbearance and tolerance. Frequent phraseology units undergo various structural-semantical transformations that show their creativity and importance to native speakers.
Keywords: phraseology units, property, deceit, truth, subject, national, society, imagery.

Актуальность статьи определяется способностью фразеологизмов, формирующих картины мира разных наций и этносов, выступать в качестве оценочного средства отражения национального самосознания. Научная новизна статьи состоит в выявлении частотных единиц, попытки объяснения причин частотности ФЕ, манифестирующей их важность для русскоязычного социума. Изучение исследуемых фразеологизмов в действии предполагает функциональный принцип анализа фразеологической семантики, каждый из параметров которой содержит определенный квант информации. Практическая ценность работы заключается в возможности ее использования в лекционных курсах фразеологии, лексикологии, в спецкурсе по этнофразеологии.

Интерес к человеку, его повседневной жизни обусловил разностороннее изучение поведения человеческой личности, отражение его в глагольной фразеологии. В языковой картине мира носителя русского языка нормативные предписания языковой личности и система норм поведения закреплены и выражены в семантике идиом, обозначающих поведение и личностные качества субъекта. В русской ФКМ человек предстаёт как деятельное существо, выполняющее физические, интеллектуальные, социальные действия, реагирующее на внешние и внутренние воздействия. Образность фразеологизмов репрезентирует культурные коннотации, позволяющие осмыслить русский национальный менталитет. Внутренняя форма фразеологизмов отражает особое миропонимание нации: в ее образах предстает образная картина мира русского народа.

В статье предпринята попытка установить причины частотности некоторых глагольных фразеологических единиц (далее ФЕ) со значением поведения. Картотека составлена Швелидзе Н.Б. и включает корпус из 2000 глагольных ФЕ со значением поведения, составленный по данным фразеологических словарей современного русского языка, в 10000 употреблений (материалом послужила выборка из разножанровых художественных произведений русских писателей XIX-XXI веков).

Среди фразеологизмов со значением поведения повышенной частотностью обладают ФЕ с инвариантной семой ‘обманывать’. Это **вешать лапшу на уши** (25 употреблений), **водить за нос** (17 употреблений), **заговаривать зубы** (16 употреблений), **кривить душой** (20 употреблений), **обводить вокруг пальца** (15 употреблений), **пудрить мозги** (17 употреблений). Образы пяти ФЕ из данного списка базируются на основе представления о воздействии на объект посредством совершения абсурдных действий: **вешать лапшу на уши, пудрить мозги.** Воздействие на объект осуществляется за счет физических действий по отношению к органам/частям тела объекта (*нос, палец, мозги, уши, зубы*). Компоненты ФЕ **нос, палец, мозги, уши, зубы** соотносятся с телесным кодом культуры, совокупностью сте-

реотипных представлений о свойствах, действиях, пространственных измерениях тела человека и его частей, которые выступают как источник осмысления мира человеком. Названные ФЕ воплощают универсальные образы, связанные с аналогичными в европейских языках, как, например, **обводить вокруг пальца**, **водить за нос** [1, с.498].

Фразеологизмы **вешать лапшу на уши и пудрить мозги** во фразеологических словарях сопровождаются пометой «новое» [4, с.374], но при этом органично входят во фразеологический ряд с доминантой «обманывать».

Ложь и обман – постоянная составляющая человеческого бытия. Лживость является свойством социального субъекта и регулярно реализуется в процессе повседневной коммуникации. В то же время ученые утверждают, что ложь и обман – это средство защиты и реализации интересов как отдельных личностей, так и групп, народов, государств. «Человеческий мир не только создает для лжи беспристрастные возможности, но и имеет ложь одним из своих начал, нет такого вида деятельности, где бы ни встречался обман» [2,с.22]. Живя в обществе, человеку приходится поневоле использовать обман и ложь, так как окружающий мир и сам человек многогранны, их не всегда можно заключить в строгие рамки, а абсолютная правда невозможна. Ко лжи прибегают из благородных побуждений, частично утаивая правду; истинная правда часто бывает невозможна и приводит иногда к нежелательным последствиям (например, пословица *Говорить правду – терять дружбу*).

Следующие контексты с фразеологизмами со значением обмана подтверждают противоречивое отношение к феномену обмана в русскоязычном обществе и позволяют определить основные параметры восприятия лжи и отношения ко лжи, обману.

1. Плохо, если обманывают тебя. В этом случае ты жалкая личность, неспособная защититься, у тебя нет практической жилки, и ты не приспособлен к жизни в этом мире вообще, а это плохо: *« тебя **вокруг пальца обкрутят**», «вас кто угодно **вокруг пальца обведет**», «тебе просто **запудрили мозги**».*

*Прохоров проклинал себя за то, что поддался азарту погони и не предпринял даже минимальных мер предосторожности. Теперь он чувствовал себя полным идиотом, которого с легкостью **обвели вокруг пальца.*** А.Воронин. Шальные деньги.

*А Шатонеф немногого стоит. Мозги у графа жиром заплыли. **Обведет** его англичанин **вокруг пальца**.* В. Дружинин. Виктория Парижская.

2. Субъект совершает обманное действие, направленное на защиту собственных интересов и даже жизни. В этом случае обман приветствуется, общая эмотивная помета ФЕ «предосудительное» может быть заменена противоположной «одобрительное».

*До слез, до изнеможения хохотали, и он смеялся, забыв вдруг, что старшина по званию, а помня только, что **провели** немцев **за нос**, лихо провели, озорно…*

Б.Васильев. А зори здесь тихие.

*Доверчивую Смерть **вкруг пальца обернули,***

Замешкалась она, забыв махнуть косой.

Уже не догоняли нас и отставали пули…

Удастся ли умыться нам не кровью, а росой? В.Высоцкий. Пожары.

3.Обман расценивается как аморальное действие, но при этом отдается должное смекалке, ловкости субъекта, который совершает обманное действие (отметим, что смышленость и лукавство считаются как отличительными чертами русского характера). В контексте фразеологизмы, выражающие идею обмана, приобретают добавочный эмотивный смысл – иронию.

*Саша, видать, парень с головой – полгода **мозги пудрить** и ничего про себя не рассказать.* А.Кивинов. Страховочный вариант.

*Егорша потолкался с недельку в райцентре, все разнюхал, повыведывал. Тому **зубы заговорил**, этому **заговорил** – сел на райкомовскую легковуху.* Ф.Абрамов. Две зимы и три лета.

*Прежние послы получили от нее массу улыбок, немало шуточек и даже танцевали с ней до упаду, но хитрая дьяволица **обвела** всех **вокруг пальца.*** В.Пикуль. Фаворит.

4. Обман понимается традиционно как нечто плохое, недостойное, обидное, нарушающее правила общения между людьми. При подобном понимании говорящий отрицает возможность обманного действия с его стороны: *я вам мозги не пудрю, никого я за нос не вожу.* Фразеологизмы в императиве с отрицанием характеризуются семантикой причинения ущерба, нанесения вреда на образном уровне – в физическом плане, в значении ФЕ – в житейском плане.

*Еще раз убеждаюсь, что Блюминг – врун и мошенник. Никаких баксов в карманчиках не имеется, даже с лупой не увидишь. Вот так. Все норовят **обвести вокруг пальца** нашу доверчивую милицию.* А.Кивинов. Танцы на льду.

Фразеологизмы с общей идеей обмана обозначают нежелательную ситуацию, которая контролируется говорящим. В императиве с отрицанием содержится запрет или предостережение (не делай так, а то будет плохо):

*Вы насчет ног **не заговаривайте зубы**, молодой человек, – сухо сказал папаша.*

А.Бухов. Счастливый случай.

*И пусть **не пудрят** нам **мозги** всякого рода недоучки-теоретики, будто художественная интеллигенция этого делать не должна.*

«Литературная газета» 26 января-1 февраля 2005.

Обман обесценивает и отрицает ценность личности (при утаивании каких-либо сведений, важных событий, для достижения результатов в корыстных целях за счет других, вопреки желаниям других: *припудрить народу мозги, вешают лапшу на уши народу.*

*Передача становится пропагандистской. Плохо, когда зрителям постоянно **запудривают мозги.*** «Литературная газета» 25-31 января 2006.

Кроме перечисленных ФЕ для обозначения обмана в русском языке используется фразеологизм **кривить душой** со значением «поступать против совести, лицемерить, быть неискренним, намеренно говорить неправду». Компонент **душа** как орган жизнедеятельности служит аналогом сердца и средоточием чувств, эмоциональных переживаний: **кривить душой** первоначально «поступать против совести, истинных чувств, идущих от сердца». Небольшие отступления от совести в русском социуме возможны и даже приветствуются: *немного кривил душой, малость покривил душой, вряд ли сильно кривил душой, я решил покривить душой.*

*{Мурзавецкая} – Разбойник ты начисто, Вукол, как погляжу я на тебя. Вот я бедным помогаю, так для них **можно и душой покривить**, грех небольшой.*

А.Н.Островский. Волки и овцы.

В ситуации общения, которая предполагает большее нарушение межличностных отношений, чем маленькая ложь, выступают конструкции с - **не**, опровергающие подобное поведение: *и видно было, что он не дрогнет, не станет он кривить душой.*

*Перед собой Иван Тимофеевич **душой не покривил** и о честности своей не вспоминал, вещи называл подлинными именами и ясно сознавал, что срок ему светит немалый.*

А.Кивинов. Акула.

Бесконечное стремление к правде, постоянное и выходящее за грани правдоискательство – одна из ярких черт русского характера, что в свою очередь обусловлено максимализмом и широтой русской души. Частотными в нашей картотеке являются фразеологизмы-синонимы **резать правду в глаза** и **резать правду-матку** (30 употреблений в картотеке). Для русского народа правда является неоспоримой духовной ценностью, в фольклоре отмечается ее ценность, любовь к правде. В основе образа фразеологизма **резать правду в глаза** лежит метафора: речь уподобляется оружию, процесс говорения метафорически представлен как действие – *резать.* Фразеологизм **резать правду-матку** выступает как стереотип прямолинейности высказываний; правда понимается как основа христианского вероисповедания, матка (мать) с древнейших времен символизирует изначальную суть всех вещей [1, с.585,586]. Ю.С.Степанов определяет концепт *правда*, связанный с земным, изменчивым, социальным, как основополагающий концепт русской культуры: *Все минется, одна правда останется; Всякая неправда – грех* [6, с.436]. Жить по правде – это идеал поведения, который заключается в соответствии поступков требованиям долга, морали. В русских пословицах правда противостоит лжи: *Правда истомилась, лжи покорилась*. В пословицах также содержится мысль, что правда в наивном понимании может быть неудобна, а ложь – лучше: *Правда глаза колет; Люди неправдою живут, и нам не треснуть стать; Правду говорить – себе досадить* (правда может привести к нежелательным последствиям).

Фразеологизмы **резать правду-матку – резать правду в глаза** со значением «высказываться прямо, откровенно; говорить прямо, открыто правду» одобрительно трактуют поведение человека. Встречаются контексты, использующие ФЕ, с однозначным одобрением.

*- Редактор наш. Хороший мужик. Прямой, резкий, **правду-матку в глаза режет** и тем хорош.* М.Кольцов. Медвежьи услуги.

*Евдокия всегда **резала правду-матку**, всех на чистую воду выводила, но и себя никогда не щадила.* Ф.Абрамов. Дом.

*- А Ницше-то как раз, может, и грубо, но прямо **в глаза лепил правду** о природе человеческого зла. Ницше и Достоевский почти достали до гнилой утробы человечишка.*

В.Астафьев. Печальный детектив.

Как видно из этих контекстов, прямое,

правдивое поведение с долей «борения», вызванное образом фразеологизмов, оценивается положительно. В них прочитывается явное одобрение правдивости, идущей из речи третьего лица.

Говорящий также оценивает подобное свойство собственной речи положительно, даже испытывая некоторую гордость:

Напролет, как есть, всю свою жизню я одну ***правду-матку в глаза*** *добрым людям* ***режу.*** М.Шолохов. Поднятая целина.

Однако правда может приводить к нежелательным последствиям. Субъект речи, хотя и говорящий правду, вызывает жалость и выглядит в глазах окружающих неприспособленным к жизни. Оценка, содержащаяся в семантике ФЕ, дополняется ироническим компонентом:

- Такая ты баба башковитая…. Ишь, сколько романов знаешь. А чего же ты лягавым напрямки так вот правду и режешь? Закосить не можешь, что ли?

Е.Гинзбург. Крутой маршрут.

Речевое поведение, вызванное образами ФЕ **резать правду-матку, резать правду в глаза**, оценивается не только положительно. Откровенность и прямота воспринимаются окружающими как фальшивые качества, предназначенные завуалировать другие, неблаговидные помыслы. В этом случае образ фразеологизма при его восприятии соотносится с другими культурными смыслами, как «обман народа», «чиновники», «власть»; представления о происходящем в мире в совокупности с позицией носителя языка порождают негативный ценностно-эмотивный тип информации:

В 1989 году народные избранники поднимались на самую высшую государственную трибуну и на всю страну ***резали правду-матку.*** В.Чарушников. Гибель великой державы.

Таким образом, оппозиция *правда* и *ложь,* выстраиваемая образами ФЕ, в речи может утратить свою антонимичность. Правда и ложь предстают не противопоставленными, а только соотносятся. Оценка существенных для народа концептов неоднозначна; в наивной картине мира понятия «правда» и «ложь» смешиваются, а ложь может оправдываться.

Частотными в нашей картотеке являются фразеологизмы **пропускать мимо ушей** в значении «совершенно не реагировать на то, что говорится» (21 употреблений) и **смотреть сквозь пальцы** в значении «игнорировать что-либо, намеренно не обращать внимания» (25 употреблений).

Образ ФЕ **пропускать мимо ушей** восходит к архетипическому противопоставлению «свой – чужой». Совокупность компонентов *пропускать/мимо* принадлежат к сочетанию антропного кода культуры и пространственного; компонент *уши принадлежит телесному коду культуры.* Образ ФЕ построен на отрицании проникновения чего-либо чужого в «свое» внутреннее пространство [1, с.568].

Образ ФЕ **смотреть сквозь пальцы** восходит к архетипическому противопоставлению «закрытый – открытый», а также к противопоставлению «тайный – явный». Компонент ФЕ *пальцы* связан с телесным кодом культуры; компонент *смотреть* – с антропным кодом, в сочетании с предлогом *сквозь* – с пространственным кодом культуры [1, с.644]. Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о снисходительности или попустительстве, выражающемся в нежелании видеть очевидное [1, с.643].

Фразеологизм **пропускать мимо ушей** относится к личной сфере человека. Субъект не хочет слышать (или не обращает внимания на) известия, неважные для него, неприятные для него из-за невнимательности, рассеянности, нежелания реагировать. Субъект может **пропустить мимо ушей** нелицеприятные сведения о третьем лице также из-за нежелания слышать о нем плохое. Субъект **пропускает мимо ушей** сведения, касающиеся его самого, с тем, чтобы не нарушать собственного душевного комфорта.

Дивился Евграф таким новостям, не успевал вникать. Про дом Роговых и вовсе ***пропустил мимо ушей****.* В.Белов. Час шестый. – невнимательность;

Но спрашивать об этом верного стража закона Чернаков не стал. Сделал вид, что ***пропустил*** *реплику* ***мимо ушей.*** А.Кивинов. Трудно быть мачо. – нежелание отвечать;

Шайка ***пропустила*** *эту неприятность* ***мимо ушей*** *и энергичнейшим образом принялась за дела, руководимая Мольером и Бейсом, а по финансовой части – Мадленой.*

М.Булгаков. Жизнь господина де Мольера. – нежелание душевного дискомфорта.

Фразеологизм **смотреть сквозь пальцы** более связан с социальным аспектом поведения индивидуума. Поведенческие нормы включают в себя правовые, морально-этические нормы, разного рода социальные правила, нормативы. Сознательно не заметить, не обратить внимания на какое-либо общественное нарушение может субъект, облеченный властью, начальник. Объект поведения – то, что нарушается - может быть

связан с денежной сферой, мелкими правонарушениями, манерами, обликом нарушителя, незначительное или значительное отступление от правовых норм, реже – нарушение моральных норм в личной сфере. Частотность данной ФЕ манифестирует таким образом отношение русскоязычного социума к власти (косвенно), к социальным нормам и подтверждает неустойчивость социальных норм, их вариативность. Отступления от нормы, закрепленные в семантике фразеологизма, обществом оцениваются положительно, что подтверждают контексты. Если рассматривать поведение как деятельность людей с учетом ценностного отношения к другим людям, то антинорма, запечатленная в образе ФЕ **смотреть сквозь пальцы**, с точки зрения добра и зла, будет справедливее нормы.

Женский барак стоит вне зоны, охраняется только одним дежурным вохровцем, который ***смотрит сквозь пальцы****, если бабенки пойдут в вольный поселок постирать, полы вымыть, - одним словом – подработать.* Е.Гинзбург. Крутой маршрут.

Начальство хоть и не почитало его за дурной язык, за грубые манеры, однако не утесняло особо, ***сквозь пальцы глядело*** *на то, что зав на совхозной ферме ежегодно выкармливал пару добрых кабанчиков.* В.Астафьев. Царь-рыба.

Сама Екатерина II прекрасно знала, что закон этот исполняться не будет. Более того: она ***смотрела*** *на взяточничество* ***сквозь пальцы****.* Ю.Лотман. Беседы о русской культуре.

Офицеры шли не в рядах – вольность, на которую высшее начальство ***смотрело*** *в походе* ***сквозь пальцы****.* А.Куприн. Ночлег.

Он махнул рукой и теперь ***смотрел*** *на романы своей ветреной супруги* ***сквозь пальцы****.*

А.Чехов. Месть.

Фразеологизмы **пропускать мимо ушей** и **смотреть сквозь пальцы** своим содержанием коррелируют со словом *ничего* в значениях «все образуется», «все пройдет», «ничего неприятного», «ничего не поделаешь», как форма утешения, ободрения собеседника, как самоутешение, в значении «несущественно, пустяк, полбеды» в функции обстоятельства. Мотивирующая связь семантики фразеологизмов с некоторыми из значений, присущих слову, очевидна. «Ничего – это средство, к которому прибегает русский в духовных и телесных недугах, в лишениях и бедствиях» [5, с.337].

О беспредельной терпимости и толерантности как свойствах русской души, отчасти закрепленных в семантике рассматриваемых фразеологизмах и слове *ничего,* высказывался писатель С.Цвейг, разглядевший именно те смыслы, которые определяют национальный характер русских: «Ибо великая сила и опасная слабость этого народа заключается прежде всего в его чудовищной способности ждать, в непостижимом для нас терпении, таком же огромном, как русская земля. Это терпение пережило века, оно одолело Наполеона и царскую власть…. Ни один европейский народ не вынес бы то, что вытерпел этот, вот уже тысячу лет привыкший страдать и терпеть, пожалуй, счастливый своей горькой судьбой: пять лет войны, затем две-три революции, потом кровавая гражданская война на севере, юге, востоке и западе одновременно и, наконец, еще жестокий голод, жилищный кризис, экономическая блокада, отчуждение частной собственности – совокупность страданий и мученичества. Все это Россия смогла вынести лишь благодаря присущей этому народу черте характера – пассивности, благодаря таинственной способности беспредельно страдать, благодаря одновременно ироническому и героическому Nitshewo («Es maght nichts»), благодаря этому стойкому, упорному и в глубине своей религиозному терпению, этой первобытной и ни с чем не сравнимой силе» [7, с.260].

Способы выражения культурно-национальной специфики во фразеологии выявляются при исследовании динамики фразеологических систем. Видоизменения фразеологических единиц в разнообразных дискурсах отражает взаимодействие постоянной и переменной составляющей языковой картины мира личности и социума в пределах исторической эпохи [3,с.63]. Динамика исследуемых фразеологизмов прослеживается при наблюдении над их структурно-семантическими преобразованиями. Были выявлены следующие структурно-семантические преобразования, связанные с изменением лексического состава, грамматической формы: 1. Фразеологическая инверсия – ***душой покривить***; 2. Порядок расположения компонентов – контактный и дистантный; 3. Усечение компонента – ***вешали лапшу***; 4. Конверсия ситуации – ***развешивать на уши лапшу – получать обратную лапшу на собственные уши***; 5.Переход утвердительной формы в отрицательную – ***мозги не пудрю***; 6. Полная деформация (отдельные компоненты ФЕ употребляются в качестве смысловых центров сочетаний, отличающихся структурой и составом компонентов от исходной ФЕ) – *взрос-*

лым хватало своей ***пудры для мозгов***; 7. Вычленение компонента – ***кусок правды-матки***.

Среди семантических преобразований характерны приемы двойной актуализации значения, буквализации значения ФЕ, развернутая метафора (*нагнал еще целый* ***косяк правд-маток).***

Подводя итоги анализа отдельных единиц со значением поведения, отличающихся частотностью, можно отметить следующее. Все рассмотренные ФЕ связаны с древними кодами культуры: телесным, пространственным, антропным. Это – одна из причин частотности данных ФЕ. Фразеологизмы с идеей обмана и фразеологизмы, обозначающие открытое, правдивое поведение, выявляют неоднозначное и противоречивое отношение к проявлению подобного поведения в социуме, что также является причиной частотности ФЕ. Можно сделать вывод о дуальном характере фрагмента фразеологической картины мира. Он складывается из противопоставлений, которые могут сопоставляться и уподобляться. Частотны фразеологизмы, отражающие такие качества национального характера, как терпимость, снисходительность, безусловно одобряемых социумом.

Рассмотренные единицы обладают яркой образностью. Глагольный компонент ФЕ выражен бытовым глаголом, компонент-существительное представлен соматизмом или наименованием бытового предмета. Преобразования фразеологизмов говорят об их креативных возможностях, расширении границ ФЕ, актуализации значений и тем самым свидетельствуют о важности для носителей языка образов, лежащих в основе фразеологизмов.

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н.Телия. М.: АСТ -ПРЕСС - Книга, 2010. 784 с.

2. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.:РЭЙ, 1994. 120 с.

3. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. .Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно-маркированной семантикой в системе русской речи //Фразеология в контексте культуры. М: Языки русской культуры, 1999. С.63-68.

4. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь /под ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: Астрель - АСТ - Люкс, 2005. 926 с.

5. Пфандль Х. Русское слово ничего за границей // Грани слова. Сб. научн. статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М.:ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. С.333-341.

6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

7. Цвейг С. Поездка в Россию // Нева. 1992. № 7. С.258-278.

Об авторе

Швелидзе Нина Бидзиновна – доктор филологических наук, доцент кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства, Пятигорский государственный лингвистический университет, sh-nina@yandex.ru

УДК 808

СТИЛЬ И ПАФОС В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (ВЫСТУПЛЕНИЕ Н. Я. МАРРА В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 9 ИЮНЯ 1920 ГОДА)

Юртаева Т. С.

В статье рассматривается проблема стиля и пафоса в научном дискурсе. На материале научного доклада Н. Я. Марра «Яфетический Кавказ и третий Этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» проведено исследование лингво-риторических элементов аргументации, отвечающих за убедительность и эффективность данной речи. В результате анализа выявлены некоторые особенности индивидуального стиля научной аргументации.
Ключевые слова: стиль, пафос, научный дискурс, риторическая критика, Марр.

STYLE AND PATHOS IN SCIENTIFIC DISCOURSE (ON THE BASIS OF SPEECHES N. JA. MARR IN THE RUSSIAN ACADEMY OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE, 9 JUNE 1920)

Yurtaeva T. S.

This article is aimed at considering the problem of style and pathos in scientific discourse. On the basis of scientific report by N. Ja. Marr «The Japhetic Caucasus and the third ethnic element in the creation of Mediterranean culture» research of the lingvo-rhetorical elements of the argumentation which are responsible for persuasiveness and efficiency of this speech is conducted. As a result of the analysis some features of individual style of the scientific argumentation are revealed.
Keywords: style, pathos, scientific discourse, rhetorical criticism, Marr.

В традиционном понимании стиль научного текста выражается в установке на поиск истины и следование законам логики. Среди основных черт научного стиля выделяют соблюдение формальных требований, вызванных предметом речи, обоснованность и использование специальной терминологии. Научной аргументации свойственна строгость изложения. К ней предъявляется требование ясности, нарушение которой проявляется в языковых ошибках (повтор, тавтология, многословность, двусмысленность, неточность в употреблении слов и др.).

Интересно, что некоторые ученые, изучающие вопрос аргументации в науке, считают, что выбор аргумента зависит от самой науки. В зарубежной лингвистике существует мнение, что различие между гуманитарными и социальными науками порождает разногласия относительно научного метода. Так, например, Джон Лайн (John Lyne) считает, что в формировании аргументов необходимо принимать во внимание роль и функции самой дисциплины. Аргумент в гуманитарных науках может быть основан на качественных данных, полученных из наблюдения, на исторических материалах письменного и устного слова, или на количественных данных.

Принято считать, что основным средством эффективности научного текста является его последовательная аргументация и обоснованность вводимых тезисов. Истинность новых положений в научном тексте подтверждается через их верификацию. Это является основным признаком стиля научной аргументации. Однако понятие эффективности текста напрямую связано с восприятием и эмоциональным воздействием. Использование в научном тексте экспрессивно окрашенной лексики в качестве приема может быть оправдано наличием у автора определенного намерения. Поэтому для научного текста, как и для любого жанра словесности, возможны индивидуальные стили аргументации.

В отличие от анализа дискурса, предметом исследования риторической критики может стать один текст одного автора. Условие такого выбора должно быть обусловлено значимостью данного произведения в историческом, культурном или политическом контекстах. Именно на примере такого текста мы будем рассматривать индивидуальный стиль его аргументации.

История отечественного языкознания помнит о необычайно ярком и противоречивом ученом – Николае Яковлевиче Марре, который в свое время приобрел огромную популярность в научном мире. Труды Марра, в большинстве случаев, представляют собой пример успешных с риторической точки зрения доказательств, которые были построены с нарушением логики.

Доклад «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» (одна из ключевых работ Н. Я. Марра) имел «принципиальное значение для разъяснения позиций и основных идей академика» [Селиванов: 474] и во многом определил дальнейшую работу Академии наук по изучению яфетических языков.

О его значении Марр напишет в автобиографии (1927 г.): «Академия Наук СССР, идя навстречу моему обращению, основала Яфетический институт для работ над соответственно широко поставленными нами задачами» [Марр: 12].

Стиль аргументации конкретного текста, или индивидуальный стиль аргументации, отображает основные черты авторского стиля. Однако необходимо добавить, что за каждым текстом стоит индивидуальный замысел, реализованный с помощью этого текста. Именно за авторский замысел конкретного произведения отвечает индивидуальный стиль аргументации.

На первый взгляд, наиболее естественным для научного изложения является отождествление авторского замысла и основной тезы произведения. Согласимся с тем, что любой жанр научной прозы – будь то курсовая работа или доклад на конференции – строится в соответствии с обоснованием авторской теории, т.е. все средства убеждения в тексте должны быть направлены на логическую составляющую аргументации. Однако не все научные сочинения строятся таким образом, и наш пример тому доказательство. Помимо основного замысла, совпадающего с основной тезой текста, в научной прозе (как и в любой другой) может существовать замысел скрытый, неявный, зачастую не эксплицированный в самом тексте. Таким скрытым замыслом в научном дискурсе может быть, например, дискредитация теории оппонентов.

В ходе анализа научного доклада Н. Я. Марра мы встречаемся с различного рода обвинениями в адрес индоевропейской лингвистики: *«Несмотря на громадные успехи в своей области … в занимающей нас проблеме, проблеме о процессе развития мировой культуры лингвистический индоевропеизм оказался роковым орудием, мертвящим тормозом»* [Марр: 93]. Характерно, что в логике общего доказательства такие суждения часто оценочные и не имеют логической силы. Казалось бы, присутствие или отсутствие этого тематического блока в данном доказательстве не должно сказываться на эффективности аргументации. Однако в условиях исторического контекста оппозиция «западному» научному миру может служить дополнительной поддержкой в доказательстве и представлять собой самостоятельную альтернативу индоевропейскому сравнительному языкознанию.

Основной авторский замысел в разбираемом нами докладе эксплицирован – это необходимость основания отдельного института по изучению яфетических языков. Т.е. в действительности, мы сталкиваемся с весьма редким научный текстом, где аргументация имеет два явных центра: 1) собственно научная теория с доказательством существования третьего этнического элемента и 2) вопрос реорганизации данного научного сообщества.

Доказательство основной теории в этом докладе является спорным и не отвечающим требованиям научного текста. Поэтому смещение аргументации в сторону его практической задачи, реализации замысла, оказалось выигрышным.

Мы можем заглянуть в прошлое, которое в момент выступления было для всех только будущим. Это дает нам возможность оценить последствия этой речи: замысел оратора реализовался, результатом выступления стало основание Яфетического института в 1921 году.

В своей аргументации Марр использовал средства эмоционального воздействия, т.е. риторические эмоции. Как представляется, именно искусная манипуляция риторическими эмоциями сделала этот доклад эффективным.

Неудивительно, что тексты Марра в свое время получают большую известность среди его последователей и учеников. Несмотря на бездоказательность авторской гипотезы о существовании третьего этнического элемента, личный биограф Марра, В. А. Миханкова, так оценила доклад «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры»: «В форме постановки вопроса, в намеках – почти вся тематика работ Марра последующего периода его жизни… [Этот доклад] переворачивает все наличные в то время положения яфетической теории… Трудно изложить кратко всё богатство содержания этого доклада. Один из самых ярких докладов…» [Миханкова: 276-280].

Действительно, этот доклад является источником того «объединенного текста», или парадигмотекста, о котором говорит один из современных исследователей работ Марра, С. В. Сухов. Поворот в научном яфетическом мире осуществился благодаря идеям, высказанным в этом докладе. Именно они стали основой для многих работ по яфетическому языкознанию.

Немаловажную роль в эффективности речи сыграло вступление, а в печатном варианте – отдельное предисловие к докладу. Не столь важно содержание предисловия для основной тезы или замысла, сколько важна та эмоция, которую формирует автор. Зачастую то благосклонное впечатление, то отношение к предмету, которое создаст оратор в первые моменты

своего выступления, и определяет в дальнейшем общий настрой аудитории.

Свое предисловие и вступление к докладу Марр строит по законам эпидейктической речи, пафос которой – «благодушное отношение к объекту речи» [Смолененкова: 119]. Демонстрируются основные ораторские нравы – *честность, скромность, доброжелательность и предусмотрительность* [Волков: 178-197]. Устанавливается доверие между оратором и аудиторией, которое возникает из апеллирования к системе ценностей аудитории, а также из демонстрации компетентности автора в данной области знаний.

Рассмотрим подробнее те фрагменты содержания предисловия, которые направлены на создание положительного образа автора. Автор *честно* сообщает о «*недочетах доклада*», которые произошли из-за отсутствия дополнительных материалов в виду «*сложных условий выезда, со спешностью в настоящем и неизвестностью в предстоящем*». Выражается сожаление по поводу «*обнародования работы*» с такими «*дефектами*».

Как известно, это предисловие было написано уже после того, как был произнесен научный доклад. А это значит, что автору была известна первоначальная реакция на текст и, возможно, предисловие выполняло дополнительную задачу убеждения для наилучшего восприятия печатного издания доклада.

Сожаление у автора также вызывает и «*неподготовленный*» читатель. В одном абзаце возникает ряд фраз с назидательными формулировками: «*с точки зрения правильного восприятия наших положений*» и «*делу правильного усвоения*». Возможно, ученому такого масштаба действительно приходилось иметь дело с недопониманием его теории.

Не может оставить равнодушным дружеский тон автора, повествующий о сложностях перемещений ради исследований. Он благодарит и своих коллег, и друзей, и немецкую фирму, напечатавшую данную работу, и лиц, содействующих его труду, дающих «*возможность спокойно вести научные работы*». Мы можем увидеть определенную имплицитную информацию в этом – у правого дела всегда найдутся друзья и помощники.

Вся ткань марровских фраз состоит из множества отсылок к различным видам его деятельности. Эта особенность авторского стиля сохраняется и в научном докладе. Замечания лингвистического плана переплетены с археологическими открытиями, организационными задачами института, общими суждениями о нравах и обычаях древних народов, мифологией и древними преданиями. Как нам кажется, авторские отступления в этом докладе, посвященном лингвистическому обоснованию теории, решают определенную риторическую задачу – вольно или невольно у слушателя возникает ощущение неограниченной эрудированности автора.

Следует отметить, что стиль автора меняется на протяжении трех страниц предисловия – от дружеского разговора-беседы до патетического многословия. Само слово «*яфетический*» всегда произносится автором в маркированно позитивном контексте. Приведем самые яркие примеры тропов: «*материальный тыл яфетического культурного мира*», «*родные члены яфетической лингвистической семьи*», о яфетической природе греческого и латинского языков – «*в них лежит морфологически зиждительно, психологически творя по наследию и усвоению…*». И конечно, нельзя не оставить без внимания целый пласт «археологических» метафор, который сопутствует всему тексту доклада. О лингвистических материалах говорится как о «*сырье*», «*залежах*», «*добыче*»; неправильный подход к научному вопросу выражен замысловато изощренной фигурой речи – «*сизифов труд по прорубанию ворот в непроницаемой скале*» [Марр: 82].

Важную роль в формировании эмоций играет модальность речи. Если рассмотреть повествовательные высказывания автора, то мы обнаружим интересную деталь эмоциональной аргументации. Почти все положения в этом докладе насыщены вводными словами: *вам уже известно; как то все мы знаем и как то знает история; отныне вернее будет сказать; предполагается; ведь, в порядке вещей; можно ожидать; понятно, что* и др. Этот ряд можно продолжить и неопределенно-личными и определенно-личными предложениями, которые придают тексту оттенок назидательности и эпичности: *Человек замечает и видит то, что он знает, а ученые, тоже люди./ Ничто само по себе не подвержено гибели, ничто не погибало./ Ведь и истина высекается не из ученого, а из материалов./ Слово сказано, но дело не сделано, да и слово не досказано…* Подобные конструкции наряду с вводными словами, указывающими на всеобщность знания о сказанном, оказывают сильное эмоциональное воздействие на реципиента – они внушают универсальный характер предмета речи. Слушатель вовлекается в своего рода научный сказ или даже сказку.

Помимо вопросительных предложений, которые являются риторическими вопросами

(утверждениями в форме вопроса), в этом тексте представлен ряд вопросов, побуждающих слушателей к действию. Приведем в качестве примера один фрагмент текста, имеющий большое значение для конечного замысла речи: *«Не думают ли мои коллеги, что разряда Академии Истории Материальной Культуры «Кавказ и яфетический мир» достаточно, чтобы справиться с такой обширной проблемой, в каком бы ни было скромном сечении или отрезке?»* [Марр: 122]. Разложим этот вопрос на составные элементы: намеренное умаление собственных возможностей, иллюстрация необъятной перспективы дальнейшей работы. Здесь выражено явное неудовлетворение автором настоящего состояния организации работы по яфетическому языкознанию. Он уверен в том, что этой работы недостаточно и убеждает в этом собеседников (коллег).

Замысел организации отдельного Яфетического института прослеживается на протяжении всего текста. Главным типом высказывания таких суждений станет побуждение с модальным компонентом «надо».

Какие же еще эмоции формируют речевые средства этого доклада? Сам предмет речи говорит нам о желании автора привлечь аудиторию. Так, эмоция любопытства вызвана новым содержанием речи и обещанием усложнения темы. Вот пример из текста, где Марр указывает на смену направления своего научного метода: *«Для ученого в моем возрасте и положении, ведь, в порядке вещей, сугубо надлежит твердо отстаивать то и неизменно держаться того, что он давно открыл или усвоил и что он защищал и укреплял десятки лет. В этом смысле мой сегодняшний доклад может вызвать разочарование»* [Марр: 83].

Конечно, для научного доклада не характерно образное построение речи, но этот текст представляет собой синтез научного, делового и публицистического стиля. Обилие метафор, эпитетов, сравнений, аллегорий и других выразительных средств, а также наличие разнообразных фигур речи заставляют нас признать особенность марровского стиля, который можно было бы назвать и псевдо-научным и витиеватым. Приведем один из самых ярких (по образности) фрагментов текста: *«Как ни древен старый мир, как ни проникнуты и сами члены этого старого европейского мира потребностью жить молодостью и творить, естественным стремлением обновить себя, т.е., если не свою природу, то, во всяком случае, свое традиционное понимание мировой общественности, но переместить очаг возникновения европейской культуры, мировой, в далекие страны до сих пор не удавалось и как будто никогда и не удастся»* [Марр: 88].

В этом фрагменте мы также встречаемся с одним из ключевых образов-метафор, которые в процессе развития аргументации создают дополнительные ассоциативные связи. Это вполне нейтральное по своему значению сочетание *«очаг европейской культуры»*. Под «очагом» здесь воспринимается и место зарождения европейской культуры, и то, что является источником тепла, развития, укрепления. Рассмотрим метафору *«очаг европейской культуры»* с точки зрения ее коннотативного содержания. Очаг отсылает нас к идее дома как к чему-то родному и теплому, это то место, вокруг которого собирается семья. Можно предположить, что это содержание могло бы вызвать чувственное удовольствие у слушателя или читателя.

Финальная речевая эмоция – восторг и желание действовать – соотносится с замыслом речи.

Как мы понимаем, за такой удивительной образностью, вызывающей восхищение, нередко скрывается самое бедное по логической аргументации содержание. Но тот факт, что в свое время главой советского языкознания был признан именно Марр, говорит нам о силе его ораторского воздействия.

Образ, который сумел создать Марр в своих предшествующих выступлениях и работах, непосредственно воздействовал на ожидания аудитории. Это образ гениального ученого, оперирующего смелыми гипотезами. Так как этот текст изобилует такого рода гипотезами, образ Марра поддерживается, а значит, аудитории представился очередной случай убедиться в несокрушимости яфетического языкознания во главе с ученым-гением.

Помимо успешного образа оратора, немаловажную роль в реализации замысла текста сыграл индивидуальный стиль аргументации. Опираясь на психологические установки, риторический подход сближает понятия истинности аргументации и ее эффективности. На примере доклада Н.Я. Марра мы обнаружили, что в научном тексте эмоциональная аргументация, или его пафос, может быть действеннее рациональной. Таким образом, отклонение аргументации в сторону пафоса – это один из возможных признаков индивидуального стиля научной аргументации.

Список литературы

1. Волков А. А. Теория риторической аргументации. М.: Изд-во Моск.ун-та, 2009. 398 с.
2. Марр Н. Я. Избранные работы. - Л.: Государственная академия истории материальной культуры, 1933. Т.1. Этапы развития яфетической теории. С. 6-13, 79-124.
3. Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М-Л, 1949, изд.3, испр. и доп. 554 с.
4. Селиванов В. В. В. И. Иванов и Н. Я. Марр в жизни и творческой судьбе К. М. Колобовой (часть II) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб. статей. Вып. 6. СПб., 2007. С. 473-510.
5. Смолененкова В. В Основы риторической критики. Учебное пособие для студентов гуманитарных специальностей. М.МАКС Пресс, 2012. 188 с.
6. Сухов С. В. Изучение структурных особенностей текстов Н. Я. Марра как средство их демифологизации // Соврем. гуманит. исслед. М., 2009. № 4. С. 106-110.
7. John Lyne Argument in the human sciences // Perspectives on argumentation… Pp. 178-189.

Об авторе

Юртаева Татьяна Сергеевна – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, korzinova_tanja@mail.ru.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.1

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Лапина О.А., Ильясова И.С., Чехова М.А.

В статье раскрыта актуальность развития экологической компетентности у студентов вуза через призму социально-педагогических аспектов. Анализируются произведения писателей с экологической тематикой, значение экологического воспитания в вузе через современные подходы в экологическом образовании.
Ключевые слова: экологическая компетентность, экологическое воспитание, экологическая ответственность, подходы в экологическом образовании, решение экологических проблем.

SOCIAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF ECOLOGICAL COMPETENCE OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Lapina O.A., Ilyasova I.S., Chekhova M.A.

In article relevance of development of ecological competence in students of higher education institution through a prism of social and pedagogical aspects is opened. Works of writers with ecological subject, value of ecological education in higher education institution through modern approaches in ecological education are analyzed.
Keywords: ecological competence of students of higher education institution, ecological education, ecological responsibility, approaches of ecological education, the solution of environmental problems.

Решение экологических проблем стало общемировой задачей, так как от этого зависит не только выживание человека, но и благополучие всего живого на Земле. Проблема экоантропоцентризма напрямую зависит от выделения, как минимум, двух направлений: технического прогресса, тесно связанного с социально-экономическим развитием общества, с уровнем развития нравственных и духовных потребностей человека и культуры природопользования, антропогенным воздействием на природу.

По современным мировым стандартам производство благ не должно обеспечиваться в ущерб природным ресурсам. Однако практика природопользования показывает, что уровень культуры взаимодействия человека с природой остается крайне низким. Свидетельством этому является не только постоянно растущий показатель загрязнения городов, зачастую превышающий предельно допустимые нормы воздуха, почвы и водных ресурсов, неразумное накапливание отходов жизнедеятельности человека, но и исчезновение лесов, рек, родников, изменение климата и исчезновение привычной эндемики.

Все это актуализирует поиск и обоснование интегративных характеристик, определяющих место экологического сознания в жизни человека. В средствах массовой информации, литературе (научной и художественно-фантастической) не раз широко и остро поднимался вопрос о сохранении биоценоза земли для выживания людей, о том, что проблема человека и природы нераздельны.

К примеру, В.Г. Распутин не раз в своих статьях и художественных произведениях писал, что «говорить сегодня об экологии – это значит говорить не об изменении жизни, а о её спасении, о разумном сбережении. Природа – единый разумный творец» [1, с.94], «не ею ли и крепится наше благоразумие и благосостояние?!» [1, с.99]. «Природа сама по себе всегда нравственна, безнравственной ее может сделать лишь человек»... Он с тревогой поднимал вопрос о таком явлении, как привыкание к опасности, когда человек не замечает, насколько серьёзна сложившаяся ситуация с Волгой, Байкалом, Аралом. Кажется, побеждено всё, что можно было, даже будущее человечества... «Теперь Байкал стал символом наших отношений с природой...» [там же]. Его повесть «Прощание с Матерой» будто бы о победе гидросооружения: уничтожены пахотные земли, стерты с лица земли деревни, затоплены могилы... И в то же время – это роман о сопротивлении природы человеку.

В произведениях Л.М. Леонова «Русский лес», С.П. Залыгина «Экологический роман», В.П.Астафьева «Царь-рыба», Ч.Т. Айтматова «Плаха», Б.Ф. Лапина «Ничьи дети», К.Н. Балкова «Куда подевалось небо» и многих других сквозит тревога о том, к чему ведет браконьерство и бездумное транжирство, о том, что природа всегда была другом человека в болезни (целительная

сила природы) и в радости. Главное при этом – не стараться быть хозяином природы, а быть рачительным защитником и умным преобразователем (Д.С. Лихачев).

Современного человека не стоит убеждать, что экология, экономика, культура в целом как жизненный и социокультурный процесс, связаны между собой и зависят напрямую от человека, от уровня его сознания и компетентности в любой жизненной сфере и деятельности. Именно поэтому считается, что «экология в настоящее время из строго биологической науки превратилась в значительную область «экоантропоцентрической социологии» [2, с.9]. Включая в себя разделы биологии, химии, физики, географии, геологии, социологии, теории культуры, экономики, экология позволяет говорить о ее междисциплинарности, о значении в жизни каждого человека, о ее роли в развитии культурного гражданина. Это существенно меняет не только отношение, способы изучения социальных, психологических и педагогических процессов, но и политических интересов при выработке управленческих решений [3, с. 201]. Не случайно год 2017 назван Годом Экологии - важно, чтобы это направление не превратилось в очередную кампанию, а стало стабильным и результативным поиском эффективных форм защиты природы и человека.

В связи с этим экология как наука должна находиться на приоритетном месте в современном образовании, отвечать на социальный заказ общества, включать молодое поколение в разрешение экологических проблем вне зависимости от их специализации.

Проблема развития экологических знаний и умений, экологической компетентности, ответственности и экологической деятельности студентов высших учебных заведений стала предметом исследований таких ученых, как Е.Л. Базаров, И.С.Ильясова, Е.Б. Плохотнюк, Г.В. Сороковых, Г.М. Суворова и др. [4, 5, 6, 7, 8]. Авторы подчеркивают значение формирования у будущего специалиста грамотного, экоантропоцентрического отношения к природе. Отмечают значение неблагоприятной экологической ситуации в мире и необходимость решения проблем, возникших по вине человека.

Но анализ практики показывает, что вопросу изучения дисциплины «Экология» на современном этапе не уделяется должного внимания ни в общем, ни в профессиональном образовании. Наше исследование подтверждает, что изучение экологии в рамках различных дисциплин не решает задач подготовки экологически ответственного специалиста. Это обусловлено тем, что изучение дисциплины «Экология» в непрофильном вузе рассчитано всего на один семестр, что не дает возможности в достаточной мере раскрыть даже региональные проблемы, не говоря уже о глобальных.

Кроме этого, если подходить серьезно к проблеме экологической грамотности, то нужна новая модель педагога, способного развивать личность в контексте представления об экологической культуре природопользования с учетом реальной экологической обстановки, интересов производства, а также с учетом безопасности природного мира.

В развитии этого направления свои подходы выдвигают ряд авторов. Так, вызывает интерес работа Е.Б. Плохотнюк, посвященная формированию экологической ответственности у студентов высших учебных заведений [6, с.4].

Автор дает такое определение данной категории: это интегральное, интерактивное, этическое и профессионально значимое качество личности, проявляющееся в свободном выборе позитивной (полезной в отношении человека, общества и природы), экологически целесообразной, безопасной и компетентной деятельности будущего специалиста в системе «человек – общество – природа», направленной как на его самосохранение и самореализацию, так и на достижение стратегической установки перехода человечества и биосферы Земли к устойчивой коэволюции [6, с.4].

В качестве основных подходов в экологическом образовании, автором выделены:

- общенаучный – подход основан на принципах гуманизма, изучении наук с рассмотрением экологических вопросов, а также интеграции гуманитарных и естественнонаучных знаний;

- содержательно-информационный – обеспечивает формирование у студентов системы экологических знаний, ценностей, убеждений о закономерностях и законах природы, о месте человека в экосистеме, о стратегии устойчивого развития для выживания всего человечества, о направлениях и путях развития в технике и экономике, о достижении экологического равновесия в природе между миром люде и природным миром;

- деятельностный подход предполагает развитие у будущих специалистов готовности, навыков и опыта взаимодействия с природой,

формирует социально-экологическую активность, что безусловно влияет и на личностную позицию будущего гражданина, принимающего решения в повседневной жизни.

Делая вывод о важности формирования экологической ответственности, Е.Б. Плохотнюк выделяет личную и общественную ответственность, определяя их ведущими факторами перехода к устойчивому развитию экологической культуры [6].

По мнению А.Ю. Борисенко, ответственность за поведение на природе является основным критерием сформированной личностной экологической позиции, наряду с инициативой и творчеством в деле охраны и улучшении качества среды и способностью к автономному, экологически целесообразному поведению на природе в различных жизненных обстоятельствах [9, с. 6].

Итак, формированию экологической ответственности многие авторы уделяют особое внимание, отмечая ее первостепенное значение в экообразовании. Наличие же экологической ответственности, осознание ценности природы, нравственное отношение к ней, проявление любви к природе могут стать показателем уровня компетентности специалиста.

Экологическую компетентность исследователи рассматривают с нескольких позиций. Так, Г. П. Сикорская и М. В. Полякова [10, с. 15] под экологической компетентностью понимают одну из специфических характеристик личности: способность находить разрешение любых проблем, в том числе, и экологических.

Игнатов С.Б. «экологическую компетентность» рассматривает как значимое звено в системе оценивания результатов образования и самообразования, самосовершенствования, творческого отношения к делу [11, с. 29].

Экологическая компетентность, с точки зрения Гагарина А.В. [12, с. 49], – это способность к интеграции знаний, умений и навыков в сфере экологии, это знания и умения применять разнообразные способы сбережения природы в практической деятельности, это готовность человека к экологической деятельности. Здесь важен и опыт по сохранению окружающей среды, а также знания в области решения экологических проблем.

Изучение сущности экологической компетентности специалистов дает возможность трактовать ее как характеристику личности, основанную на знаниях и умениях, применяемых в экологических аспектах, также основанной на нравственном отношении к природе. Экологическая компетентность является частью не только профессиональной компетентности специалиста самого различного профиля, но и гражданской компетентностью человека, важным пунктом его социальной адаптации в экологически изменяющейся среде.

Мы исходим из того, что формирование экологической компетентности студентов вуза основывается на принципе непрерывности образования и воспитания в образовательной организации, принципе последовательности и постепенном включении учащихся в деятельность по защите окружающей среды. Здесь не маловажное значение будет отдано приобретению опыта участия в практических делах по сохранению природы, улучшению состояния окружающей среды.

Актуальными остаются и вопросы развития экологически значимых личностных качеств, таких, как гуманность, эмпатийность, бережливость, ответственность за результаты своей экологической деятельности [13, с. 37].

По нашему мнению, важным фактором, влияющим на формирование экологической компетентности в вузе, является освещение нескольких наиболее важных моментов: это изучение социально-экономических условий жизнедеятельности людей; рассмотрение экологической ситуации в регионе и стране с опорой на факты, фильмы о природе, видеоматериал экологической тематики, в том числе, из средств массовой информации. Экологическая компетентность предполагает развитие интересов и потребностей студентов в деятельности по защите природы, готовности устанавливать межличностные партнерские отношения с целью успешности эколого-защитных действий, практический опыт экологической деятельности студентов через акции по бережному отношению к природе, умения выбирать модель поведения в эколого-защитной деятельности в соответствии с ситуацией.

Итак, рассматривая социально-педагогические аспекты экологического образования, стоит отметить, что оно (экологическое образование) в настоящее время стало частью общего образования. Экология, входящая в блок гуманитарных наук, выполняет воспитательную, развивающую и обучающую функции в задаче развития экологической компетентности будущего специалиста, и, как следствие, в развитии глобального мышления, высокого уровня экологической грамотности и ответственности.

Список литературы

1. Распутин В.Г. Что в слове, что за словом?: Очерки, интервью, рецензии. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. 336 с.

2. Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая и семиосоциопсихологическая парадигмы для интеграции социогуманитарного научного знания в исследовательскую, социально-диагностичеакую и социально-проектную практику // Мир психологии: Научно-методический журнал №2 (22) апрель-июнь, 2000. М.: Московский психолого-социальный институт НПО «МОДЭК», Москва-Воронеж, 2000.

3. Харченко С.А. Взаимодействие студентов вуза и внешних партнеров в рамках локального образовательного кластера // Вектор науки Тольяттинского государственного университета / ред. А.Н. Ярыгин. Тольятти: ТГУ, 2015. № 1(20). С. 201-205.

4. Базаров Е.Л. Развитие экологической компетентности будущих специалистов / Е.Л. Базаров: автореф. дис. … канд. псих. н. Москва, 2009. 29 с.

5. Ильясова И.С. Педагогические условия формирования экологической культуры студентов в учреждениях среднего профессионального образования / И.С. Ильясова. Дис. …канд. пед. наук. Омск, 2010. 211 с.

6. Плохотнюк Е.Б. Развитие экологической ответственности у студентов высших учебных заведений / Б.Е. Плохотнюк: автореф. дис. … канд. пед. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.

7. Сороковых Г.В. Субъектно-деятельностный подход к личностно-профессиональному развитию студентов/ Г.В. Сороковых //Педагогика. 2004. №1. С. 62.

8. Суворова Г.М. Экологическое образование как фактор социального становления подростков / Г.М. Суворова: дис. …канд. пед. наук. Ярославль, 2004. 205 с.

9. Борисенко А.Ю. Воспитание личностной позиции старшеклассников в отношении к проблемам окружающей среды / А.Ю. Борисенко автореф. дис. … канд. пед. наук. Волгоград, 1996. 21 с.

10. Сикорская Г. П., Полякова М. В. Актуальные проблемы регионального географического, экологического и биологического образования: материалы регион. науч.-практ. конф. - Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2000. С. 15.

11. Игнатов С.Б. Экологическая компетентность в контексте образования для устойчивого развития / С.Б. Игнатов // Образование и наука. 2011. №1(80). С. 29.

12. Гагарин А.В. Экологическая компетентность личности: психолого-акмеологическое исследование. М.: Изд-во РУДН, 2011. 160 с.

13. Зятева Л.А. Экологическое воспитание как определяющий компонент становления экологически безопасной личности школьника // Вестник Брянского госуниверситета. 2014. №1. С. 37-42.

Об авторах

Лапина Олимпиада Александровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Иркутский государственный университет, olimpiada2005@mail.ru

Ильясова Ирина Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Иркутский государственный университет, fis78@mail.ru

Чехова Мария Андреевна – педагог дополнительного образования, «Дворец творчества» г. Иркутска, masha.chekhova.92@mail.ru

УДК 378

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Мажар Е.Н.

В статье представлены разные подходы к определению понятия «концепция», детально рассматривается содержание предлагаемой педагогической концепции реализации практико-ориентированного подхода в профессиональной подготовке студентов-лингвистов к межкультурному взаимодействию, при этом акцент делается на ее целях, концептуальной идее, ядре, общих положениях, предпосылках разработки, ее теоретико-методологических, нормативных и технологических основаниях и на понятийно-категориальном аппарате.
Ключевые слова: педагогическая концепция, подготовка студентов-лингвистов к межкультурному взаимодействию, практико-ориентированный подход.

PEDAGOGICAL CONCEPTION FOR PRACTICE-ORIENTED MODEL IMPLEMENTATION IN TRAINING STUDENTS MAJORING IN LINGUISTICS FOR CROSS-CULTURAL INTERACTION

Mazhar E.N.

The paper highlights various approaches to the notion “conception”. It provides a comprehensive examination of the suggested pedagogical conception for practice-oriented model implementation in training student-linguists for cross-cultural interaction, placing an emphasize on its goals, conceptual idea, core, background basis, general guidelines, theoretical, methodological, regulatory and technological framework as well as conceptual and categorical notions.
Keywords: pedagogical conception, training student-linguists for cross-cultural interaction, practice-oriented approach.

Научно-практическое исследование подготовки будущих лингвистов к межкультурному взаимодействию на основе практико-ориентированного подхода нуждается в концептуальном осмыслении. Понятие «концепция» нами определяется как система взаимосвязанных и взаимно обусловленных взглядов на конкретные явления; как совокупность основополагающих идей теоретического подхода, определяющая понимание и соответствующую трактовку происходящих в его рамках процессов.

А.М. Новиков определил понятие концепции в контексте типологии научной теории, выделив «сильную» и «слабую» версии науки. Сильную версию представляют математизированные научные теории, использующие математические модели и доказательства, в то время как теории описательного плана, содержащие качественные характеристики, анализирующие явления, не поддающиеся строгим логическим правилам и количественным закономерностям, представляют слабую версию и включают в свой состав педагогические концепции как комплекс взглядов, идей, представлений, систему принципов, направленных на объяснение какого-либо явления [7].

Т.А. Дмитриева, выстраивая трехуровневую иерархию концепций по степени общности, относит педагогические концепции к низшему уровню и рассматривает их как источник зарождения практики, обобщенное видение того, к чему следует стремиться. Разработка концепции в образовательной плоскости, по мнению автора, это концептуализация образовательной деятельности в системе проектных работ, которая «направлена на изменение типа деятельности, содержит план действия, тип действия и эволюцию деятельности. Она востребована в ситуации, когда необходимо выйти за пределы зоны ближайшего развития. Концептуальная работа сопровождает разработку и реализацию проекта в двух аспектах: стратегическом (обобщенное видение того, как должно быть) и понятийно-категориальном (набор понятий и категорий, работающих в данном проекте). В ходе концептуализации важны культурологические предпосылки, философские основания, концепции I уровня (парадигмы) и II уровня (прототеории)» [3, с. 103].

Учитывая специфику педагогики как науки, педагогической концепцией принято считать сложную, целенаправленную, динамическую систему фундаментальных знаний о педагогическом феномене, которые полно и всесторонне раскрывают его сущность, содержание, особенности, а также технологию оперирования с ним в условиях современного образования [12, с. 92].

В композиционно-содержательном плане педагогические концепции могут отличаться, что связано со спецификой представленного в ней объекта, с особенностями мыслительной деятельности ее создателя. Так, концепции, обосновывающие новый подход в образовании, в одном случае (культурологический подход к проектированию личностно-ориентированного обучения Е.В. Бондаревской) содержат разделы: компоненты подхода, функции подхода, основные образовательные процессы, компоненты содержания обучения, требования к учителю, общие принципы организации среды [2, с. 43], в другом (кинезиологический подход в физкультурно-оздоровительном образовании А.И. Загревской) - методологические основания, источники концепции, основные положения, инновационная составляющая, условия внедрения [4, с. 31].

В исследовании Н.С. Пурышевой, Р.В. Гуриной сопоставляются структуры концепций образовательной области (дисциплины), развития системы образования региона, системы профессиональной подготовки и др., и в результате обобщения выделяются следующие инвариантные блоки педагогической концепции: проблемный (целеполагающий), базисный (основание концепции); содержательный (тело концепции), практический (прикладной) [9, с. 16].

По мнению А.М. Новикова, любая концепция представляет собой многоуровневое знание, в котором взаимоувязаны:

- методологический аспект – общая методология вопроса, роль и место исследуемого феномена в общественно-экономической системе и системе образования в целом;
- теоретико-педагогический аспект – цели, задачи, общие принципы, направления развития, предполагаемые результаты;
- технологический аспект – характеристика необходимых условий и механизмов реализации основных концептуальных положений на практике как императивов разрабатываемых программ [7].

Изложение педагогической концепции как системы научных знаний должно включать общие положения, понятийно-категориальный аппарат, теоретико-методологические основания, ядро, содержательно-смысловое выражение, педагогические условия эффективного функционирования и развития исследуемого явления и границы применимости [12, с. 91].

Ориентируясь на представленные позиции, раскроем сущность педагогической концепции реализации практико-ориентированного подхода в профессиональной подготовке студентов-лингвистов к межкультурному взаимодействию.

Общие положения

Настоящая концепция представляет собой содержательное единство идей, обеспечивающих практико-ориентированную направленность всех образовательно-воспитательных процессов, реализуемых в вузе, на развитие готовности будущих лингвистов к межкультурному взаимодействию. Актуальность разработки концепции обусловлена необходимостью совершенствования существующих подходов, обусловленных ими форм, структуры, методов, в системе профессиональной подготовки по критерию соответствия компетенций выпускников требованиям рынка труда и общественному предназначению переводческой деятельности.

В качестве социально-исторических предпосылок разработки концепции практико-ориентированного подхода в подготовке лингвистов к межкультурному взаимодействию мы выделяем четыре группы факторов.

К первой относятся характеристики социокультурной и общественно-политической ситуации в стране и в мире, в частности, усиление общественной потребности в более тесном взаимодействии культур, народов и экономик в глобализирующемся обществе, возрастание на этом фоне значения межкультурной коммуникации и роли субъектов, обеспечивающих ее профессиональное сопровождение. Вторая группа – социальный заказ общества на развитие системы практико-ориентированной подготовки кадров, в том числе специалистов в сфере межкультурного взаимодействия.

Предпосылки третьей группы - уровень теоретического осмысления проблемы практико-ориентированности профессионального образования и проблемы подготовки лингвистов к межкультурному взаимодействию, который, с одной стороны, позволяет на сегодняшний день их конструктивно решить, а с другой стороны, является явно недостаточным с точки зрения эксплицитно представленных научных результатов. К четвертой группе относятся предпосылки практического плана - наличие в вузах как позитивного, так и негативного опыта реализации практико-ориентированного подхода в подготовке лингвистов к межкультурному взаимодействию, что требует соответствующей оценки с последующим исключением или диссеминацией.

Концепция обобщает результаты предшествующего развития теории и методики профессионального образования применительно к подготовке лингвистов, синтезирует авторские наработки в обозначенной области и передовые идеи педагогов-практиков, выступает основой принятия новых теоретических установок и технологических решений.

Цель разработки и реализации концепции – целостное теоретико-технологическое обеспечение внедрения практико-ориентированного подхода в массовую педагогическую практику подготовки будущих лингвистов к межкультурному взаимодействию.

Назначение концепции состоит в усовершенствовании системы современного лингвистического образования посредством:

- систематизации и корреспондирования данных научных исследований по заявленной проблеме, определения способов получения новых знаний, отражающих изменения педагогической действительности в обозначенной сфере;

- разработки педагогического тезауруса практико-ориентированной подготовки лингвистов к межкультурному взаимодействию;

- прогнозирования практико-ориентированной направленности развития лингвистического образования и его межкультурно-посреднической значимости;

- прямого перспективного влияния на целевые ориентиры, содержание и методики, используемые в образовательном процессе.

Методологическими основаниями концепции являются:

- теоретико-методологическая стратегия, разработанная на основе системного, культурологического и герменевтического подходов, которая определяет принципиальный план исследования;

- практико-ориентированная тактика концепции (конкретно-научный уровень методологии), выстроенная с учетом компетентностного и личностно-деятельностного подходов и раскрывающая особенности осуществления инновационной педагогической практики.

К нормативным основаниям концепции относятся законодательные, правовые, инструктивные акты, регламентирующие образовательную деятельность в Российской Федерации, в системе высшего профессионального образования и задающие параметры модернизации. Это, в первую очередь, Национальная доктрина образования в Российской Федерации (на период от 2000 г. до 2025 г.); Государственная программа РФ «Развитие образования на 2013-2020 годы», Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29декабря 2012 г.; Приказ Минобрнауки России № 1367 «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры от 19 декабря 2013 г.; Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 – Лингвистика (уровень бакалавриата), утвержденный приказом Минобрнауки России № 940 от 07 августа 2014 г.

Технологические основания концепции – это соблюдение научно-обоснованных требований к моделированию и проектированию процесса профессиональной подготовки, точное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий, направленных на формирование готовности будущих лингвистов к межкультурному взаимодействию.

Понятийно-категориальный аппарат

Тезаурус концепции выступает гносеологическим инструментом познания и интерпретации психолого-педагогических явлений, находящихся в ее границах. Понятийно-категориальный аппарат представляет собой систему понятий, их определений, терминов, связей между ними, выстроенную по принципам логичности, научной обоснованности, однозначности. Разработанная концепция включает такие базисные понятия, как: «практико-ориентированный подход в профессиональной подготовке лингвистов», «межкультурное взаимодействие», «готовность к межкультурному взаимодействию», «вербально-семантическая компетенция», «интеркультурная компетенция», «коммуникативная компетенция», «социализационная компетенция». Эти категории непосредственно выражают принципиальную позицию автора концепции и позволяют четко зафиксировать научное содержание изучаемого педагогического объекта.

При введении, дефинировании и операционализации основных понятий соблюдались обязательные требования к дидактической терминологии. Так, все терминологические единицы имеют строго фиксированное в определении содержание, что гарантирует их однозначность. Они также соответствуют лексической системе, принятым морфологическим сред-

ствам и синтаксическим конструкциям; буквальному значению входящих терминов и не препятствуют дальнейшему словообразованию «гнезда терминов».

Группа понятий, выполняющих вспомогательную функцию в содержании концепции, более представительная. Она объединяет понятия общетеоретического, дидактического, методического, психологического, культурологического, лингвистического генеза, и благодаря этому вырисовываются нюансы концепции, ее междисциплинарные связи. В группе этих понятий представлены категории: лингвист, лингвокультура, профессиональная компетентность, результаты образования, практика, опыт, деятельность, технологичность, модуль, проект, коммуникация, социальная перцепция, интеракция, социокультурный стереотип, толерантность, нравственная регуляция, диалог, социальное партнерство, профессиональное сообщество, рефлексия и др. Все используемые понятия соотносятся с основными разделами и этапами исследования и соответствуют его методологической основе.

Теоретико-методологические основания рассматриваются как инвариантный компонент разработанной концепции, позволяющий стратегически определить направления исследования объекта, установить его новые свойства и особенности, выявить закономерности и тенденции развития, определить перспективы его изучения в контексте педагогической науки, обеспечить необходимый уровень теоретизации и обоснованности ключевых положений.

Общую методологию концепции образуют положения ряда научных дисциплин, сформулированные на основе системного, культурологического и герменевтического подходов, что позволяет рассмотреть процесс профессиональной подготовки студентов-лингвистов к межкультурному взаимодействию с междисциплинарных позиций.

В частности, в построении концепции особое значение имеют: философские постулаты о диалектическом единстве теории и практики, идея философского и гносеологического плюрализма как принципа теоретического обоснования педагогических проблем в системе социально-гуманитарного знания; основные принципы системологии; философско-культурологические и социологические исследования о роли культуры в развитии общества и личности, культурологических и социокультурных основаниях образовательного процесса, о взаимосвязи языка, культуры и мышления; герменевтические обоснования механизмов понимания различных культур; идея полиаспектности профессиональной языковой подготовки как предмета педагогического исследования.

Теоретическую платформу концепции составляют:

- фундаментальные исследования по педагогике профессионального образования и направлениях его модернизации (В.П. Беспалько, В.В. Краевский, В.А. Козырев, Н.Д.Никандров, А.М. Новиков, В.А. Сластенин, А.В. Хуторской);

-положения компетентностного подхода и трактовки профессиональной компетентности лингвиста (Г.В. Елизарова, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, А.В. Хуторской, В.Д.Шадриков);

- тезисы лингвокультурологического подхода в контексте языковой подготовки (А.Л.Бердичевский, Е.И. Елизова, Е.И. Пассов, П.В. Сысоев, И.И. Халеева);

- закономерности и принципы деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев, В.И.Слободчиков, Н.Ф. Талызина, Д.И. Фельдштейн, Ф.Г. Ялалов);

- модель контекстного построения образовательного процесса в высшей школе (А.О.Бударина, В.В. Вербицкий, Н.П. Хомякова);

- идея практической направленности образования (Дж. Дьюи, Г. Кэрр, Е.А. Леванова, Е.И. Мычко, Э. Энджелл);

- обоснование единства целевого, содержательного и процессуального компонентов профессионального образования (М.Я. Виленский, Л.В. Мардахаев, В.А. Сластенин);

- модульный подход в профессиональном образовании (С.Я. Батышев, Н.В. Бородина, М.А. Чошанов, П.Я. Юцявичене);

- развитие идей проектного обучения в языковом образовании (Т. Блур, В.В. Гузеев, Е.С. Полат, М.Дж. Сент-Джон, И.А. Юрловская);

- положения методологии педагогических исследований, моделирования и проектирования в системе профессиональной подготовки (В.И. Загвязинский, Е.И. Заир-Бек, А.М. Новиков, В.А. Сластенин, Е.В.Яковлев).

Фундаментальными предпосылками разработки концепции являются:

- исследования в области социальной психологии, объясняющие феномен социального взаимодействия и межличностного обще-

ния (Г.М. Андреева, С.Ф. Арутюнян, А.А. Бодалев, П. Блау, В.М. Дианова, Б.С. Ерасов, Ю.А. Прокудин, Дж. Хоманс);

- теории социальной и межкультурной коммуникации (М. Беннет, Н.К. Иконникова, О.А. Леонтович, А.П. Садохин, Р. Ратмайер, С.Г. Тер-Минасова, Е. Холл);

- концепции языковой личности и поликультурного образования (Н.Д. Гальскова, Ю.Н. Караулов, П.В. Сысоев, И.И. Халеева);

- научные труды в области переводоведения (В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, О.Г. Оберемко, В.В. Сафонова, И.И. Халеева).

Методологическая база и теоретические основания определили замысел концепции, ее ведущую идею. Идея, в данном случае, представляется как «высшая форма познания мира, не только отражающая объект изучения, но и направленная на его преобразование» [1, с. 43].

Концептуальная идея заключается в реализации практико-ориентированного подхода как системной образовательной инновации и необходимого научно-методического и инструментального обеспечения процесса профессиональной подготовки студентов-лингвистов в языковом вузе, ориентированного на формирование базового личностно-профессионального ресурса лингвиста – готовности к межкультурному взаимодействию, выступающей основой для наращивания компетентности в профессиональной деятельности.

Ядро педагогической концепции составляют закономерности и условия реализации исследуемого феномена. В общепринятой трактовке педагогическая закономерность является фиксацией в понятийной форме объективно обусловленных, существенных, устойчивых связей между явлениями в педагогическом процессе. В современной научной педагогической литературе можно встретить закономерности разных видов: эмпирические и теоретические, качественные и количественные, однозначные и вероятностные, каузальные и структурные, развития и функционирования [6].

Сферы действия педагогических закономерностей тоже варьируются. Так, И.П.Подласый разграничил общие закономерности обучения (закономерности целей, качества, методов) и особенные (социологические, психологические, организационные, кибернетические, дидактические, гносеологические и др.) [8]. В.А. Сластёнин обосновал законы и закономерности целостного педагогического процесса [10].

А.С. Калюжный на основе системно-структурного анализа классифицировал закономерности личностно-ориентированного образовательного процесса в вузе следующим образом:

- закономерности общественного развития образования (зависимость образования студентов от требований общества к специалистам с высшей квалификацией; от теории и практики подготовки в высшей школе);

- общепедагогические (зависимость образовательной подготовки студентов от направленности образовательной среды высшей школы на обеспечение готовности выпускников к профессиональной деятельности; от ее организации и технологичности и др.);

- педагогические (зависимость личностно-ориентированного воспитания от единства, взаимосвязи и взаимообусловленности процессов обучения, воспитания, развития и самосовершенствования будущих выпускников);

- внутренние педагогические закономерности (зависимость результатов и качества личностно-ориентированного воспитания от индивидуальных особенностей студентов и мотивов будущей профессиональной деятельности, а также состояния общей и психолого-педагогической культуры постоянного состава вузов) [5, с. 81-83].

Методолог эвристического образования А.В. Хуторской сместил понимание закономерностей образовательного процесса в сторону личностной обусловленности, личностных смыслов и выделил следующие закономерности:

- образовательная продуктивность учащихся возрастает, если они осознанно участвуют в определении целей обучения, выборе его технологических элементов, в создании личностного компонента содержания образования;

- первичность получения учащимся личного образовательного продукта по отношению к внешним образовательным стандартам ведет к повышению мотивации и продуктивности образования;

- изменения внешних образовательных продуктов отражают внутренние изменения учащегося, развитие его креативных, когнитивных, организационно-деятельностных качеств [11, с. 304-307].

Иначе говоря, специфика закономерностей как концептуальных утверждений заключается, во-первых, в том, что исследователь сам определяет их количество и набор в контексте исследования, во-вторых, что этот набор не яв-

ляется завершенной совокупностью, раскрывающей все нюансы функционирования изучаемого объекта; в-третьих, при обновлении парадигмальных и ценностно-смысловых аспектов образования общепедагогические закономерности приобретают стохастический характер.

Выявление закономерностей осуществляется исследователями в результате сложной мыслительно-творческой деятельности на основе различных стратегий. В частности, Н.М.Яковлева описала три наиболее продуктивных способа раскрытия закономерностей: во-первых, посредством анализа процессных особенностей исследуемого феномена (генетические зависимости, содержательные связи, обусловленности продуктивного функционирования); во-вторых, на основе учета движущих сил его развития, т.е. внутренних противоречий, и в третьих, в соответствии с выбранными теоретико-методологическими подходами к исследованию [13, с. 20].

Следуя указанной логике, согласно первому способу в рамках авторской концепции следует выделить следующие закономерности:

- обусловленность внедрения практико-ориентированного подхода в профессиональную подготовку лингвистов к межкультурному взаимодействию социальным контекстом, характером решаемых профессиональных задач, требованием опережающего развития образования;

- взаимосвязь компетентностной модернизации системы профессионального образования лингвистов с разработкой и использованием ресурсных возможностей практико-ориентированного подхода;

- обусловленность полноты реализации практико-ориентированного подхода в подготовке лингвистов к межкультурному взаимодействию накопленным успешным опытом продукт-ориентированного и проектного обучения, а также современными возможностями в организации практики студентов, налаживании сетевого взаимодействия и создании информационно-образовательной среды.

Данные закономерности имеют наиболее общий характер и раскрывают назначение исследуемого феномена как процесса.

Закономерности, выделенные по второму способу, обнаруживают сущностные особенности изучаемого явления и включают:

- зависимость уровня готовности будущих лингвистов к межкультурному взаимодействию от их мотивированного вовлечения в разные виды практико-ориентированной деятельности: учебную, социальную и научно-практическую;

- зависимость уровня готовности будущих лингвистов к межкультурному взаимодействию от соблюдения в учебном процессе основных этапов формирования профессиональных действий в их логической последовательности (личностный опыт, рефлексивное наблюдение, абстрактная концептуализация и активное экспериментирование);

- зависимость уровня готовности будущих лингвистов к межкультурному взаимодействию от постановки в учебном процессе познавательных практико-ориентированных задач, учитывающих зону актуального развития студентов, их потенциальные возможности, стимулирующих поиск и приводящих к получению креативного продукта как эквивалента сформированных компетенций;

- зависимость уровня готовности будущих лингвистов к межкультурному взаимодействию от интерактивности образовательного процесса.

Обозначенные закономерности послужили основанием для выделения специфических принципов реализации практико-ориентированного подхода в подготовке лингвистов: перспективности, полноты деятельности, цикличности, креативности продукта, интерактивности.

Кроме того, к закономерностям, выделенным по второму способу, следует отнести зависимости, установленные в отдельных компонентах профессиональной подготовки лингвистов к межкультурному взаимодействию:

- целевом: закономерность многоуровневой формулировки целей по принципу непрерывного наращивания профессиональных компетенций; закономерность преемственности целей и результатов подготовки на каждом из ее этапов;

- содержательном: закономерность блочно-модульного проектирования содержания подготовки в соответствии с многоаспектностью межкультурного взаимодействия; закономерность обновления содержания подготовки с учетом актуальных потребностей реального рынка труда будущих лингвистов; закономерность включения, наряду с предметным, надпредметного содержания, например, приемов продуктивной деятельности, интуитивно-творческих упражнений и эмоционально-ценностных отношений;

- процессуальном: закономерность включения в дидактическую систему проектного, контекстного и модульного обучения, а также коммуникативно-диалоговых, имитационно-игровых и рефлексивных технологий; закономерность педагогического опосредования социально-психологических механизмов межкультурного взаимодействия на фоне доминирующей роли механизма нравственной регуляции;

- функционально-управленческом: закономерность реализации паритетных взаимоотношений при субъект-субъектном взаимодействии как эталоне профессиональной позиции посредника в межкультурной коммуникации; закономерность трансформации функций студента и преподавателя в контексте совместной деятельности;

- оценочно-результативном: закономерность оценки готовности лингвистов к межкультурному взаимодействию посредством совокупного критериального анализа вербально-семантической, интеркультурной, коммуникативной и социализационной компетенций; закономерность оценки готовности в динамике, на основе сопоставления собственных результатов студента на предшествующих этапах; закономерность влияния промежуточной оценки и корректирующих рекомендаций на динамику формирования готовности; закономерность включения в процесс оценивания представителей профессионального сообщества.

Закономерности, выделенные по третьему способу, представляют собой связи процесса профессиональной подготовки лингвистов к межкультурному взаимодействию на основе практико-ориентированного подхода, детерминированные избранными теоретико-методологическими основаниями исследования. Системный подход обуславливает взаимосвязь между компонентами профессиональной готовности к межкультурному взаимодействию и функционально-содержательным наполнением всех блоков модели профессиональной подготовки. Идеям культурологического подхода соответствует закономерность единства коммуникативного и социокультурного развития будущих лингвистов в процессе профессиональной подготовки к межкультурному взаимодействию. Герменевтический подход позволяет сформулировать закономерность подготовки лингвистов к межкультурному взаимодействию на основе совершенствования практики понимания иной культуры посредством диалога. Компетентностная закономерность подготовки лингвистов к межкультурному взаимодействию на основе практико-ориентированного подхода заключается во взаимовлиянии образовательных продуктов и профессионально-значимых свойств личности и их формулировке в качестве диагностируемого результата.

В целом, разработанная педагогическая концепция обеспечивает системность, последовательность и эффективность реализации практико-ориентированного подхода в профессиональной подготовке студентов-лингвистов к межкультурному взаимодействию.

Список литературы

1. Базелюк В. В. К вопросу о разработке и реализации целостной концепции подготовки будущего учителя к разрешению педагогических конфликтов// Вестник ОГУ. 2005. №6. С. 42-46.

2. Бондаревская Е. В. Концепции личностно-ориентированного образования и целостная педагогическая теория// Школа духовности. №5. 1999. С. 41-52.

3. Дмитриева Л. В. Подходы к экспертизе философских оснований образовательных концепций// Экспертиза инновационных процессов в образовании: Подходы к проблеме экспертизы в образовании. Томск. 1999. Кн. 1. С. 101-105.

4. Загревская А. И. Концепция физкультурно-спортивного образования студентов на основе кинезиологического подхода// Культура физическая и здоровье. 2016. Т.1. №1 (56). С. 30-32.

5. Калюжный А.С. Закономерности личностно-ориентированного воспитания и критерии оценки его эффективности// Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. №1. С. 81-95.

6. Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 168 с.

7. Новиков А. М. Докторская диссертация: Пособие для докторантов и соискателей ученой степени доктора наук. М.: Изд-во «Эгвес», 2003. 120 с.

8. Подласый И. П. Педагогика. Новый курс: учебник для студ. пед. вузов: в 2 кн. М.: Владос, 1999. Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения. 576 с.

9. Пурышева Н. С. Структура образовательной концепции в педагогических исследованиях// Образование и наука. 2006. №4 (40). С.12-20.

10. Сластенин В. А. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 576 с.

11. Хуторской А. В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. М.: Изд-во МГУ, 2003. 416 с.

12. Яковлев В. Н. Педагогическая концепция как результат современного научно-педагогического исследования// Педагогическое образование и наука. № 12. 2012. С. 90-94.

13. Яковлева Н. М. Педагогическая закономерность как результат научно-педагогического исследования// Вестник ЮУрГУ. 2012. № 4. С. 18-21.

Об авторе

Мажар Елизавета Николаевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры социальной педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет, enmazhar@gmail.com

УДК 378.146

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АКАДЕМИИ ГПС МЧС РОССИИ

Резниченко С.А., Калайдов А.Н., Подкосов С.В.

В статье изложены подходы к разработке методов оценки и прогнозирования готовности курсантов, слушателей, студентов образовательных организаций высшего образования ГПС МЧС России к исполнению служебных обязанностей. Практическая реализация этих методов направлена на совершенствование уровня профессиональной подготовки и обеспечение комплектования подразделений МЧС России высококвалифицированными специалистами.
Ключевые слова: образовательная деятельность, качество образования, рейтинговая оценка качества образования.

THE QUESTION OF THE QUALITY OF EDUCATIONAL ACTIVITIES AT THE ACADEMY OF STATE FIRE SERVICE OF EMERCOM OF RUSSIA

Reznichenko S.A., Kalaidov A.N., Podkosov S.V.

The article considers proposals for the development of assess and prediction methods of the professional willingness to perform the duties by the students, who study in the higher educational institutions of the Federal fire service EMERCOM of Russia. The practical realization is aimed to improve the level of professional skills and to provide the manning of the EMERCOM of Russia departments with the highly qualified specialists.
Keywords: educational activity, quality of education, rating assessment of quality of education.

Мировые и отечественные тенденции развития общества порождают новые требования к качеству образования, к личностным и профессиональным способностям специалиста. Происходящие в нашей стране политические, экономические и социальные изменения закономерно приводят к модернизации отечественной системы образования, которые также затронули и систему образования в МЧС России. Так, Департамент кадровой политики (далее – ДКП) МЧС России, в котором проводится ряд научно – исследовательских работ, направленных на решение задачи прогнозирования готовности обучающихся высших учебных заведений ГПС МЧС России к выполнению профессиональных обязанностей в процессе дальнейшего прохождения службы.

Целью работы является разработка методов оценки и прогнозирования готовности обучающихся в образовательных организаций высшего образования ГПС МЧС России к исполнению своих обязанностей.

В стандарте ГОСТ ISO 9000 – 2011 и в специальной литературе качество образовательной деятельности определяется как степень её соответствия целям, потребностям, требованиям, нормам и стандартам [1;2;3].

В мировой и отечественной практике образования существуют различные варианты оценки качества образовательной деятельности:

-использование многобалльных шкал оценивания наряду с сохранением классической пятибалльной системы;

- суммирование результатов текущего и экзаменационного контроля в итоговой оценке, что позволяет более равномерно распределить учебную нагрузку курсантов, слушателей (студентов) и повысить эффективность учебной деятельности;

- введение индивидуального рейтинга курсантов, слушателей (студентов) как основного показателя успехов в обучении;

- использование компьютерного тестирования.

Подготовка конкурентоспособного специалиста пожарной безопасности требует разрешения противоречий между:

- знаниевой ориентацией содержания подготовки и личностным развитием будущего специалиста;

- традиционным подходом к оценке качества подготовки специалиста и складывающимся рынком образовательных услуг;

- потребностью в появлении системы эффективных диагностических методик оценки качества подготовки специалиста и недостаточностью научно-методического обеспечения текущего и итогового контроля оценки качества подготовки;

- требованиями, предъявляемыми к специалисту рынком труда, и готовностью преподавателей к подготовке конкурентоспособного специалиста;

- сложившейся системой оценки уровня подготовки специалиста и ориентацией выпускника на адекватную оценку своих профессиональных качеств.

Конкурентоспособность специалиста можно рассматривать как интегральный показатель качества подготовки в том случае, если:

- научно обоснованы критерии и показатели оценки качества профессиональной подготовки специалиста;
- найдена адекватная целям и задачам оценивания технология взаимодействия в системе «преподаватель – студент»;
- разработаны конкретные пути использования новой модели оценивания качества подготовки конкурентоспособного специалиста.

К факторам повышения качества образования обычно относят:

- управление целями, задачами и содержанием образования;
- кадровое и методическое обеспечение образовательного процесса;
- состояние учебно–материальной базы;
- информационное и правовое обеспечение.

Для объективной оценки качества подготовки специалиста необходима совокупность соответствующих методов и технологий. Отсутствие соответствующей системы контроля качества затрудняет возможность сравнения качества российских стандартов образования с реальными потребностями рынка труда. Назрела необходимость разработки критериев и показателей качества подготовки специалиста, методики анализа и оценки качества формирования рейтингов преподавателей, учебников, курсов, учебных планов и др.

Диагностические методики оценивания качества подготовки можно распределить на две группы:

1) методики для оценки профессиональной компетентности на основе квалификационного стандарта;

2) методики для оценки профессиональной компетентности будущего специалиста как личности.

Конкурентоспособный специалист - это специалист, способный достигать поставленные цели в различных быстро меняющихся ситуациях за счет владения методами решения большого класса профессиональных задач. Оценка качества подготовки конкурентоспособного специалиста - процедура, которая с помощью системы методик позволяет определить параметры и критерии личностно-профессиональных свойств, характеристик, соответствующих потребностям общества, рынка образовательных услуг и рынка труда. Конкурентоспособность, а следовательно, и новое качественное состояние специалиста можно отнести к числу профессиональных ценностей.

На рисунке 1 показан алгоритм оценки общего рейтинга слушателя Академии ГПС МЧС России. Данный алгоритм позволяет определить итоговое значение рейтинга студента за весь период обучения.

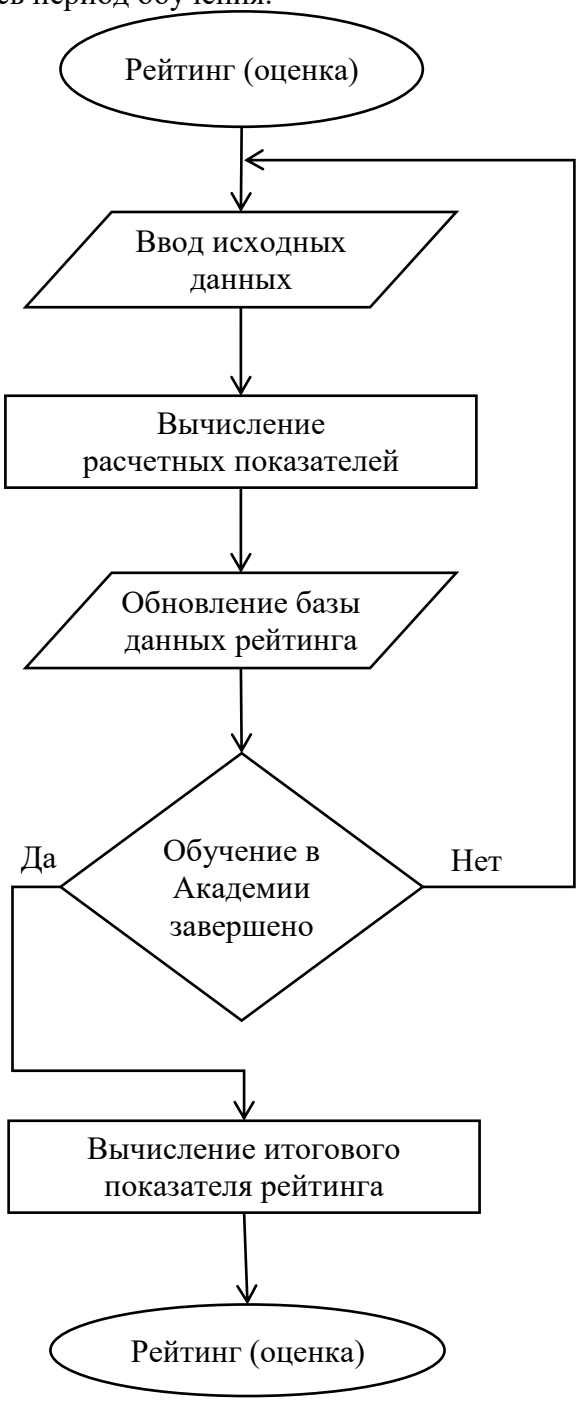


Рис. 1. Алгоритм оценки общего рейтинга обучающегося

Как видно, алгоритм оценки общего рейтинга обучающегося состоит из четырех основных этапов: ввод исходных данных для расчета, вычисление необходимых показателей, обновление ежегодной базы данных рейтинговых значений и вычисление итогового показателя рейтинга.

В таблице 1 представлены исходные данные, которые вводятся на первом этапе обучения.

Таблица 1

Перечень исходных данных
для формирования итогового рейтинга обучающегося

№ п/п	Наименование значения	Обозначение
1	Количество обучающихся в учебной группе	К
2	Оценка слушателя, полученная по итогам промежуточной аттестации	E_r
3	Оценка слушателя, полученная по итогам промежуточной аттестации	E_s
4	Корректирующий показатель рейтинга по учебной дисциплине, в случае первой пересдачи, равный 5 баллам	K_1
5	Корректирующий показатель рейтинга по учебной дисциплине	K_2
6	Количество учебных дисциплин, осваиваемых обучающимся в семестре	*m*
7	Выполнение научно-исследовательских работ	*Nr*
8	Членство в научных кружках Академии	*Nк*
9	Публикации научных статей, тезисов и иных материалов по результатам научных исследований	*Pb*
10	Участие в научно-практических мероприятиях	*Uк*
11	Определение показателя рейтинга по направлению научно-исследовательской деятельности	$K_{нд}$
12	Количество НИР, публикаций и участий в научно-практических мероприятиях соответственно	*z, p, n, m*
13	Участие в сдаче норм ГТО	$V_{гто}$, $S_{гто}$ Vsi
14	Участие в служебной деятельности Академии	Vsм,Vsф, Vsв, Vsa, Vsфк
15	Участие в работе общественных объединений Академии	R_o
16	Количество участий в соревнованиях, конкурсах, спартакиадах, олимпиадах и т.п. и участие в работе общественных объединений Академии соответственно	*f* и *v*
17	Общественная (служебная) нагрузка	*Sn*
18	Несение службы в суточном наряде	*Ns*

После введения всех необходимых исходных данных, представленных в таблице 1, на втором этапе производится вычисление расчетных данных в порядке и зависимостях (1) – (8).

Вычисление отношения итогового результата предварительной аттестации к оценке «отлично» выраженное в баллах:

$$RK_k = \frac{Er}{5} \times 100 \quad (1)$$

Вычисление отношения итогов промежуточной аттестации (экзаменационной сессии) к оценке «отлично» выраженное в баллах:

$$PA_k = \frac{ES_k}{5} \times 100 \quad (2)$$

Вычисление показателя рейтинга по учебной дисциплине с учетом вышеизложенных требований:

$$P_{уg_k} = \frac{RK_k + RA}{2} - K1_K + K2_K \quad (3)$$

Вычисление показателя рейтинга по направлению научно - исследовательской деятельности:

$$P_{нид_k} = \sum_{l=1}^{z_k} N_{rlk} + K_{ндк} + \sum_{t=1}^{P_k} N_{rtk} + K_{ндк} + \sum_{i=1}^{n_k} P_{вik} + K_{ндк} + \sum_{j=1}^{m_k} V_{k_j} + K_{ндк} \quad (4)$$

Вычисление показателя рейтинга по направлению социально - общественной деятельности:

$$P_{одк} = \sum_{i=1}^{f_k} V_{si} \quad (5)$$

Вычисление показателя рейтинга по выполнению норм ГТО:

$$P_{гто_k} = \frac{S_{гто_k}}{5} \times 100 \quad (6)$$

Вычисление показателя рейтинга по служебной деятельности:

$$P_{едк_k} = \sum_{t=1}^{q} S_{nirk} + S_{nik} + S_{niфi} + \sum_{z=1}^{y} N_{sz2k} + N_{sz1k} + N_{sz0.5k} + N_{sz-2k} +$$

$$+ \sum_{x=1}^{r} D_{pxфxфe} + D_{pxвx} + D_{pxk} + P_{pxkk} + D_{pxrpk} \quad (7)$$

Вычисление общего показателя рейтинга за семестр, включающего в себя выражения (1) – (7):

$$P_{сем} = P_{урк} + P_{нидк} + P_{гто} + P_{сдк} + P_{одк} \quad (8)$$

На третьем этапе осуществляется обновление базы данных рейтинга обучающегося, с учетом ранее имеющихся значений:

$$P_{год} = \frac{P_{сем1} + P_{сем2}}{2} \quad (9)$$

Данная процедура (9) производится каждый семестр. Расчетные значения записываются в базу данных каждые полгода по результатам семестра.

На четвертом этапе происходит определение итогового показателя рейтинга обучающегося за весь период обучения в Академии (финальный рейтинг):

$$P_{ф} = \frac{\sum_{i}^{z} P_{год\,i}}{z} \quad (10)$$

где z – количество лет обучения в Академии.

Для оценки качества подготовки специалистов необходимо определить методы и процедуры, на основании которых она будет производиться. В Академии ГПС МЧС используется система тестов, комплексных квалификационных заданий, экспертная оценка дипломных проектов (курсовых работ), а также тестовые системы определения личностных качеств [4].

Введение балльно-рейтинговой системы позволяет более объективно оценить качество образовательных и учебных достижений обучающегося.

Список литературы

1. Дубинина Э.В., Гильмутдинова Р.А., Закирова З.Р. Удовлетворенность потребителей как показатель качества образовательных услуг в современном вузе / Развитие регионов и предприятий в условиях глобализации: с борник статей. Уфа: Уфимский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015.

2. ГОСТ ISO 9000 - 2011. Межгосударственный стандарт «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь». М.: Стандартинформ, 2012.

3. Никитина Н.Ш., Валеев М.А., Щеглов П.Е. Управление качеством образовани я. Системный подход // Системы управления качеством: проектирование, организация, методология: Материалы X симпозиума «Квалиметрия человека и образования: методология и практика». Кн. 4 / Под науч. ред. д - ра техн. наук. проф. Н.А. Селезневой и д - ра филос. и экон. наук А.И. Субетто. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2002. С. 17 - 29.

4. Положение о рейтинговой системе оценки деятельности обучающихся Академии ГПС МЧС России. М., 2014.

Об авторах

Резниченко Сергей Анатольевич – кандидат технических наук, доцент, декан факультета комплексной безопасности, Академия государственной противопожарной службы МЧС России, rsa_5@bk.ru

Калайдов Александр Николаевич – кандидат военных наук, доцент, начальник учебно-научного комплекса гражданской защиты, Академия государственной противопожарной службы МЧС России, 79851170994@yandex.ru

Подкосов Сергей Васильевич – начальник факультета руководящих кадров, Академия государственной противопожарной службы МЧС России, sergej.podkosov@yandex.ru

УДК 378.12

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ И ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ

Ретивых М.В., Матяш Н.В., Воронин А.М.

В статье технологическое образование школьников рассматривается в качестве необходимого компонента общего образования, обосновывается статус «Технологии» как базовой научной дисциплины и предметной области в общем образовании, анализируются актуальные проблемы совершенствования подготовки в вузе учителей технологии и научно-методического руководства технологическим образованием школьников.

Ключевые слова: технология, технологическое образование, учитель технологии, научно-методическое руководство технологическим образованием школьников.

ACTUAL PROBLEMS OF TECHNOLOGICAL EDUCATION OF SCHOOL STUDENTS AND TRAINING OF TEACHERS OF TECHNOLOGY

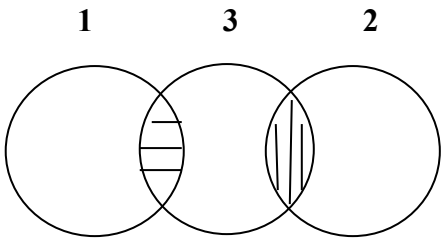
Retiviykh M.V., Matyash N. V., Voronin A.M.

In the article the technological education of students is seen as a necessary component of General education, justifies the status of "Technology" as a basic scientific discipline and subject area in General education, analyzes the current problems of improving the preparation of the University teachers of technology and scientific methodical management of the technological education of students.

Keywords: technology, technological education, teacher of technology, the scientific supervision of technological education of students.

Технологическая революция XXIв. обуславливает необходимость формирования научно-технологического потенциала, адекватного вызовам и потребностям мирового социально - технологического и научного развития. Поэтому неслучайно во многих странах мира (Австрии, Великобритании, Германии, Израиле, Китае, США, Швеции и др.) в школах изучается учебный предмет «Технология», который активно поддерживается промышленниками и бизнесменами.

Мировой опыт свидетельствует, что предметная область «Технология», наряду с гуманитарной и естественнонаучной составляющими, является необходимым компонентом общего образования. Естественнонаучный, гуманитарный и технологический компоненты составляют фундаментальное ядро современного общего образования (рис.1).



Условные обозначения:

1- естественнонаучный компонент образования;

2- гуманитарный компонент образования;

3- технологический компонент образования.

Рис.1. Фундаментальное ядро современного общего образования

Технологический компонент в фундаментальном ядре общего образования выполняет следующие функции:

- синтезирует в себе естественнонаучные и гуманитарные знания школьников, предоставляет им возможность творческого применения этих знаний в преобразовательной деятельности;
- способствует формированию у обучающихся универсальных учебных действий (регулятивных, познавательных, коммуникативных) в процессе планирования, организации и анализа результатов преобразовательной деятельности;
- обеспечивает преемственность в переходе от общего к профессиональному образованию, непрерывному самообразованию и профессионально-трудовой деятельности.

В этой предметной области важную роль играет проектно-исследовательская деятельность обучающихся, способствующая их творческому развитию.

Таким образом, предметная область «Технология» является объективно необходимым компонентом современного образования и входит в его фундаментальное ядро.

Как известно, по инициативе профессора Брянского государственного университета, члена-корреспондента РАО В.Д. Симоненко в 1993 году образовательная область «Технология» была включена в учебный план российской школы с 1-го по 11-й класс с целью формирования у подрастающего поколения технологической культуры.

Однако в последние годы в России технологическому образованию школьников стало значительно меньше уделяться внимания. Специалисты отмечают, что неуклонно сокращается количество часов на изучение технологии. В соответствии с ФГОС основного общего образования на изучение технологии выделено в начальной школе 1 час в неделю(включая изучение компьютера), в 5-7 классах – 2 часа в неделю, в 8 классе- 1 час в неделю. В 9-х классах технология не изучается вообще.

Стандартом среднего (полного) общего образования «Технология» исключена из обязательной части образовательной программы, «Технология» не входит в фундаментальное ядро образования, не включена в перечень экзаменов по выбору выпускника школы, перестали проводиться конкурсы проектных работ школьников по технологии. В педагогических университетах сокращается число студентов - будущих учителей технологии [3, с. 16-17].

На наш взгляд, такая ситуация была спровоцирована ФГОС основного общего образования, который был утвержден в 2010 году.

В этом стандарте «Технология» рассматривается как прикладная учебная дисциплина прагматической направленности. В нем не отражены такие понятия, как «технологическая культура», «технологический процесс», «технологическая система», «проектно-технологическое мышление».

Президент Российской Федерации В.В.Путин своим поручением от 04.05.20016г. обязал руководителей Минобрнауки РФ принять меры по совершенствованию преподавания в общеобразовательной школе учебного предмета «Технология» и проведению Всероссийских конкурсов проектов по технологии.

В большой степени проблему технологического образования школьников актуализирует «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» на период до 2035 года, утвержденная Указом Президента РФ №642 от 1.12.2016 [2]. Стратегия предусматривает создание в Российской Федерации научно - технологической системы, включающей, в том числе, разработку и внедрение природосообразных, интеллектуальных, цифровых, «безлюдных» технологий, развитие научно-технологического творчества и предпринимательства.

Это обуславливает проблему интеллектуализации технологического образвоания школьников, ознакомления их с основами научно-исследовательской деятельности, повышения роли проектно-технологического творчества.

Ключевой проблемой является повышение статуса «Технологии» как базовой научной дисциплины и предметной области в общем образовании.

Как известно, этимологически понятие «технология» происходит от латинского «techne» - искусство, мастерство и «logos»- учение, наука. Таким образом, «технология» буквально – это, прежде всего, наука о мастерстве, а не только само мастерство.

Технология является философской, социально-культурологической, гносеологической, психолого-педагогической категорией, которая находится в постоянном развитии.

Мы считаем, что в качестве методологических оснований предметной области «Технология» следует считать психологический принцип возрастной сензитивности, культурологический и интегративный подходы, а также научные положения профориентологии.

Раскроем способы реализации этих методологических положений в обосновании содержания предметной области «Технология».

Принцип *возрастной сензитивности* обуславливает необходимость учета способности учащихся определенного возраста овладеть теми или иными технологиями и видами преобразовательной деятельности.

Учащиеся начальных классов овладевают в основном деятельностью по самообслуживанию. Учащиеся 5-9 классов могут овладеть основами современных технологий и методикой профессионального самоопределения. Старшеклассники способны осознать основные направления научно-технологического развития современной цивилизации и ознакомиться с методами научно-исследовательской деятельности. У них должна быть сформирована готовность к обоснованному профессиональному самоопределению.

Культурологический подход предполагает в качестве цели технологического образования школьников считать поэтапное формирование у них технологической культуры как компонента общей культуры, обуславливающей их способность к преобразовательной деятельности. Этот подход позволяет выделить следующие этапы формирования технологической культуры школьников:

- *1-4 классы: Введение в технологическую культуру;*

- *5-9 классы*: Основы технологической культуры;

-*10-11классы*: Введение в научно - технологическую культуру.

Интегративный подход обуславливает изучение школьниками современных и перспективных технологий в обобщенном, интегрированном формате как технологий различных видов преобразовательной деятельности.

Целью технологического образования школьников является их развитие как субъектов преобразовательной и будущей профессиональной деятельности, формирование технологической культуры как компонента общей культуры. Поэтому в школе надо изучать не конкретные технологии, а их интегративные основы, специальные технологии молодые люди будут изучать в системе профессионального образования.

Так, например, технология строительства зданий в интегрированном формате включает в себя следующие этапы: составление проекта, выбор места для строительства, подготовка фундамента, строительство стен и помещений, возведение крыши, устройство отопительной, канализационной и осветительной систем, штукатурные и малярные работы, благоустройство территории, приемка объекта комиссией и его сдача в эксплуатацию.

Со строительством зданий связаны следующие профессии: архитектор, проектировщик, прораб, крановщик, каменщик, плотник, сварщик, штукатур, маляр, сантехник, электрик и др.

В процессе изучения интегративных технологий можно устанавливать межпредметные связи практически со всеми школьными дисциплинами.

«Сквозными» линиями, задачами предметной области «Технология» является:

- трудовое воспитание, формирование потребности в труде;

- формирование технологической культуры;

- развитие проектно-исследовательской деятельности и формирование элементов научно-исследовательской деятельности;

- интеллектуализация содержания технологической деятельности от ручного труда в начальной школе до проектной и научно-исследовательской деятельности в основной и средней школе;

- профессиональная ориентация, формирование осознанного профессионального самоопределения;

- формирование регулятивных, познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий.

Исходя из этих предпосылок, «Технология» как базовая научная дисциплина и предметная область в общем образовании может быть предоставлена графически следующим образом (рис.2).

«Сквозной» модуль «Культура профессионального самоопределения» может быть реализован следующим образом:

- в начальной школе учащиеся знакомятся с доступными профессиями (родителей, родственников, знакомых);

- в основной школе по каждой интегрированной технологии учащиеся ознакамливаются с перечнем профессий, связанных с этими технологиями;

- в 9 классе изучается профориентационный курс «Профессиональное самоопределение»;

- в выпускных классах школьники выполняют профориентационные проекты: «О какой профессии я мечтаю» (4 класс); «Моя будущая профессия» (9 класс); «Моя готовность к профессиональному самоопределению» (11 класс, 1-е полугодие).

Мы считаем, что в контексте «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» старшеклассники должны ознакомиться с перспективными технологиями и этапами научно-исследовательской деятельности.

Таким образом, содержание технологического образования школьников в современных условиях можно представить следующим образом.

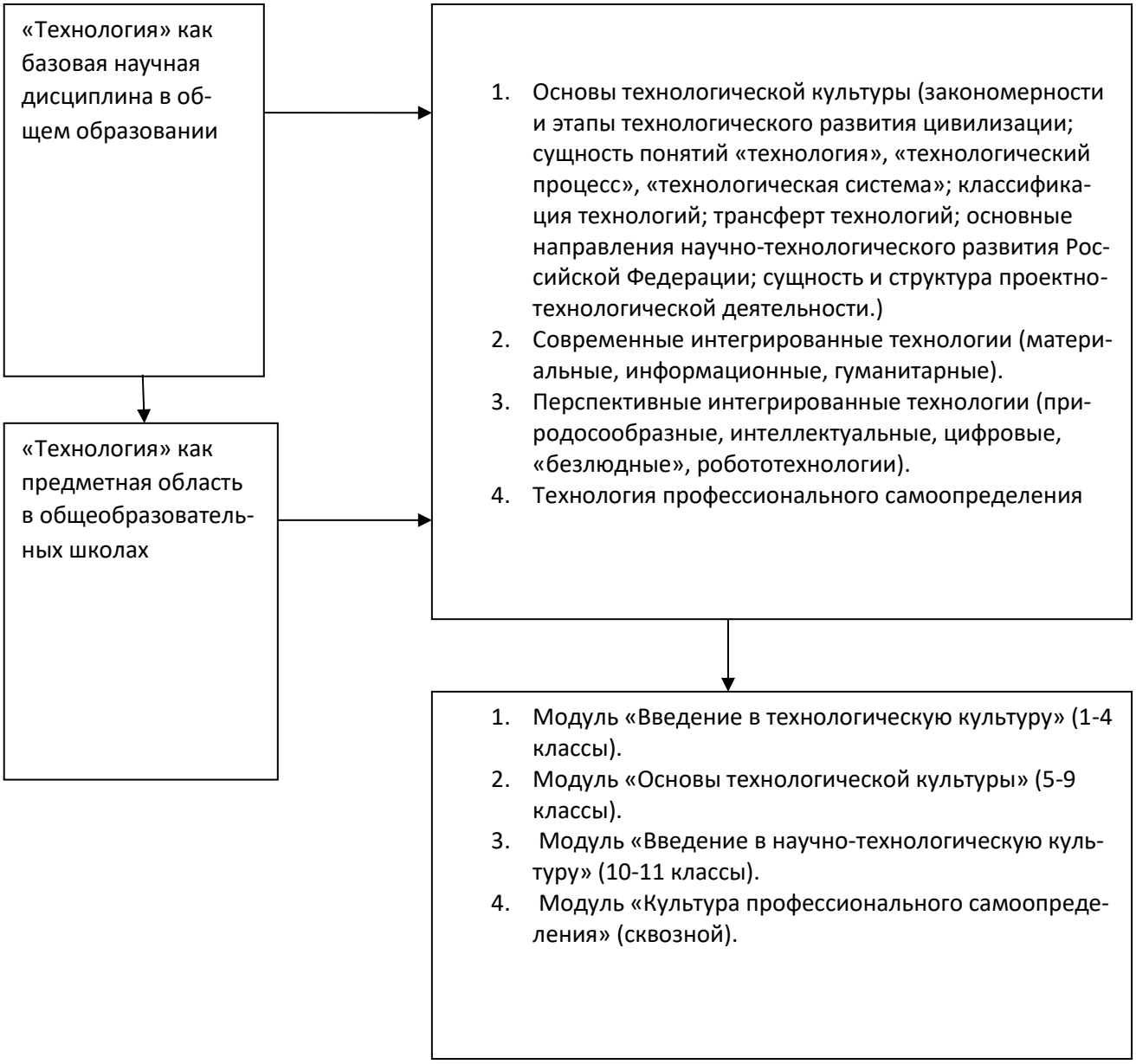


Рис.2. «Технология» как базовая научная дисциплина и предметная область в общем образовании

Таблица 1

Содержание технологического образования школьников в современных условиях

Начальная школа (1-4 класс) Модуль «Введение в технологическую культуру»	
- культура здоровья и здорового образа жизни; - культура питания; - культура одежды; - культура дома.	- культура умственного труда; - культура речи, поведения и общения; - технология приготовления простых блюд; - компьютерная грамотность; - выбор профессии.
Основная школа (5-9 классы) Модуль «Основы технологической культуры»	
- закономерности и этапы технологического развития цивилизации, сущность понятий «технология», «технологический процесс», «технологическая система», «проектно-технологическая культура»; - классификация и трансферт технологий; - интегрированные материальные технологии машиностроения, строительства и архитектуры, обработки конституционных и текстильных материалов, кулинарной обработки пищевых продуктов и приготовление блюд.	- информационные технологии; - робототехнологии; - гуманитарные технологии: социальные, художественно-творческие, педагогические, медицинские, управленческие; - технологии проектирования, конструирование и моделирования; - технологии предпринимательства, рекламы и маркетинга; - технология профессионального самоопределения.

Средняя (полная) школа (10-11 классы) Модуль «Введение в научно-технологическую культуру»	
- природосообразные технологии; - интеллектуальные технологии; - цифровые технологии; - «безлюдные» технологии.	- основы технологии научно-технологического творчества и предпринимательства; - основы технологии научно-исследовательской деятельности; - технология формирования готовности к профессиональному самоопределению.

В процессе изучения основ интегрированных технологий школьники должны опираться на прочные знания по другим предметным областям. По этим технологиям учащиеся должны выполнять творческие проекты по выбору (по одному проекту в каждой четверти).

Таким образом, «Технология» как базовая научная дисциплина и предметная область в общем образовании имеет два аспекта: теоретический и практический.

Теоретический аспект связан с изучением основ технологической культуры, проектно-технологической деятельности, интегрированных современных и перспективных технологий, адекватного профессионального самоопределения, научно-исследовательской деятельности.

Практический аспект «Технологии» предполагает выполнение и защиту творческих проектов по модулям «Введение в технологическую культуру» (8 проектов), «Основы технологической культуры» (20 проектов), «Введение в научно-технологическую культуру» (6 проектов), «Культура профессионального самоопределения» (3 проекта).

Учитывая, что проектная деятельность является весьма трудоемкой, считаем целесообразным распределить учебное время на изучение «Технологий» как базовой научной дисциплины и предметной области в общем образовании следующим образом:

- теоретическое обучение- 40% учебного времени;

- практическое обучение- 60 % учебного времени.

Изложенное нами содержание технологического образования школьников обуславливает необходимость разработки следующих учебников по предметной области «Технология»:

1. Введение в технологическую культуру (1-4 классы).

2. Основы технологической культуры (5 класс).

3. Интегрированные материальные технологии (6 класс).

4. Интегрированные информационные технологии (7 класс).

5. Интегрированные гуманитарные технологии (8 класс).

6. Технология профессионального самоопределения (9 класс).

7. Перспективные наукоемкие технологии (10 класс).

8. Технология научно-исследовательской деятельности (11 класс).

Обоснованное нами содержание технологического образования школьников в современных условиях обуславливает новые требования к подготовке учителя технологии.

Прежде всего, он должен *знать*:

- основы технологической культуры, закономерности и этапы научно-технологического развития цивилизации;

- интегративные основы современных материальных, информационных и гуманитарных технологий, а также научные основы перспективных технологий (природосообразных, интеллектуальных, цифровых, «безлюдных»);

- научные основы и технологии профессионального самоопределения;

- основы технологии проектной и научно-исследовательской деятельности.

Учитель технологии должен *уметь:*

- устанавливать и осуществлять связи «Технологии» с другими областями знаний;

- организовывать проектную и научно-исследовательскую деятельность школьников;

- проводить конкурсы проектов школьников по технологии;

- изучать готовность школьников к обоснованному профессиональному самоопределению.

Таким образом, современный учитель технологии- это универсальный технолог и методист, профориентолог, организатор проектной и научно-исследовательской деятельности школьников.

Чтобы осуществлять эти функции, учитель технологии должен хорошо знать научные основы других учебных дисциплин, в совершенстве владеть современными информационными технологиями, а также обладать способностью к овладению новыми технологиями.

Педагогическое мышление учителя технологии связано с категориями преобразова-

тельной деятельности, этапами и способами перевода различных материалов, информации, уровня развития социальных систем из одного состояния в другое.

Поэтому встает вопрос об уровне квалификации (степени) современного учителя технологии. Мы считаем, что в начальной и основной школе учителем технологии может работать выпускник вуза со степенью бакалавра. Но в средней школе технологическое образование старшеклассников должен осуществлять учитель технологии, имеющий степень магистра, который способен организовать проектно-технологическую и научно-исследовательскую деятельность старшеклассников, а также осуществлять методическое руководство технологическим образованием учащихся на уровне школы и района. Это позволит вузам выстроить двухуровневую систему подготовки учителей технологии.

Исходя из необходимости обновления содержаний технологического образования школьников и требований к современному учителю технологии, необходимо совершенствовать учебно-материальную базу факультетов технологии в вузах. По-нашему мнению, на этих факультетах, как минимум, должны быть созданы и оборудованы следующие кабинеты и лаборатории:

- кабинет начального технологического образования;
- кабинет материальных технологий;
- кабинет (лаборатория) информационных технологий;
- кабинет гуманитарных технологий;
- кабинет профессионального самоопределения;
- лаборатория перспективных наукоемких технологий и робототехники;
- лаборатория (центр) научно-технологического творчества и проектной деятельности.

Например, как мы уже сообщали, на факультете технологии и дизайна Брянского государственного университета создан научно-информационный центр автоматизированного проектирования на базе САД (САМ) АДЕМ систем с использованием лабораторного оборудования [1, с. 202-203].

В целях создания учебно-материальной базы подготовки современных учителей технологии необходимо использовать как собственные возможности вузов, так и сетевые формы реализации образовательных программ на договорной основе.

На наш взгляд, нуждается в совершенствовании и научно-методическое руководство технологическим образованием школьников. Целесообразно создание школьных, межшкольных и региональных Центров технологического образования, на базе которых будут реализовываться инновационные программы по отработке нового содержания и развивающих методов в технологическом образовании школьников, отрабатываться школьные инициативы и сетевые проекты, проводиться сетевое обучение учителей технологии в форме курсовых мероприятий (вебинаров), осуществляться сетевое взаимодействие в технологическом образовании, консультационная и методическая поддержка учителей технологии, создаваться цифровые ресурсы и оценочные фонды по технологическому обучению.

Мы считаем, что региональные центры технологического образования и творчества школьников целесообразно создавать при факультетах технологии университетов. На базе этих центров совместно с Департаментом образования и науки могут проводиться следующие мероприятия:

- курсы повышения квалификации учителей технологии;
- конкурсы творческих проектов школьников по технологии;
- конкурсы учителей технологии «Моя система обучения»;
- тематические Дни науки, техники и технологии;
- встречи с известными учителями и технологами;
- демонстрация научно-технических фильмов и другие мероприятия.

С целью выявления уникального комплекса условий совершенствования технологического образования в плане содержания и технологий Министерством образования и науки РФ объявлен открытый конкурс «Инновации в школьном технологическом образовании», который будет проводиться до 2020 года. Этот конкурс должен способствовать уточнению ФГОС по технологии, созданию новых учебников и учебных пособий по этой предметной области.

Список литературы

1. Воронин А.М., Самоторова О.А. Актуальные проблемы технологического образования // Вестник Брянского государственного университета. Брянск: РИО БГУ, 2016. №3 (29). С. 201-203.

2. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. №642. Консультант Плюс. www.consultant.ru.

3. Хотунцев Ю.Л. Проблемы технологического образования и подготовки инженерно-технических кадров в Российской Федерации в 2016 году. Формирование профессиональных компетенций обучающихся в организациях общего и профессионального образования: Материалы международной научно-практической конференции 18-20 мая 2016 г. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 14-17.

Об авторах

Ретивых Михаил Васильевич – доктор педагогических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, aleks.rudckovsckaja@yandex.ru.

Матяш Наталья Викторовна – доктор психологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, vds-24@yandex.ru.

Воронин Алексей Максимович – кандидат педагогических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Bgu.ftid@yandex.ru.

УДК 378.4.042

АДАПТАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

Скамьянова Т.Ю.

Студенты с особыми образовательными потребностями требуют повышенного внимания педагогов. Они значительно чаще благополучных студентов отчисляются из вузов, поскольку отстают от нормативных требований учебного процесса. Применение педагогических технологий контекстного обучения, обучения через обучение и разноуровневого обучения повышает их учебную успешность. В статье представлена авторская модель целостного процесса становления адаптированности. Эффективность педагогических технологий повышает опора на здоровье сберегающий подход при их реализации.
Ключевые слова: студенты с особыми образовательными потребностями; адаптация к обучению; педагогические технологии.

ADAPTATIONAL SUPPORT OF LEARNING PROCESS OF STUDENTS WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS

Skamyanova T.Yu.

Students with special educational needs require more teachers' attention. These students master the learning programmer with significant delay, which often becomes the reason of their expulsion from the institution of higher education. Application of context learning pedagogical technologies, learning through learning and multi-level allows to raise these students' learning successfulness. The article presents the author's model of the process of formation of adaptation. The efficiency of pedagogical technologies increases support of health-preserving approach during their implementation.
Keywords: students with special educational needs; adaptation to learning; educational technologies.

Новый Федеральный закон об образовании в Российской федерации № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. устанавливает, что обучающиеся, в том числе в высших учебных заведениях, имеют разнообразные образовательные потребности, которые могут быть особыми, в силу их индивидуальных возможностей, например, по состоянию здоровья. Поэтому рекомендует создавать для таких лиц, как инвалиды, сироты, беременные студентки, люди зрелого возраста и др., специальные условия [23, ст. 48, п. 1, п.п. 6; ст. 79, п. 10]

Подход к инклюзивному образованию, основанный на соблюдении прав человека, предусматривает расширение форм профессионального обучения для инвалидов [15, с. 4; 5, с. 31]. Поскольку инвалиды могут иметь физические, сенсорные, умственные или психические нарушения, студенты-инвалиды – неоднородная группа. Учитывая разнообразие хронических заболеваний, студентов с такими заболеваниями также приходится признать неоднородной группой. И студенты-инвалиды, и студенты с хроническими заболеваниями нуждаются в медицинской помощи, Поэтому объединяющим и тех, и других студентов признаком будет необходимость получения каждым из них специализированной медицинской помощи, в том числе и за счет учебного времени.

Хорошо известно, что беременность – это особый этап в жизни женщины, оказывающий значительное влияние на ее физическое и эмоциональное состояние. Беременные студентки очень озабочены состоянием собственного здоровья. Учитывая их возраст, можно с большой вероятностью предположить, что они вынашивают первую беременность в своей жизни. Поэтому все новые ощущения и недомогания, безусловно, привлекают их внимание и являются источником дополнительных тревожных переживаний [7, с. 14]. Во время учебной деятельности им необходимо дополнительное время для восстановления сил.

А.В. Мудрик, Р.К. Мертон, А.Ю. Маленова считают, что по завершении юношеского периода социализации, то есть по достижении студентами 23 лет, их следует относить к категории студентов зрелого возраста. Эта категория студентов с особыми образовательными потребностями имеет свои отличительные черты, к которым можно отнести личный опыт трудовых отношений, наличие дефицита времени и различных стратегий сопротивления стрессам [9, с. 60].

Педагоги высшей школы отмечают, что студенты различаются психофизиологическими особенностями, поэтому решение даже типовых задач ставит учащихся в неравные условия [16, с. 84]. О.Е. Пискун считает, что для успешной адаптации к процессу обучения в техническом высшем учебном заведении абитуриенту необходимо иметь определенный уровень интеллектуальных способностей и сетует на то, что часть

абитуриентов таким высоким уровнем логического мышления к моменту поступления в вуз не обладают [14, с. 125]. Такие лица медленнее осваивают нормативный учебный материал.

Учебная деятельность студентов-сирот находится под пристальным вниманием представителей администрации учебных заведений [4, 6]. А.С. Аркин, Дж. Боулби (1951 г.), Л. Ярроу (1972 г.), Х. Скилз (1966 г.) пришли к выводу, что сиротам присущ депривационный синдром, ограничивающий их самостоятельную, в том числе и учебную, деятельность; им проще работать по образцу [6, с. 19]

Поскольку каждой категории студентов с особыми образовательными потребностями присущи черты, снижающие эффективность их учебной деятельности, повышающие вероятность досрочного отчисления с курса [14, с. 125], проблема сохранения контингента таких студентов актуальна. Для ее разрешения необходимо определить отличия таких лиц от практически здоровых студентов; оценить насколько успешно традиционные технологии реализации педагогического процесса получения высшего технического образования способствуют адаптации студентов с особыми образовательными потребностями к педагогическому процессу вуза и укреплению здоровья таких студентов; выявить педагогические условия, обеспечивающие эффективное обучение этих лиц. Очень важно, чтобы молодой человек осознавал свои трудности, был готов принимать и выполнять решения по их устранению [3, с. 126].

Работа проводится в Пермском национальном исследовательском политехническом университете во исполнение требований Федерального закона об образовании в Российской Федерации от 29.12.2012 г.

В программе исследования мы выделили следующие этапы: 1) этап выявления трудностей начального периода учебы таких студентов; 2) этап опроса большого количества студентов для градации проблем; 3) этап выявления педагогических условий для эффективного обучения таких студентов; 4) этап экспериментальной проверки выбранных педагогических условий; 5) оценка их эффективности.

На начальном этапе мы работали с тремя группами студентов аэрокосмического (2 группы) и механико-технологического (1 группа) факультетов. Во втором и четвертом этапах исследования принимали участие студенты трех факультетов: прикладной механики и математики (ФПММ), 44 человека; аэрокосмического (АКФ), 50 человек; механико-технологического (МТФ), 41 человек. На третьем этапе исследования мы анализировали те проблемы, которые снижают учебную успешность студентов и определяли, какие педагогические подходы, технологии помогут таким обучающимся догнать своих однокурсников. Пятый этап позволил нам оценить результативность исследования.

Лица с особыми образовательными потребностями отличаются от практически здоровых студентов. Возможны отличия, как по внешнему виду, так и по поведению. Как отмечает Е. Бартус, люди с ограниченными возможностями воспринимаются обществом отдельной социальной группой [1, с. 65].

Такие студенты нуждаются в дополнительном воспитательном воздействии педагогов учебного заведения, требования к которому заложены в нормативных законодательных актах Российской Федерации и приказах Министерства образования и науки. В настоящее время по отношению к таким лицам деятельности субъектов педагогической системы высшего технического учебного заведения по формированию у них профессионально важных качеств личности недостаточно.

Анализ адаптации студентов с особыми образовательными потребностями к условиям учебной деятельности, к группе, к будущей профессии показывает, что в настоящее время социальные и бытовые условия успешной адаптации таких студентов к педагогическому процессу технического вуза практически отсутствуют.

По результатам исследовательской работы с 1999 года по 2015 год мы получили следующие данные (таблица 1).

Таблица 1

Количество не адаптировавшихся и отчисленных студентов с особыми образовательными потребностями в % от числа поступивших

Категория студентов с особыми образовательными потребностями	Отчислено с первого курса	Отчислено со старших курсов	Получили диплом
Фактическое или социальное сиротство	60	15	25
Наличие хронических заболеваний	15	10	75
Беременность	10	20	70
Переутомление при интенсивных интеллектуальных нагрузках	55	10	35
Зрелый возраст	40	20	40

Из таблицы видно, что от 25 до 75 % студентов с особыми образовательными потребностями не смогли адаптироваться к образовательному процессу вуза и были отчислены. Поэтому представленное исследование мы начали с определения причин неадаптрованности таких студентов к условиям высшей школы. На начальном этапе исследования мы выявили, что заметная часть студентов с особыми образовательными потребностями систематически отсутствует на аудиторных занятиях по уважительной причине. Молодые люди посещают наблюдающих их врачей и выполняют медицинские предписания по укреплению своего здоровья. Студенты отмечали, что самостоятельно выучить пропущенный учебный материал им значительно труднее, чем освоить его с группой в присутствии преподавателя. Неоднократно респонденты отмечали, что тех знаний, которые они получили в средней школе, им недостаточно; часть студентов прибегала к помощи репетиторов, чтобы не отставать от однокурсников. Некоторые студенты поясняли, что не смогли поступить на ту специальность, которая их привлекла в вуз, не прошли по конкурсу; поэтому учатся на специальности, которая им не интересна. На втором этапе исследования упомянутые причины подтвердились: пропускают занятия по уважительным причинам 46-50 % опрошенных студентов, имеют слабую школьную подготовку 32-34 % студентов, хотели бы сменить специальность 20-25 % студентов.

Результаты исследования были учтены нами при проектировании педагогического процесса для студентов с особыми образовательными потребностями.

Согласно с концепцией Винценты Оконя о предметных и личностных целях [12, с. 59] обучения считаем особо важным во взаимодействии со студентами с особыми образовательными потребностями обращать внимание на личностный аспект, поскольку недооценка этого аспекта неблагоприятно сказывается на учебной успешности таких студентов. Личностный (субъективный) аспект связан с познанием самого себя, формированием мотиваций, интересов, ценностных ориентаций, целей, приобретением навыков, способствующих само формированию [12, с. 83, 323]. Обмен личностными фондами педагога и студента, по мнению А.П. Тряпицыной [13, с. 61], осуществляется через монолог, диалог, в ходе которых происходит рождение нового знания, ценностное согласование позиций, образование положительного эмоционального фона и психологического комфорта. В атмосфере взаимопонимания формируется и устойчивое осознанное позитивное отношение к избранной специальности [8].

Такая атмосфера может быть создана при реализации технологии контекстного обучения (автор А.А. Вербицкий), когда перед студентом ставятся вопросы развития профессионального самосознания, в том числе возможной профессиональной ошибки, профессиональной экспертной оценки принятого решения, профессионального долга, профессиональной обязанности и профессиональной ответственности. Эти профессиональные категории иллюстрируются множеством предметных и социальных задач. Технология учения через обучение (автор Жан-Поль Мартан) позволяет студенту включаться, кроме коммуникативного и осваивающего, в познавательный и самооценивающий виды деятельности; творчески подбирать, систематизировать и представлять однокурсникам учебный материал. Педагогическая технология разноуровневого обучения (автор М.Ю. Бухаркина) дает возможность молодому человеку самому определять время встречи с педагогом, формы взаимодействия с ним, глубину и сложность учебного материала.

Реализация предложенных технологий осуществлялась нами в рамках системы адаптации студентов с особыми образовательными потребностями к обучению в техническом вузе.

Для совершенствования образовательной практики Н.М. Борытко рекомендует создавать модель процесса становления исследуемого феномена (свойства, качества или деятельности) как целостной саморазвивающейся системы [2, с. 127].

Модель целостного процесса формирования изучаемого качества, по мнению Н.К. Сергеева, должна носить этапный и стадийный характер [2, с. 295]. Модель становления адаптированности (рис. 1) включает этапы взаимодействия субъектов педагогического процесса, стадии их взаимодействия и результаты взаимодействия, представленные критериями оценки успешной адаптированности и уровнями критериев. В нашем исследовании понятие «адаптированность» отражает результативную сторону процесса адаптации. Диагностику студентов-первокурсников проводит педагог организационно-педагогического сопровождения. Это первый этап в его взаимодействии со студентом. Выявив лиц с особыми образовательными потребностями, он

встречается с каждым из молодых людей и в личной беседе определяет, что мешает студенту успешно учится. Если молодой человек жалуется на состояние своего здоровья, педагог объясняет ему, что в политехническом университете есть специальные подразделения (медицинский пункт; врачи-терапевты студенческой поликлиники, закрепленные за каждым факультетом; санаторий-профилакторий), деятельность которых направлена на укрепление состояния здоровья обучающихся. Педагог помогает студенту подобрать виды комплексного сопровождения (рис.1), рекомендует освоить специализированные дисциплины, знакомит студента со списком дисциплин. Это второй этап взаимодействия. Воспитатель обращает внимание на профессионально важные качества личности молодого человека. Поскольку встречи субъектов педагогического процесса происходят не реже одного раза в неделю, педагог организационно-педагогического сопровождения имеет возможность оценивать и корректировать динамику формирования этих качеств. При необходимости даст студенту совет посетить цикл занятий по усилению мотивации к учению [10, с. 12]. Третий этап позволяет осуществить подобранные виды адаптации.

Нормативные документы предлагают введение специализированных адаптационных дисциплин (модулей) в основные образовательные программы для дополнительной индивидуализированной коррекции нарушений учебных и коммуникативных умений, профессиональной и социальной адаптации на этапе высшего образования [10, с. 12]. Реализация адаптационных дисциплин (модулей) в рамках вспомогательных и дополнительных курсов наиболее эффективна, поскольку эти аудиторные занятия предназначены для определенного контингента студентов и, как правило, осуществляются во второй половине учебного дня.

Образовательные организации высшего профессионального образования должны обеспечить лицам с ограниченными возможностями здоровья выбор специализированных адаптационных дисциплин [10, с. 12]. Набор этих специфических дисциплин образовательная организация может определять самостоятельно, исходя из конкретной ситуации и индивидуальных потребностей таких студентов.

Модель процесса становления адаптированности включает следующие стадии, представленные в правой части рис. 1: преимущественно воздействие педагога на студента, их равноправное взаимодействие, сопровождение педагогом самовоспитательной деятельности студента.

На этапе осознания проблемы адаптации студент с особыми образовательными потребностями, как правило, не выполняет своевременно нормативные требования учебного процесса по всем дисциплинам даже на уровне «удовлетворительно», считает свою учебную деятельность неуспешной, испытывает разочарование в своем выборе технической специальности. После цикла занятий по усилению мотивации к учению молодой человек осознанно осваивает специализированные адаптационные и нормативные дисциплины, желая повысить успешность своей учебной деятельности. Полная реализация выбранных видов адаптации отражается на всех критериях оценки успешной адаптации (рис. 1).

Динамика изменения состояния учебной успешности студентов, посещавших вспомогательные курсы, представлена в табл. 2.

Таблица 2

Повышение учебной успешности студентов с особыми образовательными потребностями (в % от общего числа респондентов)

Состояние	Зачеты	Экзамены
Выполнение нормативных сроков сессии	50	40
Небольшое отставание	20	40
Большое отставание	30	20
Итого	100	100

Предложенное адаптационное сопровождение учебного процесса студентов с особыми образовательными потребностями способствует созданию для них информационно-образовательной среды с положительным эмоциональным фоном и психологическим комфортом. Педагоги системы адаптации уважительно относятся к социальным и профессиональным решениям каждого студента, учитывают его индивидуальность и те проблемы, которые в данный временной интервал решаются им. Поэтому студенты увереннее чувствуют себя в техническом университете и стабильно повышают свою успеваемость. Таких студентов насчитывается от 55 до 70 %.

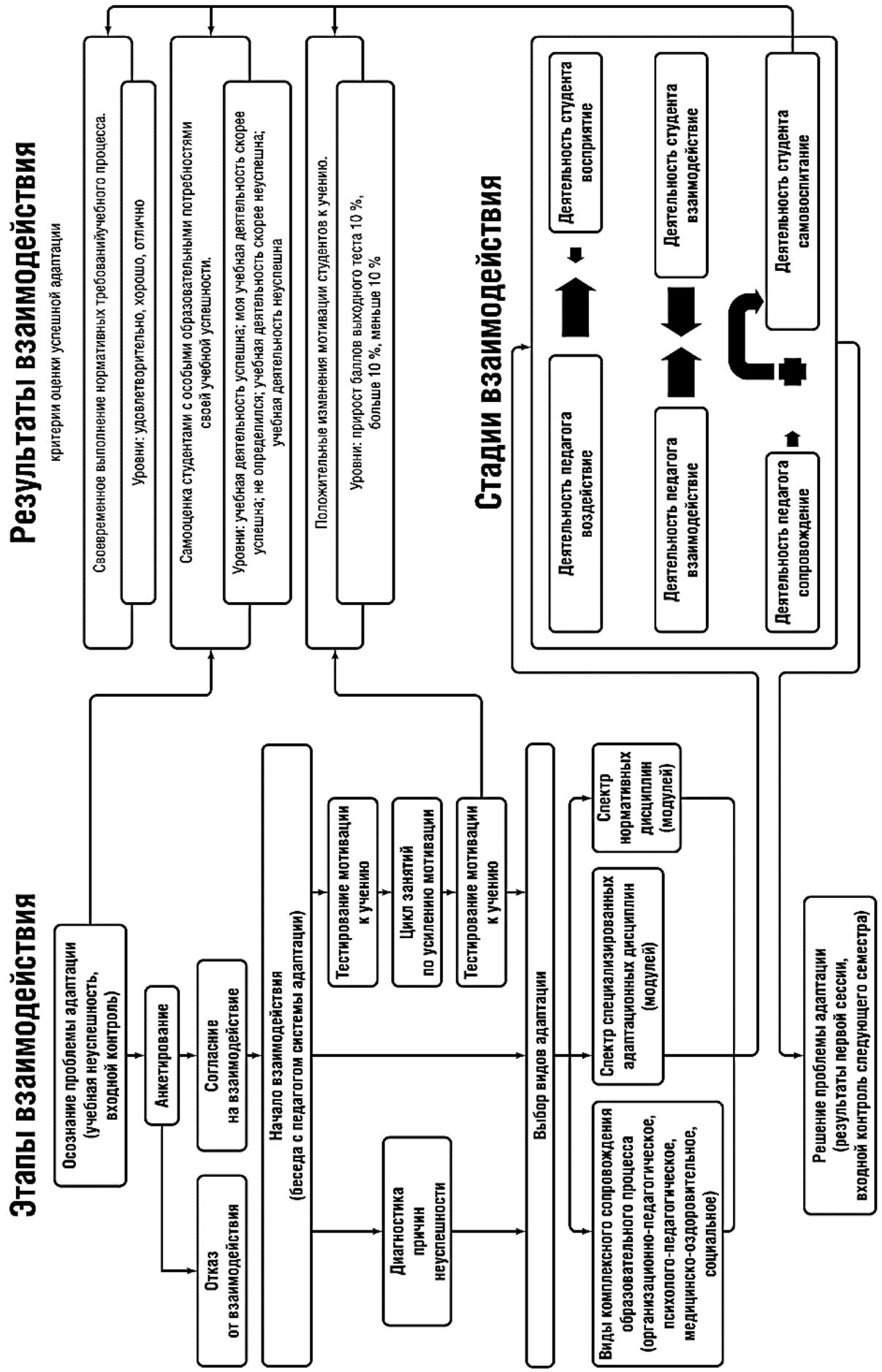


Рис. 1. Модель процесса становления адаптированности студентов с особыми образовательными потребностями.

Выводы

Анализ опыта повышения учебной успешности студентов с особыми образовательными потребностями показал, что их взаимодействие с педагогами в рамках системы адаптации положительно сказывается на их успеваемости, состоянии здоровья, самооценке учебной деятельности. До нормативного уровня повышают свою учебную успешность две трети студентов. Если студенты участвуют в работе системы адаптации более одного семестра, результативность их учебы повышается.

В настоящее время в высших учебных заведениях Российской Федерации насчитывается более 576 тысяч бюджетных мест [11]; число контрактных мест сопоставимо с числом бюджетных. Если учесть, что с дневной и заочной форм обучения по причине неуспеваемости до 10 % студентов ежегодно отчисляются, то можно сделать вывод о том, что предложенное адаптационное сопровождение весьма эффективно.

Список литературы

1. Бартус Е. Отношение общества к людям с ограниченными возможностями // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. С. 63-67.

2. Борытко Н.М. Методология и методы психолого-педагогических исследований: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.М. Борытко, А. В. Моложавенко, И.А. Соловцова; под ред. Н. М. Борытко. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 320 с. Приложение 1. С. 294-296.

3. Булыгина Ю.С. Научно-психологический взгляд на проблему социальной успешности современных студентов // Национальная ассоциация ученых. Ежемесячный научный журнал, № 4 (9) / 2015. Часть 4. С. 124-126.

4. В добрый путь выпускник! Сборник нормативных правовых документов и методических материалов по вопросам защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 72 с.

5. Вопросы труда инвалидов. Кодекс практики МБТ. Женева, Международное бюро труда. 2002. 46 с.

6. Дополнительная образовательная программа «Соучастие в судьбе». Сборник программно-методических материалов. Пермь: «ОТ и ДО», 2010. 64 с.

7. Жаркова О.С., Уразаев А.М., Берестнева Е.В. Личностные особенности беременных женщин, ожидающих рождения первого ребенка // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра СО РАМН. Иркутск. 2013. № 3–1 (91). С. 13-15.

8. Жураковский В.М., Сазонова З.С. Актуальные задачи модернизации профессионального образования // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 4-12.

9. Маленова А.Ю. Особенности отношения и копинг-поведения студентов зрелого возраста в ситуации экзаменационной аттестации // Вестник Омского университета. Омск. Серия: Психология. 2012. № 1. С. 59–67.

10. Методические рекомендации по организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях высшего образования, в том числе оснащенности образовательного процесса. № АК-44/05 вн, от 8.04.2014 г. Министерство образования и науки Российской федерации. М. 2014. 19 с.

11. Минобрнауки: число бюджетных мет в вузах в 2015 году. Пресс-служба Минобрнауки URL: http://ria.ru/society/20150226/ 1049709642.html. Дата обращения 9.03.2016 г.

12. Оконь В. Введение в общую дидактику: Пер. с польск. Л.Г. Кашкуревича, Н.Г. Горина. М.: Высш. шк., 1990. 382 с.

13. Педагогика: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / Под ред. А.П. Тряпицыной. Спб.: Питер, 2013. 304 с.

14. Пискун О.Е. Влияние особенностей интеллекта на адаптацию студентов к обучению в техническом вузе // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. М. 2011. № 11. С. 123–125.

15. Право детей с ограниченными возможностями на образование: подход к инклюзивному образованию, основанный на соблюдении прав человека, в регионе ЦВЕ/СНГ. 2011. United Nations Children's Fund (UNICEF).

16. Ревенко Е.М., Сальников В.А. Типологические особенности проявления свойств нервной системы у студентов, различающихся уровнем интеллекта // Казанский педагогический журнал. Казань. 2008. № 3. С. 76–86.

17. Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании» от 29.12.2012 № 273-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.12.2012: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26.12.2012.

Об авторе

Скамьянова Татьяна Юрьевна – кандидат технических наук, доцент, специалист по социальной работе (в системе адаптации), управление социальной и внеучебной работы, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, st-perm@mail.ru

УДК 372.881.111.1

СИСТЕМА МОБИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Слепцова Л.А., Клименко М.В.

Статья посвящена актуальным вопросам использования мобильного обучения как способа оптимизации процесса языковой подготовки студентов. В работе раскрывается понятие “mobile-learning”, его методологические основы и ведущие принципы построения процесса обучения на основе использования мобильных устройств для организации групповой и самостоятельной работы студента, интерактивных видов деятельности, контроля и оценивания, индивидуализации обучения и как дополнительного источника мотивации учебной деятельности студентов.
Ключевые слова: компетенция, коммуникация, мобильное обучение, мобильные устройства, обучение иностранному языку, междисциплинарные связи, аутентичный материал.

M-LEARNING SYSTEM IN LANGUAGE TRAINING OF UNIVERSITY STUDENTS

Sleptsova L.A., Klimenko M.V.

The article is devoted to the topical issues of the use of mobile learning as a method of improvement of the process of language training of students. It reveals the concept "mobile-learning", its methodological basis and leading principles of the training process design on the ground of use of mobile devices for the organization of group and independent work of the student, interactive types of activity, control and assessment, individualization of training and as additional source of motivation of students educational activities.
Keywords: competence, communication, mobile learning, mobile devices, foreign language training, interdisciplinary links, authentic material.

Традиционно обучение иностранным языкам связано с использованием технических средств, которые постоянно обновляются и совершенствуются (лингафонные кабинеты, аудио- и видеоуроки, обучающие программы, электронные словари и т.д.). Это обеспечивает высокую информативную емкость материала, активизирует познавательную активность учащихся, повышает наглядность урока, интенсивность его проведения, способствует индивидуализации и дифференциации учебного процесса.

Современный уровень развития технических средств привел к появлению новых подходов к обучению языку – на основе специализированных приложений для мобильных устройств. Это тренажеры по грамматике и лексике, разнообразные словари, приложения, интегрированные с сайтами, где можно не только учить слова, но читать и слушать тексты, проходить лингвистические квесты.

Понятие «мобильное обучение» появилось в зарубежной педагогической литературе более десятилетия назад. Термин *мобильное обучение* (*м-обучение*) или *mobile learning* (*m-learning*) обозначает использование мобильных и портативных устройств, например, мобильных телефонов, ноутбуков и планшетных персональных компьютеров, в преподавании и обучении [1]. Проблема внедрения мобильных технологий в образовательный процесс рассматривается на уровне ЮНЕСКО. Повседневное использование учащимися мобильных телефонов и других устройств в настоящее время рассматривается как основной стимул массового распространения мобильного обучения, которое понимается как обучение, основанное на использовании обучающих возможностей, предоставляемых мобильными технологиями [2].

Компьютеры и Интернет являются неотъемлемой частью процесса обучения на современном этапе развития образования во всем мире. Методы мобильного обучения обладают значительными преимуществами по сравнению с другими, так как имеют неформальный и индивидуализированный характер, что обеспечивает большую свободу обучающегося в выборе места и времени обучения. Это снижает стрессовую нагрузку на студента, которому свойственно клиповое мышление, а не долгая рутинная работа с учебным материалом. Эту идею подтверждает определение С. Геддеса, где мобильное обучение понимается как "получение знаний и навыков посредством мобильных технологий в любое время, в любом месте, что ведет к определенным изменениям в поведении и менталитете ученика" [5].

Уже на стыке тысячелетий мобильное обучение определялось как «предвестник обучения будущего» [7]. Описанием методических основ и дидактических свойств мобильных технологий занимались О.В. Пустовалова (2012), А.П. Авраменко (2013) С.В. Титова (2014), Н.Г.

Бондаренко (2014) и др. Но, несмотря на активное распространение мобильного обучения, отечественные и зарубежные ученые отмечают его незрелость с точки зрения педагогической проработки и должного применения [3; 8]. Следовательно, вопрос использования мобильного обучения в практике преподавания иностранного языка в вузе является актуальным и требует детального анализа.

Рассматривая использование мобильного обучения на занятиях по практической фонетике английского языка, необходимо отметить, что оно позволяет в полной мере реализовывать ряд ведущих педагогических принципов, необходимых для достижения поставленных целей и задач: принцип наглядности (применение мобильных устройств позволяет визуализировать необходимую для усвоения информацию); принцип сознательности и активности (студенты выступают активными субъектами-участниками процесса обучения, создавая мобильную среду для поиска решения проблемной ситуации, выявления определенных языковых закономерностей); принцип доступности и посильности (преподаватель в соответствии с программой обучения и уровнем языковой подготовки каждой отдельной группы студентов подбирает систему заданий, реализуемых на платформе мобильных устройств и учитывающих индивидуальные особенности каждого обучаемого); принцип межпредметной координации (использование мобильных устройств расширяет возможности создания прочных межпредметных связей на занятиях по практической фонетике английского языка, так как позволяет использовать аутентичные материалы по тематике дисциплины «Практика устной и письменной речи английского языка» как основной материал для работы над фонетической стороной речи).

Безусловно, мобильные технологии понимаются очень широко, они предполагают возможность свободного перемещения участников образовательного процесса, расширение его рамок, реализацию дистанционного обучения и т.д. В рамках проведенного нами исследования был рассмотрен такой аспект, как использование мобильных устройств на занятиях по дисциплине «Практическая фонетика английского языка» со студентами 1 курса факультета иностранных языков. В процессе обучения данному предмету было реализовано мобильное обучение как на разных этапах изучения материала в рамках разделов и тем учебной программы, так и на разных этапах занятия: фонетическая разминка, закрепление пройденного материала, как средство оценки уровня усвоения и владения теми или иными произносительными умениями и навыками и т.д.

С целью выявления насколько часто обучаемые обращаются к помощи мобильных устройств и гаджетов при подготовке к занятиям и каких аспектов обучения языку это чаще всего касается, был подготовлен опросный лист. Опрос студентов первого курса факультета иностранных языков (направление обучения «Педагогическое образование» профиль подготовки Иностранный язык (английский) и иностранный язык (немецкий) в количестве 35 человек) показал, что студенты используют свои мобильные устройства в учебных целях в основном для поиска информации и работы со словарями или электронными переводчиками, но довольно малое время уделяют специфическим видам деятельности, таким как аудирование или просмотр учебных видео, при этом большинство студентов хотят использовать свой телефон на занятии.

Полученные результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Опросный лист

Вопрос	Ответ
1. Используете ли Вы мобильный телефон (МТ) в учебных целях? Если да, то для каких именно:	
• словари	86 %
• поиск информации в Интернете	81 %
• запись и хранение учебной информации	63 %
• аудирование	27 %
• чтение книг	63 %
• просмотр учебных видео	27%
• консультация с товарищами по учебе	75%
• иное	26%

2. Сколько времени в день Вы пользуетесь МТ для учебных целей (в среднем)?	2,5 часа
3. Пользуетесь ли Вы какими-нибудь учебными приложениями на МТ?	Да – 36%, Нет – 64%
4. Хотели бы Вы пользоваться МТ на уроке в учебных целях?	Да – 88%, Нет – 12%

После обработки результатов опроса был проведен блок занятий по практической фонетике английского языка на базе внедрения и использования мобильных устройств.

Работа над вводно-коррективным разделом, направленным на формирование общего представления о фонетическом строе английского языка, особенностях артикуляции звуков и их сочетаний, фонетических явлениях и интонации, предполагала проведение фонетической зарядки (phonetic drill), нацеленной на тренировку правильной постановки артикулирующих органов речи. На данном этапе включение мобильного обучения представляется логичным для выполнения следующего задания: студентам предлагается, используя устройства мобильной связи или иные гаджеты, снять на видео себя в качестве ведущего этой зарядки и потом по очереди на каждом занятии демонстрировать полученные видео в группах из 3-4 человек. Применение данного приема способствует развитию навыков контроля, оценки, коррекции и саморегуляции. Студенты развивают умения действовать по предложенному плану (этапы фонетической зарядки), сверять свои действия с ним, выявлять и исправлять ошибки при неоднократном просмотре собственной видеозаписи и ее сравнении с предъявляемыми требованиями. Также формируется социальная компетентность, умение слушать и вступать в диалог, участвовать в коллективном обсуждении проблем, интегрироваться в группу сверстников и строить продуктивное взаимодействие и сотрудничество, поскольку организация фонетический разминки предполагает взаимодействие ведущего с группой студентов, координацию их действий, проверку правильности выполнения задания.

Кроме того, после проведения фонетической зарядки при помощи видео-ведущего можно обсудить со студентами каждый видеоролик и определить самого активного и профессионального члена группы в рамках данного задания. Это означает, что уже на самом раннем этапе обучения реализуется педагогический компонент обучения иностранному языку, формируются навыки, необходимые в дальнейшем для успешного прохождения производственной (педагогической) практики в средних общеобразовательных школах при работе с учащимися различных ступеней обучения.

Далее в соответствии с учебной программой предусмотрено изучение различных фонетических явлений, которые наблюдаются при произнесении звуков в потоке речи. Для закрепления навыков обнаружения данных фонетических явлений в текстах в рамках нашего исследования были предложены следующие приемы мобильного обучения:

I. На этапе знакомства с новым материалом преподаватель после объяснения того или иного фонетического явления предлагает студентам, используя свои мобильные устройства, перейти по заранее подготовленным им ссылкам и проиллюстрировать изложенную информацию на реальных примерах из аутентичных аудио- и видеоисточников (видеоролики, клипы, лекции). На этапе объяснения нового материала также возможным представляется организовать самостоятельную индивидуальную работу студента с опорой на мобильные устройства с выходом в Интернет следующим образом: перейти по ссылке (например, [4; 6]) на сайт, прослушать лекцию по предложенной теме и сделать краткий конспект, который позже необходимо представить в виде доклада. При этом студентам могут быть предложены как одинаковые, так и разные ссылки, что варьирует изучаемый материал и значительно расширит и углубит его содержание, с одной стороны. С другой стороны, студенты будут иметь возможность совершенствовать навыки восприятия аутентичной иноязычной речи на слух, способность работать с информацией и выделять главное.

II. На этапе закрепления пройденного материала и отработки формируемых навыков студентам предлагается, используя мобильный телефон или иной гаджет, найти в сети Интернет материал в соответствии с изучаемой темой по практике устной и письменной речи английского языка и подчеркнуть все известные фонетические явления (преподаватель сам может предоставить необходимые ссылки и QR-коды, чтобы студенты

переходили по ним, находили нужную информацию и работали над полученным фонетическим заданием). При выполнении данного задания студенты приобретают навыки работы в сети Интернет, самостоятельного поиска и обработки информации. Дальнейшая работа с найденным материалом может предполагать индивидуальные, парные или групповые виды деятельности.

Необходимо отметить, что подобного рода задания реализуют идею междисциплинарных связей. В качестве иллюстрации можно предложить работу на материале дисциплины «Практика устной и письменной речи английского языка», который сам по себе демонстрирует связь языкового, культурологического, исторического, психологического и т.д. аспектов:

- при изучении темы *People and their Relationship (Люди и их взаимоотношения)* – характеристику различных знаков зодиака, рекламные объявления о знакомствах, психологические характеристики, тесты, опросы и т.п.;

- при изучении темы *Food and Meals (Еда)* студентам предлагается найти рецепт приготовления какого-либо блюда;

- при изучении темы *Houses and Homes (Дома)* – рекламное объявление о покупке, продаже или аренде жилья.

При изучении раздела *Conversation* (диалог), предполагающего знакомство студентов с особенностями речевых клише, использующихся в английском языке при знакомстве, начале или завершении диалога, выражении согласия или несогласия, запросе информации и т.д., можно предложить следующее задание как элемент мобильного обучения: на учебном занятии при условии доступа к сети Интернет организовать работу в парах, когда необходимо найти видеоролик диалога на заданную тему на сайте youtube.com и воспроизвести его, используя изученные клише и выражения (согласия/несогласия, начала разговора и др.).

III. На завершающем этапе работы или в качестве домашнего задания при использовании элементов мобильного обучения студентам было предложено осуществлять аудиозапись чтения текстов с учетом изучаемых интонационных моделей. При этом созданные аудиозаписи можно в установленный срок загружать в электронную систему обучения ВУЗа, в которой преподаватель будет их оценивать и давать комментарии. Подобного рода задания значительно снизят уровень напряженности и негативных эмоций у тех студентов, которые по тем или иным причинам стесняются выполнять задания перед группой, или же у которых на занятии чтение вслух того или иного материала вызывает затруднения [9].

IV. На этапе итогового контроля за уровнем усвоения пройденного материала для студентов было организовано групповое и индивидуальное прослушивание (материалы: http://learnenglish.britishcouncil.org/en/stories-poems). При этом для реализации принципа индивидуализации обучения преподаватель создает несколько вариантов заданий по работе с прослушанным монологом (диалогом/полилогом), каждое из которых студенты получают при переходе по QR-коду, полученному после прослушивания. При этом идея индивидуальной образовательной траектории может быть реализована посредством учета при составлении заданий текущей успеваемости отдельных студентов, имеющихся пробелов в знаниях, выявленных по результатам текущего контроля.

На завершающем этапе работы был проведен повторный опрос студентов с целью выявления изменений в уровне их заинтересованности в применении мобильных устройств на занятиях и при подготовке к ним. Результаты опроса показали, что практически все респонденты (97%) стали использовать мобильные устройства для поиска учебной информации в Интернете, а количество студентов, использующих их для просмотра учебных видео и аудирования возросло на 15% и 24% соответственно. Промежуточный контроль уровня усвоения материала программы по дисциплине «Практическая фонетика английского языка» выявил повышение качества знаний на 25%.

Таким образом, использование мобильного обучения можно рассматривать как средство организации групповой работы, интерактивных видов деятельности, самостоятельной работы студента, процесса индивидуализации, контроля и оценивания и как дополнительный источник мотивации учебной деятельности студентов, изучающих иностранный язык. С опорой на мобильные технологии можно построить современный урок иностранного языка, который будет отвечать государственным стандартам, создаст индивидуальную траекторию обучения в многогранности и разнообразии способов получения, хранения и обработки информации, расширит перечень технического и мультимедийного оборудования и усовершенствует систему языкового образования в целом.

Список литературы

1. Герасименко Т.Л., Гулая Т.М., Грубин И.В., Жидкова О.Н., Зенина Л.В., Лобанова Е.И., Романова С.А. Лингвострановедческий аспект обучения иностранным языкам с применением современных интернет технологий: коллективная монография. М., МЭСИ. 2013. 119 с.

2. Кукульска-Хьюм А. Мобильное обучение. Аналитическая записка. Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании. С. 1-2. URL: http://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214679.pdf (дата обращения: 10.08.2016)

3. Самохина Н.В. Использование мобильных технологий при обучении английскому языку: развитие традиций и поиск новых методических моделей // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-3. С. 591-595.

4. Ashworth E. An introduction to articulatory phonetics. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mOd3iDQLnKE (дата обращения 18.11.2016).

5. Geddes S. Mobile learning in the 21st century: benefit for learners. 2004. URL: http://knowledgetree.flexiblelearning.net.au/edition06/download/geddes.pdf (дата обращения 20.04.2016)

6. International Phonetic Alphabet (IPA). English Pronunciation. URL: https://www.youtube.com/watch?v=o8KppNXfx2k (дата обращения 18.11.2016).

7. Keegan D. The future of learning: From eLearning to mLearning. URL: http://eric.ed.gov/?id=ED472435 (дата обращения 13.08.2016)

8. Traxler J. Current State of Mobile Learning. International Review on Research in Open and Distance Learning (IRRODL) 8, no. 2. 2007. URL: http://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/346/882 (дата обращения 12.08.2016)

9. Yannick J. “M-Learning: A pedagogical and technological model for language learning on mobile phones”. In: Blended Learning, Joseph Fong, Fu Lee Wang (Eds), 2007. Pp.327-339.

Об авторах

Слепцова Лариса Аркадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, l.sleptsova@gmail.com

Клименко Марина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, kmv0604@yandex.ru

УДК 371.3

ВЛИЯНИЕ СТЕПЕНИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИОПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сычёва О.А.

Рассматривая социоприродное окружение как часть образовательной среды, следует учитывать его роль в формировании экологической культуры. Автором доказана взаимосвязь степени использования социоприродного окружения и результатов экологического образования. Результаты подтверждаются с помощью методов математической статистики. Выделены наиболее результативные методы, формы и направления экологического образования.
Ключевые слова: экологическое образование, формирование экологической культуры, школьное образование.

INFLUENCE OF THE DEGREE OF USE OF SOCIALLY NATURAL ENVIRONMENT IN EDUCATIONAL PROCESS ON RESULTS OF ECOLOGICAL FORMATION

Sycheva O.A.

Considering socially natural environment as a part of the educational environment, it is necessary to consider its role in formation of ecological culture. The author proves interrelation of a degree of use of socially natural environment and results of ecological formation. Results prove to be true by means of methods of mathematical statistics. The most productive methods, forms and directions of ecological formation are allocated.
Keywords: ecological education, formation of ecological culture, school education.

Экологическое образование с каждым годом не теряет своей актуальности. В качестве ключевого результата экологического образования большинством ученых признается экологическая культура, включающая экологическое сознание, экологическое мировоззрение, экологически целесообразную деятельность [2]. На наш взгляд, наибольшей ценностью среди компонентов экологической культуры является экологически целесообразная деятельность. Такая деятельность является ответственной, основанной на знаниях и эмоционально-ценностном отношении к природе. При этом, включая школьников в те виды практический деятельности, которые направлены на реализацию их отношения к природе в практической деятельности, мы одновременно оцениваем и интенсивность и направленность их отношения.

Для выявления взаимосвязи степени учета социоприродного окружения и результатов экологического образования в течение 2015 – 2016 гг. было проведено исследование на базе образовательных учреждений Забайкальского края. В исследовании приняли участие более пятисот учащихся 8 – 10 классов. Для обеспечения равных условий были выбраны школы, находящиеся в одинаковых материально–технических и социально–экономических условиях. Ключевой показатель, взятый за основу для анализа, – степень использования социоприродного окружения в процессе экологического образования.

В каждой школе так или иначе реализуется экологическое образование: с использованием различных форм, средств и методов. Школы были распределены на группы в зависимости от использования образовательной среды для формирования экологической культуры.

Для распределения был проведен анализ характера вовлечения в образовательную деятельность социоприродного окружения каждой школы и направленности на формирование экологической культуры. Интегрированный показатель уровня использования школой социоприродного окружения определялся исходя из содержания, форм, методов, приемов и направлений работы, используемых образовательным учреждением.

Отбор наиболее эффективных форм, методов, приемов, средств и направлений работы был произведен на основе изучения более 100 научных статей, монографий и методических пособий известных ученых и педагогов-практиков [2; 3].

Оценивая содержательно деятельность школы по экологическому образованию, в первую очередь мы обращали внимание на систематичность занятий и наличие программ экологической направленности. Ранжирование школ по этим показателям с присвоением баллов проводилось следующим образом:

–Реализация регионального экологического стандарта, наличие программы внеклассной

работы экологической направленности, сотрудничество с учреждениями дополнительного образования по экологическому направлению – 3 б.

–Интеграция экологических знаний в общеобразовательные предметы, закрепленная в рабочих образовательных программах, регулярное проведение внеклассных мероприятий, кружковая работа – 2 б.

–Регулярное проведение межпредметных уроков с экологическим содержанием, разовое проведение мероприятий экологического содержания – 1 б.

Анализируя используемые в образовательном учреждении формы работы по экологическому образованию, мы также провели ранжирование школ, учитывая степень практико-ориентированности, возможности получить конкретный результат [3]:

–Практическая природоохранная деятельность по улучшению социоприродного окружения школы, экологические традиции, экологические движения, реализация эколого-ориентированных проектов – 3 б.

–Полевая практика, акции, озеленение школы, экологический десант, экологические клубы, экологическая тропа – 2 б.

–Экскурсии, походы, экспедиции, экологические праздники, конференции, слеты – 1 б.

При оценке школ по использованию различных направлений работы, способствующих включению школьников в социоприродное окружение, учитывался комплексный характер видов деятельности, возможности сотрудничества образовательного учреждения с различными организациями. Ранжирование осуществлялось по следующим показателям:

–Сотрудничество с другими учреждениями по улучшению близлежащего социоприродного окружения, организация работы экологического лагеря, реализация социальных проектов экологического характера, создание экологического движения, детской общественной организации – 3 б

–Проведение исследований в условиях социоприродного окружения, работа со СМИ, участие в научно–практических конференциях с исследованиями и проектами экологической направленности – 2 б.

–Экологизация образовательной среды, внутришкольные экологические конкурсы – 1 б.

Оценивая используемые школами приемы и средства, основанные на применении резервов ближайшего социоприродного окружения, учитывались приемы и средства, воздействующие, в первую очередь, на эмоционально-чувственное и ценностное отношение к природе, мотивирующие школьников на практическую природоохранную деятельность:

–Организация школьниками деятельности экологического музея, школьного мини-заповедника, создание фото-, радио- и видеорепортажей о родном крае, экологическая символика – 3 б.

–Организация учебных экологических экспедиций, экскурсий, использование в учебной деятельности экологических и эколого-валеологических троп – 2 б.

–Привлечение ресурсов школьного помещения, пришкольного участка, микрорайона в качестве средства обучения – 1 б.

Таким образом, на основе практического анализа все образовательные учреждения были распределены на три группы: 1) школы, активно и систематически использующие социоприродное окружение в качестве образовательного ресурса, побуждающие учащихся проявлять инициативу к практической деятельности по его улучшению; 2) школы, использующие социоприродное окружение в качестве образовательного ресурса периодически, привлекающие школьников к улучшению окружающей природной среды; 3) учреждения, в которых подобная работа проводится на нерегулярной основе, без использования всего спектра форм, методов, средств экологического образования.

По численности школы, принадлежащие к той или иной группе, распределились следующим образом: 1 группа – 10% от общего количества обследованных школ (36), 2 группа – 34%, 3 группа – 56%.

Далее для выявления соотношения степени использования социоприродного окружения и уровня экологической культуры личности нами была проведена диагностика. Уровень экологической культуры школьников мы определяли с помощью методик диагностики: «Натурафил», «ЭЗОП» (С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин [1]). В исследовании приняли участие более 1000 школьников старших классов.

Анализируя полученные результаты по методике «Натурафил», мы пришли к следующим выводам:

В целом, результаты соответствуют возрастным особенностям учащихся (в соответствии с исследованиями С.Д. Дерябо, В.А. Ясвина [1]) – большинство показателей отношения к природе имеют значения «средний» и «выше среднего».

Эмоционально-чувственное восприятие природных объектов (перцептивно-аффективный компонент отношения к природе) – показатель, в значительной степени поддающийся изменениям. Повышение его значения напрямую связано с особенностями работы школы по экологическому образованию, рассмотренными выше (от 3 до 5 баллов).

Уровень познавательной активности (когнитивный компонент отношения школьников к природе) в соответствии с возрастными особенностями невысок у большинства школьников (4 балла). Особенно низкие показатели (3 балла) имеют учащиеся школ, относящихся к третьей группе.

Готовность изменять свои поступки в соответствии со своим отношением к природе и осуществлять практическую деятельность по изменению природного окружения (поступочно-инфлюативный и практический компоненты отношения к природным объектам) – также имеет средние значения (4 балла) у большинства школьников и трудно поддается изменению. Даже у ребят в школах первой группы зафиксировано лишь незначительное (не значимое статистически) повышение данного показателя.

Натуралистическая эрудиция как дополнительный компонент отношения к природе является наиболее поддающимся изменениям показателем. Учащиеся школ первой группы показывают очень высокие значения (8 баллов), тогда как школьники второй и третьей групп образовательных учреждений не смогли набрать более 5 баллов.

Интегральный показатель отношения к природе также напрямую коррелирует с особенностями работы школы в сфере экологического образования. Значения данного показателя также колеблются от 49 до 58 баллов, и эти различия являются статистически значимыми.

Не менее значимы в рамках нашего исследования результаты, полученные с помощью ассоциативной методики «ЭЗОП», также являющейся валидной. С помощью данной методики нами изучалась доминирующая установка в отношении к природе. Среди пяти выделенных авторами методики установок самый высокий уровень среди всех школьников имеет эстетическая установка, т.е. восприятие объектов природы с позиции красоты и эстетики – 36–40%.

Когнитивная установка, т.е. стремление получать знания о природных объектах, имеет невысокие значения (20–25%), что согласуется с результатами по предыдущей методике как в целом, так и по группам образовательных учреждений.

Этическая установка, т.е. восприятие природы как объекта охраны, занимает наиболее низкие позиции у всех школьников. Колебания 13–14% не являются статистически значимыми при анализе различий между группами школ.

Прагматическая установка (восприятие природы с точки зрения пользы для человека, использования ее ресурсов) достаточно высока у большинства школьников (22–26%), что является возрастной особенностью старших школьников. При этом различия между школьниками первой и второй групп образовательных учреждений незначительны, учащиеся школ третьей группы имеют наиболее высокие показатели по данной шкале.

Зависимость степени использования социоприродного окружения образовательного учреждения и уровня экологической культуры личности школьников отражена нами с помощью диаграммы (рис. 1). На диаграмме чётко видна корреляция между уровнем использования социоприродного окружения и ключевыми параметрами отношения школьников к природе – интенсивностью (по методике «Натурафил» и прагматическим отношением (по методике «ЭЗОП»).

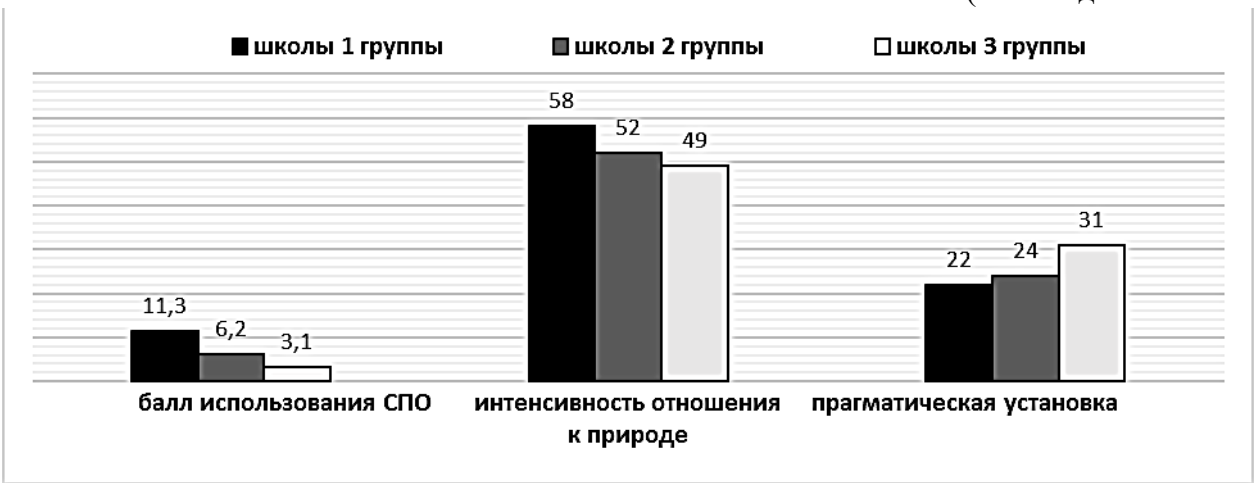


Рис. 1. Зависимость уровня экологической культуры личности школьников от степени использования социоприродного окружения образовательного учреждения (СПО).

Таким образом, вовлечение школьников в деятельность, значимую для социоприродного окружения образовательного учреждения, является, с одной стороны, важным результатом экологического образования школьников и, с другой стороны, является показателем высокого уровня экологической культуры личности.

Использование методов математической статистики позволяет определить, насколько зависимость между степенью учета социоприродного окружения и показателями уровня экологической культуры школьников (по методикам С.Д. Дерябо, В.А. Ясвина) является достоверной и статистически значимой.

В ходе анализа нами выявлено, что статистически значимыми являются различия следующих показателей: перцептивно–аффективный компонент, натуралистическая эрудиция и интенсивность отношения к природе (по методике «Натурафил»), а также различия в выраженности эстетической, прагматической и когнитивной установок (по методике «ЭЗОП»).

Кроме того, нами выявлялось наличие корреляции между уровнем экологической культуры личности школьников и используемыми методами, средствами, формами и направлениями работы школы по экологическому образованию. Статистически значимыми являются значения R? (коэффициента корреляции по методике Спирмена) больше или равные 0,5. Ниже приведены и проранжированы показатели использования социоприродного окружения образовательного учреждения с указанием значений R?:

– Практическая природоохранная деятельность по улучшению социоприродного окружения школы (R?= 0, 92);

– Реализация экологоориентированных проектов (R?= 0, 92);

– Улучшение социоприродного окружения пришкольного участка (R?=0,91);

– Экологический лагерь (R?=0,90);

– Организация школьниками деятельности экологического музея, школьного мини–заповедника (R?= 0, 89)

– Полевая практика (R?= 0, 82);

– Сотрудничество с другими учреждениями по улучшению близлежащего социоприродного окружения (R?= 0, 80)

– Наличие экологических традиций (R?= 0,77);

– Работа со средствами массовой информации (R?= 0,75);

Перечисленные направления и формы деятельности в наибольшей степени основаны на вовлечении детей в деятельность по улучшению социоприродного окружения, являются комплексными, практикоориентированными, опираются на ценностное отношение школьников к окружающей природной среде, предполагают инициативу и личностную заинтересованность школьников в их реализации. Поэтому именно они влияют на формирование высокого уровня экологической культуры в наибольшей степени.

Список литературы

1. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Методики диагностики и коррекции отношения к природе. М., 1995. 147 с.

2. Кочнева О.А., Горлачев В.П. Социоприродное окружение школ как фактор формирования экологической культуры школьника // Вестник Бурятского государственного университета. 2005. № 13. С. 251.

3. Сычёва О.А. Организация проектно–исследовательской деятельности в ходе экологического образования // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. № 21. С. 69-75.

Об авторе

Сычёва Олеся Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Читинский филиал), lesja1979@mail.ru

УДК 378.14

СИСТЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ЖИВОПИСНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ДИЗАЙНЕРОВ

Удалова А.А.

В статье представлены педагогические условия, влияющие на эффективное развитие живописной компетенции у будущих дизайнеров, приведены примеры реализации педагогических условий в образовательном пространстве вуза при подготовке студентов-дизайнеров.

Ключевые слова: педагогические условия, компетентностный подход, художественная компетентность, живописная компетенция, дизайн-образование.

PEDAGOGICAL CONDITIONS SYSTEM FOR DEVELOPMENT OF SCENIC COMPETENCE OF FUTURE DESIGNERS

Udalova A.A.

The article introduces pedagogical conditions which influence the effective development of future designers' scenic competence. There are given examples of pedagogical conditions implementation in the educational environment of the University during training of students-designers.

Keywords: pedagogical conditions, competence approach, artistic competence, scenic competence, design education.

Проблема совершенствования подготовки бакалавра к профессиональной деятельности обусловлена социально-экономическими, политико-образовательными и педагогическими предпосылками. В настоящее время качество профессионального образования связывают с формированием компетенций и компетентности будущего выпускника. В современных исследованиях компетенции ассоциируются с заданными требованиями к образовательной подготовке обучающихся, а компетентность показывает степень их развитости, рассматривается как личностная характеристика обучающегося и проявляется по отношению к определенной профессиональной сфере [2].

Наше исследование направлено на изучение возможностей реализации компетентностного подхода в системе художественной подготовки будущих дизайнеров, а также на исследование процесса развития художественных компетенций, в том числе живописной компетенции. Мы определяем художественную компетентность как важнейший компонент общепрофессиональной компетентности дизайнера, выражающийся в готовности и способности к художественной деятельности как совокупность компетенций, важных для преподавания рисунка, живописи и других художественных дисциплин.

Одной из основных составляющих общепрофессиональных художественных компетенций, которыми должен обладать будущий дизайнер, является владение основами академической живописи, приемами работы с цветом и цветовыми композициями. Актуальным в профессиональной деятельности дизайнера является не столько овладение живописными свойствами цвета, сколько развитое чувство цвета, колористические навыки и цветовая культура. Овладение этими умениями и способностями возможно в процессе изучения курса живописи, поэтому живописная компетенция является важной частью художественной компетентности дизайнера.

Под живописной компетенцией будущего дизайнера мы понимаем наличие ценностного отношения к живописной деятельности, специальных знаний в области живописи, владение цветовыми, объемно-пространственными, техническими и др. живописными умениями и навыками, эстетическим и композиционно-творческим мышлением, профессионально-коммуникативными способностями, определяющими готовность будущего дизайнера творчески решать художественные задачи.

Разрабатывая содержание живописной компетенции, мы опирались на положения методологии художественной деятельности (А.М. Новиков), поскольку овладение данной компетенцией невозможно без приобретения опыта художественной деятельности.

Структура живописной компетенции включает следующие компоненты:

-ценностный (стремление к развитию живописных умений, интерес и мотивация к живописной деятельности),

-познавательный (знания техники и технологии, закономерностей и методов живописи),

-преобразовательный (владение техническими, объемно-пространственными, цветовыми умениями),

-эстетический (эстетическое восприятие и композиционно-творческие умения, индивидуальный стиль),

-коммуникативный (готовность к профессиональной коммуникации, оценка и самооценка) [4].

Таким образом, основная цель - развитие живописной компетенции будущих дизайнеров предполагает решение задач, направленных на формирование компонентов живописной компетенции (ценностного, познавательного, преобразовательного, эстетического и коммуникативного) и достигается при соблюдении определенных педагогических условий.

Современная наука трактует термин «педагогические условия» как совокупность факторов, возможностей образовательной среды, влияющих на успешное решение педагогических задач [5]. В теории и практике педагогики выделяют различные виды педагогических условий: организационно-педагогические (факторы, влияющие на управление процессуальным аспектом педагогической системы), психолого-педагогические (факторы, направленные на преобразование личностных характеристик), дидактические (возможности эффективного решения образовательных задач) [3]. Исследователи отмечают, что необходимыми являются те условия, без которых проблема не может быть решена, но их недостаточно, чтобы решить ее наиболее эффективно. Следовательно, достаточными являются те условия, от которых зависит максимально полное решение поставленной проблемы [1]. Применительно к нашему исследованию, одним из существенных педагогических условий является реализация разработанной методической системы развития живописной компетенции будущих дизайнеров.

Рассмотрим составляющие модели методической системы развития живописной компетенции. В структуру разработанной модели методической системы включены:

-теоретико-методологический блок, определяющий методологические основы развития живописной компетенции дизайнеров (методология художественной деятельности, а так же деятельностный и компетентностный подходы);

- целевой блок, отражающий цель (развитие живописной компетенции будущего дизайнера) и оказывающий влияние на выбор содержания, форм, методов и средств обучения;

- содержательный блок, включающий структуру живописной компетенции (ценностный, познавательный, преобразовательный, эстетический и коммуникативный компоненты);

- технологический блок, в котором представлены этапы (мотивационно-целевой, операционально-деятельностный, креативно-деятельностный и рефлексивно-обобщающий), а также методы, технологии и формы развития живописной компетенции;

- оценочно-результативный блок, определяющий результаты развития живописной компетенции и представленный уровнями достижения мастерства [4].

Использование разработанной методической системы, построенной на компетентностном и деятельностном подходах, а также методологии художественной деятельности является необходимым условием развития живописной компетенции, поскольку предполагает построение, организацию и управление образовательным процессом развития живописной компетенции у будущих дизайнеров.

Кроме этого выделим следующие педагогические условия:

- построение эффективного творческого взаимодействия студентов друг с другом и преподавателем в учебном процессе;

- опору на индивидуальные живописные способности студента.

Построение эффективного творческого взаимодействия выступает важным условием потому, что именно в учебной среде вуза происходит студенческий обмен ценностями, осуществляется коммуникативное взаимодействие студентов и преподавателей. При эффективном творческом взаимодействии обучающихся в условиях учебного процесса, происходит их личностное развитие, выработка индивидуального художественного стиля, формирование интереса и мотивации к художественной деятельности. В нашем исследовании построение эффективного творческого взаимодействия направлено на развитие ценностного, эстетического и коммуникативного компонентов живописной компетенции. Требованиями при реализации данного условия являются создание эмоционально-комфортной, творческой атмосферы в образовательной среде и отношений профес-

сионального доверия преподавателя и студентов, принятие студента как личности, коммуникативное сотрудничество. Реализация данного условия возможна в процессе проведения открытых текущих и итоговых просмотров живописных работ, участия студентов в коллективных обсуждениях результатов живописной деятельности, организации студенческих выставок работ, использование возможностей современных информационных технологий.

Художественные способности характеризуют индивидуально-психологические особенности, отличающие одного индивида от другого, формируются в художественной деятельности на основе природных задатков и предполагают успешное овладение художественными знаниями, умениями и навыками. Важнейшими свойствами живописных способностей являются: чувство цвета и тона, свойства зрительной памяти, эмоционально-эстетическое восприятие, творческое мышление и др. Для будущих дизайнеров в профессиональной деятельности важны, прежде всего, творческое мышление и индивидуальность, способность выразить ее через определенный авторский стиль.

Опора на развитие индивидуальных живописных способностей и склонностей студента при обучении живописи позволяет компенсировать те качества личности, которые могут неблагоприятно отразиться на развитии живописной компетенции будущего дизайнера.

Педагогические условия дидактического профиля включают:

- установление междисциплинарных связей в процессе обучения живописи с другими учебными дисциплинами;

- организацию самостоятельной работы студентов с учетом опыта изобразительной деятельности (уровень базовой живописной подготовки студента).

Изучение многих понятий живописи эффективнее осуществлять при широком привлечении знаний, приобретенных на других дисциплинах художественного цикла. Такие художественные дисциплины, как рисунок, композиция, история искусств дают основы для успешного овладения живописной компетенцией. Интегрирование дисциплин «Академический рисунок» и «Академическая живопись» осуществляется через следующие компоненты содержания обучения: конструкция и форма, перспектива, тон, пластика, пропорции и др. Ведущими понятиями в междисциплинарном синтезе знаний учебных курсов «Основы композиции» и «Декоративная живопись» являются «тема», «идея», «образ», «композиция», «законы композиции», «стилизация» и др. Интегрирование дисциплин «История искусств», «Академическая живопись» и «Декоративная живопись» происходит через знания различных эпох развития искусства, стилей, творчества мастеров и т.д. Связующим звеном в установлении междисциплинарных связей является рабочая программа, включающая такие творческие задания, как «Формальная композиция натюрморта», «Разработка эскиза декоративного панно», «Составление авторского портфолио» и др.

Одним из необходимых факторов эффективного развития живописной компетенции является базовая художественная подготовка студентов. В системе многоуровневого обучения изобразительному искусству основы изобразительной грамоты и первоначальные умения обучающиеся получают в художественной школе, на подготовительных курсах при поступлении в вуз. В общеобразовательных школах активно проводится профессиональная ориентация в области дизайна и художественного образования, создаются классы с углубленным изучением специальных предметов: рисунка, живописи и композиции.

Практика показала, что большинство студентов имеют слабую базовую художественную подготовку при поступлении на 1 курс, не имеют системы теоретических знаний в области живописи и находятся на низком уровне развития живописной компетенции. Низкий уровень довузовской подготовки затрудняет эффективное развитие живописной компетенции студентов-дизайнеров. Успешным решением данной проблемы, по нашему мнению, является организация учебного процесса с учетом индивидуальных способностей и склонностей студентов, а также организация самостоятельной работы, с целью развития необходимых умений и навыков.

Организация самостоятельной работы студента в процессе обучения живописи предполагает:

- сокращение объема передаваемой преподавателем информации;

- готовность преподавателя к реализации инновационных педагогических технологий;

- высокую мотивацию обучающихся к живописной деятельности и развитию компетенции.

Задания для самостоятельной работы в процессе обучения были структурированы по уровням: репродуктивные и творческие. Репродуктивный уровень объединяет задания,

направленные на углубление теоретических знаний, развитие основных умений и навыков работы с инструментами и материалами, развитие техники живописи. К заданиям этого уровня относим изучение специальной литературы по истории искусства и технологии живописи, выполнение упражнений на развитие техники живописи, копирование работ известных мастеров, посещение художественных выставок. Самостоятельная работа творческого уровня направлена на развитие креативных/творческих способностей и выработку индивидуального стиля. Творческий уровень характеризует задания, требующие исследования, реализации художественного замысла, образной трактовки, разработки композиционного решения, а также выбора материалов и технологий, художественных средств. На этом уровне самостоятельная работа представляет собой сбор материала и разработку композиционных эскизов к творческим работам, пленер.

Опыт практической работы позволяет сделать вывод о том, что использование разработанной методической системы является необходимым условием формирования живописной компетенции у будущих дизайнеров, но для более эффективного развития данного вида компетенции необходимо учитывать индивидуальные способности и личностные характеристики студентов, условия творческого развития, организацию самостоятельной работы и установление междисциплинарных связей. Эти позиции рассматривает комплекс достаточных педагогических условий.

Практика показала, что психолого-педагогические условия: построение эффективного творческого взаимодействия в учебном процессе и опора на индивидуальные способности служат достаточными условиями развития живописной компетенции, так как имеют целью развитие системы ценностей и творческого потенциала личности. Дидактические условия: установление межпредметных связей и организация самостоятельной работы имеют целью, прежде всего развитие самостоятельности, познавательных, преобразовательных и коммуникативных навыков и способностей субъектов образовательного процесса. Таким образом, комплекс достаточных педагогических условий дополняет основное необходимое условие (использование методической системы) и способствует наиболее эффективному развитию всех компонентов (ценностного, познавательного, преобразовательного, эстетического и коммуникативного) живописной компетенции у будущих дизайнеров.

Все педагогические условия взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга, так как направлены на повышение живописной компетенции студентов-дизайнеров. Данный комплекс необходимых и достаточных педагогических условий отражает специфику развития живописной компетенции и определяет эффективность ее развития у будущих дизайнеров.

Список литературы

1. Беликов В.А Образование. Деятельность. Личность: монография. М.: Изд. «Академия естествознания», 2010. 339 с.

2. Введенский В.М. Соотношение деятельности и проектной компетентности специалиста / В.М. Введенский, Т.С. Донникова // Наука. Искусство. Культура. 2014. №4. С. 152-161.

3. Ипполитова Н. Анализ понятия «Педагогические условия»: сущность, классификация / Н. Ипполитова, Н. Стерхова // General And Professional Education. 2012. №1. С. 8-14.

4. Удалова А.А. Специфика развития живописной компетенции у будущих дизайнеров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2016. № 3(43). С. 180-187.

5. Хушбахтов А.Х. Терминология «педагогические условия» // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 1020-1022.

Об авторе

Удалова Алла Александровна – старший преподаватель кафедры средового и графического дизайна, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, allaud2006@yandex.ru

УДК 37.013

О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА «КРАСОТА БОЖЬЕГО МИРА»)

Умалатов Т.Н.

В статье обозначены концептуальные основы и механизм реализации социокультурной практики в духовно-нравственном воспитании на примере международного конкурса детского творчества «Красота Божьего мира»; дано определение социокультурной практики как деятельности участника, обеспечивающей его социализацию и направленной на позитивное изменение социума. Предварительные (количественные и качественные) данные, полученные в ходе исследования, позволяют судить о междисциплинарном характере понятия «социокультурная практика»; общественном, культурном и педагогическом значении конкурса.
Ключевые слова: социокультурная практика; личность; духовно-нравственное воспитание; социум; социализация; конкурс.

THE THEORETICAL AND PRACTICAL FOUNDATIONS OF SOCIAL PRACTICES IN SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION (FOR EXAMPLE, THE INTERNATIONAL CHILDREN'S ART CONTEST «THE BEAUTY OF GOD'S WORLD ")

Umalatov T. N.

The article outlines the conceptual framework and mechanism of realization of socio-cultural practice in the spiritually-moral education by the example of the international children's art contest «the beauty of God's world "; definition of social practices as participant, resulting his socialization and positive change in society. Preliminary (quantitative and qualitative) data obtained in the course of the study, provide a glimpse of an interdisciplinary nature of scientific categories "social practice"; social, cultural and pedagogical value of the contest.
Keywords: socio-cultural practices; personality; spiritually-moral education; society; socialization; contest.

Современное общество, столкнувшись с глобальными вызовами, может обеспечить устойчивое противостояние угрозам, имея «человеческий потенциал», способный делать нравственный выбор, осознающий ответственность за свою жизнь, семью, судьбу Отечества и всего человечества, способный взаимодействовать с окружающими людьми и оценивать происходящие в мире события «нравственными измерениями» [2]. Такие ценностно-смысловые ориентиры актуализируют духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения России. Сегодня духовно-нравственное воспитание, определяемое как «деятельность, направленная на формирование ценностно-смысловой сферы личности на основе определенного мировоззрения и соответствующей ему системы морали, культуры и образа жизни» [1, с. 49], стало приоритетным направлением государственной политики в сфере образования. Так, Министр образования и науки Российской Федерации О.Ю. Васильева на встрече со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом отметила, что для нее «самый важный приоритет – это воспитание человека – маленького, потом взрослого, у которого есть нравственный стержень, для которого небезразличны понятия: справедливость, доброта, любовь, уважение к старшим, забота о старших» [3].

Анализ современного состояния педагогической науки и образовательной практики в области духовно-нравственного воспитания выявил противоречие между потребностями российского общества в высоконравственной личности и недостаточной разработанностью в науке и реализацией в практической деятельности механизмов, обеспечивающих эффективное духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Одним из таких механизмов может служить социокультурная практика в сфере художественного творчества детей и подростков. Актуальность и педагогическая целесообразность использования социокультурных практик обусловлена необходимостью духовно-нравственного воспитания в условиях ограниченности стратегии «приобщения к культуре» и экспансии массовой культуры. Социокультурная практика как феномен действительности представляет собой широкий спектр явлений, событий, фактов, выходит за рамки педагогической теории и практики, приобретая междисциплинарный характер, общественное и культурное значение. Это доказывают сведения, полученные в ходе реализации долгосрочного проекта – Международного конкурса детского творчества «Красота Божьего мира».Более два-

дцати лет Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви проводит самый крупный в России церковно-государственный форум – Международные Рождественские образовательные чтения, которые «стали международной трибуной для обсуждения многих насущных вопросов, касающихся духовного просвещения современников и сохранения традиционных нравственных ценностей в жизни людей» [4], – подчеркнул на его открытии Председатель Оргкомитета Чтений, Глава Синодального отдела религиозного образования и катехизации митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий. Ежегодно в Чтениях принимают участие более 17 000 делегатов из России и стран зарубежья. В рамках форума проводится Международный конкурс детского творчества «Красота Божьего мира»(далее – Конкурс).

Концептуальной идеей, связавшей Чтения и Конкурс в единую систему духовно-нравственного просвещения и воспитания на основе православных ценностей, стали слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Все мы желаем изменить мир вокруг себя, сделать его лучше, чище, добрее и справедливее. В Евангелии мы находим совершенно ясное указание, по какому вектору должно быть направлено такое усилие человека, жаждущего преображения окружающей действительности. Этот вектор – Христос. Господь говорит: “Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни” (Ин. 8, 12). Это значит, что мы должны прилагать усилия к тому, чтобы следовать за Христом и устраивать свою жизнь в соответствии с Евангельскими идеалами. Преображая себя, свой внутренний мир, возрастая духовно, мы сможем силой Божественной благодати преобразить и мир вокруг нас» [4].

Эта идея имеет методологические основания (философско-антропологический и аксиологический подходы – Н.А. Бердяев, А.Я. Данилюк, А.Г. Здравомыслов, В.В. Зеньковский, М.С. Каган, А.М. Кондаков, В.П. Тугаринов; психолого-педагогические концепции – В.Г. Алексеев, Б.Г. Ананьев, М.М. Бахтин, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон П.И. и др.; культурологический подход – О.С. Газман, И.Ф. Исаев, Д.С. Лихачев, В.А. Сухомлинский, Е.А. Ямбург и др.; личностно-ориентированный – Ш.А. Амонашвили, Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, И.С. Якиманская и др.), позволившее теоретически обосновать и подтвердить практически положение о конкурсе как социокультурной практике в духовно-нравственном воспитании.

Приведенный нами анализ показал, что категория «социокультурная практика» широко представлена в социологии, философии, истории, политологии, медицине и интерпретируется как форма проявления и реализации социальных интересов; а также как социальная коммуникация; деятельность социальных институтов; технология (действие), модель социального поведения человека.

Анализ этих и иных интерпретаций позволил сделать вывод о междисциплинарном характере данного понятия и неоднозначности его трактовки. В обобщенном виде оно употребляется в «широком» и «узком» смысле. В «широком» смысле под социокультурной практикой понимают социальное явление, обусловленное деятельностным аспектом, заключающееся в преобразовании культурного содержания, сконцентрированного в форме опыта, моделировании новой реальности и расширении существующей. В таком контексте социокультурные практики распространены в различных сферах общественных отношений (экономика, политика, культура, образование, спорт и т.д.). В «узком смысле» понятие «социокультурная практика» употребляется как традиция, социально значимая инновация или услуга. В педагогике понятие «социокультурная практика» имеет разные толкования и представлено в деятельностном аспекте.

Анализ существующих дефиниций «социокультурная практика» позволил нам сформулировать данное понятие как педагогически организованную, целенаправленную и сознательную деятельность обучающегося, выражающую ценностное отношение к миру, являющуюся, с одной стороны, результатом его духовно-нравственного развития и социализации, с другой – позитивного изменения социума.

Выступая в качестве модели духовно-нравственного развития и воспитания, социокультурная практика включает в себя субъекты (обучающиеся, педагоги, окружающие люди) и объекты (природа, предметная среда, социальные отношения). Условием, обеспечивающим ее эффективность, выступает целенаправленная социальная и педагогическая деятельность.

Социокультурная практика как вид деятельности имеет два сущностных признака-ориентира: внутренний и внешний. Внутренний – личностный, представлен единством когнитивной, аксиологической, эмоционально-волевой, деятельностной и рефлексивной составляющих,

обеспечивающих преобразование субъекта социокультурной практики. Критерием анализа «внутренней» сферы практики является нравственно-благое усилие воли, заключенное в моральном действии личности и выраженное благородной лексикой красивого поступка.

Внешний – социальный ориентир отражает ценностное отношение человека к другим людям, миру и направленное на эстетическое преобразование окружающей человека действительности – культурно-образовательной среды. Эквивалентом такого отношения выступает материально-предметная деятельность. Важным условием эффективности социокультурной практики выступает партнерство социальных институтов, обеспечивающее единство целеполагания и консолидированное участие в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения. В данном случае речь идет об органах государственной власти, Русской Православной Церкви, семье, школе, институтах культуры (музей, выставочный зал, галерея и т.д), общественных организациях и др.

В процессе социокультурной практики будут происходить качественные изменения в следующих структурных элементах личности ее участников: **когнитивный** (система знаний как основа мировоззрения), **аксиологический** (жизненные смыслы и ценности), **эмоционально-волевой** (мотивы и эмоции, обеспечивающие созидательную, эмоционально окрашенную деятельность), **деятельностный** (регуляция своего поведения, опыт художественного творчества), **рефлексивный** (осмысление и анализ собственных действий, ориентация на выбор индивидуального пути развития).

Международный конкурс детского творчества «Красота Божьего мира» в области изобразительного искусства представляет собой совокупность социокультурных практик. Конкурс проводится в два этапа. В нем могут принимать участие обучающиеся из организаций всех уровней образования России и стран зарубежья в возрасте от 8 до 17 лет.

Жюри конкурса возглавляет Председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий. В жюри конкурса, наряду с сотрудниками Синодального отдела религиозного образования и катехизации РПЦ, входят члены Российской академии художеств, Союза художников России, видные деятели искусств, педагоги. Обязательные номинации конкурса составляют:

1. **«Основная тематика».**Данная тематика достаточно широка («Рождество Христово», «Библейские сюжеты», «Мир духовный и мир земной», «Христос и Церковь», «Любимый храм», «Красота родной природы», «Мой дом, моя деревня, мой город», «Моя семья и друзья») и предполагает участие трех возрастных групп: дети до 8 лет; подростки 9-12 лет; старшие подростки, юношество13-17 лет.

2. **«Православная икона».**В номинации принимаются работы учащихся 13-17 лет иконописных школ или мастерских, выполненные с соблюдением канонов православной иконописи.

3. **«Роспись по фарфору».**В силу своей специфики номинация предполагает участие преимущественно учащихся 13-17 лет из профессиональных (художественных) учебных заведений. У них есть возможность проявить свое творчество в разнообразной тематике («Монастыри Москвы», «Утраченная Москва», «Московские древности», «Неизвестная архитектура Москвы», «Москва во времена Рюриковичей», «Москва во времена Романовых», «Белокаменный Кремль», «Храмы Москвы», «Замоскворечье», «Московские святители»).

Общая тематика Конкурса определяется памятными в истории страны и Православия датами. Например, Отечественная война 1812 года, четырехсотлетие Дома Романовых, семисотлетие преподобного Сергия Радонежского, тысячелетие преставления равноапостольного князя Владимира.

Важно то, что созданию детской конкурсной работы в большинстве случаев предшествует процесс изучения истории родного края, Священного писания, истории взаимодействия Русской Православной Церкви и государства. В процесс создания рисунка вовлекается не только сам автор работы, но и окружающие его люди: педагог, родители, друзья, одноклассники. Через ребенка происходит преобразование, в форме катехизации, того социума, в котором он находится и с которым он взаимодействует.

Условием проведения Конкурса является заранее запланированный приезд победителей Конкурса на церемонию награждения. Значительное влияние на формирование личности оказывает фон группы, коллектива, его творческая атмосфера, создание которой – такая же

важная педагогическая задача, как и задача формирования личностных качеств.

Во время пребывания победителей в Москве для них специально организуется культурно-образовательная среда для творчества и общения. Участники Конкурса на семь дней превращаются в единую разновозрастную и многонациональную семью. Это позволяет им освоить новые для себя социальные роли, обменяться впечатлениями, расширить кругозор, испытать позитивные эмоции от эстетического переживания и др. Коммуникативные связи, установленные в ходе практико-ориентированной деятельности, способствуют накоплению и трансляции опыта художественного творчества от человека к человеку, от поколения к поколению.

Награждение победителей первого этапа Конкурса проводится в епархиях Русской Православной Церкви. Награждение победителей второго этапа Конкурса проводится в Москве во время Международных Рождественских образовательных чтений. За первые места призёры награждаются Патриаршими грамотами, за остальные – грамотами Председателя Синодального отдела религиозного образования и катехизации. Также победители награждаются ценными призами. Так, например, в 2014 году награждение победителей проходило в Государственном Кремлевском Дворце в рамках церемонии открытия XXII Международных Рождественских образовательных чтений, награды победителям вручал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и Министр образования и науки Российской Федерации Д. В. Ливанов.

Педагогическое сопровождение участников социокультурной практики на этом не заканчивается. Для победителей Конкурса разрабатывается специальная экскурсионная программа по Москве и Санкт-Петербургу. Дети посещают крупнейшие музеи страны, такие, как: «Московский Кремль», «Оружейная палата Московского Кремля», «Алмазный фонд», «Свято-Троицкая Сергиева Лавра», «Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина», «Музей – заповедник «Царицыно», «Государственная Третьяковская Галерея», «Государственный Исторический Музей», «Музей истории Москвы», «Музей-панорама «Бородинская битва», «Музей «Палаты бояр Романовых», «Покровский ставропигиальный женский монастырь». А в Санкт-Петербурге «Зимний дворец –музей Эрмитаж», «Государственный музей-заповедник «Петергоф», «Государственный музей-заповедник «Павловск», «Храм Спаса-на-крови в Санкт-Петербурге», «Музейный комплекс «Исаакиевский собор», «Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра». Во всех музейных комплексах специально для участников Конкурса разрабатываются экскурсии, обеспечивающие расширение кругозора, культурологическое и православное просвещение, изучение истории выстраивания отношений Русской Православной Церкви и Российского государства. Для сопровождающих детей родителей и педагогов также разрабатываются экскурсии, во время которых прослеживается духовная, культурная и социальная преемственность поколений.

Важным условием Конкурса как педагогической системы являются обучающие мастер-классы. Например, для победителей проводятся занятия по акварели совместно с «Московской специализированной школой акварели Сергея Андрияки и с музейно-выставочным комплексом». На занятиях ребята, осваивая технику многослойной акварели, совершенствуют навыки в области изобразительного искусства.Посещая учебные классы и музейно-выставочный комплекс, где представлены работы педагогов и учеников – выпускников школы, они погружаются в специально спроектированную культурно-образовательную (творческую) среду. В Санкт-Петербурге такой мастер-класс ежегодно проводится на старейшем в Европе, первом и одном из крупнейших в России предприятии по производству художественных фарфоровых изделий – Императорском фарфоровом заводе. Здесь ребята активно и эмоционально насыщенно взаимодействуя друг с другом и специалистами – знаменитыми художниками, приобретают навыки росписи по фарфору. Также для них организуются экскурсии по цехам предприятия.

Опредмеченным результатом социокультурных практик, составляющих суть Конкурса, становятся работы его участников. Они наполнены одухотворенностью, эстетикой, индивидуальностью, представляют во всей полноте красоту Божьего мира, широко транслируют эмоционально-ценностное отношение вовне, дополняя и созидательно преобразуя культурно-образовательную среду.

По итогам Конкурса проводятся выставки детских работ, которых за десять лет было организовано более тридцати. Они проходили в Государственном Кремлевском Дворце, в Московском Манеже, в Зале Церковных Соборов комплекса Храма Христа Спасителя, в Рос-

сийской государственной библиотеке, в Московской городской Думе, в Московской специализированной школе акварели Сергея Андрияки с музейно-выставочным комплексом, под открытым небом на Цветном бульваре г. Москвы, в Министерстве образовании и науки Российской Федерации. Выставка побывала в таких городах, как Владивосток, Нижний Новгород, Краснодар, Оренбург, Уфа, Красноярск, и других регионах России. Выставки посетили около 500 000 человек. Начиная с 2011 года, совместно с Комитетом рекламы, информации и оформления города Москвы к Рождеству и Новому году Столица ежегодно украшается работами победителей и участников Конкурса. Такое доверие и уважение к участникам Конкурса со стороны различных социальных институтов является свидетельством его важности в деле духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения.

Работы участников Конкурса легли в основу анимационных фильмов, ставших впоследствии победителями кинофестивалей:

1. Фестиваль православных фильмов «Покров» (г. Киев, Украина, 2011 год–диплом участника финала кинофестиваля).

2. Всероссийский кинофестиваль короткометражных фильмов «Семья России» (2011 год – грамота Министра культуры Российской Федерации за победу на VIII всероссийском кинофестиваль короткометражных фильмов «Семья России» в городе Санкт-Петербурге)

3. Международный фестиваль кино- и телепрограмм «Радонеж» (2012 год –диплом участника финала кинофестиваля);

4. Всероссийский кинофестиваль короткометражных фильмов «Семья России» (2012 год – грамота Министра культуры Российской Федерации за победу на IX всероссийском кинофестивале короткометражных фильмов «Семья России» в номинации «Яркий образ детства», город Иркутск);

5. IX Международный благотворительный кинофестиваль «Лучезарный ангел» (2012 год – диплом и статуэтка «Лучезарный ангел» за первое место в номинации «Детское жюри»).

Ежегодно по итогам Конкурса выпускается каталог детских рисунков(тираж 2 000 экземпляров), куда входят сто лучших работ победителей и участников Конкурса. Данный каталог получают представители регионов, чьи дети приняли участие в Конкурсе.

Наиболее значительными внешними эффектами Конкурса, выражающими его социально преобразующую сущность и профессионально-общественное признание, также стали:

1. Рождественская выставка детских работ на Цветном бульваре города Москвы, организованная в 2010 – 2011 гг. совместно с Комитетом рекламы.

2. Финансовая поддержка, полученная в 2011 году в виде гранта конкурса «Православная инициатива – 2011» на реализацию сетевого проекта «Красота Божьего мира для православных приютов». Его апробация прошла на территории Московской, Санкт- Петербургской и Ладожской, Новгородской и Арзамасской епархий.

3. Мастер-класс для победителей конкурса, впервые проведенный в 2011 году совместно с Императорским фарфоровым заводом и впоследствии ставший традиционным.

4. Фотовыставка под открытым небом «Красота Божьего мира», организованная совместно с Правительством Москвы в рамках Дней славянской письменности и культуры в сентябре-октябре 2012 года.

5. Финансовая поддержка, полученная в 2013 году в виде гранта конкурса «Православная инициатива-2013» на реализацию совместного с Санкт-Петербургской метрополией сетевого проекта «Красота Божьего мира для кадетских, нахимовских и суворовских военных училищ». Его апробация прошла на территории Санкт-Петербургской, Калининградской, Московской епархий с участием ребят из города Джанкой (Украина).

6. Выставка победителей конкурса детского рисунка и творческих работ, посвященная 73-й годовщине начала Великой Отечественной войны «Живи и помни», организованная совместно с ЦМ ВОВ 1941-1945 гг. на Поклонной горе.

7. Присуждениев ноябре 2012 года Знака качества «Лучшее – детям».

8. Победа в 2013 году во «Всероссийском конкурсе в области педагогики, воспитания и работы с детьми и молодёжью до 20 лет «За нравственный подвиг учителя» по г. Москве.

Анализ статистических данных указывает на позитивную динамику Конкурса, выраженную в следующих количественных показателях:

- расширилась география конкурса (с 31 епархии в 2005 г. до 153 в 2015 г.; увеличилось представительство стран-участниц);

- увеличилось число участников (с 253 человек в 2005 г. до 368 в 2015 г.)и социальных партнеров (с 3 до 12).

Научно обоснованная педагогическая деятельность по духовно-нравственному воспитанию

личности в качестве необходимого этапа включает мониторинговые исследования.

Качественным показателем эффективности Конкурса явились личностные и метапредметные результаты («приращения») его участников, выраженные в позитивных изменениях элементов (когнитивный, аксиологический, эмоционально-волевой, деятельностный, рефлексивный) в структуре личности субъектов духовно-нравственного воспитания. Для изучения личностных «приращений» участников социокультурых практик нами использовались адаптированный вариант методики М. Рокича по изучению ценностных ориентаций воспитанников, опрос, наблюдение, методика незаконченного предложения, анализ высказываний и сочинений участников конкурса «Красота Божьего мира».

По результатам мониторинговых исследований все дети были распределены по трём уровням сформированности личностных и метапредметных результатов (табл. 1).

Таблица 1

Уровни сформированности личностных и метапредметных результатовучастников социальных практик, проводимых в рамках конкурса «Красота Божьего мира» (по результатам мониторинговых исследований)

уровень	количество учащихся (в %)	
	контрольная группа (104 участника)	экспериментальная группа (103 участника)
низкий	22	17
средний	57	63
высокий	21	20
Итого	100	100

Полученные данные были обработаны с целью выявления статистической значимости развития уровней сформированности личностных и метапредметных результатов. Разница в уровнях сформированности личностных и метапредметных результатов у участников контрольной и экспериментальной групп статистически незначительная. Этот вывод был сделан с помощью следующих расчетов по формуле:

$$n\ (cp) = (n_1N_1 + n_2N_2 + n_3N_3)/N$$

где n_i – численное значение уровня сформированности; N_i – количество участников соответствующего уровня (1 – низкий уровень, 2 – средний, 3 – высокий); N – общее количество участников.

Получены следующие результаты: в экспериментальной группе среднее значение составило 46,6, в контрольной – 41,6, т.е. разница составляет 5%.

Так, увеличилось количество детей и подростков, у которых:

- расширилось мировоззрение в части представлений о самих себе, социуме, нормах, его регламентирующих и отраженных в сознании в виде нравственных категорий православия («благо», «добро», «зло», «истина», «долг», «совесть», «справедливость» и др.);
- сформированы (усовершенствованы) умения добывать, перерабатывать (конспектировать, реферировать, аннотировать), интерпретировать, адекватно оценивать и публично представлять информацию, в том числе, и в различных аспектах православной культуры;
- сформировано эмоционально-ценностное отношение к людям, объектам духовной и материальной культуры, выраженное в принятии, сопереживании, милосердии, бережливости, ответственности и т.д.;
- проявляется побуждение активно участвовать в собственной жизни и жизни социума, преобразовывая себя и окружающую социальную действительность на основе православных ценностей средствами художественного творчества;
- развиваются способности осознанного и самостоятельного целеполагания, планирования, предвидения социальных и нравственных последствий собственной деятельности;
- приобретен опыт эмоционально-насыщенного творческого переживания, нравственного поведения в новых социальных условиях, созидательной личностно и социально ориентированной деятельности, творческого общения.

Предварительные (количественные и качественные) данные, полученные в ходе исследования, позволяют судить об эффективности социокультурной практики в духовно-нравственном воспитании на примере Международного конкурса детского творчества «Красота Божьего мира». Международный конкурс детского творчества «Красота Божьего мира» как социокультурная практика является массовым, культурным, инновационным, бюджетным, долгосрочным, мультифункциональным мегапроектом. Представленная социокультурная практика способствует духовно-нравственному воспитанию и социализации личности, качественным изменениям культурно-образовательной среды и имеет ярко выраженные (внутренние и внешние) эффекты. Профессиональное и общественное признание, культурное и педагогическое значение Конкурса является тому подтверждением.

Список литературы

1. Духовно-нравственное воспитание: вопросы теории, методологии и практики в российской школе / Метлик И.В., Галицкая И.А., Ситников А.В. / Под ред. д.п.н. И.В. Метлика. – М.: ПРОПРЕСС, 2012. 264 с.
2. [Электронный ресурс]. URL: https://pravobraz.ru (дата обращения: 07.07.2016).
3. [Электронный ресурс]. URL: https://pravobraz.ru (дата обращения: 31.08.2016).
4. [Электронный ресурс]. URL: https://pravobraz.ru (дата обращения: 02.09.2015)

Об авторе

Умалатов Тимирланд Нурутдинович – заведующий Сектором мероприятий и конкурсов, синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, г. Москва, t7379702@yandex.ru

УДК 159.9+316.6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ У ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Ядвиршис Л.А.

В статье обосновываются принципы, направления и содержание подготовки будущих педагогов к предупреждению социальной депривации у детей, оставшихся без попечения родителей.
Ключевые слова: социализация детей-сирот; предупреждение социальной депривации у детей, оставшихся без попечения родителей; профессиональная подготовка студентов-будущих социальных педагогов.

ACTUAL PROBLEMS OF VOCATIONAL TRAINING OF FUTURE TEACHERS TO THE PREVENTION OF A SOCIAL DEPRIVATION AT CHILDREN, WITHOUT PARENTAL SUPPORT

Yadvirshis L.A.

The principles, the directions and content of training of future teachers for the prevention of a social deprivation at children without parental support are proved in article.
Keywords: socialization of orphans; prevention of social deprivation in children left without parental care; professional training of students-future social educators.

В каждом обществе на любом этапе его развития имеется определенное число детей, о которых не заботятся родители. В таких случаях задача государства заключается в обеспечении этих детей компенсирующей социальной заботой. В современном обществе таких детей пока довольно много. Абсолютное большинство из них - социальные сироты, т.е. имеющие родителей, которые по разным причинам не занимаются их воспитанием. Поэтому роль социального педагога по оказанию им социально-педагогической помощи особенно важна.

Чтобы определить содержание профессиональной подготовки специалистов по охране и защите прав детей, оставшихся без попечения родителей, и подготовке их к самостоятельной жизни в обществе, необходимо выявить специфику социально-личностных нарушений детей, оставшихся без попечения родителей, и проанализировать факторы, влияющие на процесс социализации этой категории детей. Отсюда вытекает содержание социально-педагогической деятельности по повышению качества социальной жизни и ориентации в обществе этих детей. Цель ее можно определить как создание условий для личностной самореализации детей, удовлетворения их потребностей с помощью социальных, правовых, педагогических, психологических, медицинских механизмов предупреждения и преодоления негативных явлений в школе, специализированном учреждении, замещающей семье и других сферах общества.

Обзор специальной литературы и наш собственный опыт позволили выделить принципы социально-педагогической деятельности, обеспечивающие ее эффективность по социализации детей, оставшихся без попечения родителей:

- гуманистическая направленность положительного отношения к ребенку-сироте, способность понять и принять его таким, какой он есть;
- опора на социально ориентированные знания о наличии у детей, оставшихся без попечения родителей, опыта и возможностей противостоять динамичным общественным изменениям, опасностям, нестандартным ситуациям;
- широкое взаимодействие всех субъектов социализации и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, для решения их проблем и снижения у них чувства неуверенности и незащищенности;
- преимущественно превентивный характер социально-педагогической деятельности с детьми, т.к. легче предупредить нарушения социального и личностного развития детей, оставшихся без попечения родителей, чем их исправить [1].

Специальные исследования показывают, что у этой категории детей не сформированы способности самостоятельно определять цели собственной жизни, способы их реализации, у них существенно снижены цели образования и адаптационные возможности к стремительно меняющимся условиям жизни, отмечается отставание в формировании представлений о перспективах личностного развития [2, 3].

Эта ситуация свидетельствует о том, что факторы нарушения личностного развития в значительной мере являются источниками социальной депривации детей, оставшихся без попечения родителей. Социальная депривация - это такая жизненная ситуация ребенка, при которой снижена или отсутствует возможность удовлетворения важных социальных потребностей в течение длительного времени. Социальная депривация снижает возможности детей в самореализации и усвоении социальных ролей, что, безусловно, ограничивает ребенка, живущего вне семьи, в его развитии. К социальной депривации детей приводят различные длительные ограничения, отсутствие родителей и полноценной семьи, изоляция из-за болезни, одиночество, безнадзорность и беспризорность, социальная запущенность детей и другие факторы.

Увеличение числа детей, оставшихся без попечения родителей, повышает ответственность государства в обеспечении таких детей специализированной социально-педагогической помощью. Это объективно повышает роль социального педагога по организации полноценной социально-педагогической деятельности в специализированных учреждениях для детей, оставшихся без попечения родителей.

Отмеченные тенденции объективно обуславливают пересмотр структуры и содержания профессиональной подготовки в вузах будущих педагогов к предупреждению социальной депривации у детей, оставшихся без попечения родителей. Мы определили ряд направлений совершенствования профессиональной подготовки будущих социальных педагогов в вузе к работе детьми, оставшимися без попечения родителей:

- подготовка будущих специалистов к информированию детей, оставшихся без родителей, о все более расширяющихся возможностях современного общества и микросреды, которая их непосредственно окружает;
- разработка студентами программ и мер по формированию у детей, живущих без родителей, объективных представлений о своих возможностях, достижениях и недостатках;
- подготовка студентов к выработке у детей, оставшихся без попечения родителей, установки на преодоление возникающих личностных и социальных проблем.

Эти направления были положены нами в основу профессиональной подготовки будущих социальных педагогов к работе с этой категорией детей. В процессе обучения студенты знакомятся и с другими категориями депривированных детей, так как проблемы нарушения социализации, существующие у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, присущи также детям из неблагополучных семей. Многие нарушения личностного и социального развития этой категории детей аналогичны признакам социальной депривации у подростков, живущих вне семьи. Исходя из этого, с подростками, прошедшими «школу» неблагополучной семейной жизни, социальный педагог должен проводить работу по формированию объективных представлений о семейной жизни, о социальных взаимоотношениях людей, включать их в позитивные межличностные отношения. Эти сведения принципиально важны при разработке содержания подготовки студентов к работе с различными категориями детей, имеющих нарушения социализации.

Важным условием предупреждения и преодоления социальной депривации у детей является профессиональный уровень социальных педагогов, их умение выявлять и вовремя приостанавливать депривацию, по возможности устранять факторы, ее вызывающие, определять индивидуальные формы социально-педагогической деятельности с каждым депривированным ребенком. Необходимость решения этих проблем ставят студентов перед необходимостью приобретать специальные знания в области социальной педагогики.

В сложившихся условиях компетентный социальный педагог должен владеть стратегией и тактикой профессионального поведения, обладать общими и прикладными профессиональными компетенциями по преодолению социальной депривации детей, оставшимся без попечения родителей. В то же время учеными общепризнано, что недостаточное освоение современных психолого-педагогических знаний и выработки прикладных умений приводит к профессиональной несостоятельности и некомпетентности многих социальных педагогов [2; 3; 4].

На основе учета специфики вышеизложенных тенденций социальной депривации в детском возрасте нами обоснована система подготовки будущих социальных педагогов к работе с детьми, имеющими личностные и поведенческие нарушения по причине депривации. Мы разработали и ввели в содержание профессиональной подготовки будущих социальных педагогов к работе с детьми, оставшимися без родительской заботы, следующие специализированные дисциплины: «Социальная педагогика», «Специфика

работы с детьми- сиротами и детьми, лишенными родительского попечительства», «Социальная депривация в детском возрасте». Эти дисциплины позволяют студентам изучать особенности работы с разными категориями детей с ярко выраженной социальной депривацией. В содержание практических занятий включено изучение опыта работы специалистов с детьми, оставшимися без попечения родителей, решение психолого-педагогических задач, посещение специализированных учреждений с целью наблюдения за депривированными детьми.

В процессе изучения студентами специфики социально-педагогической деятельности с детьми-сиротами и детьми, лишенными родительского попечительства, принимаются во внимание следующие факторы:

- социальная депривация детей – явление многофакторное, причины ее возникновения содержатся не только в ситуации отсутствия у них семьи, но могут возникать и в результате чрезмерного увлечения интернетом, непринятия отдельных детей одноклассниками и др.;

- социальная депривация часто проявляется у детей из неблагополучных семей, которые в течение длительного времени также могут быть лишены родительского внимания и заботы.

Отсюда следует, что обучение студентов в вузах должно основываться на дифференцированном подходе к будущей профессиональной деятельности с разными категориями депривированных детей. При разработке программы обучения студентов-будущих социальных педагогов мы опирались на теоретические положения академика В.А. Сластенина о том, что педагогическая деятельность может рассматриваться как непрерывный процесс решения задач различных классов, типов и уровней. Эта точка зрения явилась базовой для обучения студентов работе с детьми, оставшимися без попечения родителей, на основе задачного принципа изучения учебного материала [4].

Наряду с теоретическими знаниями, мы предоставляли будущим социальным педагогам возможность наблюдать разнообразные проявления социальной депривации у детей в процессе практики, изучать и разрешать их в процессе решения социально-педагогических задач, формировать у будущих социальных педагогов такие профессиональные компетенции, которые позволили бы им в дальнейшем дифференцировать профессиональную деятельность в зависимости от специфики социальной депривации у детей (ОПК-5, ОПК-6, ОПК-10, ПКСП-1, ПКСП-2).

Анализ результатов профессиональной подготовки студентов к предупреждению социальной депривации у детей, оставшихся без попечения родителей, позволил нам уточнить содержание социально-педагогической деятельности с ними, что способствовало повышению эффективности этой подготовки.

Список литературы

1. Замещающая семья: правовые основы, содержание и технологии работы: Методическое пособие для специалистов по работе с семьей / под ред. Л.А. Ядвиршис. Брянск, «Ладомир», 2008. 114 с.
2. Маликов Л. В. Эмоциональное развитие подростков, воспитывающихся вне семьи: монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2000. 142 с.
3. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. СПб.: Питер, 2004. 400 с.
4. Сластенин В.А. М., Издательский Дом Магистр-Пресс, 2000. 488 с.

Об авторе

Ядвиршис Людмила Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии детства, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, lyudanyad@yandex.ru

Правила предоставления рукописей.

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим группам научных специальностей:

07.00.00 – исторические науки и археология;**10.01.00** – литературоведение;**10.02.00** – языкознание;**13.00.00** – педагогические науки. Статьи формируются редакционной коллегией и предоставляются в редакционно-издательский отдел для верстки.

Требования к структуре статей

Статья формируется из отдельных структурных составляющих в следующей последовательности:

1) первая строка: номер УДК;
2) вторая строка: название статьи;
3) пропустив одну строку: фамилия и инициалы авторов;
4) пропустив одну строку: аннотация на русском языке;
5) ключевые слова;
6) пропустив одну строку: основной текст статьи с иллюстрациями и таблицами;
7) пропустив одну строку: аннотация на английском языке («Annotation»);
8) ключевые слова на английском языке («Keywords»);
9) пропустив одну строку: список литературы;
10) пропустив одну строку: сведения об авторах.

Статьи представляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи. Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы.

Перед названием статьи необходимо указать УДК (слева). Название статьи оформляется прописными буквами, жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через один интервал указать фамилии и инициалы авторов жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через один интервал располагается аннотация статьи на русском языке, которая должна не превышать 1200 знаков (с пробелами). В конце аннотации необходимо указать ключевые слова (7 – 12). Далее через один интервал располагается основной текст статьи с иллюстрациями и таблицами (12 pt).

Пропустив одну строку указывается аннотация и ключевые слова на английском языке. Пропустив одну строку располагается список литературы и ниже через один интервал необходимо указать адрес места работы, e-mail автора (соавторов) – обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по центру.

В список литературы включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется либо в порядке цитирования, либо в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках. Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов. Подписи к рисункам, таблицам – шрифт TimesNewRoman (обычный), 12 pt, межстрочный интервал – одинарный.

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Рисунки, выполненные карандашом, не принимаются. Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи.

К статьям, направляемым в редколлегии серий, должна быть приложена авторская справка: фамилия, имя, отчество, научная степень, ученое звание, место работы, должность, точный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail.

К статьям, выполненными аспирантами или соискателями научной степени кандидата наук, необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте Журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58 **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru.

Вестник Брянского государственного университета

№1 (31) 2017

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук, профессор
Степченко Т. А.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 21.03.2017.
Дата выхода журнала в свет: 31.03.2017.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 50,00. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**